1
VIII

d8

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

17094

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

т 182

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CLXXXII.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)
1869

ЗАПИСКИ

ОТДѢЛЕНІЯ

ЖУРНАЛЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО, РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ CLXXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Невскій пр. № 88).

1909

НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ
И
НЕСЧАСТІЯ.

(*Часть первая*).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Русская народная пословица говоритъ: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся». Въ этой пословицѣ вѣковая народная практическая наблюдательность съумѣла отыскать въ своей жизни двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми; оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми — внѣ человѣческой возможности и всегда неизбѣжно кончается побѣдою на противной сторонѣ. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется голомъ — успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другаго врага, также наталкивающаго на несчастія, и также запирающаго въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя: видитъ онъ въ немъ какого-то злаго духа, котораго называетъ и судьбою, и несчастіемъ: судьбою — отъ которой не уйдешь и не отчураешься, несчастіемъ — котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ — по меткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, это отчаяніе неувѣренности въ собственныя силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпла въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастіемъ, приписывается вліянію злобной силы судьбы. Вездѣ они, оба вида всеувлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди, и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исканіе

иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности («благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ» и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участіе соблазна («не родится воръ, а умираетъ»), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина («нужда лиха и голодъ не тётка, а голодный и архіерей украдетъ»). Въ общемъ же итогѣ преступленіе — несчастіе, преступникъ — несчастный: вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ народъ нашъ при личной практикѣ и дозналъ изъ собственныхъ наблюденій. Воры не родомъ ведутся, а кого чортъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ: преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе — столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайняя степень возможности, и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ; бѣжавшій отъ наказанія съ каторги, получаетъ готовый притонъ и готовую хлѣбъ-соль, и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждаго воза непремѣнно возьметъ грошъ, на дешовое приглашеніе свое: «давайте кàту плàту», и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и воспроизведены въ образъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ, преступника (впервые натолкнувшагося на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слёзъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): «батюшко нашъ царь, проститъ насъ, слѣпыхъ людей,— и помилуетъ».

Намѣреваясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизующими Сибирь, мы въ теченіе работы нашей будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, на сколько народная «судьба» осуществима въ прирожденныхъ физіологическихъ и физическихъ свойствахъ природы человѣка, и на сколько то, что народъ признаетъ и называетъ «несчастіемъ», есть не что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ

насъ изученіемъ того и другаго во время знакомства съ Сибирью,— мы въ настоящемъ случаѣ поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая «судьба», а около настоящей судьбы этого человѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода «несчастія». Герой этотъ служитъ прототипомъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ; въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастія жизни, которыя въ одно и то же время успѣли сдѣлать его и закоснѣлымъ злодѣемъ, и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки по Сибири; разсказами объ немъ живутъ каторжныя тюрьмы; память его—съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему — Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежалъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами, и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились въ достаточной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжьяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелили даже черезъ край. Изъ бродяги — непосѣдливаго и неугомоннаго искателя воли и доли, надежнѣе обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездолье каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній, — изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и во всякомъ случаѣ исправимаго типа, — въ Кореневѣ выразился настоящій варнакъ: настоящій злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ вліяніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ; онъ — воспитанникъ Сибири, и цѣликомъ принадлежитъ ей; онъ — сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ грамотамъ, но по старымъ памятямъ, до сихъ поръ неутратившимъ правдиваго смысла и значенія своего).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ «судьба», какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная, въ банкъ поставилъ Кореневъ свое человѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣй-

шемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго влачили свое утлое, житейское, плохо-сколоченное суденко, между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянских кошекъ и собакъ и ободранныя шкурки перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по конным торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго города Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ пріучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ — сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію отца своего, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества, но судьба, помимо его собственной воли, могла натоптать ему только ту дорогу, которую проторила она для отца его. Кореневъ непремѣнно сдѣлался бы приказнымъ, и если при рожденіи получилъ онъ — по Галлю, головной мозгъ, съ болѣе развитыми передними частями и — по Штурцгейму, пріобрѣлъ бугорокъ «пріобрѣтенія богатствъ» увеличеннымъ насчетъ другихъ, и въ то же время снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ-вмѣстилищемъ «преступныхъ желаній и стремленій»,—будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавидномъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй, и ссыльнымъ субъектомъ на три статьи: неизбѣжно болѣлъ бы онъ мздоимствомъ — этою, крайне-застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзнію, но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человѣкъ въ годъ; 48 человѣкъ въ десять лѣтъ (съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ «подлогами по службѣ», но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и слѣдомъ за другими ссыльными подъячими уйдти въ Сибирь за кляузничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ его мастерствомъ приготовлять фальшивыя ассигнаціи и монеты, и вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку, именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ такихъ, за которыя преимущественно ссылаются въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для

азартной игры съ Кореневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные пріемы:

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ (разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его). Ребята не поладили: стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ — Глыздой мы его звали — со мной снялся. Досадилъ онъ мнѣ крѣпко. Я ему: «отстань, отвяжись», а онъ пуще ко мнѣ. Не въ терпёжъ мнѣ это стало: взялъ я, да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ — онъ такъ и сѣлъ, словно снопъ, и захрапѣлъ, кабыть пьяной. Ребятишки всѣ — въ брызги: кто куда. Я — надъ нимъ, да и вздумалъ: сгребъ въ охапку, стащилъ въ закоулокъ, сложилъ между бревнами; а самъ и бѣжалъ: не домой, а въ лѣсъ. Дома: отецъ сердитый — пьяной, со своей лаптой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слыхали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинетъ-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кишатъ эти лѣса, что̀ мошкой, всякимъ сбродомъ, вольнымъ и гулящимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо. Вотъ съ чего я свою жизнь началъ. Грамотѣ меня батько успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ: стало-быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошелъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго: послѣ выучился такъ, что живалъ въ лѣсахъ по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣто меня и проняли: вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошелъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ, да ранній, въ деревню иду — потрухиваю: не зазнали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила: «ты, говоритъ, паренекъ, не коня ли своего ищешь?» — Коня, молъ, ищу. — «Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденыхъ лошадей находить: не ты, первой, ищешь». Зазвала меня въ избу, не стала разспрашивать, стала сама разсказывать:

— У насъ подзаводской народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь — за ночь одну перекрасятъ такъ, что самъ хозяинъ съ какой стороны ни зайдетъ — не признаетъ живота своего. Развели баловство такое, что удержу нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста по два рублей на годъ кладутъ.

Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

— Жить стало не можно: разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропалъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся

къ ней въ окно. Она прислушалась: кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: «ищите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду въ прорубяхъ около огорода Михайла Козлова». Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коли: никого не нашли. Пошли на прудъ, нашли мертвое тѣло — онъ самой. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна; снятъ капотъ съ рукъ; имъ обверчена голова и завязана на шеѣ лычной веревкой, въ палецъ толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Синяки на спинѣ и на бокахъ...

«Она сказываетъ, а я ужь смекнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужь мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили, да спрятались, тутъ ограбили середь бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горятъ: поджигаютъ. Значитъ, во всѣхъ дѣлахъ этихъ всякій прохожій виноватъ. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ покаяться. Въ ту сторону я и лыжи наладилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ; на погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай, погляжу, что̀ такое: все старцы, и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки, значитъ, нищая братія. Я спросилъ: «да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ — поводарь нашъ, зачахъ и померъ — хоронимъ теперь». Попробую я къ вамъ пристать, что̀ выйдетъ; да какъ это сдѣлать? Начали они и меня разспрашивать «не тутошный ли?» — «Нѣту». — «Можетъ, съ воли какой?» — «А вамъ что̀ за дѣло?» — «Мы-де не соцкіе: въ становую квартиру тебя не везти намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали, и сдѣлать намъ этого не можно». Я молчу, а они говорятъ таково смирно: «Самые мы теперь несчастные люди, и съ погоста сойдти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу». Сдѣлалъ я такъ-то — вывелъ. «Мы, говорятъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ воровать въ деревняхъ стали, а кто-де охотой пойдетъ съ нами, тому мы, коли золота ему нужно — и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ пойдемъ на̀ осень — пирогами кормить насъ станутъ, меду надаютъ сотами, винома попить будутъ. А какъ-де зима настанетъ, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту, тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнимъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться». Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій стариченко — Матвѣемъ звали. Я шелъ съ нимъ, и гдѣ лужа, гдѣ мостъ — предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: «Кто-де бы пошелъ съ нами, того бы человѣка мы харчемъ довольствовали и давали бы

по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ пашпортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такія». Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отстазалъ ужь отъ нихъ, сталъ я поводаремъ нищей братіи.

«На отдыхѣ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Кореневъ.

«Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить, и плясать, а напились — ссориться да корчиться. Этакого злющаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ зналъ и пѣньемъ заводилъ, что̀ всякое слово знать было — всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ отгребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой, — тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятнаго старичонку Матвѣя всегда обижали: у него и голосъ куриный и человѣкъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлять, такъ онъ и драться: «я-де нонече шибче всѣхъ васъ пѣлъ, и меня-де сегодня купецъ припаскалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!» Задираетъ — значитъ. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣнивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то, первой, дѣлежки усѣлись они на базарѣ — меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломило. Сѣла моя нищая братья какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣе всѣхъ старецъ Иванъ — Верзиломъ дразнили: выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базаръ выходить, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто: тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стребать иглой. Ему и сведетъ оба глаза: слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда плясать, либо деньги считать надо — отпускало; онъ опять видѣлъ, а былъ онъ за то и старостой артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги, а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый, какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуще всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы за что-ни-

будь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣялся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся: въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возъимѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ однако: «убѣгу-де», — такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: «этимъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзилы нашихъ денегъ съ полсотни будетъ: всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы выпоролъ». Я испугался.

«Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбити. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которые уходи вонъ: всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили: ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближная, тутошная, сибирская. Пришла она раньше, дала больше; стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты; нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина и чтобы пѣть не вмѣстѣ и сидѣть дальше: имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выѣздѣ пѣла: мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представленія наши дѣлать. Однако выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и однаго ста не вышло. Собрались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высадилъ — въ кучумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщевали: гдѣ кольнетъ, а гдѣ и заноетъ. Къ тому же и надоѣли эти злющіе люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія-то съ покоромъ да со рванью. Чортъ ли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпыя очи глядѣть: и глаза-то мнѣ ихніе въ годъ-отъ надоѣли пуще горькой рѣдьки. Взгляну въ нихъ — тошнитъ. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ такимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило. Идти надо было въ село на базаръ, а ужь весна и мы подъ Шадринскомъ. Они прирядились въ полный нарядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскричу: «вода» — всѣмъ раздѣваться, значитъ — вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору: крапивищи тутъ — лѣсъ непролазной. Ухватился передній за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси; вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ — прибирать и куръ воровать:

они меня, святые старцы, выучили; науку эту я съ ними прошолъ. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче: бояться сталъ меньше, и невдогадь мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и ихъ дѣломъ правилъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да обдумался — непремѣнно прозрѣлъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужь съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ: все равно. Все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ — такъ, что и оно мнѣ работой казалось. Съ нищей братьей только ни за что таскаться не стану; развѣ, когда отдохну.

«Думалъ я такъ и дѣлалъ эдакъ — не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка: лежатъ пятеро молодцовъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то расти послѣ братья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ, какъ у новоставленыхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнаныя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. И вотъ какъ это дѣло случилось. Подошолъ я къ нимъ — сгребли меня сзади, связали конскими путами; на землю кинули, а за что̀, про что̀ — не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ: да на этотъ разъ — въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжелой руки я ужъ никого не робѣлъ. Спутала меня такъ-то крѣпко, что хоть кричать. Стали разговаривать: «наломайте вѣниковъ, станемъ палить его, все скажетъ». Сказалъ я имъ и безъ вѣниковъ: повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой — полюбили. Я не отставалъ — они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самого утра, какъ мы наткнулись на облаву. Не то звѣря травятъ, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадяхъ съ веревками, кто пѣшкомъ — съ ружьями. «Стой — кричатъ намъ: это вы у насъ бабу съ ребятами задушили и избу подожгли?» Бабу задушила и избу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ: мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное: разбирать не станутъ, а станутъ бить: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо сквозь землю провались, либо полѣзай на стѣну. Земля каменная, а люди жильные; мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хоть одного ружья нѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбьютъ изъ рукъ твою палку, вырвешь и бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ клѣть и спать никакъ не можно: всего ломитъ и веревками такъ закрутили, что словно боялись, чтобы мы не расклеились. Мы въ клѣти лежимъ, а они галдятъ. Погалдятъ да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ. Поутру

стали своимъ міромъ разбирать: кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Пріѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ перемѣнили. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа немудреная: все больше спали. Когда винца выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, а разсказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка: сказка эта длинная. Однако кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мнѣ дѣло къ кнуту: я такъ и запылъ. Когда еще съ нищей братьей таскался, видѣлъ я это въ селѣ на базарѣ такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подноготную разсказывать — они такъ и захохотали. «Кому — говорятъ — бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что̀ ты и впрямъ есть, — кнута по закону минуешь». Приходилъ прокуроръ, — я ему и объявился чиновничьимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мнѣ это самое прокуроръ, да и обругалъ при томъ. Котораго я зашибъ на родинѣ товарища, тотъ отошолъ, живетъ-де теперь, и надо быть слѣпыхъ лошадей крадетъ. Не ожилъ только послѣдній убитый; за него меня кнутомъ не били, погнали на каторгу несвящонымъ.

«Попалъ я на Кару — на каторгу настоящую. Тамъ, нашего брата, и на работу иначе не зовутъ: «эй-де вы, копи!... подавайте конѣй!... берите копи сбрую!... впрягайте коней въ работу!...» Сталъ я думать: воля, молъ, лучше болп, а спина стала казенная: каждый день зуботычина; розогъ меньше трехсотъ не даютъ. Уходятъ въ бѣга — товарищи хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужь если и попадешься: за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступила, что всѣ стали казаться чертями и злѣе всѣхъ черти-начальники. Вспоминалъ я слѣпыхъ своихъ такъ и эдакъ: одно и то же. Бѣжалъ я оттуда. Лѣсъ да степи да своя воля; страхи кругомъ; облавы про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь — не чаешь. Сталъ понимать себя выше всѣхъ: давно бы мнѣ такъ-то. Всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло: словно ты и великъ человѣкъ. Кое-гдѣ знаютъ ужь: Кореневъ-де. Соблазнила жизнь такая! Пуще всего то̀ тебя занимаетъ, что вотъ хлопушку наставили, пасти налаживали, человѣкъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошолъ, — только слѣдъ оставилъ: мѣсто тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозь землю ушолъ. Смѣшно даже. Меня ни разу не словили. Поймали меня когда сталъ ходить не одинъ: съ товарищами связался, а

промежъ нихъ, что ни трусъ, то ротозѣй; сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однова̀ съ бабой чортъ меня веревочкой связалъ: эта подолъ защемила и меня уволокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужь ни одна тюрьма въ тѣ времена меня не держала, что проклятòго человѣка могила. Сталъ заниматъ меня не побѣгъ самой: мудрено ли бѣжать? — Оглядишься, прислушаешься — сейчасъ слабое мѣсто засвиститъ въ прорѣху-то эту и выскочишь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали, а чтобы за штуку твою тебя похвалили: удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было, однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ».

— Пущай мнѣ печонку отобьютъ совсѣмъ, — я опять побѣгу, пущай мнѣ ноги изломаютъ—я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ стонать станетъ; пташки не запоютъ. Кореневу быть на волѣ! — увѣрялъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи, прикованнымъ навсегда, въ секретномъ нумерѣ тобольскаго острога.

Сюда попалъ онъ послѣ всѣхъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на грабежѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала, какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разныя дальнія мѣста за справками съ указаніемъ на различныя, совершонныя имъ и вымышленныя, преступленія. Прежде чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснить для себя всю запутанную совокупность злодѣяній его и, между прочимъ, убѣдиться въ совершонныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь, и записали въ разрядъ «заключонныхъ навсегда». Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 13-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самомъ дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря: слава о его злодѣйствахъ наполняла Тобольскъ. Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ: во всѣхъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Коренева, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду-вонъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и на крайній случай — ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго примѣненія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до нечувствительности, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и истязуемые обнаруживаютъ признаки какой-либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различные

облегчающіе способы, предусмотрѣть и предотвратить которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была на столько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половина поражала своею неожиданностью и мудренымъ измышленіемъ, другая отзывалась общимъ мѣстомъ. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный пріемъ арестантовъ избавить рѣшонаго товарища простымъ способомъ устройства ему побѣга. При этомъ для общаго любимца замыселъ устраивался и приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимныхъ, самыхъ сложныхъ одолженій, а также вооруженной опытомъ долговременныхъ приспособленій. Бо́льшая часть арестантовъ, «взломавшихъ» тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту ночей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль истязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хорошо-организованныхъ тюрьмахъ (какъ напримѣръ въ тобольской, гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходитъ свыше 200 человѣкъ и рѣдко бываетъ меньше 150) палачи пользуются львиною долею изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того получаютъ они, въ родѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, на пути къ мѣсту казни, обычною денежною дачею отъ проходящихъ, имѣетъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ «рогожки», именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для любимца острожнаго найдется у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы сверхъ того сдѣлать въ его пользу новую денежную складчину, обряжаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытѣ (какъ начальство на многочисленныхъ разсказахъ и несомнѣнныхъ свѣдѣніяхъ), что чародѣйская сила руки палача получаетъ въ школѣ и на практикѣ извѣстную ловкость. При видимомъ сильномъ взмахѣ ослабляетъ она силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ дѣлѣ, преступникъ испускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ палачей такъ много ходитъ по сибирскому міру, народному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по отношенію къ рядовымъ заплечнымъ мастерамъ, изучающимъ искусство на листѣ бумаги, такъ вклю-

чительно и до того палача, который на спинѣ собственнаго сына хвастался искусствомъ и рѣзалъ кнутомъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Кореневa чиновный міръ вращали около мысли измыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы опытъ надъ нимъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, имѣлъ облегчающее значеніе для самого начальства и произвелъ бы устрашающее вліяніе на массы бѣглаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись—говорятъ — представленія, и одинъ изъ сильно-ревновавшихъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, что Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надрѣзать ему пятки и насыпать въ раны мелко настриженнаго конскаго волоса. Словомъ — противъ Кореневa были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вызывалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковыхъ лишенъ былъ въ прежнее, болѣе дорогое для него время, и каковыя въ настоящее поразительны были крайнею своею непослѣдовательностію. Не принося никому и никакой пользы, онѣ выгодны были для самаго Кореневa только потому, что самъ онъ сдѣлалъ ихъ таковыми. Кореневъ поспѣшилъ взмоститься на пьедесталъ необыкновеннаго передоваго человѣка, и извлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами ему воспользоваться удастся, что вмѣсто петли или ямы, ему навѣрное придется нести грѣховное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этапамъ. Въ положеніи спекулятора, умѣвшаго воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ оставался во все время содержанія на цѣпи и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, присланныхъ на поселеніе и помѣщенныхъ на житье въ самомъ городѣ) было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наэлектризовано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, недошедшее только до верченія столовъ, выражалось вѣрою въ кликушъ, покровительствомъ идіотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружились потомъ три хорошо извѣстныя въ сибирской азбукѣ буквы К. А. Т., а подъ засаленной и грязной рясой на спинѣ знаки кнута.

Кореневъ этимъ глубоко убѣжденнымъ мистикамъ, обманутымъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, казался какимъ-то

роковымъ порожденіемъ, лицомъ, избраннымъ съ одной стороны для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой — дать поученіе грѣховному человѣчеству къ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Кореневa читатели Сведенборга видѣли злаго духа и въ изрѣченіяхъ убійцы и бродяги, вызванныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы. Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ разспросовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Оеклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ ощутилъ перемѣну своего положенія, и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою цинническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выражать въ себѣ игралище судьбы, и конечно, былъ отчасти справедливъ и въ настоящемъ случаѣ счастливъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Знавшіе его близко соузники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ, онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія, и сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключеніи изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою; началъ завираться, оправдывать себя. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ: съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой — какъ бродяги.

Когда суевѣрныя дамы, съ замираніемъ сердца, дрожащими, прерывистыми голосами спрашивали сидѣвшаго на цѣпи Кореневa:

— Не случалось ли тебѣ видать: правда ли это, что изъ раны убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупу подходилъ самъ убійца?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Кореневъ — и отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жида въ Каинскѣ, и черезъ полчаса былъ тутъ, подлѣ. Жиды собрались всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; совѣты давалъ, какъ ловить убійцу; на убитаго смотрѣлъ какъ на свою ладонь: крови не показалось.

— Можетъ быть, оттого (заключилъ Кореневъ съ нѣкоторою усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не счелъ даже нужнымъ скрывать): — оттого, можетъ быть, что убитый-то былъ некрещеный.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлеченное общимъ примѣромъ посѣтителей Кореневa и на правахъ члена тюремнаго комитета, возымѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-нравственныя наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало злодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрызеніе совѣсти?

— Никогда! грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько убійствъ содѣялъ!!...

— Говорятъ, восьмнадцать, подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хоть разъ не встрепетало сердце, не дрогнула рука, рука Каинова, проливающая кровь своего брата по Христѣ?

— Мнѣ тогда о родствѣ спрашивать не доводилось.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и разспрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтиться съ тобой въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобой — твое счастіе. Ты — голодный: я на станціи поѣлъ и съ собой везу съѣстные запасы; тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть—вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, измызганный кафтанишко, а я — въ лисьей, либо енотовой шубѣ и за пазухой у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ подкупается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастіе. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ съ съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, — стрѣлять, поди, станете. Нѣтъ ружья—драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти: все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь и у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вашей. Вы свою душу на коняхъ возите, на подушки кладете, я свою, грѣшную, протащилъ сквозь огонь, межь ножами; вотъ откуда вынесъ ее: изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы свою душу, я — свою оборонять.

— Положимъ, я оборонять не стану, мнѣ нечѣмъ: ружья у меня нѣтъ, саблей не запасся, ѣду я какъ большая часть ѣздитъ

и встрѣчи съ тобой не ожидалъ. Эта встрѣча — мое несчастіе, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неосторожень, возьми то, чего у тебя нѣтъ и что̀ тебѣ пригодится.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза наказывать за промахъ?

— А за то̀—не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ. Убиваю — себя берегу: опять же голова у меня своя, не покупная. Порѣшился съ ней — другой головы не купишь; на базарахъ ее не продаютъ. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодымъ человѣкомъ былъ я тогда, несмышленымъ, первоукомъ. Разскажу я вамъ про такой случай. Шолъ я съ нерчинской каторги: шолъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилья тутъ мало, все лѣсъ стоитъ. Затощали мы, хоть въ землю зарывайся: надо грабить. Заслышали колокольчикъ: завалились въ канаву, кто направо, кто налѣво. Ждемъ; позаячьи насторожили уши. Ѣдетъ пара: ямщикъ носомъ клюетъ, рыбу удитъ; и оттого рыбу удитъ, что самъ проѣзжій спитъ: такъ, молъ, намъ и надо. Словно мы, молъ, сами имъ заказали такъто. Вышли мы на дорогу, лошадей за уздцы придержали, сняли ямщика съ козелъ, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобъ не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ ними такъ, какъ и всѣ сказываютъ, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлалъ. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣе кончить. Вынимай деньги, снимай платье — разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули, и его вынули. Стоитъ онъ на ногахъ, трясется весь: извѣстно, дѣло такое ему непривычное, въ первый разъ доводится. Со страху все онъ сталъ разсказывать: чиновникъ, ѣдетъ въ Россію, казенныя деньги получилъ, мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ, слезы такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Взяла тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то щемитъ и теребитъ! «Отпустите», слышь. Клянется, божится: «никому не скажу». Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, — они долго не соглашались; уломалъ-таки я ихъ: сказали—«на тебѣ весь отвѣтъ». Ладно. Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вздумаемъ: «а ну, братцы, божбу не исполнитъ! пойдемъ пошибче, высмотримъ». Пошли мы впередъ, стали подходить къ деревнѣ, а та — вся на ногахъ: крику развела полонъ лѣсъ и сказываетъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронеслись мимо насъ верховые съ кольями: за нами, значитъ. А мы тутъ подъ деревней въ лѣсу выждали. Ночь, молъ, теперь наша, поганый чиновникъ

непремѣнно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, проѣзжему ѣхать, зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мостъ. Опять завалились въ канаву подъ мостъ, стали чиновника выжидать: выспится — поѣдетъ дальше, а на ночь ни за сто рублевъ не пустится. Выждали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живаго лыки...»

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать: иногда хвасталъ, лгалъ, но, пойманный съ поличнымъ, не медлилъ выходить на путь правды и откровенности. Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ заводѣ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься: развѣ въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съѣшь, а брюхо—злодѣй, никогда стараго добра не помнитъ: опять слюну сушитъ, ѣсть проситъ. Къ жильямъ подтягиваешься. У знакомаго человѣка милостыню просишь — даетъ, а то на уру и у встрѣчнаго клянчишь — тоже даютъ. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердятся, на ласку тѣ мужики не даются: надо самому брать, значитъ — грабить. Ограбилъ кого — слѣды хорони: кошка тому дѣлу примѣръ даетъ. И не оставляй своего хвоста на дорогѣ, заметай слѣдъ: ограбленнаго убивай. Не убьешь — языкъ за собой оставишь. По немъ дойдутъ до тебя. Примѣру не было такого, чтобы граблennый не мстилъ и по слѣдамъ звѣря не натравливали. Такой ужь законъ. Я какъ одинъ разъ оступился, такъ съ той поры другу и недругу заказалъ щадить ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ разсказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божбу людямъ не вѣрь и честное ихное слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ слезливъ, а плутъ богомоленъ, — давно это сказано, и я скажу: у бродяги только два клина: поле да лѣсъ,—больше ему никакихъ нѣту воротъ, и ходить нечего.

Кореневъ былъ настоящій бродяга, и сколько слова и показанія его имѣли значенія неотразимой правды, столько бродяжьи свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За ними товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго злодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ колдуна и тамошнія бабы разсказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣломъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка, и «не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки», чтобы лодка, сдѣ-

лавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на вольную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ, наговоромъ умѣетъ онъ превращать въ рѣку и выплываетъ по ней на свободу съ пѣснями и любимыми товарищами. Не дѣлаетъ онъ такъ, потому что не хочетъ, а и разрывъ-траву умѣетъ онъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакіе кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ черной кошки вываритъ и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбирать косточку-невидимку, передъ которою не выстаиваютъ тюремныя стѣны.

Товарищи понимали Кореневa иначе, видѣли дѣло другой стороной. Въ тюрьмѣ Кореневa любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ, арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запретнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣлъ самый страшный чортъ изо всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось отчуровываться русскому человѣку.

Всего видиѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышленнымъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточенному люду и направленной на возможное преуспѣяніе его среди всяческихъ стѣсненій въ неволѣ. Отъ него шли и юридическіе и практическіе совѣты; подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги — географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зимними палящими морозами, среди лѣсной трещи, когда и олень уходитъ въ самую глушь лѣсовъ и, уткнувши морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ — Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промахнулся и попалъ на дорогу, гдѣ кромѣ зайцевъ никого не встрѣчаетъ, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить логовище еловыми либо сосновыми лапками. Такая изба не обманетъ. Мнѣ изъ сотни разъ ни одного не доводилось такого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводилъ и закрывался наглухо полушубкомъ: лежишь, что̀ купецъ, въ кошевѣ. А если приладить надъ ямой изъ тѣхъ же лапокъ шалашикъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и перехвастать всю пору лютыхъ морозовъ. Отспиживались. Днемъ я ходилъ, а ночью спать — опять этакъ. Спишь

какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно, лучше бы, кажется, не ложился, а встанешь, одѣнешься—и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили.

Собственнымъ опытомъ изъ общеупотребительной игры тюремной въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ею, Кореневъ дошелъ до практическихъ результатовъ, пригодныхъ и благодѣтельныхъ для кандальныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ скидать въ банѣ нижнее платье, имѣя на ногахъ неизбѣжные кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможною. Досужеству своему, нетребующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотливо, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ ссыльныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провезли на каторгу въ 1849 году.

Въ числѣ прочихъ знаній Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ приготовлять фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свое свободное время, имѣя подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копеекъ серебромъ настоящихъ. За стѣнами острожными онъ полагался на слѣпое царство темныхъ остяковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошолъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омскому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ расположенія въ нашу сторону кочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и размѣнивать ихъ на настоящія. Кореневъ съ одинаковымъ искусствомъ умѣлъ дѣлать и старинныя екатерининскіе и нынѣшніе цѣлковые и полтинники. Мелкой монеты онъ не дѣлалъ; ассигнацій не любилъ, имѣя въ этомъ искусствѣ неподражаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживаться зубрила, подпилковъ, деревянныхъ маленькихъ циркулей съ ножками изъ иголокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же иголокъ; доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, доставалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣвалъ на формы, ртуть смѣшивалъ съ «чѣмъ-то» (?). Натиснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить излишекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день наводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его издѣліяхъ дольше, чѣмъ на издѣліяхъ его товарищей. Послѣднихъ ловили и хоронушки находили;

его — никогда. Всѣ знали объ этомъ; дѣлали обыски — и нечаянные и повальные — и ничего не находили. У Кореневa были и золотыя руки и глубокіе секретные карманы, и какія-то, какъ бы и впрямъ заколдованныя и зачурованныя хоронушки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поймать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи и жилъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщалъ поймать Коренева съ поличнымъ. Пришолъ онъ къ Кореневу, сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принялъ и выпросилъ задатку двадцать-пять рублей серебромъ, обязавшись поставить за то сто цѣлковыхъ. Унтеръ сходилъ къ начальнику, задатокъ принесъ и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Коренева сто цѣлковыхъ новенькихъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искусства. Цѣлковые унтеръ одобрилъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора, и на этотъ разъ все искусство мастера состояло лишь въ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охарашивалъ. По окончаніи условленнаго срока, закащикъ является къ монетчику за полученіемъ работы.

Кореневъ удивленъ; переспрашиваетъ, что̀ надо. Приглашаетъ унтера говорить пошибче; искусно поднимаетъ тонъ его голоса, самъ начинаетъ говорить громко, и достигаетъ желаемой цѣли— возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, разсчитывая за ними, за спинами ихъ, на несомнѣнное вмѣшательство и защиту прокурора. Когда показалось ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрещиной, отпущенной унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ потомъ, поддавая киселя и, пинками въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искусствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его повѣрили, за оскорбленіе товарища рѣшились постоять горой. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?

— Просить у меня ундеръ фальшиваго серебра, отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореневъ, еще дрожащимъ, отъ волненія, голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-обиженномъ тонѣ. — Что̀ у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ, требовали арестанты. — Доложите губернатору. За что̀ насъ обижать?

— Значитъ, ундеръ переводчикъ денегъ, подкрѣплялъ и поясняль Кореневъ.—Онъ знаетъ дворы такіе: дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ повинны, на новые никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головой — усмѣхнулся.

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! И гдѣ ужь такому дураку браться за такое мудреное дѣло, а еще хвастался!...

Кореневъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи унтера не настаивалъ; однако, на своемъ устоялъ и мастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали святаго юродства въ злодѣйствахъ его. Товарищи, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что попади онъ на хорошія, опытныя руки — онъ бы исправился. «Не толкай его судьба въ опасности бродяжьей жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ». Какая-то беззавѣтная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей; всегдашнее желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что̀ имѣлъ онъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ разсчотъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!)—вотъ тѣ основы симпатій, которыми пользовался Кореневъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшіе и за нимъ послѣдовавшіе тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльныхъ московскихъ дворянъ, сосланный за убійство, употребилъ довѣріе и воспользовался увлеченіемъ ханжившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореневъ первый поднялъ недовольный голосъ, пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора; первымъ жестоко билъ растлителя.

Свернулась его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла той кривой колеей, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягиваетъ. Въ тюремномъ болотѣ, на каторжной трясинѣ не устоялъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валились на него сверху, давили съ боковъ, да и свой братъ, спутанный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тянулъ его туда же въ этотъ омутъ, гдѣ нѣтъ ни дна, ни покрышки. Кореневъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загрязъ глубже и крѣпче всѣхъ. Полѣ-

зетъ ли онъ дальше въ тину и трясину — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, спущенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальную, темную каторгу. Идетъ онъ, въ партіи, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаются ему двѣ каторги, и обѣ хорошія, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая — при солеваренномъ. Но не тѣ судила ему судьба - злодѣйка. Эти для простыхъ; для него, важнаго человѣка за Байкаломъ — моремъ, жосткая и самая дальная — нерчинская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ — разста́ни, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское Усолье и называется у народа дорогою *воровскою* съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылать въ это Усолье преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, всѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіянъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстили и шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право растаха — мѣста отдыха. Не показанъ онъ въ законныхъ росписаніяхъ, ибо находится между двумя близкими этапами, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не давать и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя завѣту пророка, имѣютъ обыкновеніе выходить на это разста́ни дорогъ и искать нетолько родичей, но и всякихъ правовѣрныхъ чтителей пророка, не различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Осѣдлый мусульманинъ выноситъ сюда путешествующимъ все, что́ можетъ принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу и даже русскаго дѣла квасъ.

Остановилась на этомъ разста́ни и та партія, въ которой шолъ Кореневъ, съ цѣлію послужить мусульманамъ, изъ которыхъ коекого также сдаютъ сюда на каторгу. Кореневъ ходитъ по партіи, торопливо ищетъ бумаги клочокъ, карандаша обгрызочекъ: находитъ то и другое. На бумажкѣ нацарапалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: «навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, стараго бродягу Кореневa». Записку взялся доставить первый же попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ — и доставилъ. Старый знакомый Кореневa — соузникъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усольѣ на пропитаніи, получилъ эту записку и — ни минуты не медлилъ. Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что́ успѣлъ и что́ могъ, и побѣжалъ на рысяхъ къ мѣсту разстани,

которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

«Видѣлъ я Кореневa чрезъ нѣсколько лѣтъ. Узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго, старческаго лица. Говоритъ онъ мнѣ:

— Голъ, братъ, я, какъ соколъ.

Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдалъ. Сапоги съ ногъ сползли — свои сапоги сталъ я снимать: придержалъ-было онъ меня за плечо, да раздумалъ — взялъ мои сапоги; я его опметки надѣлъ на свои ноги.

— Денегъ поди нѣту: всѣ, чай, проигралъ въ карты, либо того хуже — пропилъ? спросилъ я его.

— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не видалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Нашелся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться: зачѣмъ и пришелъ я сюда?! Говорю:

— Возьми себѣ рубль.

— Не надо бы брать: самому тебѣ нужно.

Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку; говоритъ:

— Давай! сочтемся мы съ тобой на другомъ.

Рубль спряталъ за щеку.

Сталъ я заговаривать съ нимъ — отвѣчаетъ неохотно, говоритъ тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что разспрашивать? Были его, вновь перековали, новую шинель получилъ, новые чарки получилъ, голицы выдали. Вотъ идетъ, по сторонамъ смотритъ, опять пойдетъ, и еще пойдетъ, до самой каторги. Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Кореневa съ плечъ сползла: совсѣмъ ея нѣту: держитъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко: въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидать неудобно: холодно.

— Возьми, Кореневъ, рубашку!

И руками замахалъ: «не надо!» замоталъ головой и отъ рубахи отказывается: «балуешь ты меня — зазнаюсь, погордѣю: не сладятъ».

Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ снять и принять сертучишко на голое тѣло. Свернулъ я рубашонку, сунулъ ему; отталкиваетъ — запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ: забилъ барабанъ походъ; смотримъ: всѣ стали подбирать котомки, кряхтѣть и съ насиженныхъ мѣстъ подниматься. Раздался грубый крикъ, команда: «по мѣстамъ!» Зазвенѣли цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореневымъ прощаться.

— Прощай!

Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжелыя руки свои на плеча; долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ.

— Прощай, Ипполитъ Васильичъ.

Смотрю, и глазамъ не вѣрю: изъ глазъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спряталъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцаловалъ крѣпко, выговорилъ:

— Прощай!... Навсегда прощай!... Теперь ужь больше не увидимся.

— Такъ ли, полно? Не зарекайся, Кореневъ!

— И впрямъ, нѣту! Не навсегда, прощай!...

Между тѣмъ, барабанъ нылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣднія трели. Нечего было больше проклажаться: Кореневъ снялъ съ моихъ плечъ свои руки. Опустя голову, пошолъ онъ отъ меня своимъ тяжолымъ шагомъ, но шолъ недолго; еще разъ искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился; опять подошелъ:

— Спасибо тебѣ за все. Рѣзать приведется тебя—не зарѣжу!!..

Сильно и размашисто махнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ правой рукой, порывисто и визгливо зазвенѣли на ногахъ его цѣпи, и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производящими въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, и вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Кореневъ, но слова его и теперь еще, черезъ много дней, живы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попритчились, въ этомъ я могу поручиться за Коренева. Зналъ я его хорошо, живалъ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей; меня его характеръ не обманетъ. Сорвется съ цѣпи — другихъ убьетъ, для меня исключеніе сдѣлаетъ; слово далъ. Впрочемъ, кажется, уходился: завязнетъ. Вѣроятнѣе, станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убѣжитъ, то во всякомъ случаѣ перестанетъ выгибаться въ оглобляхъ, поднимать хвостъ кольцомъ и, по способу необъѣзженныхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ нибудь да долженъ быть конецъ: Горкинъ, впрочемъ, лошадей держитъ, на купца смахиваетъ. Наши каторжныя знаменитости хороши, тѣмъ что до тѣхъ поръ и знаемъ, пока сами напоминаютъ; замолчалъ—и забыли и онъ самъ сквозъ землю провалился: пропадай ты совсѣмъ: давайте новаго!

Героемъ на нашъ пріѣздъ былъ Иванъ Васильевъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. Два раза онъ бѣгалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Послѣ перваго побѣга съ шайкой грабилъ по Шилкѣ, но былъ

пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ — напустилъ на всѣхъ паническій страхъ,—всѣ непокойно спали. Онъ не объявлялся,—всѣ успокоились. Но сонъ въ руку. Въ одну ночь Дубровинъ далъ о себѣ знать, росписался кровью: на Нижномъ промыслѣ убилъ женщину съ двумя малютками, съ которою даже и знакомъ вовсе не былъ, убилъ, чтобъ похвастаться: перестали ждать, вотъ и я. Приходилъ онъ втроемъ, но вскорѣ всѣ были открыты, посажены въ тюрьму. По оплошности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ и снова всѣхъ привелъ въ ужасъ. По слѣдамъ его погнались казаки, въ разныхъ падяхъ и распадкахъ заблудились: не нашли. Голодный, истощенный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу лежащимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Пойманнаго приковали къ стѣнной цѣпи и, чтобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и побѣговъ, на руки надѣли *лису*—желѣзную полосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лисой онъ и ходить не могъ, и началъ съ ней, и на цѣпи сидя, смиряться духомъ. На цѣпи скверно кормятъ: пища крутая безъ приварка. Въ постѣ и въ воздержаніи Дубровинъ умилился духомъ и начальству то доказалъ. Его отковали отъ стѣны, сняли лису, выпустили въ общую арестантскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали всѣ надѣяться и разсчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходился, сталъ неопасенъ. Выбрали его старостой. Вскорѣ послѣ того понадобилось начальству новую каторгу заводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на такъ-называемомъ Чныррахѣ. Свободныхъ рукъ было мало. Вездѣ и во всемъ чувствовался недостатокъ. Попробовали рискованнымъ, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ довѣрить отобранную на Карѣ партію каторжныхъ надежному человѣку изъ таковыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику сплава честное варнацкое слово; съ товарищами сѣлъ онъ на баржу, и поплылъ по Шилкѣ и Амуру посреди соблазновъ къ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячахъ верстъ. Съ баржи зерна не пропало, соленой роспики не исчезло. Ѣхали каторжные веселѣе всѣхъ: съ пѣснями. На мѣстѣ сданы были Дубровинымъ въ томъ же счотѣ, какъ были приняты; и въ томъ же числѣ сколько ихъ на Амурѣ пѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ; самъ Дубровинъ, разумѣется, сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣлъ тутъ недолго: черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амуру предостерегали пишущаго эти строки ѣхать осторожно; по всѣмъ станицамъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не видали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ; увели съ собою бродягу бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амуру Ду-

бровинъ не пошолъ, а ударилъ чрезъ хребты, на Лену. Что̀ съ нимъ сталось?—тоже неизвѣстно.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводитъ насъ третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обоихъ и всею дѣятельностію своею, какъ Дубровинъ, принадлежитъ краямъ нерчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему, сибиракъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ, и на этомъ пути безмѣстнаго шатанья полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, задичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, нѣкогда страшнымъ для всего Забайкалья, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это — Горкинъ. Все, что̀ въ судьбѣ Кореневa было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проясняется, въ особенности по отношенію къ тому періоду времени, которое легло между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не разсказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и офиціальныя дѣла.

Этотъ съ разсчетомъ на всевозможныя приключенія и безразсчетно на преступленія ушелъ изъ тюрьмы Кутомарскаго завода втроемъ съ товарищами. Въ Козловской па́ди (долинѣ) встрѣтили они на жнивѣ крестьянина, велѣли варить себѣ ѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадь: онъ поѣхалъ за котломъ, на пути повѣстилъ другаго крестьянина, что пришли къ нему недобрые люди: «съѣздилъ бы ты въ деревню, — далъ тамъ знать». Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивалъ время. Прискакали крестьяне, кричали бродягамъ: «вставайте и раздѣвайтесь до́-нога: ножи бросайте». Бѣглые не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружіе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пропизанъ пулей навылетъ; другой (Коурой) было жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый Горкинъ успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлянъ, получилъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерялъ товарища, созналъ на опытѣ, что прогулка каторжнаго небезопасна; сталъ извѣстенъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побоищѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Гор-

нпнъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймавши слухъ о богатствѣ одного бурята, онъ отправился прямо на него. «Переночевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ проѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

— Кто ты таковъ?

— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братской Кубухонъ? («намѣреваясь у него чѣмъ-нибудь поживиться»).

— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко сторого: къ нему не попадешь; а поди вотъ, эта (указалъ на правую сторону) стоитъ крайняя юрта; тутъ живетъ одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть: пщи въ ошкурѣ у штановъ.

И уѣхалъ.

«Я пролежалъ въ тотъ день въ кустинахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцатомъ, пришолъ къ юртамъ близь деревни Харауза, зашолъ въ крайную юрту, гдѣ огня не было. Я ощупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка; схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

— Гдѣ у тебя деньги?

Она порусски отвѣчала:

— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

«Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашолъ. Спрашивалъ опять: «гдѣ деньги?» — она говорила, что нѣту. Оборотясь, чѣмъ-то задѣла меня въ щоку: я осердился, и взявъ въ руки тряпицу для того, чтобы не нанесть ногтями царапинъ, за горло, ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постелѣ. Потомъ разломилъ всѣ ея ящики, но денегъ не нашолъ и изъ платья, по ненадобности, ничего не взялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая».

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по попмѣ изъ бѣговъ. Послѣ втораго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабитъ и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боится «шалить» и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удалые подвиги и ловкость успѣваютъ вызвать сочувствіе: онъ пріобрѣтаетъ друзей между тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли выдти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе, и чѣмъ меньше поживы, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе: наводятъ на проѣзжихъ, указываютъ на богатыхъ; не задается набѣгъ — ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ, и отсюда получается помощь и содѣй-

ствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и похожденій, и чѣмъ больше осталось похожденій назади, тѣмъ бо́льшій запасъ осторожности сдѣланъ на будущее время. Товарищи дѣлаютъ промахи, попадаются, гибнутъ, самъ атаманъ остается цѣлъ и невредимъ. Когда и онъ попадается прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпопея похожденій и злодѣяній въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ:

Бредутъ въ семеромъ: вотъ и шайка. По деревнямъ про всякій случай ходятъ, не разбиваясь и по ночамъ получаютъ подаяніе; на пашняхъ собираютъ милостыню, ходя порознь; за деревнями встрѣчаются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришло: дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ-называемой, Воровской пади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія—напали: прикащикамъ связали руки; возы ограбили, нашли все бумажные товары, вино, тафту. Въ лѣсу вино выпили, товары спрятали въ «удобное мѣсто». «Надобно скрыть слухи» — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, — стропли плоты и переправлялись. На Селенгѣ въ лѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

— Что́ вы за люди и есть ли билеты? Если нѣтъ — идите къ городничему.

— Какая тебѣ до того надобность? спрашиваютъ съ укоромъ.

— Я городничаго человѣкъ.

— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что́ мы за люди!

Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить: переправились за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбрелись за милостыней, опять сошлись за околицей: еще двое товарищей не вернулись, также отшиблись. Оставшіеся недолго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и ушли; атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ укралъ онъ у братскаго винтовку въ денное время, а въ ночное — наткнулся на саврасую кобылу, сѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направленію къ заводу. Зачѣмъ: покаяться, смириться?

— Нѣтъ, стало холодно (конецъ октября); одѣжа измызгалась. Надо потолкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ на пропитаніи): не выиграю ли? Погляжу кстати, гдѣ что́ плохо лежитъ.

На юрдовкахъ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей: одинъ пришелъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасся теплой одеждой; поспалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты, опять пошелъ на вольной свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.

Подъ заводомъ въ лѣсу услышали они гнилой запахъ; искали слѣды на досугѣ, увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шелъ), осмотрѣли — застрѣленъ.

Въ ближнемъ селеніи отъ завода (въ Хонхолоѣ) у крестьянина— пристань; съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкахъ: попить, поиграть пріѣзжалъ, и самъ сживалъ въ тюрьмѣ съ каторжными: стрѣляный звѣрь.

— Идите — говоритъ — въ падь: тамъ меня дожидайте!

Привезъ хлѣба. Живутъ двѣ недѣли: онъ все хлѣбъ возитъ къ нимъ. Разъ привезъ задокъ баранины, туезъ молока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ: омулей соленыхъ, киселю въ мѣшкѣ, пшеничныхъ булокъ и такой-же муки. На третій разъ притащилъ четверть вина и за виномъ, въ разговорахъ, указалъ на богатаго мужика въ деревнѣ Заганъ.

— Теперь время хорошее, способное; идите грабить того мужика.

Лошадей привелъ доброхотный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пройти — и скрылся. Поѣхали. Лошадей привязали въ лѣсу; сами влѣзли въ баню, выжидая утра, когда хозяинъ уѣдетъ съ работниками на покосъ. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся: было большое непастье. День и ночь лежатъ бѣглые въ банѣ, — дожидаются. Хозяинъ отправился въ поле; бѣглые вбѣжали въ избу: трехъ бабъ заперли въ чуланъ. Пришли съ рѣки съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки — и ихъ туда же запрятали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытать правды: Старшая баба дала 8 руб., и — больше-де нѣтъ. Не повѣрили; взяли ключи и нашли 60 руб., разное платье и разный товаръ.

Бабъ перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли въ лѣсъ; оттуда пріѣхали на «станъ»: вещи раздували на три пая. Другъ прибылъ: вина и шапегъ привезъ.

— Ѣду, говоритъ, въ заводъ, — что вамъ надо?

— Вина надо: вотъ деньги на вино и за хлопоты.

— Привезу вамъ за это ружье еще.

Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщалъ, да сверхъ того новыя вѣсти:

— Ѣдетъ прикащикъ татарина съ товаромъ: можно хорошо поживиться.

— А куда мы дѣнемъ поживу?

— Отвезу вашимъ женамъ.

— Ладно. Пошли на трактовую дорогу, купца не дождались, а попали на сыщиковъ; кинулись въ лѣсъ — переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ; погоня, знать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу: этотъ сварилъ имъ ужинъ. Дали ему 10 руб.: вина привезъ, а

за хлопоты синюю дабу (бумажную матерію) подарили. Другъ опять послалъ въ лѣсъ и привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстія. На богатаго братскаго указалъ: трехъ связали, четвертый не давался. «Рѣзали его ножами, отчего онъ обезсилѣлъ». Обыскали: — ничего не нашли. Стали спрашивать — не сказываютъ; начали палить огнемъ: добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной рухляди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову; у проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученныя ею за проданныя ягоды и огородныя овощи. Въ заводѣ достали фальшивые паспорты, и опять на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстями.

Разъ извѣстилъ, что одного изъ ихъ товарищей поймали, — рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, — не рѣшились. На пути украли трехъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу, поставили ее въ туезъ, взлѣзли на крышу, разобрали ее; пришли въ сѣни, вошли въ избу. Хозяинъ огонь погасилъ и закричалъ. «Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть». Дѣтей прогнали въ подъизбицу; засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Стали дѣлить. На каждаго пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 руб. 15 коп. мѣдными. Забрали рухлядь — и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.

— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ пусти ночевать, давно въ теплѣ не спживали: просто не въ моготу стало!

Ѣли въ избѣ баранье стегно, брюшинную похлебку, пили изъ туеза вино; хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную къ прожитію на зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать: онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а такіе же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскотины нашелъ атамана харауэскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ: узналъ; на первыхъ порахъ испугался, подозвалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду: въ пустую избу. Сюда казаки ходить не любятъ, опасаются. Начали вытравливать по своему: одинъ засѣлъ за уголъ; другой кричалъ: «выходи!» Его не послушались, — онъ влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь: «выходи-де!» Вышелъ: «я не здѣшной; я — изъ-за Камня (нерчинской) — и побѣжалъ въ лѣсъ. Погнались за нимъ — не нашли.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь: валяясь на гарахъ, смирялся.

Пока разсказы объ немъ росли въ гору, зацѣпляя небылое, мѣшали съ былымъ, — Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустили его съ цѣпи въ казарму, умѣнье пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилось въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Съ нимъ хорошо прожилось ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся; такимъ же мастеромъ-пѣсенникомъ зазнали его мы въ четвертомъ разрядѣ ссыльныхъ, куда перевела его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кстати на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкихъ лошадокъ; холилъ и гладилъ ихъ и выходилъ такую лихую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славѣ. Приманилъ къ себѣ Горкинъ молодецкой ѣздой и придержалъ на своей тройкѣ удалой пѣсней, острой присказкой и веселыми прибаутками слабаго съ этого боку сибирскаго купца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третьей обзавелся и возилъ въ нашъ проѣздъ по каторгамъ откупныхъ повѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ бровный любитель прямо изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкалъ въ Лиственичную. О старыхъ молодѣйствахъ забылъ, но любилъ разсказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вздору. Съ этимъ и по сю-пору всякій лѣзетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было: ушелъ я отъ сыщиковъ да и умаялся, спать захотѣлъ. Извѣстное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ; и хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядѣлся и я: понравилась мнѣ яма. Легъ я въ нее и заснулъ. Спалъ, надо быть, такъ, какъ убитый. Проснулся; сталъ въ себя приходить: пѣсню заслышалъ. Чудесно, молъ, такъ-то: поетъ кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ россійскій, и можетъ такой же бродяга. Однако, посмотрю. А правило наше блюду: смотрю во всѣ стороны. Нѣтъ никого, а кто-то мурлычитъ. Глянулъ поближе, а тутъ на заплотѣ (огородѣ) мухортый казачишко сидитъ, ко мнѣ спиной, и изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, пороссійски, ничего не выходитъ, посибирски значитъ пѣсня. Что̀ ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ принимаетъ: про корову, про собаку

вытягиваетъ. Мурлычитъ и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣсни выходитъ стало, что ему-де на заплотѣ-то теперь очень хорошо, и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. — Медвѣдя — говоритъ — не боюсь, волкъ прибѣжитъ,— не боюсь и волка, и Горкинъ придетъ и Горкина — слышь, не боюсь. Ахъ! — и взяла же меня тутъ обида поперегъ самого живота! Подкрался я къ нему сзади на цыпочкахъ: правой-то по спинѣ хлопнулъ, лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: «какъ, молъ, такъ и меня не боишься?!» Онъ на меня взглянулъ, взвизгнулъ, да какъ снопъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пихалъ — не шевелится; ухо приложилъ — не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ каюсь; отъ нея и отрекаться не стану. Да развѣ я тутъ въ чемъ причиненъ? — любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимый разсказъ свой, который онъ успѣлъ разсказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинымъ ходить — повторять сказанное). Грабежи на каторгѣ — болѣзнь хроническая, неподчиненная тѣмъ законамъ, до которыхъ многосложными вычисленіями дошелъ Гэрри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжныхъ мѣстъ это время — время затишья: оголодавшіе и иззябшіе бѣглые, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добиваться угрѣвы, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частію являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкимъ: карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ, бѣглый съ солеваренаго на винокуренномъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ, либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (займкахъ). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ негласнымъ судомъ, и въ годовыхъ отчотахъ своихъ хвастливо выставляетъ ихъ пойманными и пишетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: «за побѣги» и за «самовольныя отлучки». Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращонныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше половины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно бо́льшая часть *. Весна

* Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6,213 человѣкъ; въ тотъ же періодъ наказано за побѣги и самовольныя отлучки 2,923 (2,841 за побѣги, 182 за отлучки).

съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ работъ у хлѣбопашцевъ увеличиваетъ, по всяческимъ казеннымъ заводамъ, количество побѣговъ и число голоднаго люда — дешовыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Гэрри) времени, соотвѣтствующаго, по количеству преступленій, осени: сибирская осень представляется той порою, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ соотвѣтствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбои, убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольше сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными, характерными признаками, и представляется, сравнительно съ Россіей, въ самостоятельной формѣ и совершенно въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіе десяти лѣтъ, сослано 2,179 человѣкъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учрежденій, и по экономическому значенію таковыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы; стали конями (по выраженію каторжнаго бывальца и проходимца Коренева). По скольку велика, пригодна и примѣнима ихъ сила, по столько ихъ готовы расцѣнивать болѣе самостоятельные и человѣколюбивые руководители работъ, но не блюстители нравственности. Послѣдняя не входитъ въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссыльные предоставлены самимъ себѣ, и притомъ въ совмѣстномъ жительствѣ, ежедневно имѣютъ все противъ себя. Оборванная «сбруя», въ видѣ форменныхъ одежныхъ вещей, въ одно и то же время и затягиваетъ въ безконечные и неоплатные казенные долги и вѣрнѣйшимъ образомъ унижаетъ человѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромѣ каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обиліи и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унизить привиллегированное и прирожденное человѣку чувство собственной гордости и разумѣнія личнаго достоинства. Въ способахъ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условіяхъ быта и взаимныхъ отношеніяхъ, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени уничиженія и презрѣнія къ самой себѣ. И за то нигдѣ уже цѣль эта не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишонныхъ всякой собственности, потерявшихъ законное право на владѣніе движимой и недвижимой, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ кореннаго каторжнаго закона. Ссыльные воровство за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у сторонннхъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ средѣ своей, у такихъ же голышей и оборвышей. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ вліяніемъ благопріятнаго вѣтра по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливѣй течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбои и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ: и наталкиваемые голодомъ поджигатели, и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы; въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашивать и зарождать во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и безплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражаемомъ стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращонными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы; но и эти ходили въ бѣга съ дурными зачатками. Отъ постояннаго озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихъ брюшныя болѣзни, цынготное худосочіе и меланхолію, бѣглецы эти уносятъ съ собою крайную раздражительность, каковая болѣзненно возрастаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнётомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно-распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторожнаго обязательно, воровство переходитъ въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судитъ за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человѣка), что уходятъ его пацієнты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходятъ съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйдти отъ рудниковъ дальше, по возможности, въ Россію, или по крайней мѣрѣ въ мѣста Сибири, болѣе гостепріимныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишенное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ

дѣйствовать, надобно внѣшнее возбужденіе; чтобы надѣлать преступленій, необходимо было умалиться до человѣка, необладающаго ни энергіей, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похожденій, все счастье удачи послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безвозвратноиспорченной жизни. Забаловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похожденіяхъ, онъ такимъ образомъ понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, перепачкался въ людской крови, послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять. Конечно, такіе субъекты—явленіе далеко не ежегодное, но тѣмъ не менѣе періодическое и поучительное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей «каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ» (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи—какъ бы избранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и незримыя наблюдающимъ взорамъ внутреннія причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбѣжнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же; мститъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на ихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно примѣтны и имена рѣзче другихъ выдающихся личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботилъ горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводилъ страхъ и обязывалъ разсказами о своихъ похожденіяхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнуть и разсказы мельчать въ 30-хъ годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на смѣну ему выступилъ пѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго—Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подъ Иркутскомъ — Гондюхинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ—Левицкій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлію грабежъ на проѣзжихъ дорогахъ и устремляя свои нападенія преимущественно на купеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностію: нѣкоторымъ приводилось вписться въ 10, 18 душахъ. Этимъ людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершенныхъ зло-

дѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нихъ они не отличаются рѣзко-выдающимися особенностями и ростетъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ изъ числа 2,197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина), суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего *одиннадцать* человѣкъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣрье, что разъ обагрившійся чужою кровію заражается жаждою ея и, по роковому влеченію злобной судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссыльныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) нашелся такой, который, въ подозрительномъ правѣ на поддержку укоренившагося въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденія въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святаго и завѣтнаго, и, стало быть, пролить кровь ничего не значитъ. Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являются сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжелой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ приспѣлъ часъ мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя валяются подъ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры, и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у бо̀льшей части ссыльныхъ изъ простаго необразованнаго люда замѣчательно слабо и участіе развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, несъумѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствіе злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюденій оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся ссыльными, врасплохъ застигнутыми несчастіемъ каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, сосланные за другіе роды преступленій. Меньшинство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ поле и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу. Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызываются новыми

причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа на замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцею становится тотъ, кто пошелъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе, и дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооруженное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства всего чаще служатъ сами преступныя руки, схватывающія за горло для задушенія и опять-таки ножъ—орудіе для всякаго бѣглаго необходимое, всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухой. Случаевъ убійствъ по любви къ искусству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удальства и хвастовства передъ ослабѣвшею бдительностію начальства и всѣхъ испуганныхъ его побѣгомъ изъ тюрьмы), — случаевъ такихъ ссыльныя мѣста даютъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *. Человѣкъ, осужденный на каторгу, понесъ въ ссылку уже съ роднаго мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основаніе въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьёзное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять на опытѣ въ тяжелыхъ и настойчивыхъ формахъ практическое значеніе того несчастія, которое называется лишеніе всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки достаточно развившаяся болѣзнь, подъ впечатлѣніями общаго презрѣнія, выражаемаго словами и дѣломъ, складывается въ окончательныя формы. Если ссыльный, въ отчаяніи отъ боли, не прекратитъ жизни самоубійствомъ, то во всякомъ случаѣ въ немъ готовъ внутренній, невещественный нарывъ, который сказывается потомъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предупредительность, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненнаго раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризующихся убійствомъ. Въ ссыльныхъ мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ

* Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшею наклонностію къ убійствамъ, и несмотря на то, что надъ ихъ наголо бритыми головами разразился ударъ тяжелаго молота каторги, — Иркутское Усолье представляетъ не совсѣмъ безопасное мѣсто. Ссылаемые сюда кавказскіе горцы (до шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто производятъ убійства: то рѣжутъ, то душатъ. За то и дорогу съ завода прозвали воровскою.

и злыхъ, хорошо знаютъ то, на сколько опасно въ сношеніяхъ съ этими больными примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени дѣйствительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные платились жизнію—практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ человѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою больнымъ этимъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданные результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжкихъ преступникахъ чувства чести и сознанія человѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довелъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія съумѣлъ достичь до болѣе блестящихъ результатовъ тотъ этапный командиръ, которому поручено было перевезти изъ Большаго Нерчинскаго завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару—въ новыя тюрьмы и на новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое зданіе всей этапной системы. Бо́льшую часть деревянныхъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ выстроили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ рядчиковъ изъ своихъ и пользовавшихся полною свободою, внѣ всякаго начальничьяго дозора. Лишь только успѣлъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено; рабочіе начали бѣгать: больное мѣсто получило уколъ, и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова, раздраженіе не умѣетъ уже различать и лицъ. Оно высказывается мщеніемъ за обиду не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ онъ заявляется стороною болѣе слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабою, какъ свой братъ-арестантъ. Убійства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступленій на самой каторгѣ.

Два шмельцера играютъ въ карты съ каторжнымъ Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрышъ ему не отдаютъ. Онъ споритъ, рѣшается въ крайнемъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію, при немъ говоритъ одинъ шмельцеръ другому: «ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ,

если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить». Исаевъ заикался по избѣ, схватилъ ножъ, побѣжалъ за обидчиками, и кого-нибудь изъ нихъ непремѣнно бы зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашелъ ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбунъ, ходившій постоянно съ палочкой: еврей, сосланный съ австрійской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбунъ за воровство со взломомъ былъ присланъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь разсказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую повѣсть: дали ему за преступленіе 101 ударъ кнутомъ, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно сѣлъ: квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ, сверхъ законныхъ ударовъ.

«Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и сказываю: пусть-де возьметъ у меня квартальный поясъ, а въ поясѣ, молъ, деньги. Пришелъ онъ. Я свалился съ койки на полъ: началъ стонать, умирать; рукой на поясъ показываю. Наклонился квартальный за деньгами, я изловчилъ руку, сгребъ припасенный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему поднялъ».

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую затѣялъ другой еврей Хаимъ Аврумовъ Вульевъ; кончилось тѣмъ, что его прогнали сквозъ строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по пьянкѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарійскаго промысла ножомъ раны, и за убійство ссыльно-каторжнаго Николая Семенова *. Послѣднее убійство обставилось для Вульева такими подробностями:

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюденіемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть, и онъ вошелъ въ кухню въ то время, когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надзирателемъ, чтобы пригласить его размѣрять

* Гоняли его сквозъ строй чрезъ тысячу человѣкъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ тележкѣ на два года, и восемь лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испытуемыхъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошелъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ привелъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекѣ; вторымъ — пригрозилъ убить судью и стряпчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настойчиво повторялъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить тысячу.

на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близъ двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счоты, ничтожные до того, что слышавшій споръ ихъ изъ сосѣдней комнаты не счолъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: «ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру». «Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ ткнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножомъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ, по собственному сознанію и по свидѣтельству очевидцевъ — видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошелъ въ казарму казаковъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку «для удержанія кровопзліянія», но Семеновъ чрезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причины ссоры. Вульевъ протолковалъ ее такимъ образомъ: «18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одежныхъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ сюртука. Пришелъ на кухню, по просьбѣ товарища арестанта-портнаго же Янкеля Трусселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Труссель былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ «за непродажу ему сапоговъ». Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ «тѣлосложенія слабаго, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ спльнымъ біеніемъ онаго, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ ломотою ногъ, изъ которыхъ правая одеревѣнѣла и нечувствительна». По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣщанъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ знаковъ. По самому дѣлу, по допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры—обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что затѣваются онѣ, на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ занятіяхъ многимъ удается срывать свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы бьютъ по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ напр. Arpert), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Спживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпяхъ, но передъ французски-

ми злодѣями, въ родѣ Бенуа, Шоффрана, Полишинеля, Режеса, Ласенера и Авриля наши убійцы грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочнѣе и поядовитѣе другихъ выдался нѣкто Филиповъ. Придетъ припадокъ,—онъ и когти припрячетъ, приладилъ оружіе — когти выпустилъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуѣ домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь имянинный пирогъ и пошелъ къ надзирателю рудника кланяться, просить осчастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же укланялъ содержателя и смотрителя. Всѣ любили выпить (онъ это зналъ), напоилъ ихъ до безчувствія водкой съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель.

Явясь къ главному начальнику, жаловался, что гости его крѣпко изубытчили; представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпь и увольняли. Разъ, когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ стороной разговоръ о собственной женѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, проспилъ жену навѣстить его передъ смертью. Эта пришла съ калачами. Филиповъ притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже поднялъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задушить, но на помощь прибѣжали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягой, лишившимся ногъ въ лѣсу на морозѣ. Оба жили дружно и дожили до того, что у нихъ могла сладиться игра въ карты. Разъ за игрой повздорили и подрались. Безногій схватилъ Филипова за горло, и такъ сильно ударилъ его головою о желѣзную рѣшетку, что голова раскололась и Филиповъ исчезъ въ спискѣ злодѣевъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вульева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣе причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрасти въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое особое вѣроятіе для убійства всѣмъ ссыльнымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибир-

скихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство — явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиливаются кражи, возрастаютъ грабежи и появляются разбои, обливающіе слѣды свои человѣческою кровью. Такія времена для Сибири миновали съ тѣми тяжолыми для новой страны днями, когда неправильныя, наспиованныя заселенія ея всякимъ сбродомъ вызывали разбои и убійства повременно: во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аѳанасій Селезневъ); въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондюхинъ); въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ). Разбои и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искусственныя засеяенія; не исчезло это явленіе и при болѣе неблагопріятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывшій князь Баратаевъ за Леной, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Алданъ; нарождались разбои и производились убійства и тогда, когда заселяли пустынную Камчатку.

Сибирскія современныя убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгой, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки, а не владѣетъ способами исправленія, сибирскія убійства идутъ въ подчиненіи тѣмъ случайностямъ, которыя перестанутъ быть таковыми, когда мѣстныя наблюденія начнутъ производить въ строгой научной системѣ. Безъ нея теперь много неразгаданнаго, и свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлить свое мѣсто и взвѣсить тѣ благопріятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, довѣренныя ихъ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаиваясь на судѣ въ собственномъ злодѣяніи, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія, изступленія въ словахъ и говоритъ «разсвирѣпѣвъ и какъ бы *окаменѣвъ*», я бросился на него и проч.», такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ приставники ссыльнаго люда, находящіе свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ ссыльныхъ. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ, происходятъ изумительные факты исправленій злыхъ людей, конечно, помимо ихъ участія, конечно, независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ, и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстные на каторгѣ факты, слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбой-

ника, ограбившаго почту и убившаго ямщика и почтальона — въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кухнѣ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственнаго ребенка — въ кормилицахъ, отличающуюся неусыпнымъ надзоромъ, необычайною любовію къ воскормленику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца; извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсельникъ Горкинъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возилъ, темными ночами, по пустынному пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкалъ, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обобрать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлью торговою казацкою и голыдьбою каторжною, ссыльною.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частные случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частные случаи предшествуютъ общимъ и пополняются ими: милліоны возовъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предназначеннымъ на вымѣнъ этихъ чаевъ изъ Москвы въ Кяхту, прошли и пробѣжали по тому же Забайкалью, населяемому предпочтительно самыми опасными и испорченными людьми, выброшенными за негодностію изъ опасливой и трусивой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два свои, самыя отдаленныя, казначейства; трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не истерявши въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно утопила въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла, въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золото и серебро въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго числа казаковъ забайкальскихъ, носящихъ удалое званіе только по преданію. Туземецъ-сибирякъ вовсе не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ такого времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда «пробѣжитъ золотуха» (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полегчаетъ, морозы съ этой поры станутъ сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ «серебрянка»—придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: «слава Богу и Иннокентію чудотворцу иркутскому: увезли мірскую кровь и людскія слезы—надо телегу чинить: скоро кукушка закукуетъ». Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, доброхотные люди изъ старожиловъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты, быть осторожнымъ на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой стро-

гой каторги. Но тамъ, гдѣ сама каторга считаетъ свои собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжій не получаетъ, и затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ бо́льшихъ непріятностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги: словно и ѣдятъ здѣсь эти извощики круче и дахи ихъ теплѣе, а потому и спятъ они на возахъ крѣпче.

Но что́ на виду, то и на самомъ дѣлѣ: нескрываемой, насмѣшливо-хвастливой улыбкой встрѣчаютъ настоящіе знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе приставники и блюстители ссыльныхъ людей, всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобляемаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какою-нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую путается на службѣ съ малымъ — эти, увѣренные въ себѣ люди, защищаются сами и защищаютъ казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все завѣтное и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо проигрывается въ карты, либо обмѣнивается на вино. Наблюдатели, оффиціально обязавшіеся должностію и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что бо́льшая часть преступленій ввѣренныхъ имъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ вліяніемъ страстей, что это такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа — люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣщане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, что въ дѣлѣ паденія ихъ всего меньше замѣтно участіе сердца, что оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнымъ является уже потомъ, и именно здѣсь, на каторгѣ, что всѣ они именно *несчастные* люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлилъ ихъ самъ же простой народъ, выдѣлившій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и середи этого народа невооруженная револьверами и ружьями, незащищенная заборами и стѣнами, красуется тихая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ и на Аргуни, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ-Волгѣ, и что едва-ли даже не въ бо́льшей распущен-

ности проводится, не съ бо́льшею безпечностью устраивается и семейная жизнь здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихъ, оберегаемыхъ полиціею.

Въ то же время нерчинское горное начальство приняло на свои работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностію и признанныхъ опасными для нея, въ теченіе одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-е января 1857 г.), *шесть тысячъ двѣсти-тринадцать* человѣкъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ разсчотѣ на большее преуспѣяніе края и на пущую опасность для нессыльнаго и непреступнаго населенія изъ старожиловъ, явилось изъ Россіи однихъ убійцъ *2,179* человѣкъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійцъ, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предъидущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того съ единственнымъ, но призрачнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со взломомъ) *1,136* человѣкъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покупщиковъ краденаго 191, поджигателей *174*, святотатцевъ — *72*, пропзведшихъ растлѣніе — 54, возмущеніе 12 и оскопленіе — 7, — и 2,256 человѣкъ, «завиненныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ, сопряженныхъ съ другими преступленіями» и вообще не даромъ скрывшихъ свои настоящія имена и объявлявшихся на судѣ «непомнящими родства» *. Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшаго десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ завиненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку нѣкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) остановлена для работъ по-сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ) **, тѣмъ не менѣе, предлагаемая цифра сосчитана вѣрно и закрѣплена поголовной перекличкой и повѣркой. Не вся она на лицо (это также вѣрно) нетолько въ первые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первыя недѣли и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней, достаточно грозной, враждебной и опасной

* Общее число ссыльныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется сверхъ того еще 2-мя сосланными за пристанодержательство (то-есть притонщиковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ю, сосланными за «дерзость противъ начальства», 19-ю за утрату казенныхъ вещей и поврежденіе у себя членовъ (за членовредительство, — какъ привыкли выражаться наши законники по нѣмецкому способу словомышленій), и 54-мя присланными за Байкалъ за политическія дѣла (то-есть поляками).

** Такъ, напримѣръ, бо́льшая часть ссыльныхъ женщинъ оставлялась, не доходя Иркутска, на Тельминской суконной фабрикѣ.

силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастіе жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностію, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ неимущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя. Мы видѣли, на сколько некрѣпки кандалы, какъ скованные въ Россіи, такъ и замѣнившіе ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ и построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества; въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменныя, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибо́льшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянныя, но съ тѣмъ же ржавымъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и вообще съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы пески: для педагогическаго заведенія на каторгѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Какъ творится это чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченій извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири, возбуждаетъ недовѣріе, порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы силились произвести ее при содѣйствіи лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, разспросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно оттѣнилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, неимѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства. Плоды нашей работы мы представляемъ теперь, располагая ее въ томъ порядкѣ, какой случайно указываетъ намъ статистическая таблица ссыльныхъ, принятыхъ для горныхъ работъ въ Нерчинскомъ краѣ.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродяжества — этого богатаго источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинскою статистическою таблицею выдѣлено въ отдѣльную графу, и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слова стоитъ отдѣльно, одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, неоправдываемое никакими законами, но тѣмъ не менѣе подчиненное своимъ, служитъ въ одно и то же время и мѣриломъ для выясненія большей или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху, и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація.

Это обязываетъ насъ оглянуться назадъ и познакомиться съ ходомъ этого дѣла въ Россіи.

I.

Убійцы.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ, по разрядамъ преступленій, къ самымъ крупнымъ, и въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ только бродяжеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству) и, раздѣляясь на смертоубійство умышленное и случайное («неосторожное»), даетъ число ссыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ таблицы нерчинской, въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцъ прошло въ Сибирь *4,952 мужчины и 1,451 женщина* *. Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, неотставшими отъ кочевой жизни и тѣхъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайнюю устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужаго племени, монгольскія въ большинствѣ съумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ нравахъ, которые характеризовали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтна между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, то за то другая, и бо́льшая, часть отстаиваетъ упорно свои племенныя особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ измельчиться въ бывшемъ казанскомъ царствѣ въ торгаша—бухарца, и буряты начали мирно распахивать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческой кровью, и татары и буряты бере-

* Въ этомъ числѣ тобольскія табели о ссыльныхъ включили вмѣстѣ съ самыми убійцами и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявили начальству, и тѣ, которые суждены по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

гутъ на крайній случай и на благопріятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровь за кровь, этой характерной черты азіатскихъ народовъ, еще неосѣдлыхъ и негражданственныхъ — черты, выразившейся съ бо́льшею опредѣленностію и послѣдовательностію въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцевъ. Вотъ почему и тобольская табель о ссыльныхъ должна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцъ-татаръ 67, башкиръ 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7, (между прочимъ грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхожденіе которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живущи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ-называемой «сухой бѣдѣ» — особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вотяка, чуваша и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика; до сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни цыгане, ни дальное сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно поразительная случайность, преслѣдуемая и нетерпимая цѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требованій разноплеменности, нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ большей отвѣтственности передъ законами человѣчества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ большей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по статистическимъ числамъ его преступленій: еще до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всяческія пружины, руководящія духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе въ спискѣ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Симбирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя въ то же время почти всѣ губерніи эти принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, таковое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравновѣшиваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ: столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) ухо-

дятъ на второй и третій планъ, составляютъ вторую и третью количественную категоріи. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соотвѣтственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая такимъ образомъ преступность ихъ населенія *. Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрила достаточно законнаго и опредѣленнаго: нигдѣ произвольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не представляющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностію, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ большей запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **. Если принять въ соображеніе, что, напримѣръ, губернія Московская имѣетъ большее число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ пружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступленія, не теряя своей важности, все-таки остается неразрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ существовать у насъ уголовныя хроники и юридическія характеристики мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайно-

---

* За 20 лѣтъ — Убійцъ — Число жителей.

Курская	540	1,900,000
Харьковская	478	1,600,000
Черниговская	430	1,500,000
Полтавская	379	1,900,000
Пензенская	339	1,900,000

** Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховнѣе селеній. Также немалая трудность и бо́льшая осмотрительность понадобится въ томъ случаѣ, когда придется съумѣть и успѣть отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промысловаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цвѣта въ калейдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточнаго основанія и права. Барышникъ изъ касимовскихъ татаръ и изъ цыганъ, неимѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ конокрадствѣ вблизи конныхъ ярмарокъ и пойдутъ въ Сибирь, изъ Лебедяни и Котельнича за рязанца и вятскаго. Убійца бурлакъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, и пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное пьянство на каспійскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подъ призрачнымъ именемъ астраханца, и проч. и проч. Такъ, между прочимъ, Спб. губ., съ столичнымъ городомъ, по населенію равная Костромской, — по количеству убійцъ встала къ ней въ такія отношенія въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1846: убійцъ Спб. 398 муж. и жен., Костромс. 254. Весь излишекъ дополненъ г. Санктпетербургомъ.

стей. Современемъ опредѣлится съ цифровымъ подкрѣпленіемъ та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступнѣе (болѣе населенной) губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ губерніяхъ этихъ происходитъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому, что большинство населенія ихъ, помимо природцевъ, принадлежитъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками поссесіоннаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчетовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, на сколько убійства тамъ не рѣдкость и сколько не нравственно рабочее населеніе вдоль всего богатаго и рудоноснаго Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большее количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше; грабежи отличаются удальствомъ и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города — Екатеринбурга, который рѣзко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ городовъ русскихъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ: кыштымскихъ (9 убійствъ), невьянскихъ (6 случаевъ), нижнетагильскихъ (6 случаевъ), алапаевскихъ и уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступнѣе другихъ богословскіе; причемъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соотвѣтствующей пропорціи и самоубійства также явленія нерѣдкія. Убиваютъ довольно часто мужья любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сынъ отца, съ участіемъ матери и товарищей, заставши отца на мѣстѣ прелюбодѣянія; своякъ удавилъ свояка, по просьбѣ жены послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положилъ въ сани съ бандурой и полуштофомъ водки; сестра зарѣзала ночью сестру за то, что эта доносила матери о распутной жизни убійцы и созналась въ томъ, что сначала собиралась изрубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушилъ беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варнакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по совѣту бабки, ѣздилъ къ священнику съ просьбою растворить въ церкви царскія врата, въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленькій мальчикъ, посланный за милостыней, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой избѣ. Одинъ коновалъ въ кабакѣ далъ заводскому вмѣсто молотаго табаку пережженнаго купоросу; оби-

женный вышелъ-было вонъ, да вернулся и говоря про себя — себѣ подъ носъ: «кто смѣлъ меня ударить?» нырнулъ, вмѣсто коновала, ножомъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услыхавши ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ двернымъ запоромъ и не возвращался; найденъ избитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ, какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: «начинай!», а другой: «не робѣйте!» Затѣмъ «караулъ!» раза четыре и просьба: «Васенька, заступись!» И опять: «не шевелись, Васька, и тебѣ то же будетъ!» И снова просьба: «ребята! пожалѣйте, перестаньте!» и снова крикъ: «ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь, въ той же крови будете плавать и вы». Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники — пастухи, которые выпросили убитаго подвезти на лошадкѣ и проч.

Конечно, и на этотъ разъ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ; оружія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ; сплятся мускулистыя руки сократить жизнь на горлѣ, на причинномъ мѣстѣ; но за то уже въ большомъ ходу яды, долговременная подготовка къ преступленію; между убійцами мало людей неизвѣстныхъ, изъ бродягъ: все свои — заводскіе и фабричные люди. Бродяги «шалятъ» отчасти въ Екатеринбургѣ и вольнѣе хозяйничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздраженные каторгой, а затѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглые, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Однихъ убійцъ въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губернія эта дала 176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убійцъ), и Курскую (540), и Вятскую (447), и С.-Петербургскую (398). Издавна Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обезпеченнымъ на поселеніи людомъ, и притомъ въ такой системѣ, которою не давалось правильной осѣдлости, не указывались работы и не направлялся ихъ трудъ — это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ — бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія, жаждущихъ проскользнуть въ Россію, и какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди,

они производятъ тѣсноту и на бездѣльѣ и досугѣ пошаливаютъ: въ грабежахъ наталкиваются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, преступныхъ въ убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категоріи, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ бо́льшая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіе шести лѣтъ (съ 1838 по 1844) ушло ихъ въ Сибирь всего 317, тогда какъ мужчинъ за то же преступленіе осуждено было 23 человѣка. Чаще также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже женъ мужья, но за то естественнымъ образомъ чаще братъ брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *.

* Убійства этихъ видовъ находятся между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

Преступленія	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего
Убійство мужей....	30	28	23	16	27	19	143
» женъ.....	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство							
Матерями	39	53	67	43	59	56	317
Отцами.....	3	5	3	5	3	4	23
Братоубійство							
Братьями	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами.....	—	1	—	1	—	—	2
Убійство родит.							
Сыновьями	3	3	7	4	6	5	28
Дочерями.....	2	2	—	1	3	—	8

Останавливаясь на этихъ жертвахъ столько же семейнаго деспотизма, самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животно-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытуемомъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, измѣнили планъ сортировки преступниковъ и разнородныхъ сбили въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрикѣ, какова, напримѣръ, «оскорбленіе родительской власти». Надо замѣтить, что приводимыя цифры до того устойчивы, что еще въ 1759 году, когда вознамѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холостякамъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, прошедшихъ туда черезъ Омскъ, 24 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимой послѣдовательностію, какъ и въ наши дни, за поджоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за кражу, побѣгъ и «порчу волшебными травами и словами».

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нерѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга, съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторявшихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣтельствуетъ тобольскій митрополитъ Филоѳей, находя причину его въ сильномъ развратѣ ссыльныхъ женщинъ, и Иннокентій Неруновичъ (епископъ Иркутскій), говорящій, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцевъ хоронили матери въ ямахъ отхожихъ мѣстъ.

Убійство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступленій, которое прежде другихъ обрекаетъ ее на несчастіе ссылки и становится для нея обязательнымъ въ силу тяжолыхъ бытовыхъ условій, завпсящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній къ нимъ мужей и семьи, и отъ того позора, каковымъ встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяголъ при крѣпостномъ состояніи, принудительныя супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцевъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ)—супружества, основанныя на волѣ большаковъ семей для пріобрѣтенія дешовой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи сговореныхъ; обиліе разнаго рода отхожихъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ зимнія стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одиноких, изъ которыхъ значительная часть въ свою очередь покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постойныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ, — вотъ гдѣ находитъ оправданіе себѣ этотъ видъ убійства — убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тотчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія, встаетъ на первое мѣсто въ возрастъ свыше двадцати, и затѣмъ, до 40 лѣтъ не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступленій. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще разсчоты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи выставляетъ на первое мѣсто убійство — мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40) отходитъ на задній планъ, уступаетъ участію женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщина продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ, и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-е годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщанокъ слабѣе обоихъ видовъ этихъ русскихъ сословій, наиболѣе другихъ, виновныхъ въ отнятіи жизни у собственныхъ созданій. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлилось въ соотвѣтствіи съ количественностію населенія: съ бо́льшимъ числомъ случаевъ исключенія (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ, и съ меньшею цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астра-

ханская, напримѣръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ девять лѣтъ).

Убійство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табелахъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе несвойственно обитателямъ бо́льшей части степныхъ губерній, организующихся при участіи отбившихся отъ семействъ молодыхъ паръ или бобылей—и губ. сѣвернымъ, гдѣ патріархальная чистота нравовъ сохранилась во всей своей цѣлости, такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ бо́льшей виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Пермская и Оренб.)—готовные участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соотвѣтствуетъ у нихъ и у дочерей въ бо́льшей степени возрасту зрѣлому (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ; у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцъ-родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ; въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворовыхъ преступленія этого не существуетъ вовсе *. Убійство родственниковъ, а также сестеръ и братьевъ не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей, оставаясь въ незначительныхъ цифрахъ даже и для густо-населенныхъ губерній. Мужчины, естественно, виновнѣе въ этомъ отношеніи женщинъ, не по праву исключительности отношеній въ общественномъ (не семейномъ) смыслѣ, а въ силу того закона, что вообще мужская натура несравненно грубѣе и преступнѣе женской.

И—жертвы вслѣдъ за жертвами обязываютъ перейти насъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя пали, какъ очистительныя, за тяжкій грѣхъ, нѣкогда исповѣдуемый всѣмъ, населяющимъ земной шаръ, человѣчествомъ и не такъ давно присущій всему нашему государству. У насъ, въ Россіи, эта упорная и застарѣлая болѣзнь государственнаго организма въ наши дни разрѣшилась подъ вліяніемъ хирургическаго ножа и обѣщаетъ, по увѣренію врачей, скорый и благопріятный исходъ. Мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ и, по плану нашего разсказа, переходимъ къ тѣмъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому злу, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на Нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на по-

* Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводятся въ разрядъ испытующихся, не освобождаются отъ заключенія въ тюрьмахъ даже за дряхлостію.

мѣщиковъ повинности деньгами и задѣльемъ, на бо́льшую—дворовые люди—этотъ непроизводительный классъ русскаго населенія, который въ послѣднія сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключонное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и небогатое свободными землями, до отчаянія и на край погибели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь), усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ, дворовое сословіе отчасти предотвратило опасности само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ оно съумѣло за долгое время существованія образоваться въ особенную касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не превратилось и въ то, которое его вызвало и приблизило къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выразило въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношеній и направлялись къ сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземеленные, обездоленные собственностію, они воровали до такой степени неисправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большомъ числѣ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ, въ представительствѣ женской половины своего сословія, подымали и участвовали въ возмущеніяхъ; на счастливые случаи прибѣгали къ поддѣлкамъ документовъ, съ цѣлью денежныхъ пріобрѣтеній или для побѣга и—на крайніе и несчастные случаи производили убійства, направляя ихъ противъ господъ своихъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступнѣе всѣхъ; какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ; какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины въ видѣ поджигательницъ преступнѣе всѣхъ мужчинъ, изъ какого бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное обстоятельство, что не было губерніи въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣскольку разъ въ теченіе нашихъ восьми лѣтъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ большее количество крѣпостныхъ населяетъ губернію, тѣмъ сильнѣе цифра внесена въ тобольскую табель. Большинство убійцъ принадлежитъ мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ, сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ

общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ; убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ, и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10—20 лѣтъ). При этомъ охотливѣе поднимали они руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и постороннихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ Сарат. (34 м., 3 ж.), Симбир., (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавс. (14—11), Костр. (18 м., 4 ж.), Витеб. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курс. (13 м., 4 ж.), Ворон. (15 м., 2 ж.), Пенз. (9 м., 7 ж.), Харьков. (3 м., 12 ж.), Дон. Зем. (6 м., 8 ж.), Тул. (9 м. 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Ряз. (8 м., 4 ж.), Казан. (11 м.), Псков. (5 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.), Нижег. (9 м.). Твер. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смол. (2 м., 5 ж.), Оренб. (2 ж., 4 м.), Яросл. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м. 2 ж.), Тамб. (2 м. 2 ж.), Грод. (4 м.), въ Вятской, Вилен., Грузино-Имеретинс., Минс. и Моск. (по 3 м.), въ Новг., Волог. и Черн. (по 2 м.), въ Оренб., Перм. и Тавр. (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя расположены по окраинамъ имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же, самое наименьшее число), и, волею историческихъ судебъ, освобождены были отъ вліяній крѣпостнаго права, каковы: Арханг., Астрах., Олонецк. (отчасти Волог. и Вятск.) *. Не видимъ также убійцъ изъ трехъ губерній остзейскихъ; также не выслано изъ Кіевской ни одного во всѣ восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могутъ, потому что на этотъ разъ списки составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, что въ 1846 году убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 году — 18**.

---

* Впрочемъ, изъ Арханг. высланъ былъ одинъ завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

** По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Мужчинъ....	43	49	78	14	16	4	14	10
Женщинъ...	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, ссыльные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказательства: изъ Владимірской губ. сосланы въ 1859 году два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійцъ 9 считались таковыми съ 1842 года, а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи): обѣ «за приготовленіе яда на отравленіе помѣщиковъ» и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1857 года за «отравленіе госпожи

Убійство по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ, изъ дворянъ, — для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ; въ равной же степени ссыльные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые превосходятъ въ количествѣ убійствъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ быта складывалась неблагопріятнѣе условій крѣпостнаго быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (приписныхъ къ земли, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненіи крестьянъ съ мѣщанами,—у первыхъ случаи убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степень вѣроятія на убійство успливается въ крестьянахъ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдуютъ за заводскими, какъ за однодворцами идутъ непосредственно военные поселяне. Съ самою слабою степенью (въ сложности) въ убійствѣ, какъ и во всѣхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійцъ принадлежитъ (тотчасъ же) губ. Симбирской, за тѣмъ Казанской, Харьковской, и Курской. Самымъ слабымъ процентомъ отличаются губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію должно сказать, что тобольскія табели не представляютъ собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любопытныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ ссыльныхъ и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ въ теченіе первыхъ десятковъ лѣтъ со времени своего основанія, приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣя задачами, истекающими изъ требованій науки, онъ съумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. При этомъ окончательные выводы доступны для того или другаго вида преступ-

ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повиновенія въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаруживалось массами — участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершонныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другаго рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія, или произойдутъ, какъ слѣдствіе измѣненія или отмѣны нѣкоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

леній только на отдѣльные періоды въ какой нибудь десятокъ лѣтъ, а не во весь тотъ періодъ, который истекъ со дня основанія приказа въ 1823 году до настоящаго времени. Приказъ сначала выдѣлялъ, потомъ съумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не разцѣнивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьёзныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, пахатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, перестали потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, имѣющемъ весьма серьёзное значеніе при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣетъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣстнымъ отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выдѣлить приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (лоцмановъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ); льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи на столько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участія во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *.

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны облегчить степень виновности, въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій крестьянъ, сидящихъ на землѣ безъ всякихъ льготъ и преимуществъ и платящихъ подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжкихъ преступленій, стоятъ въ заднихъ рядахъ, позади другихъ сословій и званій, или искусственно созданныхъ или неудачно вызванныхъ на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглые, бывшіе тюремные сидѣльцы или освобожденные и поселенцы). На этотъ разъ тѣ же крестьяне, но поставленные въ другія бытовыя условія, сдѣлались преступнѣе во всѣхъ родахъ преступленій и многія, изъ признаваемыхъ тяжкими, цѣликомъ взяли на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на такъ называемыхъ простыхъ людяхъ русскихъ. Мѣщане и солдаты — эти два чужеземныя растенія, пересаженныя съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ, повинуясь естественнымъ законамъ, — на нашей почвѣ, въ полтораста лѣтъ, успѣли прорости глубоко, но въ то же время приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новыя свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ

* Бѣлопашцы, напримѣръ, поступились въ недавнее время многими изъ своихъ, высланными за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглыхъ.

народомъ цвѣтка, на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волчецы, у которыхъ внѣшніе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растеній начинаетъ въ наше время принимать иной видъ и оживляться; но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзать сухія вѣтви, срѣзать дикіе наросты и дадутъ имъ иную поливку, другіе свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ современемъ перетрясутъ и провѣтрятъ землю, комомъ накипѣвшую около самыхъ корней и задержавшую такимъ образомъ правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корневаго растенія и непривитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ примѣтны были и начатки агоніи съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности: одинъ, обманувшійся на искусственной почвѣ города, другой—обманутый жизнію въ казармѣ—оба стояли на покатой дорогѣ къ пороку. Причина извѣстна: трудъ есть одно изъ началъ морализа̀ціи; работа, занятія — сильное, испытанное противоядіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ: онъ соединяется обыкновенно съ безнравственностью, за которой неизбѣжно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне — люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго — оттого и преступность ихъ не такая тяжкая, какою является у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, съумѣвши разъ впасть въ преступленіе, успѣли пожить совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или, и вновь учрежденныя, не руководствовались настоящими образцами и человѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ всѣхъ другихъ сословій наибольшею пропорціею ссыльныхъ за тотъ родъ убійства, который называется *самоубійствомъ*.

II.

Самоубійцы.

Отъ судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ человѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ человѣкъ предъ преступленіемъ, противъ наплыва черныхъ мыслей и для умягченія раздражонныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы.

Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борьбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнію, чѣмъ покинутъ стезю долга. Причина этого самоотверженія, этой послѣдней жертвы, на которую идетъ человѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества: они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго достоинства успокоиваютъ актера незримой драмы и онъ отдается въ руки смерти, не желая можетъ быть разставаться съ жизнью, но довольный и счастливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возрастаютъ по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы болѣе или менѣе продолжительные кризисы, которымъ подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагопріятно дѣйствуютъ нетолько на существованіе самаго работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе безпорядки (къ счастію, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупныя затрудненія въ работахъ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но тяготѣющія преимущественно надъ рабочимъ людомъ. Неурожаи и зараза одинаково страшны, но они большею частію не такъ опасны для работниковъ, чѣмъ сильные промышленные и политическіе кризисы; эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожаи и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству; на всѣ другіе года она выразилась въ болѣе ровной цифрѣ, подчиненной вліянію на самоубійство того тяжелаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнёта рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно передъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая); и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣе замѣтна эта наклонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія, покушеній къ самоубійству въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ

чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они бо́льшимъ искусствомъ довести намѣренія свои до конца, которому не удалось выразиться покушеніемъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины, — изъ Сибири судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ вѣдѣніе, съумѣли запутать такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго понятія. За ними закрыты тѣ остроумные выводы, къ которымъ пришелъ, напримѣръ, Quetelet въ своей книгѣ «Sur l'homme».

Тобольскія табеля, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностію указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ такимъ образомъ этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помѣщиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выражавшихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская (6— 3)), Харьковская (4 мужчины и 5 женщинъ), (Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Московская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійцъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *. Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ, выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ. Вообще же наклонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности: меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ, предшествуетъ долговременное злоупотребленіе спиртными напитками, и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ—въ Россіи.

Сибирь представляется тою страною, гдѣ самоубійства и по-

* Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ цифры распредѣлились такъ: въ 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842 — 78 м., 27 ж.; 1843: 154 м., 40 ж.; 1838: 6 м., 8 ж.; 1839: 6 м., 4 ж.; 1840: 9 м., 1 ж.; 1844: 14 м., 8 ж.; 1845: 7 м., 9 ж.; 1846: 9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ. Пермс., Спб., Тоб., Смол., Симб. и Казан. Заводскіе съ фабричными примѣчательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнёта тяжелой жизни.

кушеніе на такое преступленіе — явленіе нетолько нерѣдкое, но и рѣзко бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людомъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришедшаго изъ Россіи (со скрытыми наклонностями къ тому) недоставало еще одного лишенія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобъ сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубокой вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни; неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждой утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли, и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастіе, неволя отняла и охоту къ жизни, постановивъ на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединяя къ этому какое-либо несчастіе, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего пацієнта въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обычномъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываетъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой и немногосложной формѣ. Убійца долго не думаетъ, кончаетъ съ собой тамъ же, гдѣ часъ приспѣлъ: дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтей и хлѣвовъ) и подволокъ (то-есть чердаковъ) самоубійцы не ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлей, они и не знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, семь человѣкъ задавились. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ, подвергнувшихъ себя насильственно смерти, были на большую часть поселенцы; на большую часть избрали они мѣстомъ для разсчота съ неудавшеюся жизнью хлѣвы, и всѣ задавились, надѣвши на шею петлю изъ собственной опояски и закинувши шнурокъ за брусъ или стропила хлѣвовъ.

Прямымъ противоядіемъ злу самоубійства на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умѣютъ, съ примѣтнымъ успѣхомъ, изнашивать съ успѣхомъ накипѣвшую въ сердцѣ тоску. Бродяжество такимъ образомъ является новымъ видомъ болѣзней ссыльныхъ и включается въ число преступленій, наиболѣе господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придержавшись сначала опушки лѣсной, каковою на этотъ разъ представляется Россія.

С. Максимовъ.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА.

Павлинъ Павлинычъ Курослѣповъ, именитый купецъ.
Матрена Харитоновна, жена его.
Параша, дочь его отъ первой жены.
Наркисъ, прикащикъ Курослѣпова (по дому).
Гаврило, прикащикъ по лавкѣ.
Вася Шустрый, сынъ недавно разорившагося купца.
Дѣвушка.
Силанъ, дальній родственникъ Курослѣпова, живетъ въ дворникахъ.

Дворъ: направо отъ зрителей крыльцо хозяйскаго дома, рядомъ дверь въ комнату, гдѣ живутъ прикащики; налѣво флигелекъ, передъ нимъ звено забора, передъ флигелемъ кусты, большое дерево, столъ и скамья, на заднемъ планѣ ворота. Лѣтній вечеръ, восьмой часъ.

Дѣйствіе происходитъ лѣтъ 30 назадъ въ уѣздномъ городѣ Калиновѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврило (*сидитъ на скамьѣ съ гитарой*), Силанъ (*съ метлой стоитъ подлѣ*).

Силанъ.

Слышалъ ты, пропажа-то у насъ?

Гаврило.

Слышалъ.

Силанъ.

Вотъ она гдѣ у меня сидитъ, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои — господа прикащики, у меня чтобъ аккуратно: въ девятомъ часу чтобъ дома, и ворота на запоръ. А ужь это, чтобъ по ночамъ черезъ заборъ лазить, — ужь это заведеніе надо вамъ бросить; а то сейчасъ за воротъ, да къ хозяину.

Гаврило.

Чудакъ ты человѣкъ, да коли нужно.

Силанъ.

Мое дѣло: было-бъ сказано, а тамъ, какъ знаете! Я теперь необнаковенно золъ, вотъ какъ золъ, бѣда! (*Гаврило брянчитъ на гитарѣ. Силанъ молча смотритъ ему на руки*). Доходишь?

Гаврило.

Дохожу помаленьку. (*Поетъ и аккомпанируетъ себѣ*).

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого,
Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно.

Силанъ.

Пѣсня важная.

Гаврило.

Пѣсня разчудесная, въ какой хочешь компаніи пой; только вотъ переборъ... смотри хорошенько! Видишь? не выходитъ, да и на-поди!

Силанъ.

Я такъ полагаю, другъ любезный, тебѣ это самое занятіе лучше бросить.

Гаврило.

Зачѣмъ же мнѣ его бросать, дядюшка Силантій? Что̀ я труда положилъ, ты то подумай!

Силанъ.

Много тебѣ муки мученицкой за него.

Гаврило.

Мука-то ничего, а убытку много, это вѣрно; потому гитара струментъ ломкій.

Силанъ.

Ежели ее съ маху да объ печку, тутъ ей и конецъ.

Гаврило.

Конецъ, братецъ ты мой, конецъ, плакали денежки.

Силанъ.

Объ печку? А? Придумалъ же хозяинъ экую штуку; какъ увидитъ эту самую гитару и сейчасъ ее объ печку! Чудно!

Гаврило (*со вздохомъ*).

Не все объ печку, дядюшка Силантій, двѣ объ голову мою расшибъ.

Силанъ.

И довольно это, должно быть, смѣшно; потому гулъ по всему дому.

Гаврило.

Кому смѣшно, а мнѣ...

Силанъ.

Больно? Само собой, если краемъ...

Гаврило.

Ну, хоть и не краемъ... Да ужь я за этимъ не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленая; а за гитары-то я деньги плачу.

Силанъ.

И то правда. Голова-то поболитъ, поболитъ, да и заживетъ; а гитару-то ужь не вылечишь.

Гаврило.

А что, не убираться ли мнѣ! Какъ бы хозяинъ не увидалъ.

Силанъ.

Нѣтъ! Гдѣ! Онъ спитъ, по обнаковенію. Ночь спитъ, день спитъ; заспался совсѣмъ, ужь никакого понятія нѣту, ни къ чему; ногъ носомъ у себя не видитъ. Съ просонковъ-то, что̀ на яву съ нимъ было, что̀ во снѣ видитъ, все это вмѣстѣ путаетъ; и разговоръ станетъ у него не явственный, только мычитъ; ну, а потомъ обойдется, ничего.

Гаврило (*громко поетъ*).

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого. (*Курослѣповъ выходитъ на крыльцо.*)

Силанъ.

Постой-ко! Никакъ вышелъ! И то! Уходи отъ грѣха! Или, стой! Притулись тутъ; онъ дальше крыльца не пойдетъ, потому лѣнивъ. (*Гаврило прячется*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Курослѣповъ и Силанъ.

Курослѣповъ (*садится на крыльцо и нѣсколько времени зѣваетъ*).

И съ чего это небо валилось? Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится. Или это мнѣ во снѣ, что-ль? Вотъ угадай поди, что̀ такое теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ? И никого, прахъ ихъ... Матрена! Ни дома, ни на дворѣ, чтобъ имъ!.. Матрена! Вотъ какъ оно страшно, когда не знаешь, что̀ на свѣтѣ... Жутко какъ-то. И сонъ это я видѣлъ, али что̀?

Дровъ будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорятъ: грѣшниковъ поджаривать. Неужто жь это я въ адѣ? Да куда жь это всѣ провалились? И какой это на меня страхъ сегодня! А вѣдь небо-то никакъ опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вотъ искры. И что, ежели вдругъ теперь свѣтопреставленіе! Ничего мудренаго нѣтъ! Оченно это все можетъ случиться, потому... вотъ смолой откуда-то запахло и пѣлъ кто-то дикимъ голосомъ и звукъ струнный или трубный, что-ли... Не поймешь. (*Бьютъ часы городскіе*). Разъ, два, три, четыре, пять (*считаетъ, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. (*Часы, пробивъ восемь, перестаютъ*). Только? Пятнадцать!.. Боже мой, Боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать. Да еще мало по грѣхамъ нашимъ! Еще то ли будетъ! Ежели пойти выпить для всякаго случаю? Да, говорятъ, въ такомъ разѣ хуже, а надо, чтобы человѣкъ съ чистой совѣстью... (*Кричитъ*). Силантій, эй!..

Силанъ.

Не кричи, слышу.

Курослѣповъ.

Гдѣ ты пропадаешь? Этакое дѣло начинается...

Силанъ.

Нигдѣ не пропадаю, тутъ стою, тутъ, тебя берегу.

Курослѣповъ.

Слышалъ часы?

Силанъ.

Ну, такъ что жь?

Курослѣповъ.

То-то, молъ! Живы еще всѣ покудова?

Силанъ.

Кто?

Курослѣповъ.

Домочадцы и всѣ православные христіане?

Силанъ.

Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослѣповъ.

Источники водные еще не изсякались?

Силанъ.

Нѣтъ. Съ чего имъ?

Курослѣповъ.

А гдѣ же теперь жена?

Силанъ.

Въ гости ушла.

Курослѣповъ.

Вотъ этакой теперь случай; она должна при мужѣ.

Силанъ.

Ну, ужь это ея дѣло.

Курослѣповъ.

Какіе гости! Нашла время! Страхъ этакой.

Силанъ.

Какой?

Курослѣповъ.

Всѣмъ въ услышаніе пятнадцать-то часовъ било.

Силанъ.

Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый часъ это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курослѣповъ.

Ты говоришь, ужинать?

Силанъ.

Да, ужь это безпремѣнно. Ужь ежели что положеное, безъ того нельзя.

Курослѣповъ.

Такъ это, значитъ, мы вечеромъ?

Силанъ.

Вечеромъ.

Курослѣповъ.

И все, какъ бываетъ завсегда? Ничего такого?

Силанъ.

Да чему же?

Курослѣповъ.

А я было какъ испугался! Мало ли я тутъ, сидя, чего передумалъ. Представилось мнѣ, что послѣдній конецъ начинается. Да вѣдь, и то сказать, долго-ли.

Силанъ.

Что толковать.

Курослѣповъ.

Въ соборѣ отошли?

Силанъ.

Сейчасъ только.

Курослѣповъ (*запъваетъ*).

Но, яко... Ты ворота заперъ?

Силанъ!

Заперъ.

Курослѣповъ.

Пойти, посмотрѣть за тобой.

Силанъ.

Пройдись малость, лучше тебѣ...

Курослѣповъ.

«Да, пройдись малость!» Все твое несмотрѣніе. Вездѣ свой глазъ нуженъ. У меня двѣ тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

Силанъ.

А ты спи больше, такъ и всего обворуютъ.

Курослѣповъ.

Вамъ развѣ хозяйскаго жаль! Еще я съ тобой... погоди.

Силанъ.

Ну да, какъ же! Испугался! Съ меня взять нечего. Я свое дѣло дѣлаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть къ присягѣ. Не тонма-что воръ, муха-то не пролетитъ, кажется. У тебя гдѣ были деньги-то?

Курослѣповъ.

Не успѣлъ я въ сундукъ-то убрать, подъ подушкой были, въ чулки спрятаны.

Силанъ.

Ну, кому же возможно, самъ посуди! Въ чулки прячешь, — такъ вотъ ты чулки-то и допроси хорошенько!

Курослѣповъ.

Разсказывай. А вотъ, взять тебя за волосы, да, какъ бабы бѣлье полощутъ...

Силанъ.

Руки коротки!

Курослѣповъ.

Опять же вина не наготовишься, цѣлыми бутылями пропадаетъ.

Силанъ.

Съ того ищи, кто пьетъ, а меня Богъ миловалъ.

Курослѣповъ.

Кто бы это укралъ?

Силанъ.

Диковина!

Курослѣповъ.

Ужь, кажется, кабы...

Силанъ.

Ну, да ужь и я бы...

Курослѣповъ (*на распѣвъ*).

Но, яко... Такъ ужинать ты говоришь?

Силанъ.

Одно дѣло.

Курослѣповъ.

Пойти приказать.

Спланъ.

А что жь вороты?

Курослѣповъ.

Послѣ. Ты у меня... (*Грозитъ*). Слушай! Я, братъ, вѣдь нужды нѣтъ, что ты дядя. А у меня, чтобъ все, двери, замки, чтобъ все цѣло! Пуще глазу, какъ зеницу ока, береги. Мнѣ изъ-за васъ не разориться.

Спланъ.

Ну, да ужь и довольно! Сказано, и будетъ.

Курослѣповъ.

Гдѣ прикащики?

Спланъ.

А кто ихъ знаетъ.

Курослѣповъ.

Ежели котораго нѣтъ, не отпирай, пусть за воротами ночуетъ; только хозяйку пусти. А ежели постороннихъ кого къ нимъ, хоть знакомый-раззнакомый, ни подъ какимъ видомъ. У меня тоже дочь невѣста. (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Спланъ, Гаврило и потомъ Вася Шустрый.

Спланъ (*подходитъ къ Гаврилѣ*).

Вылѣзай, ничего!

Гаврило.

Ушелъ?

Спланъ.

Ушелъ. Вотъ теперь поужинаетъ, да опять спать. А отчего это онъ спитъ такъ? Оттого, что капиталъ! А ты вотъ тутъ майся всю ночь. Награбилъ денегъ, а я ему ихъ стереги! Двѣ тысячи рублей! Легко сказать! Отъ твоего, говоритъ, несмотрѣнія! Каково мнѣ на старости лѣтъ попреки слушать! Ужь, кажется, кабы мнѣ этого вора! Ужь я-бъ ему!... То-есть, кажется, зубами бы загрызъ! Ну, вотъ покажись теперь, вотъ такъ метлой прямо ему... (*Увидавъ Васю, который показывается на заборѣ*). Постой, постой! Вотъ онъ! Погоди, дай ему съ забору то слѣзть. (*Бросается на него съ метлой*). Караулъ!

Вася.

Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

Силанъ (*ухвативъ его за воротъ*).

И то никакъ свой! О, чтобъ тебя! Перепугалъ. Ты зачѣмъ же черезъ заборъ-то? Кара...

Вася.

Не кричи, сдѣлай милость. Я къ вамъ посидѣть, больно скучно дома-то.

Силанъ.

Коли ты къ намъ честью, на то есть ворота.

Вася.

Ворота заперты, а стучать — пожалуй, хозяинъ услышитъ.

Силанъ (*держитъ за воротъ*).

А гдѣ жь это показано, чтобъ черезъ заборъ? Ка... ка...

Вася.

Сдѣлай такую милость! Вѣдь ты меня знаешь; развѣ я въ первый разъ?

Силанъ.

Знаю я, что ты и прежде черезъ заборъ лазилъ, да разъ на разъ не приходитъ; прежде взыску не было, а теперь вонъ двѣ тысячи рублей пропало. Вотъ оно, что̀ значитъ васъ баловать!

Вася.

Вѣдь не я укралъ, ты самъ знаешь, какое жь мнѣ до этого дѣло!

Силанъ (*трясетъ его за воротъ*).

Тебѣ нѣтъ дѣла! Тебѣ нѣтъ дѣла! Стало быть, я одинъ за всѣхъ отвѣчай! Вамъ никому нѣтъ дѣла. Все я! Вотъ ты у меня теперь запоёшь! Караулъ!

Гаврило.

Да полно ты его мытарить-то.

Силанъ (*Васѣ*).

Кланяйся въ ноги! (*Вася кланяется*). Вотъ такъ! (*Беретъ его за воротъ*).

Вася.

Зачѣмъ же ты меня опять за воротъ-то взялъ?

Силанъ.

Для всякой осторожности. Что, отецъ здоровъ?

Вася.

Слава Богу!

Силанъ.

Знаю вѣдь я, зачѣмъ ты пришелъ; да нѣтъ ея дома, въ гости ушла.

Вася.

Да пусти.

Силанъ (*держа за воротъ*).

Въ гости ушла, другъ любезный. Вотъ погоди, придетъ. Вотъ придетъ, такъ повидайся, что жь!

Вася.

Да полно тебѣ мудрить-то надо мной. Что ты меня за воротъ-то держишь?

Силанъ.

А вотъ что: не свести ли мнѣ тебя къ хозяину покудова?

Вася.

Силантій Иванычъ, есть ли на тебѣ крестъ?

Силанъ (*отпускаетъ*).

Ну, Богъ съ тобой. Сиди здѣсь! Только чтобъ честно и благородно; а ежели что, сейчасъ руки назадъ и къ хозяину. Понялъ?

Вася.

Что же мнѣ понимать-то?

Силанъ.

Ну, то-то же. Мнѣ было бъ сказано. (*Отходитъ и стучитъ въ доску*).

Гаврило.

Что тебя не видать давно?

Вася.

Не досужно было. Ну, Гаврикъ, какія я чудеса видѣлъ, такъ, кажется, всю жизнь не увидишь!

Гаврило.

Гдѣ жь это?

Вася.

У Хлынова былъ.

Гаврило.

У подрядчика?

Вася.

Да. Онъ ужь теперь подряды бросилъ.

Гаврило.

Развѣ у тебя ужь дѣловъ теперь нѣтъ никакихъ?

Вася.

Какія дѣла! Все врозь ползетъ, руки отваливаются. Въ люди идти не хочется отъ этакаго-то капиталу; я тоже человѣкъ балованный...

Гаврило.

А вѣдь поневолѣ пойдешь, какъ ѣсть-то нечего будетъ.

Вася.

Ну, тамъ что Богъ дастъ, а покуда погуляю.

Гаврило.

Что же ты, какія диковины видѣлъ у Хлынова?

Вася.

Чудеса! Онъ теперь на дачѣ живетъ, въ рощѣ своей. И чего-чего только у него нѣтъ! Въ саду бесѣдокъ, фонтановъ надѣлалъ; пѣсельники свои; каждый праздникъ полковая музыка играетъ; лодки разныя завелъ и гребцовъ въ бархатные кафтаны нарядилъ. Сидитъ все на балконѣ безъ сертука, а медали всѣ навѣшены, и съ утра пьётъ шампанское. Кругъ дому народъ толпится, все на него удивляются. А когда народъ въ садъ велитъ пустить, поглядѣть всѣ диковины, и тогда ужь въ саду дорожки шампанскимъ поливаютъ. Рай, а не житье!

Гаврило.

А вѣдь изъ крестьянъ недавно.

Вася.

Умъ такой имѣетъ въ себѣ. Ужь какихъ-какихъ только прихотей своихъ онъ не исполняетъ! Пушку купилъ. Ужь чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще желать на свѣтѣ? Чего теперь у него нѣтъ? Все.

Гаврило.

Да на что же пушку?

Вася.

Какъ на что, чудакъ! По его капиталу необходимая это вещь. Какъ пьетъ стаканъ, сейчасъ стрѣляютъ, пьетъ другой—стрѣляютъ, чтобы всѣ знали, какая честь ему передо всѣми. Другой умретъ, этакой чести не дождется. Хоть бы денекъ такъ пожилъ.

Гаврило.

Гдѣ ужь намъ! Ты молись Богу, чтобы вѣкъ работа была, чтобы сытымъ быть.

Вася.

Еще баринъ съ нимъ. Онъ его изъ Москвы привезъ, за сурьёзность къ себѣ взялъ и вездѣ возитъ съ собой для важности. Баринъ этотъ ничего не дѣлаетъ и все больше молчитъ, только пьетъ шампанское. И большое ему жалованье положено за видъ только за одинъ, что ужь очень необыкновенные усы. Вотъ тоже этому барину житье, умирать не надо.

Гаврило.

Эхъ, братъ, Вася! Кому ты позавидовалъ! Нынче онъ этого барина шампанскимъ поитъ, а завтра, можетъ быть, надругается да прогонитъ. Хорошо, какъ деньжонки есть, а то и ступай пѣшкомъ въ Москву. А ты, хоть съ грошомъ въ карманѣ, да самъ себѣ господинъ.

Вася.

А то у него еще другой атютантъ есть, здѣшній мѣщанинъ, Аристархъ.

Гаврило.

Знаю.

Вася.

Этотъ только на выдумки: какъ что̀ сдѣлать почуднѣе, выпить повеселѣе, чтобъ не все одно и то же. Машины Хлынову дѣлаетъ, флаги краситъ, фонтаны въ саду проводитъ, цвѣтные фонари клеитъ; лебедя ему сдѣлалъ на лодкѣ на носу, совсѣмъ какъ живой; часы надъ конюшней на башнѣ поставилъ съ музыкой. Этотъ не пьетъ и денегъ беретъ немного; за то ему и уваженія меньше. «У тебя, говоритъ, золотыя руки, наживай капиталы отъ меня!» «Не хочу, говоритъ Аристархъ, и твой-то капиталъ весь несправедливый». «Какъ ты, говоритъ, смѣешь грубить, я тебя прогоню». Аристархъ ему прямо такъ: «гони, говоритъ, не заплачу, по мою жизнь васъ дураковъ хватитъ». И такъ будто побранятся. Только Аристархъ его ничего не боится, грубитъ ему и ругаетъ въ глаза. А Хлыновъ его за это даже любитъ; да и то надо сказать, денегъ у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего онъ не знаетъ, какъ ему эти деньги истратить, чтобъ весело было. «Коли, говоритъ, не будетъ у меня Аристарха, стану ихъ такъ просто горстями бросать». Вотъ ему Аристархъ и нуженъ, чтобъ думать за него. А коли что̀ самъ выдумаетъ, все нескладно. Вотъ недавно придумалъ лѣтомъ въ саняхъ ѣздить по полю. Тутъ недалеко деревня; собрали двѣнадцать дѣвокъ и запрягли ихъ въ сани. Ну, что за удовольствіе! На каждую дѣвку далъ по золотому. А то вдругъ на него хандра нападетъ; «не хочу, говоритъ, пьянствовать, хочу о своихъ грѣхахъ казниться». Позоветъ духовенство, посадитъ всѣхъ въ гостиной по порядку, кругомъ, на кресла и начнетъ подчивать; всѣмъ въ ноги кланяется; потомъ пѣть заставитъ, а самъ сядетъ одинъ посереди комнаты и горькими слезами плачетъ.

Гаврило.

Что̀ жь ты у него дѣлалъ?

Вася.

Меня Аристархъ позвалъ. Они теперь эту самую игру-лодку всю по своему передѣлали. Лодка настоящая и ѣздятъ по пруду кругомъ острова, а на острову закуска и вина приготовлены, а Аристархъ хозяиномъ, одѣтъ туркой. Три дня къ ряду эту игру играли, надоѣла. (*Подходитъ Наркисъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Наркисъ.

Наркисъ.

Я что жь, я, пожалуй, съ вами вмѣстѣ сяду, нужды нѣтъ, что вы мнѣ не компанія. (*Садится*).

Вася (*не обращая на него вниманія*).

Какъ разбойники раза два кругомъ острова объѣдутъ, и все атаманъ глядитъ въ трубу подзорную, и вдругъ закричитъ не своимъ голосомъ, и сейчасъ причаливаютъ, и грабить, а хозяинъ кланяется и всѣхъ подчуетъ.

Наркисъ.

Какіе это такіе разбойники проявились и откудова? Мнѣ это чтобы сейчасъ было извѣстно.

Вася (*не слушая*).

И хозяинъ говоритъ потурецки, и такъ похоже, вотъ какъ быть надо.

Наркисъ.

Есть тоже, которые разговаривать не хотятъ, но тоже и бьютъ ихъ за это довольно порядочно.

Вася.

А одѣты всѣ въ бархатъ, настоящій, венпцейскій.

Наркисъ (*вынимаетъ красный фуляровый платокъ, надушеный, и размахиваетъ имъ*).

Можетъ, и другой кто одѣться-то умѣетъ, такъ что и купцу въ носъ бросится.

Гаврило.

Поди ты съ своими духами!

Наркисъ (*показывая перстень*).

И супиры тоже можемъ имѣть, что, которые купеческіе дѣти есть, такъ можетъ и не видывали. А про разбойниковъ, про вашихъ все узнается, потому прикрывать ихъ не показано.

Вася.

Да можетъ ты самъ разбойникъ-то и есть, кто тебя знаетъ!

Наркисъ.

И за такія слова тоже судъ съ вашимъ братомъ короткій.

Вася.

Я когда въ Москвѣ былъ, «Двумужницу» видѣлъ, такъ тамъ

съ лодки прямо такъ изъ ружья и стрѣляетъ. Ужь на что лучше.

Наркисъ.

Я вотъ поѣду въ Москву, я погляжу, я погляжу, такъ ли ты говоришь.

Вася.

Ужь этому актеру трепали, трепали въ ладоши, — страсть!

Наркисъ.

Ты погоди врать-то, вотъ я погляжу, еще можетъ твоя неустойка выдетъ.

Вася.

А это купецъ, а не актеръ, а больше на разбойника похожъ.

Наркисъ (*встаетъ*).

Умнаго у васъ разговору, я вижу, нѣтъ, слушать мнѣ нечего. А между прочимъ, надобно сказать, я самъ скоро въ купцы выду. (*Входитъ во флигель*).

Гаврило.

А ты послушай, какую я пѣсню наладилъ.

Вася.

Валяй!

Гаврило (*поетъ съ гитарой*).

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нѣту никого,
Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно!

Сплапъ (*издали*).

Тише ты, никакъ хозяинъ...

(*Курослѣповъ выходитъ на крыльцо*).

Гаврило (*не слушая, съ большимъ азартомъ*).

Дома нѣту никого,
Полѣзай, милый, въ окно!
Милый ручку протянулъ,
Казакъ плеткой стегонулъ.
На то сѣни, на то двери,
На то новы ворота.

Курослѣповъ (*сходитъ съ крыльца*).

Гаврюшка! Вотъ кто гудитъ-то. Какое такое столпотвореніе ты тутъ на дворѣ заводишь!

Гаврило.

Батюшки! Бери скорѣй гитару да полѣзай въ кусты. (*Вася беретъ отъ него гитару и лѣзетъ въ кусты*).

Курослѣповъ.

Кому я говорю! Глухъ ты, что-ли! Иди сейчасъ сюда на глаза и съ бандурой!

Гаврило.

Гитары нѣтъ у меня, Павлинъ Павлинычъ, провалиться на мѣстѣ, нѣтъ-съ, это я такъ...

Курослѣповъ.

Какъ такъ? Какъ такъ, мошенникъ!

Гаврило.

Я, Павлинъ Павлинычъ, на губахъ, право, на губахъ.

Курослѣповъ.

Поди сюди, поди сюда, говорятъ тебѣ! (*Вася убѣгаетъ съ гитарой во флигель*).

Силанъ.

Ты, братецъ, иди, коли велятъ; ужь дѣлать, стало быть, нечего.

Гаврило.

Что же такое! Я иду-съ!

Силанъ.

Ну, маленько потреплетъ, ужь безъ того нельзя, на то онъ хозяинъ. (*Гаврило идетъ нога за ногу. Куросльповъ обходитъ его и хочетъ къ нему подойти. Гаврило отступаетъ, потомъ бѣжитъ на крыльцо, Куросльповъ за нимъ въ домъ. Стучатъ въ калитку, Силанъ отпираетъ. Входятъ: Матрена и Параша. Силанъ, впустивъ ихъ, уходитъ за ворота*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Матрена, Параша, потомъ Гаврило.

Матрена (*идетъ къ крыльцу, изъ дому выбѣгаетъ Гаврило, растрепанный и сталкивается съ ней*).

Ой! Пострѣлъ! Подъ ребро! Подъ самое—подъ сердце! Я-жь тебя, погоди! (*Ловитъ его за руку. Параша смѣется*). Ты чему смѣешься, чему?

Параша.

Захотѣла смѣяться и смѣюсь.

Матрена.

Эко зелье! Эко зелье! (*Идетъ къ Парашѣ и ведетъ Гаврилу за собой, тотъ упирается*).

Параша.

Не подходи лучше, нехорошо тебѣ будетъ.

Матрена.

Запру тебя, въ чуланъ, запру, вотъ и весь разговоръ.

Параша.

Нѣтъ, не весь, много у насъ съ тобой разговору будетъ (*уходитъ*).

Матрена.

Эко зелье зарожденное! (*Гаврилѣ*). А ты откуда взялся? Ужь ты на людей метаться сталъ! Ишь ты какой всклоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврило.

Чтожь, хорошо что ль трепать людей-то! Есть чѣмъ хвастаться? Вѣдь это всё отчего людей-то треплютъ?

Матрена.

Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврило.

Отъ необразованія.

Матрена.

Отъ необразованія? Тебя, видно, мало? Пойдемъ, я еще къ хозяину сведу.

Гаврило.

Да что вы, въ самомъ дѣлѣ! Пустите! (*вырывается*). Я ужь и такъ топиться отъ васъ хочу.

Матрена.

И чудесно! Вонъ и Парашка хочетъ топиться, такъ ужь вы вмѣстѣ, и насъ-то развяжете.

Гаврило.

Ну, я-то ужь таковскій, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья отъ васъ нѣтъ. Это даже довольно подло съ вашей стороны.

Матрена.

Ахъ, ты тварь ползущая! Смѣешь ли ты такъ хозяйкѣ?

Гаврило.

Вѣдь это въ васъ невѣжество ваше такъ свирѣпствуетъ.

Матрена.

Молчи! Сейчасъ я тебя всѣхъ твоихъ правъ рѣшу.

Гаврило.

Какихъ правъ? У меня и нѣтъ никакихъ. А что мнѣ молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы падъ падчерицей тиранствуете. Вотъ вы и знайте! (*Уходитъ. Входитъ Наркисъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Матрена и Наркисъ.

Матрена.

Это ты, Наркисъ?

Наркисъ (*грубо*).

Нѣтъ, не я.

Матрена.

Какъ ты можешь со мной такъ неучтиво! Хозяйка желаетъ съ тобой нѣжно разговаривать,—есть ея такое теперь желаніе...

Наркисъ.

Вообразпте! И что́ еще будетъ?

Матрена.

Ты, какъ есть, мужикъ, неотесанный.

Наркисъ.

И то мужикъ, я себя барпномъ и не ставлю. Что ты меня изъ кучеровъ-то прикащикомъ произвела, экономомъ, — ты думаешь, что я сейчасъ барпномъ и сталъ для тебя, какъ же! Ты выправь мнѣ такой листъ, чтобы былъ я, какъ есть, прпродный дворянинъ, да тогда учтивости отъ меня и спрашивай.

Матрена.

Что ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Наркисъ.

А невозможно, я и такъ живу. Какъ былъ невѣжа, обломъ и грубіянъ, такъ, значитъ, и остался. И пичего я объ этомъ не безпокоюсь, потому что мнѣ и такъ оченно хорошо.

Матрена.

Что ты какой неласковый сегодня?

Наркисъ.

А вотъ неласковый, такъ и неласковый.

Матрена.

Да отчего?

Наркисъ.

Такъ, ни отчего. Про разбойниковъ много слышалъ.

Матрена.

Про какихъ?

Наркисъ.

Объявились въ нашихъ мѣстахъ... человѣкъ полтораста. Шайками по лѣсамъ и по водѣ на лодкахъ.

Матрена.

Да врутъ чай, поди.

Наркисъ.

Кто ихъ знаетъ; можетъ, и врутъ.

Матрена.

Что жь, ты боишься, что-ли?

Наркисъ.

Ну, вотъ еще выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

Матрена.

Ты что вышелъ-то? Тебѣ не нужно-ль чего?

Наркисъ.

Да, мнѣ теперича очень требуется...

Матрена.

Чего?

Наркисъ.

Денегъ.

Матрена.

Какихъ денегъ, что ты!

Наркисъ.

Такихъ денегъ,—обыкновенныхъ, государственныхъ, а ты думала, игрушечныхъ? Такъ я не маленькой, мнѣ не играть ими. Тысячу рублей давай!

Матрена.

Да опомнись ты! Давно ли...

Наркисъ.

Оно точно, что недавно; только, коли я требоваю, такъ, стало быть, нужно. Потому какъ я въ купцы выходить хочу въ скорости и безпремѣнно; такъ, значитъ, чтобъ мнѣ была тысяча рублей.

Матрена.

Варваръ ты, варваръ!

Наркисъ.

Это точно, я варваръ; это ты правду. Жалости во мнѣ на васъ нѣтъ.

Матрена.

Да вѣдь ты меня грабишь.

Наркисъ.

А для чегожь мнѣ тебя не грабить, коли я могу. Что же я, теперича, за дуракъ, что мнѣ отъ своего счастья отказываться!

Матрена.

Да, ненасытная твоя душа, ужли тебѣ мало еще?

Наркисъ.

Мало не мало, а коли есть мое такое желаніе, такъ, значитъ, подавай: разговаривать нечего. Ежели да мнѣ съ тебя денегъ не брать, это будетъ довольно смѣшно.

Матрена.

Ахъ ты... Боже мой милостивый... что мнѣ съ тобой дѣлать!

Наркисъ.

Ужь теперь шабашъ, ничего не подѣлаешь! Ты бы объ этомъ прежде...

Матрена.

Гдѣ-жъ я тебѣ денегъ возьму?

Наркисъ.

А это не моего разсудка дѣло.

Матрена.

Да подумай ты самъ, дубовая башка, самъ подумай!

Наркисъ.

Вотъ еще, очень нужно! Мнѣ какое дѣло! Стану я для тебя голову ломать, какъ-же! Думаютъ-то пѣтухи индѣйскіе. Я весь вѣкъ прожилъ, не думавши; а какъ сейчасъ что въ голову придетъ, вотъ и конецъ.

Матрена.

Кровопивецъ ты, окаянный! (*хочетъ идти*).

Наркисъ.

Постой, погоди. Не надо мнѣ денегъ. Пошутилъ.

Матрена.

Вотъ такъ-то лучше.

Наркисъ.

А чтобы падчерицу за меня замужъ, Парашу.

Матрена.

Ну, не пёсъ ты послѣ этого?

Наркисъ.

И денегъ и приданаго, всего, какъ слѣдуетъ.

Матрена.

У! Проклятый! Выколоть тебѣ бѣльмы-то твои, завистливыя.

Наркисъ.

И сдѣлай такую милость, свадьба чтобъ была скорѣе. А то я такихъ дѣловъ надѣлаю, что не расчерпаешь. Чего душа моя желаетъ, чтобъ это было! И пожалуйста ты меня не задерживай. Вотъ тебѣ и сказъ. Больше я съ тобой разговаривать теперь не въ расположеніи (*уходитъ*).

Матрена.

Попуталъ меня, охъ попуталъ! Накинула я себѣ петлю на шею! Вымоталъ онъ всю мою душеньку изъ бѣла тѣла. Ноженьки-то мои съ мѣста не двигаются. Точно меня громомъ ошарашилъ! Кабы эту чаду гдѣ бревномъ придавило, кажется бы въ Кіевъ сходила по обѣщанію (*выходитъ Параша*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Матрена и Параша.

Матрена.

Куда ты, куда выскочила?

Параша.

Иди скорѣй, батюшко зоветъ.

Матрена.

Ступай передомъ, я за тобой.

Параша.

Я не барабанщикъ, впереди тебя ходить (*сходитъ съ крыльца*).

Матрена.

Куда наровишь? Не бывать же по твоему, не пущу я тебя ночью шляться по двору.

Параша.

Ну такъ вѣдь уйду же, и на улицу, коли ты стала разговаривать. И не зачѣмъ уйти, а уйду. Иди домой, кличетъ, говорятъ тебѣ.

Матрена.

Разорвусь пополамъ, а на своемъ поставлю.

Параша.

Вынула ты изъ меня всё сердце, вынула. Что́ тебѣ нужно отъ меня? (*Становится прямо противъ нея*).

Матрена.

Какъ что нужно, какъ что нужно? Первый мой долгъ, я тебя соблюдать должна!

Параша.

Себя соблюдай!

Матрена.

Ты мнѣ не указъ.

Параша.

И ты мнѣ не указъ.

Матрена.

Мнѣ за тебя, за дрянь, да передъ отцомъ отвѣчать...

Параша.

Нечего тебѣ придумывать-то, чего быть не можетъ. Не въ чемъ тебѣ отвѣчать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигаетъ. Что, я мѣшаю тебѣ, что ли, что на дворѣ погуляю. Вѣдь я дѣвушка! Только и отрады у насъ, что лѣтнимъ дѣломъ погулять вечеркомъ, подышать на волѣ. Понимаешь ли ты, на волѣ, на своей волѣ, какъ мнѣ хочется.

Матрена.

Знаю я, зачѣмъ ты вышла-то; не даромъ Наркисъ-то говорилъ.

Параша.

Ты-бъ стыдилась объ Наркисѣ-то поминать.

Матрена.

Такъ вотъ нѣтъ же... (*Голосъ Куросѣпова: Матрена*). О! Чтобъ вамъ пусто было! Измучили вы меня! Въ гробъ вы меня вгоните!

Параша.

За что ты надо мной тиранствуешь? У звѣря лѣснаго и у того чувство есть. Много-ль у насъ воли-то въ нашей жизни въ дѣвичьей! Много ли времени я сама своя-то? А то вѣдь я—всё чужая, всё чужая. Молода—такъ отцу съ матерью работница, а выросла да за мужъ отдали, такъ мужнина, мужнина раба безпрекословная. Такъ отдамъ ли я тебѣ эту волюшку, дорогую, короткую. Всё, всё отнимите у меня, а воли я не отдамъ... На ножъ пойду за нее!

Матрена.

Ахъ, убьетъ она меня! Ахъ, убьетъ! (*Куросѣповъ выходитъ на крыльцо, Силанъ въ ворота*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Матрена, Параша, Куросѣповъ, Силанъ.

Куросѣповъ.

Матрена! Что тебя не дозовешься!

Матрена.

Уйми дочь-то, уйми! Зарѣзать меня хочетъ.

Параша.

Нечего меня унимать, я и такъ смирна.

Матрена.

Попала я въ семейку, въ каторжную. Лучше бы я у родителя въ дѣвичествѣ пребывала.

Куросѣповъ.

Экъ, хватилась!

Матрена.

Тамъ меня любили, тамъ нѣжили, тамъ и по сю пору обо мнѣ убиваются.

Силанъ.

Ты кричи шибче! И такъ почитай весь городъ у воротъ, не пожаръ ли, молъ.

Курослѣповъ.

А ты метлой-то ее!

Матрена (*Силану*).

И сохрани тебя Господи! Что я съ тобой... (*Куроспѣпову*). Ты дочь избаловалъ, ты! У васъ одинъ умыселъ, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! Съ мѣста не сойду.

Курослѣповъ.

Прасковья, покорись!

Параша.

Да въ чемъ покориться-то? Я по двору погулять вышла, а она меня гонитъ. Что она обо мнѣ думаетъ? Зачѣмъ она меня порочитъ? Я честнѣй ея! Мнѣ это обида. Горькая обида!

Матрена.

Говори, лохматый шутъ...

Курослѣповъ.

Метлой-то ее!

Матрена.

Тебя метлой-то! Говори, заспаныя твои буркалы: мое дѣло беречь ее?

Параша.

Нечего того беречь, кто самъ себя бережетъ! Не говори ты мнѣ такихъ словъ!

Курослѣповъ.

Ну, что тутъ еще! Что за базаръ! Покорись, тебѣ говорятъ.

Параша.

И ты говоришь: покорись? Ну, изволь... Я покорюсь (*Матренѣ*). Я покорюсь, только вотъ я тебѣ при отцѣ говорю — это въ послѣдній разъ, — запомни ты мои слова! Впередъ я, когда хочу, и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, такъ докажу я вамъ, что значитъ у дѣвки волю отнимать. Слушай ты, батюшко! Не часто мнѣ съ тобой говорить приходится, такъ ужь скажу я тебѣ заразъ. Вы меня, дѣвушку обидѣли. Браниться мнѣ съ тобой совѣсть не велитъ, а молчать силы нѣтъ; я послѣ хоть годъ буду молчать, а тебѣ вотъ что скажу. Не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь, дѣвичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себѣ добра хочу,—я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете... Не уберечь вамъ меня! (*Уходитъ. Куроспѣповъ уходитъ за ней, потупя голову. Матрена за нимъ, ворчитъ и бранится про себя.*)

Силанъ (*стучитъ въ доску*).

Посматривай!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА.

Куросѣповъ.
Матрена.
Параша.
Серапіонъ Мардарьичъ Градобоевъ, городничій.
Вася Шустрый.
Гаврило.
Силанъ.
Сидоренко, полицейскій унтеръ-офицеръ, онъ же и письмоводитель городничаго.
Жигуновъ, будочникъ.
Дѣвушка.
Рабочіе Куросѣпова.
Декорація перваго дѣйствія. 10-й часъ. Къ концу дѣйствія на сценѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Градобоевъ, Силанъ, Сидоренко и Жигуновъ (*входятъ въ ворота*).

Градобоевъ.

Что̀, человѣкъ божій, хозяева не спятъ еще?

Силанъ.

Надо быть, нѣтъ; ужинать хотятъ.

Градобоевъ.

Что̀ поздно?

Силанъ.

Да все раздоръ; бранятся по долгу, вотъ и опаздываютъ.

Градобоевъ.

А какъ дѣло?

Силанъ.

Мнѣ что! Говори съ хозяиномъ!

Градобоевъ.

Сидоренко, Жигуновъ, вы подождите меня у воротъ.

Сидоренко и Жигуновъ.

Слушаемъ, ваше высокоблагородіе (*Градобоевъ уходитъ на крыльцо*).

Сидоренко (*Силану, подавая табакерку*).

Березинскаго!

Силанъ.

Съ золой?

Сидоренко.

Малость.

Силанъ.

А стекла толченаго?

Сидоренко.

Кладу по препорціи.

Силанъ.

Что нюхать, что нюхать, братецъ ты мой? Старъ сталъ, ничего не дѣйствуетъ; не доходитъ. Ежели ты мнѣ,—такъ стекла клади больше, — чтобъ онъ бодрилъ... встряхивалъ, — а это что! Нѣтъ, ты мнѣ, чтобъ куражилъ, до мозговъ доходилъ (*уходитъ въ ворота. Съ крыльца сходитъ Параша*).

Параша.

Тихо... Никого... А какъ душа-то таетъ. Васи нѣтъ, должно быть. Не съ кѣмъ часокъ скоротать, не съ кѣмъ сердечко погрѣть! (*Садится подъ деревомъ*). Сяду я да подумаю, какъ люди на волѣ живутъ, счастливые. Эхъ, да много-ль счастливыхъто? Ужь не то, чтобы счастія, а хоть бы жить-то полюдски... Вонъ звѣздочка падаетъ. Куда это она? А гдѣ-то моя звѣздочка, что-то съ ней будетъ? Неужто жь опять терпѣть? Гдѣ это человѣкъ столько терпѣнья беретъ (*задумывается, потомъ запѣваетъ*).

Ахъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, дѣвка молодая —
Дѣвка по торгу гуляла...

(*Входятъ Вася и Гаврило*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Параша, Вася, Гаврило.

Гаврило.

Погулять вышли?

Параша.

Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Гаврило.

Теперь самое такое время, что гулять-съ, и для разговору съ дѣвушками это время самое для сердца пріятное. Такъ-съ, точно мечта какая, али сонъ волшебный-съ. По моимъ замѣчаніямъ вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-съ?

Параша.

Послушай, Гаврюша, вѣдь этакъ можно и надоѣсть! Который ты разъ меня спрашиваешь! Вѣдь ты знаешь, что я другаго люблю, такъ чего жь тебѣ?

Гаврило.

Такъ-съ. Я полагаю, что мнѣ и напредки въ ожиданіи не быть-съ.

Параша.

А напредки, голубчикъ, что̀ будетъ, одинъ Богъ знаетъ; развѣ я въ своемъ сердцѣ вольна? Только, пока я Васю люблю, ужь тебѣ нечего приставать. Ты погляди-ко лучше, не подошелъ бы кто, мнѣ съ нимъ поговорить нужно...

Гаврило.

Оченно могу-съ. Потому желаю отъ всего моего чувствительнаго сердца, хотя даже этакой малостью быть вамъ пріятнымъ. *(Отходитъ.)*

Параша.

Ну, вотъ молодецъ! (*Васѣ*) Вася, когда же?

Вася.

Дѣла-то у насъ съ тятенькой поразстроились.

Параша.

Знаю. Да вѣдь вы живете; значитъ, жить можно; больше ничего и не надобно.

Вася.

Такъ-то такъ...

Параша.

Ну, такъ что жь? Ты знаешь, въ здѣшнемъ городѣ такой обычай, чтобы невѣстъ увозить. Конечно, это дѣлается больше по согласію родителей, а вѣдь много и безъ согласія увозятъ; здѣсь къ этому привыкли, разговору никакого не будетъ, одно только и бѣда: отецъ, пожалуй, денегъ не дастъ.

Вася.

Ну, вотъ видишь ты!

Параша.

А что жь за важность, милый ты мой! У тебя руки, у меня руки.

Вася.

Я ужь лучше осмѣлюсь, да такъ приду когда нибудь, отцу твоему поклонюсь въ ноги.

Параша.

Вася, голубчикъ, терпѣнья моего не хватаетъ.

Вася.

Да какъ же быть-то, право, сама посуди.

Параша.

Ты по волѣ ходишь, а я-то, голубчикъ, подумай, что̀ терплю. Я тебѣ говорю по душѣ: не хватаетъ моего терпѣнія, не хватаетъ!

Вася.

Ужь ты малость-то, Параша, потерпи еще для меня!

Параша.

Вася, пешуточныя это слова, — поймп ты! Видишь ты, я дрожу вся. Ужь коли я говорю, что терпѣнія не хватаетъ,—значитъ, скоро ему конецъ.

Вася.

Ну, полно! Что ты! Не пугай!

Параша.

Что ты пугливъ больно! Ты вотъ словъ моихъ испугался, а кабы ты въ душу-то мою заглянулъ, что̀ тамъ-то! Черно, Вася, черно тамъ. Знаешь ли ты, что̀ съ душой-то дѣлается, когда терпѣнью конецъ приходитъ? (*Почти шопотомъ*) Знаешь ли ты, парень, какой это конецъ-то, гдѣ этотъ конецъ-то терпѣнью?

Вася.

Да видитъ Богъ!... Ну, вотъ, что жь мнѣ! Нешто не жаль, ты думаешь!

Параша (*жмется къ нему*).

Такъ держи ты меня, держи меня крѣпче, не выпускай изъ рукъ. Конецъ-то терпѣнію въ водѣ, либо въ петлѣ.

Вася.

Да вотъ, вотъ, какъ маленько съ дѣлами управлюсь, такъ сейчасъ къ отцу твоему, а то, пожалуй, и такъ безъ его вѣдома.

Параша.

Да когда жь, когда? День-то скажи! Ужь я такъ замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

Вася.

Да вотъ, какъ Богъ дастъ. Полученія тоже есть, старые должишки; въ Москву тоже надо съѣздить...

Параша.

Да ты слышалъ, что̀ я тебѣ сказала? Что жь, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? (*Плачетъ.*)

Вася.

Да Богъ съ тобой! Что ты!

Параша.

Слышалъ ты, слышалъ? Даромъ я, что-ль, передъ тобой сердцето изъ груди вынимала? Больно вѣдь мнѣ это, больно! Не болтаю я пустяковъ! Какой ты человѣкъ? Дрянной ты, что-ли? Что слово, что дѣло — у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь, — а мнѣ смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мнѣ терпѣть больше нельзя, а ты мнѣ: «Когда Богъ дастъ; да въ Москву съѣздить, да долги получить!» Или ты мнѣ не вѣришь,

или ты дрянь такая на свѣтъ родился, что глядѣть-то на тебя не стоитъ, не токмо что любить.

Вася.

Ну, что жь ты такъ? вотъ вдругъ...

Параша.

За что жь это, Господи, наказанье такое! Что жь это за парень, что за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно укралъ что. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видѣть-то тебя мнѣ тошно, только ты у меня духу отнимаешь. (*Хочетъ идти.*)

Вася.

Да постой, Параша, постой!

Параша (*останавливается*).

Ну, ну! Надумался, слава Богу! Пора!

Вася.

Что жь ты такъ въ сердцахъ-то уходишь, нешто такъ прощаются? Что ты, въ самомъ дѣлѣ! (*Обнимаетъ ее.*)

Параша.

Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

Вася.

Когда жь мнѣ къ тебѣ еще побывать-то? потолковали бы, право, потолковали.

Параша (*отталкиваетъ его*).

Я думала, ты за дѣломъ. Хуже ты дѣвки; пропадай ты пропадомъ! Видно, мнѣ самой объ своей головѣ думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надѣяться не стану. Зарокъ такой себѣ положу. Куда я сама себя опредѣлю, такъ тому и быть! Не на кого, по крайности, мнѣ плакаться будетъ. (*Уходитъ въ домъ. Гаврило подходитъ къ Васѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вася и Гаврило.

Гаврило.

Ну что, поговорилъ?

Вася (*почесавъ затылокъ*).

Поговорилъ.

Гаврило.

И какъ должно быть это пріятно, въ такую погоду, вечеркомъ и съ дѣвушкой про любовь говорить! Что въ это время чувствуетъ человѣкъ? Я думаю, у него на душѣ-то точно музыка играетъ. Мнѣ вчужѣ было весело, что ты съ Прасковьей Павлиновной говорилъ; а каково тебѣ?

Вася.

Что жь, ничего! Она нынче сердита что-то.

Гаврило.

Будешь сердиться отъ такой-то жизни. Ужь хоть ты-то ее не огорчай! Я бы, кажется, на твоемъ мѣстѣ... Вотъ скажи она мнѣ: пляши, Гаврило—я плясать, поди въ омутъ—я въ омутъ. Изволь, молъ, моя родная, изволь. Скажи мнѣ, Вася, какой это такой секретъ, что одного парня дѣвушки могутъ любить, а другаго ни за что на свѣтѣ?

Вася.

Надо, чтобъ парень былъ видный, изъ себя красивый.

Гаврило.

Да, да, да. Такъ, такъ.

Вася.

Это первое дѣло, а второе дѣло разговаривать нужно умѣть.

Гаврило.

Объ чемъ, милый другъ, разговаривать?

Вася.

Объ чемъ хочешь, только чтобъ вольность въ тебѣ была, развязка.

Гаврило.

А я, братецъ ты мой, какъ мнѣ дѣвушка понравится,—и сейчасъ она мнѣ, какъ родная, и сейчасъ я ее жалѣть начну. Ну, и конецъ, и разговору у меня вольнаго нѣтъ. Другая и у хорошихъ родителей живетъ, а все мнѣ ее жалко что-то; а ужь если у дурныхъ, такъ и говорить нечего; каждый мигъ у меня за нее сердце болитъ, какъ бы ее не обидѣлъ кто. И начну я по ночамъ думать, что вотъ ежели бы я женился, и какъ бы я сталъ жену свою беречь, любить, и все для нея на свѣтѣ бы дѣлалъ, не только что̀ она пожелаетъ, но и даже сверхъ того,—всячески бы старался для нея удовольствіе сдѣлать. Тѣмъ бы я утѣшался, что ужь очень у насъ женщины въ обидѣ и во всякомъ забвеніи живутъ, — нѣтъ такого ничтожнаго, послѣдняго мужичонка, который бы не считалъ бабу ниже себя. Такъ вотъ я хоть одну-то за всѣхъ сталъ бы ублажать всячески. И было-бъ у меня на сердцѣ весело, что хоть одна-то живетъ во всякомъ удовольствіи и безъ обиды.

Вася.

Ну, и что̀ жь изъ этого? Для чего ужь ты объ себѣ такъ мечтаешь? Къ чему это ведетъ? Это даже никакъ понять невозможно.

Гаврило.

Что̀ тутъ не понять? Все тебѣ ясно. А вотъ что̀ горько: что

вотъ съ этакой-то я душой, а достанется мнѣ дрянь какая нибудь, какую и любить-то не стоитъ, а все-таки я ее любить буду; а хорошія-то достаются вамъ, прощалыгамъ.

Вася.

Что жь, ты эту всю прокламацію разсказываешь дѣвкамъ, аль пѣтъ?

Гаврило.

Начиналъ, милый другъ, пробовалъ, только я отъ робости ничего этого, какъ слѣдуетъ, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфузъ...

Вася.

Что́ жь онѣ тебѣ на отвѣтъ?

Гаврило.

Извѣстно что̀, смѣются.

Вася.

Потому этотъ твой разговоръ самый низкій. А ты старайся сказать что нибудь облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебѣ сейчасъ скажу. Была вечеринка, только я наканунѣ былъ выпимши, и въ это утро съ тятенькой побранился, и такъ, знаешь ты, весь день былъ не въ себѣ. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно какъ я сердитъ, или разстроенъ чѣмъ. Потомъ вдругъ беру гитару, и такъ-какъ мнѣ это горько̀, что я съ родителемъ побранился, и съ такимъ я чувствомъ запѣлъ:

Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой?
Ты добычи не дождешься:
Я не твой, нѣтъ я не твой!
Посмотри за кустъ зеленый!
Дорожи теперь собой:
Пистолетъ мой заряженый!
Я не твой, нѣтъ, я не твой.

Потомъ бросилъ гитару и пошелъ домой. Она мнѣ послѣ говорила: «такъ ты мнѣ все сердце и прострѣлилъ насквозь!» Да и что жь мудренаго, потому было во мнѣ геройство. А ты что̀ говоришь? Какія-то плачевныя слова и совсѣмъ непитересно ничего. Погоди, я тебя какъ нибудь обучу, какъ надо съ ихней сестрой разговаривать и въ какомъ духѣ быть. А ты это что? Это одна каппитель. Теперь какъ бы мнѣ выбраться! Мимо Сплана идти не рука, махну опять черезъ заборъ. Прощай! (*Идетъ къ забору; на крыльцѣ показываются Куросѣповъ, Градобоевъ, Матрена и дѣвушка.*)

Гаврило

Куда ты! Вернись назадъ. Хозяева вышли; увидятъ — бѣда! Притаимся въ кустахъ, пока уйдутъ. (*Прячутся въ кусты*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Курослѣповъ, Градобоевъ, Матрена и дѣвушка.

Курослѣповъ.

Давай, Серапіонъ Мардарьичъ, выпьемъ мы теперича подъ древомъ! (*дѣвкѣ*) Ставь закуску подъ древо!

Градобоевъ.

Выпьемъ подъ древомъ!

Матрена.

Что вамъ на одномъ мѣстѣ-то не сидится!

Курослѣповъ (*женѣ*).

Брысь подъ лавку! (*Градобоеву*) Какъ же это ты съ туркой-то воевалъ?

Градобоевъ.

Такъ и воевалъ, очень просто. Что мы у нихъ этихъ однихъ крѣпостей побрали!

Матрена.

Да, можетъ, ты неправду?

Курослѣповъ.

Брысь, говорятъ тебѣ!

Матрена.

Что ты ужь очень некстати! Что, я тебѣ кошка, что-ли, въ самомъ дѣлѣ?

Курослѣповъ.

Ты, Серапіонъ Мардарьичъ, не осердись, помилуй Богъ! Ты и не гляди на нее, обернись ты къ ней задомъ, пущай она на вѣтеръ брешетъ. Какъ же вы эти самыя крѣпости брали?

Градобоевъ.

Какъ брали? Чудакъ! Руками. У турки храбрость большая, а духъ у него короткій, и присяги онъ не понимаетъ, какъ надобно ее соблюдать. И на часахъ ежели онъ стоптъ, его сейчасъ за ногу цѣпью прикуютъ къ пушкѣ, или тамъ къ чему, а то уйдетъ. Вотъ когда у нихъ вылазка изъ крѣпости, тогда его берегись, тутъ они опивумъ по стакану принимаютъ.

Курослѣповъ

Какимъ же это опивомъ?

Градобоевъ.

Ну, какъ тебѣ это растолковать? Ну, все одно олифа. И сейчасъ у него куражъ; тутъ ужь ему не попадайся, зубами загры-

зетъ. Такъ наши и здѣсь снаровку нашли. Какъ они повалятъ изъ крѣпости кучей, загалдятъ по своему, наши сейчасъ отступать, отступать, все ихъ заманиваютъ дальше, чтобъ у нихъ куражъ-то вышелъ; какъ отведутъ ихъ далеко, духъ-то этотъ храбрый весь у нихъ вылетитъ, тутъ ужь казаки заѣзжаютъ съ боковъ, да такъ ихъ косяками и отхватываютъ. Ужь тутъ его руками берп, сейчасъ аманъ кричитъ.

Курослѣповъ.

Не любитъ! Что жь это онъ аманъ кричитъ, зачѣмъ?

Градобоевъ.

По нашему сказать, порусски: пардонъ.

Матрена.

Ты вотъ говоришь: пардонъ, а я слышала, что у нихъ такіе есть, которые совсѣмъ безпардонные.

Градобоевъ.

Слышала ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ.

Курослѣповъ.

Сдѣлай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай ея словъ, пусть одна говоритъ. А то вотъ только малость дай ей за что уцѣпиться, такъ и жизни не радъ будешь. Ну, вотъ мы съ тобой теперича, послѣ сраженія турецкаго, и выпить можемъ.

Градобоевъ.

Это ужь своимъ чередомъ! (*Садятся и наливаютъ*) Вотъ я какой городничій! О туркахъ съ вами разговариваю, водку пью, невѣжество ваше всякое вижу и мнѣ ничего. Ну, не отецъ ли я вамъ, скажи?

Курослѣповъ.

Да ужь что толковать!

Матрена.

Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпіонъ Мардарьичъ!

Градобоевъ.

Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпіонъ! Это ты скорпіонъ, а я Серапіонъ.

Матрена.

Что ты ко мнѣ присталъ, не я тебя крестила! нешто я виновата, что тебѣ такихъ именъ надавали! Какъ ни выворачивай языкъ-то, все тотъ же скорпіонъ выдетъ.

Градобоевъ.

Вотъ что, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрѣла; все-таки свой-то глазъ лучше.

Матрена.

Ну, ужь ты эти свои дьявольскіе подходы оставь! Не глупѣй я тебя, только что развѣ въ Туречинѣ не бывала. Я вижу, что вамъ прогнать меня хочется, а я вотъ останусь.

Курослѣповъ.

Брось ты ее! Вотъ охота! Не понимаю... Ужь самое это послѣднее занятіе: съ собой разговаривать. Дивн бы дѣла не было! Вотъ она закуска-то! (*Пьютъ*).

Градобоевъ.

Ну, какъ же твои деньги? Какъ же намъ съ этимъ дѣломъ быть?

Курослѣповъ.

Что̀ съ возу упало, то пропало.

Градобоевъ.

Гдѣ они у тебя были?

Курослѣповъ.

Ну, ты знаешь, моя каморка, така темненькая. Туда кромѣ меня съ женой никто и не ходитъ.

Градобоевъ.

Подозрѣніе на кого-нибудь имѣешь?

Курослѣповъ.

Что грѣшить-то, ни на кого не имѣю.

Градобоевъ.

Надо слѣдствіе.

Матрена.

Ну да, какъ же не средствіе!

Градобоевъ.

Безпремѣнно надо.

Матрена.

Такъ вотъ я и позволю въ моемъ домѣ тебѣ безобразничать.

Градобоевъ.

Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрена.

Знаю я это средствіе-то, для чего оно бываетъ.

Градобоевъ.

Какъ тебѣ не знать, ты женщина умная. Мнѣ нужно себя очистить, а то скажутъ, пожалуй, въ городѣ грабежъ, а городничій и не почешется.

Матрена.

Ну, какъ же! Совсѣмъ не для того, а для того, что ты человѣкъ алчный.

Градобоевъ.

Разговаривай еще!

Курослѣповъ.

Оберпись къ ней задомъ!

Матрена.

Все тебѣ мало...

Градобоевъ.

И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрена.

И выходитъ, ты человѣкъ алчный! Какъ зародился на свѣтъ скорпіонъ, такъ скорпіонъ и есть.

Градобоевъ (*старается испугать*).

Я съ тобой побранюсь! Сказалъ я тебѣ, чтобы не смѣла ты меня скорпіономъ звать: я вѣдь капитанъ, регаліи имѣю; я съ тебя безчестье сдеру, а то и въ смирительный!

Курослѣповъ.

Хорошенько ее!

Матрена.

Въ усмирительный? Въ умѣ ли ты?

Градобоевъ.

Да еще на дуэль вызову.

Матрена.

Такъ вотъ я испугалась, какъ же! Тебѣ только съ бабами и драться! Велика бѣда, что я тебя скорпіономъ назвала. Вашего брата, какъ ни назови, только хлѣбомъ накорми!

Курослѣповъ.

Не связывайся ты съ ней! Я ужь съ ней давно ни объ чемъ не разговариваю, очень давно; потому нѣтъ моей никакой возможности. Разговору у меня съ ней нѣтъ, окромя: подай, прими, поди вонъ — вотъ и все.

Матрена (*Градобоеву*).

Ты свое средствіе, а я свое средствіе знаю. Запру вороты на запоръ, да собакъ выпущу, вотъ тебѣ и средствіе. Ты бы лучше разбойниковъ-то ловилъ, а то средствіе...

Градобоевъ.

Какихъ разбойниковъ?

Курослѣповъ.

Брось ты ее!

Матрена.

Изъ брынскихъ лѣсовъ человѣкъ полтораста приплыли.

Градобоевъ.

По сухому-то берегу... Гдѣ жь ты ихъ видѣла?

Курослѣповъ.

Оставь, молчи лучше, а то она такую понесетъ околесную, что только развѣ пожарной трубой уймешь.

Градобоевъ.

Ты бы ее останавливалъ.

Курослѣповъ.

Пробовалъ, хуже! А вотъ одно дѣло: дать ей на произволъ, мели, что̀ хочешь, а слушать и отвѣчать, молъ, несогласны. Устанетъ, перестанетъ. (*Пьютъ*).

Матрена.

Разбойники народъ крещеный грабятъ, а они тутъ проклажаются, водку пьютъ.

Градобоевъ.

Гдѣ грабятъ? Ну, сказывай! Кого ограбили?

Матрена.

А я почемъ знаю? Я что̀ за сыщикъ? По лѣсамъ грабятъ.

Градобоевъ.

Такъ это не мое дѣло, а исправника.

Курослѣповъ.

Чего тебѣ отъ нее хочется? Я тебѣ доподлинно объясняю, что нельзя съ ней разговаривать. Вотъ попробуй, такъ я тебѣ, чѣмъ хочешь, отвѣчаю, что безпремѣнно ты черезъ полчаса, либо съ ума сойдешь, либо по стѣнамъ начнешь метаться; зарѣжешь кого-нибудь, чужаго, совсѣмъ невиноватаго. Потому это дѣло испробованное.

Градобоевъ.

Ну, ужь видно, принесть тебѣ подарочекъ. Я въ Бессарабіи у казака купилъ, у киргиза.

Курослѣповъ.

Сдѣлай такую милость!

Матрена.

Это что̀ еще за выдумки?

Градобоевъ.

Въ ордѣ плетена, ручка въ серебро оправлена съ чернетью. Для друга не жаль. А ужь какая пользительная!

Матрена.

Умны вы больно, какъ погляжу я на васъ! Это ты плеть хочешь подарить, либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чемъ; потому это дороже васъ обоихъ, не токмà, что твоей плети. Приноси свою плеть! Что̀ жь, мы возьмемъ! Можетъ, и пригодится на какую-нибудь невѣжу гостя.

Градобоевъ.

Который у васъ заборъ-то на пустырь выходитъ?

Курослѣповъ (*указывая*).

Вонъ этотъ.

Градобоевъ.

Обмѣрить надо, сколько саженъ отъ дому.

Курослѣповъ.

Для чего?

Градобоевъ.

Для порядку.

Курослѣповъ.

Ну, что жь, можно.

Градобоевъ.

Давай шагами мѣрять, ты отъ дому, а я отъ забора, такъ и сойдемся вмѣстѣ (*отходитъ къ забору*).

Курослѣповъ.

Ну, давай! (*отходитъ къ дому*).

Матрена.

Шагайте, благо темно, смѣяться-то на васъ некому.

Градобоевъ (*идетъ отъ забора*).

Разъ, два, три...

Курослѣповъ (*идетъ отъ дому*).

Первый, другой, третій... погоди, сбился, начинай сначала (*каждый идетъ на прежнее мѣсто и постепенно сходятся*).

Градобоевъ (*натыкаясь на Васю*).

Стой! Что́ за человѣкъ? (*хватаетъ Васю за воротъ*). Сидоренко! Жигуновъ!

Курослѣповъ (*натыкаясь на Гаврилу, который подшибаетъ его и убѣгаетъ*).

Ай, убилъ, ай, убилъ! Караулъ! Держи его! (*вбѣгаетъ Силанъ, за нимъ два будочника и нѣсколько рабочихъ*).

Матрена.

Ахъ! Разбойники! Караулъ! Рѣжутъ!

Силанъ.

Гдѣ тутъ они?

Матрена.

Вонъ, въ кустахъ, хозяина рѣжутъ. Ахъ! Караулъ!

Градобоевъ (*будочникамъ*).

Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, въ моемъ-то городѣ? хо-хо-хо! (*будочники вяжутъ Васю*).

Силанъ (*ухвативъ Куросльпова*).

Нѣтъ, ужь ты мнѣ что́ хочешь пой, а ужь я тебя теперича поймалъ. Попался ты мнѣ! Что я изъ-за тебя муки, что этого сумленія...

Курослѣповъ.

Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то въ зубы.

Силанъ.

Шалишь! Не обманешь! Что этого грѣха я за тебя принялъ.

Градобоевъ (*Силану*).

И его тащи сюда! Огня подайте!

Силанъ (*одному дворнику*).

Бѣги въ молодцовскую, принеси фонарь (*работникъ уходитъ*).

Курослѣповъ.

Ты съ разбойниками вмѣстѣ, ты на хозяина, а еще дядя!

Матрена.

Много-ль ихъ тамъ разбойниковъ-то?

Силанъ.

Ни одинъ не уйдетъ, всѣ тутъ. Подержите, братцы. Гдѣ тутъ у меня веревка была?

Матрена.

Всѣ? Ахъ, полтораста! Караулъ! Всѣхъ они васъ, всѣхъ перекрушатъ, и до меня доберутся (*падаетъ на скамью*).

Градобоевъ.

Вяжите! хо-хо-хо-хо! У меня-то въ городѣ! Не нашли вы другаго мѣста!

Курослѣповъ.

Погоди жь ты! Дай ты мнѣ только руки-то высвободить, великая тебѣ будетъ... (*рабочій приноситъ и ставитъ фонарь на столъ*).

Градобоевъ.

Давай ихъ сюда! Сейчасъ допросъ. Ухъ, усталъ. Вотъ она наша служба-то! (*хочетъ садиться на скамью*). Тутъ что еще! Мягко что-то! Никакъ мертвое тѣло? (*трогаетъ руками*). Еще забота! Фу, ты! Нѣтъ тебѣ минуты покою.

Матрена.

Ахъ! до меня, до меня добираются.

Градобоевъ.

Охъ, ужь мнѣ эта баба! Опять ты тутъ? (*беретъ его за руку*).

Матрена.

Пуще всего не рѣжьте вы меня и не троньте моего тѣла бѣлаго!

Градобоевъ.

Ну да, какъ же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! говорятъ тебѣ (*топаетъ ногами*). Что ты тутъ судопроизводству мѣшаешь? (*садится на лавку*). Я свою должность правлю, сейчасъ арестовать велю (*Матрена уходитъ*).

Силанъ (*тащитъ Курослѣпова, ему помогаютъ другіе дворники*).

Вотъ ваше высоко... О, чтобъ!... И то никакъ хозяинъ.

Курослѣповъ.

Что вы, оглашенные! (*вырывается и хватаетъ за воротъ Силана*). Серапіонъ Мардарьичъ! Господинъ городничій! Суди ты его! Я тебѣ кланяюсь, суди его сейчасъ! (*Силану*). Вѣдь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому какъ ты купца, который отъ всего общества превозвышенъ и за разныя пожертвованія и для благолѣпія... опять же его иждивеніемъ... а ты ему руки назадъ при народѣ: и что ты со мной сдѣлалъ! Теперь всѣ мои чины, какъ есть въ ничто...

Градобоевъ.

Не бойся! Всѣ при тебѣ останутся, садись!

Силанъ.

Кто же тебя... Вотъ поди жь ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вотъ я... что жь: что силы было — страсть, какъ усталъ. Ишь ты какой здоровый! Вотъ ты опять... а нешто я виноватъ, что темно.

Градобоевъ.

Ну, это дѣло вы послѣ разберете. Давай сюда вора настоящаго (*будочники подводятъ Васю*). Ты что за человѣкъ?

Курослѣповъ.

Да это Васька!

Градобоевъ.

Зачѣмъ же это, другъ мой милый, ты за воровство принялся?

Курослѣповъ.

Да ужь безпремѣнно онъ, потому какъ отецъ теперь въ разстройство...

Градобоевъ (*Куросльпову*).

Ты будешь допрашивать? Можетъ быть, я не за свое дѣло взялся? Такъ надѣвай мой мундиръ, а ужь я буду прошеніе писать, чтобы меня въ отставку.

Курослѣповъ.

Ну, полно, не сердись!

Градобоевъ (*Васѣ*).

Такъ какъ же, другъ любезный?

Вася.

Да помилуйте, Серапіонъ Мардарьичъ! Нешто вы насъ съ тятенькой не знаете!

Градобоевъ.

Постой! Ты отвѣчай мнѣ на вопросъ: зачѣмъ ты за воровство взялся? Занятіе это, что ли, тебѣ понравилось? Или очень выгодно?

Вася.

Да помилуйте, я собственно побывать зашелъ, а извѣстное

дѣло — прячешься отъ Павлина Павлиныча, такъ-какъ у нихъ обнаковеніе, все за волосы больше... А что я съ малолѣтства къ воровству никакой охоты... Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, такъ мнѣ и не надо.

Градобоевъ.

Одинъ ты этимъ дѣломъ промышляешь, или въ компаніи?

Вася.

Что вамъ угодно, а за мной никакихъ дѣловъ нѣтъ-съ.

Курослѣповъ.

Ну васъ! Что за судъ! Развѣ онъ признается? Да хоть и признается, такъ ужь денежки прощай! Гдѣ жь это бываетъ, а у насъ и подавно, чтобы пропащія деньги нашлись! Стало-быть, ихъ и искать нечего, и судить не объ чемъ.

Градобоевъ.

Нѣтъ, ты такихъ словъ не говори! Отвѣтишь!

Курослѣповъ.

Было бы за что отвѣчать-то! Найди, тогда отвѣчу.

Градобоевъ.

Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, такъ найду. Теперь ты меня за живое задѣлъ.

Курослѣповъ.

Ну, ищи! Найдешь, ты будешь правъ, а я виноватъ. А мы вотъ сдадимъ его въ некруты за общество, они же теперь съ отцомъ разстроились, значитъ, онъ такъ шатается, не при дѣлѣ — вотъ и весь конецъ. На той же недѣлѣ сдадимъ, а покуда пусть посидитъ въ арестантской за подозрѣніе!

Градобоевъ.

Ладно, пусть посидитъ покуда (*будочникамъ*). Сведите его въ арестантскую.

Вася.

Да за что же, помилуйте!

Градобоевъ.

Маршъ! Безъ разговору (*будочники уводятъ Васю*).

Курослѣповъ.

Ты еще моли Богу... (*Рабочимъ*). Ступайте по мѣстамъ, что рты-то разинули! (*Силанъ и рабочіе уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Курослѣповъ и Градобоевъ.

Градобоевъ.

Съ нимъ еще кто-то былъ?

*

Курослѣповъ.

Надо быть, изъ свопхъ. Я такъ думаю: Гаврилка! Ну, ужь съ этимъ я самъ разочтусь.

Градобоевъ.

Значитъ, кончено дѣло?

Курослѣповъ.

Кончено.

Градобоевъ.

Ну!

Курослѣповъ.

Что, ну?

Градобоевъ.

Если дѣло кончено, такъ что?

Курослѣповъ.

Что?

Градобоевъ.

Мерси.

Курослѣповъ.

Какая такая мерси?

Градобоевъ.

Ты не знаешь? Это — покорно благодарю. Понялъ теперь? Что жь, я за даромъ для тебя пропажу-то искалъ?

Курослѣповъ.

Да вѣдь не нашелъ.

Градобоевъ.

Еще бы найдти! Тогда бы я не такъ съ тобой заговорилъ. Мальчикъ я, что ли, для васъ, по ночамъ-то разбойниковъ ловить, живота не жалѣя! Я человѣкъ раненый!

Курослѣповъ.

Да вѣдь ты такъ, между дѣломъ, за водкой.

Градобоевъ.

Водка сама по себѣ; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты безъ барыша ничего не продашь, ну такъ и я завелъ, чтобы мнѣ отъ каждаго дѣла щетинка была. Ты мнѣ щетинку подай! Побалуй тебя одного, такъ и другіе волю возьмутъ. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.

Курослѣповъ.

Да, ну что жь, я, пожалуй, завтра...

Градобоевъ.

Милости просимъ на чашку чаю, пораньше.

Курослѣповъ.

Хорошо, зайду.

Градобоевъ (*подаетъ ему руку*).

До пріятнаго! Ты завтра пришли ко мнѣ Силана, мнѣ его разспросить надо! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Курослѣповъ, потомъ Гаврило и Силанъ.

Курослѣповъ (*громко*).

Гаврилка! (*Гаврило у окна громко поетъ: ни папаши, ни мамаши*). Врешь, не обманешь! Гаврилка! (*Гаврило входитъ*).

Гаврило.

Ежели вы опять за волосы, такъ пожалуйте лучше разсчетъ!

Курослѣповъ.

Вотъ я тебя разочту сейчасъ. Силантій! Дядюшка! Эй! (*входитъ Силанъ*). Выкинь его сундучишко на улицу и самаго въ шею.

Гаврило.

Куда жь я ночью?

Курослѣповъ.

А мнѣ что за дѣло! Мой домъ не общественнаго призрѣнія для всякаго, который того не стоитъ. Коли жить не умѣешь, ступай вонъ, и конецъ.

Гаврило.

Да у меня полтараста рублей денегъ зажито.

Курослѣповъ.

Важное дѣло полтараста рублей; а у меня двѣ тысячи пропало. Полтараста! А въ острогъ хочешь?

Гаврило.

Да за что же? Я человѣкъ бѣдный!

Курослѣповъ.

Бѣдные-то и воруютъ.

Гаврило.

Мнѣ деньги пожалуйте! Не съ голоду же мнѣ помирать.

Курослѣповъ.

Ну, ищи поди съ меня. Экіе проклятые! Тьфу! Вотъ хотѣлось ужинать, вотъ теперь не хочется. А онъ съ голоду помирать... да полтараста рублей! Да я съ тебя тысячу бы не взялъ за это разстройство. Поди за мной, Силантій, я тебѣ его пачпортъ отдамъ. (*Гаврилѣ*). А то у меня и въ острогѣ наспишься. (*Уходитъ съ Силаномъ*).

Гаврило.

Вотъ тебѣ, бабушка, юрьевъ день! Куда ты теперь, Гаврилка, дѣнешься! Куда ни сунься, скажутъ, за воровство прогнали.

Срамъ головушкѣ! Убытокъ-то убыткомъ, а мораль-то какая. На какой я теперь линіи? Прямая моя теперь линія—изъ воротъ да въ воду. Самъ на дно, пузырики вверхъ. Ай, ай, ай, ай! (*Выходитъ Силанъ*).

Силанъ.

Вотъ тебѣ паспортъ! Вольный ты теперь казакъ. Я такъ полагаю, что къ лучшему. Собрать, что ли, твое приданое-то!

Гаврило.

Сбери, братъ, сдѣлай милость, добра-то немного, все въ узелъ; у меня руки не дѣйствуютъ. Гитару-то не забудь. Я тутъ на столбушкѣ поспижу. (*Силанъ уходитъ. Гаврило садится на столбикъ, выходитъ Параша*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Параша и Гаврило, потомъ Силанъ.

Параша.

Что̀ у васъ тутъ за бѣда случилась, батюшка изъ себя выходитъ?

Гаврило.

И-и-и не расчерпаешь. Я рѣшенъ совсѣмъ.

Параша.

Какъ, совсѣмъ?

Гаврило.

Всего рѣшенъ. Ни копейки, вся служба ни во что, и на всѣ четыре стороны.

Параша.

Ахъ ты бѣдный!

Гаврило.

Я-то еще ничего, а Васю въ солдаты.

Параша (*съ ужасомъ*).

Въ солдаты?

Гаврило.

Теперь въ арестантской сидитъ, а на дняхъ сдадутъ.

Параша.

Полно! Что ты! за меня въ солдаты?

Гаврило.

Не за васъ, а его застали тутъ на дворѣ, и занапрасно воромъ поставили, что будто онъ деньги укралъ.

Параша.

Да вѣдь это все равно, все равно, вѣдь онъ для меня сюда пришелъ. Вѣдь онъ меня любитъ. Боже мой! Грѣхъ-то какой!

Онъ пришелъ повидаться со мной, — а его въ солдаты отъ отца, отъ меня. Отецъ-старикъ одинъ останется, а его погонятъ, погонятъ! (*Вскрикиваетъ*). Ахъ, я несчастная! (*Хватается за голову*). Гаврило, поспди тутъ, подожди меня минуту. (*Убѣгаетъ*).

Гаврило.

Куда она? Что̀ съ ней? Бѣдная она, бѣдная. Вотъ и съ отцомъ съ матерью живетъ, а сирота сиротой! Все сама объ своей головушкѣ думаетъ. Никто въ ея сиротское, дѣвичье горе не войдетъ. Ужь ее-ль не любить-то. Охъ, какъ мнѣ грудь-то больно, слёзы-то мнѣ горло давятъ. (*Плачетъ. Выходитъ Силанъ съ узломъ и гитарой*).

Силанъ.

Вотъ тебѣ шапка! (*Надѣваетъ на него*). Вотъ тебѣ узелъ, вотъ тебѣ гитара. И значитъ, братецъ ты мой, прощай! Не поминай лихомъ, а добромъ не поминешь! (*Выходитъ Параша въ бурнусѣ и съ платкомъ на головѣ*).

Параша.

Пойдемъ, пойдемъ!

Гаврило.

Куда вы, куда вы, помилуйте!

Параша.

Къ нему, Гаврилушка, къ нему, мой милый!

Гаврило.

Да вѣдь онъ въ арестантской, помилуйте, что вы!

Параша.

У меня деньги, вотъ видишь! Я подарю солдатамъ, меня пропустятъ.

Гаврило.

Такъ вѣдь это утромъ, а гдѣ же вы ночь-то? (*Кланяется въ ноги*). Останьтесь, матушка, родная, останьтесь!

Параша.

Я у крестной ночую. Пойдемъ! Пойдемъ! Что за разговоры!

Силанъ (*Парашѣ*).

Ты за ворота проводить, что̀-ль? Ну, проводи! Дѣло доброе. Онъ сирота.

Параша (*оборотившись къ дому, нѣсколько времени молча смотритъ на него*).

Прощай, домъ родительскій! Что̀ тутъ слезъ монхъ пролито! Господи, что слезъ! А теперь хоть бы слезинка выкатилась; а вѣдь я родилась тутъ, выросла... Давно-ли я ребёнкомъ была: думала, что милѣй тебя и на свѣтѣ нѣтъ, а теперь хоть бы

вѣкъ тебя не видать. Пропадай ты пропадомъ, тюрьма моя дѣвичья! (*Убѣгаетъ. Гаврило за ней*).

Силанъ.

Постой! Куда ты? (*Махнувъ рукой*). Не мое дѣло! (*Запираетъ калитку*). Эка жизнь! наказаніе! (*Стучитъ въ доску и кричитъ*): посматривай!

(Конецъ 2-го дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Градобоевъ.
Курослѣповъ.
Гаврило.
Параша.
Вася.
Аристархъ, мѣщанинъ.
Тарахъ Тарасычъ Хлыновъ, богатый подрядчикъ.
Баринъ, съ большими усами.
Силанъ.
Сидоренко.
Жигуновъ.
Мѣщане: 1-й, 2-й и 3-й.
Гребцы.
Пѣсенники.
Инвалидные солдаты.
Арестанты.
Разные люди.

Площадь на выѣздѣ изъ города. Налѣво отъ зрителя: городническій домъ съ крыльцомъ; направо арестантская, окна съ желѣзными рѣшетками, у воротъ инвалидный солдатъ; прямо рѣка, и небольшая пристань для лодокъ, за рѣкой сельскій видъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аристархъ (*сидитъ на пристани, ловитъ рыбу на удочку*), Силанъ (*подходитъ и, молча, смотритъ. У городническаго крыльца стоитъ куча людей*).

Аристархъ (*не замѣчая Силана*).

Ишь хитритъ, ишь лукавитъ. Погоди жь ты, я тебя перехитрю. (*Вынимаетъ удочку и поправляетъ*). Ты хитра, а я хитрѣй тебя; рыба хитра, а человѣкъ премудръ, Божьимъ произволеніемъ... (*Закидываетъ удочку*) человѣку такая хитрость дана, что онъ надо всѣми, иже на землѣ и подъ землею и въ водахъ... Поди сюда! (*Тащитъ удочку*). Чтò? Попалась? (*Снимаетъ рыбу съ крючка и сажаетъ въ садокъ*).

Силанъ.

Вотъ ты какъ ловишь-то!

Аристархъ (*оборачиваясь*).

Здорово, дядюшка Силантій!

Силанъ.

Съ приговоромъ-то оно... дѣйствительно... Много ты этого всякаго приговору знаешь, а я не знаю, вотъ она мнѣ и не попадаетъ.

Аристархъ.

Какого приговору?

Силанъ.

Молитва, молъ, что-ль, аль слова какія; вотъ я слушалъ, да не понялъ, а рыба-то и идетъ на нихъ.

Аристархъ.

Полно, дядюшка Силантій, какіе приговоры! Такъ, самъ съ собой разговариваю.

Силанъ.

Ну, да ужь что! Коли слово знать, на что лучше... Ты вонъ и часы... Скажешь, такъ, спроста.

Аристархъ.

Ты тоже рыбки половить?

Силанъ.

До рыбки-ль? Я къ городничему.

Аристархъ.

Зачѣмъ?

Силанъ.

У насъ теперь дома литовское разореніе, все одно, что Мамай прошелъ... Деньги пропали, разъ; крестница твоя ушла...

Аристархъ.

Что́ мудренаго! Уйдешь. Куда жь она?

Силанъ.

Она у крестной, я заходилъ. Не велѣла, чтобъ отцу... Ну, мнѣ какая нужда.

Аристархъ.

Какъ же это деньги? Кому жь бы?

Силанъ.

Ты жь говори! У вора одинъ грѣхъ, а у насъ съ хозяиномъ десять: что́ мы народу перекрепили! Гаврилу прогналъ, Вася Шустрый теперь въ арестантской соблюдается покудова.

Аристархъ.

Въ арестантской? Что ты! Вотъ грѣхи-то!

Силанъ.

Какъ есть грѣхи... Натворили... паче песка морскаго.

Аристархъ.

Какъ же быть-то? Надо Васю выручать! Кто жь его въ арестантскую? Хозяинъ, что ль?

Сплапъ.

Хозяинъ! Силёнъ, ну и чудитъ. Городничій проснулся?

Аристархъ.

Поди, узнай!

Сплапъ.

Что ходить-то! Онъ самъ на крыльцо выйдетъ. Онъ цѣлый день на крыльцѣ сидитъ, все на дорогу смотритъ. И какой зоркій на безпашпортныхъ! Хоть сто человѣкъ-артель вали, какъ сейчасъ возрится да поманитъ кого къ себѣ: «а поди-ка сюда, другъ любезный!» Такъ тутъ и есть. (*Почесываетъ затылокъ*). А то пойти! (*Подходитъ къ городническому дому*).

Аристархъ.

Что только за дѣла у насъ въ городѣ! Ну, ужь обыватели! Самоѣды! Да и тѣ, чай, обходительнѣе. Ишь ты, чудное дѣло какое! Ну-ко! Господи благослови! (*Закидываетъ удочку. Выходятъ: Градобоевъ въ халатѣ и въ форменной фуражкѣ съ костылемъ и трубкою и Сидоренко*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Градобоевъ, Сидоренко и тѣ же.

Градобоевъ (*садясь на ступени крыльца*).

До Бога высоко, а до царя далёко. Такъ я говорю?

Голоса.

Такъ, Серапіонъ Мардарьичъ! Такъ, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ.

А я у васъ близко, значитъ, я вамъ и судья.

Голоса.

Такъ, ваше высокоблагородіе! Вѣрно, Серапіонъ Мардарьичъ.

Градобоевъ.

Какъ же мнѣ васъ судить теперь? Ежели судить васъ по законамъ...

1-й голосъ.

Нѣтъ, ужь за что же, Серапіонъ Мардарьичъ!

Градобоевъ.

Ты говори, когда тебя спросятъ, а станешь перебивать, такъ я тебя костылемъ. Ежели судить васъ по законамъ, такъ законовъ у насъ много... Сидоренко, покажи имъ, сколько у насъ законовъ. (*Сидоренко уходитъ и скоро возвращается съ цѣлой охапкой книгъ*). Вонъ сколько законовъ! Это у меня только, а

сколько ихъ еще въ другихъ мѣстахъ! Сидоренко, уберн опять на мѣсто! (*Сидоренко уходитъ*). И законы всё строгіе; въ одной книгѣ строги, а въ другой еще строже, а въ послѣдней ужь самые строгіе.

Голоса.

Вѣрно, ваше высокоблагородіе, такъ точно.

Градобоевъ.

Такъ вотъ, друзья любезные, какъ хотите: судить ли мнѣ васъ по законамъ, или по душѣ, какъ мнѣ Богъ на сердце положитъ. (*Сидоренко возвращается*).

Голоса.

Суди по душѣ, будь отецъ, Серапіонъ Мардарьичъ.

Градобоевъ.

Ну, ладно. Только ужь не жаловаться, а коли вы жаловаться... Ну, тогда ужь...

Голоса.

Не будемъ, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ (*Жигунову*).

Плѣнные есть?

Жигуновъ.

Ночью понабрали, ваше высокоблагородіе, — за безобразіе,— двое портныхъ, сапожникъ, семь человѣкъ фабричныхъ, приказный, да купецкій сынъ.

Градобоевъ.

Купеческаго сына запереть въ чуланъ, да сказать отцу, чтобъ выручить приходилъ и выкупъ приносилъ; приказнаго отпустить, а остальныхъ... Есть у насъ работа на огородѣ?

Жигуновъ.

Есть. Человѣка два нужно.

Градобоевъ.

Такъ отбери двоихъ поздоровѣе, отправь на огородъ, а тѣхъ въ арестантскую, имъ резолюція послѣ. (*Жигуновъ съ арестантами уходитъ*). Какія еще дѣла? Подходите по одному!

1-й Мѣщанинъ.

Деньги вашему высокоблагородію, по векселю.

Градобоевъ.

Вотъ и ладно, одно дѣло съ плечъ долой. Сидоренко, положи въ столъ! (*Отдаетъ деньги Сидоренкѣ*).

Сидоренко.

Много у насъ, ваше высокоблагородіе, этихъ самыхъ денегъ накопилось, не разослать-ли ихъ по почтѣ?

Градобоевъ.

Посылать еще! Это что за мода! Наше дѣло взыскать, вотъ

мы и взыскали. Кому нужно, тотъ самъ пріѣдетъ, — мы ему и отдадимъ; а то разсылать еще, Россія-то велика! А коли не ѣдетъ, значитъ, ему не очень нужно. (*Подходитъ 2-й мѣщанинъ*). Тебѣ что?

2-й Мѣщанинъ.

Векселёкъ вамъ! Не платитъ.

Градобоевъ (*принявъ вексель*).

Сидоренко, сунь его за зеркало. (*Сидоренко уходитъ*).

2-й Мѣщанинъ.

Да какъ же, за зеркало?

Градобоевъ.

А то куда жь его? Въ рамку, что ль, вставить? У меня тамъ не одинъ твой, векселей тридцать торчитъ.

2-й Мѣщанинъ.

А если онъ...

Градобоевъ.

А если онъ... а если ты станешь еще разговаривать, такъ видишь (*показываетъ костыль*). Пошелъ прочь! (*Увидавъ 3-го мѣщанина*). А, другъ любезный, ты здѣсь! Долги платить—денегъ нѣтъ, а на пьянство есть: вексель на тебя другой годъ за зеркаломъ торчитъ, заплесневѣлъ давно, а ты пьянствуешь. Ступай въ сѣни, дожидайся! Вотъ я тебѣ вексель-то на спину положу, да костылемъ и стану взысканіе производить.

3-й Мѣщанинъ.

Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе! Достатки наши вамъ извѣстные... помилосердуйте!

Градобоевъ.

Вотъ я-те помилосердую, ступай. (*Замѣтивъ Силана*). Эй, ты, дядя! Иди за мной въ комнаты! Съ тобой у насъ большой разговоръ будетъ. (*Прочимъ*). Ну, съ Богомъ. Некогда мнѣ теперь судись васъ. Кому что̀ нужно, приходите завтра. (*Уходитъ съ Силаномъ. Всѣ расходятся. Входитъ Гаврило съ холстиннымъ мѣшкомъ за плечами*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аристархъ и Гаврило.

Аристархъ.

А! Гонимый, здравствуй!

Гаврило.

Слышалъ, стало быть?

Аристархъ.

Слышалъ.

Гаврило.

Гдѣ правда?

Аристархъ.

Развѣ не знаешь? Подыми голову кверху. (*Гаврило подымаетъ*). Вонъ тамъ!

Гаврило.

Знаю. А гдѣ намъ суда искать?

Аристархъ.

А суда, вонъ тамъ! (*Показываетъ на домъ городничаго*).

Гаврило.

А ежели мнѣ праваго нужно?

Аристархъ.

А праваго нужно, такъ подожди, будетъ и правый.

Гаврило.

Да скоро-ли?

Аристархъ.

Ну, не такъ, чтобъ; за то ужь хорошій. Всѣхъ разсудитъ: и судей и судимыхъ, и тѣхъ, которые неправый судъ давали, и тѣхъ, которые никакого не давали.

Гаврило.

Знаю я, про что ты говоришь-то.

Аристархъ.

А знаешь, зачѣмъ спрашиваешь. Ты что это мѣшокъ-то надѣлъ, аль въ дорогу собрался?

Гаврило.

На богомолье.

Аристархъ.

Часъ добрый! Куда?

Гаврило.

Въ пустынь.

Аристархъ.

Одинъ?

Гаврило.

Нѣтъ, насъ много, и крестница твоя.

Аристархъ.

Бѣглянка-то? Дома-то, чай, ищутъ.

Гаврило.

Нѣтъ, крестная посылала сказать, что, молъ, ушли на богомолье, чтобъ не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачиха, поди, рада, а отцу все равно, потому, онъ сталъ совсѣмъ безъ

понятія. Мнѣ зажитыхъ не отдаетъ, полтораста рублевъ. (*Съ крыльца сходятъ городничій и Силанъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Градобоевъ, Силанъ, Гаврило, Аристархъ.

Градобоевъ.

Съума я сойду съ этимъ дѣломъ, проклятымъ; всю ночь нынче не спалъ. Точно гвоздь мнѣ въ голову засѣлъ. А ужь доберусь. (*Силану*). Говори хоть ты толкомъ, чучело!

Силанъ.

Ничего я не скажу, вотъ что: грѣха много. Это дѣло мудреное! И! Мудреное! Куда мудреное!

Градобоевъ.

Ну, а хозяинъ-то, прежде Василья, думалъ на кого-нибудь?

Силанъ.

Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнѣли совсѣмъ. Въ явь-то онъ ничего не можетъ... что надлежащее, а городитъ такъ, зря, отъ дикости отъ своей.

Градобоевъ.

Я за тебя примусь, я тебя въ острогъ.

Силанъ.

Ну, вотъ еще! Думалъ-думалъ, да выдумалъ. Съ большаго-то ума!

Градобоевъ.

Кому ты грубишь! Ты погляди, кому ты грубишь!

Силанъ.

Да коли не складно и совсѣмъ не кстати.

Градобоевъ.

Ты, видно, въ арестантской давно не сидѣлъ.

Силанъ.

Для того и не сидѣлъ, что не мое это мѣсто, вотъ что.

Градобоевъ.

Молчи!

Силанъ.

Молчу.

Градобоевъ.

Я тебя, дружокъ, говорить заставлю! (*Наступая на него*). Кто укралъ?

Силанъ.

Коли тыпужать... Знать не знаю... вотъ изалажу, и залажу...

Хоть огнемъ жги... Такъ ужь это, я тебѣ скажу, ты отъ камня скорѣй отвѣта дождешься, чѣмъ отъ меня.

Градобоевъ.

Варвары! Да вѣдь не Васька?

Силанъ.

Я почемъ знаю. Васька человѣкъ маленькій, его какъ хошь тормоши; а что, конечно, и у него тоже душа, она чувствуетъ.

Градобоевъ.

И не Гаврилка?

Силанъ.

Опять же мое дѣло сторона. Гаврилко весь тутъ, его хоть выворотни. У него за душой есть-ли желѣзный грошъ? Наврядъ-ли? А совѣсти у него супротивъ другихъ... очень даже достаточно.

Градобоевъ.

Ну, такъ на твое и выходитъ?

Силанъ.

На что, на мое? Я ничего не знаю, вотъ тебѣ и сказъ!

Градобоевъ.

Ну, въ острогъ, нечего съ тобой больше толковать.

Силанъ.

Хоть и въ острогъ, все то же будетъ. Такъ вотъ же тебѣ... (*Рѣшительно*). Знать не знаю... что меня, старика, пужать выдумалъ!

Градобоевъ (*подбѣгаетъ къ нему съ кулаками*).

Да я не пугаю. Вѣдь я съ тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

Силанъ.

Да хоть и лаской...

Градобоевъ.

Вѣдь если ты мнѣ поможешь, я тебѣ такой магарычъ... ну, десять, пятнадцать рублей.

Силанъ.

Ужь это, кажется, скорѣй отъ каменнаго попа желѣзной про...

Градобоевъ.

Не договаривай, мошенникъ! Имѣй почтеніе къ градоначальнику.

Силанъ.

Что жь почтеніе? Я, какъ должно, безъ шапки... передъ тобой

Градобоевъ.

Слушай! (*Шепчетъ на ухо*).

Силанъ.

Да!

Градобоевъ.

Часто?

Силанъ.

Почитай, каждую ночь.

Градобоевъ.

Ну, слушай. (*Шепчетъ*). Сейчасъ ты и подай знакъ.—Закричи.

Силанъ.

Ладно!

Градобоевъ.

Только ты никому ни гугу, а то знаешь у меня!

Силанъ.

Ну, да ужь...

Градобоевъ.

Ступай!

Силанъ.

Прощенья просимъ (*Уходитъ. Подходитъ Гаврило*).

Градобоевъ (*увидя Гаврилу*).

Ты что̀ тутъ, другъ любезный, шатаешься?

Гаврило.

Я, ваше высокоблагородіе, безъ мѣста теперича-съ.

Градобоевъ.

Нехорошо! Кто безъ мѣста, тотъ прохвостъ.

Гаврило.

Я, Сераніонъ Мардарьичъ, ничему этому не причиненъ. Не то, что безъ мѣста, я теперича, какъ есть, безъ копейки.

Градобоевъ.

Еще хуже! И мнѣ теперь съ тобой лишняя печаль. Какъ объ сынѣ родномъ, милый, объ тебѣ заботиться надо.

Гаврило.

Не оставьте.

Градобоевъ.

Не оставлю. Буду въ оба глядѣть, какъ бы ты не укралъ чего. У кого копейки въ карманѣ нѣтъ, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такіе люди близки сердцу моему.

Гаврило.

На что мнѣ чужое! Мнѣ и моего-то не отдаютъ.

Градобоевъ.

Не отдаютъ?

Гаврило.

И хозяинъ прогналъ безъ разсчету.

Градобоевъ.

И прогналъ? Ахъ, разбойникъ! Ну, что жь мнѣ теперь прикажете съ нимъ дѣлать?

Гаврило.

Явите божескую милость.

Градобоевъ.

Явлю. Подожди, вотъ придетъ твой хозяинъ, проси у него разсчета при мнѣ, я съ нимъ раздѣлаюсь.

Гаврило.

Будетъ-ли мнѣ польза, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Не знаю, другъ. Я такъ думаю, хозяинъ обругаетъ тебя, а будешь приставать, такъ прибьетъ, а я прибавлю.

Гаврило.

Гдѣ же мнѣ съ него денегъ искать, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Мнѣ-то что за дѣло, ищи, гдѣ хочешь!

Гаврило.

Стало быть, мнѣ теперь голодной смертью помирать?

Градобоевъ.

Стало быть, помирать. — А кто его знаетъ, можетъ быть и отдастъ.

Гаврило.

Нѣтъ, не отдастъ. Развѣ вы прикажете.

Градобоевъ.

Прикажете! А ты сперва подумай, велика-ли ты птица, чтобы мнѣ изъ-за тебя съ хозяиномъ твоимъ ссориться. Вѣдь его за воротъ не возьмешь, костылемъ внушенія не сдѣлаешь, какъ я вамъ дѣлаю. Поди-ко, заступись я за прикащика, что хозяева-то заговорятъ! Ни мучки мнѣ не пришлютъ, ни лошадкамъ овсеца: вы что-ль меня кормить-то будете. Ну, что, не прошла-ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, другъ любезный!

Гаврило.

Нѣтъ, ужь я лучше...

Градобоевъ.

То-то, ты лучше... бѣги, да проворнѣй, а то задержать велю.

Гаврило (*отступая и кланяясь*).

Такъ ужь я...

Градобоевъ.

Ступай съ Богомъ! (*Гаврило проворно уходитъ*). Держи его! Ха-ха-ха! (*Гаврило убѣгаетъ и прячется за уголъ*). Эхъ дѣла, дѣла! Не сходить-ли на рынокъ для порядку! (*Кричитъ*). Сидоренко! (*Сидоренко показывается въ дверяхъ*).

Сидоренко.

Чего изволите, ваше высокоблагородіе?

Градобоевъ.

Бери кулекъ, догоняй, я на рынокъ пошелъ. (*Уходитъ. Сидоренко съ кулькомъ бѣжитъ за нимъ. Входитъ Гаврило и Параша — одѣта какъ богомолка. Аристархъ подходитъ къ ней*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Параша, Аристархъ и Гаврило.

Аристархъ.

Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

Параша.

Крестный, какъ бы мнѣ съ Васей повидаться?

Аристархъ.

Да что тебѣ въ немъ? Богъ съ нимъ!

Параша.

Нѣтъ, крестный, нельзя. За меня вѣдь онъ, безвинно. Все мое горе я тебѣ сейчасъ скажу, нечего мнѣ тебя стыдиться. Онъ со мной повидаться пришелъ, а его за вора сочли.

Аристархъ.

Э! Да, нехорошо! Ты дочь богатаго отца; пожалуй, увидитъ кто.

Параша.

Ничего! Не узнаютъ; видишь, какъ я одѣлась; я платкомъ закроюсь. А хоть и узнаютъ, что жь за бѣда! Какая я дочь богатаго отца, я теперь солдатка, крестный.

Аристархъ.

Какъ солдатка? Что ты?

Параша.

Такъ! (*Развязываетъ узелокъ въ платкѣ*). Я за него безпремѣнно на дняхъ замужъ выду, а ежели мнѣ помѣшаютъ, такъ я напередъ говорю, я сраму надѣлаю, я къ нему въ казармы уйду. (*Дастъ ему деньги*). На вотъ деньги-то, солдатамъ дай.

Аристархъ.

Въ умѣ-ли ты! Батюшки мои!

Параша.

Да что жь! Чего ты испугался? Нешто я не властна надъ собой! Ты не пугайся! Что жь! Меня совѣсть заставляетъ. Такъ, стало быть, нужно. Люди его обидѣли, все, все отняли... съ отцомъ разлучили. Что-жь! Онъ меня любитъ, можетъ, у него только одно это на свѣтѣ и осталось: такъ неужто я отниму у него эту послѣднюю радость. Что я такое? Чѣмъ мнѣ гордиться-то передъ нимъ? Развѣ онъ меня хуже? Все равно, вѣдь ужь мнѣ въ дѣвкахъ не оставаться. Выдадутъ, крестный. Развѣ мнѣ легче будетъ тѣшить какого-нибудь купца-то пьянаго, противъ своей воли? Не то что по охотѣ, а, кажись-бы, его ножомъ лучше зарѣзала! А тутъ, безъ грѣха, по любви.

Аристархъ.

Ну, видно, тебя не переспоришь. Что съ тобой дѣлать! Да на что мнѣ деньги-то? У меня свои есть; а тебѣ, можетъ, и понадобятся (*отдаетъ деньги и уходитъ въ арестантскую*).

Гаврило (*надѣвъ мѣшокъ*).

Мы скоро пойдемъ-то?

Параша.

А вотъ только съ Васей повидаюсь.

Гаврило.

Ну, что-жь, повидайтесь, а мы съ Аристархомъ стеречь будемъ, чтобъ не увидалъ кто. (*Выходитъ Аристархъ*).

Аристархъ.

Сейчасъ арестанты пойдутъ за водой, такъ и его выпустятъ съ ними. (*Выходятъ два арестанта съ ушатомъ и проходятъ на рѣку; за ними Вася и солдатъ. Аристархъ и Гаврило отходятъ къ пристани*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Вася.

Параша (*кланяется*).

Здравствуй, Вася!

Вася (*совершенно убитый*).

Какими же ты это судьбами? Господи! Еще мнѣ ужь теперь тяжеле! (*Утираетъ слезы*).

Параша.

Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! (*Обнимаетъ его*). Я изъ дому ушла совсѣмъ, я ужь съ тобой теперь всю жизнь; какъ ты будешь жить, такъ и я.

Вася.

Какимъ манеромъ?

Параша.

Я за тебя замужъ, насъ обвѣнчаютъ... ничего, не плачь... ну, скажу на себя, что онъ, молъ, мнѣ мужъ, не могу съ нимъ разлучиться... не разорвете, молъ, насъ, а лучше повѣнчайте.

Вася.

Спасибо тебѣ! (*Цалуетъ ее*).

Параша.

Ну, будетъ про это. Теперь давай потолкуемъ о житьѣ-то, Вася, голубчикъ, Вася!

Вася.

Давай, потолкуемъ.

Параша (*прижимаясь къ нему*).

Больно тебя бить-то будутъ.

Вася.

Я буду стараться.

Параша.

Старайся, Вася, старайся! А ты вотъ что: какъ тебя обучатъ всему и станутъ переводить изъ некрутовъ въ полкъ, въ настоящіе солдаты, ты и проспись у самаго главнаго, какой только есть самый главный начальникъ, чтобъ тебя на Кавказъ и прямо чтобъ сейчасъ на страженіе!

Вася.

Зачѣмъ?

Параша.

И старайся ты убить больше, какъ можно больше непріятеля. Ничего ты своей головы не жалѣй!

Вася.

А какъ ежели самаго...

Параша.

Ну что-жъ: одинъ разъ умирать-то. По крайности мнѣ будетъ плакать объ чемъ. Настоящее у меня горе-то будетъ, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на страженіе и переведутъ тебя въ гарнизонъ; начнешь ты баловаться... воровать по огородамъ... что тогда за жизнь моя будетъ? Самая послѣдняя. Горемъ назвать нельзя, а и счастья-то не бывало,—такъ, подлость одна. Изомретъ тогда мое сердце, на тебя глядя.

Вася.

Меня, я такъ полагаю, въ гвардію, въ Петербургъ.

Параша.

Что-жъ, хорошо; а на страженіе все-таки лучше. Ты возьми: коли Богъ тебѣ поможетъ, произведутъ тебя за твою храбрость офицеромъ,—отпросишься ты въ отпускъ... Пріѣдемъ мы съ тобой въ этотъ самый городъ, пойдемъ съ тобой подъ ручку.

Пусть тогда злодѣи-то наши поглядятъ на насъ. (*Обнимаетъ его*). А, Вася? Можетъ, мы съ тобой, за всё наше горе, и дождемся такой радости.

Вася.

Что-жъ, мудренаго нѣтъ, ежели духъ имѣть...

Параша.

Ну, теперь, Вася, я иду въ пустынь, помолюсь Богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денечекъ, чтобы все, что мы съ тобой задумали, Богъ намъ далъ. Неужели моя грѣшная молитва не дойдетъ! Куда-жъ мнѣ тогда? Люди обижаютъ и... (*Плачетъ*). Вотъ что, Вася, я завтра опять къ тебѣ побываю. Я теперь живу у крестной, а домой не пойду ни за что! Какъ я перешагнула порогъ, какъ я перешагнула, вѣришь ли ты, кажется мнѣ, лучше я въ огонь, чѣмъ назадъ. И представляется мнѣ, что и холодно-то мнѣ тамъ, и ровно свѣту-то тамъ нѣтъ, и обида-то тамъ въ каждомъ углу живетъ; и ровно я тамъ обруганная какая на вѣки вѣковъ, и грудь-то у меня вся сжатая. Вотъ какъ въ яму мнѣ, какъ въ яму. (*Задумывается*). А ты ничего, Вася, ты куражься, чтобы передъ другими-то...

Солдатъ.

Эй, ты! Не велѣно арестантамъ.

Вася.

Погоди, кавалеръ, милость. (*Параши*). Кажется, ты мнѣ теперь, какъ ангелъ какой небесный...

Параша.

Ну, милый, прощай покуда!

Вася (*цалуетъ ее*).

Прощай! (*Цалуетъ ее. Параша отходитъ и издали кланяется. Вася подходитъ къ воротамъ съ солдатомъ*).

Параша (*солдату*).

Ахъ, постой, кавалеръ, постой! (*Солдатъ и Вася останавливаются*). Вася, вотъ тебѣ деньжонокъ, хоть калачика купишь, голубчикъ. Прощай!

Вася.

Да ужь полно!

Солдатъ.

Да пойдемъ! Что тутъ! Не велѣно!

Параша.

Ну, Богъ съ тобой! (*Вася съ солдатомъ уходятъ; Параша нѣсколько времени смотритъ ему въ слѣдъ*). Погоди, погоди, кавалеръ! (*Подходятъ Аристархъ и Гаврило*).

Гаврило.

Пойдемъ поскорѣе! Вонъ богомольцы-то изъ городу вышли.

Параша.

Подите вы прочь отъ меня! (*Подходитъ къ арестантской, заглядываетъ въ окна, потомъ садится на скамью у воротъ и запѣваетъ*).

Провожу-то ли я дружка далекохонько,
Я до города-то его, до Владиміра,
Я до матушки-то его, каменной Москвы.
Середи-то Москвы мы становилися.
Господа-то, купцы на насъ дивовалися.
Ужь и кто это, да съ кѣмъ прощается?
Или мужъ съ женой, или это братъ съ сестрой,
Добрый молодецъ съ красной дѣвицей?

(*Отираетъ слезы и подходитъ къ Гаврилѣ*). Ну, пойдемъ! Ты на меня не сердись.

Гаврило (*подавая палку*).

Что вы, помилуйте! Вотъ я вамъ палочку прибралъ...

Параша (*беретъ палку*).

Новую мнѣ жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мнѣ. Какъ ни говори, все-таки силы-то не мужскія, Гаврюша.

Гаврило (*сквозь слезы*).

Кожица-то на палочкѣ вырѣзана — таково красиво!

Аристархъ.

Ступай, Параша, ступай! Городничій идетъ съ отцомъ.

Параша.

Прощай, крестный! (*Параша и Гаврило уходятъ*).

Аристархъ.

Вотъ и не родная дочь, а какъ жаль, смерть. (*Входятъ: городничій, Курослѣповъ и Сидоренко съ кульками*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аристархъ, Градобоевъ, Курослѣповъ и Сидоренко.

Градобоевъ (*будочнику*).

Вели закуску готовить! (*Сидоренко уходитъ*).

Курослѣповъ.

Ты мнѣ ее сыщи! Это твое прямое дѣло! На то ты и городничимъ у насъ поставленъ.

Градобоевъ.

Ужь ты меня не учи; я свое дѣло знаю, зачѣмъ я поставленъ. Не ты меня поставилъ, значитъ, не смѣешь ты мнѣ и указывать.

Курослѣповъ.

Ежели ты будешь бѣглыхъ безо всякаго вниманія...

Градобоевъ.

Развѣ она бѣглая? Она на богомолье ушла съ матерью крестной.

Курослѣповъ.

На богомолье?

Градобоевъ.

Вотъ, значитъ, я больше тебя знаю. Оттого я и городничій, оттого я и жалованный, а ты мужикъ, такъ мужикомъ и останешься на вѣки вѣковъ.

Курослѣповъ.

Да какъ же она можетъ безъ спросу?

Градобоевъ.

У кого ей спрашиваться? Мачиха не пуститъ, ты спишь цѣлый день, а у нея есть усердіе.

Курослѣповъ.

Ну, вотъ, какъ она придетъ, ты ее ко мнѣ съ солдатомъ...

Градобоевъ.

Съ солдатомъ?

Курослѣповъ.

На веревкѣ.

Градобоевъ.

И на веревкѣ?

Курослѣповъ.

Мы ее наверхъ въ свѣтелку, тамъ и запремъ безвыходно.

Градобоевъ.

Что вы за нація такая? Отчего вы такъ всякій срамъ любите? Другіе такъ боятся сраму, а для васъ это первое удовольствіе! Честь-то, понимаешь ты, что̀ значитъ, или нѣтъ?

Курослѣповъ.

Какая такая честь? Нажилъ капиталъ, вотъ тебѣ и честь. Что̀ больше капиталу, то больше и чести.

Градобоевъ.

Ну, мужики и выходите! Невѣжествомъ-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослѣповъ.

Ну, и пущай!

Градобоевъ.

Дочь, дѣвушка, невѣста, а онъ ее съ солдатомъ на веревкѣ.

Курослѣповъ.

Потому... за непочтеніе, чтобы чувствовала...

Аристархъ.

Бѣдненькая!

Курослѣповъ.

Это кто еще... пронзноситъ.

Градобоевъ.

Аристархъ, кумъ твой.

Курослѣповъ (*Аристарху*).

Кто это у тебя бѣдная?

Аристархъ (*кланяясь*).

Здравствуйте, ваше степенство!

Курослѣповъ.

Нѣтъ, кто бѣдная-то?

Аристархъ (*со вздохомъ*).

Рыбка малая.

Курослѣповъ.

Отчего такъ она бѣдная?

Аристархъ.

Оттого, что большая ее обижаетъ.

Курослѣповъ.

То-то рыбка. А ежели ты бунтовать, такъ...

Градобоевъ.

Будетъ толковать-то, вѣдь ничего умнаго не скажешь.

Курослѣповъ.

Ты когда мнѣ кумомъ-то былъ? Когда у меня капиталу не было.

Градобоевъ.

Пойдемъ, пойдемъ! закуска дожидается. (*Уводитъ Куросльпова*).

Аристархъ.

Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, такъ и хватаетъ. Бьется, бьется бѣдная мелкая рыба, никакъ передъ щукой оправдаться не можетъ! (*вдали слышна пѣсня*). Это что еще? Не наши ли? Ну, да кстати. (*Подплываетъ лодка, въ ней стоитъ Хлыновъ безъ сюртука, руки фертомъ, баринъ съ большими усами и шестеро гребцовъ*). Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! (*Хлынову*). Ишь ты, съ утра глазки-то налилъ. Нигдѣ отъ васъ скрыться нельзя. (*На пристань выводятъ: Хлынова и барина съ усами*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Аристархъ, Хлыновъ, баринъ и гребцы въ лодкѣ.

Хлыновъ (*важно*).

Какъ ты можешь, братецъ ты мой! Рѣка никому не заказана.

Аристархъ.

Вотъ что, братецъ ты мой, поди-ка ты сюда. (*Отводитъ Хлынова на авансцену*). Если ты хочешь быть такимъ купцомъ, чтобы всѣ на тебя ахали, ты перестань шампанскимъ песокъ-то поливать! Ничего не выростетъ.

Хлыновъ.

Ну, братецъ, говори скорѣй! Я теперь не въ такомъ разѣ, чтобъ твоихъ наставленіевъ слушать...

Аристархъ.

Ты сдѣлай хоть одно доброе дѣло. Вотъ тогда про тебя заговорятъ — вотъ тогда ты себя покажешь.

Хлыновъ.

Я все могу...

Аристархъ.

Ты знаешь Васплья Шустраго? Онъ сидитъ въ арестантской занапрасно, ты возьми его на поруки!

Хлыновъ.

Не суть важное! Говори, братецъ, поскорѣе! Ты видишь, мнѣ некогда.

Аристархъ.

Голова по злобѣ его въ солдаты отдаетъ, а ты его выкупи, онъ твои деньги заслужитъ; охотника найми, либо квитанцію купи.

Хлыновъ.

Изъ такого нестоющаго дѣла, братецъ ты мой, ты меня тревожишь.

Аристархъ.

Человѣкъ погибаетъ за даромъ, а онъ нестоющее.

Хлыновъ.

Никакого я въ тебѣ, братецъ, ума не вижу. Какая мнѣ можетъ быть честь передъ другими, если я его выкуплю! Всѣ эти твои слова ни къ чему. А все дѣло состоитъ: такъ-какъ Васька на бубнѣ даже очень хорошо сталъ понимать, и мнѣ чрезъ это самое отъ него утѣшеніе, значитъ, я самъ въ одну минуту это дѣло кончаю. Потому, если кто мнѣ по нраву, тѣхъ трогать не смѣй.

Аристархъ (*съ поклономъ*).

Ну, какъ знаешь, какъ знаешь. Только не давай въ обиду!

Хлыновъ.

Какъ ты смѣешь мнѣ приказывать! Дома я съ тобой разговаривать могу, а въ городѣ я тебѣ не компанія. Сейчасъ на свою

дистанцію, назадъ! Баринъ, ваше благородіе, пойдемъ къ городничему.

Аристархъ.

Безъ сюртука-то! Вотъ такъ гости!

Хлыновъ.

Тебѣ сказано, знай свое мѣсто! На задній столъ къ музыкантамъ! И всѣ твои нравоученія такъ и останутся при тебѣ, не оченно-то намъ интересно.

Баринъ.

Я не пойду, нехорошо, неучтиво!

Хлыновъ.

Я такъ понимаю, что это гордость.

Баринъ.

Совсѣмъ не гордость, mon cher, чѣмъ мнѣ гордиться? А нехорошо! Ты знаешь, я въ тебѣ эту черту не люблю. Ужь извини.

Хлыновъ.

Да-съ. Какую это черту, позвольте спросить?

Баринъ.

Свинства твоего! (*Выходятъ Городничій и Курослѣповъ, Сидоренко въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Хлыновъ, баринъ, Аристархъ, городничій, Куроспѣловъ, Сидоренко и гребцы.

Хлыновъ.

Нашему градоначальнику! (*кланяется*). Господинъ полковникъ, мы къ вашему высокоблагородію Павлину!... Павлиничу, предводителю нашему купеческому, почтеніе. Баринъ гляди, вотъ все это наше начальство! Господинъ полковникъ Градобоевъ, господинъ Курослѣповъ, его высоко... высокостепенство; а для насъ это все одно ничего, можемъ слободно...

Градобоевъ.

Ужь очень ты, господинъ Хлыновъ, безобразничаешь!

Хлыновъ.

Господинъ полковникъ, это вы дѣйствительно; безобразія въ насъ даже очень достаточно. Господинъ полковникъ, вы извольте съ меня, за мое безобразіе, штрафъ положить! Какъ я какое безобразіе, вы сейчасъ: «Хлыновъ, штрафъ!» Извольте получать, господинъ полковникъ.

Курослѣповъ.

Что ты ужь больно куражишься-то?

Хлыновъ.

Отчего же мнѣ, г. Курослѣповъ, не куражиться? У меня куражу-то полонъ погребъ. Господа начальство, извольте мнѣ отвѣтъ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у васъ содержится?

Градобоевъ.

Ну ужь, господинъ Хлыновъ, ты куражиться-куражься, а въ чужое дѣло не лѣзь, а то я тебя ограничу.

Хлыновъ.

Никакъ не чужое, потому онъ мнѣ сейчасъ нуженъ.

Курослѣповъ.

Намъ тоже баловство-то въ городѣ не очень пріятно.

Хлыновъ.

Ежели отъ него баловство, я въ отвѣтѣ. Беру сейчасъ на поруки.

Курослѣповъ.

У насъ за общество уйдетъ, мы найдемъ мѣсто всякому.

Хлыновъ.

Охотника ставлю. Господинъ городничій, извольте отпустить Шустраго ко мнѣ на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этимъ не постоимъ. (*Ищетъ въ карманѣ*).

Баринъ.

Полно, что ты!

Хлыновъ.

Шш-ь, ни слова! Господинъ полковникъ, извольте сами назначить.

Градобоевъ.

Сидоренко, поди вели выпустить Шустраго!

Сидоренко.

Слушаю, вашескоблагородіе! (*Уходитъ*).

Хлыновъ.

Господа, пожалуйте ко мнѣ откушать, на дачу, покорнѣйше я васъ прошу, щи да кашу кушать! А можетъ, попщемъ, и стерлядей найдемъ,—я слышалъ, что они въ садкахъ сидѣть соскучились; давно въ уху просятся. Винца тоже отыщемъ, кажется, у меня завалялась бутылочка гдѣ-то; а не полѣнятся лакеи, такъ и въ подвалъ сходятъ, дюжину другую шампанскаго приволокутъ. Такъ-какъ вы наше начальство, будемъ здоровье ваше пить, съ пушечной пальбой и народъ поставимъ въ саду ура кричать.

Градобоевъ.

Вотъ когда ты дѣло говоришь, и слышать тебя пріятно.

Курослѣповъ.

Жена будетъ ждать, пожалуй надумается.

Хлыновъ.

Супругѣ депешу пошлемъ, штафету снарядимъ. (*Сидоренко приводитъ Шустраго*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Вася.

Хлыновъ (*Васѣ*).

Знай порядки! Какъ ты, братецъ, довольно необразованъ! Въ ноги градоначальнику! (*Вася кланяется*). Его высокостепенству. (*Вася кланяется*). Мнѣ! (*Вася кланяется*). Пошелъ въ лодку, бери бубенъ! (*Вася уходитъ въ лодку*). Пожалуйте, господа! (*Всѣ входятъ въ лодку*). Аристархъ, къ рулю! (*Аристархъ становится у руля*). Маркитантъ! Знай свое дѣло! (*Одинъ изъ гребцовъ подаетъ флягу съ водкой и закуску*). Пожалуйте, господа, на дорожку, чтобъ смѣлѣй было ѣхать. (*Всѣ пьютъ и закусываютъ*). Аристархъ, наблюдай, братецъ, гдѣ мели и подводные камни! Чуть гдѣ мѣсто опасное, докладывай, — мы въ тѣ поры будемъ на нутръ принимать, для храбрости. Поѣхали! Начинай! Васька, дѣйствуй съ бубномъ! (*Пѣсня. Отъѣзжаютъ*)

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена первая.

Садъ на дачѣ Хлынова, налѣво входъ въ домъ.

ЛИЦА.

Хлыновъ.
Баринъ.
Аристархъ.
Курослѣповъ.
Градобоевъ.
Вася.
Прислуга.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Градобоевъ, Курослѣповъ, Хлыновъ, баринъ и *прислуга* Хлынова (*выходятъ изъ дому*).

Курослѣповъ.

Вотъ такъ угощеніе! Дай только Богъ перенести. Хоть какого губернатора, этакимъ манеромъ уважить можно. Надо тебѣ честь приписать!

Хлыновъ.

А изъ чего жъ мы и бьемся, какъ не изъ чести; одно дѣло, на томъ стоимъ.

Курослѣповъ.

Ну и прощай, за мной лошади пріѣхали. Повезутъ теперь меня домой.

Хлыновъ.

Погоди, такъ нельзя. Надо послѣднюю, разгонную выпить. (*Прислугѣ*). Эй! Братецъ! Посмотри подъ, нѣтъ ли у насъ какого-нибудь вина. Я, думаю, что какое-нибудь найдется. (*Человѣкъ уходитъ*).

Градобоевъ.

Вы пейте, а я шабашъ.

Хлыновъ.

Господинъ полковникъ, у насъ такая пословица: въ гостяхъ, въ неволѣ.

Градобоевъ.

Ужь ты меня неволилъ довольно. (*Человѣкъ вноситъ бутылку шампанскаго*).

Хлыновъ.

Градоначальникъ нашъ! Уважаю! Храбрый воинъ! Не огорчайте хозяина, не обезкураживайте купца Хлынова. (*Подаетъ ему стаканъ*).

Градобоевъ.

Нѣтъ, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлыновъ.

Ежели вамъ, господинъ полковникъ, угодно видѣть, исправны ли обыватели, мы вамъ это сейчасъ покажемъ. (*Куроспѣпову*). Господинъ предводитель, прошу обо всей! Баринъ, выручай! (*Пьютъ*). Кажется, довольно чисто и аккуратно. (*Показываетъ Градобоеву стаканъ*). Потому, я въ своемъ домѣ люблю опрятность. (*Человѣку*). Догадайся, братецъ, догадайся!

Человѣкъ.

Готово-съ. (*Подаетъ другую бутылку*).

Курослѣповъ.

Ну, нѣтъ, прощай, а то до дому не доѣдешь, съ дрожекъ свалишься.

Хлыновъ.

Провожатаго дадимъ.

Курослѣповъ.

Ты упрямъ, а я тебя упрямѣе. Зарѣжь, такъ не стану. Я

тебѣ удовольствіе сдѣлалъ, и будетъ. И то ужь сны какіе стали сниться! Господи! Звѣри все, да хоботы, все тебя хватаютъ, да ловятъ, да небо валится... Прощайте! Ну васъ! (*Идетъ*).

Хлыновъ.

На предки не забывай!

Курослѣповъ.

Твои гости. (*Уходитъ*).

Хлыновъ.

Эй, молодцы, посадите господина Курослѣпова на дрожки! А ежели ли мы въ немъ настоящей крѣпости не найдемъ, посадимъ напротивъ него молодца и будетъ держать за плечи до самаго дому. (*Хочетъ идти*).

Баринъ.

Ты останься съ полковникомъ! Я пойду провожу. (*Уходитъ. Нѣсколько людей за ними*).

Хлыновъ (*съ стаканомъ на подносѣ*).

Господинъ полковникъ, жду!

Градобоевъ.

Не буду, русскимъ я тебѣ языкомъ говорю, или нѣтъ.

Хлыновъ.

У меня законъ, господинъ полковникъ: кто не выпьетъ, тому на голову лить.

Градобоевъ.

Очень мнѣ нужно твои законы знать. У тебя законъ, а у меня костыль.

Хлыновъ.

Не сладите, господинъ полковникъ, обольемъ. Могу съ вами пари держать, что обольемъ.

Градобоевъ.

Попробуй! Что я съ тобою сдѣлаю!

Хлыновъ.

Ничего вы со мной не сдѣлаете, я такъ понимаю.

Градобоевъ.

Да тебя засудятъ, тебѣ въ Сибири мѣста не будетъ.

Хлыновъ.

Не страшно мнѣ, господинъ полковникъ, не пугайте вы меня. Право, не пугайте лучше! Потому я отъ этого хуже. А хотите пари держать, что я не боюсь ничего? Вотъ вамъ сейчасъ видимый резонъ: доведись мнѣ какое безобразіе сдѣлать, я тужъ минуту въ губернію къ самому. Первое мнѣ слово отъ ихъ пре-

восходительства: «Ты, Хлыновъ, безобразничаешь много!» Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитаніе,—биты много, а толку никакого. Наслышанъ я насчетъ пожарной команды, починки и поправки требуются, такъ могу безвозмездно. «Да, говорятъ, ты нраву очень буйнаго?» Буйнаго, ваше превосходительство, самъ своему нраву не радъ, звѣрь звѣремъ. Да и арестантскія тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошаго, арестанты разбѣгутся. Такъ я тоже могу безвозмездно.» — Вотъ вамъ, господинъ полковникъ, наша политика! Да это еще не все. Отъ самого-то, да къ самой. «Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я домъ въ городѣ выстрою, да на сиротъ пожертвую». Потому что къ самой я не только вхожъ, но даже пивалъ у ней чай и кофей, и довольно равнодушно. Ну, и выходитъ, господинъ полковникъ, что значитъ городничимъ со мной ссориться барышъ не великъ. Другому они страшны, а для насъ все одно, что ничего. Такъ ужь вы лучше со мной не судитесь, потому я сейчасъ васъ обремизить могу; а лучше положите съ меня штрафъ, за всякое мое безобразіе, сто рублей серебра. (*Подноситъ вино*). Пожалуйте безъ церемоніи!

Градобоевъ (*беретъ стаканъ*).

Прокаженные вы! Турокъ я такъ не боялся, какъ боюсь васъ, чертей! Черезъ душу вѣдь я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнетесь этимъ виномъ проклятымъ!

Хлыновъ.

Все это намъ, господинъ полковникъ, на пользу сотворено.. Ежели иной разъ и много, такъ что случается ужасно даже много...

Градобоевъ.

Случается! Каждый день съ вами это случается.

Хлыновъ.

Допустимъ такъ; но ежели съ молитвой и, главное, чтобъ не оговорилъ никто... какой можетъ быть вредъ!

Градобоевъ.

Прощай! Теперь не скоро заманишь. (*Баринъ возвращается*).

Хлыновъ.

Зачѣмъ-же-съ! А мы такъ надѣемся, что вы наши постоянные гости. (*Вынимаетъ бумажникъ*). Позвольте вамъ! (*Подаетъ три сторублевыя ассигнаціи*). Сочтите такъ, что за штрафъ!

Градобоевъ.

Ну, тебя, не надо!

Хлыновъ (*обнимаетъ его и кладетъ ему насильно деньги въ карманъ*).

Невозможно! Безъ гостинцу не отпущу. Мы тоже оченно понимаемъ, что̀ такое ваша служба.

Градобоевъ.

Изломалъ ты меня, лѣшій.

Хлыновъ.

Вы ничему не причинны, не извольте безпокопться; потому вамъ насильно положили.

Градобоевъ.

Ну, прощай! Спасибо! (*Цалуются*).

Хлыновъ.

Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтобъ въ струнѣ. (*Всѣ уходятъ. Входитъ Вася*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Баринъ, Вася, потомъ Хлыновъ и прислуга.

Баринъ.

Ну, какъ твои дѣла?

Вася.

Квитанцію добылъ, да не знаю, какъ вотъ Тарахъ Тарасычъ... Онъ...

Баринъ.

Деньги заплатитъ.

Вася.

Ужли заплатитъ?

Баринъ.

Заплатитъ, только тебя въ шуты опредѣлитъ.

Вася.

Ну, ужь это зачѣмъ баловаться!

Баринъ.

Что-жъ, не хочешь? Лучше въ солдаты пойдешь?

Вася.

Само собой.

Баринъ.

Нѣтъ, шалишь! Я вашего брата видалъ довольно; не такіе солдаты бываютъ, у тебя поджилки неврѣпки. Въ писаряхъ тебѣ быть, это такъ; хохолъ завивать, волосы помадить, брон-

зовыя цѣпочки развѣшивать, чувствительные стихи въ тетрадку переписывать, это такъ; а въ солдаты ты не годишься. А вотъ самъ Хлыновъ идетъ, толкуй съ нимъ. (*Вася робко отступаетъ. Входитъ Хлыновъ и нѣсколько человѣкъ прислуги*).

Хлыновъ.

Уѣхали. Ну, вотъ что я теперь, братецъ ты мой, остался! Съ тоски помирать мнѣ надобно изъ-за своего-то капиталу.

Баринъ.

Вольно-жь тебѣ скучать-то!

Хлыновъ.

А что-жь мнѣ дѣлать? Взадъ впередъ бѣгать? На тебя, что-ль, удивляться? Какіе такіе узоры, братецъ, на тебѣ написаны?

Баринъ.

Вопервыхъ, ты осторожнѣй выражайся, а вовторыхъ, у тебя на то Аристархъ, чтобы тебѣ увеселенія придумывать.

Хлыновъ.

Да, должно быть, ничего не придумалъ. Я ему еще давича приказывалъ: сиди, братецъ, не сходя съ мѣста, думай, что мнѣ дѣлать сегодня вечеромъ. (*Слугѣ*). Гдѣ Аристархъ?

Слуга.

Здѣсь, въ саду, подъ деревомъ лежитъ.

Хлыновъ.

Думаетъ?

Слуга.

Нѣтъ, въ дудку дудитъ, ястребовъ приманиваетъ.

Хлыновъ.

Ему думать приказано, а онъ въ дудку дудитъ. Позвать его сейчасъ ко мнѣ на глаза! (*Слуга уходитъ. Хлыновъ, увидавъ Васю, садится въ кресла, разваливается и говоритъ важнымъ тономъ*). А, ты здѣсь! Поди сюда, я желаю съ тобой разговаривать! Какъ я, братецъ ты мой, при твоей бѣдности, хочу быть тебѣ благодѣтелемъ (*Вася кланяется*), по этому самому, я у тебя спрашиваю, какъ ты самъ о себѣ думаешь.

Вася.

Квитанцію нашли-съ.

Хлыновъ.

А какой можетъ быть курсъ на эти самые патенты?

Вася.

То-есть, какъ цѣна-съ?

Хлыновъ.

Ты, братецъ, долженъ съ разу понимать. Я для всякаго ничтожнаго человѣка не могу по десяти разъ повторять.

Вася.

Четыреста рублей-съ.

Хлыновъ.

Откуда-жь ты эти самые капиталы получить въ надеждѣ?

Вася (*кланяясь въ ноги*).

Не оставьте, Тарахъ Тарасычъ!

Хлыновъ.

Ты, можетъ, братецъ, воображаешь, что твои поклоны оченно дорого стоятъ?

Вася.

Богъ дастъ, мы съ тятенькой поправимся, такъ въ тѣ поры вамъ съ благодарностью...

Хлыновъ.

Какъ ты, братецъ, мнѣ, на моей собственной дачѣ, смѣешь такія слова говорить! Нечто я тебѣ ровный, что ты мнѣ хочешь деньги отдать. Ты взаймы, что-ли, хочешь взять у меня, по дружески? Какъ посмотрю я на тебя, какъ ты, братецъ, никакого образованія не имѣешь! Ты долженъ ждать, какая отъ меня милость будетъ; можетъ, я тебѣ эти деньги прощу, можетъ, я заставлю тебя одинъ разъ перекувырнуться, вотъ и квитъ. Ты почемъ мою душу можешь знать, когда я самъ ее не знаю, потому это зависитъ, въ какомъ я расположеніи.

Вася.

На все ваша воля, Тарахъ Тарасычъ; а что у меня теперича душа разстается съ тѣломъ.

Хлыновъ.

Такъ бы ты долженъ съ самаго съ первоначалу... покорность... Теперь я тебя, братецъ ты мой, такъ рѣшаю; четыреста рублевъ для меня все равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня годъ, въ какое я тебя званіе опредѣлю.

Вася.

Ужь вы мнѣ теперь скажите, Тарахъ Тарасычъ; потому мое дѣло такое: тятенька, опять же знакомства много, какъ были мы въ городѣ на знати, сами тоже въ купеческомъ званіи...

Хлыновъ.

Быть тебѣ, братецъ ты мой, у господина Хлынова запѣвалой. Вотъ тебѣ и чинъ отъ меня.

Вася.

Ужь оченно страмъ передъ своимъ братомъ, Тарахъ Тарасычъ.

Хлыновъ.

А коли страмъ, братецъ, я тебя не неволю, ступай въ солдаты.

Вася.

Позвольте, Тарахъ Тарасычъ, подумать!

Хлыновъ.

Вотъ опять ты выходишь дуракъ и невѣжа! Давно-ль ты сенаторомъ сталъ, что думать захотѣлъ! Думаютъ-то люди умные. А коли ты, братецъ, думать захотѣлъ, такъ свести тебя опять въ арестантскую, тамъ тебѣ думать будетъ способнѣе.

Вася.

Нѣтъ, ужь вы, Тарахъ Тарасычъ, мою молодость не губите; а какъ, значитъ, вамъ угодно, такъ пусть и будетъ.

Хлыновъ.

Недолго-же ты, братецъ мой, думалъ. (*Входитъ Аристархъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Аристархъ.

Хлыновъ.

Гдѣ ты, братецъ ты мой...

Аристархъ.

Погоди, безобразный! (*Прислугѣ*). Вы тутъ пьяные-то по саду путаетесь, такъ вы смотрите, тамъ у меня въ капканъ не попадите; на хорька поставленъ. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да тамъ у меня змѣй подъ деревомъ.

Хлыновъ.

Для чего у тебя змѣй? Какъ ты, братецъ, довольно глупъ! Еще укуситъ кого.

Аристархъ.

Ты вотъ уменъ. Онъ бумажный. Я его склеилъ, такъ сушить поставилъ.

Хлыновъ.

А для какой надобности?

Аристархъ.

Пускать будемъ вечеромъ съ фонаремъ, съ лодки. А къ лодкѣ я такую машину придѣлываю, ручную, и колеса заказалъ, будетъ, какъ въ родѣ, пароходъ.

Хлыновъ.

А что-жъ, братецъ ты мой, я тебѣ думать приказывалъ, куда мнѣ себя нынѣшній вечеръ опредѣлить.

Аристархъ.

Я ужь придумалъ; вотъ сейчасъ скажу. (*Беретъ стулъ и садится*). Слушайте! Тутъ неподалеку есть барынъ, по фамиліи

Хватскій. У него было имѣніе хорошее, только онъ все это нарушилъ черезъ разныя свои затѣи. Домъ свой весь переломалъ, всѣ печи и перегородки разобралъ и сдѣлалъ изъ него театръ, а самъ живетъ въ банѣ. Накупилъ декораціевъ, разныхъ платьевъ, париковъ и лысыхъ и всякихъ; только ни представлять, ни смотрѣть у него этотъ театръ некому. Въ деньгахъ онъ теперь очень нуждается, потому онъ на всѣхъ поляхъ картофель насадилъ, хотѣлъ изъ него крахмалъ дѣлать, а онъ у него въ поляхъ замерзъ, такъ въ землѣ и остался; и хочетъ онъ теперь въ Астрахань ѣхать рыбій клей дѣлать; теперича онъ весь свой театръ продастъ за безцѣнокъ.

Хлыновъ.

Для чего ты, братецъ, намъ эту рацею разводишь?

Баринъ.

Погоди, тутъ что-то на дѣло похоже.

Аристархъ.

Да само собою; нечто я стану зря. Ты слушай, безобразный, что̀ дальше-то будетъ! Вотъ я сейчасъ поѣду и куплю у него всѣ костюмы. А вечеромъ всѣхъ людей нарядимъ разбойниками; шляпы у него есть такія большія, съ перьями. Разбойники у насъ будутъ не русскіе, а такіе, какъ на театрахъ, кто ихъ знаетъ какіе они, не умѣю тебѣ сказать. Чего не знаю, такъ не знаю. И самъ нарядимся: я пустынникомъ...

Хлыновъ.

Зачѣмъ пустынникомъ?

Аристархъ.

Что ты понимаешь! Ужь я, стало быть, знаю, коли говорю. При разбойникахъ завсегда пустынникъ бываетъ; такъ смѣшнѣе. И выдемъ всѣ въ лѣсъ, къ большой дорогѣ, подлѣ шалаша. Барина атаманомъ нарядимъ, потому у него видъ строгій, ну и усы. Тебя тоже разбойникомъ нарядимъ; да тебя и рядить-то немного нужно, ты и такъ похожъ; а въ лѣсу-то, да ночью, такъ точь въ точь и будешь.

Хлыновъ.

Ну ты, братецъ, въ забвеніе-то не приходи!

Аристархъ.

Станемъ мы въ свистки свистѣть по кустамъ, будемъ останавливать прохожихъ и проѣзжихъ да къ атаману водить. Напугаемъ, а потомъ до пьяна напоимъ и отпустимъ.

Баринъ.

Превосходно придумано.

Хлыновъ.

Ничего, ладно. Занятіе оченно интересное. Ну, ты поѣзжай, а я сосну пойду. (*Уходитъ*).

Баринъ.

Мы прежде съ народомъ репетицію сдѣлаемъ. Это отличная будетъ штука, и благородная штука и пріятная. Да, весело, чортъ возьми, а то было я ужь издохъ со скуки. (*Уходитъ. Вася подходитъ къ Аристарху*).

Вася.

Дядюшко, Аристархъ, я порѣшился къ Хлынову.

Аристархъ.

Твое дѣло.

Вася.

Да все какъ-то раздумье беретъ! Иной разъ такая мысль придетъ: не лучше-ль въ солдаты! Да кабы не такъ трудно, я бы сейчасъ... потому еройскій духъ...

Аристархъ.

То-то ты съ еройскимъ-то духомъ да въ шуты и пошелъ.

Вася.

Ничего не подѣлаешь. Страшно! А ужь ежели-бы я осмѣлился, кажется, какихъ бы дѣловъ надѣлалъ.

Аристархъ.

Полно! Гдѣ ужь! Пшеничнаго ты много ѣлъ. Душа-то коротка, такъ ужь что хвастать. Хе, хе хе! Мелочь мы, лыкомъ шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебѣ цѣлаго куска не видать, а все бодришься, чтобъ не очень тебя хамомъ-то ставили. Все какъ-то барахтаешься, лѣзешь куда-то, не хочется вовсе-то ничкомъ въ грязи лежать.

Вася.

Оно точно, что...

Аристархъ.

Съ молоду-то, пока образъ-то и подобіе въ насъ еще свѣтится, оно, какъ будто, нехорошо колесомъ-то ходить. Конечно, мое дѣло сторона, а къ слову пришлось, я и сказалъ.

Вася.

Да это ты вѣрно. Вотъ еще мнѣ забота: что̀ Параша скажетъ, коли я у Хлынова запѣвалой останусь! Э, да что мнѣ на людей смотрѣть! Коли любитъ, такъ и думай по моему. Какъ мнѣ лучше. А то, что слезы-то заводить. Своя-то рубашка къ тѣлу ближе. Такъ, что-ли, дядюшко Аристархъ? Охъ, да какой-же я у васъ ухорскій пѣсельникъ буду. (*Уходятъ съ Аристархомъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА.

Хлыновъ.
Баринъ.
Аристархъ.
Вася.
Параша.
Гаврило.
Люди Хлынова.
Наркисъ и прохожіе люди.

Поляна въ лѣсу. Налѣво небольшой плетеный сарай для сѣна, у сарая со стороны, обращенной къ зрителямъ, положена доска на двухъ обрубкахъ въ видѣ скамьи, на правой сторонѣ два или три пня и срубленное сухое дерево. Въ глубинѣ сплошь деревья, за ними видна дорога, за дорогой поля и вдали деревня. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Наркисъ (*за сценой*).

Тпррру! Чтобъ тебя! Куда это я заѣхалъ? Вотъ такъ чàща? Тутъ не то что на лошади, а и пѣшій не пролѣзешь! (*Выходитъ*). И какимъ манеромъ меня угораздило! Задремалъ, должно быть. (*Останавливаясь*). Это что за избушка на курьихъ ножкахъ? Да это сарай! Э! Да я ужь въ другой сюда попадаю, все на то же мѣсто. Обошелъ! Дѣло нечисто! Наше мѣсто свято! И какъ бы, кажется, обойти, не такіе часы теперь, еще совсѣмъ свѣтло. Нѣтъ, надо такъ полагать, что я задремалъ. И дивно бы съ ними, съ мужиками много пилъ; а то что! Что̀ я пилъ? Дай Богъ памяти! Два стакана, да полстакана, да двѣ чайныхъ чашки, да еще полчашки, да рюмка. Да что считать-то! Дай Богъ на здоровье! Что-жъ, я слава Богу; мнѣ все одно, что воду, да другому и воды столько не одолѣть. А считать-то грѣхъ. Съ того сохнутъ, говорятъ, кто считаное-то... Всего четыре версты отъ дому, а никакъ не доѣду. Пойду, выведу лошадь-то на дорогу, да такъ нахлещу, чтобъ мигомъ дома. А то что за страмъ! Хозяинъ послалъ за дѣломъ, а я пропалъ; еще подумаютъ, пьянъ. (*Уходитъ. Изъ лѣса выходятъ маршемъ: Хлыновъ; на немъ, сверхъ жилета, испанскій плащъ, на головѣ бархатная шапочка съ перьями; Аристархъ въ костюмѣ капуцина; Баринъ и за нимъ попарно люди Хлынова въ разныхъ костюмахъ, между ними Вася, сзади несутъ двѣ корзины съ напитками и съѣстнымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хлыновъ, Аристархъ, баринъ, Вася и прислуга.

Хлыновъ *(хочетъ идти на дорогу)*.

Маршъ!

Аристархъ *(удерживая его)*.

Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлыновъ.

Проѣхалъ кто-то, братецъ ты мой.

Аристархъ.

Ну, такъ что жь?

Хлыновъ.

Долженъ я поглядѣть, али нѣтъ?

Аристархъ.

Намъ изъ лѣсу выходить-то еще рано, больно свѣтло *(смотритъ на дорогу)*. А кто проѣхалъ, я тебѣ сейчасъ скажу. Это Наркисъ, приказчикъ Курослѣпова, на хозяйской тележкѣ. Посылали куда нибудь. Э! да какъ его покачиваетъ! Задремалъ, должно быть! Куда онъ поворачиваетъ, чудакъ! Ну, да лошадь сама знаетъ, вывезетъ на дорогу.

Хлыновъ.

Ты, братецъ, затѣялъ, ты и порядокъ заводи.

Аристархъ.

Вотъ и стой здѣсь всѣ! Тутъ у насъ привалъ будетъ. Баринъ, помѣщикъ Хлыновъ, садитесь на скамейку за сараемъ: тамъ васъ съ дороги не видно будетъ. Корзины въ сарай несите.

Хлыновъ.

Маркитантъ, приготовь закуску, чтобы, братецъ ты мой, въ лучшемъ видѣ! *(Садятся съ барином на скамью)*.

Аристархъ.

Вотъ теперь разставимъ людей. Вы двое на бугоръ, вы двое къ мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты, — на проселокъ не надо, тамъ только крестьяне да богомольцы ходятъ. Вы, коли увидите прохожаго или проѣзжаго, такъ сначала пропусти его мимо себя, а потомъ и свисни. А вы, остальные, тутъ неподалеку въ кусты садитесь. Только сидѣть не шумѣть, пѣсенъ не пѣть, въ орлянку не играть, на кулачки не биться. Свиспу, такъ выходите *(подходитъ къ Хлынову)*.

Хлыновъ.

Что же мы, братецъ, сидимъ? Первое твое стараніе, чтобъ

мнѣ занятіе было. А какъ скоро мнѣ нѣтъ занятія, я могу сейчасъ въ скуку и въ тоску впасть. А въ тоскѣ и въ скукѣ, братецъ ты мой, дурныя мысли въ голову приходятъ и даже я могу вдругъ похудѣть черезъ это самое.

Аристархъ.

Съ чего скучать-то! Какая тишина! Не вышелъ бы изъ лѣсу-то, какой вечеръ чудесный!

Хлыновъ.

Что̀ такое чудесный вечеръ? И чѣмъ онъ хорошъ? Можешь ли ты, братецъ, понимать это? Лѣтній вечеръ оттого пріятность въ себѣ имѣетъ, что шампанское хорошо пьется, ходко,— потому прохлада. А не будь шампанскаго, что̀ такое значитъ вечеръ! Баринъ, не нарушить ли намъ флакончикъ? *(Свистъ)*.

Аристархъ.

Постой! *(Свиститъ. Изъ лѣсу выходятъ люди Хлынова)*. Тише!

Наркисъ *(за сценой)*.

Тиррр... у! Чтобъ тебя! О, волкъ тебя заѣшь! Куда меня занесло! Тиррр...у!

Аристархъ.

Я огляжу пойду (*подходитъ къ кустамъ и возвращается*). Это Наркисъ; онъ въ лѣсу запутался (*Хлынову*). Вотъ тебѣ и добыча!

Наркисъ *(за сценой)*.

Оказія! Никакой силой тутъ не выдерешься. Придется мнѣ тебя назадъ за хвостъ тащить. И куда это я застрялъ! Надо оглядѣться.

Аристархъ *(людямъ)*.

Обойдите его кругомъ, какъ подамъ знакъ, такъ хватайте и ведите сюда (*Наркисъ выходитъ. Люди Хлынова заходятъ со всѣхъ сторонъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Наркисъ.

Наркисъ (*осматриваясь*).

Вотъ такъ важно! Сарай! Да я опять тута, въ третій разъ. Молодецъ! Ну, не навожденіе это дьявольское! Нѣтъ, ужь что̀ ни толкуй, а дѣло видимое. Вотъ ужь и темнѣетъ, вотъ ужь и страхъ меня забираетъ. *Онъ* шутитъ. *Онъ* теперь вышелъ, какъ начнетъ темнѣть, такъ ему и выходъ; засвѣтло не выхо-

дитъ никогда, не положено, не можетъ... Ужь пускай бы пошутилъ, только въ-явь не показывался. Очень ужь, говорятъ, видомъ разителенъ, такъ что нѣтъ такого смѣлаго человѣка, чтобъ на него прямо смотрѣть! Когда я теперь дома буду? Нѣтъ, шабашъ! Теперь въ поводу поведу, ужь не задремлю. Только-бъ онъ мнѣ на встрѣчу не вышелъ, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нѣтъ, ужь я теперь дома буду; я неробкаго десятку. Ну, само собой, если вотъ прямо, такъ передъ носомъ твоимъ изъ земли выростетъ, такъ испу... (*идетъ къ лошади. По знаку Аристарха одинъ изъ людей Хлынова загораживаетъ ему дорогу*). А вотъ онъ и есть... Вотъ тебѣ и разъ! Вотъ онъ и какъ тутъ! Я вѣдь и въ другую сторону поверну и оглядываться не стану (*идетъ въ другую сторону. Другой человѣкъ загораживаетъ ему дорогу*). Вотъ и другой. Однако! (*Аристархъ выходитъ изъ-за сарая и дѣлаетъ знакъ, чтобы его взяли*). Вотъ и третій! Да ихъ тутъ полонъ лѣсъ! Это ужь, надо быть, самый настоящій! И хмѣль у меня соскочилъ. Кричать, аль нѣтъ! Да чего кричать! Кромѣ лѣшаго, никто не откликнется (*машетъ рукой на Аристарха*). Наше мѣсто свято (*шепчетъ*). Не дѣйствуетъ! Ну, теперь капутъ (*слуги берутъ его подъ руки и ведутъ къ Хлынову. Другіе приносятъ вино и стаканъ. Баринъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобы онъ пилъ*). Это значитъ, пить надо? Да, можетъ, это зелье какое? Можетъ, съ него разорветъ? (*Баринъ дѣлаетъ отрицательный знакъ*). Вѣрно твое слово? Ну, такъ я, что жь, я выпью (*Пьетъ. Ему наливаютъ еще*). Стало быть, и еще? Ничего, первый прошелъ, какъ быть слѣдуетъ. Я и еще (*пьетъ*). Благодарствуйте. Теперь позвольте васъ спросить, что̀ вы такое, люди, примѣрно, аль что̀ другое.

Баринъ (*густымъ басомъ*).

Мы разбойники.

Наркисъ.

Разбойники? Не похоже. На тѣхъ-то вы на не нашихъ-то, не къ ночи сказать ко дню, больше похожи, особливо вотъ этотъ (*указывая на Аристарха*). Вѣдь это какая страсть-то, особенно въ лѣсу-то да ночью.

Аристархъ.

Трепещи!...

Наркисъ.

Да ужь и то трепещусь. Все во мнѣ трепещется.

Баринъ.

Мы изъ чужихъ земель.

Наркисъ.

Да? Наѣхали? Что жь, вы и смертоубійствомъ занимаетесь?

Баринъ.

Нѣтъ.

Наркисъ.

Ну, теперича мнѣ легче. Что жь, это хорошо, что вы душъ не губите. А грабите таки довольно?

Баринъ.

Нѣтъ.

Наркисъ.

Какъ нѣтъ? Что жь вы не грабите? Это вы напрасно. Вы изъ чужихъ земель, вы нашего народу не знаете. Нашъ народъ простой, смирный, терпѣливый народъ, я тебѣ скажу, его можно грабить. И про между прочимъ, даже есть много такихъ, которые не знаютъ, куда имъ съ деньгами дѣваться. Право. Вотъ Хлыновъ, да что жь его не ограбить! Ему еще, пожалуй, лучше отъ этого.

Хлыновъ.

Какъ ты, братецъ мой...

Аристархъ (*грозно*).

Молчи!

Наркисъ (*барину*).

Вотъ что, другъ любезный, вели еще стаканчикъ поднести. А то отъ страха что-то зябнется (*баринъ киваетъ головой*). А ужь опосля, что хотите, со мной дѣлайте. У васъ и вино-то, должно, привозное; а у насъ въ торговлѣ такой-то, другъ любезный, обманъ живетъ (*подносятъ,— пьетъ*). Такъ вы не грабите?

Баринъ.

Не грабимъ.

Наркисъ.

Что же вы съ нами дѣлаете?

Баринъ.

Возьмемъ, напоимъ и отпустимъ.

Наркисъ.

Это очень хорошо. Это разчудесно.

Аристархъ.

Понравилось?

Наркисъ.

Да что жь лучше. И не слыхано, да кто и сказалъ-то бы, такъ не повѣришь.

Баринъ.

Хочешь въ нашу шайку, въ разбойники?

Наркисъ.

Въ разбойники? А у васъ какъ положеніе? Артельно или отъ хозяина, на жалованьи?

Баринъ.

На жалованьи.

Наркисъ.

Харчи свои, али хозяйскіе?

Баринъ.

Хозяйскіе.

Наркисъ.

Положеніе хорошее. Я съ превеликимъ бы удовольствіемъ, да вотъ что, другъ... (*оглядываясь на людей Хлынова*). Что они тутъ стоятъ! Прогони ихъ, не бойся, я не уйду. Сядемъ на траву, я хорошую компанію люблю (*Аристархъ дастъ знакъ, люди расходятся. Наркисъ, Хлыновъ, баринъ, Аристархъ садятся на землю*). Вотъ что, другъ ты мой единственный, какъ звать тебя не знаю... Я бы съ охотой... а не пойду.

Баринъ.

Отчего?

Наркисъ.

Мнѣ житье теперь... мнѣ житье! Малина! Умирать не надо. Что только есть, первый сортъ. Хозяинъ у меня глупый, — вотъ послалъ меня съ мужиками рядиться, луга кортомимъ; а я не очень чтобъ уважаю. А съ хозяйкой я въ любви и во всякомъ согласіи.

Аристархъ.

Не вѣрю.

Наркисъ.

Ужь это такъ точно. Ужь что! Даромъ слова не скажу. И на счетъ съѣстнаго и прочаго... все. Вотъ сейчасъ пріѣду... поѣдемъ ко мнѣ въ гости! Сейчасъ при тебѣ потребоваю вина, братецъ, всякаго: краснаго, бѣлаго, рому... всякаго. И вотъ сейчасъ скажу: неси тысячу рублей! Чтобъ мигомъ тутъ было! И принесетъ.

Аристархъ.

Врешь!

Наркисъ.

Истинно! Нешто первый разъ! Двѣ принесетъ, только бъ ей какъ у мужа спроворить. Страсть какъ любитъ! Говорю тебѣ, другъ ты мой единственный, ужасно какъ любитъ, и словъ такихъ нѣтъ. Вотъ недавно двѣ тысячи своими руками принесла. Я сейчасъ, другъ мой единственный, подъ подушку въ ящикъ...

ключемъ щелкъ, а ключъ на крестъ. Вотъ и нынче, какъ пріѣду, велю тысячу принести, — и сейчасъ въ ящикъ и щелкъ; потому я хочу, другъ мой любезный, въ купцы выходить. Такъ я себя понимаю, что мнѣ надо. А вотъ что, другъ милый, мнѣ еще бы...

Аристархъ.

Видно, ты любишь?

Наркисъ.

Не то, чтобъ я любилъ; а какъ мнѣ, по моимъ чувствамъ, это на пользу.

Аристархъ.

Изволь! Только бъ охота была, а вина у насъ вдоволь (*подзываетъ человѣка*). Вотъ они тебѣ и лошадь помогутъ вывести (*человѣку*). Поподчуй его хорошенько (*тихо*). Потомъ положи въ телегу да проводи до городу (*Наркису*). Ступай съ нимъ, обиды не будетъ.

Наркисъ.

Благодарю за компанію (*уходитъ*).

Аристархъ (*Хлынову*).

Ну, что, доволенъ ты? Нѣтъ худа безъ добра. Вотъ нынче же все это городничему я и объясню, чтобъ за него, за плута, невинные люди не страдали.

Хлыновъ.

Хорошо бы теперь, братецъ, какого благороднаго, чтобъ съ нимъ шампанскаго выпить.

Барынъ.

Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!... Я бы сейчасъ палъ на колѣни передъ ней, и сцену изъ трагедіи.

Аристархъ.

А вотъ пойдемте на большую дорогу, можетъ, кто и попадется. А тутъ что, тутъ проселокъ. Вонъ, видишь, богомолки идутъ. (*По дорогѣ проходятъ богомолки*).

Хлыновъ.

Съ этимъ народомъ, братецъ, какое можетъ быть развлеченіе, одна канитель. (*Уходятъ. Параша и Гаврило показываются на дорогѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Параша и Гаврило.

Параша.

Какъ я устала! Силъ моихъ нѣтъ! Я съ мѣста двинуться не могу, мнѣ не дойти до города.

Гаврило.

Отдохните, Прасковья Павлиновна; вотъ тутъ на полянкѣ присядьте, на бревнышкахъ. На траву не садитесь, роса. Отдохнувши-то, мы своихъ догонимъ, еще рано. Часу въ 10-мъ будемъ въ городѣ.

Параша.

Посидимъ, не могу идти, не могу.

Гаврило.

Вы не то что съ дороги, а больше отъ чувствъ.

Параша.

Я падаю, падаю.

Гаврило.

Позвольте, я васъ поддержу подъ локоточекъ. (*Доводитъ ее до бревенъ*).

Параша.

Я только устала, а мнѣ помолившись-то, какъ будто легче. Какъ мнѣ тебя благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мнѣ бы не дойти.

Гаврило.

Что-жь, мнѣ вѣдь самому надо было...

Параша.

Нѣтъ, не говори, я знаю, что ты только для меня пошелъ. Какъ у меня голова... руки и ноги точно не свои, и какъ будто забытые. И въ головѣ-то шумъ, а ничего у меня не болитъ, и такъ мнѣ хорошо, пріятно, только, какъ будто, вотъ что-то мнѣ представляется, — что такое? Гудитъ, гудитъ, точно вотъ рѣчка по камнямъ, или мельница... Дурно мнѣ, Гаврюша, дурно!

Гаврило.

Да что вы, родная! Я пойду водицы принесу, тутъ гдѣ-то ключикъ былъ.

Параша.

Поди, поди! (*Гаврило идетъ, въ разныхъ мѣстахъ свистъ. Онъ бѣжитъ назадъ*).

Гаврило.

Свистятъ.

Параша.

Что ты? Не слышу.

Гаврило.

Свистятъ по лѣсу.

Параша.

Ну, что жь, шалятъ... Поди. (*Гаврило отходитъ. Въ это*

время свистъ усиливается. Изъ кустовъ выходитъ баринъ и, замѣтивъ Парашу, подбѣгаетъ къ ней, она на него съ испугомъ смотритъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ показываются люди Хлынова.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, баринъ и люди Хлынова.

Баринъ.

Красавица! Наконецъ-то я нашелъ тебя. (*Беретъ ее за руку. Параша хочетъ бѣжать, но силы ее оставляютъ. Баринъ ее поддерживаетъ, обнявъ ее одной рукой*).

Гаврило (*схвативъ большую суковатую палку, бросается на барина*).

Не трожь ее! Я умру на этомъ мѣстѣ, а тронуть ее не позволю. (*Баринъ стрѣляетъ изъ пистолета. Гаврило падаетъ*).

Параша.

Ахъ, убитъ, убитъ! (*Закрываетъ лицо руками*).

Гаврило (*приподнимаясь и ощупываясь*).

Нѣтъ, я словно живъ. Это я, надо полагать, съ испугу. Оглушило только! Что жь это, Господи! (*Встаетъ. Баринъ дѣлаетъ знакъ, набѣгаютъ люди и уносятъ Гаврилу*).

Баринъ.

Ты меня не узнаешь? О, я давно люблю тебя. Зачѣмъ ты сдѣлала меня несчастнымъ? Я бросилъ людей, бѣжалъ въ лѣса и набралъ шайку разбойниковъ. Наконецъ, ты въ моихъ рукахъ. Ты будешь моя. О!..

Параша (*дѣлаетъ усиліе чтобы оттолкнуть его*).

Нѣтъ, нѣтъ! Вася, Вася!

Баринъ.

Хочешь парчи, хочешь бархату, бриліантовъ? Все твое! Только люби меня.

Параша (*стараясь освободиться, но силы ея слабѣютъ*).

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не надо, ничего не надо! Пусти меня! Пожалѣй... Прошу тебя, молю тебя, пожалѣй меня. (*Почти шопотомъ*). Я не своя теперь. Я чужая, я Васина... Вася! Вася! (*Лишается чувствъ. Баринъ сажаетъ ее на скамью у сарая и поддерживаетъ. Входятъ: Хлыновъ и Аристархъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Параша, баринъ, Хлыновъ, Аристархъ и люди Хлынова.

Хлыновъ.

Что за стрѣльба?

Баринъ.

Идите скорѣй! Какую я красавицу обрящилъ! Да, должно быть, испугалась очень, надо ей помочь какъ нибудь.

Хлыновъ.

Дѣвка, братецъ, первый сортъ. Одобряю.

Аристархъ (*подбѣгая*).

Ахъ, вы, варвары! Да вѣдь это крестница моя, Параша, Курослѣпова дочь. (*Хлынову*). Пошли скорѣй за коляской, я ее домой свезу! (*Хлыновъ посылаетъ одного изъ своихъ людей*). Ужь и ты, баринъ, нашелъ кого обидѣть! Ума-то у тебя, видно, какъ у малаго ребенка. Подайте ее сюда, разбойники, она вамъ, пьяницамъ, не пара! Далеко вамъ, далеко! (*Садится на скамью подлѣ Параши и обмахиваетъ ее платкомъ*). Воды! (*Люди бѣгутъ за водой*). Какъ вы смѣли трогать-то ее своими грязными лапами! Она, какъ есть, голубка; а вы мало чѣмъ лучше дьяволовъ. Вотъ она, шутка-то! И я-то, дуракъ, тѣшить васъ взялся! Пора мнѣ знать, что у васъ ни одной шутки безъ обиды не обходится. Первое ваше удовольствіе—бѣдныхъ, да беззащитныхъ обижать. (*Приносятъ воды, онъ льетъ ей нѣсколько капель на голову*). Ужь эта ли дѣвушка не обижена, а тутъ вы еще. Дома ее заѣли совсѣмъ; вырвалась она кой-какъ, (*Параша понемногу приходитъ въ чувство и прислушивается*), пошла Богу помолиться, у него защиты попросить... Такъ отецъ, съ сонныхъ-то глазъ, по мачихину наученью, давеча поутру, велѣлъ городничему изловить ее, да на веревкѣ, съ солдатомъ по городу провести для страму; да въ чуланъ дома запрутъ ее на полгода, а то и на годъ.

Параша (*привстаетъ и какъ бы въ бреду*).

По городу съ солдатомъ? Въ чуланъ? Гдѣ онъ? Гдѣ атаманъ? Пойдемъ! Вмѣстѣ пойдемъ! И я съ вами...

Баринъ и Аристархъ.

Куда? Куда?

Параша.

Въ городъ, въ городъ. Я сама... (*Съ крикомъ*). Не ругаться

имъ надо мной! Не сидѣть мнѣ въ чуланѣ! Зажгу я свой домъ съ четырехъ угловъ. Пойдемте! Я васъ проведу, я васъ прямо проведу. Дайте мнѣ въ руки-то что нибудь!.. Ружье... да огня, больше огня (*обезсиливаетъ*).

Аристархъ.

Параша! Что ты! Богъ съ тобой! Да вѣдь это я, твой крестный (*снимаетъ капюшонъ*).

Параша (*смотритъ на него*).

Крестный?

Аристархъ.

Да, да, крестный! Аристархъ. Узнала теперь? Мы шутимъ. Это вотъ подрядчикъ Хлыновъ! Слыхала? Безобразный такой. Нечего ему дѣлать-то, а денегъ много, вотъ онъ и забавляется.

Параша.

А Гаврило гдѣ?

Аристархъ (*оборачиваясь*).

Гдѣ Гаврило?

Одинъ изъ людей.

Онъ вырвался отъ насъ, да убѣжалъ.

Аристархъ.

Вотъ теперь прибѣжитъ, перемутитъ весь городъ, ну, да мы на лошадяхъ-то раньше его будемъ. А знаешь ли, Параша, Хлыновъ Васю изъ солдатства выкупилъ.

Параша.

Выкупилъ?

Хлыновъ.

Четыреста серебра внесъ.

Аристархъ.

Да гдѣ Вася-то? Онъ съ нами былъ.

Хлыновъ.

Гдѣ Васька? Позвать сюда Ваську! (*Вася выходитъ изъ рощи*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Вася.

Параша.

Вася! Вася! (*Бросается къ нему на шею*).

Вася.

Что ты? При народѣ-то нехорошо.

Хлыновъ.

Я его теперича къ себѣ въ пѣсельники опредѣлилъ.

Параша (*отступая*).

Въ пѣсельники?

Вася.

Что жь, надо чѣмъ нибудь заниматься, хлѣбъ добывать.

Хлыновъ.

Я его теперича въ кабалу взялъ за эти самыя деньги на годъ.

Параша (*съ испугомъ*).

Въ кабалу?

Аристархъ.

Вотъ чѣмъ похвалился! Благодѣтель! Изъ людей шутовъ дѣлаетъ.

Хлыновъ.

А хоть бы и шутовъ, братецъ ты мой. Кто же мнѣ можетъ запретить? Онъ человѣкъ несостоятельный; я за свои деньги въ какую угодно должность, въ такую его и опредѣлю, стало быть, ему самому нравится. Въ шуты нанялся, шутомъ и будь. Васька, знай свою дистанцію! На задній столъ! Барышня, угодно вамъ, мы васъ потѣшимъ? Сейчасъ могу скомандовать веселую. Эй, народы! Васька, бери бубенъ, дѣлай колѣно! (*Вася отходитъ*).

Параша (*со слезами*).

Вася! Вася!

Вася (*подходя къ ней*).

Что тебѣ?

Параша.

Вася, зачѣмъ ты деньги бралъ?

Вася.

Что-жь, въ солдаты?..

Параша.

Да, да. Я ужь и помолилась... Я рѣшилась. Да, да, въ солдаты... Обидно, да за то честно это... Вѣдь рѣшились мы; вѣдь уговорились; ты хотѣлъ... развѣ ты... развѣ ты...

Хлыновъ.

Васька, знай свое мѣсто! (*Вася отходитъ*).

Параша.

Развѣ ты... струсилъ? (*Васѣ подаютъ бубенъ, онъ его беретъ молча*). Отвѣчай! Отвѣчай мнѣ! Струсилъ ты? Оробѣлъ? (*Вася съ сердцемъ встряхиваетъ бубномъ*). Такой красивый, такой молодецъ и струсилъ. Съ бубномъ стоптъ! Ха, ха, ха! Вотъ когда я обижена. Что я? Что я? Онъ плясунъ, а я что? Возьмите меня кто нибудь! Я для него только жила, для него горе терпѣла. Я богатаго купца дочь, солдаткой хотѣла быть, въ казар-

махъ съ нимъ жить, а онъ!.. Ахъ, крестный! Трудно мнѣ... духу мнѣ!.. духу мнѣ надо... а нѣтъ. Била меня судьба, била... а онъ... а онъ... добилъ. (*Падаетъ къ Аристарху на руки*).

Аристархъ.

Лошадей проворнѣй! Дай Богъ только живую довезти! Бѣдная ты, бѣдная мученица.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Л и ц а.

Курослѣповъ.
Матрена.
Параша.
Силанъ.
Наркисъ.
Градобоевъ.
Аристархъ.
Гаврило.
Вася.
Сидоренко.
Житуновъ.
Рабочіе и будочники.

Декорація перваго дѣйствія. 10 часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Матрена (*сходитъ съ крыльца и идетъ по двору*). Курослѣповъ *нѣсколько времени спустя выходитъ на крыльцо, у воротъ* Силанъ.

Курослѣповъ.

Матрена!

Матрена.

Что еще! Нянчись съ нимъ, какъ съ маленькимъ. Проснулся, видно, продралъ глаза-то.

Курослѣповъ.

Поди сюда!

Матрена (*возвращаясь*).

Ну?

Курослѣповъ.

Что ты меня одного покидаешь! Ночное дѣло...

Матрена.

А ночное дѣло, такъ спи! Чего еще?

Курослѣповъ.

Спать-то бы оно точно... да меня сумленіе... гдѣ Наркисъ?

Матрена.

Не печалься, найдется. Наркисъ не иголка; ту потеряешь, такъ нескоро сыщешь.

Курослѣповъ.

Какой-же такой порядокъ? Какъ же онъ можетъ! Стало быть, его гнать надобно по шеѣ. По хозяйскому дѣлу посланъ, опять же я ему наказывалъ...

Матрена.

А если онъ дома?

Курослѣповъ.

Для чего не кажется?

Матрена.

А коли онъ спитъ! Человѣкъ онъ тоже, или нѣтъ?

Курослѣповъ.

Значитъ, онъ не въ своемъ видѣ.

Матрена.

А ты давича въ своемъ видѣ пріѣхалъ отъ Хлынова? Впереди тебя человѣкъ сидитъ, да за плечи держитъ. Днемъ-то такъ, по городу.

Курослѣповъ.

Такъ всякій знаетъ, что я хозяинъ. А онъ что?

Матрена.

Каковъ хозяинъ, таковы и люди. Съ кого имъ примѣръ-то брать, какъ не съ хозяина.

Курослѣповъ.

Что ты меня морочишь! Я еще не совсѣмъ изъ ума-то выжилъ. Кого за дѣломъ посылаютъ, долженъ онъ отвѣтъ дать? Говори, долженъ?

Матрена.

Развѣ завтра для васъ дня-то не будетъ! Наговоритесь. Авось дѣло-то не государственное.

Курослѣповъ (*со страхомъ*).

Матрена! Матрена!

Матрена.

Что съ тобой?

Курослѣповъ.

Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрена..

Охъ! Какъ ты, Павлинъ Павлинычъ, вдругъ женщинѣ!

Вѣдь ты какъ испугать можешь! Наше дѣло такое слабое, что ото всякой малости, мало-ль что! Ты меня такимъ манеромъ когда-нибудь уродомъ сдѣлаешь. Вотъ упало сердце. Чуть жива стою, вся какъ пустая.

Курослѣповъ.

Гляди ты кверху, говорятъ тебѣ!

Матрена.

Зачѣмъ?

Курослѣповъ.

Падаетъ?

Матрена.

Что падаетъ-то, оглашенный человѣкъ.

Курослѣповъ.

Небо.

Матрена.

Ну, будетъ! Поговорилъ, и будетъ. Ступай спать! Мочи моей нѣтъ съ тобой! Связать тебя да въ сумасшедшій домъ! Какъ можетъ небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай безъ разговору. Минуты съ тобой покою нѣтъ.

Курослѣповъ (*уходя*).

А спать, такъ спать. Я пошелъ!

Матрена.

Ты что это въ сапогъ-то прячешь?

Курослѣповъ.

Деньги.

Матрена.

Много ли?

Курослѣповъ.

Доложить рубль, такъ шестьсотъ сорокъ будетъ.

Матрена.

Потеряешь изъ сапога-то, а потомъ опять исторію заведешь.

Курослѣповъ.

Нѣтъ, ужь я теперь ихъ, знаешь куда? Въ спальнѣ мѣшечекъ съ орѣхами, такъ я ихъ подъ орѣхи, подъ самый подпизъ, пущай до завтраго. Тамъ цѣлѣй, въ орѣхахъ-то! (*Уходитъ*).

Матрена.

Сплантій!

Сплантъ (*подходя*).

Чего тебѣ?

Матрена.

Что̀ Наркисъ?

Силанъ.

Ничего, образумился. Причесывается теперь.

Матрена.

Гдѣ это онъ?

Силанъ.

Мало мѣстовъ-то? Была бъ охота! Съ мужиками торговался, со всѣмъ міромъ.

Матрена.

Такъ что жь?

Силанъ.

То-жь. У мужиковъ-то ни этой думы, ни сенату не выстроено, одно строеніе только и есть, гдѣ мірскія дѣла судятъ.

Матрена.

Такъ вотъ что̀!

Силанъ.

А то что же? Заведенъ порядокъ, не мѣнять его стать. Ну, значитъ, суди сама, ежели кто падокъ. Да вотъ онъ, Наркисъ-то. (*Отходитъ отъ Матрены и потомъ уходитъ за ворота. Выходитъ Наркисъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Матрена и Наркисъ.

Матрена.

Что̀ безпутный! Что̀ безпутный! Вотъ погоди, достанется тебѣ отъ хозяина.

Наркисъ.

Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такія страсти видѣлъ, да не испугался. Вотъ тебя бы на этакую страсть, посмотрѣлъ бы я, что ты заговорила. Тутъ на одномъ такіе сапоги были, что у тебя отъ однихъ отъ сапогъ-то душа бы въ пятки ушла. А ужь какія шляпы! Да все съ перьями. А у одного мѣшокъ на головѣ, суконный.

Матрена.

Отъ такого загулу мало-ль что приснится. Дня на два разсказывать будетъ.

Наркисъ.

Ну, ужь это я знаю, приснилось мнѣ или нѣтъ. Оно хоть я и не больно испугался, а все меня какъ будто ломаетъ; мнѣ теперь поправка хорошая нужна.

Матрена.

Какая поправка?

Наркисъ.

Рому бутылка, а то двѣ... На ночь я теплаго.

Матрена.

Ты липоваго цвѣту лучше.

Наркисъ.

Ври еще! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырость-то эту въ животѣ заводить. Сказано тебѣ, рому. Я свою натуру лучше знаю.

Матрена.

Гдѣ жь я возьму?

Наркисъ.

Ищи поди! Не найдешь въ потьмахъ, такъ фонарь зажги.

Матрена.

Этакого Ирода, какъ ты, еще свѣтъ не создавалъ.

Наркисъ.

Да ужь ты, кстати, съ ромомъ-то захвати для меня тысячу рублей; по моимъ разсчетамъ, у меня теперь ровно тысячи не хватаетъ.

Матрена.

Ни, ни, ни! Ни подъ какимъ видомъ! И не заикайся!

Наркисъ.

Я и то не заикаюсь, я тебѣ явственно говорю. А то я тебя и на порогъ къ себѣ не пущу. А завтрашняго числа, какъ буду хозяину отчетъ отдавать, всѣ твои дѣла ему, какъ на ладони.

Матрена.

Не я-ль твою образину кругомъ облагодѣтельствовала. И тебѣ не жаль свою благодѣтельницу?

Наркисъ.

Который я разъ тебѣ говорю, что во мнѣ жалости нѣтъ. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

Матрена.

Охъ, погубитель! погубитель!

Наркисъ.

Вотъ что, ты тише, не дѣлай страму прежде времени.

Матрена.

Гдѣ я столько денегъ возьму?

Наркисъ.

Ну, ежели малость чего не хватитъ, я прощу.

Матрена.

Да какъ я къ тебѣ приду-то? Ну, какъ Силантій увидитъ?

Наркисъ.

А ты вотъ что: возьми у мужа кафтанъ, либо шинель, да и надѣнь, а на голову шляпу. Силантій ежели хоть и увидитъ, такъ подумаетъ, что самъ хозяинъ идетъ ко мнѣ, браниться. А я пойду самоваръ поставлю, чтобы мнѣ теплаго... (*Уходитъ во флигель, Матрена въ домъ, Силанъ выходитъ изъ воротъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Силанъ, потомъ Матрена.

Силанъ.

Врозь разошлись. Диковина! А городничій дожидается. Пойти сказать ему, чтобъ шелъ домой! Полно, молъ, тебѣ по ночамъ-то! Иди, молъ, старичокъ убогонькій, домой! Тоже, вѣдь и ихъ дѣло! Какъ не пожалѣть! Обыватель теперь спитъ, а онъ его береги. А кого беречь-то? Кого? Да еще взыскиваютъ. То не усмотрѣлъ, другое оплошалъ. Ишь ты, обывателю покой нуженъ. А для чего ему покой? Что онъ трудился, что-ли, черезъ силу? Напился, наѣлся, да и на пуховикъ, какъ чурбанъ, али пень какой. Службы онъ никакой не несъ, походовъ изъ конца въ конецъ не ломалъ, смертной чаши не видывалъ: лежитъ какъ боровъ, да говоритъ: ты меня отъ всякой напасти соблюдай! Нѣтъ, кто какъ, а мнѣ нашего старика жаль. Первое дѣло — старый, уродованный... (*Выходитъ Матрена въ шинели и шляпѣ*). Что за диво! Хозяинъ вышелъ! Очень мнѣ это удивительно, потому въ эту пору, развѣ его только рычагомъ или на блокѣ, а то не подымешь. (*Подходитъ къ Матренѣ*). Что тебѣ! Аль не спится? Ты будь безъ сумленія, я тута.

Матрена (*перемѣнивъ голосъ*).

Ступай за ворота! Чего ты здѣсь не видалъ!

Силанъ.

Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрена.

Ступай, говорятъ тебѣ!

Силанъ (*про себя*).

Эге! Вотъ оно что! (*Матренѣ*). Иду, иду, хозяинъ; всю ночь буду у калитки сидѣть, — оставайся съ успокоемъ. (*Идетъ къ воротамъ, Матрена входитъ къ Наркису*). Нѣтъ, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что у нея въ рукахъ-то? Какой-то мѣшечекъ; должно, орѣховъ Наркису несетъ,

позабавиться. (*Подходитъ къ калиткѣ и отворяетъ ее. Входятъ Аристархъ и Параша*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сплавъ, Аристархъ, Параша.

Сплавъ.

Ты какими судьбами?

Аристархъ.

Сорока на хвостѣ принесла. Прошла?

Сплавъ.

Кто? Ступай, братъ, ступай. Твоего тутъ дѣла никакого. Коли что есть, мы съ хозяиномъ промежъ себя. Не въ трубу намъ трубить.

Аристархъ.

Не ломайся со мной! Меня городничій прислалъ, я съ нимъ за добросовѣстнаго.

Сплавъ.

Ну, такъ бы ты и говорилъ! Прошла, братецъ, прошла. (*Парашѣ съ поклономъ*). Помолимшись!

Параша.

Богъ милости прислалъ, дядюшка Сплантій.

Аристархъ (*Парашѣ*).

Ну, иди, красавица, въ свое гнѣздышко, ничего не бойся, душой своей отвѣчаю. Будетъ бѣда, да только не тебѣ. На отца не гнѣвись: онъ не столько со злобы, сколько отъ слабости. Что́ дѣлать! Ночная кукушка денную перекукуетъ. А злодѣйкѣ твоей, мы,—Богъ дастъ,—языкъ-то прищемимъ. (*Параша уходитъ въ домъ*).

Сплавъ (*громко*).

Посматривай! (*Входятъ: Градобоевъ, Вася, Сидоренко, нѣсколько будочниковъ и инвалидныхъ солдатъ*).

Градобоевъ (*Сидоренкѣ*).

Разставляй команду къ окнамъ, къ дверямъ и къ воротамъ, чтобъ муха не пролетѣла. Хо, хо, хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вотъ я ему покажу, какъ не находится. Я ему найду, уткну его носомъ въ деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вотъ, чтобъ ты не обижалъ старыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, я эти денежки теперь въ карманъ. Сидоренко, бумаги съ тобой, постановленіе писать?

Сидоренко.

Со мной, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ.

Понятые здѣсь?

Сидоренко.

За воротами спятъ, ваше высокоблагородіе.

Градобоевъ (*Силану*).

Теперь ты намъ хозяина подавай!

Силанъ.

Будить, что-ли? Да что́ въ немъ проку-то? Опъ съ просонковъ у насъ, какъ чумовой! (*Курослѣповъ выходитъ на крыльцо*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Курослѣповъ.

Силанъ.

Да вотъ онъ самъ... Теперь, что хочешь съ нимъ...

Курослѣповъ (*на крыльцѣ*).

Вотъ тебѣ и орѣхи! Матрена! Матрена, не видала-ль ты, гдѣ орѣхи? (*Взглянувъ на верхъ*). О, Господи! Опять валится. Вотъ, вотъ... Нѣтъ, не валится, а точно оно пополамъ раскололось...

Силанъ (*Градобоеву*).

Слышите, что́ говоритъ.

Курослѣповъ.

Матрена! Силанъ! Эй! Кто тутъ живые люди! (*Матрена показывается изъ двери флигеля*).

Сидоренко (*загораживая ей дорогу*).

Не велѣно!

Матрена.

Ай! (*Уходитъ во флигель*).

Курослѣповъ.

Ну, рѣжутъ кого-то. Вотъ тутъ и живи, какъ знаешь. Въ домѣ грабежъ, а на дворѣ и вовсе разбой; видимое дѣло, что послѣдніе дни; въ небѣ трещина, съ чего-то.

Градобоевъ.

Будетъ тебѣ предсказывать-то! Поди сюда, мы давно тебя ждемъ.

Курослѣповъ.

Да ты что за человѣкъ?

Градобоевъ.

Слѣзай, говорятъ тебѣ! Проклажаться-то некогда.

Курослѣповъ.

А! Да это ты! Ну, мнѣ теперь все-таки облегченіе. А у меня братъ, опять... весь мѣшокъ и съ орѣхами.

Градобоевъ.

Найдется.

Курослѣповъ.

Да, вотъ ты всё,—найдется, а ничего не находится. На посулѣ-то вы...

Градобоевъ.

Ну, такъ ты знай-же: твои деньги нашлись, только взять ихъ мудрено.

Курослѣповъ.

Отчего такъ?

Градобоевъ.

А вотъ самъ увидишь! Пойдемъ вмѣстѣ.

Курослѣповъ.

Пойдемъ.

Градобоевъ.

Жигуновъ, бери команду. Маршъ впередъ! (*Жигуновъ и нѣсколько солдатъ маршируютъ къ флигелю*).

Курослѣповъ.

Постой!

Градобоевъ (*Жигунову*).

Стой! (*Жигуновъ останавливается*).

Курослѣповъ.

Вотъ что̀ я у тебя хочу спросить, чтобъ ужь мнѣ покойнѣй было... Гляди на верхъ.

Градобоевъ.

Гляжу.

Курослѣповъ.

Лопнуло небо? Такъ немножко наискось?

Градобоевъ.

Да я-то что, астрономъ, что-ли? У меня и безъ того дѣла-то по горло. Лопнуло, такъ починятъ. Намъ-то какое дѣло! Маршъ! (*дверь во флигель отворяется, на порогѣ показывается Матрена въ шинели и шляпѣ*).

Сидоренко (*не пуская ее*).

Не велѣно.

Курослѣповъ.

Вотъ она когда смерть-то моя! Ужь какихъ чудесъ со мной ни дѣлалось, а этого еще не бывало. Нѣтъ ужь, видно, другъ ты

мой, сколько мнѣ ни маяться, а не отвертѣться. Потому, глядн! Вотъ здѣсь съ тобой я, а вонъ тамъ, на порогѣ, опять тоже я (*Матрена, увидавъ мужа, скрывается во флигель*).

Градобоевъ.

Еще то ли увидишь, погоди! Маршъ! (*Жигуновъ съ солдатами уходитъ во флигель, Градобоевъ и Курослѣповъ за ними*).

Аристархъ (*Васѣ*).

Теперь твое дѣло, Василій, поправляется.

Вася.

Да ужь теперь я строго, потому не смѣй онъ порочить! Я съ него за безчестье... Онъ меня въ солдаты, а я, по его милости, долженъ былъ въ кабалу идти. Ужь я теперь за все это его дочь могу требовать смѣло. Мы хоть люди маленькіе, а насъ тоже марать-то зачѣмъ же! Нѣтъ, ужь теперь дочь подавай. Всѣ знаютъ, что я къ ней черезъ заборъ лазилъ, въ городѣ-то не утаишь. Ну, стало быть, я ей и женихъ! У насъ такой порядокъ.

Аристархъ.

Дѣйствуй, братецъ, какъ тебѣ къ лучшему!

Вася.

Какой у меня, дядюшко Аристархъ, характеръ! Бѣда! Тоже въ обиду не дадимся. (*Изъ флигеля выходятъ Градобоевъ, Курослѣповъ, Матрена, Наркисъ связанный, Жигуновъ и солдаты.*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Градобоевъ, Курослѣповъ, Матрена, Аристархъ, Вася, Сидоренко, Жигуновъ, Сплашъ, Наркисъ, солдаты.

Градобоевъ (*Курослѣпову*).

Понялъ ты теперь?

Курослѣповъ.

Какъ не понять, я не вчера изъ пеленокъ-то. Ну, такъ какъ же, Матрена Харитоновна?

Матрена.

Развѣ я своей волей? Извѣстное дѣло, врагъ попуталъ. Такъ на него на одного всю вину положить и надо. Смущалъ онъ меня, смущалъ, да вотъ и... Какъ я ему ни противилась, какъ себя ни утверждала, да видно силенъ... Горами качаетъ, не то что нами грѣшными, которые въ слабости.

Курослѣповъ.

Да? Горами... Вы вчера намъ тутъ проповѣдовали, что у тятеньки вамъ не въ примѣръ лучше, что тамъ очепно по васъ убиваются; такъ ужь вы теперича къ нему поступайте!

Матрена.

Да ужь конечно. Должна же я кому-нибудь на васъ плакаться. Кто за меня здѣсь заступится! По крайности я буду жаловаться родителю, что вы меня осрамили. Какъ вы были всю жизнь моимъ злодѣемъ, такъ чего же еще мнѣ отъ васъ дожидаться. А что еще у насъ съ вами судбище будетъ большое.

Курослѣповъ.

Ничего не страшно. Вамъ бы отъ стыда теперь носъ-то въ подушки спрятать покудова, а завтра мы васъ чѣмъ свѣтъ, препроводимъ (*Матрена уходитъ*).

Градобоевъ.

Ну, вотъ и ладно, вотъ и молодецъ.

Курослѣповъ (*Наркису*).

Ты это какъ же?

Наркисъ.

А вотъ такъ же.

Курослѣповъ.

Вѣдь тебя теперь не похвалятъ.

Наркисъ.

Ну, тамъ еще что будетъ, а я по крайности пожилъ въ свое удовольствіе. Жаль, что я давича въ разбойники не пошелъ! Это настоящее мое занятіе.

Градобоевъ.

Ну, такъ какъ же съ нимъ? Постановленіе сдѣлать, да порядкомъ дѣло начать?

Курослѣповъ.

Вотъ еще, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его въ арестантскую, за-мѣсто Васьки отдадимъ въ солдаты, и шабашъ.

Градобоевъ.

Сидоренко, сведи въ арестантскую, да распусти понятыхъ. Эй вы, воины! Маршъ домой (*уходятъ и уводятъ Наркиса*).

Вася.

Что-жь, въ самомъ дѣлѣ! За что-жь вы на меня, коли я выхожу правый человѣкъ. Обижать-то нешто хорошо!

Курослѣповъ.

И то, братъ, виноватъ! Больно поторопился. Въ солдатахъ-то

тебѣ быть, только не сейчасъ. Ну, что-жь, коли ты правый человѣкъ, такъ погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоевъ.

Ну, деньги твои у меня, мы съ тобой ихъ завтра раздѣлимъ. Помнишь разговоръ, помнишь обиду; мы съ тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы послѣ трудовъ-то горло промочить, находку спрыснуть.

Курослѣповъ.

Дяда Силантій, вели-ко поди намъ шипучаго подать (*Силанъ уходитъ*).

Градобоевъ.

Вотъ теперь ты будешь жить порядкомъ, хозяйничать у тебя будетъ дочь, да возьми зятя хорошаго въ домъ.

Курослѣповъ.

Дочь! Дочь-то сбѣжала.

Градобоевъ.

Это ты во снѣ видѣлъ.

Курослѣповъ.

Ну, вотъ еще!

Аристархъ.

Во снѣ, ваше степенство.

Курослѣповъ.

Толкуйте! (*Силанъ входитъ*) Гдѣ дочь?

Силанъ.

Гдѣ-жъ ей! Извѣстно, дома. (*Выходитъ Параша съ бутылкой вина и съ стаканомъ на подносѣ*) Да вотъ она вино несетъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Параша.

Курослѣповъ.

Постой-те! (*отводитъ Градобоева въ сторону*) Вотъ что, будь другъ, слезно я тебя прошу, скажи мнѣ по душѣ, вовсе я рехнувшись, или еще во мнѣ какая искра теплится! Если я вовсе, такъ ужь вы лучше меня за рѣшетку, чтобъ я межъ людей не путался.

Градобоевъ.

Погляди-ко на меня! Нѣтъ, еще рано за рѣшетку, еще погуляй. Я тогда тебѣ скажу.

Курослѣповъ.

Ну, ладно. (*Параши*) Обноси гостей-то! Привыкай къ хозяй-

ству. (*Параша наливаетъ стаканы и подаетъ Аристарху*). Вотъ и видно, что дура. Ты по чину обносп!

Параша.

Чиновъ вашихъ я не знаю; а тому прежде и подаю, кто меня больше любитъ. Коли я хозяйка, такъ ужь ты меня не учи. (*Подноситъ Градобоеву*).

Градобоевъ (*пьетъ*).

Право, братъ, отдай ее замужъ, пора; по всему вижу, что пора (*Параша подноситъ отцу*).

Курослѣповъ.

Хочешь замужъ?

Параша.

Отчего-жъ не пойти! Только я тебѣ напередъ говорю: — чтобъ у насъ брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама полюблю. А ужь ты меня не неволь! А то ежели я выду противъ воли да съ моимъ сердцемъ, такъ добра не жди.

Градобоевъ.

Вонъ она какая! Говорю, отдавай поскорѣй! (*Сильный стукъ въ ворота*).

Спиридонъ.

Кого тамъ еще! (*Отпираетъ, вбѣгаетъ Гаврило*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Гаврило.

Гаврило (*не замѣчая Параши*).

Батюшки! Мочи моей нѣтъ! Павлинъ Павлинычъ! Охъ, задохся! Вотъ бѣда-то!

Курослѣповъ.

Да ты съ висѣлицы, что-ль, сорвался?

Гаврило.

Хуже! Вѣдь отняли, изъ рукъ отняли.

Курослѣповъ.

Что́?

Гаврило.

Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я къ ней, а онъ въ меня разъ изъ пистолета. Да что мнѣ! Я-бъ радъ за нее жизни рѣшиться: — да не убилъ, не убилъ.

Курослѣповъ.

Вижу, что не убилъ.

Гаврило.

Двѣ деревни сбивалъ, весь лѣсъ обыскали,—нѣту, похитилъ.

Вотъ изъ рукъ, изъ рукъ... Батюшко, Павлинъ Павлинычъ! (*кланяется*).

Курослѣповъ.

Что мнѣ теперь съ нимъ? Развѣ водой попробовать изъ ушата?

Гаврило.

Батюшки мои! Родные! На грѣхъ она меня взяла-то дурака! Что для меня дороже-то всего на свѣтѣ, что я берегъ-то пуще глазу... цѣлый день, кажется, вотъ всякую пылинку съ нея сдувалъ,—а тутъ вдругъ ее у меня...

Курослѣповъ.

Ну, Гаврилка, видно намъ съ тобой на одной цѣпи сидѣть!

Гаврило.

Простите вы меня, ради Бога! Я только сказать-то забѣжалъ, а то мнѣ ужь одинъ конецъ... Съ мосту, съ мосту! съ самой средины съ камнемъ. Простите меня, православные, ежели я кого чѣмъ... (*Увидавъ Парашу*) Ахъ! (*хочетъ бѣжать*).

Силанъ (*останавливаетъ*).

Постой! Куда ты? Ужь это шалишь, теперь на мостъ!.. Да что за напасть! И не пущу... Ничего въ этомъ хорошаго, ужь повѣрь ты мнѣ. (*Аристархъ подходитъ къ Гаврилѣ и шепчетъ ему на ухо.*)

Параша.

Ничего, пройдетъ. Это онъ съ горя, что ему отъ мѣста отказали. (*Подноситъ Градобосву*) Пожалуйте!

Курослѣповъ.

Ты бы намъ еще бутылочку.

Параша.

Сейчасъ подадутъ. Дѣдушко Силантій! Возьми изъ сѣней бутылочку. (*Силанъ уходитъ*) А вотъ я давеча начала говорить, да не кончила. (*Отцу*) Ужь ты мнѣ дай слово крѣпкое, что за немплаго неволить не станешь.

Градобоевъ.

Да, а мы свидѣтелями будемъ.

Курослѣповъ.

Да по мнѣ хоть сейчасъ. Ну, скажи, кто тебѣ любъ, за того и ступай.

Параша.

Кто любъ-то мнѣ? Сказать развѣ? Изволь, скажу! (*Беретъ Васю за руку*) Вотъ кто мнѣ любъ.

Гаврило (*утираетъ слезы*).

Ну, вотъ и слава Богу!

Вася.

Да, ужь ты теперь прямо говори.

Параша.

Я прямо и буду говорить. (*Отцу*) Вотъ какъ мнѣ любъ этотъ человѣкъ: когда ты хотѣлъ его въ солдаты отдать, я и тогда хотѣла за него замужъ идти, не боялась солдаткой быть.

Гаврило.

Вотъ и хорошо, все благополучно.

Параша.

А теперь, когда онъ на волѣ, когда у меня и деньги, и приданое будетъ, и мѣшать-то намъ некому...

Гаврило.

Ну, и дай Богъ!

Параша..

Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что онъ отъ жены въ плясуны уйдетъ. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня съ ногъ до головы золотомъ. Не умѣлъ онъ меня брать бѣдную, не возьметъ и богатую. А пойду я вотъ за кого. (*Беретъ Гаврилу.*)

Гаврило.

Нѣтъ, нѣтъ-съ. Вы ошиблись. Не то совсѣмъ-съ.

Параша (*отцу*).

Не отдашь ты меня за него, такъ мы убѣжимъ, да обвѣнчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это намъ не страшно. Унасъ отъ дѣла руки не отвалятся, будемъ хоть по базарамъ гнилыми яблоками торговать, а ужь въ кабалу ни къ кому не попадемъ! А дороже-то для меня всего: я вѣрно знаю, что онъ меня любить будетъ. Одинъ день я его видѣла, а на всю жизнь душу ему повѣрю.

Гаврило.

Да невозможно, помилуйте, что вы!

Параша.

Отчего же?

Гаврило.

Какой я вамъ женихъ! Нешто я настоящій человѣкъ, такой же, какъ и всѣ.

Параша.

Какъ же не настоящій?

Гаврило.

Такъ-съ, я не полный человѣкъ. Меня ужь очень много по затылку, какъ съ первоначалу, такъ я по сей день; такъ ужь у меня очень много чувствъ отшибено, какія человѣку слѣдуетъ.

Я ни ходить прямо, ни въ глаза это людямъ смотрѣть,—ничего не могу.

Градобоевъ.

Ничего. Понемножку оправишься.

Курослѣповъ.

Ну, что жь, выходи за Гаврилку. Все жь-таки у насъ въ домѣ будетъ честнѣй, чѣмъ до сихъ поръ было.

Параша.

Вотъ, батюшко, спасибо тебѣ, что ты меня, сироту, вспомнилъ. Много лѣтъ прошло, а въ первый разъ я тебѣ кланяюсь съ такимъ чувствомъ, какъ надо дочери. Долго я тебѣ чужая была, а не я виновата. Я тебѣ съ своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, такъ умѣй беречь ее. Крестный, мы тебя возьмемъ въ прикащики на мѣсто Наркиса. Переѣзжай къ намъ завтра. (*Силанъ приноситъ вино*).

Курослѣповъ.

Ты ужь меня и не спрашиваешь.

Параша.

Чего не знаю, такъ спрошу, а что́ сама знаю, такъ зачѣмъ спрашивать.

Курослѣповъ.

Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

Параша (*подавая вино*).

Пожалуйте!

Градобоевъ.

Поздравляй жениха-то съ невѣстой!

Курослѣповъ.

Что жь, дѣтки, дай вамъ Богъ счастливѣй нашего.

Гаврило.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. (*Парашѣ*) Да неужто вправду-съ?

Градобоевъ.

Ужь теперь запили, значитъ, дѣло кончено.

Курослѣповъ.

Сколько въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ дней, 37 или 38?

Градобоевъ.

Вона! Что-то ужь длиненъ больно.

Курослѣповъ.

Да и то длиненъ.

Градобоевъ.

Да что считать-то! Сколько дней ни выйдетъ, всѣ надо жить вплоть до слѣдующаго.

Курослѣповъ.

Да, само собой, надо; а несчастливъ онъ для меня. Каковъ-то новый будетъ? Чего-то со мной въ этомъ мѣсяцѣ не было! Пропажа, долговъ не платятъ; вчера мнѣ показалось—свѣтопреставленіе начинается, сегодня—небо все падаетъ, да во снѣ-то раза два во адѣ былъ.

Градобоевъ.

Сподобился?

Параша.

Ну, гости дорогіе, отцу, я вижу, спать пора, ужь онъ заговариваться началъ.

Градобоевъ.

Ну, прощай! Когда сговоръ?

Параша.

А вотъ позвольте намъ убраться немного, мы приглашенія разошлемъ. Прощай, крестный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навѣщай насъ. (*Всѣ уходятъ. Отцу*) Ну, прощай, батюшко! Спи, Господь съ тобой! А я теперь дождалась красныхъ дней, я теперь всю ночку на волѣ просижу съ милымъ дружкомъ подъ деревцомъ, потолкую я съ нимъ по душѣ, какъ только мнѣ, дѣвушкѣ, хочется. Будемъ съ нимъ щебетать, какъ ласточки, до самой ясной зоринькп. Птички проснутся, защебечатъ по своему,—ну, тогда ужь пхъ пора, а мы по домамъ разойдемся. (*Обнимаетъ Гаврилу, садятся на скамью подъ дерево.*)

А. Островскій.

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРІИ НА НАУЧНОЙ ПОЧВѢ.

(Очеркъ изъ исторіи культуры XIX вѣка).

> «Je ne suis pas assez épris de la nouveauté pour être plus flatté du mérite d'enfanter un système qui me soit propre, que de celui d'exposer seulement des vérités qui me paraissent bien établies».
>
> *Montucla. Hist. des Mathémat. L. I.*

Подъ философіей исторіи мы понимаемъ выработавшееся въ наукѣ сознаніе законовъ жизни и развитія человѣчества. Каждый моментъ этого сознанія находится въ такой тѣсной связи съ жизнію и развитіемъ самаго общества въ данную эпоху, что знакомство съ этимъ состояніемъ возможно только при предварительномъ знакомствѣ съ характеромъ умственной дѣятельности самаго общества.

Приступая къ очерку состоянія, строющейся на научныхъ началахъ философіи исторіи, мы, на основаніи вышесказаннаго, считаемъ необходимымъ представить читателю краткую характеристику умственнаго развитія нашего вѣка.

Вѣкъ нашъ есть, всего прежде, вѣкъ борьбы за свободное, самобытное развитіе человѣческаго общества и человѣка—какъ отдѣльной личности. Борьба эта, унаслѣдованная нашимъ вѣкомъ отъ восемнадцатаго, ведется съ извѣстною степенью упорства и послѣдовательности, побѣды, одержанныя въ ней, осуществили уже многія *pia desideria* прошлаго вѣка; но при этомъ единствѣ въ цѣляхъ борьбы, средства, избранныя бойцами прошлаго и настоящаго столѣтій, почти противоположны между собою по характеру. Восемнадцатый вѣкъ, проникнутый восторженною мыслію о всеобщемъ обновленіи, порывисто устремился къ лучшему будущему, заявляя необходимость нетолько свободнаго изслѣдованія *всего*, но и отрицанія *всего* (Тюрго). Все сказанное въ этомъ вѣкѣ о прошедшей жизни человѣчества есть

обвинительный актъ этой жизни. Не къ пониманію ея прилагаются главныя усилія передовыхъ людей этой эпохи, а къ освобожденію отъ всего, что̀ пришлось имъ отъ него наслѣдовать... Не отрицая плодовъ дѣятельности великихъ людей инициативы XVIII вѣка, понимая что крайне страстное увлеченіе было неизбѣжно и необходимо въ ихъ положеніи, вѣкъ нашъ избралъ однако же иной путь. Борьба зашла весьма далеко, успѣхъ ея слишкомъ очевиденъ, замѣшательство враговъ слишкомъ явно: способы веденія борьбы не могли остаться тѣ-же. Притомъ же, необычайные успѣхи исторической критики и естествознанія, могущественно воздѣйствущаго на современное міросозерцаніе, въ такой сильной степени способствуютъ успѣху борьбы, что оставаться на прежней почвѣ было ей положительно невозможно.

Историческая критика въ наше время пріобрѣла значительную широту, глубину и точность, достигла безпристрастія и строгой научности. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ не можетъ представить образцовъ этого рода изысканій, хотя бы даже подобныхъ современнымъ. Критика нашего времени понимаетъ, что многіе вопросы предстоитъ ей рѣшить вполнѣ и окончательно, а потому и на самые ничтожные даже она направляетъ весь сложный аппаратъ своей эрудиціи. Значеніе ея особенно важно въ экзегетикѣ (герменевтикѣ). Здѣсь она рѣшаетъ съ твердостью и увѣренностью, неизвѣстною прежнимъ вѣкамъ, тѣ капитальные вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущее цивилизаціи. Мѣсто легкихъ, насмѣшливыхъ, сарказтическихъ, страстныхъ разрушителей XVIII-го вѣка заняли спокойные, методическіе, добросовѣстные ученые экзегеты... Штраусы, Бауры, предводительствуютъ цѣлою арміею критиковъ, пособно тому, какъ нѣкогда фернейскій патріархъ предводительствовалъ арміей энциклопедистовъ. Эти критики, точно термиты, забрались во всѣ углы и во всѣ щели стараго зданія... Повидимому все благополучно, все на своемъ мѣстѣ, ничто не шевелится; но это только такъ кажется... На самомъ дѣлѣ основаніе зданія подточено, весь скрѣплявшій его цементъ превращенъ въ порошокъ и съ минуты на минуту надобно ожидать, какъ оно грохнетъ среди всеобщаго ужаса.

Разрушеніе, о которомъ мы говоримъ, небезплодно. Экзегетика и историческая критика вообще не ограничиваются произнесеніемъ суда надъ прошедшимъ ради одного только разрушенія. Подтачивая старое зданіе ортодоксіи, онѣ не кидаются въ путаницу теологическихъ и метафизическихъ преній, но обогащаютъ и освѣжаютъ мысль положительнымъ изученіемъ прошедшаго, открытіемъ сокровищъ минувшихъ вѣковъ, изъ которыхъ они, при вѣр-

ной оцѣнкѣ ихъ, извлекаютъ живительные уроки и матеріалы для будущаго. Не слѣдуя примѣру минувшаго вѣка, современная критика не облекаетъ своихъ доводовъ въ форму умозрительной аргументаціи и разныхъ діалектическихъ тонкостей, но исключительно опираетъ ихъ на фактахъ, передъ которыми безсильно какъ *самое тонкое* умозрѣніе, такъ и *самая краснорѣчивая* діалектика. Дѣйствуя такимъ образомъ, она обратила весь старинный арсеналъ ортодоксіи въ складъ оружія, негоднаго къ употребленію, и приводя ее въ такое беззащитное состояніе, выставила ее, помощью популяризаціи своихъ изысканій, предъ глаза всего образованнаго міра. Невидѣть всего этого могли только слѣпые или люди, отдѣленные естественными и искусственными преградами отъ сцены, на которой происходило это зрѣлище.

Традиціонное міросозерцаніе дожило такимъ образомъ до критическаго момента. Нравственныя истины ужь не могутъ быть болѣе принимаемы въ ихъ ортодоксальной формѣ, и вездѣ сильно обозначается стремленіе къ научной достовѣрности и доказательности. Супра-натуральное и легендарное міросозерцаніе потеряло всякій смыслъ и значеніе съ наступленіемъ этого энергическаго стремленія къ наукѣ, къ положительному знанію; оно не въ состояніи ужь болѣе удовлетворять потребностямъ, вызваннымъ новыми стремленіями. Разумъ, наука, свобода — вотъ новыя силы, влекущія къ неизбѣжному обновленію.

Въ принципѣ побѣда этихъ новыхъ началъ не можетъ быть подвергнута сомнѣнію; обновленіе однакоже не совершилось еще; зданіе подточено, но еще не развалилось. Нравственный авторитетъ не перешелъ еще, но переходитъ только къ новому научному міросозерцанію, которое, благодаря успѣхамъ всѣхъ отраслей знанія, складывается изъ новаго матеріала и на новыхъ основаніяхъ и, въ наше время, настолько уже сдѣлало успѣховъ, что можетъ служить вѣрнымъ убѣжищемъ для всѣхъ, благовременно покинувшихъ старое шаткое зданіе.

Такое положеніе вещей, очевидное въ наше время, представлялось еще довольно смутно въ началѣ настоящаго вѣка, и потому неудивительно, если метафизика могла показаться тогда спасительной и привлечь къ себѣ величайшіе умы того времени. Процвѣтаніе трансцендентальныхъ системъ дѣйствительно относится къ этому періоду; Шеллингъ, Фихте, Гегель приковываютъ къ себѣ значительную часть работы мысли, чуть не всю энергію исканія истины... Но метафизика оказалась безсильна. Успѣхи ея были крайне непрочны, и окончательно овладѣть движеніемъ европейской мысли она не могла. Въ настоящее

время мы встрѣчаемъ даже у нѣмецкихъ писателей (непризнающихъ, пока, открыто своей принадлежности къ положительному міросозерцанію и весьма склонныхъ щадить метафизику) самое рѣшительное сужденіе о метафизическомъ движеніи того времени. Трансцендентальная философія Фихте и гегелевская философія, говоритъ одинъ изъ нихъ, остались большею частью непоняты, что̀ зависѣло главнымъ образомъ отъ нихъ самихъ. Что же касается до шеллинговской философіи, то она, наконецъ, сама перестала себя понимать, становясь все болѣе и болѣе нелогичной.

Но если таковъ былъ окончательный результатъ метафизическихъ теорій, то попытки метафизико-мистическихъ ученій, относящихся къ тому же времени и повторяющихся и въ наше, должны были имѣть или будутъ имѣть еще печальнѣйшій исходъ. Какъ извѣстно, даже Огюстъ Контъ, первый представитель позитивной философіи, пытался основать мистико-метафизическую доктрину, имѣющую и до настоящаго времени горсть послѣдователей. Число подобныхъ попытокъ было громадно въ нашемъ вѣкѣ, начиная отъ всѣмъ извѣстныхъ ученій Сведенборга, Ирвинга и др. и оканчивая неизвѣстными — какой-нибудь *фузіонической* религіей Туреля, или *эвадіанской* (evadiènne) религіей Мишеля Ганно̀ и мн. др.

Всѣ эти метафизическія попытки стать во главѣ движенія вѣка стушевываются на задній планъ или совершенно забываются, и руководительницею успѣховъ общественнаго развитія остается въ концѣ-концовъ — наука.

Ужь съ первыми проблесками умственной дѣятельности новой Европы, ученіе объ опытѣ и наблюденіи, объ измѣреніи и исчисленіи, какъ источникахъ знаній и средствъ, помощью которыхъ достигалось его удобопримѣнимость, пришло чрезъ жизнь всѣхъ культурныхъ народовъ, развитіе которыхъ произвело его. По мѣрѣ успѣховъ этого опытнаго ученія, обусловливающагося прогрессомъ наукъ, характеръ его все болѣе и болѣе опредѣлялся, и съ паденіемъ, въ принципѣ, метафизики, извращавшей его до извѣстной степени, онъ опредѣлился, наконецъ, вполнѣ и окончательно.

Научныя работы приняли въ нашъ вѣкъ громадные размѣры. Обыкновеннымъ умамъ стало едва возможно овладѣть даже отраслью или частью великаго цѣлаго. Обнять однимъ взглядомъ всѣ направленія движенія мысли, всѣ стороны какой-нибудь науки, не теряясь въ подавляющей массѣ матеріаловъ, стало дѣломъ доступнымъ только для весьма немногихъ. За то умѣніе воспользоваться этимъ громаднымъ богатствомъ обѣщаетъ результаты, превосходящіе все, что̀ было сдѣлано когда-либо, и о чемъ не дерзали и помышлять еще не особенно давно. Обширное при-

мѣненіе опытнаго метода, тщательное изученіе фактовъ, наведеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ,—вотъ могущественныя средства, которыми современная наука достигаетъ своихъ результатовъ.

Масса работающихъ на различныхъ отдѣльныхъ пунктахъ широкаго поля разработки наукъ и количество собраннаго матеріала превосходитъ все, о чемъ только могъ мечтать ученый минувшей эпохи. Здѣсь, какъ и въ области физическаго труда, развилось его раздѣленіе и дало совершенно аналогичныя послѣдствія. Многія науки потерпѣли въ нашемъ вѣкѣ совершенную передѣлку; другія организовались вновь и ни одна не оставалась въ застоѣ. *Астрономія*, средства которой возрасли поразительно, сдѣлала открытія вполнѣ имъ соотвѣтствующія. Стоитъ припомнить удивительное открытіе Леверрье, блестящія изслѣдованія Гершеля и Росса, приложеніе спектральнаго анализа къ изученію химическаго состава небесныхъ тѣлъ, чтобы получить идею о важныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ наслѣдниками Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона и Лапласа. *Физика* совершенно преобразилась: она достигла подведенія подъ математическіе законы и численныя опредѣленія всѣхъ входящихъ въ ея область явленій; открыла связь и соотношеніе силъ; обогатилась цѣлыми новыми отдѣлами и выставила новыя научныя теоріи. *Химія* претерпѣла не меньшее преобразованіе, чѣмъ физика. Унитарная система свидѣтельствуетъ о томъ въ достаточной степени. Открытія въ области химіи такъ же многочисленны, какъ и важны. Органическая химія, не болѣе какъ въ три, четыре десятилѣтія, произвела громадное количество опытовъ и развивается съ быстротою, удивительною даже и въ наше время. *Біологія* въ современномъ ея состояніи есть плодъ научной дѣятельности нашего вѣка и блистательное доказательство его неистощимыхъ средствъ. *Соціологія*, какъ наука, не существовала еще въ прошломъ столѣтіи. Стремленіе возвысить изученіе общества до степени науки принадлежитъ XIX столѣтію и, если остается еще сдѣлать многое на этомъ поприщѣ, то нельзя отрицать, что сдѣланное уже свидѣтельствуетъ о громадной и плодотворной работѣ. Науки, относящіяся къ соціологіи какъ вспомогательныя—филологія, исторія, политическая экономія и др. сдѣлали также важные успѣхи. Филологія извлечена изъ безплоднаго буквоѣдства и производитъ животворныя послѣдствія въ воззрѣніяхъ современниковъ на древнюю жизнь человѣчества. Исторія развилась широко и совершенно обновилась подъ скальпелемъ критики. Политическая экономія, своими изслѣдованіями, приготовляетъ выработку взгляда на будущее...

Вотъ самый бѣглый перечень успѣховъ однѣхъ только основныхъ наукъ (по классификаціи Ог. Конта). Мы ни слова не сказали о наукахъ побочныхъ и прикладныхъ, успѣхи которыхъ очевидны для всѣхъ въ безчисленныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, общій характеръ которыхъ заключается въ замѣнѣ человѣческой силы механическою и въ экономіи времени. Успѣхи здѣсь громадны и вліяніе ихъ на жизнь безгранично. Справедливо говоритъ Бокль, что въ Европѣ не осталось, кажется, ничего такого, что̀ человѣкъ побоялся бы предпринять...

Такая усиленная дѣятельность безпрестанно увеличиваетъ безчисленными опытами и наблюденіями запасъ собраннаго матеріала и даетъ новѣйшей наукѣ возможность охватить чрезвычайно обширный кругозоръ. Обозначающееся въ ней все сильнѣе и явственнѣе стремленіе къ философскимъ обобщеніямъ должно считаться поэтому нетолько совершенно естественнымъ и законнымъ, но даже необходимымъ. Основной характеръ ея въ настоящее время заключается въ постановкѣ, такъ недавно еще принадлежавшихъ исключительному вѣдѣнію метафизики, вопросовъ о принципахъ. Она работаетъ надъ ихъ разъясненіемъ. Она ищетъ началъ, которыя могли бы соединить въ извѣстныя отношенія даже самые несходные и аномальные факты, и старается понять порядокъ, соединяющій эти части въ цѣлое. Она ищетъ закона вездѣ и во всемъ и, при его помощи, стремится возвыситься подъ разнообразіемъ и множествомъ владѣемаго ею матеріала къ единству универсальнаго.

Это стремленіе науки организоваться въ доктрину, обнимающую всю сферу человѣческаго знанія, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что доктрина эта, слѣдуя духу времени, не можетъ замкнуться въ сферахъ отвлеченнаго ученія, и должна сдѣлаться тѣмъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ воздвигнется все соціальное зданіе. Такимъ образомъ, созданъ выходъ изъ той путаницы и мрака, которые, при господствѣ прежняго умственнаго режима, казались совершенно безвыходными. Сколь возможно полное и равномѣрное удовлетвореніе человѣческихъ нуждъ признается наукой неоспоримой истиной, и она усиленно работаетъ надъ разъясненіемъ многочисленныхъ и сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ этой великой задачи нашего вѣка.

Итакъ, наука стремится придти, въ окончательномъ результатѣ, къ доктринѣ, обнимающей все, что̀ только можетъ регулировать жизнь и развитіе человѣчества. Она стремится къ тому, чтобы сдѣлаться нетолько истолковательницей, но и руководительницей жизни; она ставитъ соціальную систему конечной

цѣлью всей своей работы. Стремленіе это, какъ мы и сказали уже, совершенно законно; но полнаго успѣха въ настоящее время оно еще имѣть не можетъ, потому что, несмотря на громадные успѣхи наукъ, предварительный анализъ, необходимый для осуществленія такого стремленія, все-таки далеко еще не оконченъ. Многое остается еще недоступно научному изслѣдованію, многое гадательно, неточно, неполно... Но справедливо замѣтилъ Фейербахъ, что никто не становится подъ водосточныя трубы для того, чтобы укрыться отъ дождя... Возврата къ прошлому нѣтъ; мы это знаемъ, и потому смѣло предпочитаемъ неполноту попытокъ, обобщающихъ наше положительное знаніе, мнимой законченности системы традиціоннаго міросозерцанія. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи была попытка Ог. Конта. Соціальная задача ей не удалась, правда, вполнѣ; но рѣшеніе ею задачи философской представляетъ въ высшей степени замѣчательную ступень къ достиженію цѣли стремленій современной науки. На нашихъ глазахъ уже, тропинка, пробитая Ог. Контомъ, обращается въ широкую дорогу, и вмѣсто системы, которую мы можемъ назвать *контизмомъ*, возникаетъ *позитивизмъ* или — чтобъ не спорить о словахъ — научное міросозерцаніе, научная философія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, философія съ непрестанно расширяющейся и теперь уже весьма широкой сферой вліянія.

Этой философіи предстоитъ играть важную роль въ современномъ ходѣ жизни. Подъ вліяніемъ различныхъ ея развѣтвленій складывается идеалъ личности и общества, во всемъ отличный отъ идеала минувшихъ временъ. Мышленіе теряетъ свою выспренность и туманность и пріобрѣтаетъ простоту, ясность, точность, опредѣленность... Человѣкъ перестаетъ предпочитать мечтаніе и фантазерство трезвости мысли и прозѣ труда; чаще оглядывается на свое положеніе въ средѣ человѣчества; онъ обращаетъ болѣе вниманія на улучшеніе своего нравственнаго и матеріальнаго быта, среди реальной его обстановки. Жизнь его становится человѣчнѣе, свѣтлѣе и все болѣе и болѣе устраняются изъ нея явленія, оскорбляющія справедливость, препятствующія успѣхамъ цивилизаціи, нарушающія миръ...

Наконецъ, одному только научному міросозерцанію предстоитъ подвинуть человѣчество къ высочайшей цѣли, какая только можетъ быть ему представлена,—къ цѣли объединенія его. Прежнія міросозерцанія оказались безсильными на этомъ пути и привели только къ усиленію международной вражды. Разумъ, освобожденный отъ ихъ путъ, предоставленный самому себѣ, опирающійся на свободное изученіе природы и жизни, окажется, конечно,

состоятельнѣе. Различныя степени омраченія и искаженія его исчезнутъ, и его естественное единство во всемъ родѣ человѣческомъ будетъ служить вѣрнымъ залогомъ дѣйствительнаго объединенія человѣчества.

Но первое условіе для дѣятельнаго перехода къ лучшему будущему, приготовленному для человѣчества трудами столькихъ вѣковъ, есть смѣлый разрывъ съ прошедшимъ. Въ принципѣ, онъ, какъ мы уже сказали, совершился; рубежъ, отдѣляющій традиціонное міросозерцаніе отъ научнаго, перейденъ передовыми людьми цивилизаціи, и для перехода остальныхъ нужно время. Тѣмъ не менѣе, однакоже, оставаясь послѣдовательнымъ, нельзя предоставить все одному времени. Эта истина, какъ кажется, не стала еще для всѣхъ очевидною, и въ наше время есть даже раціоналисты и свободные экзегеты, которые думаютъ, что ходъ наукн можетъ быть отдѣленъ отъ хода жизни. Они не понимаютъ, что, такимъ образомъ, они безсознательно подаютъ руку реакціи, неперестающей дѣлать усилія къ задержанію современнаго движенія и даже къ возвращенію его вспять.

Говоря объ интеллектуальномъ состояніи настоящаго вѣка, нельзя не упомянуть объ этой реакціи, неперестающей поднимать голову при первомъ дуновеніи благопріятныхъ ей обстоятельствъ. Мы не говоримъ, конечно, о грубой реакціи, — такая реакція губитъ только свое дѣло, — но мы обращаемъ вниманіе на реакцію болѣе тонкую, болѣе пронырливую, на реакцію, старающуюся представить мертвую идею въ современной, живой формѣ, окружающую ее аттрибутами вѣка, щеголяющую своимъ полнымъ согласіемъ съ его открытіями и завоеваніями въ области знанія. Мистификація такой реакціи должна быть указана смѣло и прямо, какъ зло, угрожающее своевременному осуществленію благъ, вырабатываемыхъ наукой. Оставляя частности въ сторонѣ, слѣдуетъ обращать вниманіе на корень зла, на его основу. Могутъ ли возстановители прошедшаго отказаться отъ этой основы, какъ бы они ни украшали ее извнѣ? Мы спросимъ всего прежде у ретроградовъ этого закала, можетъ ли основатель какого бы то ни было мистическаго міросозерцанія, подобно ученому или философу, обращаться къ людямъ и приглашать ихъ къ совмѣстному и равноправному исканію истины, къ пренію о ней, къ свободной провѣркѣ его метода, его наблюденій и открытій?.. Нѣтъ! Въ первомъ словѣ его слышится уже тонъ власти: истина предлагается имъ готовою и полною, нетерпящею ни обсужденій, ни возраженій. Это его точка исхода; ею рѣшается все... Рѣчь идетъ о власти въ сферѣ умственной дѣятельности... Власть здѣсь, какъ и вездѣ, можетъ

принадлежать только лицу. Она не можетъ принадлежать доктринѣ. Можетъ ли лицо, проповѣдуя такую, исключающую свободу, доктрину, не проповѣдывать само себя, не навязывать, лучше сказать, само себя вмѣстѣ съ своею проповѣдью? Это естественно и понятно. А если такъ, то при чемъ же здѣсь атрибуты вѣка, при чемъ согласіе съ наукой, преклоненіе предъ знаніемъ? И не мистификація ли, въ сущности, это хитрое заманиваніе въ прошедшее?..

Характеристика, которую мы набросали, можетъ, какъ мы полагаемъ, служить фономъ, на которомъ обозначатся главныя направленія научной философіи исторіи. Характеристика эта, при всей ея бѣглости, показала, какъ мы думаемъ, съ достаточной ясностью, что среди различныхъ міросозерцаній, оспаривающихъ одно у другаго направленіе мысли настоящаго вѣка, первенствующимъ, по праву, должно быть поставлено міросозерцаніе научное или положительное, и что метафизическія воззрѣнія оттѣснены научнымъ движеніемъ на задній планъ интеллектуальнаго развитія. Въ каждомъ изъ этихъ направленій философія исторіи считаетъ своихъ представителей; но значеніе ихъ въ томъ или другомъ изъ нихъ зависитъ, очевидно, отъ значенія самого направленія. Имѣя въ виду краткость нашего очерка, мы считаемъ себя вправѣ вовсе не говорить о воззрѣніяхъ, основывающихся на положеніяхъ, точки зрѣнія которыхъ, по убѣжденію нашему, ложны и которыя поэтому лишены жизненнаго вліянія. Мы не станемъ говорить ни о теоріи *откровенія абсолютнаго* (Шеллингъ), ни о воззрѣніи, открывающемъ въ жизни и развитіи человѣчества *стремленіе абсолютнаго къ самосознанію* (Гегель). Мы также пройдемъ молчаніемъ попытки отождествленія судебъ человѣчества съ планами внѣміровой силы (Бональдъ, Балланшъ, Шатобріанъ), а также ничего не скажемъ и о прагматическомъ провиденціализмѣ или доктринерствѣ (Гизо). Такимъ образомъ, мы будемъ говорить о философіи исторіи на научной почвѣ *исключительно*, какъ о такомъ направленіи въ пониманіи законовъ исторической жизни, которое одно только и имѣетъ будущее. Намъ предстоитъ поэтому ознакомиться съ тѣми воззрѣніями, которыя имѣли своимъ представителемъ въ минувшемъ періодѣ вѣка Ог. Конта и которыя были разработаны въ новѣйшее время Боклемъ, Литтре, Ст. Миллемъ, Спенсеромъ и др. Мы упомянемъ также тамъ, гдѣ того будетъ требовать изложеніе, и о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ тѣхъ мыслителей, которые, хотя и не принадлежатъ къ

положительной школѣ, но нѣкоторыя мысли которыхъ имѣютъ значеніе съ ея точки зрѣнія; таковы — Прудонъ, Лоранъ, Дрэперъ, Ренувье, Раденгаузенъ.

Мы не можемъ, однакоже, изложить вполнѣ воззрѣнія мыслителей, которыхъ назвали выше, если даже и ограничимся одной положительной школой. Невозможность эта происходитъ оттого, что сочиненія, о которыхъ намъ пришлось бы говорить, такъ обширны, что самое бѣглое знакомство съ ними, при разсмотрѣніи ихъ во всемъ ихъ объемѣ, завело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Мы принуждены, поэтому, ограничиться разсмотрѣніемъ только *нѣкоторыхъ* воззрѣній писателей, которымъ философія исторія обязана чисто-научной разработкой; мы представимъ читателю однѣ главнѣйшія, общія черты современнаго состоянія этой важной отрасли соціологіи и, ограничиваясь картиной развитія ея изысканій, позволимъ себѣ только бѣглыя частныя замѣчанія, воздерживаясь отъ общей критической оцѣнки, которая слишкомъ удлинила бы очеркъ нашъ и не согласовалась бы съ цѣлью, имѣющеюся у насъ въ виду.

Уже въ XVIII столѣтіи главнымъ мотивомъ всѣхъ изысканій въ области философіи исторіи сдѣлалась идея развитія или прогресса человѣчества. Вспомнимъ сущность трактатовъ Гердера (*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menscheit*), Лессинга (*Erziehung des Menschengeschlechts*), Тюргò (*Discours sur les progrès successifs de l'seprit humain* и др.), Кондорсэ (*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*),—всѣ они выставляютъ на первый планъ прогрессъ, развитіе... Научное міросозерцаніе нашего вѣка, усвоивъ отъ этихъ писателей тѣ воззрѣнія, которыя согласуются съ его основоположеніями, повело далѣе развитіе философіи исторіи и, согласно своему организаторскому духу, опредѣлило ей мѣсто въ наукѣ объ обществѣ (соціологіи) и связь ея съ общимъ строемъ этой науки.

Соціологія имѣетъ предметомъ — изученіе общественныхъ явленій въ смыслѣ непзбѣжной подчиненности ихъ естественнымъ законамъ. Для открытія этихъ законовъ, научное изслѣдованіе считаетъ необходимымъ пользоваться въ соціологіи, какъ и въ другихъ наукахъ, всѣми тремя методами общаго искусства изученія, т.-е. *наблюденіемъ*, *опытомъ* и *сравненіемъ*. Только добытые этимъ путемъ результаты считаетъ оно вполнѣ положительными данными и только ими пользуется оно для своихъ выводовъ и заключеній.

Вообще говоря, дѣйствительное *наблюденіе* возможно только тогда, когда оно сначала направляется, а потомъ объясняется

какой-нибудь теоріей. Очевидно, что явленія, столь сложныя, какъ факты общественной жизни, совершенно ускользаютъ отъ наблюденія безъ соблюденія этого условія. Одна теорія только можетъ руководить выборомъ фактовъ, а потому безъ нея наблюденіе совершенно невозможно. Факты, подлежащіе наблюденію, безчисленны, но при недостаткѣ умственнаго построенія и философскихъ указаній, они всегда останутся безплодными и изслѣдованіе ихъ никогда не сдѣлается научнымъ. Итакъ, для превращенія факта въ соціологическій матеріалъ необходимо руководство теоріи, которымъ и обусловливается наблюденіе, какъ первый способъ изученія общественныхъ явленій.

Второй способъ изученія, — *опытъ* въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ въ соціологіи лишь косвенное примѣненіе въ патологическихъ случаяхъ. Случаи эти представляютъ разуму данныя для лучшаго раскрытія законовъ человѣческой природы, путемъ научнаго анализа разстройствъ, сопровождающихъ ея развитіе.

Третій способъ изученія, — *сравненіе*, необходимо долженъ быть главнымъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ общественныхъ явленій. Главный пріемъ этого способа — сопоставленіе современнаго состоянія общества въ различныхъ частяхъ свѣта, при чемъ выборъ долженъ падать преимущественно на самыя независящія одно отъ другаго племена.

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе цѣлей и способовъ соціологіи, научное значеніе которой обозначено нами уже довольно опредѣленно, мы перейдемъ къ объясненію отношенія къ ней философіи исторіи, входящей въ нее какъ составная часть.

Научная философія распространяетъ и на общественныя явленія тѣ строго-опредѣленныя различія, которыя она всегда указываетъ при изслѣдованіи всѣхъ изучаемыхъ ею отдѣльныхъ группъ явленій. Всѣ эти группы явленій, съ точки зрѣнія науки, распадаются на явленія *статическія* и *динамическія*. Въ біологіи, напримѣръ, всѣ анатомическія явленія подводятся подъ отдѣлъ явленій статическихъ, а факты, представляемые физіологіей, составляютъ отдѣлъ явленій динамическихъ. Первый отдѣлъ ставитъ предметомъ изученія *организацію* живаго тѣла; второй—*дѣятельность* этой живой организаціи. Этотъ примѣръ показываетъ съ достаточной опредѣленностью сущность разсматриваемыхъ различій и дѣлаетъ яснымъ приложеніе ихъ къ соціологіи. Здѣсь—статическая часть или *соціальная статика* разсматриваетъ условія существованія или организацію общества, а *соціальная динамика* изучаетъ законы дѣятельности этой организаціи. Статическое представленіе общественной организаціи, естественно, лежитъ въ основаніи соціологіи; но философскій

характеръ этой науки дается ей соціальной динамикой, составляющей ту главную часть ея, которая обыкновенно называется *философіей исторіи*.

Обозрѣвая съ научной точки зрѣнія общую совокупность измѣненій, которымъ подвергалась и подвергается жизнь человѣческихъ обществъ, нельзя не замѣтить прежде всего, что измѣненія эти заключаются въ постоянномъ возрастаніи преобладанія свойствъ, характеризующихъ человѣка, надъ свойствами чисто-животными. Въ этомъ смыслѣ, самая высшая цивилизація должна быть разсматриваема какъ состояніе общества, наиболѣе согласующееся съ естественными условіями, такъ-какъ состояніе это обнаруживаетъ тѣ свойства человѣческой природы, которыя находились какъ бы въ оцѣпененіи на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Біологическія изслѣдованія доказываютъ, что въ царствѣ животныхъ жизнь общеорганическая постепенно подчиняется жизни животной, по мѣрѣ возрастанія измѣненій, приближающихъ организмы эти къ организму человѣческому. Итакъ, развитіе человѣчества представляется намъ, при этомъ сближеніи, самымъ высшимъ моментомъ общаго хода развитія органической жизни, начиная съ простѣйшихъ растеній и оканчивая человѣкомъ. Этотъ взглядъ на общее значеніе человѣческаго развитія потверждается анализомъ развитія общественнаго, несомнѣнно доказывающимъ, что высшія способности человѣка непрестанно стремятся къ преобладающей роли въ общей экономіи человѣческаго существованія.

Развивая въ громадной и постоянно возрастающей степени вліяніе человѣка на внѣшнюю природу, цивилизація стремится, повидимому, къ сосредоточенію нашего вниманія исключительно на попеченіи о матеріальномъ существованіи; при ближайшемъ же разсмотрѣніи ея развитія, оказывается, напротивъ того, что она способствуетъ преобладанію самыхъ высшихъ способностей человѣческой природы. Это преобладаніе достигается возрастаніемъ обезпеченности физическихъ нуждъ и высочайшею степенью возбужденія умственной дѣятельности. Въ эпоху младенчества общества, инстинкты самосохраненія преобладаютъ до такой степени, что даже половая жизнь, несмотря на всю грубость ея первобытной возбудительности, уступаетъ имъ въ энергіи. Семейныя чувства, конечно, весьма слабы въ эту эпоху, а общественныя связи ограничиваются самою незначительною фракціею человѣчества. Все существующее же внѣ предѣловъ этой небольшой фракціи, считается не только совершенно чуждымъ ей, но и враждебнымъ. Такимъ образомъ чувство вражды и физическіе инстинкты господствуютъ въ этой группѣ людей, какъ

главные руководители ихъ дѣятельности. Только съ пробужденіемъ высшей человѣческой способности, умственной дѣятельности начинаетъ складываться общественность, которая развивается потомъ въ зависимости отъ развитія этой высшей способности.

Итакъ, съ какой стороны ни станемъ разсматривать измѣненія, которымъ подвергался человѣкъ въ различныя эпохи своего существованія, мы всегда замѣтимъ, что общій результатъ развитія не заключается въ одномъ только матеріальномъ улучшеніи быта, достигаемомъ возрастаніемъ власти человѣка надъ внѣшнею природой, но и въ постоянномъ возрастаніи преобладанія высшихъ человѣческихъ способностей. Въ этомъ смыслѣ индивидуальное развитіе воспроизводитъ передъ нашими глазами главныя фазы общественнаго развитія. Наблюдая и то и другое, мы можемъ замѣтить, что они одинаково имѣютъ цѣлью подчиненіе личныхъ инстинктовъ инстинктамъ соціальнымъ и, въ то же время, стремятся къ власти надъ страстями при посредствѣ установленнаго разумомъ закона. Такимъ образомъ объясняется научно та *неизбѣжная и необходимая борьба животности и человѣчества*, которую сознаетъ въ себѣ человѣкъ отъ первыхъ проблесковъ цивилизаціи и до настоящаго времени и которая представляется постоянно въ той или другой формѣ въ различныхъ міросозерцаніяхъ, соотвѣтствующихъ различнымъ степенямъ развитія цивилизаціи.

Съ этимъ взглядомъ на развитіе или прогрессъ человѣчества согласуется вполнѣ опредѣленіе прогресса одного изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка— Прудона. Въ 9-мъ этюдѣ своего изслѣдованія «De la justice dans la revolution et dans l'église» онъ опредѣляетъ прогрессъ какъ самобытное совершенствованіе человѣчества, совершающееся подъ вліяніемъ идеала и имѣющее слѣдствіемъ непреодолимое возрастаніе свободы и справедливости *. Въ другомъ сочиненіи: «La philosophie du progrès» онъ опредѣляетъ прогрессъ какъ утвержденіе всеобщаго движенія, какъ отрицаніе всякаго покоя и всякой неподвижности. Хотя опредѣленіе это стремится къ совершенно иной (чисто-объективной) постановкѣ вопроса, чѣмъ предъидущее, однакоже, по прочтеніи всей брошюры, содержащей «философію прогресса», оно можетъ быть совершенно отождествлено съ нимъ, такъ-какъ движеніе, о которомъ въ немъ говорится, приводится къ движенію къ тому же идеалу, на который указывается въ первомъ

* Мы говоримъ здѣсь только объ *опредѣленіи*, не касаясь дальнѣйшаго развитія взгляда, изложеннаго Прудономъ въ этомъ сочиненіи.

опредѣленіи. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, говорить здѣсь о воззрѣніяхъ Прудона такъ подробно, какъ они того заслуживаютъ, потому что въ такомъ случаѣ одно это отступленіе должно было бы равняться тому объему, который мы предположили для цѣлой статьи. Не упомянуть же о немъ вовсе, говоря о современномъ состояніи философіи исторіи, невозможно, такъ-какъ Прудонъ занимаетъ очень видное мѣсто въ ея разработкѣ.

Не болѣе чѣмъ на взглядѣ Прудона можемъ мы остановиться и на воззрѣніи Спенсера, посвятившаго разсматриваемому нами вопросу нѣсколько главъ въ своихъ «Основныхъ началахъ», и отдѣльную статью, помѣщенную въ первомъ выпускѣ русскаго перевода его сочиненій. Спенсеръ также старается найти объективную точку зрѣнія на ходъ исторической жизни; но это удается ему такъ же мало, какъ и Прудону. Чисто-объективная точка зрѣнія не даетъ возможности отличать явленій прогрессивныхъ отъ регрессивныхъ; она принуждена разсматривать одну безразличную совокупность измѣненій, которой подвержена жизнь человѣчества, а потому она и не даетъ возможности избѣжать смѣшенія понятій при разрѣшеніи капитальнѣйшаго вопроса всей философіи исторіи. Эта неизбѣжность смѣшенія понятій не могла, конечно, укрыться отъ Спенсера, и онъ старается положить различіе между двумя стоящими передъ нимъ противоположностями (прогрессомъ и регрессомъ), оставаясь на своей точкѣ зрѣнія. Ему, какъ мы полагаемъ, это удается далеко не вполнѣ, такъ-какъ нетолько положенные имъ признаки различія, но и самое опредѣленіе прогресса, какъ осложненія того, что̀ прогрессируетъ, примѣняются къ ходу соціальныхъ измѣненій весьма неудовлетворительно.

Взглядъ на разсматриваемый вопросъ двухъ новѣйшихъ историковъ, притязающихъ на научность своихъ изысканій, — Лорана («Etudes sur l'histoire de l'humanité») и Ренувье («Essi de critique générale») совершенно ошибоченъ. Мы скажемъ о немъ два слова лишь для того, чтобы опровергнуть заблужденіе, которое раздѣляется многими. Лоранъ и Ренувье утверждаютъ, что прогрессъ есть *фактъ*, въ настоящее время неподлежащій сомнѣнію. Смѣшеніе понятій здѣсь очевидно. Оставаясь въ области фактовъ, мы можемъ утверждать только одно— *измѣненіе;* но ни о прогрессѣ, ни о регрессѣ говорить не можемъ. Понятіе о прогрессѣ или о регрессѣ есть результатъ субъективнаго отношенія къ процессу наблюдаемыхъ измѣненій. Изъ этого видно, что понятіе это находится въ прямой зависимости отъ міросозерцанія наблюдателя и что субъективной оцѣнкѣ можетъ быть дано значеніе только тогда, когда будетъ

доказано, что міросозерцаніе, на которомъ она основана, опирается на положительное знаніе, что оно, по праву, можетъ назваться *научнымъ* *.

Возвращаясь ко взгляду на прогрессъ, какъ на стремленіе къ идеалу, опредѣляемому словомъ *человѣчность*, мы займемся изученіемъ того процесса, который ведетъ къ достиженію этого идеала. Процессъ этотъ, очевидно, въ высшей степени сложенъ. Сложность его, обусловливаемая многочисленностью элементовъ, подлежащихъ выработкѣ, дѣлаетъ весьма трудными наблюденіе и сравненіе, необходимыя, какъ мы сказали, для открытія закона, управляющаго всякимъ явленіемъ. Очевидно, что еслибы изъ числа многочисленныхъ соціальныхъ элементовъ человѣческой жизни одинъ перевѣшивалъ другіе въ качествѣ главнаго рычага соціальнаго движенія, то изученіе ихъ пріобрѣло бы неоцѣнимое пособіе, такъ-какъ развитіе этого элемента могло бы быть принято за центральную цѣпь, къ каждому звену которой примыкали бы соотвѣтственныя звенья всѣхъ другихъ развитій. Послѣдовательность фактовъ, уже вслѣдствіе одного этого, представилась бы въ нѣкоторомъ самопроизвольномъ порядкѣ, гораздо ближе подходящемъ къ дѣйствительному порядку ихъ послѣдовательности, чѣмъ какой могло бы дать иное, болѣе эмпирическое представленіе прогресса.

Такой преобладающій и почти господствующій элементъ представляетъ *умственная дѣятельность*. Общая совокупность всѣхъ измѣненій, черезъ которыя прошла жизнь человѣчества, несомнѣнно совершалась подъ ея вліяніемъ. Вотъ почему во всѣ времена преобладающее значеніе умственной дѣятельности, умственнаго развитія, признавались въ большей или меньшей степени прямо и опредѣлительно. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что умственная дѣятельность есть одна изъ слабѣйшихъ склонностей человѣка, на которую, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ, потрачивается наименьшая часть жизни большинства людей, несмотря на это, вліяніе умственной дѣятельности есть единственная коренная причина соціальнаго прогресса, потому что она служитъ средствомъ удовлетворенія всѣхъ другихъ нашихъ склонностей, способствующихъ этому прогрессу. Вообще говоря, уровень знаній въ данное время представляетъ крайнюю границу всѣхъ улучшеній, возможныхъ

* Мы не останавливаемся надъ мнѣніемъ Лорана о возрожденіи человѣка на другихъ планетахъ и продолженіи на нихъ своего существованія, подлежащаго тѣмъ же законамъ развитія, какъ и жизнь на землѣ. Мнѣніе это навѣяно традиціей и слишкомъ ужъ нелѣпо.

въ это время. Естественно также, что соціальный бытъ возможенъ только при подчиненіи сильнѣйшихъ соціальныхъ элементовъ общей системѣ мнѣній, усвоенныхъ общественнымъ пониманіемъ. Изъ этого можно вывести, что прогрессъ промышленности, искусства, нравственности и политики существенно опредѣляется уровнемъ развитія умственной дѣятельности и характеромъ ея направленія. Исторія вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ на значеніе умственной дѣятельности, доказывая фактами, что порядокъ человѣческаго развитія во всѣхъ отношеніяхъ былъ результатомъ развитія умственной дѣятельности, т.-е. результатомъ послѣдовательныхъ религіозныхъ и научныхъ переворотовъ.

«Писать исторію какой-либо страны» — скажемъ мы словами Бокля, въ заключеніе общаго очерка значенія умственной дѣятельности — «писать исторію какой-либо страны, не принимая въ соображеніе хода ея умственнаго развитія, было бы то же самое, какъ еслибы астрономъ составилъ планетную систему, не включивъ въ нее солнца, котораго свѣтъ одинъ даетъ намъ возможность видѣть планеты и притяженіе котораго даетъ направленіе планетамъ и заставляетъ ихъ обращаться въ назначенныхъ имъ орбитахъ. Великое свѣтило, сіяніемъ своимъ озаряющее небесса, не болѣе величественно и всемогуще, чѣмъ разумъ человѣческій въ нашемъ земномъ мірѣ. Человѣческому разуму — и только ему одному — обязаны всѣ народы своими знаніями; и чему, если не успѣхамъ и распространенію знаній, одолжены мы нашими искусствами, науками, мануфактурами, законами, мнѣніями, обычаями, удобствами жизни, роскошью, цивилизаціей — короче сказать, всѣмъ тѣмъ, что ставитъ насъ выше дикарей, невѣжествомъ своимъ униженныхъ до уровня животныхъ, съ которыми они составляютъ одно стадо». (Исторія цивилизаціи въ Англіи. Ч. I).

Изъ числа писателей, причисляемыхъ обыкновенно къ научной школѣ, одинъ только Спенсеръ оспариваетъ преобладающее вліяніе умственной дѣятельности. Онъ утверждаетъ, что не идеи управляютъ міромъ, а чувства, которымъ идеи служатъ только руководителями. По его мнѣнію, соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на идеяхъ, а исключительно на характерахъ. «Всѣ соціальныя явленія — говоритъ онъ — порождаются общимъ строемъ человѣческихъ ощущеній и вѣрованій, изъ которыхъ первыя опредѣлены почти всегда напередъ, а вторыя опредѣляются почти всегда впослѣдствіи. Большинство желаній человѣческихъ унаслѣдовано, между тѣмъ какъ большинство вѣрованій пріобрѣтается и зависитъ отъ окружающихъ усло-

вій; а важнѣйшія изъ окружающихъ условій зависятъ отъ того состоянія общества, какое породили наиболѣе сильно господствующія желанія. Соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и проч. гражданъ-предковъ и гражданъ-современниковъ. Общепринятыя идеи такого соціальнаго состоянія должны, въ среднемъ выводѣ, быть вполнѣ соотвѣтственны чувствамъ гражданъ и, слѣдовательно, въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, какое породили эти чувства. Идеи, вполнѣ чуждыя этому соціальному состоянію, не могутъ въ немъ развиться, а если вводятся извнѣ, не принимаются, или же, если и принимаются, то вымираютъ, какъ только кончается временной фазисъ чувствъ, допустившихъ ихъ принятіе. Поэтому, хотя передовыя идеи, установившись разъ, вліяютъ на общество и содѣйствуютъ дальнѣйшему его прогрессу, но установленіе такихъ идей зависитъ все-таки отъ подготовленности общества къ ихъ воспріятію. На дѣлѣ — заключаетъ Спенсеръ—выходитъ такъ: народный характеръ и соціальное состояніе опредѣляютъ, какія идеи должны получить ходъ въ обществѣ; а не идеи эти опредѣляютъ соціальное состояніе и народный характеръ. Поэтому, измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое безпрерывнымъ вліяніемъ соціальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ соціальнымъ отношеніямъ, есть главная, ближайшая причина общественнаго прогресса». (Г. Сп.: «Причины разногласія съ философіей Конта». См. брошюру: «Классификація наукъ»).

Милль весьма справедливо замѣчаетъ, что бо́льшая часть этихъ положеній была бы принята самимъ Контомъ, т.-е., другими словами, бо́льшая часть этихъ положеній нисколько не противорѣчатъ воззрѣніямъ, приписывающимъ умственной дѣятельности первенствующее значеніе. Что же касается до тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ убѣжденія Спенсера расходятся съ этими воззрѣніями, то о нихъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Мысли, высказанныя въ приведенной выше цитатѣ, даютъ основаніе полагать, что Спенсеръ смотритъ на факты, которые можно прослѣдить исторически, напримѣръ хоть въ области религіи, какъ на *слѣдствія* не вѣры въ Бога, а чувства страха и благоговѣнія къ нему. Такой взглядъ невѣренъ уже потому, что благоговѣніе и страхъ *предполагаютъ* вѣру, такъ-какъ неизбѣжно необходимо *прежде* вѣровать въ Бога, а потомъ бояться и почитать его. Чувства самобытно не порождаютъ вѣры въ Бога: они сами по себѣ могутъ сосредоточиваться на всякомъ предметѣ. Объектъ вѣры опредѣляется именно умственною дѣятель-

ностью, а потому значеніе ея въ этой области очевидно. Въ алхимію и астрологію, напримѣръ, вѣрили не потому, что народъ былъ падокъ до золота и старался взглянуть въ будущее: эти желанія сильны и въ наше время; но умственное развитіе нашего времени не допускаетъ болѣе этой вѣры. Вообще, умственная дѣятельность, вопреки мнѣнію Спенсера, лежитъ въ корнѣ всѣхъ великихъ перемѣнъ, пережитыхъ человѣчествомъ... Не людскія страсти и волненія открыли движеніе земли или обнаружили очевидность ея древности; не онѣ изгнали схоластику и выдвинули впередъ изслѣдованіе природы; не онѣ изобрѣли книгопечатаніе, компасъ, бумагу... Реформація, англійская и французская революціи и еще болѣе всѣ нравственныя и соціальныя перемѣны, стоящія на очереди, суть прямыя слѣдствія этихъ и тому подобныхъ открытій...

Для подкрѣпленія этихъ доводовъ, мы приведемъ теперь воззрѣнія на основной характеръ измѣненій, совершающихся въ исторической жизни человѣчества, двухъ современныхъ писателей, которые, при всей своеобразности аргументаціи каждаго изъ нихъ, представляютъ выводы чисто-научные и, притомъ, вполнѣ согласующіеся, по основной мысли, съ воззрѣніями, изложенными выше.

Начнемъ съ Раденгаузена, автора весьма замѣчательнаго обширнаго философскаго сочиненія: «Isis, der Mensch und die Welt».

Раденгаузенъ считаетъ человѣка высшимъ результатомъ развитія жизни на землѣ. Развитіе это совершилось такъ давно, что длинный рядъ промежуточныхъ степеней не могъ не затеряться. Такъ-какъ есть основаніе предполагать, что древность человѣческаго рода простирается до 60,000 лѣтъ, то естественно, что эти промежуточныя степени имѣли болѣе чѣмъ достаточный срокъ для того, чтобы вымереть или быть истребленными. Это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго — утверждаетъ Раденгаузенъ — если мы вспомнимъ, что за какія нибудь 3,000 лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ нашему времени, многочисленные народы могли подвергнуться естественному или насильственному уничтоженію. Но такъ-какъ взаимное истребленіе оказывается тѣмъ болѣе обширнымъ, чѣмъ дальше взглядъ проникаетъ въ условія давно минувшей жизни, то изъ этого можно вывести заключеніе, что вымираніе низшихъ степеней должно было происходить тѣмъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ болѣе отдаленна отъ насъ эпоха. Человѣкъ и до сихъ поръ остается истребителемъ своего собственнаго рода; такъ въ Америкѣ переселившіеся туда европейцы безпощадно уничтожаютъ краснокожихъ, въ Новой

Зеландіи переселенцы играютъ ту же роль относительно туземцевъ (маори). Въ Африкѣ людоѣды ведутъ правильно организованную охоту за болѣе слабыми племенами, и нерѣдко истребляютъ ихъ совершенно. Такъ было и прежде, но только въ сильнѣйшей степени и на болѣе обширныхъ пространствахъ. Постоянно уничтожая отстающихъ, человѣчество не переставало увеличивать разстояніе, отдѣляющее человѣка отъ животнаго. Человѣчество не похоже въ этомъ отношеніи на другіе роды животныхъ, на обезьянъ, напримѣръ, у которыхъ сохранилась довольно полно лѣстница ихъ прогрессивнаго развитія въ нисходящемъ порядкѣ до слія нія ихъ съ низшими породами. Тѣмъ не менѣе, самыя отсталыя племена настоящаго времени показываютъ въ своей жизни гораздо болѣе склонности къ искорененію слабыхъ, чѣмъ европейцы. Итакъ, человѣкъ, согласно воззрѣнію Раденгаузена, есть высшій продуктъ земли и верховный владыка всего, что на ней существуетъ. Въ началѣ господство его надъ животными и растеніями было произвольно; онъ похищалъ и пожиралъ ихъ для поддержанія своего существованія, или истреблялъ въ томъ случаѣ, когда они препятствовали его свободному развитію. Позже, достигши высшихъ степеней развитія, онъ сталъ укрощать животныхъ, лишать ихъ свободы, приручать ихъ, и научился заставлять почву производить именно тѣ растенія, которыя были ему наиболѣе полезны. Поднимаясь еще выше по лѣстницѣ развитія, человѣкъ сталъ замѣнять господство грубой силы господствомъ разума, т.-е. онъ замѣнилъ дѣйствіе силъ чисто-животныхъ силами человѣческими. Онъ велъ борьбу съ животными, одолѣвая ихъ своею хитростью и изобрѣтательностію. Взаимная борьба между людьми совершенно измѣнила свой характеръ: грубая сила стала отступать передъ средствами, доставляемыми образованіемъ. Такимъ образомъ, сравнительно болѣе образованныя группы (жреческіе и дворянскіе союзы) порабощали менѣе образованныя толпы и принуждали ихъ служить своею работою въ пользу развитія побѣдителей. Милліоны стали, помимо своей воли, подчиняться высшему развитію горсти личностей или даже одного лица, превосходившихъ ихъ образованіемъ. На мѣсто дававшей прежде преобладаніе грубой силы, сталъ все болѣе и болѣе выдвигаться разумъ и, наконецъ, въ настоящее время мудрость избранныхъ признается въ образованныхъ странахъ необходимою для замѣщенія господства отдѣльныхъ лицъ.

Преобладаніе наивысшей человѣческой способности — разума обнаруживается теперь во всей жизни образованныхъ народовъ. Вліяніе человѣка на неорганическій міръ въ нѣсколько тысячъ

разъ превосходитъ его мускульную силу. Человѣкъ съумѣлъ поработить море и заставилъ служить его своему развитію. На твердой землѣ вѣтеръ и вода работаютъ также для него. Посредствомъ огня онъ превращаетъ воду въ паръ и создаетъ машины, которыя можно сравнить съ милліонами слѣпо и вѣчноповинующихся рабовъ, избавляющихъ человѣка не только отъ рабства, но даже и отъ грубаго труда... Словомъ, онъ достигъ громадной власти надъ внѣшнимъ міромъ, посредствомъ развитія и примѣненія своихъ высшихъ способностей, т.-е. тѣхъ способностей, которыя характеризуютъ его какъ человѣка и отличаютъ отъ остальныхъ животныхъ.

Другой писатель, американскій историкъ *Дрэперъ*, еще опредѣленнѣе говоритъ о значеніи умственной дѣятельности въ своей «Исторіи интеллектуальнаго развитія Европы». «Человѣкъ—говоритъ онъ—заканчиваетъ собою безчисленные ряды организмовъ, которые развивались съ теченіемъ времени въ силу опредѣленнаго закона. Законъ управлялъ неорганическимъ міромъ и провелъ землю чрезъ разнообразныя физическія состоянія, слѣдовавшія одно за другимъ, правильно и безъ скачковъ. Тотъ же законъ управляетъ и развитіемъ общества и развитіемъ личности».

Разсматривая исторію соціальнаго развитія человѣка, Дрэперъ доказываетъ, что направленіе этого развитія—чисто умственное. Онъ утверждаетъ, что и анатомическій анализъ приводитъ къ тому же заключенію, такъ-какъ во всей нервной системѣ нельзя найти никакого аппарата для улучшенія нравственности (развѣ только только косвенно, посредствомъ умственнаго). Съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ точно также, что нравственность занимала только подчиненное мѣсто, и въ поступательномъ движеніи общества, разумъ всегда шелъ впереди. Онъ всегда былъ источникомъ движенія, а нравственность только пассивно воспринимала его. Было бы ошибочно, поэтому, предполагать, что прогрессъ общества зависитъ отъ того, что̀ само контролируется высшей силой.

Всякая система, дѣйствующая только посредствомъ нравственной стороны, рано или поздно вступитъ въ антагонизмъ съ умственной, утверждаетъ Дрэперъ, и если она не заключаетъ въ себѣ элементовъ приспособленія къ измѣняющимся обстоятельствамъ, то не выдержитъ столкновенія и непремѣнно будетъ ниспровергнута. Въ этомъ именно и заключается великое заблужденіе католической системы, господствовавшей во время протекшей эпохи развитія европейской цивилизаціи. Система эта принимала за основаніе однообразное, стоячее психологическое состояніе человѣка. За-

бывая, что сила ума растетъ пропорціонально владѣніямъ ума, она смотрѣла на людей минувшихъ поколѣній, какъ на людей въ умственномъ отношеніи нисколько не ниже тѣхъ, которые живутъ въ данную минуту, хотя наши дѣти въ 16 лѣтъ могутъ имѣть болѣе широкій кругъ знаній, чѣмъ наши предки въ 60. Долговременное существованіе подобной несовершенной системы доказываетъ только неразвитость современнаго этой системѣ ума; умъ этотъ не возмущался противъ нравственнаго убѣжденія, часто весьма нелогическаго, которымъ на него дѣйствовали. Относиться презрительно къ идеямъ, руководившимъ первыми вѣками европейской жизни, было бы, конечно, неразсудительно, какъ неразсудительно смотрѣть съ насмѣшкой и пренебреженіемъ на побужденія, руководившія нами въ юности. Слабость и неудовлетворительность тѣхъ и другихъ извиняются ихъ соотвѣтствіемъ тому періоду жизни, къ которому они относятся. Цѣлыя столѣтія націи могутъ существовать въ формахъ жизни, удовлетворяющихъ потребностямъ ихъ неразвитаго ума; но воображать, что эти условія будутъ примѣнимы вѣчно—чистѣйшая иллюзія. Критическій взглядъ разомъ замѣтитъ, что умственныя черты даннаго поколѣнія уже разнятся съ умственными чертами предковъ. Новыя идеи и новый образъ дѣйствій—вотъ признаки безмолвно совершившейся перемѣны. Итакъ, каждый разъ, когда соціальная система дѣлается несовмѣстимой съ умственнымъ развитіемъ, она должна уступить... Никакія принудительныя мѣры не могутъ спасти ее. Какъ бы ни велика была сила правительства и авторитетовъ человѣчества, они не могутъ задержать умственнаго развитія, потому что оно прокладываетъ себѣ путь въ силу органическаго закона, надъ которымъ они не имѣютъ ни малѣйшей власти.

Мы не останавливаемся надъ попыткой Дрэпера найти аналогію между общественнымъ развитіемъ и развитіемъ личности, такъ-какъ аналогія эта сближаетъ воззрѣнія Дрэпера съ теоріею вѣчнаго круговращенія, непмѣющей, по нашему убѣжденію, научнаго основанія.

Намъ предстоитъ теперь войти въ ближайшее разсмотрѣніе процесса развитія умственной дѣятельности въ исторіи и, всего прежде, указать и очертить тѣ послѣдовательные фазисы, чрезъ которые проходитъ разумъ, начиная съ возникновенія его въ родѣ человѣческомъ и оканчивая современнымъ состояніемъ. Изученіе этихъ послѣдовательныхъ фазисовъ привело Ог. Конта къ открытію руководящаго ими закона, который и принятъ въ настоящее время большинствомъ историковъ позитивной школы. Такъ-какъ законъ этотъ есть главный, основной законъ всей

соціальной динамики, т.-е. всей философіи исторіи, то мы и позволимъ себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностью.

Умственная дѣятельность человѣка, по ученію Конта, была всегда устремлена къ объясненію разнообразныхъ явленій окружающаго его міра. Исторія указываетъ намъ, что объясненія эти, ранѣе чѣмъ достигли характера положительной достовѣрности, прошли двѣ послѣдовательныя степени, такъ что общій ходъ развитія умственной дѣятельности представляетъ *три состоянія: первоначальное* (теологическое), *переходное* (метафизическое и *окончательное* (научное или положительное). Теологическое) состояніе разума представляетъ себѣ міръ управляемымъ произволомъ; метафизическое подчиняетъ міръ идеямъ, представляющимся универсальными и присущими нашему разуму; положительное утверждаетъ, что міръ управляется законами, въ научномъ смыслѣ этого слова.

Три эти міросозерцанія имѣютъ свое особое происхожденіе: первое исходитъ изъ различныхъ сверхъестественныхъ откровеній; второе — изъ субъективныхъ умозрѣній, пріурочивающихъ міръ къ своимъ построеніямъ; третье—изъ опыта и наблюденія, утверждающихъ то, что̀ есть.

Возникая одно вслѣдъ за другимъ, всѣ эти состоянія исключаются одно другимъ въ томъ смыслѣ, что хотя они и могутъ существовать вмѣстѣ въ одно и то же время и даже могутъ сосуществовать въ разумѣ одной личности, но они никакъ не могутъ существовать совмѣстно въ рѣшеніи одного и того же вопроса. Метафизическое рѣшеніе устраняетъ или даже уничтожаетъ рѣшеніе теологическое; положительное же рѣшеніе дѣлаетъ излишнимъ и то, и другое. Въ этой послѣдовательной смѣнѣ, ни для теологіи, ни для метафизики не существуетъ возврата къ господству надъ умами, такъ-какъ всѣ изобрѣтенія, открытія, расширенія научныхъ знаній, весь прогрессъ умственной дѣятельности служитъ положительному міросозерцанію, а не двумъ первымъ, такъ что позиціи, однажды ими потерянныя, потеряны навсегда.

Ознакомимся теперь ближе съ этими періодами умственнаго развитія, руководствуясь характеристиками ихъ, находимыми нами у популяризаторовъ позитивнаго ученія.

Въ теологическомъ періодѣ на природу смотрятъ какъ на арену, на которой произвольныя желанія и минутныя прихоти верховныхъ существъ разыгрываютъ свои разнообразныя и измѣнчивыя роли. Самыя обыкновенныя явленія, если только они совершаются при такихъ условіяхъ, что наводятъ на людей страхъ, приписываются капризу внѣміровой силы и считаются

чудесами. Такъ, напримѣръ, солнечныя затмѣнія, появленія кометъ, метеоровъ и т. п. принимались въ теологическомъ періодѣ какъ проявленія волп высшихъ существъ. Зараза въ лагерѣ Агамемнона приписывается дѣйствію невидимыхъ стрѣлъ Аполлона.

Всѣ эти объясненія исходятъ всегда изъ извѣстной совокупности идей, которымъ приписывается сверхъестественное происхожденіе, т.-е. нисхожденіе къ людямъ путемъ откровенія. Исторія представляетъ длинный періодъ, въ которомъ одинъ за другимъ слѣдуютъ моменты возникновенія такихъ супра-натуральныхъ откровеній. Послѣднее изъ нихъ совершилось въ Аравіи при посредствѣ Магомета. Ранѣе извѣстны намъ откровенія: Зороастра, Шакія-Мупи (Будды) и друг. Буддійское и до сихъ поръ еще процвѣтаетъ въ большей части Азіи и считаетъ своихъ послѣдователей сотнями милліоновъ. Другія находятся на большей или меньшей степени разложенія или же застоя, предвѣщающаго упадокъ. Древность болѣе глубокая есть уже эпоха коллективныхъ откровеній, эпоха универсальнаго политеизма, на которомъ и останавливается историческое изслѣдованіе.

Это простое сближеніе показываетъ, что всѣ факты, до которыхъ оно касаться можетъ, представляя различныя формы теологическаго міросозерцанія, одинаково подлежатъ исторической критикѣ, которая не имѣетъ права давать которому нибудь изъ нихъ преимущество надъ другимъ. Разсматривая эти факты, критика требуетъ отъ нихъ, вопервыхъ, чтобы они были засвидѣтельствованы достаточно компетентными современниками или достаточно достовѣрнымъ преданіемъ, т.-е. такимъ, которое имѣетъ возможность доказать несомнѣнность своего происхожденія отъ этихъ современниковъ, и вовторыхъ, чтобы эти свидѣтельства не противорѣчили законамъ, присущимъ природѣ. Всѣ факты, которые мы имѣемъ теперь въ виду, имѣютъ еще и то общее сходство, что всѣ представляютъ свидѣтелей и всѣ противорѣчатъ естественнымъ законамъ.

Наука представляетъ однакоже самыя несомнѣнныя доказательства того, что времена минувшія рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ настоящаго времени по отношенію къ постоянству и непрерывности дѣйствія естественныхъ законовъ, и что поэтому свидѣтельствамъ тѣхъ временъ нельзя придавать бо́льшаго значенія, чѣмъ свидѣтельствамъ настоящаго времени въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ. Всякое же свидѣтельство такого рода въ настоящее время есть результатъ обмана чувствъ, иллюзіи и невѣжества...

Но историческая критика на этомъ не останавливается. Прилагая сравнительный методъ къ разсматриваемымъ ею фактамъ,

она открываетъ несомнѣнную однозначность между всѣми точками исхода различныхъ формъ теологическаго міросозерцанія и, такимъ образомъ, приходитъ къ убѣжденію о единствѣ разсматриваемаго ею явленія. Изучая это явленіе, она открываетъ между моментами его послѣдовательность, связь, филіацію. Открытіе этихъ признаковъ, существенно присущихъ всему производящемуся силами, врожденными человѣку, завершаетъ достовѣрность и прочность результатовъ ея работы.

Изъ этого видно, что формы теологическаго міросозерцанія суть произведенія умственной дѣятельности первой эпохи развитія человѣческаго рода и что, слѣдовательно, ихъ можно разсматривать какъ послѣдовательныя ступени философскаго мышленія, всегда необходимо согласовавшагося съ уровнемъ развитія производившихъ его умовъ. Взглядъ этотъ подтверждается также сравненіемъ этихъ послѣдовательныхъ ступеней. Новѣйшія—представляютъ довольно сложныя построенія, содержащія въ себѣ отвѣты на вопросы о происхожденіи міра, о его устройствѣ, о человѣкѣ, о его обязанностяхъ и назначеніи,—словомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для соперничества съ философіей. По мѣрѣ же того, какъ мы удаляемся въ болѣе и болѣе глубокую древность, ученія эти становятся проще, философская мысль въ нихъ слабѣетъ и, наконецъ, когда мы достигнемъ древнѣйшей формы политеизма, стоящей на самомъ рубежѣ историческаго развитія, мы встрѣчаемъ совокупность понятій, философское значеніе которыхъ ничтожно, которыя не возвысились еще до обобщеній, могущихъ дать имъ систематическую связь; нравственныя идеи сбивчивы, понятій объ отношеніи высшихъ силъ къ міру вовсе не существуетъ, и самыя силы эти имѣютъ характеръ частностей, чуждыхъ какой-либо общей концепціи... Словомъ, мы останавливаемся предъ простымъ олицетвореніемъ естественныхъ силъ (натурализмъ), предъ самою первобытною формою теологическаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ, весь теологическій періодъ развитія умственной дѣятельности представляется рядомъ доктринъ, главнѣйшія изъ которыхъ связаны между собою какъ послѣдовательныя звенья одной цѣпи развитія. Изученіе быта народовъ, въ настоящее время обитающихъ на землѣ, приводитъ къ тому же результату. Теологическое состояніе доисторическаго періода неизвѣстно; но то, что мы знаемъ объ этомъ періодѣ, даетъ намъ право утверждать, что состояніе это было въ сущности то же, какое можно наблюдать у современныхъ намъ дикарей. Изъ этого можно заключить о степени усилій, которыя привели къ политеизму, и о медленности этого перехода.

При переходѣ въ метафизическому состоянію, дѣятельность эта усиливается представить чисто-раціональныя рѣшенія вопросовъ, на которые теологія давала отвѣты, почерпнутые изъ различныхъ откровеній. Каково было метафизическое движеніе у египтянъ, у халдеевъ, у финикіянъ—этихъ прародителей нашей цивилизаціи—мы не знаемъ; но намъ хорошо извѣстно, что въ средѣ арійскаго политеизма, у индійцевъ и грековъ движеніе это было блестящее. Индійская метафизика, нераспространявшаяся далѣе береговъ Ганга, не имѣетъ для насъ значенія. Мы должны обратить вниманіе только на метафизику греческую и, находящіяся къ ней въ отношеніи филіаціи, схоластику и новѣйшую философію.

Итакъ, метафизика современна тому періоду, въ которомъ теологія еще процвѣтаетъ, тогда какъ положительное знаніе находится только въ зародышѣ и лишено всякаго вліянія. Съ одной стороны, ей обязаны происхожденіемъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя, вліяніемъ своимъ на теологію, заставляли ее совершенствоваться и были, такимъ образомъ, причиной многихъ важныхъ перемѣнъ въ ея области; съ другой стороны, метафизика смотрѣла съ естественнымъ презрѣніемъ на опытъ, который ничего не могъ дать еще въ то время, и обратилась къ умозрѣнію, открывавшему ей безконечный кругозоръ. Ничто еще не могло научить человѣка не довѣрять субъективнымъ представленіямъ, а потому представленія эти легко облекались во внѣшнія формы системы и преобразовывались въ длинный рядъ связныхъ, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другаго положеній. Разумъ человѣческій бросился по этому пути съ увлеченіемъ, со страстью: онъ систематизировалъ, строилъ, предавался тончайшему умозрѣнію... Въ работѣ этой онъ не зналъ утомленія, за то онъ нисколько не подвигался къ высокой цѣли своихъ горячихъ стремленій. И того болѣе, безпрестанно смущаемый возникновеніемъ и паденіемъ новыхъ системъ и видя, какъ постепенно уходитъ почва изъ-подъ ногъ его, какъ ему безпрестанно приходится отступать передъ завоеваніями положительнаго знанія, онъ мало по малу былъ поставленъ въ то печальное положеніе воина, который тратитъ силы свои на преслѣдованіе безоружныхъ отсталыхъ бѣглецовъ.

Метафизика покоится всецѣло на психологическомъ основаніи, а именно на положеніи, что все, согласующееся съ требованіями разума, дѣйствительно существуетъ. Метафизика субъективна и чужда наблюденія и опыта, или, вѣрнѣе, она придерживается опыта и наблюденія, но только въ смыслѣ совершенно одностороннемъ, въ смыслѣ опыта и наблюденія, замкнутыхъ въ пре-

дѣлахъ внутренняго созерцанія и непровѣряемыхъ внѣшнею дѣйствительностію. Абсолютное, представлявшееся теологическому міровоззрѣнію объективнымъ, и слѣдовательно обязательнымъ для разума, мыслится метафизикой какъ идея, подчиняющая себѣ дѣйствительность.

Разсмотримъ критически это положеніе. Метафизики увѣряютъ, что идея абсолютнаго не можетъ мыслиться разумомъ, если абсолютное не существуетъ въ дѣйствительности. Мы согласны принять этотъ аргументъ, если только хоть одна изъ отраслей знанія обнаружитъ намъ дѣйствительное существованіе абсолютнаго. Но знаніе нигдѣ не открываетъ абсолютнаго; ему извѣстно только относительное. Такимъ образомъ, аргументъ метафизиковъ, оставаясь строго-заключеннымъ въ предѣлахъ разума, потому что перехода отъ него къ знанію и отъ знанія къ нему не существуетъ, представляетъ одно только лишенное содержанія умозрѣніе. Умозрѣніе это, вслѣдствіе такой замкнутости, представляетъ безвыходный кругъ, невозможность выхода изъ котораго была для метафизики вѣчною причиною безплодности. Научное міровоззрѣніе, основываясь на знаніи, то-есть на отношеніи разума къ дѣйствительности, избѣгло этой безвыходности, и потому никогда не переставало подвигаться впередъ.

Заслуга метафизики заключается въ томъ, что она замѣнила представленіе о прихотливыхъ божествахъ представленіемъ объ *отвлеченныхъ сущностяхъ*, образъ дѣйствія которыхъ она признала *неизмѣннымъ*. Въ этой неизмѣнности кроется зародышъ науки, совершенно невозможной еще въ теологическомъ періодѣ. Зародышъ этотъ не могъ развиться, однакоже, въ метафизическомъ періодѣ, потому что, попавъ на принципъ неизмѣнности, метафизика *придумала* ему основаніе, и не *искала* его въ изученіи природы. Это придуманное объясненіе заключалось въ представленіи разныхъ силъ или началъ. Такъ Кеплеръ воображалъ, что правильность планетныхъ движеній была слѣдствіемъ того, что планеты были одарены умами, которые могутъ дѣлать наблюденія надъ воображаемымъ діаметромъ солнца и регулировать свои движенія такимъ образомъ, чтобы описывать дуги, пропорціональныя временамъ. Такъ же точно придумано было «жизненное начало» — «vis medicatrix naturae» — правило, что природа не терпитъ пустоты и т. д.

Но кромѣ произвольнаго объясненія частныхъ явленій, метафизика постоянно стремится къ объясненію всего сущаго, посредствомъ такихъ же чисто-умозрительныхъ положеній, достигавшихъ въ этомъ случаѣ чрезвычайной степени сложности, а нерѣдко запутанности и туманности.

Такъ, напримѣръ, желая доказать бытіе совершеннѣйшаго существа, метафизика исходила изъ того положенія, что идеи вещей заключаютъ въ себѣ столько же реальности, сколько и сами вещи, а потому утверждала, что и идеѣ абсолютнаго непремѣнно соотвѣтствуетъ абсолютное бытіе (*Декартъ*). Такимъ образомъ метафизика искала опоры въ чистомъ умозрѣніи — основаніи совершенно ложномъ, изслѣдованіе котораго (когда метафизика принялась за него) послужило къ ея собственному истощенію и паденію.

Греко-римская метафизика не задавалась этимъ изслѣдованіемъ. Начало ея принадлежитъ схоластикѣ. Оно служило содержаніемъ споровъ реалистовъ съ номиналистами; оно перешло и къ новѣйшей метафизикѣ, которая взялась за него съ бо́льшей свободою и бо́льшею проницательностью.

Послѣдній и величайшій номиналистъ, Кантъ, утверждалъ, что между двумя замкнутыми областями — чистаго разума и эмпирическаго знанія не существуетъ никакой связи. Аргументъ этотъ подорвалъ тезизмъ; но былъ еще безсиленъ противъ пантеизма. Послѣдующіе метафизики замѣтили это и, воскрешая идеи Спинозы, провозгласили, что разумъ человѣческій есть только проявленіе разума всеобщаго. Необходимость перехода отъ человѣческаго разума къ объективному бытію, присущая тезистической метафизикѣ, теряла значеніе, такъ-какъ бытіе это находилось въ насъ самихъ и отождествлялось съ нашимъ разумомъ. Такимъ образомъ метафизика вступала въ послѣдній фазисъ своего существованія, послѣ истощенія всѣхъ своихъ предыдущихъ тезисовъ, истощенія, сдѣлавшагося очевиднымъ для ней самой. Но, избѣгнувъ аргумента, представленнаго критикой Канта, пантеизмъ ничего не выигралъ отъ того для своей устойчивости. Въ самомъ дѣлѣ, отождествленіе разума человѣческаго съ разумомъ всеобщимъ предполагаетъ сравненіе одного съ другимъ, то-есть предполагаетъ, что всеобщій разумъ познается какимъ-нибудь образомъ; но если онъ познается субъективно, то пантеизмъ опять попадаетъ въ ту ловушку, отъ которой онъ считалъ себя избавленнымъ; если же всеобщій разумъ познается объективно, то-есть при посредствѣ явленій природы, то познаваніе это должно быть подтверждено положительнымъ знаніемъ. Знаніе же это никогда не могло подтвердить существованіе того, безъ чего пантеизмъ немыслимъ.

Ст. Милль, питающій нерасположеніе къ нѣмецкой метафизикѣ, говоритъ, что французы, которыхъ обыкновенно упрекаютъ въ недостаткѣ изобрѣтательности, могутъ похвалиться, однакоже, тѣмъ, что ими изобрѣтена нѣмецкая метафизика, такъ-какъ

отцомъ ея слѣдуетъ считать Декарта. Замѣчаніе это, высказанное шутя, тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какое обаяніе имѣло на всю мыслящую Европу утвержденіе Декарта, что въ нѣсколькихъ психологическихъ явленіяхъ, подвергнутыхъ внутреннему наблюденію, заключается источникъ глубокой философіи! Какая-то притягательная сила заключалась въ этомъ открытіи для всѣхъ умовъ, способныхъ на тонкія и глубокія построенія. Нѣмецкій умъ предался имъ съ нѣкотораго рода упоеніемъ и произвелъ самыя грандіозныя и темныя системы. Движеніе это теперь завершилось: гегельянизмъ такъ же отжилъ, какъ и картезіанизмъ, и что же осталось? Память о юношеской попыткѣ разума вывести дѣйствительность реальнаго міра изъ своей собственной сущности — и ничего болѣе... если не говорить о томъ, что попытка эта была необходимой подготовкой дальнѣйшаго развитія умственной дѣятельности.

Обратимъ вниманіе еще и на то, что по метафизическому методу, какъ замѣтилъ Бокль, не было сдѣлано никакого открытія ни въ одной отрасли наукъ. Фактъ этотъ весьма краснорѣчиво доказываетъ тщету и безплодность метафизики. Этого мало, вся внутренняя работа самой метафизики привела только, какъ мы видѣли, къ истощенію ея и не имѣла никакихъ другихъ результатовъ. «Ни въ какой другой отрасли умственной дѣятельности не было такъ много движенія и такъ мало успѣха — говоритъ Бокль. — Люди съ величайшими способностями и съ честнѣйшими намѣреніями, во всѣхъ образованныхъ странахъ, впродолженіе многихъ вѣковъ, занимались метафизическими изслѣдованіями; между тѣмъ, до настоящаго времени, системы ихъ, вмѣсто того, чтобы приближаться къ истинѣ, все болѣе и болѣе расходятся съ нею, и притомъ съ такою быстротою, которая, повидимому, возрастаетъ съ успѣхами знанія. Безпрерывное соперничество враждебныхъ между собою системъ, чрезмѣрный жаръ, съ которымъ ихъ отстаивали, и исключительная, не философская самоувѣренность, съ которою каждая защищала свой методъ — все это повергло изученіе ума человѣческаго въ такое разстройство, которое можетъ быть сравнено лишь съ разстройствомъ, произведеннымъ въ изученіи религіи преніями богослововъ» («Исторія цивилизаціи въ Англіи». Т. I, гл. III). Еще Берклей говорилъ, что метафизики ничего не могутъ видѣть изъ-за ими же взбитой пыли; они продолжали, однако же, взбивать ее, заслоняя свѣтъ отъ себя и другихъ до тѣхъ поръ, пока, шедшее независимо отъ ихъ праздныхъ преній, развитіе наукъ не привело человѣческаго разума къ третьему фазису его развитія, фазису научному или положительному.

Мы не остановимся надъ характеристикой научнаго міросозерцанія, потому что, какъ полагаемъ, достаточно охарактеризовали его въ началѣ этой статьи; теперь же, резюмируя вышесказанное о прогрессивномъ развитіи умственной дѣятельности, скажемъ, что развитіе это проходитъ три ступени — теологію, метафизику и положительное знаніе; другими словами, что оно руководствуется сначала инстинктомъ, потомъ умозрѣніемъ и, наконецъ, опытомъ. Этотъ основной законъ философіи исторіи, опирающейся на положительныя знанія, подтверждается всею исторіею развитія человѣчества и, въ то же время, объясняетъ эту исторію.

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію значенія физическихъ и экономическихъ условій, расовыхъ отличій, вліянія на развитіе человѣчества религіи, литературы, правительства, послѣ чего приступить, наконецъ, къ повѣркѣ и примѣненію нашихъ положеній къ фактамъ, посредствомъ связнаго взгляда на всеобщую исторію; но мы принуждены обойти всѣ эти вопросы, такъ-какъ мы пишемъ не трактатъ, а только небольшой очеркъ, и имѣемъ въ виду только общій абрисъ научнаго направленія философіи исторіи, не болѣе. Разсмотрѣніе же, хотя бы и самое бѣглое, всѣхъ вопросовъ, связанныхъ болѣе или менѣе существенно съ разсматриваемымъ нами предметомъ, заставило бы насъ выйдти далеко за предѣлы журнальной статьи. Ближайшее же знакомство съ предметомъ мы предоставляемъ дѣлать читателю по книгамъ, недостатка въ которыхъ, въ европейской литературѣ, нѣтъ. Что касается до насъ, то посвятивъ бо́льшую часть этой статьи разсмотрѣнію главной и существенной части соціальной динамики — вопросу развитія умственной дѣятельности, мы не имѣемъ возможности остановиться надъ другими вопросами и, въ общихъ чертахъ, по крайней-мѣрѣ, постараемся исчерпать избранный нами вопросъ на тѣхъ двухъ-трехъ страницахъ, которыя остаются еще въ нашемъ распоряженіи.

Если все вышесказанное не оставляетъ сомнѣнія въ важномъ значеніи умственной дѣятельности для развитія человѣчества, если всѣми благами, которыми мы пользуемся, мы, дѣйствительно, обязаны успѣхамъ разума, то возникаетъ вопросъ, — важный для настоящаго и будущаго, — вопросъ о томъ, какія условія необходимы для проведенія въ жизнь всѣхъ результатовъ, къ какимъ только можетъ привести развитіе разума, для достиженія возможности не утерять ни одного изъ нихъ для приращенія благъ, которыми можетъ пользоваться человѣчество.

Всѣ условія, требуемыя разрѣшеніемъ этого вопроса, резюмируются словомъ *свобода*. Она одна можетъ въ настоящемъ слу-

чаѣ дать то, чего не дадутъ никакія мѣропріятія самыхъ честныхъ, мудрыхъ и благонамѣренныхъ руководителей общества. И всего прежде для развитія умственной дѣятельности необходима свобода слова, свобода печати, свобода совѣсти... Справедливо говоритъ Ст. Милль, что принужденіе не высказывать того или другаго мнѣнія равносильно кражѣ нетолько у поколѣнія современнаго, но еще и у будущаго; это — кража у человѣчества. И не очевидно ли въ самомъ дѣлѣ, что въ томъ случаѣ, когда задушенное мнѣніе вѣрно, люди лишаются возможности замѣнить одно изъ своихъ заблужденій истиною; если же оно ложно, то у нихъ отнимается почти столь же благодѣтельное вліяніе впечатлѣнія, производимаго столкновеніемъ лжи съ истиной, всегда способствующимъ ученію этой послѣдней. Не правъ ли былъ поэтому Ст. Милль, утверждая, что еслибы весь родъ человѣческій, кромѣ одного человѣка, держался одного мнѣнія, а одинъ человѣкъ только мнѣнія противоположнаго, то и тогда невозможно было бы оправдать родъ человѣческій, еслибы онъ заставилъ молчать этого человѣка, точно такъ же, какъ нельзя было бы оправдать одного человѣка, который заставилъ бы молчать весь родъ человѣческій, еслибы только это было возможно. Я напомнилъ только читателю мысли Ст. Милля *«о свободѣ»* въ двухъ-трехъ словахъ, и не буду останавливаться далѣе надъ вопросомъ, къ которому они относятся, полагая, что книга Милля («On liberty») знакома читателю.

Не забудемъ однакоже, что стремленіе не утерять ни одинъ изъ результатовъ, добытыхъ развитіемъ умственной дѣятельности, не исчерпываетъ вопроса, такъ-какъ требуется опредѣлить еще, *для кого* не должны быть потеряны эти результаты. Прямая, здравая человѣческая логика такъ ясно указываетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что надъ нимъ не стоило бы вовсе останавливаться, еслибы историческое развитіе европейскаго общества не образовало извѣстной среды, въ которой вопросъ этотъ получилъ особенное, своеобразное рѣшеніе, подкрѣпляемое своей оригинальной аргументаціей и считающее не мало приверженцевъ, благодаря вліянію политическихъ и экономическихъ условій, придающихъ этому рѣшенію немаловажное практическое значеніе. Сторонники мнѣнія, о которомъ мы говоримъ, утверждаютъ, что общественный прогрессъ, и въ особенности прогрессъ умственнаго развитія долженъ быть удѣломъ только незначительнаго меньшинства; всю же остальную массу они считаютъ полезнымъ лишить всякаго участія въ умственной дѣятельности, въ видахъ наибольшаго прогресса этой самой дѣятельности. Мотивы такого убѣжденія разнообразны. Одни изъ нихъ выставляются какъ

аргументы, долженствующіе поддержать тезисъ; — другіе умалчиваются, хотя и имѣютъ первостепенное значеніе для поборниковъ мнѣнія, о которомъ мы говоримъ.

Мотивы гласные заключаются въ слѣдующемъ: народныя массы, — говорятъ сторонники ограниченія умственной дѣятельности извѣстною фракціею общества, — народныя массы безвозвратно осуждены самою природою вещей на непрерывный и тяжелый трудъ, который не можетъ идти рука объ руку съ высокимъ развитіемъ; а потому онѣ должны обречь себя на подчиненное положеніе въ отношеніи къ средѣ, которой, по самому положенію ея, одной только и доступно высокое развитіе. Среда эта, естественно, должна руководить ими. Стараться же поднять ихъ до уровня ея умственнаго развитія, — значитъ только напрасно смущать и мучить ихъ, внушая имъ желаніе подняться выше условій ихъ быта. Желаніе невозможное, потому что средства для исполненія у нихъ нѣтъ и взять ихъ неоткуда. А потому лучше оставить ихъ въ блаженномъ невѣдѣніи: стремленіе къ умственному развитію не можетъ улучшить ихъ положенія.

Негласные мотивы имѣютъ цѣли преимущественно практическія. Сторонники мнѣнія, о которомъ мы говоримъ, имѣютъ въ виду въ однѣхъ странахъ поддержать, въ другихъ — создать себѣ такое положеніе, при которомъ руководство общественными дѣлами было бы для нихъ нетолько возможно, но и удобно. Они хорошо понимаютъ, что развитая и просвѣщенная среда нетолько не нуждается, но и тяготится такой опекой, а потому попеченіе ихъ о невѣжествѣ массъ становится совершенно понятнымъ.

Мнѣніе это, несмотря на его первобытную, безчеловѣчную грубость, принимаетъ иногда утонченныя формы, подъ которыми грубость эта старается скрыться. Вотъ, напримѣръ, какъ оно высказывается однимъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ писателей Ренаномъ. Ренанъ, извѣстный какъ оріенталистъ и какъ писатель, способный неумѣренно, хотя и увлекательно, идеализировать нѣкоторые довольно блѣдные историческіе образы, еще въ 54-мъ году философствовалъ и о вопросѣ общественнаго образованія. (Въ настоящемъ году, онъ, какъ извѣстно, издалъ цѣлую книгу своихъ философствованій). Въ статьѣ, о которой мы теперь упомянули, онъ касается разсматриваемаго нами вопроса по поводу сужденія о направленіи, которое приняло умственное развитіе въ Америкѣ. Всего прежде отдавъ въ пышной фразѣ дань своего полнаго уваженія этому направленію, онъ замѣчаетъ вслѣдъ затѣмъ, что «не слѣдуетъ противополагать этого направленія, тому совершенно различному отъ него направленію, которому, *по всей вѣроятности*, будетъ слѣдовать Европа. Если,

продолжаетъ онъ — въ вопросѣ этомъ разъ навсегда мы примемъ одно рѣшеніе, а именно, если признаемъ необходимость пожертвованія *нѣкоторыхъ* (de quelques uns) для потребностей общаго блага, если, подобно древнимъ, остановимся на убѣжденіи, что общество необходимо состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ личностей, пользующихся полною жизнью, и что остальная масса существуетъ лишь для того, чтобы давать возможность этой полной жизни осуществиться, то задача безконечно упростится и получатся способы къ высшему ея разрѣшенію. Тогда не придется принимать въ соображеніе тысячи унизительныхъ мелочей, о которыхъ должна заботиться современная демократія». Вообще, уровень цивилизаціи — по мнѣнію Ренана—находится въ обратномъ отношеніи къ числу цивилизованныхъ. «Умственное развитіе — говоритъ онъ — перестаетъ подниматься тогда, когда оно расширяется; вступленіе толпы въ среду образованнаго общества всегда *почти* понижаетъ уровень развитія этого послѣдняго...» Далѣе Ренанъ утверждаетъ, что народъ, въ которомъ образованіе было бы развито по всѣмъ слоямъ его, могъ бы быть народомъ честнымъ, порядочнымъ, состоящимъ изъ добрыхъ и счастливыхъ личностей, но никакъ не народомъ великимъ. Онъ, по мнѣнію Ренана, не былъ бы способенъ къ осуществленію ничего такого, что̀ превосходило бы вульгарность, въ которую погружено существованіе обыкновенныхъ людей. Геній въ такомъ народѣ былъ бы невозможенъ. «Что̀ такое вся Америка — восклицаетъ Ренанъ — въ сравненіи съ однимъ лучемъ той безконечной славы, которой блещетъ второстепенный или третьестепенный итальянскій городъ, какая-нибудь Флоренція, Сіэнна, Перуджія?» (Revue de deux M. 1854).

Но Ренанъ далеко не одинъ на этомъ поприщѣ. Еслибы мѣсто позволяло намъ, мы представили бы цѣлый рядъ выписокъ, который обнаружилъ бы эту сторону взглядовъ многихъ представителей европейской интеллигенціи. Но я полагаю, что и одной, приведенной выше цитаты достаточно для резюмированія ихъ мнѣній. Къ чему приводитъ, спросимъ мы, окончательное заключеніе, къ которому они стремятся, но высказать котораго не смѣютъ?...Очевидно, къ *рабству*, къ рабству первобытнѣйшему, полнѣйшему. Вникните въ то, что̀ говоритъ Ренанъ: онъ утверждаетъ, что уровень цивилизаціи понижается съ увеличеніемъ числа цивилизованныхъ... Значитъ, онъ поднимается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ этого числа... Значитъ, идеалъ общества есть масса идіотовъ, руководимая небольшимъ числомъ высокоразвитыхъ личностей, или даже однимъ человѣкомъ!!

Быть можетъ, когда наше классическое образованіе успѣетъ

дать плоды и когда мы выучимся, наконецъ, «*знать цѣну древнимъ доблестямъ*», тогда ссылки на древность (*à la* Ренанъ) и будутъ приниматься нами съ благоговѣніемъ; теперь же мы смотримъ на нихъ, какъ на попытки самаго отчаяннаго ретроградства и твердо убѣждены, что только совершенное непониманіе истиннаго величія народовъ могло внушить Ренану всѣ его громкія, но пустыя фразы. Ссылка же на «лучъ славы какой нибудь Сіэнны, Перуджіи...» не болѣе счастлива, чѣмъ ссылки на древнее рабство.

Мы не унижаемъ искусства, но твердо убѣждены тѣмъ не менѣе, что у общества есть цѣли высшія, чѣмъ служеніе искусству,—цѣли, стремленіе къ которымъ въ тысячу разъ дороже артистической славы всѣхъ итальянскихъ городовъ вмѣстѣ. Поэтому намъ кажется смѣшнымъ и жалкимъ усиліе Ренана умалить славу Америки передъ славой какого-нибудь итальянскаго города. Кто не знаетъ теперь, что Америка представляетъ живой и могучій протестъ противъ всѣхъ возгласовъ, тянущихъ въ тонъ съ тѣми, которые мы теперь разбираемъ. Америка фактами разбиваетъ всѣ эти умозрѣнія и неопровержимо доказываетъ, что развитіе массъ не исключаетъ возникновенія геніальныхъ личностей, и что всеобщность распространенія образованія въ ней послужила не къ паденію, а къ возвышенію ея уровня. Вообще, стремленіе ограничить умственную дѣятельность небольшимъ кружкомъ избранныхъ является въ наше время празднымъ умозрѣніемъ, рѣшительно отвергаемымъ новѣйшимъ ходомъ исторіи, и рѣшеніе поставленнаго нами вопроса прямой, здравой человѣческой логикой остается непоколебимо, а рѣшеніе это, очевидно, то, что развитіе человѣчества должно принадлежать человѣчеству, и на умственную дѣятельность, слѣдовательно, не должно быть и не можетъ быть монополіи.

Оканчивая этотъ очеркъ, мы еще разъ напоминаемъ читателю, что предѣлы журнальной статьи не дозволяли намъ касаться всѣхъ сторонъ современнаго состоянія философіи исторіи какъ науки, а потому мы и были принуждены ограничиться разсмотрѣніемъ только одной ея части. Обзоръ нашъ, несмотря на всю его краткость и неполноту, можетъ, однакоже, какъ мы полагаемъ, дать читателю понятіе о тѣхъ воззрѣніяхъ на историческую жизнь человѣчества, которыя выработались теперь, благодаря всеобщему прогрессу наукъ. Мы разсмотрѣли существеннѣйшія черты закона развитія и очертили его значеніе въ приложеніи къ умственной дѣятельности, какъ къ главному элементу соціальной жизни, и указали при этомъ на тѣ практическіе вопросы, которые тѣсно и неразрывно связаны съ теоретическими

данными, вытекающими изъ нашихъ положеній. Намъ остается сказать въ заключеніе, что идея развитія, составляющая душу новѣйшей философіи исторіи, есть одно изъ великихъ умственныхъ завоеваній нашего вѣка, одно изъ тѣхъ завоеваній, которое должно имѣть громадныя послѣдствія... Многое предстоитъ еще совершить людямъ для своего собственнаго блага; но на сколько облегченъ ихъ трудъ, на сколько доступнѣе стала для нихъ цѣль ихъ стремленій, сколько шансовъ пріобрѣли они въ своей трудной, вѣковѣчной борьбѣ... все это можетъ оцѣнить только тотъ, кто въ торжествѣ идеи самобытнаго развитія человѣчества видитъ паденіе началъ, закрѣплявшихъ мнѣнія, убѣжденія, дѣятельность... паденіе всего, освѣщавшаго своею мнимою абсолютностью принципъ застоя и неизмѣняемости, которыя всегда были смертью для общества или даже хуже самой смерти.

Вл. Лесевичъ.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

ПРОЛОГЪ*.

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Семь временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смѣжныхъ деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожъ.
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потужился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...

* Прологъ былъ уже напечатанъ въ 1866 году.

Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоитъ!
Такой ли споръ затѣяли,
Что думаютъ прохожіе —
Знать кладъ нашли ребятушки
И дѣлятъ межь собой...

По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шелъ въ село Иваньково
Позвать отца Прокофія
Ребенка окрестить.
Пахомъ соты медовые
Несъ на базаръ въ Великое,
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздочкомъ
Ловить коня упрямаго
Въ свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идутъ!
Идутъ — какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что далѣ — то скорѣй,
Идутъ — перекоряются!
Кричатъ — не образумятся!
А времячко не ждетъ.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ...
Навѣрно бъ ночку цѣлую
Такъ шли — куда не вѣдая,
Когда бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «почтенные!

Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?...»

Спросила, засмѣялася,
Хлеснула вѣдьма мѣрина
И укатила вскачь...

— Куда?... Переглянулися
Тутъ наши мужики,
Стоятъ, молчатъ, потупились...
Ужь ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ,
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни чорныя
Дорогу перерѣзали
Ретивымъ ходокамъ.
Ой тѣни! тѣни чорныя!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Васъ только, тѣни чорныя,
Нельзя поймать — обнять!

На лѣсъ, на путь-дороженьку
Глядѣлъ, молчалъ Пахомъ,
Глядѣлъ — умомъ раскидывалъ
И молвилъ наконецъ:

— «Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутилъ!
Никакъ вѣдь мы безъ малаго
Верстъ тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдемъ,
Присядемъ, — дѣлать нечего,
До солнца отдохнемъ!...»

Сваливъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ при дороженькѣ
Усѣлись мужики.
Зажли костеръ, сложилися,

За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка,
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужики!
Косушки по три выпили,
Поѣли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,
Лука кричитъ: попу;
Купчинѣ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣпятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди — ужь и вцѣпились!
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго —
И всякъ свое кричитъ!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать
Какъ будто подзадоривать
Упрямыхъ мужиковъ.
Царю! направо слышится,

Налѣво отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лѣсъ переполошился,
Съ летающими птицами,
Звѣрями быстроногими
И гадами ползущими,
И стонъ, и ревъ, и гулъ!

Всѣхъ прежде зайка сѣренькій
Изъ кустика сосѣдняго
Вдругъ выскочилъ какъ встрепанный
И на утекъ пошелъ!
За нимъ галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, рѣзкій пискъ.
А тутъ еще у пѣночки
Съ испугу птенчикъ крохотный
Изъ гнѣздышка упалъ;
Щебечетъ, плачетъ пѣночка,
Гдѣ птенчикъ? — не найдетъ!
Потомъ кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать,
Разъ десять принималася
Да всякій разъ сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлѣбъ,
Подавишься ты колосомъ —
Не будешь куковать! *
Слетѣлися семь филиновъ,
Любуются побоищемъ
Съ семи большихъ деревъ,
Хохочутъ полуночники!
А ихъ глазищи желтые
Горятъ какъ воску яраго
Четырнадцать свѣчей!

* Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ («подавившись колосомъ», говоритъ народъ).

И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ, сидитъ на деревѣ
У самаго костра,
Сидитъ да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго нибудь!
Корова съ колокольчикомъ,
Что съ вечера отбилася
Отъ стада, чуть послышала
Людскіе голоса —
Пришла къ костру, уставила
Глаза на мужиковъ,
Шальныхъ рѣчей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычитъ корова глупая,
Пищатъ галчата малые,
Кричатъ ребята буйные,
А эхо вторитъ всѣмъ!
Ему одна заботушка
Честныхъ людей поддразнивать,
Пугать ребятъ и бабъ!
Никто его не видывалъ,
А слышать всякій слыхивалъ,
Безъ тѣла — а живетъ оно,
Безъ языка — кричитъ!

Сова, — замоскворѣцкая
Княгиня, — тутъ же мычется,
Летаетъ надъ крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крыломъ...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему
Подкралась къ мужикамъ,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
«И чортъ ихъ не пойметъ!»

И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чемъ они шуматъ...

Намявъ бока порядочно
Другъ другу, образумились
Крестьяне наконецъ,
Изъ лужицы напились,
Умылись, освѣжились,
Сонъ началъ ихъ кренить...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобрался.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ,
И молвилъ: «пташка малая,
А ноготокъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатишься,
Чихну — въ огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься!
А все жь ты, пташка милая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнутъ скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга милая!
Отдай свои намъ крылышки,
Все царство облетимъ,
Посмотримъ, поразвѣдаемъ,
Поспросимъ — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь матушку
Ногами перемѣряли!
Сказалъ угрюмый Провъ.

«Да по ведру бы водочки»
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— «Да утромъ бы огурчиковъ
Соленыхъ по десяточку»,
Шутили мужики.

— А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску.

— «А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчьимъ голосомъ
Пахому говоритъ:

— «Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой.

— А что ты дашь?
— «Дамъ хлѣбушка
По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку.
Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!»

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины:
— Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— «Найти — найдете сами вы,

А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти».

— Скажи!
— «Идите по лѣсу,
Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны,
Подъ этими подъ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
Въ ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормитъ, напоитъ!
Тихонько только молвите:
— *Эй! скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиковъ!
По вашему хотѣнію,
По моему велѣнію,
Все явится тотчасъ.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бѣдные,
Идемъ въ дорогу дальную,
Отвѣтилъ ей Пахомъ:
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На насъ заворожи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
Носились, не сносились!
Потребовалъ Романъ.

— Чтобъ липовые лапотки
Служили не разбились,
Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная

Въ рубахахъ не плодилася,
Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка имъ въ отвѣтъ:
— «Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вамъ будетъ... Ну, пусти!...»

Раскрывъ ладонь широкую,
Пахомъ птенца пустилъ.
Пустилъ — и птенчикъ крохотный
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Направился къ дуплу.
За нимъ взвилася пѣночка
И на лету прибавила:
— «Смотрите, чуръ одно!
Съѣстнаго сколько вынесетъ
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
Въ день ровно по ведру,
Коли вы больше спросите,
И разъ и два — исполнится
По вашему желанію,
А въ третій — быть бѣдѣ!»

И улетѣла пѣночка
Съ своимъ родимымъ птенчикомъ,
А мужики гуськомъ
Къ дорогѣ потянулися
Искать столба тридцатаго.
Нашли! — молчкомъ идутъ
Прямехонько, вѣрнехонько
По лѣсу, по дремучему,
Считаютъ каждый шагъ.
И какъ версту отмѣряли,
Увидѣли полянечку —

Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разомъ вскрикнули:
«Эй скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка,
И спрятались опять.

— А что же нѣтъ огурчиковъ?

— Что нѣтъ чайку горячаго?

— Что нѣтъ квасу холоднаго?

Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
У скатерти усѣлися,
Пошелъ тутъ пиръ горой!
На радости цалуются,
Другъ дружкѣ обѣщаются
Впередъ не драться зря,
А съ толкомъ дѣло спорное
По разуму, по божески,
На чести повести —
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ старыками старыми,
Покуда дѣлу спорному
Рѣшенья не найдутъ,

Покуда не довѣдаютъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарокъ такой поставивши,
Подъ утро, какъ убитые
Заснули мужики...

ГЛАВА I.

Попъ.

Широкая дороженька,
Берёзками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонамъ дороженьки
Идутъ холмы пологіе
Съ полями, съ сѣнокосами,
А чаще съ неудобною,
Заброшенной землей;
Стоятъ деревни старыя,
Стоятъ деревни новыя,
У рѣчекъ, у прудовъ...

Лѣса, луга поемные,
Ручьи и рѣки русскіе
Весною хороши.
Но вы, поля весенніе!
На ваши всходы бѣдные
Не весело глядѣть!
«Не даромъ въ зиму долгую
(Толкуютъ наши странники)
Снѣгъ каждый день валилъ.
Пришла весна — сказался снѣгъ!
Онъ смиренъ до поры:
Летитъ — молчитъ, лежитъ — молчитъ,
Когда умретъ, тогда реветъ.
Вода — куда ни глянь!

Поля совсѣмъ затоплены,
Навозъ возить — дороги нѣтъ,
А время ужь не раннее —
Подходитъ мѣсяцъ май!»

Не любо и на старыя,
Больнѣй того на новыя
Деревни имъ глядѣть.
Ой, избы, избы новыя!
Нарядны вы, да строитъ васъ
Не лишняя копеечка,
А кровная бѣда!...

Съ утра встрѣчались странникамъ
Все больше люди малые:
Свой братъ крестьянинъ-лапотникъ,
Мастеровые, нищіе,
Солдаты, ямщики.
У нищихъ, у солдатиковъ
Не спрашивали странники
Какъ имъ — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Ужь день клонился къ вечеру,
Идутъ путемъ-дорогою,
На встрѣчу ѣдетъ попъ.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились въ рядъ
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священникъ поднялъ голову,
Глядѣлъ, глазами спрашивалъ:
Чего они хотятъ?

— Небось! мы не грабители!
Сказалъ попу Лука.
(Лука — мужикъ присадистый
Съ широкой бородищею,
Упрямъ, рѣчистъ и глупъ.
Лука похожъ на мельницу:

Однимъ не птица мельница,
Что какъ ни машетъ крыльями,
Небось, не полетитъ).

— Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости
Окольныхъ деревень,
Заплатова, Дырявина,
Розутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожь.
Идемъ по дѣлу важному:
У насъ забота есть,
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово вѣрное
На нашу рѣчь мужицкую
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По совѣсти, по разуму,
По правдѣ отвѣчать,
Не то съ своей заботушкой
Къ другому мы пойдемъ...

— «Даю вамъ слово вѣрное:
Коли вы дѣло спросите,
Безъ смѣху и безъ хитрости,
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать,
Аминь!...»

— Спасибо. Слушай-же!
Идя путемъ - дорогою
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
А я сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...
Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: какъ ни спорили
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшися — одумали:
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть, доподлинно:
Кому жить любо - весело,
Вольготно на Руси?

Скажи жь ты намъ побожески
Сладка ли жизнь поповская?
Ты какъ—вольготно, счастливо
Живешь, честно́й отецъ?...

Потупился, задумался
Въ телѣжкѣ сидя попъ
И молвилъ:
«Православные!
Роптать на Бога грѣхъ,

Несу мой крестъ съ терпѣніемъ,
Живу... а какъ? Послушайте!
Скажу вамъ правду истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смѣкайте!»

— Начинай!

«Въ чемъ счастіе по вашему?
Покой, богатство, честь,
Не такъ ли, други милые?»

Они сказали «такъ»...

«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *покой*?
Начать признаться надо бы
Почти съ рожденья самаго,
Какъ достается грамота
Поповскому сынку,
Какой цѣной поповичемъ
Священство покупается,
Да лучше помолчимъ!
. . . . . .
. . . . . .

Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій, умирающій,
Рождающійся въ міръ
Не избираютъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой, въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ!
Идешь безотговорочно
И пусть бы только косточки
Ломалися одни,
Нѣтъ! всякій разъ намается,
Переболитъ душа.

Не вѣрьте, православные,
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Надгробное рыданіе,
Сиротскую печаль!
Аминь!... Теперь подумайте
Каковъ попу покой?...»

Крестьяне мало думали,
Давъ отдохнуть священнику,
Они съ поклономъ молвили:
— Что скажешь намъ еще?

«Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу *почетъ?*
Задача щекотливая,
Не прогнѣвить бы васъ?...

«Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!»

Крестьяне позамялися,
Молчатъ — и попъ молчитъ...

«Съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся,
Идя путемъ-дорогою?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!»

Крехтятъ, переминаются,
Молчатъ!
«О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя
И пѣсни непристойныя
И всякую хулу?...

»Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,

Семинариста всякаго —
Какъ чествуете вы?

«Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?...»

Потупились ребятушки,
Молчатъ — и попъ молчитъ...

Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да на небо глядѣлъ.
Весной что внуки малые
Съ румянымъ солнцемъ дѣдушкой
Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнѣла и заплакала:
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
Веселыхъ облачковъ
Смѣется солнце красное
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась,
Попъ шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна,
Тамъ дождь перестаетъ.
Не дождь, тамъ чудо божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшаны мотки...

«Не сами... по родителямъ
Мы такъ-то»... братья Губины
Сказали наконецъ.
И прочіе поддакнули:
«Не сами, по родителямъ!»

А попъ сказалъ: «Аминь!
Простите, православные!
Не въ осужденье ближняго,
А по желанью вашему
Я правду вамъ сказалъ.
Таковъ почетъ священнику
Въ крестьянствѣ. А помѣщики...»

— Ты мимо ихъ, помѣщиковъ!
Извѣстны намъ они!

«Теперь посмотримъ, братія,
Откудова *богачество*
Поповское идетъ?...
Во время недалекое
Имперія россійская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна.
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужь нѣтъ!
Плодилися и множилисъ
И намъ давали жить.
Что свадебъ тамъ игралося,
Что дѣтокъ нарождалося
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У насъ они вѣнчалися,
У насъ крестили дѣтушекъ,
Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалося,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное
Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умретъ печаянно,
И тутъ накажетъ накрѣпко

Въ приходѣ схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колесницѣ траурной
Въ шесть лошадей наслѣдники
Покойника везутъ —
Попу поправка добрая,
Мірянамъ праздникъ праздникомъ...
А нынѣ ужь не то!
Какъ племя іудейское
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужь не до гордости
Лежать въ родномъ владѣніи
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами,
Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеныя косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?...

«Потомъ, статья... раскольники...
Не грѣшенъ, не живился я
Съ раскольниковъ ничѣмъ.
По счастью, нужды не было:
Въ моемъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники,
Такъ тутъ какъ быть попу?...

«Все въ мірѣ перемѣнчиво,
Прейдетъ и самый міръ...
Законы прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчилися,
А съ ними и поповскому
Доходу матъ пришелъ.

Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя,
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ!
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки
Да пироги по праздникамъ
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается
И радъ бы далъ, да нечего...

«А то еще не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.
Угоды наши скудныя,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходитъ въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ нѣкуда!
Припретъ нужда, продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай!
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозитъ бѣда великая
И въ нынѣшнемъ году:
Зима стояла лютая,
Весна стоитъ дождливая,

Давно бы сѣять надобно,
А на поляхъ — вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса *!
(Снявъ шляпу, пастырь крестится
И слушатели тожь).

«Деревни наши бѣдныя,
А въ нихъ крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вѣчныя,
Господь прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копѣйками
Живиться тяжело!
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій,
Страшна семья крестьянская
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ! А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется съ костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Какъ звякнутъ въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака!
Конечно, дѣло чистое —
За требу воздаяніе,
Не брать — такъ нечѣмъ жить,
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,

* Крутая радуга — къ вёдру; пологая — къ дождю.

И словно какъ обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончилъ рѣчь — и мерина
Хлеснулъ легонько попъ,
Крестьяне разступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрелъ.
А шестеро товарищей,
Какъ будто сговорилися,
Навинулись съ упреками,
Съ отборной, крупной руганью
На бѣднаго Луку.

— Что̀ взялъ? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лѣзетъ въ споръ!
Три года я робятушки
Жилъ у попа въ работникахъ,
Малина — не житье!
Попова каша съ маслецомъ,
Поповъ пирогъ — съ начинкою,
Поповы щи — съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудетъ!
Ну, вотъ тебѣ хваленое,
Поповское житье!
Чего оралъ, куражился?
На драку лѣзъ, анаѳема?
Не тѣмъ ли думалъ взять,
Что борода лопатою?
Такъ съ бородой козелъ
Гулялъ по свѣту ранѣе,
Чѣмъ праотецъ Адамъ,

А дуракомъ считается
И по сей часъ козелъ!...

Лука стоялъ, помалчивалъ,
Боялся, не наклали бы
Товарищи въ бока.
Оно быть такъ и сталося,
Да къ счастію крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугрѣ...

Н. Некрасовъ.

АСПАЗІЯ И МЕССАЛИНА.

(Два очерка изъ древнихъ нравовъ).

(*Статья Шерра*).

I.

АСПАЗІЯ.

I.

Однажды Сократъ, архи-учитель древности, прогуливался по одной изъ аѳинскихъ площадей въ сопровожденіи своихъ учениковъ и друзей Аполодора, Антисѳена и Симміаса, которые съ благодарностью принимали каждое слово, вылетавшее изъ устъ вѣчно неутомимаго педагога; его діалогическая лекція, вѣроятно, имѣла предметомъ рѣшеніе какой нибудь эстетической проблемы. Этимъ предположеніемъ, по крайней-мѣрѣ, можно объяснить то обстоятельство, что одинъ изъ трехъ вышеупомянутыхъ учениковъ сообщилъ учителю, въ видѣ новости, о появленіи въ Аѳинахъ новой гетеры, Теодоты, красоту которой невозможно описать словами.

Сынъ Софрониска и Фенареты навострилъ уши. Онъ почуялъ въ этомъ обстоятельствѣ новый педагогическій сюжетъ, новый поводъ къ изощренію того своего краснорѣчія, которое, какъ говоритъ исторія, однажды привело въ такое отчаяніе жену его, бѣдную Ксантиппу, что она вылила на лысину вѣчному учителю нѣкій, не особенно благоухающій, сосудъ.

— Ну, сказалъ мудрецъ,—въ такомъ случаѣ надо намъ отправиться туда, потому что вещи, которыя нельзя описать словами, надо видѣть, чтобы составить себѣ о нихъ надлежащее понятіе.

И они пошли въ домъ Теодоты. Домъ оказался устроеннымъ на широкую и роскошную ногу и снабженнымъ множествомъ благообразныхъ рабынь. Владѣтельница всего этого великолѣпія позировала въ эту самую минуту передъ живописцемъ и не измѣнила своего положенія, предоставивъ тѣмъ обильную пищу гла-

замъ Сократа и его провожатыхъ. Какъ только художникъ оставилъ кисти и палитру, началось педагогическое преніе, открывшееся вопросомъ Сократа: «мы ли обязаны благодарностью Теодотѣ за то, что она показала намъ свои прелести, или она должна благодарить насъ за то, что мы смотрѣли на нихъ?» Затѣмъ, путемъ широкихъ діалектическихъ доводовъ, онъ доказалъ, что благодарность должна быть на сторонѣ гетеры, потому что созерцатели ея красоты унесутъ съ собой желаніе снова прійти и ужь тогда насладиться не только глазами. «Кляпусь Зевесомъ — сказала Теодота:—если это дѣйствительно такъ, то, конечно, благодарить должна я».

Широковѣщательная катехизація, съ которою мудрецъ обратился вслѣдъ за тѣмъ къ гетерѣ и которая имѣла предметомъ средство привлеченія любовниковъ, не относится къ нашему разсказу; упоминовеніемъ объ этомъ сократическомъ приключеніи въ самомъ началѣ нашей статьи мы только хотѣли наглядно намекнуть, что къ нѣкоторымъ сторонамъ древней жизни нельзя примѣнять масштабъ новыхъ нравовъ и новой нравственности. Даже такой человѣкъ, какъ Сократъ, и въ присутствіи своихъ учениковъ, не могъ обращаться совершенно равнодушно съ такою женщиною, какъ Теодота. Но представьте себѣ нашего великаго Иммануила Канта въ будуарѣ современной ему Теодоты такого же сорта, и громадная противоположность между эллинскимъ духомъ и нѣмецкимъ тотчасъ же бросится вамъ въ глаза.

II.

Порода совершенно глупыхъ или полуглупыхъ филологовъ и антикваріевъ, не хотѣвшихъ видѣть ни одного пятна на солнцѣ древнегреческой жизни, мало по малу вымерла. Эти кропатели, умъ которыхъ сидѣлъ неизвѣстно гдѣ, или оставляли безъ всякаго вниманія одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ и мотивовъ въ духовномъ развитіи человѣчества, или упорно отрицали, что положеніе женщины въ греческомъ мірѣ было весьма плачевное. А между тѣмъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта плачевность послужила главною причиною ранней гибели и преждевременнаго паденія эллинизма.

Исторія греческаго общества, въ этомъ отношеніи, удивительнѣйшимъ образомъ указываетъ на рѣшительный шагъ назадъ, шагъ отъ благороднаго и хорошаго къ пошлому и дурному. Въ героическомъ вѣкѣ, на сколько соціальное отраженіе его мы видимъ въ Гомеровыхъ пѣсняхъ, положеніе женщины было безспорно гораздо выше и сообразнѣе съ ея достоинствомъ, чѣмъ

въ эпоху историческую. Стоитъ вспомнить только цѣломудренную грацію, съ которою Гомеръ говоритъ объ эротическихъ наслажденіяхъ,—онъ называетъ ихъ «дѣлами золотой Афродиты», тогда какъ позднѣйшіе греческіе поэты, драматурги, идилліки, юмористы и нувелисты, какъ извѣстно, говорили объ отношеніяхъ обоихъ половъ съ самымъ необузданнымъ цинизмомъ и дѣлали это не для того, какъ увѣряли многіе, чтобы держаться «безпристрастной естественности», но очевидно съ рафинированнымъ умысломъ. У Гомера тоже встрѣчаемъ мы прелестнѣйшій женскій образъ, какой только создавала вообще греческая поэзія: принцессы Навзикаи, рядомъ съ которою можно поставить только Антигону Софокла, и это не въ отношеніи женственной свѣжести и граціи, но потому, что въ созданіи Софокла греческая женственность нашла свое высшее этическое выраженіе. Прекрасныя слова дочери Эдипа: «Я здѣсь для того, чтобы *солюбить*, а не съ тѣмъ, чтобы *соненавидѣть*», являются безспорно благороднѣйшимъ откровеніемъ эллинской женственности. Но и на исторической почвѣ встрѣчаемъ мы достойный pendant къ этому явленію. Послѣ неудачнаго окончанія похода противъ Сициліи, аѳинское народное собраніе приговорило Алкивіада къ смертной казни подъ мнимымъ предлогомъ совершеннаго имъ святотатства и, сверхъ того, приказало всѣмъ жрецамъ города проклясть его. Но Теана, дочь Менона, отказалась исполнить это набожное повелѣніе и высказала свой отказъ въ слѣдующихъ словахъ, прекраснѣе которыхъ не произносили ни одни греческія уста съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ: «Я сдѣлалась жрицею, чтобы благословлять, а не проклинать».

Въ героическое время женщина Эллады значила для мужчины гораздо больше, чѣмъ въ эпоху историческую. Это несомнѣнно. Доказательствомъ этому служитъ то, что міру Гомера былъ совершенно неизвѣстенъ распространившійся впослѣдствіи между греками содомистскій порокъ. Эту мерзость, которая остается мерзостью, какъ бы ни старались скрашивать ее вышеупомянутые кропатели-антикваріи, какъ бы ни одѣвали они ее въ туманныя краски сократизма или платонизма,—эту мерзость ввели въ употребленіе и развили только позднѣйшіе эллины. Лучшее положеніе женщины въ героическій періодъ доказывается еще тѣмъ, что у Гомера женихъ долженъ былъ давать подарки отцу невѣсты и этимъ какъ бы покупалъ ее у него, тогда какъ, напротивъ, въ позднѣйшее время отцы, отдавая своихъ дочерей замужъ, должны были снабжать ихъ возможно болѣе богатымъ приданнымъ. Конечно, и въ то раннее время греческіе браки страдали недугомъ наложничества, который былъ необходимымъ

слѣдствіемъ рабства. Намъ, конечно, очень странно или скорѣе отвратительно слышать, какъ Андромаха Эврипида говоритъ: «О, дорогой Гекторъ, изъ любви къ тебѣ я оставалась безмятежною каждый разъ, какъ Киприда соблазняла тебя, и для того, чтобы отогнать отъ тебя всякое чувство горечи, я часто кормила своею грудью дѣтей твоихъ наложницъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова вытекли изъ женской души, полной искренней любви и нѣжнѣйшей деликатности; но что, несмотря на это, они рѣзко противорѣчатъ нравственной идеѣ брака, это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Жену, какъ подругу жизни, какъ «вторую половину» мужа, однимъ словомъ жену въ *нашемъ* смыслѣ, мы не встрѣчаемъ и во время Гомера. Женщина и въ ту пору смотрѣла на мужчину, какъ существо высшее. Чего только не терпѣли жены отъ мужей, матери отъ сыновей! Для примѣра посмотрите только, какъ обращается принцъ Итаки съ своею матерью Пенелопою. На совершенно разумное замѣчаніе ея, «остроумный юноша» Телемакъ отвѣчаетъ матери такою безцеремонною тирадою: «Отправляйся-ка ты въ свои бабьи комнаты, да займись своими дѣлами; смотри за прялкою и веретеномъ, распоряжайся прислужницами, задавай имъ работу. *Говорить имѣютъ право только мужчины*,—всѣ они, и я—прежде всѣхъ, потому что въ моемъ домѣ я хозяинъ».

Пенелопа тотчасъ-же повинуется, и еще находитъ грубыя слова своего сына «разсудительнымп». Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ восточно-грубымъ деспотическимъ обращеніемъ мужчинъ съ женщиною, которое нашло свое проявленіе и въ христіанскомъ мірѣ. Припомнимъ слова апостола Павла: «Женщина да молчитъ въ обществѣ». Но, несмотря на это, обращеніе съ женщинами въ Гомерово время все-таки стоитъ неизмѣримо выше колоссальнаго цинизма и презрѣнія, которые отличали это обращеніе въ эпоху позднѣйшую. Въ первые вѣка даже ипохондрикъ Гезіодъ признавалъ, что «нѣтъ для мужчины лучшаго пріобрѣтенія, какъ добродѣтельная жена»; а у трагика Эврипида встрѣчаемъ мы уже цѣлый рядъ пьесъ, написанныхъ какъ бы съ единственной цѣлью унизить женщину, и комическіе писатели сыпятъ на нихъ цѣлыя кучи ругательствъ и насмѣшекъ. Менандръ, котораго уже ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать брюзгою, сказалъ: «Коли не хочешь нажать непріятности, не женись!»—замѣчаніе, которое, впрочемъ, уже до него остроумно сдѣлалъ Аристофанъ, заставивъ въ одной изъ своихъ комедій предводительницу хора сдѣлать такое замѣчаніе мужчинѣ: «если мы большое зло, такъ что вамъ за охота жениться на насъ?»

Справедливо было замѣчено, что въ произведеніяхъ греческихъ

поэтовъ находится столько же свидѣтельствъ *за* женщинъ, сколько и *противъ* нихъ. Но это не имѣетъ большой важности, потому что такія противорѣчащія другъ другу показанія встрѣчаются въ достаточномъ количествѣ во всѣхъ литературахъ. Зато мнѣніе о крайне унизительномъ положеніи греческихъ женщинъ въ историческую эпоху рѣшительно доказывается фактами, которыхъ не можетъ эскамотировать и самый ловкій коментаторъ. О спартанкахъ мы уже не говоримъ, такъ-какъ Спарта въ Элладѣ вообще никогда не была представительницей культуры и всегда представляла собою только варварство, такъ что, еслибъ мы не знали, что вообще цѣлыя груды безсмыслицъ господствовали впродолженіе цѣлыхъ столѣтій въ нашихъ школьныхъ учебникахъ, то не могли бы достаточно надивиться, какъ могло удержаться впродолженіе столькихъ вѣковъ глупое благоговѣніе школьныхъ педантовъ къ этой представительницѣ варварства. Уже то грубое правило Ликурга, по которому спартанскія дѣвушки должны были на публичныхъ празднествахъ, точно также какъ и юноши, появляться совершенно голыми, пѣть, прыгать и бороться, возмущаетъ всякое изящное чувство. Спартанская женщина была не что иное, какъ орудіе для произведенія дѣтей, супружескія отношенія имѣли чисто животный характеръ, потому что законы Ликурга обращали бракъ въ систематическое и раціональное распложеніе людскаго племени.

Но и у іоническихъ грековъ, даже въ высоко-образованныхъ Аѳинахъ, сущность супружескихъ отношеній не была особенно лучше, хотя форма ихъ и являлась болѣе утонченною. Даже геніальнѣйшіе мыслители Эллады видѣли въ женщинѣ существо, стоящее неизмѣримо ниже мужчины,—существо, безусловное подчиненіе котораго мужской волѣ было совершенно естественно, необходимо и законно. Такъ думалъ великій идеалистъ Платонъ, такъ смотрѣлъ на это великій реалистъ Аристотель. Первый относился къ женщинѣ даже презрительнѣе втораго: идеалъ женщины Платона немногимъ выходилъ изъ круга самой пошлой повседневной жизни, такъ-какъ философъ ставитъ совершенство жены на одну линію съ совершенствомъ вѣрной и способной рабыни. Взглядъ Аристотеля на бракъ, и, слѣдовательно, на женщину, былъ гораздо болѣе сообразенъ съ достоинствами этой послѣдней, и вообще самый благородный, какой только выработало эллинство. «Сожительство другихъ животныхъ (говоритъ онъ) имѣетъ цѣлью только распложеніе породы; напротивъ того, люди живутъ вмѣстѣ не только для произведенія дѣтей, но и ради другихъ отношеній. Задачи мужчины и женщины различны; но они помогаютъ другъ другу тѣмъ, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ свою

особенность общимъ достояніемъ и поэтому въ такомъ союзѣ пріятное соединяется съ полезнымъ». Въ этихъ словахъ представляется такая картина брака, какая прилична народу цивилизованному. Жаль только, что въ дѣйствительности греческой такихъ браковъ или вовсе не было, или они являлись только весьма рѣдкимъ исключеніемъ.

Не женщины были виноваты въ этомъ. Законъ и обычаи не позволяли имъ достигать какой бы то но было соціальной равноправности съ мужчинами. По закону, онѣ всю жизнь оставались несовершеннолѣтними, да и какъ могли онѣ выйдти изъ-подъ опеки? Ихъ образованіе было самое жалкое, ихъ умственное развитіе равно нулю, главнымъ образомъ, вслѣдствіе строгаго исключенія честныхъ дѣвушекъ и женщинъ изъ общества мужчинъ. Жизнь въ греческихъ теремахъ (гинекеяхъ), совершенно отдѣленныхъ отъ остальныхъ комнатъ дома, имѣла поразительное сходство съ жизнію женщины въ нынѣшнихъ гаремахъ на Востокѣ. До замужства дѣвушки оставались совершенно замкнутыми и отчужденными. Замужства же совершались отцами чисто прозаически-дѣловымъ способомъ, и по закону женихъ въ первый разъ видѣлъ открытое лицо своей невѣсты только въ брачной комнатѣ. Съ своей стороны новобрачная перемѣняла только теремъ отцовскаго дома на домъ мужа, и съ этихъ поръ, въ четырехъ стѣнахъ новаго жилища протекала ея жизнь, однообразіе которой только изрѣдка и весьма скудно нарушалось участіемъ въ религіозныхъ празднествахъ. Очень можетъ быть, даже вѣроятно, что по временамъ и добродѣтельныя жены разбивали эти плотныя, губительныя для духа, оковы; но когда это случалось, тогда не было недостатка въ самыхъ строгихъ порицаніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ 431 году до Р. Х., сестра великаго Кимона, Эпеника, осмѣлилась подойдти съ упрекомъ къ Периклу, когда онъ въ Керамикосѣ сошелъ съ каѳедры, на которой произнесъ одно изъ прекраснѣйшихъ надгробныхъ словъ; этотъ поступокъ не обошелся ей даромъ: Периклъ, этотъ образецъ аттическаго джентльмена, не задумался отдѣлать «намазанную старуху» жесткою и грубою тирадою изъ поэта Архилоха.

III.

И однакожь, несмотря на это, въ Элладѣ было много женщинъ, которыя весело перепрыгивая черезъ предѣлы народныхъ обычаевъ и нравственности, превращали смѣлую идею свободы плоти въ самую необузданную дѣйствительность. Эти женщины, стоявшія внѣкруга добродѣтельныхъ дѣвушекъ и замужнихъ женъ, служили въ гре-

ческомъ обществѣ представительницами женскаго пола, — фактъ, ясно доказывающій, что понятіе эллиновъ о приличіи и нравственности существенно отличалось отъ новыхъ понятій объ этихъ предметахъ. Конечно, нельзя оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что въ сущности новое общество не имѣетъ особенно многихъ причинъ смотрѣть на общество древнее съ негодованіемъ. Неоспоримо, что между свѣтскими людьми теперь, какъ и въ древности, масштабъ терпимости или презрѣнія, которымъ измѣряются распутныя женщины, примѣняется сообразно сословію и званію ихъ. Но что грѣшница Аѳины, въ ея безконечно разнообразныхъ утонченностяхъ въ наукѣ распутства, является крайне-низерною въ сравненіи съ грѣшницами Лондономъ, Парижемъ, Венеціею, Неаполемъ, Нью-Іоркомъ, Берлиномъ и Вѣною, — это почти не требуетъ доказательствъ. Правда, что это новое лицемѣріе научило насъ набрасывать покровъ общественнаго приличія даже на самыя гнусныя явленія, тогда какъ сладострастіе языческое выходило на свѣтъ совершенно обнаженное.

Какъ извѣстно всякому, чувственный элементъ былъ такъ сильно развитъ въ грекахъ, что даже такой высокій идеалистъ, какъ Платонъ, признавалъ совершенно невозможнымъ ограниченіе брачными узами отношеній между мужчиной и женщиной. Въ Аѳинахъ проституція была государственнымъ учрежденіемъ, виновникомъ котораго считали великаго законодателя Солона, одного изъ семи мудрецовъ Греціи. Когда аттическій писатель Филимонъ называетъ это учрежденіе «народнымъ и благодѣтельнымъ», то онъ отнюдь не придаетъ этимъ словамъ ироническаго смысла, потому что мы знаемъ, что въ Эллядѣ проституція была нетолько полицейскимъ, но и говоря совершенно серьёзно—религіознымъ богослужебнымъ установленіемъ. Эти слова звучатъ, конечно, очень странно въ ушахъ новаго человѣка, но тѣмъ не менѣе, они совершенно-неоспоримый фактъ, легко объясняемый тѣмъ, что древнія религіи были въ коренной своей сущности не чѣмъ инымъ, какъ религіями природы.

Вавилоно-сирійскій культъ Милиты, служеніе великой богинѣ природы, нашло свое блѣдное отраженіе въ греческомъ служеніи Венерѣ Аѳродитѣ. Говоримъ *блѣдное* отраженіе, потому что мѣсто жертвы цѣломудрія, приносившейся въ Азіи великой богинѣ всѣми дѣвушками и женщинами, въ Эллядѣ заступила такая же жертва только извѣстнаго сословія женщинъ, такъ-называемыхъ, «гіородулъ», которыя содержались при каждомъ храмѣ богини любви. Что положеніе этихъ храмовыхъ рабынь нисколько не считалось позорнымъ, по крайней-мѣрѣ, еще въ началѣ пятаго столѣтія до Р. Х., доказывается тѣмъ, что серьёзный и

величавый Пиндаръ, въ одномъ изъ своихъ граціозныхъ стихотвореній, удостоиваетъ коринѳскихъ гіеродулъ почтительно-привѣтливыми словами и обращается къ нимъ, какъ къ «гостепріимнымъ и веселымъ дѣвушкамъ, которыя, завѣдывая служеніемъ Афродитѣ, постоянно стремятся мыслью и сердцемъ къ вѣчной матери любви». Отъ богини, въ честь которой было установлено это служеніе, отъ Афродиты Гетеры, жрицы Венеры назывались *гетерами* въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Слово «гетера» можно перевести: подруга или любовница (принимая это послѣднее слово даже въ томъ невинномъ смыслѣ, который оно имѣло еще въ XVI столѣтіи), но въ то же время, позволительно, не рискуя навлечь на себя упрекъ въ несправедливости, перевести его и другимъ, менѣе классическимъ и неупотребительнымъ въ порядочномъ обществѣ словомъ... Между свѣтскими гетерами болѣе низкій классъ составляли «пёрны», принадлежавшія большею частію къ сословію рабынь и содержавшіяся въ особыхъ домахъ; отъ нихъ отличались гетеры болѣе приличныя — если можно употребить здѣсь это слово — которыя, будучи или свободно-рожденными или вольно-отпущенными, сами торговали своими прелестями. Въ это же сословіе включалась распущенность поющая, играющая и пляшущая, то-есть арфистки, флейтщицы и танцовщицы; ихъ-то и называли главнымъ образомъ гетерами. О міросозерцаніи и образѣ мысли въ этомъ кружкѣ, о его дѣятельности мы составляемъ себѣ живое понятіе по «разговорамъ гетеръ», написаннымъ Лукіаномъ, остроумнымъ юмористомъ, превосходнымъ нравописателемъ позднѣйшаго греческаго міра. Нерѣдко встрѣчаемъ мы въ этихъ діалогахъ матерей, ободряющихъ и снаряжающихъ своихъ дочерей къ принесенію въ жертву ихъ цѣломудрія; тутъ же узнаемъ мы, что въ большей части случаевъ причиною паденія несчастныхъ дѣвушекъ были нищета и безпомощность. Tout comme chez nous. Исторія нравовъ отличается такимъ же однообразіемъ въ цѣломъ и такими же безконечными разнообразностями въ отдѣльныхъ явленіяхъ, какъ и исторія природы, и придетъ, конечно, время, когда историческая наука получитъ возможность, стоя на высшей ступени познанія, указывать оттуда на то единство основныхъ законовъ природы и исторіи, которое до сихъ поръ мы могли только предчувствовать. Дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки къ отысканію этого единства оканчивались, правда, не особенно счастливо, потому что искатели оставляли безъ вниманія два важнѣйшія обстоятельства: человѣческую глупость и человѣческія страсти.

IV.

Изъ ряда свободныхъ проституткъ вышли «знаменитыя» гетеры, представляющія собою квинтъ-эссенцію гетеризма. Нѣкоторыя изъ нихъ кончили тѣмъ, что дѣлались женами государей; другія достигали того, что имъ воздвигали памятники на общественный счетъ. Чтобы это послѣднее обстоятельство не показалось черезчуръ страннымъ, надо припомнить, что греки іоническаго племени были, такъ-сказать, народъ-художникъ, въ хорошемъ и дурномъ значеніи этого слова. Греческая религія была поклоненіемъ прекрасной формѣ. Она устанавливала почитаніе всего истинно-прекраснаго. Красота была для нихъ священною и достойною поклоненія, потому что въ ней воплощалась идея божества. Не сценой нахальнаго безстыдства, а религіознымъ актомъ,—какъ ни странно, какъ ни ужасно можетъ показаться это новому мистицизму — было то явленіе, когда живое чудо красоты, гетера Фрина, во время посейдонова празднества въ Элевзисѣ, въ виду толпы народа, собравшагося на берегу моря, при полномъ свѣтѣ дня, раздѣлась и съ распущенными до колѣнъ волосами, вошла въ воду. Пусть ханжи новаго времени ужасаются сколько имъ угодно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что при видѣ этой купающейся Фрины, олицетворявшей для художественнаго взора грековъ Афродиту Анадіомену, чувство глубокаго благоговѣнія проникло въ сердца пилигримовъ, пришедшихъ изъ дальнихъ странъ на празднество Посейдона... По словамъ преданія, красота Фрины вдохновила живописца Апеллеса и ваятеля Праксителя и послужила имъ образцомъ для изображенія Афродиты. За то и греки отплатили гетерѣ полновѣсною благодарностью за ея красоту. Въ Теспіи, ея родномъ городѣ, былъ выставленъ ея бюстъ, изваянный Праксителемъ. Въ Дельфахъ, священнѣйшемъ мѣстѣ Греціи, въ честь ея воздвигли золотую статую на мраморномъ пьедесталѣ. Само собою разумѣется, что брюзги-философы изъ секты циниковъ не мало скандализировались этими изъявленіями благодарности.

Почвою, на которой процвѣтали знаменитѣйшія гетеры, были Аѳины, этотъ прекрасный «городъ фіалокъ», служившій вообще источникомъ самаго яркаго блеска и самаго тонкаго благоуханія эллинизма. Здѣсь, въ честь гетеры Леэны, былъ воздвигнутъ памятникъ въ видѣ желѣзной львицы, потому что она, бывшая любовницею Аристогитона, заговорщика противъ тиранніи Пизистрата, была замучена на смерть Гиппіемъ. Здѣсь процвѣтали сицилійанка Лаиса и остроумная шалунья Миррина изъ

Самоса. Здѣсь же чаровала всѣхъ уже упомянутая нами Фрина, имя которой сдѣлалось нарицательнымъ для всего этого класса и красотою которой, какъ говоритъ извѣстное преданіе, ея адвокатъ Гиперидъ, сорвавшій съ нея въ залѣ суда покровы, побѣдилъ судей, передъ лицо которыхъ она предстала, какъ обвиненная въ ереси. Здѣсь же гетера Ластенея слушала лекціи Платона, а Леонтіона — разсужденія Эпикура, ученіе котораго, какъ говорятъ, она опровергла въ полемическомъ трактатѣ, полномъ ума и логической послѣдовательности. Позднѣйшія знаменитыя гетеры были родомъ аѳинянки. Такова Таиса, наложница Александра Македонскаго, и Ламія, любовница Димитрія Поліоркета.

Съ именемъ Таисы, если вѣрить Плутарху, связанъ одинъ, много воспѣтый и много прославленный эпизодъ изъ героической жизни Александра, являющійся такою чисто-романтической штукой въ этой античной поэмѣ. Душна и неистово шумна была та ночь, когда Александръ предсѣдательствовалъ на оргіи своихъ приближенныхъ въ Персеполисѣ, сидя подъ золотымъ балдахиномъ великолѣпнаго трона Ахеменидовъ. Винные пары весело и необузданно бродили подъ черепами пирующихъ. Опьяненіе охватило и Таису; осушивъ золотую чашу, среди шума вакханаліи, съ разгорѣвшимися щеками и искрящимися глазами, она крикнула своему царственному любовнику: «Много перенесла я во время этого долгаго странствія по Азіи. Но за все вознаграждена я тѣмъ, что сегодня могу пировать въ надменной столицѣ Персіи. Конечно, еще бо́льшимъ блаженствомъ было бы для меня, еслибы послѣ этого пира я могла бросить зажженный факелъ во дворецъ Ксеркса, который нѣкогда разрушилъ мой дорогой родной городъ Аѳины, бросить его въ отомщеніе за Аѳины, въ отомщеніе за Элладу!» Вскочилъ съ мѣста опьянѣвшій герой — вскочилъ такъ стремительно, что вѣнокъ изъ розъ и плюща спалъ съ его головы на плечо, и поднялась за нимъ вся пьяная компанія. Безумно прекрасная гетера кладетъ въ руку царя зажженный факелъ. Онъ бросается на улицу, всѣ слѣдуютъ за нимъ, махая факелами, и, среди дикихъ криковъ ликованія, и онъ, и всѣ они, кидаютъ огни въ деревянныя галлереи за̀мка, на постройку и украшеніе которыхъ персидскіе цари истратили несмѣтныя сокровища Азіи.

V.

«Периклъ, сынъ Ксантиппа, въ свое время первый между аѳинянами, человѣкъ столько же краснорѣчивый, сколько и

дѣятельный». Такими словами обрисовалъ Ѳукидидъ знаменитаго демагога. Великій гражданинъ, призваніемъ котораго было возвести аттическую демократію на высочайшую ступень, принадлежалъ, какъ извѣстно, по рожденію къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій своего города. Во время беременности его матери, Агаристы, ей приснилось однажды, что она родитъ льва, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого она родила Перикла, стало-быть, настоящаго человѣка — льва, который воплотилъ въ своей личности эллинскій идеалъ человѣка.

Эллинскій, въ истинномъ, не превратно и пристрастно понимаемомъ значеніи этого слова! Не надо забовать, что даже самый совершенный грекъ всегда оставался грекомъ или скорѣе аѳинянином, ѳивянином, спартанцемъ. До идеи человѣчества, до мысли о всемірномъ гражданствѣ, эллинизмъ никогда не возвышался. Только въ душѣ Александра Македонскаго мерцала слабымъ свѣтомъ идея о всемірной тенденціи человѣческаго рода и стремленіе осуществить ее посредствомъ распространенія эллинскаго духа по всему міру. Но въ македонскую эпоху чистое эллинство было уже въ упадкѣ. Когда оно находилось въ полномъ цвѣту, то-есть въ первой половинѣ V-го столѣтія до Р. Х., тогда характеръ его не былъ нисколько національнымъ, а уже подавно не универсальнымъ; онъ былъ исключительнымъ, мѣстнымъ.

Конечно, тотъ мѣстный патріотизмъ, благодаря которому Периклъ, другъ Анаксагора и Фидія, сдѣлалъ свои милыя Аѳины жемчужиною древняго міра, не былъ патріотизмомъ какого-нибудь фляксензингенскаго премьеръ-министра, или какого-нибудь кревинкельскаго бургомистра, или какого-нибудь кушнапельскаго депутата. Эллинизмъ, или скорѣе аттицизмъ, былъ достаточно обширенъ для того, чтобы въ его предѣлахъ геній Перикла могъ выработать демократическую идею государства въ высокое, свѣтлое, гармонически-прекрасное зданіе, въ стѣнахъ котораго аѳинянамъ, какъ воспріимчивому и художественному народу, предстояло наслаждаться безмятежно-прочнымъ существованіемъ. Само собою разумѣется, что продержаться долго это зданіе не могло. Людская глупость никогда не могла долго выносить что́ бы то ни было прекрасное и благородное; но все нелѣпое, отвратительное и порочное она терпѣливо тащитъ за собою впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ и тысячелѣтій. Потому-то, имѣть великія мысли, волноваться благородными чувствами, искать истину и высказывать ее, любить справедливость и ненавидѣть насиліе — значитъ быть несчастливымъ. Горе тому, кто не носитъ на лбу такого же дюжиннаго ярлыка, какимъ

украшено громадное большинство существъ, «созданныхъ по образу и подобію божію». Горе тому, кто на одинъ шагъ переступитъ границу золотой посредственности, и повременамъ не учится лицемѣрному искусству нравиться грубой толпѣ посредствомъ сгибанія спиннаго хребта. Каждое исключеніе есть оскорбленіе правила, а правило господствуетъ надъ міромъ. Будьте, какъ всѣ люди, или по крайней-мѣрѣ поступайте, какъ всѣ поступаютъ! Таково первое и единственное правило, которое всѣ отцы, дорожащіе «хорошей карьерой» своихъ сыновей и дочерей, должны были бы напечатлѣвать въ ихъ сердцахъ...

Периклъ не былъ счастливъ и не могъ быть счастливымъ. Потому что онъ былъ великъ, и его благородная гордость не позволяла ему льстить завистливымъ душамъ черни. Несравненный предводитель народа, человѣкъ, всеобъемлющая геніальность котораго была по достоинству оцѣнена только послѣ его смерти, никогда и нисколько не былъ льстецомъ народа. Ѳукидидъ, его современникъ, бывшій, какъ извѣстно, далеко не демократъ, положительно призналъ эту добродѣтель за великимъ человѣкомъ демократіи. Онъ называетъ Перикла «могущественнымъ силою мудрости и твердости характера, несомнѣнно недоступнымъ никакому подкупу, отважно и благородно сдерживающимъ массу въ необходимыхъ предѣлахъ, не руководимымъ народомъ, но руководящимъ имъ, вслѣдствіе того, что онъ не стремится къ власти дурными путями». Этотъ портретъ величайшаго гражданина и государственнаго человѣка Аѳинъ, историкъ заключаетъ слѣдующими словами: «Такимъ образомъ, по имени существовало господство народа, на самомъ же дѣлѣ это было господство перваго человѣка». Такъ было всегда и такъ будетъ постоянно. Демократія Жанъ-Жака Руссо существуетъ только въ книгахъ. Къ несчастію, «первые» люди Периклова закала принадлежатъ къ числу рѣдчайшихъ чудесъ природы.

Великій аѳинянинъ не былъ счастливъ въ своей семейной жизни. Человѣку, который, стоя на ораторской трибунѣ, умѣлъ властительскимъ жезломъ своего слова воздымать и успокоивать волны демократіи, политику, которому Платонъ, не бывшій вообще его другомъ, приписываетъ «царственный умъ», адмиралу и генералу, который побѣдоносно предводительствовалъ аѳинскою арміею и флотомъ, патріоту съ художественной душой, который одѣлъ свой милый городъ въ роскошное платье благороднѣйшихъ созданій искусства,—этому человѣку не посчастливилось въ томъ, что нѣмецкій поэтъ назвалъ «великою лотереею» существованія. Конечно, въ греческомъ смыслѣ бракъ не былъ такою лотереею; но чисто человѣческимъ отношеніямъ присуща

сила, далеко переступающая за предѣлы закона обычаевъ и привычекъ и никогда неутрачивающая своего значенія.

Въ молодости Периклъ исполнилъ одно изъ тѣхъ требованій свѣтскаго приличія, котораго держались зажиточные и образованные классы его города. Онъ женился на своей близкой родственницѣ, вдовѣ или разведенной женѣ нѣкоего Гиппоника. Она родила ему двухъ сыновей: Ксантиппа и Паралоса. Оба очень огорчили отца: старшій—мотъ и гуляка—своею жизнію, младшій, любимецъ его,—тѣмъ, что умеръ. Отношенія обоихъ супруговъ, повидимому, отнюдь не переходили за предѣлы холодныхъ приличій. Холодно сошлись они, холодно и разошлись, когда, какъ характеристически выражается источникъ, изъ котораго мы черпаемъ это свѣдѣніе, совмѣстная жизнь ихъ перестала быть «удобною». Законные разводы совершались въ тогдашнихъ Аѳинахъ почти такъ же легко, какъ во время директоріи въ Парижѣ, и разведенная жена Перикла тотчасъ же вышла за другаго, или, выражаясь точнѣе, была передана своимъ первымъ мужемъ, «съ ея согласія», другому, а Периклъ, съ своей стороны, «взялъ Аспазію, къ которой онъ питалъ чувство большой нѣжности». И чтобы выставить эту любовь, какъ нѣчто совершенно необыкновенное, Плутархъ прибавляетъ, что великій государственный человѣкъ никогда не уходилъ по дѣламъ и никогда не возвращался домой безъ того, чтобы не привѣтствовать Аспазію и не проститься съ нею поцалуемъ... Несомнѣнно поэтому, что первою причиною холодности брачныхъ отношеній Перикла была Аспазія; но точно такъ же безспорно, что женщина, поселившая въ душѣ такого человѣка, какъ Периклъ, такую глубокую привязанность, не могла быть обыкновенною, дюжинною женщиною.

VI.

Кто же и откуда была эта Аспазія, имя которой перешло къ намъ изъ древняго міра, какъ знаменитѣйшее женское имя? Она родилась въ Милетѣ и была гетера. Уже то обстоятельство, что родиною ея былъ Милетъ, придавало ея репутаціи весьма сомнительный характеръ, потому что этотъ городъ справедливо считался въ то время высшею школою разврата, точно также какъ Римъ въ I, II, III и IV столѣтіяхъ, Византія въ VI, Венеція въ XVII, Парижъ въ XVIII и Лондонъ въ XIX. Въ Милетѣ, городѣ сладострастія par excellence, оберъ-гимназіи любовнаго искусства, любимомъ поприщѣ дѣйствія скандалезной литературы, родилась и выросла эта «прекрасная», «милая гостья», «обнимаемая», «цалуемая», «любовь» «возлюбенная»,—все это сино-

нимы имени Аспазіи. Что она дѣйствительно была прекрасна, это понимается само собою, хотя описаніе ея красоты до насъ не дошло.

Отцомъ ея называютъ нѣкоего Ахіоксоса, а учительницею въ искусствѣ гетеризма — ея соотечественницу Таргеспію, славившуюся красотою, граціею и даромъ слова и слывшую «дипломатомъ въ юбкѣ», если только іонянки носили юбки. Дѣйствительно, съ помощью своей красоты и торговли ею, она производила между мало-азіатскими греками пропаганду въ пользу персидскаго царя. О ней же упоминаютъ, какъ о философѣ, причемъ рядомъ съ нею ставятъ Діотину и Аспазію. По крайней-мѣрѣ въ философіи брака была она, повидимому, весьма свѣдуща, потому что, не считая любовниковъ, у ней перебывало четырнадцать законныхъ мужей, рядъ которыхъ заключилъ никто иной, какъ царь Антіохъ Өессалійскій. «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ». Съ точки зрѣнія гетеризма, она была поэтому превосходная учительница, и ученица ея съумѣла прекрасно воспользоваться уроками.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ Аспазія пріѣхала въ Аѳины, объ этомъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Если вѣрить Плутарху—а нельзя забывать, что именно въ этомъ случаѣ трудно принимать его слова на полную вѣру,—Аспазія содержала въ Аѳинахъ публичный домъ, школу гетеръ—ремесло, которое даже Плутархъ считаетъ себя вынужденнымъ назвать «не совсѣмъ приличнымъ и почтеннымъ». Несмотря на это, знатнѣйшіе аѳинскіе джентльмены, почтеннѣйшіе философы, знаменитѣйшіе художники постоянно и охотно посѣщали дамъ Аспазіи. Такъ напримѣръ, Сократъ и Периклъ. Первый даже объявлялъ себя ученикомъ прекрасной и геніальной женщины въ искусствѣ любить и искусствѣ говорить. Судя по разсказамъ, она произносила образцовыя рѣчи въ кругу своихъ друзей. По-крайней-мѣрѣ, какъ извѣстно, Сократъ въ одномъ изъ діалоговъ Платона говоритъ, что онъ слышалъ, какъ Аспазія произнесла однажды похвальное слово надъ могилою падшихъ въ битвѣ аѳинянъ, и тутъ же этотъ «мудрѣйшій изъ людей» замѣчаетъ, что «если онъ и обладаетъ кое-какимъ даромъ краснорѣчія, то этому нечего удивляться, такъ-какъ у него была превосходная учительница, образовавшая многихъ знаменитыхъ ораторовъ, и въ ихъ числѣ самаго знаменитаго—Перикла». Конечно, это сказано въ шутливомъ тонѣ; но онъ—тотъ самый, «сократическій» шутливый тонъ, въ которомъ мудрецъ иронически выражалъ и самыя серьёзныя мысли.

Обращеніе и разговоръ Аспазіи производили, повидимому,

обаятельнѣйшее дѣйствіе, и притомъ не только на мужчинъ, но и на женщинъ. Дѣйствительно, читая у Плутарха, что друзья этой высоко-образованной и граціозной гетеры брали въ гости къ ней съ собою своихъ законныхъ женъ, мы изъ этого должны съ достовѣрностью заключить, что добрымъ аѳинянкамъ весьма нравилась эта компанія. Иначе мужья не могли бы заставить ихъ слѣдовать за собою, такъ-какъ «самое неудобопринуждаемое существо есть женщина» — сказалъ Эврипидъ, глубокій знатокъ женскаго пола. А Аристофанъ однимъ своимъ стихомъ: «онѣ до сихъ поръ еще вертятъ мужчинами, какъ всегда вертѣли» — доказываетъ намъ, что его соотечественницы, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, достаточно хорошо понимали искусство держать мужей подъ башмакомъ, т.-е., выражаясь правильнѣе, подъ сандаліей.

Если собрать въ одно всѣ, впрочемъ, весьма скудныя извѣстія, дошедшія до насъ объ Аспазіи и имѣющія право считаться достовѣрными, то оказывается, что въ блестящій періодъ умственнаго развитія Аѳинъ, домъ этой женщины служилъ средоточіемъ лучшаго цвѣта тогдашняго общества. За ея столомъ возлежали Периклъ, Анаксагоръ, Сократъ, Фидій, Дамонъ, Иктинъ, Коронбъ и Мнезиклъ. Здѣсь аттическая философія сливалась въ одно съ воспоминаніемъ о лирикѣ Алкея и Анакреона. Здѣсь гости, украшенные вѣнками изъ фіалокъ, мирта и розъ, переходили отъ веселыхъ разговоровъ о созданіяхъ поэтовъ и художниковъ къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, и затѣмъ нерѣдко, впадая въ патріотическое воодушевленіе, оглашали комнату звуками героической пѣсни Калистрата: «Увѣнчанный зеленью мирта, буду я носить мой боевой мечъ, подобно Гармодію и Аристогитону». Здѣсь молодой Алкивіадъ, воздымая пѣнящійся бокалъ, шаловливо кидалъ въ возлежащаго противъ него сына Софрониска стихомъ Вакхилида: «О, сладостная сила, выходящая изъ бокала!» Здѣсь прислужницы Аспазіи, по знаку своей госпожи, пѣли подъ акомпанементъ лидійской флейты гимнъ Сафо къ Афродитѣ: «О, божественная Киѳерея, дочь Зевеса, хитроумная, заклинаю тебя, не отягчай моего сердца заботою и печалью!»

VII.

Но, какъ бываетъ всегда и вездѣ, жизнь являлась нетолько съ свѣтлой, но — и это гораздо чаще — и съ темной стороны, подъ крышею того дома, куда великій строитель аѳинскаго государственнаго зданія ввелъ свою возлюбленную милетянку, какъ подругу и сожительницу. На отношенія ихъ уже древніе смо-

трѣли, какъ на слѣдствіе глубокой взаимной привязанности; но такъ-какъ между аѳинскимъ полноправнымъ гражданиномъ Периклом и неаѳинянкою Аспазіею не могъ быть заключенъ законный бракъ, то — говоря въ *нашемъ* смыслѣ — великій государственный человѣкъ состоялъ въ бракѣ *гражданскомъ* съ прелестною женщиною, родственною ему по художественному чувству и уму. Такимъ образомъ, Аспазія жила въ его домѣ не какъ «femme entretenue», а какъ настоящая хозяйка. Она родила Периклу сына, она понимала его умственныя стремленія и сочувствовла имъ, она умѣла оцѣнивать его предначертанія и дѣлила съ нимъ заботы, она была его прибѣжищемъ и утѣшеніемъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что сожительство этой четы олицетворило собою высшую степень отношеній между мужчиною и женщиной, на какую когда-нибудь становилось эллинство.

Слава Аспазіи, обладавшей, кромѣ другихъ достоинствъ, и такими двумя, которыми весьма рѣдко славились древнія женщины[6] — политическимъ тактомъ и умомъ, разнеслась по всему свѣту и прогремѣла даже во дворцѣ царя Сузы. Но между тѣмъ какъ тамъ младшій Киръ, изъ уваженія къ возлюбленной великаго аѳинянина, прозвалъ свою любимую одалиску Аспазіей, обладательница этого имени въ Аѳинахъ была предметомъ самыхъ необузданныхъ насмѣшекъ и клеветъ, свободно раздававшихся и на ораторской трибунѣ, и въ письменныхъ произведеніяхъ, и на сценическихъ помостахъ. Тупоумная пошлость черни и ненависть партій метали въ Аспазію ядовитѣйшія стрѣлы, хорошо зная, что этимъ они наносили тяжелыя раны великому государственному человѣку, который съ спокойнымъ достоинствомъ попиралъ ногами всѣхъ этихъ червей и гадинъ, кишавшихъ на его собственной дорогѣ и хотѣвшихъ затруднить его шаги. Давая ему въ насмѣшку прозвища Зевеса и Геркулеса, его враги ядовито называли и женщину, которую онъ любилъ, Герою, Омфалою и Деянирою. Но на такихъ намекахъ они не останавливались. Комическій писатель Кратинъ, можетъ быть, въ присутствіи самаго Перикла, указывалъ со сцены на Аспазію, какъ на «похотливую непотребную женщину съ собачьимъ взоромъ»...

Ненависть, которую возбуждала Аспазія, доказываетъ неоспоримо, до какой степени она превосходила своихъ соотечественниковъ умомъ и душевными свойствами. Ея противники не пренебрегали даже безумнѣйшими выдумками для того, чтобы чернить ее передъ народомъ и возбуждать въ немъ ненависть къ ней. Такъ, напримѣръ, ее обвиняли въ томъ, что она возбудила какъ самосскую, такъ и пелопонезскую войну. Аристофанъ, ко-

торый, какъ извѣстно, выдавалъ себя бойцомъ за «консервативные интересы» и за поклонника «добраго стараго набожнаго времени», тогда-какъ въ сущности это доброе, старое набожное время и консервативные интересы, какъ и все, что̀ только есть на свѣтѣ, небо и земля, церковь и государство, мужчина и женщина — были для него только предметами остроумнаго осмѣянія и граціознаго осквернепія,—Аристофанъ не могъ удержаться отъ того, чтобы въ своей комедіи «Ахарняне», представленной въ первый разъ уже въ 425 году до Р. Х., стало быть, черезъ четыре года послѣ смерти Перикла, бросить грязью въ память великаго аѳинянина слѣдующими словами: «Нѣсколько молодыхъ гулякъ, черезчуръ сильно подвыпившихъ, украли Симаиту, мегарскую блудницу; послѣ того, въ похотливомъ изступленіи, увели они съ собою и двухъ гетеръ Аспазіи. Такимъ образомъ, изъ-за трехъ непотребныхъ женщинъ вспыхнула въ Элладѣ война, потому что олимпіецъ Периклъ, взбѣшенный этимъ, сталъ метать на Элладу громы и молніи». Серьёзный и строгій Ѳукидидъ, говоря о причинахъ несчастной пелопонезской войны, оставилъ, конечно, безъ вниманія эту поэтическую вольность Аристофана и не упомянулъ объ этой злой сплетнѣ, даже какъ о сплетнѣ. Но тѣмъ не менѣе понятно, что такія безпрестанныя клеветы, насмѣшки и поруганія должны были причинять значительный вредъ главѣ аѳинскаго государства, такъ-какъ ими сильно подрывался его авторитетъ между согражданами, а въ этомъ авторитетѣ и заключалась его главная сила. Что это дѣлалось и могло дѣлаться, въ томъ нѣтъ ничего, выходящаго изъ порядка вещей: народъ всегда и вездѣ хочетъ и хотѣлъ быть обморочиваемымъ, а человѣчество — обманываемымъ.

Когда враги Перикла разочли, что клевета и насмѣшка достаточно подготовили почву, они выступили противъ него рѣшительнѣе. Но шли они все еще окольными путями, какъ вообще ведетъ войну гнусное малодушіе. Имъ хотѣлось поразить его сначала въ лицѣ его друзей, потомъ въ лицѣ жены, чтобы, ослабивъ его такимъ образомъ, совершенно облегчить себѣ его низверженіе. Первый ударъ былъ направленъ противъ Фидія, великаго художника, котораго аѳиняне должны были бы носить на рукахъ, еслибы народы не были еще неблагодарнѣе сильныхъ міра сего. Обвиненный въ утайкѣ части золота, врученнаго ему для отлитія плаща богини Паллады, онъ наглядным образомъ доказалъ нахальное ничтожество этого обвиненія. Надо было обратиться къ помощи жреческаго сословія, которое съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческая глупость, всегда давало самое сильное оружіе въ руки человѣческой злобы. Между фи-

гурами, украшавшими щитъ той же самой Паллады Фидія, зоркій и шпіонскій глазъ ненависти выискалъ два лица, которыя, по его мнѣнію, очень напоминали собою черты Перикла и Фидія. И вотъ раздались крики: «осквернепіе святыни! богохульство! подрывъ вѣры!» Геніальнаго художника заключили въ тюрьму, гдѣ онъ еще до окончанія своего процесса умеръ отъ тоски. Такимъ образомъ врагамъ удалось благополучно вырвать первое звено изъ цѣпи перикловa существованія. Тогда они перешли къ слѣдующему. Одинъ хитрый и злостный жрецъ, Діопетесъ, отлично умѣвшій бить въ набатъ подъ предлогомъ опасности для религіи, провелъ въ народномъ собраніи законъ о томъ, чтобы всѣ мнѣнія, мало-мальски противныя государственной религіи, преслѣдовались, какъ государственное преступленіе. Стало быть, жрецы уже въ то время умѣли дѣйствовать въ инквизиціонномъ духѣ, и только филлэллины могутъ утверждать и поддерживать заблужденіе, что инквизиція есть изобрѣтеніе спеціально-христіанскаго времени. Греки, и особенно аѳиняне, очень любили доказывать свое религіозное рвеніе посредствомъ процессовъ противъ еретиковъ. Но изобрѣтеніе сжигать еретиковъ живыми «во славу Бога» принадлежитъ уже жрецамъ «религіи любви»... На основаніи вышеупомянутаго, утвержденнаго верховною глупостію, закона противъ еретиковъ, двое изъ самыхъ близкихъ друзей Перикла, музыкантъ Дамонъ и философъ Анаксагоръ, были тогда же обвинены въ атеизмѣ. Первый спасся отъ смерти бѣгствомъ; что касается до сѣдаго философа, то Периклу только съ величайшимъ трудомъ удалось отстоять ему жизнь, но не избавить его отъ ссылки; послѣ этихъ приготовительныхъ дѣйствій партія, для которой геніальность и величіе Перикла служили большою помѣхой, рѣшила, что настало время поразить и его самого, ненавистнаго имъ человѣка. Жалкій кропатель комедій, Гермиппъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Діопейтомъ, потребовалъ Аспазію къ суду присяжныхъ и обвинилъ ее въ двухъ преступленіяхъ: ересп и сводничествѣ честныхъ женщинъ съ Перикломъ. Этотъ послѣдній обвинительный пунктъ былъ весьма хитро разсчитанъ на собранія, которыя бывали въ домѣ Перикла и на которыхъ Аспазія принимала, какъ хозяйка, гостей, состоявшихъ, какъ мы видѣли, отчасти и изъ добродѣтельныхъ замужнихъ женщинъ, вопреки аѳинскому обычаю. Аспазіи, или, вѣрнѣе, Периклу пришлось очень плохо. Онъ, творецъ величія, могущества и великолѣпія Аѳинъ, онъ, полный такого сильнаго и справедливаго чувства собственнаго достоинства, былъ принужденъ, для спасенія любимой женщины, унизиться до того, чтобы умолять присяжныхъ, рыдать передъ ними, вы-

прашивая оправдательнаго приговора. До какой же степени онъ долженъ былъ любить эту женщину!

Теперь враги подвели подкопъ подъ него самого и взорвали эту мину. Человѣка, котораго Ѳукидидъ назвалъ «неподкупнымъ», они осмѣлились обвинить въ мошенническомъ употребленіи громадныхъ суммъ, перешедшихъ черезъ его руки. Онъ побѣдоносно опровергнулъ эту клевету; но всѣ эти подведенные подъ него подкопы мало по малу такъ потрясли его положеніе, что онъ, конечно, былъ очень радъ тому, что въ то самое время, когда возбудились противъ него эти преслѣдованія, неизбѣжность войны со Спартою начала становиться все болѣе очевидною и близкою. Онъ надѣялся, что эта война повлечетъ за собою обстоятельство, которое покажетъ аѳинянамъ, что̀ значитъ онъ для нихъ, и выдвинетъ на сцену задачи, великость и трудность которыхъ заставятъ посредственность и гнусность спрятаться въ свои грязныя норы. Эта надежда не обманула великаго человѣка. Несмотря на то, что впослѣдствіи малодушіе массы снова предоставило просторъ не совсѣмъ безуспѣшнымъ нападеніямъ его враговъ, онъ все-таки снова былъ признанъ своими согражданами за человѣка, «наиболѣе способнаго къ управленію рулемъ государственнаго корабля».

Но скоро смерть унесла его; взрывъ пелопонезской войны онъ пережилъ только двумя годами съ половиной. Послѣдніе дни его были весьма несчастны и плачевны. Лѣтомъ 430 года въ Аѳинахъ началась моровая язва, принадлежащая къ страшнѣйшимъ явленіямъ въ исторіи болѣзней человѣческаго рода. Она проникла и въ семейство Перикла; сначала умеръ его старшій сынъ, потомъ нѣжно любимая сестра. Искреннѣйшіе и преданнѣйшіе друзья тоже падали вокругъ него, но онъ все еще не сгибался подъ бременемъ тяжелыхъ бѣдствій и продолжалъ оставаться неутомимымъ государственнымъ человѣкомъ и полководцемъ. Наконецъ, язва унесла его любимѣйшаго сына Паралоса, и этотъ ударъ смертельно отразился въ его сердцѣ. Скоро послѣ того онъ самъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ (въ 429 году). Друзья приносили къ нему волшебные талисманы, считавшіеся въ народѣ предохранительными средствами отъ смерти, но онъ отстранялъ ихъ съ тоскливо-иронической улыбкой. Такъ умеръ онъ, свободный, свѣтлый и высокій мыслитель. За нѣсколько минутъ передъ смертью, когда друзья, думая, что онъ уснулъ, стали восхвалять его заслуги и подвиги, онъ вдругъ приподнялся и сказалъ: «Вы восхваляете меня за дѣла, которыя удавались и другимъ и въ которыхъ, большею частью, главную роль играетъ счастіе. Но о моемъ величайшемъ и прекраснѣйшемъ подвигѣ

вы ничего не сказали. Этотъ подвигъ состоитъ въ томъ, что по моей винѣ ни одинъ аѳинянинъ никогда не носилъ траура».

Съ этимъ благороднѣйшимъ самовосхваленіемъ на устахъ умеръ Периклъ, и когда онъ умеръ, тогда только ясно поняли его сограждане, чѣмъ онъ былъ для нихъ и что они потеряли въ немъ... Вдовѣ такого человѣка, такого единственнаго въ своемъ родѣ человѣка, было бы прилично почтить вѣчною вѣрностью память великаго мертвеца, и мы считаемъ образъ Аспазіи отвратительно запятнаннымъ тѣмъ, что послѣ смерти великаго Перикла она жила съ скотопродавцемъ Лизикломъ. Правда, намъ говорятъ, что она удивительно развила и образовала этого человѣка; но Периклъ и скотопродавецъ — какая противоположность! Конечно, очень можетъ быть, что Аспазія была бѣдна, и несомнѣнно, что по греческимъ понятіямъ, живые принадлежали не смерти, а жизни.

II

МЕССАЛИНА.

I.

24-го января 41 года христіанскаго лѣтосчисленія, во дворцѣ римскихъ цезарей произошла одна изъ тѣхъ дворцовыхъ революцій, которыя всегда составляли существенную принадлежность самаго неограниченнаго деспотизма. Приверженцы тирановъ становятся палачами ихъ и отмѣчаютъ въ лѣтописяхъ рабства кровавыми чертами убійства тѣ мѣста, на которыхъ одно чудовище пало, чтобы уступить мѣсто такому же, или еще болѣе гнусному чудовищу.

Октавіанъ, помощію лицемѣрія и убійства, благополучно возвелъ себя на императорскій тронъ. Его можно было бы назвать Людовикомъ-Филиппомъ древности, еслибы въ его характерѣ не было одной черты, отсутствовавшей въ государѣ, который съумѣлъ превратить свой мѣщанскій дождевой зонтикъ въ королевскій скипетръ — именно ледяной и безпощадной жестокости. Литература Августова вѣка ясно отражаетъ въ себѣ страшную быстроту паденія римскаго государства. Виргилій, Горацій и Овидій были современниками, а между тѣмъ какая бездна отдѣляетъ перваго отъ послѣдняго! Душу виргиліевой поэзіи составляетъ еще идея о вѣчномъ Римѣ. Мысль о римскомъ всемірномъ владычествѣ служила ему величавою канвою, и тамъ, гдѣ пульсъ его музы бьется одушевленнѣе, чѣмъ когда либо, она облекаетъ эту мысль, какъ

высшее желаніе поэта, въ энергическія слова: «римлянинъ, не забывай о томъ, что тебѣ суждено повелѣвать всѣми народами!»

И милый эпикуреецъ Горацій нигдѣ не проповѣдываетъ скептическаго правила: Nil admirari. Правда, онъ любилъ часто парить на крыльяхъ иронін надъ ничтожностью своего вѣка; но смотря на него, ясно видишь, что онъ испытывалъ чувства нѣкотораго принужденія, когда по должности придворнаго пѣвца, ему приходилось воскурять ѳиміамъ одъ подъ носомъ у Августа. Потому что въ немъ были еще живы преданія республики, и римская идея государства, остававшаяся еще въ его глазахъ великою и стоявшею непзмѣримо выше болота цезаризма, заставляла его молиться: «О, богъ солнца, да не явится передъ тобою ничто болѣе великое, чѣмъ Римъ!»

Напротивъ того, въ Овидіи мы видимъ уже римлянина времени цезарей, живущаго только своими личными интересами и личными пороками. Тутъ все великое и высокое уже забыто, и только въ крайнемъ случаѣ, и то весьма бѣгло, приплетается, какъ чисто стихотворное украшеніе. Высоко-даровитый поэтъ съ несказаннымъ удовольствіемъ копошится въ политической и нравственной гнили своего времени. Неудивительно поэтому, что даже граціознѣйшая элегія его есть только сладострастное изображеніе циническаго положенія и что необузданный учитель «науки любви» составляетъ вопіющую противоположность съ Виргиліемъ и даже съ Горапіемъ и высказываетъ, какъ высшее свое желаніе—смерть въ минуту самаго дикаго чувственнаго опьяненія.

Фундаментомъ римской жизни была съ самаго начала и осталась до самаго конца грубость, и самою рѣзкою характеристической чертою ея надо признать тотъ суровый эгоизмъ, который впослѣдствіи проявился съ такою же непоколебимою дерзостью только у одного народа—англичанъ. Прослѣдите развитіе внѣшней политики Рима и Англіи, и вы повсюду увидите одну и ту же безграничную грубость, замазанную однимъ и тѣмъ же гнуснымъ лицемѣріемъ. Но такъ-какъ римская жизнь, въ своей коренной сущности, была безчеловѣчна, груба и сурова, то влитое въ нее по каплямъ греческое образованіе оставалось постоянно только внѣшнею прикрасою, и это было причиною явленія, которое повторяется вездѣ, гдѣ утонченная культура приходитъ въ соприкосновеніе съ варварствомъ — гніенія прежде зрѣлости. Грубо упоенный чувствомъ своей силы, высокомѣрный, какъ только можетъ быть высокомѣренъ невѣжда, и нахальный, какъ лакей, вдругъ сдѣлавшійся милліонеромъ, римлянинъ обращался съ бѣдною, прекрасною, высоко-образованною и художественно-

развитою Греціею, какъ съ рабынею, или въ крайнемъ случаѣ, какъ съ любовницей, на ласки которой такой важный баринъ удостоивалъ иногда отвѣчать ударомъ хлыста, или пинкомъ. Рабыня отмстила за себя: она разслабила своего тирана.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Римъ деморализировался совершенно тѣмъ же путемъ, какимъ и цивилизовался. Культура была для римлянъ не освѣжительною и крѣпительною ванною, но ложемъ разврата и порока. Въ этомъ заключается причина того удивительнаго или, скорѣе, отвратительнаго обстоятельства, что повелитель міра, Римъ, былъ у себя дома ничтожною сволочью, которую ея цезари топтали ногами, сколько и какъ имъ было угодно. Логическимъ, такъ сказать, послѣдствіемъ предшествующаго порядка вещей было то, что повелѣвавшій вселенною народъ, сливаясь, несмотря на всѣ различія сословій и классовъ, въ одну, лишенную характера и воли, массу, съ рабскимъ низкопоклонствомъ подчинялся повелителямъ, которые, въ опьяненіи своимъ всемогуществомъ, или, какъ Тиверій, обращали циническое презрѣніе къ человѣчеству въ какое-то особенное искусство, или, какъ Калигула и Неронъ, предавались формальному неистовству, или, какъ Клавдій, принимали съ идіотической улыбкой воздававшіяся имъ божескія почести.

Кто, стоя на позолоченныхъ зубчатыхъ стѣнахъ Капитолія, смотрѣлъ оттуда внизъ на Римъ цезарей, тотъ — конечно въ томъ случаѣ, если онъ обладалъ зоркимъ взглядомъ Тацита — не могъ не видѣть за всѣмъ этимъ колоссальнымъ богатствомъ, блескомъ и великолѣпіемъ, чѣмъ былъ Римъ на самомъ дѣлѣ,— не могъ не признать въ немъ всемірную помойную яму, въ которую со всѣхъ концовъ и угловъ земнаго шара стекалось, говоря словами Тацита, «все отвратительное и безстыдное». Здѣсь, на этомъ рынкѣ, куда всѣ земныя страны посылали произведенія своей почвы и промышлености; на этомъ базарѣ, гдѣ выставлялись на показъ всѣ сокровища земнаго шара, въ этомъ громаднѣйшемъ калейдоскопѣ, составленномъ изъ лицъ, цвѣтовъ, одеждъ, религій и пороковъ всѣхъ народовъ, въ этомъ великолѣпномъ сборищѣ храмовъ и дворцовъ, форумовъ, театровъ и термъ, портиковъ, тріумфальныхъ воротъ и статуй, обращенный въ чернь римскій народъ, одѣтый и обутый на счетъ порабощеннаго и раздавленнаго міра, проводилъ свою жизнь, какъ безконечно шумную вакханалію, какъ оргію исполиновъ, въ которой сладострастіе смѣнялось жестокостью и жестокость снова сладострастіемъ,— оргію, гигантская постановка которой, стоившая несмѣтнаго количества денегъ и несмѣтнаго числа человѣ-

ческихъ и животныхъ существованій, производилась въ шумныхъ циркахъ и на дымящихся кровью аренахъ.

Нѣтъ ничего божественнаго и человѣческаго, что̀ не подвергалось бы позорному осмѣянію и гнусному поруганію въ этомъ великолѣпномъ притонѣ разврата, гдѣ животное въ видѣ человѣка перебѣгало, точно бѣшеное, отъ наслажденія къ наслажденію. Тутъ цезари публично вѣнчались съ своими рабами, тутъ цезарши почти такъ же публично возбуждали своихъ сыновей къ кровосмѣшенію. Тутъ щеголяли распутныя женщины въ украшеніяхъ, стоившихъ неисчислимые милльоны; тутъ паяцъ-стипендіатъ, влюбленный въ принцессъ, давалъ знатной сволочи пиръ, на которомъ одно только блюдо стоило шесть тысячъ золотыхъ лундоровъ, потому что состояло изъ самыхъ рѣдкихъ птицъ. Все принимало чудовищные, безумные, непостижимые размѣры, умъ бѣшено изобрѣталъ самыя причудливыя, нелѣпыя, невозможныя вещи. Сладострастіе и порочность проявлялись въ непостижимыхъ, безобразнѣйшихъ формахъ. Между тѣмъ какъ въ амфитеатрахъ тысячи и тысячи гладіаторовъ убивали другъ друга по всѣмъ правиламъ искусства для увеселенія аристократической, плебейской черни, а другія тысячи подставляли свое горло звѣрямъ, привезеннымъ за громадныя деньги изъ отдаленнѣйшихъ пустынь, — во дворцѣ цезарей, превращенномъ въ публичный домъ, подъ розами веселья шипѣли ядовитыя змѣи. Цезарское семейство было какимъ-то отвратительнымъ узломъ, въ которомъ страшно сплетались между собою всевозможные противоестественные пороки, сопровождавшіеся убійствомъ матерей, братьевъ, женъ и дѣтей. Пресыщенность цезарей доводила ихъ до самыхъ нелѣпыхъ и до самыхъ страшныхъ прихотей. Однимъ вдругъ приходила охота глотать распущенный въ уксусѣ жемчугъ; другимъ — ѣздить верхомъ на оленяхъ, кабанахъ, львахъ и тиграхъ; третьимъ — дрессировать для танцевъ носороговъ и крокодиловъ; четвертымъ — иллюминовать свои парки живыми факелами, т.-е. замаскированными въ видѣ факеловъ, вымазанными смолою и горящими людьми; пятымъ — печь пастеты изъ мозга нѣсколькихъ сотенъ страусовъ. Въ театрахъ, въ присутствіи нетолько мужчинъ, но и женщинъ, декламировало, пѣло и плясало такое безстыдство и нахальство, о какомъ мы и понятія себѣ составить не можемъ. Собранныя помощью неслыханнѣйшихъ преступленій богатства расточались осуществленіемъ безумнѣйшихъ прихотей. Тутъ, среди моря, воздвигалась гора; здѣсь, на вершинѣ горы, выкапывалось обширное озеро; тамъ фруктовыя деревья поливались виномъ, тутъ цѣлыя стада овецъ окрашивались пурпурною краскою. Од-

ному гастроному хотѣлось лакомиться рыбой муреной, которую кормили человѣческимъ мясомъ; другой не хотѣлъ ѣсть ничего, кромѣ жаворонковъ; третій требовалъ только соловьиныхъ языковъ и павлиньей печонки.

Въ такомъ обществѣ, жизнь котораго напоминаетъ самые дикіе образы, вызываемые парами опіума, въ этомъ цезарско-римскомъ аду, положеніе и поведеніе женщинъ не могло быть инымъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Римлянки, какъ извѣстно всякому, вообще никогда не стояли на такой низкой степени собственнаго достоинства, на какой находились гречанки, или по крайней-мѣрѣ, онѣ рано и счастливо начали освобождаться отъ опеки. Правда, что древне-римское семейное право предоставляло отцу семейства, какъ владыкѣ, самую неограниченную власть, доходившую даже до распоряженія жизнью и смертью надъ всѣми его родственниками. Но, какъ вообще древне-римскій семейный элементъ, такъ и это право мало-по-малу утратило всю свою силу. Цезарскій Римъ былъ уже настоящимъ раемъ эманципированныхъ женщинъ, если только слово «рай» имѣетъ что нибудь общее съ самымъ необузданнымъ распутствомъ. Существенное содѣйствіе этому явленію оказали перемѣна, происшедшая въ идеѣ брака, и примѣненіе ея на дѣлѣ. Мѣсто строгихъ законовъ о римскомъ бракѣ, въ силу которыхъ жена изъ власти отца переходила во «власть и услуженіе мужа», заступили болѣе свободные законы, заключавшіе въ себѣ весьма важное постановленіе, по которому женщины могли свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, и которое, сверхъ того, предоставляло полный просторъ разводу. Эта разумная форма брака служила однако очень часто только удобнымъ прикрытіемъ чисто распутнымъ цѣлямъ, что̀ особенно развилось во время цезарей.

Чтобы составить себѣ понятіе о противоположности въ нравственности римскихъ женщинъ въ раннее и позднее время, стоитъ только сопоставить съ именами Виргиніи, Волумніи, Корнеліи и Порціи — имена Лидіи, Юліи, Агриппины и Мессалины. Надо сказать однакожъ, что начало испорченности женской нравственности относится къ довольно отдаленнымъ временамъ республики, и нѣтъ сомнѣнія, что роскошь, увеличившаяся по мѣрѣ усиленія могущества и богатства Рима, не могла не оказать растлѣвающаго дѣйствія на женскій полъ. Особенно пагубно вліяли на женскую чувственность циническая живопись и скульптура, а также крайне безцеремонныя циническія представленія. Цѣлый рядъ римскихъ писателей разсказываетъ объ этомъ; самымъ

страшнымъ бичемъ является Ювеналъ, сатира котораго въ цѣломъ является вѣрнымъ отраженіемъ этого изуродованнаго міра.

Во время гражданскихъ войнъ сѣмя утонченной распущенности было уже въ полномъ цвѣту. Какъ безпутные гуляки времени регентства и Людовика XV, напримѣръ кардиналъ Берни и его товарищъ Казанова, особенно любили соблазнять монахинь, такъ римляне времени гражданскихъ войнъ занимались обезчещеніемъ весталокъ. Такія вещи разсказываетъ, напримѣръ, Саллюстій о Катилинѣ, бывшемъ уже въ первой юности самымъ совершеннымъ развратникомъ. Исторія этого человѣка, этого Алкивіада, переведеннаго съ греческаго на римскій языкъ, т.-е. опошленнаго и грубо изуродованнаго, уже одна доказываетъ страшную распущенность римскихъ женщинъ. Уже Саллюстій громко жалуется, что «женщины дешево продаютъ свое цѣломудріе», а болѣе поздній современникъ его Горацій, который самъ тоже не былъ человѣкомъ особенно строгой нравственности, такъ выражается въ своей прекрасной одѣ «Къ римлянамъ»: «Уже въ малолѣтствѣ іоническая дѣвушка учится безстыдпымъ танцамъ; рано знакомится она съ ухищреніями волокитства; едва выйдя замужъ, уже замышляетъ самыя порочныя любовныя интриги; между тѣмъ какъ мужъ ея сидитъ за винною чашей, она бѣжитъ къ молодымъ развратникамъ и недолго выбираетъ между ними того, съ которымъ пускается, въ темнотѣ и безъ свидѣтелей, въ запрещенное сладострастіе. Часто, впрочемъ, оставляетъ она супружеское ложе свѣдома и по желанію своего мужа, и отправляется къ какому нибудь торговцу или испанскому корчмечу, смотря по тому, кто изъ нихъ больше платитъ за позоръ».

Другой, еще болѣе поздній современникъ, Проперцій, бывшій самымъ пламеннымъ пѣвцомъ любви, вторилъ, несмотря на это, строгому порицанію безнравственности своихъ современницъ. Здѣсь въ Римѣ, говоритъ онъ, «здѣсь всѣ жены — вѣроломны; ни одна изъ нихъ не вѣрна какъ Эадна и не цѣломудренна какъ Пенелопа». Совсѣмъ не то слышимъ мы отъ Овидія, появляющагося уже десять лѣтъ спустя. Распущенность римскихъ барынь онъ находитъ весьма милою и совершенно естественною. Онъ говоритъ имъ: «Любите и позволяйте любить себя, красавицы! Цѣломудренна только та, обладать которою не пожелалъ еще никто; а если она не черезчуръ неловка, то сама не замедлитъ предложить свои услуги». Какая страшная нравственная язва должна была свирѣпствовать тамъ, гдѣ поэтъ могъ прямо и весело говорить: «Только необразованный человѣкъ, только деревенскій обломъ, не знающій что̀ значитъ хорошій

тонъ свѣтскихъ людей, можетъ огорчаться невѣрностью своей жены!»...

Таково было время, въ которое разыгрался нижеслѣдующій эпизодъ изъ исторіи римскихъ цезарей. Такова была почва, на которой выросла «Meretrix Augusta» *.

II.

Кай Цезарь Калигула, на тронѣ превратившійся изъ безпутнаго юноши въ яростнаго тигра, впродолженіе трехъ лѣтъ совершалъ всѣ гнусности, какія только можетъ придумать фантазія, обезумѣвшая отъ безграничнаго упоенія преступленіями. И эта омерзительная гнусность тирана до такой степени соотвѣтствовала нравственному упадку его подданныхъ, что извѣстная тигровая острота Цезаря: «о, еслибы у всего римскаго народа была только одна шея!» не должна казаться совершенно неизвинительною.

Теперь, 24-го января 41 года, онъ — человѣкъ уже старый, съ тонкими ножками и огромнѣйшимъ животомъ, съ лысою головою и острою бородкой, съ глубоко-впалыми и зловѣщими глазами—спдѣлъ въ цезарской ложѣ театра, построеннаго подлѣ дворца въ память Августа и Ливіи. По окончаніи представленія, въ 12-ть часовъ дня, цезарь всталъ, и подземнымъ корридоромъ направился во дворецъ къ завтраку. Его дядя Клавдій и тесть Виниціій предшествовали ему, а толпа преторіанскихъ офицеровъ тѣснилась около него въ узкомъ проходѣ, какъ будто для того, чтобы не допускать напора толпы. Калигула остановился и сталъ осматривать мальчиковъ, увезенныхъ силою изъ европейской и мало-азіатской Греціи и притащенныхъ въ Римъ для того, чтобы пропѣть хвалебную пѣснь, сочиненную въ честь Цезаря. Въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ однимъ изъ мальчиковъ, первый камергеръ Каллистъ и преторіанцы Кассій и Сабинъ значительно переглянулись между собою, а когда Калигула снова двинулся, центуріоны незамѣтно начали обнажать мечи. Сабинъ служебнымъ шагомъ подошелъ къ Калигулѣ и спросилъ пароль. «Юпитеръ!» отвѣчалъ Цезарь, вслѣдъ за чѣмъ, Кассій съ крикомъ: «возьми отъ него вотъ это!» разсѣкъ ему подбородокъ. «И это и это!» раздались крики преторіанцевъ — и цезарь упалъ на землю, пораженный множествомъ ранъ. Солдаты германской гвардіи Калигулы слишкомъ поздно прибѣжали спасать его, истребляя въ слѣпомъ бѣшенствѣ все, что попадалось имъ на

* Meretrix — непотребная женщина.

дорогѣ. Заговорщики, желая довершить убійство Калигулы въ его же духѣ, умертвили также его жену и дочь. Одинъ преторіанецъ закололъ императрицу Цезонію, другой — размозжилъ о стѣну голову маленькой принцессы.

Вѣсть о смерти чудовища послужила знакомъ къ жалкому фарсу. Консулы созвали сенатъ въ Капитолій, и этой толпѣ лакеевъ пришла странная мысль снова возстановить свободу и республику въ этомъ непроходимомъ болотѣ порока, гдѣ выборъ могъ быть сдѣланъ только между грубымъ господствомъ меча и ужасами анархіи. Нѣсколько гвардейцевъ положили конецъ этой комедіи, которая, само собою разумѣется, происходила больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Желая воспользоваться общимъ смятеніемъ для грабежа, они пошли во дворецъ и тамъ застали принца Клавдія, дядю убитаго Цезаря. Не въ особенно цезарскомъ положеніи застали они его. Бѣдный, пятидесятилѣтній, глупый заика убѣжалъ тотчасъ послѣ убійства въ отдаленную комнату Гермесова павильона и тамъ спрятался за занавѣскою. Тутъ одинъ солдатъ открылъ его, вытащилъ изъ убѣжища и узналъ въ немъ императорскаго принца.

Знатный кретинъ — потому что это слово, вѣрнѣе всякаго другаго, обрисовываетъ его личность — упалъ къ ногамъ солдата и жалобно сталъ просить пощады у этого человѣка, который, можетъ быть, еще недавно пасъ свиней на берегахъ Рейна или Дуная. Но «варваръ» почтительно поднялъ жалкаго просителя и привѣтствовалъ его «императоромъ». Затѣмъ, онъ призвалъ своихъ товарищей, которые посадили на носилки новаго цезаря, сфабрикованнаго простымъ солдатомъ, и понесли его чрезъ весь городъ въ гвардейскій лагерь. А въ это время сенатъ занимался тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаются такія конституціонныя собранія, когда ихъ охватитъ духъ «либерализма» — именно, фразами. Но когда на слѣдующій день гвардейцы, получивъ отъ заики Клавдія обѣщаніе выдать имъ на водку по 750 серебряныхъ монетъ на человѣка, формально провозгласили его «императоромъ города и земнаго шара», тогда исчезла мысль о всякомъ сопротивленіи, и рабская толпа, которую составляли римскіе граждане, привѣтствовала съ громкими ликованіями новаго повелителя.

III.

Нельзя сказать, чтобъ Клавдій былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ цезарей; но несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ глупыхъ, несмотря на то, или именно потому, что обла-

далъ, такъ-сказать, ученостью. Отца его, Друза Германика, Ливія родила черезъ три мѣсяца послѣ своего выхода замужъ за Октавіана Августа, и неизвѣстно, отъ этого ли послѣдняго, или отъ своего перваго мужа, Тиверія Нерона, у котораго вырвалъ ее Октавіанъ. Друзъ, преждевременная смерть котораго была большимъ несчастіемъ для Рима и большимъ счастіемъ для Германіи, женился на Антоніи, дочери Марка-Антонія и Октавіи и, стало быть, внучки Августа; третьимъ ребенкомъ его отъ этого брака былъ слабый, болѣзненный Клавдій, на котораго уже въ дѣтствѣ вся семья смотрѣла, какъ на дурачка. Его мать, обыкновенно, говорила о немъ, какъ объ «уродцѣ, котораго природа сшила только на живую нитку», и когда она желала упрекнуть кого-нибудь въ идіотичности, то говорила, что этотъ человѣкъ еще глупѣе ея сына Клавдія. Еще презрительнѣе, если это возможно, обращалась съ золотушнымъ мальчикомъ его бабушка Ливія, а что касается его дѣдушки Августа, то онъ особенно любилъ дѣлать бѣднаго Клавдія мишенью своихъ насмѣшекъ. Существуютъ письма отъ него къ Лидіи, въ которыхъ онъ называетъ принца «дефектомъ по душѣ и тѣлу, болваномъ и кретиномъ».

Изъ этого явствуетъ, что цезарскій санъ нашелъ себѣ въ Клавдіи не особенно достойнаго и блестящаго представителя. Уже самая фигура маленькаго «дефекта», бывшаго и въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ постоянною жертвою различныхъ болѣзней, была отнюдь не цезарская. Его длинное и сутуловатое туловище едва-едва сидѣло на тоненькихъ ножкахъ, вслѣдствіе чего походка его была, говоря словами тогдашнихъ историковъ, какимъ-то гнуснымъ шатаніемъ. Говорилъ онъ, безпрестанно запинаясь. Подагрическое дрожаніе его тѣла, гнойливый носъ и слюнявый ротъ дѣлали его въ полномъ смыслѣ слова отвратительнымъ. Въ гнѣвѣ, и вообще въ взволнованномъ состояніи, онъ становился совершеннымъ чудовищемъ.

Идіотъ по уму, новый цезарь былъ педантъ по образованію. Онъ прилежно упражнялся въ сочинительствѣ на латинскомъ, и еще болѣе на греческомъ языкѣ, писалъ изслѣдованія «О Тирѣ и Карѳагенѣ», составилъ книгу объ игрѣ въ шахматы, былъ силенъ въ цитатахъ, увеличилъ римскую азбуку тремя буквами своего изобрѣтенія и заставлялъ ликторовъ публично читать его историческія сочиненія, терпѣливое выслушиваніе которыхъ доказывало, конечно, въ сильной степени преданную покорность его вѣрноподданныхъ. Силенъ былъ онъ и въ дѣлѣ управленія государствомъ; такъ, напримѣръ, разъ, въ одинъ и тотъ же день, онъ обнародовалъ двадцать указовъ, въ числѣ которыхъ одинъ повелѣвалъ вѣрноподданнымъ «хорошенько обма-

зать смолою бочки къ предстоящему сбору винограда», а другой — «объявлялъ всѣмъ и каждому, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ укушенія змѣи служитъ сокъ кактусова дерева». Такое же усердіе выказывалъ онъ въ исполненіи судейскихъ обязанностей, и какъ прежде, еще бывши принцемъ, онъ служилъ потѣхою для своей семьи, такъ и теперь, въ качествѣ предсѣдателя суда, являлся предметомъ увеселенія всѣхъ адвокатовъ. Одинъ грекъ, имѣвшій процессъ, разгорячился однажды даже до того, что во время защиты своего дѣла, крикнулъ цезарю въ судѣ: «ты старый оселъ!», а въ другой разъ, неправильно-обвиненный римскій всадникъ пустилъ ему въ голову аспидной доской и грифелемъ.

Главными чертами въ характерѣ Клавдія Светоній выставляетъ малодушіе и подозрительность, съ которыми весьма хорошо совмѣщалась и жестокость, приписываемая ему тѣмъ же писателемъ. Онъ любилъ присутствовать при казняхъ, и изученіе мимики умирающихъ на аренахъ гладіаторовъ служило для него пріятнымъ развлеченіемъ. Сверхъ того, онъ былъ страшный обжора и до крайней степени сладострастенъ. Изъ этихъ всѣхъ прекрасныхъ свойствъ образовалась уздечка, на которой окружающіе вели цезаря-идіота, бывшаго — по словамъ Діона — «повелителемъ Рима и римской имперіи, и въ то же время полнымъ рабомъ». Въ новой исторіи фигурируетъ лицо, очень похожее на римскаго цезаря Клавдія: это Іаковъ I Стюартъ, заикающійся, слюнявый, отвратительный, трусливый идіотъ.

IV.

Надо сознаться, что при всѣхъ такихъ свойствахъ, Клавдію трудно было сдѣлаться любимцемъ женщинъ, но весьма легко — ихъ посмѣшищемъ и игрушкой. Его брачныя попытки оканчивались весьма жалкимъ образомъ. Первой своей невѣстѣ, Эмиліи Лепидѣ, онъ долженъ былъ отказать по приказанію Августа; вторая невѣста, Ливія Медулина, умерла въ день, назначенный для свадьбы. Женившись потомъ на Плавціи Ургуланилѣ, онъ развелся съ нею послѣ того, какъ она родила ему сына Друза и дочь Клавдію, дѣйствительнымъ отцомъ которыхъ былъ, однако, одинъ вольноотпущенный. Второй бракъ его съ Эліей Петиной былъ еще короче; послѣ того, какъ она родила дочь Антонію, онъ развелся съ нею, вслѣдствіе ея «позорнаго распутства». Послѣ этого, женился онъ на своей племянницѣ Валеріи Мессалинѣ, которая родила ему дочь Октавію и сына Британика, и сдѣлала уже и безъ того достаточно рогатаго цезаря римлянъ —

цезаремъ всѣхъ рогоносцевъ. Соединившись съ оберъ-камергеромъ Калистомъ, оберъ-библіотекаремъ Полибіемъ, первымъ секретаремъ Нарцисомъ и главнымъ казначеемъ Палласомъ, Мессалина совсѣмъ забрала въ руки ученаго идіота. Императоромъ сдѣлалась императрица.

Хороша была эта женщина, хороша — какъ грѣхъ, обольстительна — какъ сладострастно-знойная лѣтняя ночь, упоительна — какъ волшебный напитокъ, полна кипучаго ума и обаятельной прелести. Пожирающая чувственность составляла радость и мученіе ея жизни. Чисто демонская натура, она съ презрительнымъ смѣхомъ переступила всѣ предѣлы женственности и человѣчественности, и съ неслыханною смѣлостію задрапировалась, такъ-сказать, въ свое безпримѣрное безстыдство. Все, что роскошная азіатская миѳологія разсказываетъ о Семирамидѣ, — Мессалина обратила въ историческую дѣйствительность. Здѣсь природа, по одной изъ своихъ странныхъ прихотей, создала олицетвореніе распутства, а судьба, по такой же странной прихоти, посадила это созданіе на всемірный тронъ. И какъ холодная жестокость, такъ и демоническій умъ соединились въ этомъ прелестномъ чудовищѣ для того, чтобы довершить ея сходство съ Теодорою Византійской. Но глядя съ ужасомъ на этихъ женщинъ, мы не можемъ удержаться отъ невольнаго состраданія, говорящаго намъ, что этотъ неугасимый огонь ихъ темперамента былъ ничто иное, какъ слѣдствіе болѣзненности ихъ организма.

Такимъ образомъ, загадочность характера Мессалины можно еще кое-какъ объяснить физіологическимъ путемъ. Но для психилогическаго объясненія его, у насъ нѣтъ надлежащаго ключа. Безъ сомнѣнія, Тацитъ наглядно представилъ бы намъ въ 9-й и 10-й книгѣ своихъ анналъ постепенное развитіе Мессалины; но извѣстно, что эти книги, вмѣстѣ съ двумя предшествующими, пропали. Эту потерю не замѣняютъ намъ ни трудолюбивый, но бездарный Светоній, ни безцвѣтный маляръ Діонъ, а что касается Ювенала, то онъ, какъ всѣмъ извѣстно, рисуетъ намъ не путь, которымъ шло развитіе характера Мессалины, а уже совсѣмъ готовое, вполнѣ сформировавшееся, распутство.

Конечно, не совершенно непонятно, какъ и какимъ образомъ она могла сдѣлаться такою, какою мы видимъ ее. Въ Римѣ Клавдія и въ женѣ Клавдія должны были быстро развиться зародыши демонически-злаго начала. Передъ нами молодая, прекрасная женщина съ огненнымъ темпераментомъ, воспитанная, какъ слѣдуетъ полагать, весьма небрежно, безъ малѣйшаго понятія о нравственности, дерзкая и высокомѣрная, жаждущая наслажденій и власти, жена «повелителя міра», который, въ ея

обворожительныхъ рукахъ, мнется и растягивается, какъ воскъ... Что жь удивительнаго въ томъ, что, разъ отвѣдавъ одуряющаго напитка, она захотѣла осушить чашу до дна? Она видѣла, что цѣлый міръ блеска и роскоши, грѣха и преступленія брошенъ въ жертву ея прихотямъ и желаніямъ, и какъ тигрица устремилась на него, сгарая жаждою осуществить безумнѣйшее стремленіе фантазіи, уже задолго до того и насквозь пропитанной ядомъ. Да, какъ тигрица, потому что сладострастіе и жестокость являются въ Мессалинѣ соединенными какъ сіамскіе близнецы, и вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ этой «meretrix Augusta», какъ назвалъ ее необыкновенно мѣтко и вѣрно Ювеналъ, видны тѣ граціозныя и зловѣщія свойства тигра, которыя отталкиваютъ и въ то же время заколдовываютъ, давая жертвамъ только тогда понять всю страшную опасность, когда изъ нихъ уже высосаны кровь и мозгъ костей.

V.

Можно съ достовѣрностью сказать, что Мессалина была главное лицо, направлявшееe слабую руку Клавдія къ безпрестаннымъ убійствамъ. Истребленіе древней римской аристократіи, начатое Августомъ по принципу, продолженное Тиверіемъ систематически, и Калигулою — вслѣдствіе безумной кровожадности, не прекращалось и при Мессалинѣ. Тридцать сенаторовъ, триста-пятнадцать всадниковъ и безчисленное множество другихъ гражданъ были казнены въ это царствованіе. Мотивомъ главнѣйшихъ убійствъ было ненасытное желаніе императрицы безпрестанно мѣнять предметы своихъ чувственныхъ наслажденій. Любовь, если позволительно злоупотребить здѣсь этимъ словомъ — любовь этой женщины была смертельна такъ или иначе. Горе тому, кто поддавался ея обольщеніямъ, и горе тому, кто сопротивлялся имъ! Ея ненависть убивала, ея расположеніе пятнало и уничтожало.

Принцесса Юлія, одна изъ внучекъ Тиверія, прежде невѣста Сеяна, а теперь жена Марка Виниція, подала Мессалинѣ двойной поводъ къ ненависти. Принцесса весьма замѣтно сближалась съ своимъ дядей Клавдіемъ, и Мессалина не желала подчинить своего идіота-мужа вліянію женщины прекрасной и въ то же время пользовавшейся отнюдь не строгой репутаціей; въ то же время она сама желала обладать Виниціемъ. Поэтому Мессалина обвинила Юлію передъ Клавдіемъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, при чемъ главнымъ сообщникомъ ея выставляла философа Сенеку, и принудила цезаря приговорить его племян-

ницу сперва къ изгнанію, а потомъ къ смертной казни. Когда же послѣ этого бѣдный Виницій отказался отъ предложенія Мессалины — она отравила его. Затѣмъ мы видимъ ея жертвою Аппія Силана, весьма почтеннаго человѣка, котораго Клавдій сдѣлалъ своимъ приближеннымъ и женилъ на Лепидѣ, матери Мессалины. Въ императрицѣ вдругъ загорѣлось желаніе обладать своимъ отчимомъ, и она предложила ему себя. Но почтенный и добродѣтельный Силанъ не хотѣлъ понимать ни намековъ ея, ни опредѣлительныхъ объясненій. Мстительная Мессалина тотчасъ же составила заговоръ съ секретаремъ Нарциссомъ, и Клавдій, по самому нелѣпому обвиненію, велѣлъ казнить Силана. Далѣе проходитъ передъ нами красавецъ и любимецъ публики, балетный танцоръ Мнестеръ, бывшій прежде любимымъ мальчикомъ Калигулы и теперь насильно сдѣлавшійся любовникомъ Мессалины — въ полномъ смыслѣ слова насильно, потому что опытный танцоръ, ясно сознавая опасность этого новаго положенія, съ большою неохотою согласился на безстыдное предложеніе императрицы. Но она одно время до такой степени плѣнялась имъ, что рѣшительно ни на шагъ не отпускала отъ себя и формально держала въ заперти во дворцѣ. Это возбудило громкій ропотъ въ многочисленныхъ любителяхъ балета, и самъ рогоносецъ Клавдій, которому не смѣли сообщать о скандальныхъ похожденіяхъ его супруги, боясь дикой ярости Мессалины, не мало удивлялся тому, что Мнестеръ не показывался на театральныхъ подмосткахъ. Невообразимо-комична была, конечно, та сцена, когда, однажды, въ театрѣ публика обратилась къ цезарю съ вопросомъ: отчего Мнестеръ пересталъ танцовать — и Клавдій отвѣчалъ, что самъ не знаетъ отчего, что онъ тутъ ни причемъ, и никуда (въ этомъ онъ поклялся) не спряталъ плясуна...

Пресыщенный и возмущенный видомъ этого общества, бывшаго, по словамъ современника его, Сенеки, ничѣмъ инымъ, какъ «сожительствомъ дикихъ звѣрей», — взоръ отдыхаетъ немного на знаменитомъ эпизодѣ Петуса и Арріи, который, подобно зеленому острову, всплываетъ на этомъ бездонномъ болотѣ. Въ государствахъ, гдѣ деспотизмъ доведенъ до такой безумной степени, заговоры и покушенія принадлежатъ къ числу средствъ не только позволительныхъ, но и законно-необходимыхъ, потому что они — единственное противодѣйствіе дикой тиранніи. Поэтому, на заговоръ, составленный двумя римскими аристократами, Аппіемъ Виниціаномъ и Фуріемъ Камилломъ, съ цѣлью ниспроверженія господства Клавдія, т.-е. Мессалины, мы должны смотрѣть какъ на истинно-патріотическое дѣло. Но это

не удалось, главнымъ образомъ, потому, что солдаты Камилла, которыхъ онъ успѣлъ привлечь на свою сторону, отказались повиноваться ему, какъ только онъ объявилъ имъ о предстоявшемъ, по его плану, установленіи республиканскаго правленія; солдаты возроптали, говоря, что съ учрежденіемъ республики исчезнутъ для нихъ дни праздности и благосостоянія. Камиллъ, оставленный и преданный, самъ лишилъ себя жизни. Точно такъ же поступилъ Виниціанъ. Остальные заговорщики сдѣлались жертвами неумолимаго преслѣдованія, при чемъ Мессалина и ея первый сообщникъ, секретарь Нарциссъ, поспѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы предать смерти или изгнанію множество ненавистныхъ или неудобныхъ для нихъ лицъ, хотя эти послѣдніе и не участвовали въ заговорѣ. Клавдій, который велъ себя малодушнымъ негодяемъ впродолженіе этихъ нѣсколькихъ дней мнимой опасности, не затруднялся конечно нацарапывать подъ всѣми кровавыми приказами развратной тигрицы свое цезарское «fiat». Консулу Петусу Цецинѣ, одному изъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ заговорщиковъ, было приказано самому лишить себя жизни. Ужасъ объялъ его въ послѣднюю минуту; рука не подымается. Тогда жена его Арія хватаетъ мечъ своего мужа, вонзаетъ его въ свою грудь, потомъ вытаскиваетъ его изъ раны и протягиваетъ мужу съ словами: «видишь, милый Петусъ, это не больно!» Ободренный такимъ геройскимъ примѣромъ, онъ поступаетъ точно такъ же и умираетъ. Сбѣжавшіеся люди унимаютъ кровотеченіе Аріи, перевязываютъ ея рану, хотятъ спасти ее. Но она говоритъ: «я слѣдую за своимъ супругомъ!» и когда ея зять спрашиваетъ ее: «стало быть, ты бы хотѣла, чтобы и твоя дочь умерла вмѣстѣ со мною, еслибъ меня постигла такая же участь?»—она отвѣчаетъ: «да, еслибы ты жилъ съ нею такъ же дружно и долго, какъ я съ Петусомъ». За нею внимательно слѣдили, но однажды она вдругъ соскочила съ кровати и размозжила себѣ голову объ стѣну. Послѣднія слова ея были: «развѣ я не говорила вамъ, что непремѣнно найду дорогу къ смерти?»

VI.

Между тѣмъ Мессалина дошла до послѣдней, до невообразимой степени распутства. Постоянно занятая удовлетвореніемъ собственной ненасытности, она въ то же время не забывала высокомѣрно трунить надъ своимъ идіотомъ-супругомъ: сама она проводила ночи въ оргіяхъ съ любовниками, а мѣсто ея въ супружеской опочивальнѣ, по ея же приказанію, заступали двѣ

публичныя женщины, Клеопатра и Калпурнія. Этого мало: не столько изъ желанія прикрывать свой собственный позоръ опозориваніемъ другихъ женщинъ, сколько вслѣдствіе какой-то демонической склонности губить другихъ, Мессалина, превративъ цезарскій дворецъ въ публичный домъ, заставляла дамъ высшаго круга, въ присутствіи ихъ мужей, нарушать супружескую вѣрность и на гнуснѣйшихъ оргіяхъ спорить съ самыми распутными женщинами о «пальмѣ разврата», которую, однако, не могла отнять у нея самой, — какъ свидѣтельствуетъ Плиній — ни одна изъ отчаяннѣйшихъ блудницъ.

Но и это еще не все. Повременамъ ей приходила охота погружаться въ грязь самаго пошлаго и грубаго распутства. Комфортабельность — говоря словами Тацита — ея преступныхъ наслажденій надоѣла ей, и она предалась «неслыханному пороку». Часто ночью оставляла она дворецъ и, уходя въ одинъ изъ безсчисленнаго множества публичныхъ домовъ, исполняла тамъ за деньги, подъ именемъ Лициски, должность служительницы Венеры Vulgivaga. Этотъ «неслыханный порокъ» Ювеналъ, современникъ ея, описалъ въ самомъ страшномъ мѣстѣ своей страшной шестой сатиры. Слова его — самое гнусное, что только когда нибудь говорилось о женщинѣ, и то, что описывается въ нихъ, конечно, не выдумано, потому что изобрѣсть такія вещи невозможно.

Среди этихъ безпримѣрныхъ гнусностей Мессалина предавалась «новой, граничащей съ бѣшенствомъ, страсти». Эта страсть, предметомъ которой былъ Кай Силій, «красивѣйшій юноша Рима», составила одну изъ самыхъ романическихъ главъ всемірной исторіи, описать которую иначе какъ словами Тацита было бы дерзко и смѣшно... Для того, чтобы завладѣть новоизбраннымъ любовникомъ, Мессалина заставила его отвергнуть его жену, Юнію Силану. Красавецъ Силій былъ, однако, какъ видно, весьма дюжинный человѣкъ; онъ понималъ всю гнусность и опасность этого дѣла, но, «увѣренный въ своей погибели въ случаѣ сопротивленія и въ большихъ выгодахъ въ случаѣ согласія, утѣшился тѣмъ, что рѣшился выжидать будущее и наслаждаться настоящимъ». Мессалина съ своей стороны щеголяла своею новою связью съ самою нахальною торжественностью. Къ новому любовнику, котораго она осыпала деньгами и почестями, ходила она не тайно, а съ большою свитой, самымъ параднымъ образомъ.

Но и этого мало. Чудовищной женщинѣ захотѣлось сдѣлать то, чему еще никто, никогда не былъ свидѣтелемъ: ей захотѣлось, еще при жизни идіота-мужа, вступить въ законный бракъ

съ любовникомъ... Разсказывая объ этомъ, Тацитъ и самъ признаетъ баснословнымъ, чтобы въ Римѣ, человѣкъ, занимающій высокій постъ, могъ въ извѣстный день, при свидѣтеляхъ, явиться къ подписанію брачнаго контракта съ женою Цезаря, — чтобы эта чета исполнила обрядъ обрученія и принесла обычную жертву богамъ и чтобы, наконецъ, послѣ торжественнаго, многолюднаго пира, бракъ былъ совершенъ во всей формѣ. Но строгій историкъ положительно увѣряетъ, что все это почерпнуто имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ и что онъ сообщаетъ только фактъ. Точно также баснословнымъ и въ то же время, съ точки зрѣнія характера Мессалины, не невѣроятнымъ представляется разсказъ Светонія, что Мессалина, въ припадкѣ безумно-дерзкаго юмора, пожелала, чтобы самъ Клавдій подписалъ, въ качествѣ свидѣтеля, ея брачный контрактъ съ Силіемъ, и что идіотъ дѣйствительно исполнилъ это желаніе, когда ему объяснили, что это все дѣлается нарочно для отвращенія бѣды, которая грозила ему, судя по множеству признаковъ.

VII.

Но тутъ дѣло вдругъ разразилось катастрофой, потому что преступница увидѣла себя оставленною своими сообщниками. Три камергера или министра (не знаешь право, какъ именно назвать этихъ амфибій-придворныхъ) — Каллистъ, Паллассъ и Нарциссъ смотрѣли на ходъ этой комедіи Силія и Мессалины съ постоянно возраставшими испугомъ и подозрительностью, и когда совершился брачный обрядъ, они и всѣ ихъ приверженцы не безъ основанія стали опасаться, что Мессалина возведетъ своего любовника на тронъ, и тогда ихъ или прогонятъ, какъ людей лишнихъ, или отправятъ туда, гдѣ «невидно дневного свѣта». Отъ Мессалины, конечно, этого можно было ожидать; но три вышеупомянутыхъ господина были слишкомъ опытные, слишкомъ ловкіе и слишкомъ рѣшительные негодяи, чтобы позволить дѣлу зайти слишкомъ далеко. Правда, Каллистъ и Паллассъ желали, чтобы сперва была сдѣлана попытка оттолкнуть Мессалину отъ Силія; но Нарциссъ, видя, что дѣло подвигается впередъ слишкомъ быстро и что тутъ нельзя тратить время на дипломатическіе переговоры, тотчасъ же принялся устроивать погибель своей повелительницы, на которую онъ началъ съ этихъ поръ смотрѣть какъ на своего врага.

Однажды Клавдій отправился въ Остію на одну изъ тѣхъ религіозныхъ церемоній, которыхъ такое множество было изобрѣ-

тено или отвсюду заимствовано римскимъ духовенствомъ. Этимъ отсутствіемъ кретина Мессалина захотѣла воспользоваться для того, чтобы истою вакханкою, въ безумной оргіи, отпраздновать сборъ винограда вмѣстѣ съ Силіемъ и всѣми своими друзьями. Но и Нарциссъ не терялъ случая. На пути въ Остію онъ привлекъ на свою сторону обѣихъ любовницъ цезаря, Калпурнію и Клеопатру, и указалъ имъ роль, которую онѣ должны были играть въ осуществленіи его плана. Роль эта состояла въ томъ, чтобы немедленно объявить цезарю, что его цезарскую голову украсили рогами самымъ неслыханнымъ образомъ. И вотъ, послѣ того, какъ Клавдій совершилъ въ Остіи торжественное жертвоприношеніе, Калпурнія вдругъ бросилась къ его ногамъ съ крикомъ: «Свершилось чудовищное дѣло! Твоя супруга Мессалина вступила въ формальный бракъ съ Каемъ Силіемъ!» Клеопатра подтвердила эту новость, и ошеломленный цезарь, запкаясь сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, велѣлъ позвать къ себѣ Нарцисса. Камергеръ является, перечисляетъ глубоко-изумленному запкѣ всѣ прегрѣшенія его супруги и заключаетъ слѣдующими словами: «Прости, о государь, что я, ради сохраненія твоего спокойствія, такъ долго скрывалъ отъ тебя развратную жизнь Мессалины. Я не видѣлъ въ этомъ никакой опасности до тѣхъ поръ, пока твоя жена довольствовалась такими любовниками, какъ Веттій, Плавтій и т. п. Но связь съ Силіемъ — дѣло совсѣмъ иного рода. Узнай, о государь, что ты теперь — разведенный супругъ. Народъ, сенатъ и войско были свидѣтелями брака Мессалины съ Силіемъ, и если ты не поторопишься дѣйствовать, новый мужъ твоей супруги сдѣлается обладателемъ столицы и имперіи...» Само собою разумѣется, что жалкій цезарь повелъ себя при такихъ обстоятельствахъ самымъ жалкимъ образомъ. Онъ плакалъ, стопалъ, запкался и не зналъ, за что приняться; наконецъ Нарциссъ и призванный этимъ послѣднимъ генералъ Люцій Гета научили его, что̀ дѣлать, т.-е. что̀ онъ долженъ былъ предоставить дѣлать другимъ.

А въ это время, въ Римѣ, оргія Мессалины была въ полномъ разгарѣ. Цезарша празднуетъ вакханалію, превосходя саму себя въ утонченности разврата. Виноградные тиски трещатъ, изъ огромныхъ чановъ струится пурпурный сокъ. Женщины, покрытыя только пантеровыми кожами, ликуютъ и пляшутъ. Сама Мессалина, распустивъ длинные черные волосы, несется съ тирсомъ. Рядомъ съ ней Силій, увѣнчанный плющемъ, на котурнахъ, точно опьянѣлый слушаетъ восторженные звуки вакхическаго хора. Наконецъ, повинуясь сумазбродной прихоти, одинъ изъ гостей взлѣзаетъ на высокое дерево и на вопросъ:

«что ты видишь тамъ наверху?» отвѣчаетъ: «бурю, приближающуюся отъ Остіи».

Были эти слова предчувствіемъ или только случайною шуткою, которую обстоятельства скоро превратили въ пророчество? Вѣроятнѣе предположить, что въ нихъ заключалось первое, основанное на тайномъ извѣстіи, объявленіе о бурѣ, которая дѣйствительно собралась въ это время въ Остіи. Простая шутка не могла бы подѣйствовать какъ громовой ударъ. А дѣйствіе этихъ словъ было именно таково; пирующіе быстро разсыпались во всѣ стороны. Изъ всѣхъ этихъ мессалинцевъ, включая въ то число и Силія, изъ всѣхъ этихъ людей, которые такъ смѣло составили планъ дворцовой революціи, ни одинъ не попытался отвратить опасность. Ни одинъ не подумалъ объ оборонѣ и оружіи; въ такомъ позорномъ малодушіи погрязъ этотъ римскій міръ! Схваченные преторіанцами, товарищи и сообщники Мессалины, съ Силіемъ во главѣ, были казнены на слѣдующій день.

Мессалина уѣхала въ свою виллу, въ лукулловомъ паркѣ. Оттуда она выпросила себѣ у старшей весталки согласіе ходатайствовать за нее у императора, и затѣмъ, вооружившись смѣлостью, отправилась въ Остію, чтобы ласками и лестью обморочить идіота-мужа. Но теперь ей, этой женщинѣ, всемогущей еще за нѣсколько часовъ, предшествовалъ уже тотъ чумный, всѣхъ разгоняющій, запахъ, который носится отъ падающихъ или упавшихъ труповъ. Въ сопровожденіи только трехъ человѣкъ, вѣроятно рабовъ, она протащилась пѣшкомъ черезъ весь городъ, а выйдя за ворота, обрадовалась и тому, что могла сѣсть въ жалкую телегу, служившую для вывоза сору и нечистотъ. Въ этомъ экипажѣ двинулась она на встрѣчу цезарю, возвращавшемуся изъ Остіи. «Никто не выказывалъ ни состраданія къ ней, ни участія, потому, что гнусность ея поведенія оттолкнула всѣхъ прежнихъ приверженцевъ ея». Въ переводѣ эти слова значутъ: счастливой и могущественной преступницѣ можно было прощать самыя ужасныя дѣла; внезапно павшей съ высоты счастія и могущества не хотѣли простить ничего.

Еслибъ этой павшей женщинѣ удалось поговорить съ Клавдіемъ на дорогѣ между Римомъ и Остіею, она, безъ всякаго сомнѣнія, привлекла бы его на свою сторону и погубила бы всѣхъ своихъ обвинителей. Нарциссъ хорошо зналъ это и поэтому ни на шагъ не отпускалъ отъ себя Клавдія: дорогу въ столицу онъ совершилъ съ цезаремъ въ однихъ носилкахъ. Когда Мессалина очутилась передъ императорскимъ поѣздомъ и уже издалека стала кричать, что цезарь долженъ выслушать мать Британника и Октавіи, то камергеръ принялся кричать еще

сильнѣе, назвалъ ее женою Силія и подалъ Клавдію письменный реэстръ ея преступленій. Педантъ-цезарь, для котораго всякій пергаментный свертокъ былъ вещью первой важности, усердно погрузился въ это чтеніе. Нарциссъ приказалъ поѣзду скорѣе двинуться впередъ, и такимъ образомъ эта встрѣча оказалась для Мессалины неудачною. Точно также, вслѣдствіе стараній Нарцисса, остались безуспѣшными въ Римѣ попытки тронуть сердце цезаря видомъ его дѣтей, просящихъ за мать, и ходатайство старшей весталки. Весталка, ходатайствующая за Мессалину—весьма недурное дополненіе всей этой картины!

Однако Мессалина, возвратившаяся снова въ Лукулловъ паркъ, не теряла надежды — и дѣйствительно, имѣла право надѣяться — восторжествовать надъ слабостью императора. Она нашла средства и пути для передачи ему просьбъ, въ которыхъ ловкая женщина затрогивала всѣ струны, какими только можно было подѣйствовать на идіота. И онѣ, дѣйствительно, подѣйствовали, потому что однажды цезарь, плотно пообѣдавъ и еще плотнѣе выпивъ, приказалъ пойти къ «несчастной» и объявить ей, что на слѣдующій день онъ выслушаетъ ея оправданіе. Нарциссъ въ ту же минуту побѣжалъ и объявилъ караульнымъ офицерамъ, что цезарь приказалъ немедленно казнить Мессалину рукою вольноотпущенника Эвода. Эводъ, въ сопровожденіи одного трибуна, немедлено отправился въ паркъ. Тутъ онъ засталъ жену цезаря лежавшею на полу; подлѣ нея сидѣла ея мать, Лепида, бывшая съ нею въ ссорѣ во время ея могущества и счастія и теперь явившаяся къ ней съ участіемъ и состраданіемъ. Лепида утѣшала дочь и совѣтовала ей: «умереть приличною (т.-е добровольною) смертью, такъ-какъ ей во всякомъ случаѣ предстояло умереть». Но Мессалина не была способна на благородное самоотверженіе и отвѣчала только безплодными жалобами и слезами на увѣщанія матери. Въ это время вошли къ ней трибунъ и вольноотпущенникъ; первый стоялъ безмолвно, второй началъ осыпать ее самою грубою бранью. Тутъ, наконецъ, цезарша поняла, что для нея не осталось никакой надежды, взяла кинжалъ и начала робко проводить лезвіемъ его по шеѣ и груди; трибунъ избавилъ ее отъ труда, глубоко вонзивъ кинжалъ. Клавдію объявили за обѣдомъ, что Мессалина умерла. Онъ не спросилъ, какимъ образомъ это случилось, но потребовалъ вина и продолжалъ кушать съ обычнымъ апетитомъ.

* *
*

(По прочтеніи книги Бокля «Исторія цивилизаціи»).

Былъ мракъ. По временамъ, во мракѣ этомъ,
То здѣсь, то тамъ вдругъ вспыхивалъ костеръ,
Чтобъ освѣтить на мигъ кровавымъ свѣтомъ
Фигуры мрачныхъ иноковъ. Ихъ взоръ,
Воспламененный вѣрою, ихъ лица,
Изнеможденныя молитвой и постомъ,
Свѣтились радостью зловѣщей, и десница
Грозила въ даль распятьемъ, какъ мечомъ.
Дымъ ѣлъ глаза, и проникая въ груди,
Захватывалъ дыханье палачамъ,
И задыхаясь въ немъ, вопили люди:
«Смерть чародѣямъ и еретикамъ!»
И твердой поступью, съ улыбкою прощенья,
Всходили на костры «еретики»
И гибли въ пламени за дѣло просвѣщенья,
Отъ закоснѣлой въ варварствѣ руки.
Истлѣлъ костеръ — смирялася тревога,
Ночь грозная спускала свой покровъ,
Казалось — солнце умерло у Бога
И никогда уже не встанетъ вновь!...

И шли года, и шли столѣтья мимо,
Толпами жглись въ огнѣ еретики
И изъ-подъ пепла ихъ взошли незримо,
Какъ-будто чудомъ взросшіе листки
Младенческаго дерева свободы.
Ихъ не ростила бережно любовь —
Огонь далъ жизнь, питали ихъ невзгоды
И поливала праведная кровь.
Такъ медленно взошло, росло и крѣпло,
И покрывалось пышною листвой

То деревцо, возставшее изъ пепла
Героевъ свѣта, побѣжденныхъ тьмой.
И тщетно въ бѣшенствѣ пытались изувѣры
Свершить надъ нимъ свой грозный приговоръ —
Кровавыя безсильны были мѣры:
Не бралъ огонь его, не бралъ топоръ!
И не нашлось того титана въ мірѣ,
Кто бъ истребить его могъ до корней:
Разъ павъ, оно вставало вновь и шире
Раскидывало сѣть своихъ вѣтвей.
И глядя съ ужасомъ на знаменія вѣка,
Вѣщали жалкіе слѣпцы: Содомъ, Содомъ!
Хоть небеса, по зову человѣка,
Не разражались огненнымъ дождемъ.
Все было тщетно; грозные перуны,
Что нѣкогда смерть за собой несли,
Шипѣли, какъ ослабленныя струны,
И страхъ вселить къ себѣ ужь не могли.
И развернувши стягъ свой надъ землею,
Сталъ разумъ человѣческій съ тѣхъ поръ
Въ ея дѣлахъ верховнымъ судіею
И страшенъ сталъ его лишь приговоръ.

Расти жь, цвѣти, о дерево свободы,
Крѣпчай въ борьбѣ противу всѣхъ невзгодъ,
И осѣнивъ собою всѣ народы,
Даруй имъ твой благословенный плодъ —
Даруй имъ миръ!...

М.

КЪ МОЕЙ ТАИНСТВЕННОЙ НЕЗНАКОМКѢ.

Еще въ тѣ дни, когда на жизненный порогъ
Ступилъ впервые я нетвердою стопою —
Въ дни юношескихъ сновъ, порывовъ и тревогъ,
Туманный образъ твой носился предо мною,
И грезилась ли мнѣ ты жертвою нѣмой,
Иль грознымъ мстителемъ своихъ нѣмыхъ страданій—
Казалось, я знакомъ былъ разъ уже съ тобой,
Полузабытою въ ряду воспоминаній.
Увы! съ тѣхъ поръ ушло немало грустныхъ дней
И скрылось многое передъ померкшимъ взоромъ,
Но образъ твой все живъ еще въ душѣ моей
И все таинственнымъ еще подернутъ флеромъ...
Ахъ, сколько-сколько разъ, терзаемый тоской,
Я звалъ на свѣтъ его изъ сумеречной дали,
И сколько разъ потомъ, поникнувъ головой,
Склонялся на землю, въ безмолвіи печали!
Порой казалось мнѣ, что внявъ моей мольбѣ,
Ты приближаешься... Съ ликующей душою,
Объятья простиралъ и рвался я къ тебѣ —
Но то лишь тѣнь твоя мелькала предо мною!..
О, призракъ мой таинственный! Когда-жь,
Откинувъ свой покровъ волшебно-идеальный,
Ты подойдешь ко мнѣ, и руку мнѣ подашь,
И къ груди трепетной прижмешь твой ликъ печальный?
Иль сила тайная невидимо легла
Бездонной пропастью на вѣки между нами,
И никогда, увы, до твоего чела,
Не прикоснуться мнѣ горячими устами?
Иль будетъ вѣчно ждать душа моя тебя,
И въ образѣ твоихъ неясныхъ очертаній,
Вотще преслѣдовать лишь тѣнь самой себя,
Лишь отблескъ собственныхъ страданій?

М.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ МѢСЯЦЪ.

Какъ разлитыя чернила
Наша ночь была черна, —
Вдругъ надъ лѣсомъ очень мило
Вышла на небо луна;

Поплелася еле-еле,
Но, споткнувшись на пути,
Съ той поры она доселѣ
Собирается взойти.

И взойдетъ ли — мы не знаемъ;
Время будто замерло,
Распахнувъ надъ сонным краемъ
Неподвижное крыло...

Сонмы силъ живыхъ и крѣпкихъ!
Побѣдите эту блажь,
Отъ верхушекъ лѣса цѣпкихъ
Оторвите мѣсяцъ нашъ!...

Все онъ тотъ же; ночь все та же
Да и мы, для красоты,
Въ томъ же глупомъ пейзажѣ
Въ тѣхъ же позахъ заперты...

Алексѣй Жемчужниковъ.

ГАЗОВЫЙ СВѢТЪ И ДНЕВНОЙ СВѢТЪ.

ЛОНДОНСКІЯ СЦЕНЫ.

Джорджа Саля.

I.

ВИСѢЛЬНАЯ УЛИЦА.

«Ghetto» назначенъ для жительства евреевъ, «Фаналъ» для греческихъ купцовъ, «Cannebière» для марсельскихъ лодочниковъ, «Montagne Sainte Geneviève» для ветошниковъ, улица «Holywell» назначается для продавцевъ стараго платья, «Чэнсери-Лэнъ» для адвокатовъ, «Пятая аллея» для высшихъ классовъ, а Висѣльная Улица—для воровъ. Они живутъ тамъ, когда бываютъ въ городѣ.

Конечно, это безобразное названіе для улицы, и еще безобразнѣе то обстоятельство, что улица должна быть вертепомъ воровъ; но—это существуетъ на самомъ дѣлѣ, хотя бы и подъ небольшимъ покрываломъ воображаемой живописности, чтобъ ни чьи нѣжныя чувства не оскорблялись. Висѣльная улица и воры, воры и Висѣльная улица—существуютъ столь же открыто и гласно, какъ полуденное солнце.

Висѣльная улица находится только въ пяти минутахъ разстоянія отъ конторы «Household Words». Она расположена въ предѣлахъ вѣдѣнія полицейской караульни и полицейскихъ судовъ Боу-Стрита,—въ границахъ обычныхъ прогулокъ богачей съ улицы Страндъ, гдѣ стоятъ и банкирскіе дома, и церкви, и Экзетеръ-Голлъ. Она недалеко отъ единственнаго, оставшагося у насъ національнаго театра, гдѣ слуги королевы, какъ должно предполагать, каждую ночь представляютъ вѣрное изображеніе дѣйствительности. «Veluti in speculum» можно,

впрочемъ, написать съ бо́льшею основательностью надъ входъ въ улицу висѣльниковъ, чѣмъ надъ авансценой театра; потому что порокъ и его картины можно видѣть здѣсь во всякій часъ дня и ночи: зрѣлище поучительное. Висѣльная улица смежна съ той мѣстностью, гдѣ юристы имѣютъ свою камеры, и гдѣ засѣдаютъ «суды справедливости». Адвокатъ изъ Линкольнсъ-Иннъ можетъ доѣхать до Висѣльной улицы въ какія-нибудь десять минутъ и увидать, какое прекрасное дѣльце выкраивается тамъ для центральнаго уголовнаго суда; а обитатель Висѣльной улицы,—если ему лѣнь воровать въ этотъ день, — можетъ сходить въ Линкольнсъ-Иннъ, гдѣ увидитъ лорда великаго канцлера, который засѣдаетъ въ судѣ и говоритъ, что ему нужно время для разсмотрѣнія того маленькаго дѣла, которое уже разыгрывается не многимъ менѣе 17-ти лѣтъ: это также зрѣлище поучительное. Сама королева, много разъ въ теченіе сезона, когда ей вздумается послушать пѣніе артистовъ королевской итальянской оперы, бываетъ на разстояніи выстрѣла изъ лука отъ Висѣльной улицы. Концы наглазниковъ ея сытыхъ, прекрасныхъ лошадей съ атласистой кожей бываютъ видны съ улицы висѣльниковъ; оборванные молодые воры сбѣгаются оттуда посмотрѣть на ея карету съ гербами; и еслибы одинъ изъ нарядныхъ лакеевъ,—въ сюртукахъ, обшитыхъ галунами, въ большихъ, трехъугольныхъ шляпахъ и въ золотыхъ подвязкахъ—рискнулъ получить нѣсколько брызговъ грязи на шелковые чулки, или немного луку на напудренную голову, или нанести кратковременное насиліе своему утонченному обонянію, то онъ съ большей пользой для себя провелъ бы свободные четверть часа въ улицѣ висѣльниковъ: провелъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, лучше, чѣмъ онъ проведетъ ихъ, услаждаясь пивомъ въ трактирѣ на Боу-Стритѣ. Онъ увидѣлъ бы здѣсь многое. Онъ, вѣроятно, былъ бы освобожденъ отъ палки съ золотымъ набалдашникомъ, а также и отъ платка, и отъ галунныхъ снурковъ, и отъ пуговицъ съ короной; по возвращеніи домой, онъ могъ бы разсказать сержанту, или пажу-тѣлохранителю, или придворному чистильщику сапоговъ, или джентльмену-конюху о тѣхъ интересныхъ мѣстахъ, которыя онъ посѣтилъ. Можетъ случиться, что объ этомъ услышалъ бы и лордъ великій камергеръ. Наконецъ, это, можетъ, дошло бы до ушей ея величества. Не въ первый ли разъ, хотѣлъ бы я знать? Извѣстно ли что-нибудь объ улицѣ висѣльниковъ и ея отчаянномъ населеніи въ дворцовомъ Пимлико? Быть можетъ; вѣдь у самого этого дворца находятся другія улицы, полныя вертеповъ, и вертепы, полные воровъ. Надувательная улица, Цѣпной рядъ, Дартмурская терраса и Большая Отпускная улица, на-

ходятся около улицы Викторіи въ Вестминстерѣ; изъ верхнихъ оконъ Бокингемскаго дворца можно любоваться всѣми излучинами этихъ любопытныхъ мѣстностей.

Я додумался до того, что воръ долженъ гдѣ-нибудь жить. Онъ человѣкъ, какъ и всѣ мы. Его голова также обладаетъ и черепомъ, и лобною костью, и можжечкомъ, и затылкомъ, хотя она и покрыта мѣховою шапкою и украшена Ньюгетскими наушниками—вмѣсто бархатной шляпы съ жемчугомъ и листьями земляники. Воръ,—оборванный, порочный, развратный, покинутый, отчаянный бродяга; но у него есть и сердце, и печень, и легкія: онъ чувствуетъ жаръ лѣтняго солнца и зимній морозъ. Если вы его раните,—изъ него закапаетъ кровь; если ударите—онъ будетъ кричать, если повѣсите—онъ задохнется, если пощекочете—онъ засмѣется. Для него потребны покой, пища, кровъ; я не говорю, что онъ ихъ заслуживаетъ, но онъ долженъ ихъ имѣть, какъ и самый лучшій гражданинъ, платящій подати. Свирѣпость, безчестіе—состояніе ненормальное. Левъ не можетъ всегда ревѣть, медвѣдь не можетъ всегда мять въ лапахъ добычу, и если вы только не желаете сдѣлать изъ каждаго вора caput luminum и пристрѣлить его на мѣстѣ, гдѣ встрѣтите, то сами признаете, что онъ долженъ все-таки имѣть свой вертепъ, нору или уголъ, свой кусокъ говядины или дикой козы. Онъ человѣкъ, и имѣетъ стадныя наклонности; отсюда произошла и улица висѣльниковъ. Если вы оставите свободную нору, лисицы придутъ и поселятся въ ней; если вы допускаете накопляться кучѣ сору, то навѣрное въ ней заведутся мыши и насѣкомыя; если вы не будете прикасаться метлой къ угламъ вашего потолка, пауки возведутъ тамъ свои постройки; если вы не станете чистить водосточныя трубы, крысы будутъ въ нихъ праздновать въ свою волю; и если вы довольны присутствіемъ гнили и грязи въ сердцѣ «несравненнаго» города, если вы можете терпѣть на краю своей королевской мантіи грязную бахрому; если ваши законы говорятъ: грязь, ты составляешь учрежденіе! Отребіе человѣчества, общество тебя признало! Невѣжество, ты нашъ братъ! если вы учреждаете и поддерживаете, и украшаете воровскую кухню съ такою же заботливостью и предосторожностью, какъ будто бы это была дипломатическая миссія въ имперію ашантіевъ или какое-нибудь привиллегированное мѣсто, или коммиссіонерство для помощи бѣднымъ, отчего же ворямъ не придти и не жить тутъ? Что̀ представляетъ бо́льшій соблазнъ—существованіе самаго дома, зараженнаго гадами, или беззаботность прислуги, которая допустила послѣднихъ накопиться тамъ? Улица Висѣльниковъ, безъ сомнѣнія — соблазнъ; существованіе ея—величайшій стыдъ; но самое суще-

ствованіе ея на половину не такъ соблазнительно и постыдно какъ постыдно то, что правительственныя лица, обитающія въ Армидиномъ саду, допускаютъ выростать этой дурной травѣ; что они, зѣвая, соорудили вспомогательные дома для развитія преступленія и невѣжества, и устроили оранжерею въ каждой тюрьмѣ и теплицу въ каждой Висѣльной улицѣ. Конечно, они могутъ сказать, что не ихъ дѣло вмѣшиваться: одни изъ нихъ, однакожь, вмѣшиваются, чтобъ затруднить дѣло національнаго воспитанія; другіе вмѣшиваются, чтобъ создавать балованныхъ лицемѣровъ въ роскошныхъ тюрьмахъ.

Я замѣчалъ, что главный доводъ полиціи предъ судебною властью, когда дѣло идетъ о закрытіи грошоваго театра или убогаго танцовальнаго или концертнаго зала, или пивной лавочки, состоитъ въ томъ, что мѣсто это служитъ притономъ ворамъ и самымъ вреднымъ личностямъ. Но, добрѣйшіе господа суперинтенденты и инспекторы, проницательные и практическіе люди, куда же идти ворамъ? Что они будутъ дѣлать въ поздніе часы? Развѣ Кларендонъ для нихъ открытъ? Развѣ они встрѣтятъ хорошій пріемъ въ священной Гармоніи? Развѣ ихъ имена вписаны въ списокъ посѣтителей домашнихъ обѣдовъ у Гаррика или Карльтона? Нѣтъ, вы не захотите видѣть никого изъ нихъ даже въ своихъ тюрьмахъ или понтонахъ, но выталкиваете вонъ съ билетами на свободный пропускъ немедленно послѣ того, какъ они обманули капеллана притворнымъ раскаяніемъ, или, какъ только вы успѣли пробарабанить надъ ними всю свою азбуку исправительныхъ мѣръ.

Куда же они пойдутъ? Куда они *могутъ* идти? «Куда!» отзываются, какъ эхо, 656 дремлющихъ въ Армидиномъ саду личностей, пробуждаясь отъ внезапнаго страха. «Какое, однакожь, ужасное мѣсто эта улица висѣльниковъ! Право, мы когда-нибудь соберемся провести билль объ ея уничтоженіи; но между тѣмъ, никогда, — нѣтъ, никогда, — не допустимъ и мысли, чтобъ двинуть пальцемъ для искорененія воровъ или воровства, чтобъ ступить хотя на шагъ улитки для истребленія того плодовитаго сѣмени, изъ котораго рождается преступленіе, — сѣмени, которое разносится и выставляется на показъ столь же открыто, какъ рододендроны или ранункулы въ маленькихъ черныхъ бумажныхъ сумочкахъ на Ковентгарденскомъ рынкѣ; это сѣмя мы, закрывъ глаза и въ полуснѣ настаивая на охраненіи зла, продолжаемъ разбрасывать по полямъ щедрою рукою; мы потратили милліоны на паровые плуги карательныхъ законовъ, и на патентованныя молотильныя машины тюремной дисциплины, и на усовершенствованныя бороны законодательства, и на принудительное осушеніе,

и на уголовные способы удобренія, — все это для того, чтобъ успѣшнѣе вырастить прекрасную жатву висѣльниковъ.

Зачѣмъ о, джентльмены! солить негодный огурецъ, подкладывать къ нему масло и перецъ, когда надо просто выкинуть за окно сѣмена? Повѣсьте хоть завтра же всѣхъ воровъ въ Висѣльной улицѣ, и чрезъ недѣлю мѣсто ихъ будетъ уже занято новыми ворами.

Мѣсто создано ворами, а не воры мѣстомъ. Кто вздумаетъ теперь строить новую тюрьму Флитъ, когда личное задержаніе отмѣнено? Развѣ не заложена теперь кирпичомъ государственная тюрьма «измѣнниковъ-посягателей», когда самыхъ приговоровъ о гражданской смерти не существуетъ болѣе? Развѣ великолѣпная карета лорда-мэра не будетъ сломана и продана для обращенія въ мусоръ, чрезъ мѣсяцъ послѣ уничтоженія самой должности лорда-мэра? Въ такой мѣстности, какъ Висѣльная улица, вовсе не было бы надобности, еслибъ не существовало воровъ, которымъ надобно жить въ ней; и пока образуются рекруты для воровской бригады, казармы Висѣльной улицы будутъ открыты, и система ея заселенія будетъ процвѣтать.

Близь скуднаго рынка, наполненнаго порченными растительными продуктами, окруженнаго питейными домами, видпѣется узкая, скользкая, дурно-вымощенная, вонючая, отвратительная на видъ улица; въ домахъ ея находится множество траничныхъ магазиновъ, лохмотныхъ лавочекъ, лавочекъ, гдѣ продается жареная рыба; дома съ отвратительными, лишенными дверей крыльцами, ведущими на черныя, гнилыя лѣстницы, или на грязные задніе дворы, гдѣ гнѣздится развратъ, и обитаетъ лихорадка, подобно дворовой собакѣ въ пыльныхъ закоулкахъ; окна въ этихъ домахъ разбиты, бо́льшая часть ихъ открыта, какъ бы показывая отчаянную рѣшимость со стороны несчастныхъ жильцовъ схватить, наконецъ, какую-нибудь случайно-урвавшуюся полоску чистаго свѣта и воздуха: это Висѣльная улица. Кто изъ мужчинъ, кромѣ воровъ, — какія женщины, кромѣ самыхъ горемычныхъ, — закабаленныхъ въ услуженіе, но любящихъ своихъ грубыхъ супруговъ, — живутъ здѣсь? Стоило бы показать Висѣльную улицу тѣмъ молодымъ лэди и джентльменамъ, которые представляютъ себѣ новѣйшихъ воровъ кутилами, носящими драгоцѣнности, пышно разодѣтыми, содержащими кабріолеты и серали, и если спросить зоркаго суперинтенлента X. и практическаго инспектора Z., гдѣ водятся подобные, надменные представители воровства? Если опытные чиновники не захотятъ притворяться, то они засмѣются вамъ въ глаза, и скажутъ, что теперь вовсе нѣтъ подобныхъ представителей. Конечно, есть воры хорошо одѣтые, есть воры грандіозныхъ размѣровъ, хорошо образованные, свѣтскіе люди, —

люди разсудительные осторожные, живущіе въ роскоши,—по одиночкѣ, по два и по три. Но воръ, взятый, какъ родовое понятіе, бываетъ невѣжественный, грубый, скотскій, безхитростный, расточительный, несмотря на все свое воровское искусство. Онъ всегда прячетъ голову въ песокъ, подобно глупому страусу; послѣ большаго грабежа, онъ старается укрыться тамъ, гдѣ это невозможно, въ Висѣльной улицѣ, и, конечно, сейчасъ же попадаетъ въ лапы проницательному X. или практическому Z. Воръ бываетъ до послѣдней степени неосмотрителенъ. Его чистые заработки безконечно малы по отношенію къ громадности его воровства. Лавки воровскихъ вещей и объѣдковъ дисконтируютъ его векселя. Онъ насыщается требухой и общипаннымп кусками мяса. Онъ пьетъ настоенное опіумомъ пиво и джинъ съ терпентиномъ. Онъ платитъ пятьсотъ процентовъ лишка за квартиру, одежду и пищу. Его грабятъ свои же товарищи, потому что и между ворами не всегда соблюдается честность. Воръ столь же часто бываетъ вынужденъ воровать для насущнаго хлѣба, какъ и для добыванія средствъ удовлетворять своимъ развратнымъ наклонностямъ. Нѣтъ занятія тяжелѣе воровства. Приходится цѣлые часы терпѣливо наблюдать, ждать, ходить взадъ и впередъ, обращаться въ бѣгство, прятаться, подвергаться опасности, утомляться до изнеможенія, и за это, нерѣдко, получать въ итогѣ прибыли только три полпенни. Нервы вора всегда напряжены въ высшей степени; у него нѣтъ праздниковъ; онъ всегда бѣгаетъ отъ кого-нибудь, всегда кого-нибудь ищетъ, или его самого ищутъ. Воръ похожъ на одержимаго смертельною болѣзнью, на человѣка, который, страдая болѣзнью сердца, знаетъ, что онъ вдругъ зашатается и упадетъ; воръ также знаетъ, что ему угрожаетъ сильный аневризмъ, что апоплексія ареста должна поразить его; онъ не знаетъ только когда. Напиваясь пьянымъ, онъ забываетъ иногда объ этомъ неотступномъ призракѣ; но онъ увѣренъ, что когда-нибудь этотъ призракъ явится,—призракъ въ глянцовитой шляпѣ, съ числомъ и буквой на воротникѣ и съ ручными кандалами въ карманѣ.

Я не буду описывать пространно Висѣльную улицу, я совѣтую всякому заглянуть туда самому, и собственными глазами увидать камни, дождевыя канавы, лохмотья, вывѣшенныя подобно знаменамъ, и несчастныхъ, блѣднолицыхъ обитателей: у нѣкоторыхъ мужчинъ лица опухли отъ водки, у женщинъ — отъ ушибовъ, а у иныхъ мужчинъ и женщинъ — отъ того и другого. Днемъ довольно безопасно ходить по Висѣльной улицѣ, то-есть вы достаточно ограждены отъ личнаго насилія. Конечно, если вы хорошо одѣты, то будете ограблены; но ночью вамъ лучше

вовсе избѣгать этихъ мѣстъ, хотя полисмены и ходятъ тутъ дозоромъ, а экипажи мѣщанства и аристократовъ, покровительствующихъ театрамъ, иногда стоятъ у верхняго конца улицы.

Въ теченіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ, я ознакомился съ этимъ Тартаромъ; и хотя я спеціально путешествую по различнымъ городамъ и посѣтилъ, съ коварными умыслами, самые жалкіе притоны полдюжины европейскихъ столицъ, но никогда не обращалъ большаго вниманія на Висѣльную улицу. Я зналъ, что это притонъ воровъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ на ея невзрачныхъ, съ бычачьей шеей, толстогубыхъ обитателей, и застегивалъ плотнѣе карманы своего пальто, когда долженъ былъ чрезъ нее проходить. Впослѣдствіи, однакожь, мнѣ пришлось ближе познакомиться съ любопытной улицей, и интересно то, что мое болѣе близкое знакомство съ этимъ пріютомъ разврата произошло по поводу изящныхъ искусствъ.

Мой другъ Паундбрёшъ, знаменитый, но непризнанный артистъ, тотъ, который рисуетъ греческіе храмы, египетскія пирамиды, восточные кіоски, панорамы Средиземнаго моря и бомбардированіе Малахова кургана, производитъ многія тысячи ландшафтовъ и истрачиваетъ много квадратныхъ футовъ холста въ большой мастерской, нарочно устроенной для этой цѣли въ самой срединѣ Висѣльной улицы. Какъ господа Дебльтай и Ковер-флэтсъ, образованные директоры этого громаднаго предпріятія по части живописи, могли избрать улицу висѣльниковъ мѣстомъ своихъ занятій, кажется, съ перваго раза, совершенно непонятнымъ; быть можетъ, плата за помѣщеніе оказалась умѣренною, или мѣсто удобнымъ, или центральнымъ по отношенію къ другимъ улицамъ. Какъ бы то ни было, артисты окружены ворами и справа, и слѣва, и спереди; цѣлые дни слышны ругательства и божба.

Подъ покровительствомъ Паундбрёша я недавно имѣлъ много случаевъ проникнуть въ самыя жилища воровъ Висѣльной улицы. Внутренность этихъ жилищъ вовсе не трудно разсмотрѣть; окна домовъ, какъ я сказалъ, бо́льшею частью отперты. Сверхъ того, бо́льшая часть дневныхъ занятій совершается обитателями на улицѣ. Они ѣдятъ на улицѣ, пьютъ, дерутся, курятъ, поютъ и, если удастся, воруютъ также на улицѣ. Очень любопытное зрѣлище представляется человѣку, стоящему у окна мастерской моего пріятеля. Повернитесь спиной къ дѣятельнымъ живописцамъ, которые занимаются прекраснымъ, возвышающимъ человѣка искусствомъ, забавляются цвѣтами и плодами, солнечными ландшафтами и красивыми архитектурными произведеніями, и

потомъ обратите взоры на осадокъ человѣчества. Господи Владыко! Что̀ мы дѣлали, чтобъ дойти до такого зрѣлища! Взгляните въ мрачныя ямы, замѣняющія комнаты, на кучи лохмотьевъ, гдѣ спятъ оборванныя существа, послушайте, какія проклятія произносятъ тутъ мужчины, посмотрите, какъ они бьютъ жалкихъ, жалкихъ женщинъ!

Во время нѣкоторыхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ послѣдніе дни надъ ворами въ ихъ домашней жизни на Висѣльной улицѣ, я пришелъ къ заключенію, что воръ также человѣкъ и что онъ долженъ и ѣсть, и пить, и спать; я считаю долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что подмѣтилъ даже маленькую черточку человѣчности въ ворѣ и притомъ, человѣчности самого деликатнаго свойства. Недавно, въ часъ пополудни, по Висѣльной улицѣ шелъ слуга изъ ближней ресторація (проходъ по улицѣ въ направленіи къ сѣверо-западу всегда соединенъ съ большими затрудненіями и опасностью для трактирныхъ слугъ), и несъ въ рукахъ одну изъ тѣхъ красивыхъ пирамидъ, состоящихъ изъ оловянныхъ блюдъ съ кушаньемъ и картофелемъ, которыя только трактирные слуги могутъ держать зъ равновѣсіи, тѣмъ болѣе, что содержатели ресторацій отпускаютъ эти сосуды чрезвычайно горячими. Воръ, проходившій той же дорогой, воръ еще молодой, вѣроятно неопытный, новичокъ въ Висѣльной улицѣ, неусвоившій еще ея воровскаго этикета, осторожно пошелъ вслѣдъ за трактирнымъ слугой и уже готовъ былъ схватить блюдо, лежавшее на верхушкѣ пирамиды, съ намѣреніемъ опрокинуть ее всю, разбросать кушанья и удалиться, захвативъ что̀ можно. Я съ тревогой ожидалъ результата. Два или три полунагихъ мальчика и голодная собака самой непривлекательной наружности, внимательно слѣдили за тѣмъ, что̀ происходило. Гнусная цѣль молодаго вора была почти уже достигнута, когда вдругъ появился на мѣстѣ дѣйствія другой рослый воръ, Голіаѳъ съ черными бакенбардами. Понявъ намѣреніе юнаго грабителя, онъ внезапно швырнулъ его въ нору, и такимъ образомъ, пропустилъ безъ всякаго вреда слугу съ его соблазнительной ношей; потомъ грубо потрясъ юношу и вскричалъ: «Что̀ ты хотѣлъ дѣлать, глупецъ? Развѣ не знаешь, что это несутъ въ рисовальную мастерскую!»

Что̀ это такое было? Уваженіе къ искусству, или, въ самомъ дѣлѣ, и у воровъ можетъ существовать извѣстная степень честности, и въ этой Висѣльной улицѣ возможна какая нибудь затаенная добрая черта?

III.

ПЯТЬ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. ТЮРЕМНАЯ ПОВОЗКА.

Около пяти часовъ пополудни, лэди и джентльмены, которые, чрезъ посредство мистера Галля, мистера Джардина и мистера Генри (судей, получающихъ жалованье), улаживши свои маленькія разногласія съ правосудіемъ, увозятся въ тѣ пригородныя мѣста, гдѣ имъ высшей властью признается необходимымъ пробыть опредѣленное время, какъ для ихъ собственнаго здоровья, такъ и въ интересахъ общественныхъ. Повозка, въ которой везутъ этихъ людей къ мѣсту временнаго уединенія, обладаетъ различными названіями; одни изъ нихъ техническія, другія — просто юмористическія. Нѣкоторые называютъ ее «экипажемъ ея величества», основываясь на томъ, что на наружной сторонѣ кареты нарисована корона и начальныя буквы «V. R.». Болѣе колкіе шутники называютъ ее «гробомъ Долгаго Тома». Полиція и газетчики, для краткости, зовутъ ее просто «повозкой». Въ этой повозкѣ преступники, которые въ теченіе дня были приведены предъ полицейскій судъ на Боу-Стритѣ, препровождаются въ разные исправительные дома и тюрьмы, какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ, гдѣ должны подвергнуться различнымъ срокамъ заключенія или тяжкой работы, къ которымъ были приговорены.

Иногда судебное засѣданіе происходитъ поздно и повозка не можетъ отправиться ранѣе половины шестаго; но все-таки пять часовъ обычное время отъѣзда изъ Боу-Стрита этого громаднаго, чернаго, блестящаго, раздѣленнаго на отдѣленія омнибуса, запряженнаго двумя сильными, здоровыми лошадьми. Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи кучера, полисмена, кондуктора, который помѣщается въ уютной, маленькой будкѣ. Это—тюрьма на колесахъ, перипатетическій смирительный домъ, подвижной понтонъ. Преступники, находящіеся въ самой тюрьмѣ и внѣ тюрьмы, смотрятъ на «повозку» съ нѣкоторымъ ужасомъ, неприкрашеннымъ примѣси удивленія, и по своему обыкновенію воспѣли ее въ тѣхъ своеобразныхъ звукахъ балладной поэзіи, которыми издавна отличаются лондонскіе мошенники. Въ этой знаменитой коллекціи неблагопристойныхъ поэмъ въ родѣ «Дрюриленской гирлянды», съ достойной прибавкой «Сэма Голля», «Тюрьмы графства», «Вотъ семь лѣтъ какъ я сталъ воровать», я нашелъ балладу на тему о позорной повозкѣ Боу-Стрита; приведъ ея слѣдующій:

«Пою вентиляторъ, отдѣльную келью,
Длинную, и мрачную, и жаркую:
Пою замкнутыя двери,—выскочи коли можешь:
Тамъ, у стѣны арестантской повозки, сидитъ «*давитель*».

«Давитель» или полисменъ тамъ дѣйствительно находится, не только въ маленькой наружной будкѣ, о которой я упомянулъ, но и въ узкомъ проходѣ между отдѣленіями, на которыя раздѣлена внутренность повозки. Обязанность перваго полисмена состоитъ въ томъ, чтобъ наружная дверь была прочно заперта; послѣдній долженъ наблюдать, чтобъ не было сообщенія между пассажирами карательнаго омнибуса ни чрезъ отверстія на верху кареты, ни посредствомъ многозначительнаго постукиванья въ стѣнки раздѣляющихъ ихъ перегородокъ.

Когда наступаетъ часъ отъѣзда, тротуаръ и мостовая Боу-Стрита покрываются избранной публикой изъ круга оборванцевъ и отрепышей-мошенниковъ, воровъ, бѣдняковъ, пьяницъ и публичныхъ женщинъ, извергнутыхъ позорными окрестностями Друри-Лена, и едва-ли менѣе позорнымъ округомъ Ковентъ-Гардена; все это валитъ въ переулокъ, который, два часа спустя, будетъ оглашаться стукомъ экипажей съ благородными лордами и лэди, ѣдущими слушать несравненную Бозіо (увы!) въ «Травіатѣ», или упиваться восхитительными нотами Тамберлика въ «Отелло». Лондонъ наполненъ поражающими контрастами, но этотъ контрастъ, можетъ быть, самый поучительный во всемъ ихъ причудливомъ каталогѣ. Смотрите, сторожъ, сидящій въ будкѣ, сошелъ съ своего сидѣнья, и патентованнымъ ключомъ отворилъ входъ въ повозку, гдѣ видна вторая внутренняя дверь. Пассажиры, назначенные для непріятнаго путешествія, устремляются изъ дверей суда, по ступенькамъ, къ повозкѣ.

У однихъ на руки наложены оковы, другіе просто сложили руки или съ угрюмо-презрительнымъ видомъ засунули ихъ въ карманы; иные отъ стыда прикрываютъ лица грязными ладонями. Тутъ есть и женщины и мужчины, голодныя швеи и безстыдныя развратницы въ пестрыхъ нарядахъ. Тутъ и отвратительные старики, и дѣти съ недѣтскими лицами. Тутъ есть отрепыши, которые рады идти въ тюрьму, какъ въ мѣсто, гдѣ у нихъ, по крайней-мѣрѣ, будетъ кусокъ хлѣба и постель; тутъ и отважные воры въ лоснящихся шляпахъ и широкихъ брюкахъ, застегнутыхъ по швамъ. Тутъ есть люди, которые отправляются въ тюрьму въ первый разъ; есть и такіе, которые отправляются туда въ пятидесятый. Одного за другимъ ихъ скорѣе вталкиваютъ, чѣмъ сажаютъ въ повозку. Оборванная толпа испускаетъ тихое, насмѣшливое восклицаніе, дверь со стукомъ захлопывает-

ся, полисменъ-кондукторъ запирается въ своей будочкѣ и тюремная повозка отправляется въ путь.

Фарисей благодарилъ небо, что онъ не таковъ, «какъ этотъ мытарь». Становитесь на колѣни, хорошо-воспитанные, образованные, сытые и одѣтые молодые люди, и благодарите что вы не похожи на одного изъ этихъ жалкихъ мытарей, которые только что уѣхали въ тюремной повозкѣ. Но благодарите небо посмиреннѣе. Перемѣна воспитанія, смерть родителей, одна изъ многихъ тысячъ случайностей, осаждающихъ жизнь, могла низвергнуть васъ въ глубину бѣдствій и нужды, безстыдства и преступленія, среди которой выросли эти созданія, и вы, вмѣсто того, чтобы съ благимъ состраданіемъ смотрѣть на это зрѣлище, могли бы, со скованными руками, катиться въ той самой подвижной чумной больницѣ до станціи «Тюрьма», стоящей на полудорогѣ, или даже свершить весь путь, кончающійся «Висѣлицей».

III.

ДЕСЯТЬ ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА. — ПРЕНІЯ ВЪ БЕЛЬВЕДЕРѢ.

Существуетъ ли на цѣломъ свѣтѣ, какъ цивилизованномъ, такъ и нецивилизованномъ, народъ, состоящій изъ такихъ закоренѣлыхъ ворчуновъ, какъ англичане? Мы ворчимъ на все. Насъ двадцать-пять милліоновъ медвѣдей, постоянно одержимыхъ раздраженіемъ. Обременяетъ ли насъ лишній шестипенсовый налогъ на постель, не дожарена ли наша баранья котлета, или намъ не по вкусу черепаховый супъ; опоздалъ ли поѣздъ желѣзной дороги, или недостаточное количество хмѣлю положено въ наше пиво, терзаетъ ли нашъ слухъ странствующій итальянецъ въ то время, когда мы стараемся разрѣшить седьмую задачу изъ первой книги Эвклида, или какой-нибудь издатель, или редакторъ не хочетъ возвратить нашу рукопись съ поэмами или фарсами, покупаемъ ли мы шелковую матерію, девять десятыхъ которой оказываются состоящими изъ шерсти, или взвели на насъ небылицу сборщики подоходнаго налога (*они* утверждаютъ, что я получаю тысячу фунтовъ въ годъ, я же говорю, что только 150, между тѣмъ такой разницы въ мнѣніяхъ не должно бы быть и т. п.) — во всѣхъ этихъ случаяхъ мы немедленно беремся за перо, чернила и бумагу, и сочиняемъ письмо въ «Times», ниспосланное свыше прибѣжище для легіона ворчуновъ. Что̀ такое наши публичные митинги, какъ не организованныя арены ворчанья? Что̀ такое наши «руководящія» статьи воскресныхъ газетъ, какъ не лишній удобный предлогъ къ ворч-

чанью, послѣ того, какъ мы уже ворчали всю недѣлю? Кажется, Горасъ Мэгью, въ своихъ «Образцовыхъ мужчинахъ и женщинахъ», разсказываетъ о какомъ-то трактирномъ слугѣ, который въ теченіе цѣлаго года пользовался только однимъ праздничнымъ днемъ, и въ этотъ праздничный день посѣщалъ знакомаго слугу въ другомъ трактирѣ и помогалъ ему убирать ножи и вилки. Такимъ же образомъ обыкновенно понимается праздничный день и у джентльменовъ ежедневной періодической печати; онъ бываетъ въ субботу, такъ-какъ по воскресеньямъ ежедневныя изданія не выходятъ; поэтому, такіе джентльмены, полежавъ въ постели утромъ шестаго дня больше обыкновеннаго, думаютъ, что исполняютъ правило «dulce est desipere in loco», сочиняя ядовитыя передовыя статьи въ журналы, выпускающіе особыя субботнія прибавленія. Такое явленіе происходитъ вслѣдствіе застарѣлой привычки къ ворчанью. И замѣтьте, это свободное и пользующееся общественнымъ признаніемъ ворчаніе, служитъ самой надежной охраной нашихъ «вольностей», самой лучшей гарантіей того, что мы не выйдемъ изъ уютнаго рейда конституціонализма, гдѣ можемъ стоять на якорѣ, и, пріютившись и укрѣпившись за крѣпкой гранитной оградой пристани, можемъ улыбаться при видѣ болзливыхъ корабликовъ деспотизма, а въ то же время не пускаться въ бурный океанъ крайней демократіи съ его бурунами и шквалами. Мы схватываемся за какое-нибудь зло и ворчимъ по поводу его до тѣхъ поръ, пока, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и нѣсколько лѣтъ такого ворчанія — видимъ, что зло болѣе не существуетъ, и что мы пріобрѣли себѣ какое-нибудь новое «право». У насъ не было ad interim никакихъ барикадъ, ни разстрѣливаній, ни бомбардированія частныхъ домовъ, ни заявленій о «солидарности» съ кѣмъ нибудь, ни конфискацій, ни заточеній, ни гильотины. Наши правители, умудренные опытомъ побитыхъ оконъ, размозженныхъ головъ, а иногда (когда народъ былъ слишкомъ сильно загнанъ) и политической бури, соединенной съ появленіемъ краснаго призрака, въ послѣдніе годы ставили мало или вовсе не ставили ограниченій относительно ворчанья. Благородный лордъ, стоящій во главѣ правительства, ежедневно принимаетъ депутаціи, которыя страшно ропщутъ на принятыя или предполагаемыя имъ мѣры. Въ самомъ парламентѣ, какъ только наша милостивая королева своимъ серебрянымъ голоскомъ успѣетъ прочесть написанную другими рѣчь (я увѣренъ, что она сама можетъ написать рѣчь, гораздо лучшую), сейчасъ же лорды и общины начинаютъ ворчать по поводу значенія ея словъ и предлагать поправки къ адресу, который долженъ быть ей пред-

ставленъ. Спускаясь ниже, мы видимъ, что въ теченіе цѣлой сессіи, парламентскіе комитеты ворчатъ на свидѣтелей, а свидѣтели ворчатъ на комитеты; и что въ отдаленныхъ мѣстечкахъ порочные избиратели ворчатъ на членовъ палаты общинъ. Газеты, и провинціальныя и лондонскія — ворчатъ. Адвокаты ворчатъ на судью, а судья на присяжныхъ. Публика ворчитъ на обращеніе офицеровъ съ солдатами, а солдаты (чуть ли не единственный видъ гражданъ, который не предается ворчанію) идутъ на войну, сражаются и побѣждаютъ, а мы при этомъ дома опять ворчимъ, что потеряна жизнь столькихъ людей. Я скажу даже, что первый министръ ворчитъ потому, что у него подагра, королева на своемъ тронѣ ворчитъ потому, что «Punch» изображаетъ въ карикатурѣ принца-супруга, а «Punch» ворчитъ потому, что принцъ-супругъ не довольно часто подаетъ поводъ къ ворчанью. Я ворчу потому, что обязанъ писать для вашего развлеченія, а вы ворчите потому, что я далеко не забавенъ. Мы ворчимъ на то, что холоденъ обѣдъ въ школѣ, на дороговизну брачнаго свидѣтельства, ворчимъ на докторскій счетъ по поводу кори у нашего первенца, на стоимость похоронъ дяди Джона, ворчимъ на то, что должны жить, и ворчимъ, когда докторъ скажетъ, что мы должны умереть. Хорошо, конечно, что мы имѣемъ свободу ворчать, но, собственно говоря, это болѣе пріятно, чѣмъ полезно, потому что до сей поры принесло только довольно чахлые плоды.

Какую связь съ ворчаньемъ имѣетъ «Бельведеръ», мы скоро увидимъ. Въ этомъ знаменитомъ и удобномъ старомъ трактирѣ, одномъ изъ небольшаго числа еще остающихся въ Лондонѣ трактировъ, которые удерживаютъ за собой репутацію нетолько мѣстную, но и распространенную по всему королевству, собирается въ каждый субботній вечеръ (въ десять часовъ) митингъ для преній о политическихъ предметахъ и для «провѣтриванія» политическихъ вопросовъ.

Я прошелъ сквозь строй бо́льшей части этихъ безобидныхъ пирушекъ съ политическими разговорами, и могу заявить права на знакомство со всѣми ими, кромѣ «Вестминстерскаго Форума». Такъ, я былъ на митингѣ, въ гостинницѣ «Зеленый Драконъ» на Флитъ-Стритѣ, гдѣ посѣтителей приглашали принимать участіе въ преніяхъ, но когда разъ, вечеромъ,, я въ качествѣ незнакомца, сдѣлалъ это, то собраніе воспротивилось моимъ политическимъ взглядамъ, и слышались голоса въ пользу того, чтобы выкинуть за окно стулъ, на которомъ я сидѣлъ.

«Бельведеръ» отличается отъ подобныхъ ему мѣстъ публичныхъ преній своимъ весьма почтеннымъ видомъ. Предмет-

преній бываютъ довольно смѣлые и столь же смѣло обсуждаются; но вы будете въ затрудненіи, какимъ образомъ согласить бюро-демократическія рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ съ ихъ смиренною наружностью, показывающею въ нихъ обладателей банковыхъ билетовъ, плательщиковъ податей и налоговъ экономныхъ домовладѣльцевъ. Они лаютъ, но не кусаются. Обычай и самое «prestige» мѣста засѣданія также требуютъ нѣкоторой пріятности рѣчей и сдержанности возраженій, бросающей особенный оттѣнокъ «респектабельности» на цѣлое. Смотря на эту просторную, прекрасную комнату, поддерживаемую столбами и украшенную рѣзьбой, удобную и блистательно освѣщенную, обставленную двойными рядами столовъ изъ краснаго дерева, покрытыхъ бутылками и стаканами съ дымящеюся жидкостью, которая подкрѣпляетъ тѣло и услаждаетъ духъ (при строгой умѣренности, впрочемъ); смотря на этихъ дородныхъ, зажиточныхъ слушателей, которые пріютились въ своихъ покойныхъ креслахъ, куря сигары и внимательно слушая оратора; смотря на усерднаго служителя, который скользитъ отъ стола къ столу, подаетъ прохладительное и выслушиваетъ приказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ, я увѣренъ, живой умственный интересъ въ преніяхъ; смотря на величаваго предсѣдателя, возсѣдающаго въ удобномъ, высокомъ креслѣ, — вы можете вообразить себѣ, что это одинъ изъ приходскихъ «представительныхъ соборовъ», или какъ теперь причудливо окрестили «собранія прихожанъ», или масонская ложа въ то время, когда «работа» кончилась и начинается «отдохновеніе», или обыкновенный клубъ людей средняго класса, привыкшихъ встрѣчаться другъ съ другомъ и толковать, за дружелюбнымъ стаканомъ вина, о событіяхъ дня. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы вы сдѣлали такое предположеніе, то оно оказалось бы не слишкомъ ошибочно. Это, дѣйствительно, церковные избиратели, или члены представительнаго собора, дѣйствительно вольные масоны, благотворительное общество, люди средняго сословія. Но вечерніе предметы преній имѣютъ еще особое значеніе и обсужденіе ихъ подчинено опредѣленнымъ правиламъ; самый высшій комплиментъ, какой я могу сказать «Бельведеру», состоитъ въ томъ, что еслибы такая сдержанность, благопристойность и неуклонность въ обсужденіи одного избраннаго предмета (какъ бываетъ въ этомъ веселомъ собраніи) проявлялись и въ другомъ собраніи, засѣданія котораго происходятъ между мартомъ и августомъ, въ комнатѣ съ мебелью изъ рѣзнаго дуба, обитой зеленымъ сафьяномъ, близъ склепа часовни св. Стефана въ Вестминстерѣ, то національныя дѣла подвигались

бы впередъ гораздо лучше, и мы имѣли бы гораздо менѣе причинъ ворчать о многихъ предметахъ.

Посмотрите, вотъ стоитъ ораторъ, краснорѣчивый ораторъ, нѣсколько цвѣтистый ораторъ, по временамъ даже отчасти свирѣпый ораторъ, хотя его свирѣпость строго ограничена словами и жестикуляціей. Какіе сарказмы онъ бросаетъ въ королей и министровъ! Какъ краснорѣчиво онъ увѣряетъ этихъ тирановъ-маріонетокъ, что когда они будутъ забыты, когда даже сила и значеніе личной сатиры перестанутъ быть понятны и предпринимаемыя мѣры будутъ ощущаться только въ самыхъ отдаленныхъ своихъ послѣдствіяхъ, его слова все еще будутъ содержать въ себѣ принципы, достойные передачи потомству! Какъ насмѣшливо доказываетъ онъ нашимъ властямъ, что онѣ имѣютъ то значеніе въ государствѣ, какое предоставлено владѣльцамъ ленныхъ помѣстій, что они не могутъ ни расточать, ни передавать ихъ и что эта собственность, въ сущности, принадлежитъ *намъ*! Какъ грозно представляетъ онъ земнымъ монархамъ, что короны, пріобрѣтенныя путемъ одной революціи, могутъ быть утрачены во время другой! и когда я слушаю его страстное вступленіе, его подобные вихрю доводы и громовое заключеніе рѣчи, какъ сильно запечатлѣвается во мнѣ та мысль, что ораторъ имѣетъ превосходную память, и что онъ усидчиво изучалъ нѣкоторыя прошлыя событія, и что у него есть довольно матеріалу для цѣлаго ряда бурныхъ рѣчей въ «Бельведерѣ».

Въ этихъ рѣчахъ вы, навѣрное, много услышите объ эмансипаціи католиковъ, объ актѣ отреченія отъ папской власти, о мятежахъ въ Спа, объ убійствахъ въ Петерлоо, о Мясникахъ улицы Пикадилли, о Дорсетшейрскихъ Земледѣльцахъ, о процессѣ королевы Каролины, о шпіонѣ Ричмондѣ и тому подобныхъ предметахъ. Быть можетъ, это и не очень интересно, но приноситъ огромную пользу, ознакомляя молодыхъ политиковъ *au fait* съ политическими воспоминаніями событій, происходившихъ лѣтъ за тридцать или за сорокъ тому назадъ. Я слышалъ, какъ одинъ ревностный реформаторъ декламировалъ въ пламенныхъ выраженіяхъ о великомъ дѣлѣ Горна Тука противъ палаты общинъ («если разъ сдѣлался священникомъ, то должно оставаться имъ на вѣки!»), толковалъ о Джекѣ Уилксѣ, нумеръ сорокъ-пятый, и о вопросѣ, касающемся общаго поручительства, о жестокости лорда Элленборо къ Уильяму Гону, о судѣ надъ полковникомъ Деспардомъ, и о случайностяхъ, которыя могли бы возникнуть въ случаѣ удачи убійства лорда Сидмаута Артуромъ Тистльвудомъ.

За реформаторомъ начинаетъ говорить осанистый джентльменъ, среднихъ лѣтъ, и старается вѣжливо уничтожить его доводы. Этотъ человѣкъ—твердая опора нашихъ древнихъ учрежденій; онъ насмѣшливо относится къ высокоумнымъ, нивеллирующимъ стремленіямъ вѣка. Онъ имѣетъ сказать нѣсколько красивыхъ фразъ относительно «Свиньи и Свистка», объ ораторскомъ стилѣ (причемъ рьяный реформаторъ содрогается, жуетъ конецъ сигары и съ негодованіемъ опустошаетъ стаканъ); новый ораторъ заключаетъ свою рѣчь горячимъ похвальнымъ словомъ церкви и государству, нашей славной конституціи и нашей знаменитой аристократіи.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Давно уже имѣлъ я намѣреніе написать исторію какого-нибудь города (или края) въ данный періодъ времени, но разныя обстоятельства мѣшали этому предпріятію. Преимущественно же препятствовалъ недостатокъ въ матеріалѣ, сколько нибудь достовѣрномъ и правдоподобномъ. Нынѣ, роясь въ глуповскомъ городскомъ архивѣ, я случайно напалъ на довольно объемистую связку тетрадей, носящихъ общее названіе «Глуповскаго Лѣтописца», и, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что онѣ могутъ служить немаловажнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ осуществленія моего намѣренія. Содержаніе «Лѣтописца» довольно однообразно; оно почти исключительно исчерпывается біографіями градоначальниковъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія владѣвшихъ судьбами города Глупова, и описаніемъ замѣчательнѣйшихъ ихъ дѣйствій, какъ-то: скорой ѣзды на почтовыхъ, энергическаго взысканія недоимокъ, устройства и разстройства мостовыхъ, обложенія данями откупщиковъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, даже и по этимъ скуднымъ фактамъ оказывается возможнымъ уловить физіономію города и услѣдить, какъ въ его исторіи отражались разнообразныя перемѣны, одновременно происходившія въ Петербургѣ. Такъ, напримѣръ, градоначальники временъ Бирона отличаются безразсудствомъ, градоначальники временъ Потемкина — распорядительностью, а градоначальники временъ Разумовскаго—неизвѣстнымъ происхожденіемъ и рыцарскою отвагою. Всѣ они сѣкутъ обывателей, но первые сѣкутъ абсолютно, вторые объясняютъ причины своей распорядительности требованіями цивилизаціи, третьи желаютъ, чтобъ обыватели во всемъ положились на ихъ отвагу. Такое разнообразіе мѣропріятій, конечно, не могло не воздѣйствовать и на самый внутренній складъ обыва-

тельской жизни; въ первомъ случаѣ, обыватели трепетали безсознательно, во второмъ — трепетали съ сознаніемъ собственной пользы, въ третьемъ — возвышались до трепета, исполненнаго довѣрія. Даже энергическая ѣзда на почтовыхъ—и та непзбѣжно должна была оказывать извѣстную долю вліянія, укрѣпляя обывательскій духъ примѣрами лошадиной бодрости и нестомчивости.

Лѣтопись ведена преемственно четырьмя городовыми архиваріусами, и обнимаетъ періодъ времени съ 1731 по 1825 годъ. Въ этомъ году, повидимому, даже для архиваріусовъ литературная дѣятельность перестала быть доступною. Наружность «Лѣтописца» имѣетъ видъ самый настоящій, т.-е. такой, который не позволяетъ ни на минуту усомниться въ его подлинности; листы его такъ же желты, и испещрены каракулями, такъ же изъѣдены мышами и загажены мухами, какъ и листы любаго памятника погодинскаго древлехранилища. Такъ и чувствуется, какъ спдѣлъ надъ нимп какой-нибудь архивный Пименъ, освѣщая свой трудъ трепетно-горящею сальною свѣчкой, и всячески защищая его отъ неминуемой любознательности гг. Семевскаго, Мордовцева и Мельникова. Лѣтописи предшествуетъ особый сводъ, или «опись», составленная, очевидно, послѣднимъ лѣтописцемъ; кромѣ того, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, къ ней приложено нѣсколько дѣтскихъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ оригинальныя упражненія на различныя темы административно-теоретическаго содержанія. Таковы, напримѣръ, разсужденія: «объ административномъ всѣхъ градоначальниковъ единомыслін», «о благовидной градоначальниковъ наружности», «о спасительности усмиреній (съ картинками)», «мысли при взысканіи недоимокъ», «превратное теченіе времени» и, наконецъ, довольно объемистая диссертація «о строгости». Утвердительно можно сказать, что упражненія эти обязаны своимъ происхожденіемъ перу различныхъ градоначальниковъ (многія изъ нихъ даже подписаны), и имѣютъ то драгоцѣнное свойство, что, вопервыхъ, даютъ совершенно вѣрное понятіе о современномъ положеніи русской ороографіи, и, вовторыхъ, живописуютъ своихъ авторовъ гораздо полнѣе, доказательнѣе и образнѣе, нежели даже разсказы «Лѣтописца».

Что касается до внутренняго содержанія «Лѣтописца», то оно, по преимуществу, фантастическое, и, по мѣстамъ, даже почти невѣроятное въ наше просвѣщенное время. Таковы, напримѣръ, совершенно ни съ чѣмъ несообразные разсказы о градоначальникѣ съ фаршированной головой и о градоначальникѣ съ музыкой. Въ одномъ мѣстѣ, «Лѣтописецъ» разсказываетъ, какъ градо-

начальникъ леталъ по воздуху, въ другомъ — какъ другой градоначальникъ, у котораго ноги были обращены ступнями назадъ, едва не сбѣжалъ изъ предѣловъ градоначальства. Издатель не счелъ, однакожъ, себя вправѣ утаить эти разсказы; напротивъ того, онъ думаетъ, что возможность подобныхъ фактовъ въ прошедшемъ еще съ большею ясностью укажетъ читателю на ту бездну, которая отдѣляетъ насъ отъ него. Сверхъ того, издателемъ руководила и та мысль, что фантастичность разсказовъ ни мало не устраняетъ ихъ административно-воспитательнаго значенія, и что опрометчивая самонадѣянность летающаго градоначальника можетъ даже и теперь послужить спасительнымъ предостереженіемъ для тѣхъ изъ современныхъ администраторовъ, которые не желаютъ быть преждевременно уволенными отъ должности.

Во всякомъ случаѣ, въ видахъ предотвращенія злонамѣренныхъ толкованій, издатель считаетъ долгомъ оговориться, что весь его трудъ въ настоящемъ случаѣ заключается только въ томъ, что онъ исправилъ тяжелый и устарѣлый слогъ «Лѣтописца», и имѣлъ надлежащій надзоръ за его орѳографіей, ни мало не касаясь самаго содержанія лѣтописи. Съ первой минуты до послѣдней издателя не покидалъ грозный образъ Михаила Петровича Погодина, и это одно уже можетъ служить ручательствомъ, съ какимъ почтительнымъ трепетомъ онъ относился къ своей задачѣ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ

ОТЪ ПОСЛѢДНЯГО АРХИВАРІУСА-ЛѢТОПИСЦА *.

Ежели древнимъ еллинамъ и римлянамъ дозволено было слагать хвалу своимъ безбожнымъ начальникамъ, и предавать потомству мерзкія ихъ дѣянія для назиданія, ужели же мы, христіане, отъ Византіи свѣтъ получившіе, окажемся въ семъ случаѣ менѣе достойными и благодарными? Ужели во всякой странѣ найдутся люди доблестью сіяющіе, и только у себя мы таковыхъ

---

* «Обращеніе» это помѣщается здѣсь досрочно словами самого «Лѣтописца». Издатель позволилъ себѣ наблюсти только за тѣмъ, чтобы права буквы *ъ* не были слишкомъ безцеремонно нарушены. *Изд.*

не обращемъ? Смѣшно и нелѣпо даже помыслить таковую нескладицу, а не то чтобы оную вслухъ проповѣдывать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагаютъ, что онѣ у нихъ въ головѣ, словно мухи безъ пристанища, тамъ и сямъ вольно летаютъ.

Не только страна, но и градъ всякій, и даже всякая малая вѣсь,—и та своихъ доблестью сіяющихъ и отъ начальства поставленныхъ Ахилловъ имѣетъ, и не имѣть не можетъ. Взгляни на первую лужу—и въ ней найдешь гада, который и ройствомъ своимъ всѣхъ прочихъ гадовъ превосходитъ и затемняетъ. Взгляни на древо — и тамъ усмотришь нѣкоторый сукъ бо́льшій и противъ другихъ крѣпчайшій, а слѣдственно и доблестнѣйшій. Взгляни, наконецъ, на собственную свою персону—и тамъ прежде всего встрѣтишь главу, а потомъ уже не оставишь безъ примѣты и брюхо, и прочія части. Что же, по твоему, доблестнѣе: глава ли твоя, хотя и легкою начинкою начиненная, но и за всѣмъ тѣмъ горѣ устремляющаяся, или же стремящееся до́лу брюхо, на то только и пригодное, чтобы изготовлять... О, подлинно же легкодумное твое вольнодумство!

Таковы-то были мысли, которыя побудили меня, смиреннаго городоваго архиваріуса (получающаго въ мѣсяцъ два рубля содержанія, но и за всѣмъ тѣмъ славословящаго), купно съ тропми моими предшественниками, неумытными устами воспѣть хвалу славныхъ оныхъ особъ, коп не безбожіемъ и лживою еллинскою мудростью, но твердостью и начальственнымъ дерзновеніемъ преславный нашъ градъ Глуповъ преестественно украсили. Не имѣя дара стихослагательнаго, мы не рѣшились прибѣгнуть къ бряцанію, и положась на волю Божію, стали излагать достойныя дѣянія недостойнымъ, но свойственнымъ намъ языкомъ, избѣгая лишь подлыхъ словъ. Думаю, впрочемъ, что таковая дерзостная наша затѣя простится намъ въ виду того особливаго намѣренія, которое мы имѣли, приступая къ ней.

Сіе намѣреніе—есть изобразить преемственно градоначальниковъ, въ городъ Глуповъ въ разное время поставленныхъ. Но, предпринимая столь важную матерію, я, по крайней мѣрѣ, не разъ вопрошалъ себя: по силамъ ли будетъ мнѣ сіе бремя? Много видѣлъ я на своемъ вѣку поразительныхъ сихъ подвижниковъ, много видѣли таковыхъ и мои предмѣстники. Всего же числомъ двадцать, слѣдовавшихъ непрерывно, въ величественномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, кромѣ семидневнаго пагубнаго безначалія, едва не повергшаго весь градъ въ запустѣніе. Одни изъ нихъ, подобно бурному пламени, пролетали изъ края въ край, все очищая и обновляя; дру-

гіе, напротивъ того, подобно ручью журчащему, орошали луга и пажити, а бурность и сокрушительность предоставляли въ удѣлъ правителямъ канцеляріи. Но всѣ, какъ бурные, такъ и кроткіе, оставили по себѣ благодарную память въ сердцахъ сограждан, ибо всѣ были градоначальники. Сіе трогательное соотвѣтствіе уже столь дивно, что даже немалое причиняетъ лѣтописцу безпокойство.

Но сіе же самое соотвѣтствіе, съ другой стороны, служитъ и не малымъ, для лѣтописателя, облегченіемъ. Ибо въ чемъ состоитъ собственно задача его? Въ томъ ли, чтобы критиковать или порицать? Нѣтъ, не въ томъ. Въ томъ ли, чтобы разсуждать? Нѣтъ, и не въ этомъ. Въ чемъ же? А въ томъ, легкодумный вольнодумецъ, чтобы быть изобразителемъ означеннаго соотвѣтствія, и объ ономъ предать потомству въ надлежащее назиданіе.

Въ семъ видѣ взятая, задача дѣлается доступною даже смиреннѣйшему изъ смиренныхъ, потому что онъ изображаетъ собой лишь скудельный сосудъ, въ которомъ замыкается разлитое повсюду въ изобиліи славословіе. И чѣмъ тотъ сосудъ скудельнѣе, тѣмъ краше и вкуснѣе покажется содержимая въ немъ сладкая славословная влага. А скудельный сосудъ про себя скажетъ: вотъ и я на что-нибудь пригодился, хотя и получаю содержанія два рубля мѣдныхъ въ мѣсяцъ.

Изложивъ такимъ манеромъ нѣчто въ свое извиненіе, не могу не присовокупить, что родной нашъ городъ Глуповъ, производя обширную торговлю квасомъ, печенкой и вареными яицами, имѣетъ три рѣки, и, въ согласность древнему Риму, на семи горахъ построенъ, на конхъ въ гололедицу великое множество экипажей ломается, и столь же безчисленно лошадей побивается. Разница въ томъ только и состоитъ, что въ Римѣ сіяло нечестіе, а у насъ—благочестіе, Римъ заражало буйство, а насъ—кротость, въ Римѣ бушевала подлая чернь, а у насъ — начальники.

И еще скажу: лѣтопись сію преемственно слагали четыре архиваріуса: Мишка Тряпичкинъ, да Мишка Тряпичкинъ другой, да Митька Смирномордовъ, да я, смиренный Павлушка, Маслобойниковъ сынъ. При чемъ единую имѣли опаску, дабы не попали наши тетрадки къ г. Семевскому, и дабы не сдѣладъ онъ изъ того какой исторіи. А за тѣмъ, Богу слава и разглагольствію моему конецъ.

ОПИСЬ ГРАДОНАЧАЛЬНИКАМЪ,

ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ ВЪ ГОРОДЪ ГЛУПОВЪ ПОСТАВЛЕННЫМЪ.

(1731—1826).

1) Клементій, Амадей Мануйловичъ. Вывезенъ изъ Италіи Бирономъ, герцогомъ Курляндскимъ, за искусную стряпню макаронъ; потомъ, будучи внезапно произведенъ въ надлежащій чинъ, присланъ градоначальникомъ. Прибывъ въ Глуповъ, нетолько не оставилъ занятія макаронами, но даже многихъ усильно къ тому принуждалъ, чѣмъ себя и воспрославилъ. За измѣну, битъ въ 1734 году кнутомъ, и, по вырваніи ноздрей, сосланъ въ Березовъ.

2) Ѳерапонтовъ, Ѳотій Петровичъ, бригадиръ. Бывый брадобрѣй онаго же герцога Курляндскаго. Многократно дѣлалъ походы противъ недоимщиковъ, и столь былъ охочъ до зрѣлищъ, что никому безъ себя сѣчь не довѣрялъ. Въ 1738 году, бывъ въ лѣсу, растерзанъ собаками.

3) Великановъ, Иванъ Матвеевичъ. Обложилъ въ свою пользу жителей данью по три копейки съ души, предварительно утопивъ въ рѣкѣ экономіи директора. Перебилъ въ кровь многихъ капитанъ-исправниковъ. Въ 1740 году, битъ кнутомъ и, по урѣзаніи языка, сосланъ въ заточеніе въ Чердынскій острогъ.

4) Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевъ, Манылъ Самыловичъ, капитанъ-поручикъ изъ лейбъ-кампанцевъ. Отличался безумной отвагой, и даже бралъ однажды приступомъ городъ Глуповъ. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія, похвалы не получилъ и въ 1745 году уволенъ съ распубликованіемъ.

5) Ламврокакисъ, бѣглый грекъ, безъ имени и отчества, и даже безъ чина. Торговалъ грецкимъ мыломъ, губкою и орѣхами; сверхъ того, былъ сторонникомъ классическаго образованія и въ супружеской жизни руководствовался Анакреономъ. Въ 1756 году былъ найденъ въ постели, искусанный клопами.

6) Бакланъ, Иванъ Матвѣичъ, бригадиръ. Былъ роста трехъ аршинъ и трехъ вершковъ, и кичился тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ Ивана-Великаго (извѣстная въ Москвѣ ко-

локольня). Переломленъ пополамъ во время бури, свирѣпствовавшей въ 1761 году.

7) Шфейферъ, Богданъ Богдановичъ, гвардіи сержантъ, голштинскій выходецъ. Ничего не свершивъ, смѣненъ въ 1762 году за невѣжество.

8) Брудастый, Дементій Варламовичъ. Назначенъ былъ въ попыхахъ и имѣлъ въ головѣ нѣкоторое особенное устройство, за что и прозванъ былъ «Органчикомъ». Это̀ не мѣшало ему, впрочемъ, привести въ порядокъ недоимки, запущенныя его предмѣстникомъ. Во время сего правленія, произошло пагубное безначаліе, продолжавшееся семь дней, какъ о томъ будетъ повѣствуемо ниже.

9) Двоекуровъ, Семенъ Константиновичъ, штатскій совѣтникъ и кавалеръ. Вымостилъ Большую и Дворянскую улицы, завелъ пивовареніе и медовареніе, ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ, собралъ недоимки, покровительствовалъ наукамъ, и ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи. Написалъ сочиненіе: «Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ обезьянъ». Супруга его, Луберья Терентьевна, будучи весьма снисходительна, много способствовала блеску сего правленія. Умеръ въ 1770 году своею смертью.

10) Маркизъ де-Санглотъ, Антонъ Протасьевичъ, французскій выходецъ, и другъ Дидерота. Отличался легкомысліемъ, и любилъ пѣть непристойныя пѣсни. Леталъ по воздуху въ городскомъ саду, и чуть-было не улетѣлъ совсѣмъ, какъ зацѣпился фалдами за шпицъ, и оттуда съ превеликимъ трудомъ снятъ. За эту затѣю, уволенъ въ 1772 году, а въ слѣдующемъ же году, не унывъ духомъ, давалъ представленія у Излера на минеральныхъ водахъ *.

11) Ѳердыщенко, Петръ Петровичъ, бригадиръ. Бывшій деньщикъ князя Потемкина. При не весьма обширномъ умѣ, былъ косноязыченъ. Недоимки запустилъ; любилъ ѣсть буженину и гуся съ капустой. Умеръ въ 1779 году отъ объѣденія.

12) Бородавкинъ, Василискъ Семеновичъ. Градоначальничество сіе было самое продолжительное и самое блестящее. Былъ мудръ и словоохотливъ, и оставилъ послѣ себя многія сочиненія. Предводительствовалъ въ кампаніи противъ недоимщиковъ, причемъ спалилъ тридцать-три деревни, и съ помощью сихъ мѣръ, взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтиною. Въ прочее время, былъ кротокъ и покровительствовалъ наукамъ. Ввелъ въ употре-

* Это очевидная ошибка. *Прим. Изд.*

бленіе игру ламушъ и прованское масло; замостилъ базарную площадь и засадилъ березками улицу, ведущую къ присутственнымъ мѣстамъ; вновь ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи, но, получивъ отказъ, построилъ съѣзжій домъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, имѣлъ послѣдовательно восемь амантъ, но и сими рѣдко удовлетворялся. Супруга его, Софія Владиміровна, была весьма снисходительна, и тѣмъ съ излишествомъ способствовала блеску сего правленія. Умеръ въ 1798 году, на экзекуціи, напутствуемый капитанъ-исправникомъ, и не выслуживъ пенсіона.

13) Негодяевъ, Онуфрій Ивановичъ, бывый гатчинскій истопникъ. Размостилъ вымощенныя предмѣстниками его улицы, и изъ добытаго камня настроплъ монументовъ. Имѣлъ ноги, обращенныя ступнями назадъ, вслѣдствіе чего, шедши однажды пѣшкомъ въ городовое правленіе, нетокмо къ цѣли своей не пришелъ, но, постепенно отъ оной удаляясь, едва совсѣмъ не убѣжалъ изъ предѣловъ, какъ былъ изловленъ на выгонѣ капитанъ-исправникомъ, и паки водворенъ въ жительство. Смѣненъ въ 1802 году за несогласіе съ Новосильцевымъ, Чарторыйскимъ и Строгановымъ (знаменитый въ свое время тріумвиратъ) на счетъ конституціи, въ чемъ его и оправдали послѣдствія.

14) Перехватъ-Залихватскій, Архистратигъ Стратилатовичъ, маіоръ. Прозванъ былъ отъ глуповцевъ «Молодцомъ», и дѣйствительно, былъ онымъ. Имѣлъ понятіе о конституціи. Всѣ возмущенія усмирилъ, всѣ недоимки собралъ, всѣ улицы замостилъ и ходатайствовалъ объ основаніи кадетскаго корпуса, въ чемъ и успѣлъ. Ѣздилъ по городу, имѣя въ рукахъ нагайку, и любилъ, чтобы у обывателей были лица веселыя. Предусмотрѣлъ 1812 годъ. Спалъ подъ открытымъ небомъ, имѣя въ головахъ булыжникъ, курилъ махорку, и питался конпною. Спалилъ до шестидесяти деревень, и во время вояжей поролъ ямщиковъ безъ всякаго послабленія. Утверждалъ, что онъ отецъ своей матери. Вновь изгналъ изъ употребленія горчицу, лавровый листъ и прованское масло, и изобрѣлъ игру въ бабки. Хотя наукамъ не покровительствовалъ, но охотно занимался стратегическими сочиненіями и оставилъ послѣ себя многіе трактаты. Явилъ собой второй примѣръ градоначальника, умершаго на экзекуціи (1809 г.).

15) Беневоленскій, Ѳеофилактъ Иринарховичъ, статскій совѣтникъ, товарищъ Сперанскаго по семинаріи. Былъ мудръ и оказывалъ склонность къ законодательству. Предсказалъ гласные суды и земство. Имѣлъ любовную связь съ купчихою Распоповою, у которой, по субботамъ, ѣдалъ пироги съ начинкой. Въ сво-

бодное отъ занятій время, сочинялъ для городскихъ поповъ проповѣди и переводилъ съ латинскаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго. Вновь ввелъ въ употребленіе, яко полезныя, горчицу, лавровый листъ и прованское масло. Первый обложилъ данью откупъ, отъ коего и получалъ три тысячи рублей въ годъ. Въ 1811 году, за потворство Бонапарту, былъ призванъ къ отвѣту, и хотя оправдался, но сосланъ въ заточеніе.

16) Микаладзе, князь Ксаверій Георгіевичъ, черкашеннинъ, потомокъ сладострастной княгини Тамары. Имѣлъ обольстительную наружность, и былъ столь охочь до женскаго пола, что увеличилъ глуповское народонаселеніе почти вдвое. Оставилъ полезное по сему предмету руководство. Умеръ въ 1814 году, отъ истощенія силъ.

17) Прыщъ, маіоръ Иванъ Пантелеичъ. Оказался съ фаршированной головой, въ чемъ и уличенъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства. Имѣлъ жену, питавшуюся печатными пряниками, и семь дочерей, которыя, сидя передъ окнами, высматривали проѣзжающихъ, и восклицали: «женихи! женихи ѣдутъ!»

18) Ивановъ, статскій совѣтникъ, Никодимъ Осиповичъ. Былъ столь малаго роста, что не могъ вмѣщать пространныхъ законовъ. Умеръ въ 1819 году отъ натуги, усиливаясь постичь нѣкоторый сенатскій указъ.

19) Дю-Шаріо, вивонтъ, Ангелъ Дорофеевичъ, французскій выходецъ. Любилъ рядиться въ женское платье и лакомился лягушками. По разсмотрѣніи, оказался дѣвицею. Высланъ, въ 1821 году, за границу.

20) Грустиловъ, Эрастъ Андреевичъ, статскій совѣтникъ. Другъ Карамзина. Отличался нѣжностью и чувствительностью сердца, любилъ пить чай въ городской рощѣ, и не могъ безъ слезъ видѣть, какъ токуютъ тетерева. Оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій идиллическаго содержанія и умеръ отъ меланхоліи. Дань съ откупа возвысилъ до пяти тысячъ рублей въ годъ.

ОРГАНЧИКЪ *.

Въ августѣ 1762 года, въ городѣ Глуповѣ происходило необычное движеніе по случаю прибытія новаго градоначальника,

* По «краткой описи» значится подъ № 8. Издатель нашелъ возможнымъ не придерживаться строго-хронологическаго порядка при ознакомленіи публики съ

Дементія Варламовича Брудастаго. Жители ликовали; еще не видавъ въ глаза вновь-назначеннаго правителя, они уже разсказывали объ немъ анекдоты и называли его «красавчикомъ» и «умницей». Поздравляли другъ друга съ радостью, цаловались, проливали слезы, заходили въ кабаки, снова выходили изъ нихъ, и опять заходили. Въ порывѣ восторга, вспомнились и старинныя глуповскія вольности. Лучшіе граждане собрались передъ соборной колокольней, и, образовавъ всенародное вѣче, потрясали воздухъ восклицаніями: батюшка-то нашъ! красавчикъ-то нашъ! умница-то нашъ!

Явились даже опасные мечтатели. Руководимые не столько разумомъ, сколько движеніями благодарнаго сердца, они утверждали, что при новомъ градоначальникѣ процвѣтетъ торговля, и что, подъ наблюденіемъ квартальныхъ надзирателей, возникнутъ науки и искусства. Не удержались и отъ сравненій. Вспомнили только-что выѣхавшаго изъ города стараго градоначальника, и находили, что хотя онъ былъ тоже красавчикъ и умница, но, что за всѣмъ тѣмъ, новому правителю уже по тому одному должно быть отдано преимущество, что онъ новый. Однимъ словомъ, при этомъ случаѣ, какъ и при другихъ подобныхъ, вполнѣ выразились: и обычная глуповская восторженность, и обычное глуповское легкомысліе. Такъ, въ древности, вѣтреная Аспазія позабыла объ олимпійцѣ Периклѣ, чтобы сожительствовать съ скотопродавцемъ Лизикломъ.

Между тѣмъ, новый градоначальникъ оказался молчаливъ и угрюмъ. Онъ прискакалъ въ Глуповъ, какъ говорится, во всѣ лопатки (время было такое, что нельзя было терять ни одной минуты), и едва вломился въ предѣлы городскаго выгона, какъ тутъ же, на самой границѣ, пересѣкъ цѣлую уйму ямщиковъ. Но даже и это обстоятельство не охладило восторговъ обывателей, потому что умы еще были полны воспоминаніями о недавнихъ побѣдахъ надъ турками, и всѣ надѣялись, что новый градоначальникъ во второй разъ возьметъ приступомъ крѣпость Хотинъ.

Скоро, однакожь, обыватели убѣдились, что ликованія и надежды ихъ были, по малой мѣрѣ, преждевременны и преувеличены. Пронзошелъ обычный пріемъ, и тутъ въ первый разъ въ жизни пришлось глуповцамъ на дѣлѣ извѣдать, какимъ горькимъ испытаніямъ можетъ быть подвергнуто самое упорное на-

---

содержаніемъ «Лѣтописца». Сверхъ того, онъ счелъ за лучшее представить здѣсь біографіи только замѣчательнѣйшихъ градоначальниковъ, такъ-какъ правители не столь замѣчательные достаточно характеризуются предшествующею настоящему очерку «Краткою описью». *Изд.*

чальстволюбіе. Все на этомъ пріемѣ совершилось какъ-то загадочно, какъ-то не полюдски. Градоначальникъ безмолвно обошелъ ряды чиновныхъ архистратиговъ, сверкнулъ глазами, произнесъ: «не потерплю!» и скрылся въ кабинетъ. Чиновники остолбенѣли; за ними остолбенѣли и обыватели.

Несмотря на непреоборимую твердость, глуповцы — народъ изнѣженный и до крайности набалованный. Они любятъ, чтобъ у начальника на лицѣ играла привѣтливая улыбка, чтобы изъ устъ его, по временамъ, исходили любезныя прибаутки, и недоумѣваютъ, когда уста эти только фыркаютъ или издаютъ загадочные звуки. Начальникъ можетъ совершать всякія мѣропріятія, онъ можетъ даже никакихъ мѣропріятій не совершать, но ежели онъ не будетъ при этомъ калякать, то имя его никогда не сдѣлается популярнымъ. Бывали градоначальники истинно мудрые, такіе, которые не чужды были даже мысли о заведеніи въ Глуповѣ академіи (таковъ, напримѣръ, штатскій совѣтникъ Двоекуровъ, значащійся по «описи» подъ № 9), но такъ-какъ они не обзывали глуповцевъ ни «братцами», ни «робятами», то имена ихъ остались въ забвеніи. Напротивъ того, бывали другіе, хотя и не то чтобы очень глупые—такихъ не бывало,— а такіе, которые дѣлали дѣла среднія, то-есть сѣкли и взыскивали недоимки, но такъ-какъ они при этомъ всегда приговаривали что-нибудь любезное, то имена ихъ не только были занесены на скрижали, но даже послужили предметомъ самыхъ разнообразныхъ устныхъ легендъ.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Какъ ни воспламенились сердца обывателей, по случаю пріѣзда новаго начальника, но пріемъ его значительно расхолодилъ ихъ.

— Что же это такое! фыркнулъ—и затылокъ показалъ! нѣшто мы затылковъ-то не видывали! а ты по душѣ съ нами поговори! ты лаской-то, лаской-то пронимай! ты пригрозить-то пригрози, да потомъ и помилуй! Такъ говорили глуповцы, и со слезами припоминали, какіе бывали у нихъ прежде начальники, все привѣтливые да добрые да красавчики — и всѣ-то въ мундирахъ! всѣ-то въ мундирахъ! Вспомнили даже бѣглаго грека Ламвракиса (по «описи» подъ № 5), вспомнили, какъ пріѣхалъ въ 1756 году бригадиръ Бакланъ (по «описи» подъ № 6), и какимъ молодцомъ онъ на первомъ же пріемѣ выказалъ себя передъ обывателями.

— Натискъ, сказалъ онъ: — и притомъ быстрота, снисходительность, и притомъ строгость. И притомъ, благоразумная твердость. Вотъ, милостивые государи, та цѣль, или, точнѣе сказать, тѣ пять цѣлей, которыхъ я, съ Божьею помощью, надѣюсь

достигнуть при посредствѣ нѣкоторыхъ административныхъ мѣропріятій, составляющихъ сущность или, лучше сказать, ядро обдуманнаго мною плана кампаніи!

И какъ онъ потомъ, ловко повернувшись на одномъ каблукѣ, и обратясь къ городскому головѣ, присовокупилъ:

— А по праздникамъ будемъ ѣсть у васъ пироги!

— Такъ вотъ, сударь, какъ настоящіе-то начальники принимали! вздыхали глуповцы: — а этотъ что! фыркнулъ какую-то нелѣпицу, да и былъ таковъ!

Увы! послѣдующія событія не только оправдали общественное мнѣніе обывателей, но даже превзошли самыя смѣлыя ихъ опасенія. Новый градоначальникъ заперся въ своемъ кабинетѣ, не ѣлъ, не пилъ и все что-то скребъ перомъ. Повременамъ, онъ выбѣгалъ въ залъ, кидалъ письмоводителю кипу исписанныхъ листковъ, произносилъ: «не потерплю!» и вновь скрывался въ кабинетѣ. Неслыханная дѣятельность вдругъ закипѣла во всѣхъ концахъ города; частные пристава поскакали; квартальные поскакали; засѣдатели поскакали; будочники позабыли, что̀ значитъ путемъ поѣсть, и съ тѣхъ поръ пріобрѣли пагубную привычку хватать куски на лету. Хватаютъ и ловятъ, сѣкутъ и порютъ, описываютъ и продаютъ... А градоначальникъ все сидитъ, и выскребаетъ все новыя и новыя понужденія... Ррр... скачетъ одинъ нарочный; рррр... скачетъ другой. «Нужное», «очень нужное», «весьма нужное», «самонужнѣйшее»... Гулъ и трескъ проносятся изъ одного конца города въ другой, и надъ всѣмъ этимъ гвалтомъ, надъ всей этой сумятицей, словно крикъ хищной птицы, царитъ зловѣщее: не потерплю!

Глуповцы ужаснулись. Припомнили генеральное сѣченіе ямщиковъ, и вдругъ всѣхъ озарила мысль: а, ну, какъ онъ этакимъ манеромъ цѣлый городъ вспоретъ! Нѣкоторые (наиболѣе прозорливые) при этомъ чесались. Потомъ, стали соображать, какой смыслъ слѣдуетъ придавать слову «не потерплю!» и додумались до того, что потребность чесаться отъ «нѣкоторыхъ» распространилась на всѣхъ. Наконецъ, прибѣгли къ исторіи Глупова, стали отыскивать въ ней примѣры спасительной градоначальнической строгости, нашли разнообразіе изумительное, но ни до чего подходящаго все-таки не доискались.

— И хоть бы онъ дѣломъ сказывалъ, по скольку съ души ему надобно! бесѣдовали между собой смущенные обыватели: — а то цыркаетъ, да и на̀ поди!

Глуповъ, безпечный, добродушно веселый Глуповъ приунылъ. Нѣтъ болѣе оживленныхъ сходокъ за воротами домовъ, умолкло щелканье подсолнуховъ, нѣтъ игры въ бабки! Улицы запустѣли,

на площадяхъ показались хищные звѣри. Люди только по нуждѣ оставляли дома свои, и на мгновеніе показавши испуганныя и пзнуренныя лица, тотчасъ же хоронились. Нѣчто подобное было, по словамъ старожиловъ, во времена тушинскаго царика, да еще при Биронѣ, когда гулящая дѣвка, Танька-корявая чуть чуть не подвела всего города подъ экзекуцію. Но даже и тогда было лучше; по крайней-мѣрѣ, тогда хоть что-нибудь понимали, а теперь чувствовали только страхъ, зловѣщій и безотчетный страхъ.

Въ особенности, тяжело было смотрѣть на городъ позднимъ вечеромъ. Въ это время, Глуповъ, и безъ того мало оживленный, окончательно замиралъ. На улицѣ царили голодные псы, но и тѣ не лаяли, а въ величайшемъ порядкѣ предавались изнѣженности и распущенности нравовъ; густой мракъ окутывалъ улицы и дома, и только въ одной изъ комнатъ градоначальнической квартиры мерцалъ, далеко за полночь, зловѣщій свѣтъ. Проснувшійся обыватель могъ видѣть, какъ градоначальникъ сидитъ согнувшись за письменнымъ столомъ, и все что-то скребетъ перомъ... И вдругъ подойдетъ къ окну, крикнетъ «не потерплю!», и опять садится за столъ, и опять скребетъ...

Начали ходить безобразные слухи. Говорили, что новый градоначальникъ совсѣмъ даже не градоначальникъ, а оборотень, присланный въ Глуповъ по легкомыслію; что онъ по ночамъ, въ видѣ ненасытнаго упыря, паритъ надъ городомъ и сосетъ у сонныхъ обывателей кровь. Разумѣется, все это повѣствовалось и передавалось другъ другу шопотомъ; хотя же и находились смѣльчаки, которые предлагали поголовно пасть на колѣна и просить, но и тѣхъ взяло раздумье. А что, если это такъ именно и надо? что, ежели признано необходимымъ, чтобы въ Глуповѣ, грѣхъ его ради, былъ именно такой, а не иной градоначальникъ? Соображенія эти показались до того резонными, что храбрецы не только отреклись отъ своихъ предложеній, но тутъ же начали попрекать другъ друга въ смутьянствѣ и подстрекательствѣ.

И вдругъ, всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что градоначальника секретно посѣщаетъ часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастеръ Байбаковъ. Говоръ усилился. Достовѣрные свидѣтели сказывали, что, однажды, въ третьемъ часу ночи, видѣли, какъ Байбаковъ, весь блѣдный и испуганный, вышелъ изъ квартиры градоначальника, и бережно несъ что-то обвернутое въ салфеткѣ. И что всего замѣчательнѣе,—въ эту достопамятную ночь никто изъ обывателей нетолько не былъ разбуженъ крикомъ «не потерплю!», но и самъ градоначальникъ, повидимому, прекратилъ на время

критическій анализъ недоимочныхъ реэстровъ * и погрузился въ сонъ.

Возникъ вопросъ: какую надобность могъ имѣть градоначальникъ въ Байбаковѣ, который, кромѣ того, что пилъ безъ просыпа, былъ еще и явный прелюбодѣй?

Начались подвохи и подсылы съ цѣлью вывѣдать тайну, но Байбаковъ оставался нѣмъ, какъ рыба, и на всѣ увѣщанія ограничивался тѣмъ, что трасса всѣмъ тѣломъ. Пробовали споить его, но онъ, не отказываясь отъ водки, только потѣлъ, а секрета не выдавалъ. Находившіеся у него въ ученьи мальчики могли сообщить одно: что дѣйствительно приходилъ, однажды, ночью полицейскій солдатъ, взялъ хозяина, который черезъ часъ возвратился съ узелкомъ, заперся въ мастерской и съ тѣхъ поръ затосковалъ.

Болѣе ничего узнать не могли. Между тѣмъ, таинственныя свиданія градоначальника съ Байбаковымъ участились. Съ теченіемъ времени, Байбаковъ нетолько пересталъ тосковать, но даже до того осмѣлился, что самому градскому головѣ посулилъ отдать безъ зачета въ солдаты, если онъ каждый день не будетъ выдавать ему на шкаликъ. Онъ сшилъ себѣ новую пару платья, и хвастался, что на дняхъ откроетъ въ Глуповѣ такой магазинъ, что самому Винтергальтеру ** въ носъ бросится.

Среди всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ, вдругъ какъ съ неба упала повѣстка, приглашавшая именитѣйшихъ представителей глуповской интеллигенціи, въ такой-то день и часъ, прибыть къ градоначальнику для внушенія. Именитые смутились, но стали готовиться.

То былъ прекрасный весенній день. Природа ликовала; воробьи чирикали; собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами. Обыватели, держа подъ мышками кульки, тѣснились на дворѣ градоначальнической квартиры, и съ трепетомъ ожидали страшнаго судьбища. Наконецъ, ожидаемая минута настала.

Онъ вышелъ, и на лицѣ его въ первый разъ увидѣли глуповцы ту привѣтливую улыбку, о которой они тосковали. Казалось, благотворные лучи солнца подѣйствовали и на него (по

---

* Очевидный анахронизмъ. Въ 1762 году недоимочныхъ реэстровъ не было, а просто взыскивались деньги, сколько съ кого надлежитъ. Не было и критическаго анализа. Впрочемъ, это скорѣе не анахронизмъ, а прозорливость, которую лѣтописецъ, по мѣстамъ, обнаруживаетъ въ столь сильной степени, что читателю дѣлается даже не совсѣмъ ловко. Такъ, напримѣръ (мы увидимъ это далѣе), онъ провидѣлъ изобрѣтеніе электрическаго телеграфа и даже учрежденіе губернскихъ правленій. *Издатель.*

** Новый примѣръ прозорливости. Винтергальтера въ 1762 году не было. *Издатель.*

крайней-мѣрѣ, многіе обыватели потомъ увѣряли, что собственными глазами видѣли, какъ у него тряслись фалдочки). Онъ по очереди обошелъ всѣхъ обывателей, и хотя молча, но благосклонно принялъ отъ нихъ все, что́ слѣдуетъ. Окончивши съ этимъ дѣломъ, онъ нѣсколько отступилъ къ крыльцу и раскрылъ ротъ... И вдругъ что-то внутри у него зашипѣло и зажужжало, и чѣмъ болѣе длилось это таинственное шипѣніе, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе вертѣлись и сверкали его глаза. «П...п...плю!» наконецъ вырвалось у него изъ устъ; съ этимъ звукомъ, онъ въ послѣдній разъ сверкнулъ глазами и опрометью бросился въ открытую дверь своей квартиры.

Читая въ «Лѣтописцѣ» описаніе происшествія столь неслыханнаго, мы, свидѣтели и участники иныхъ временъ и иныхъ событій, конечно, имѣемъ полную возможность отнестись къ нему довольно хладнокровно; но перенесемся мыслью за сто лѣтъ тому назадъ, поставимъ себя на мѣсто достославныхъ нашихъ предковъ, и мы легко поймемъ тотъ ужасъ, который долженствовалъ обуять ихъ при видѣ этихъ вращающихся глазъ и этого раскрытаго рта, изъ котораго ничего не выходило, кромѣ шипѣнія и какого-то безсмысленнаго звука, непохожаго даже на бой часовъ. Но въ томъ-то именно и заключалась доброкачественность нашихъ предковъ, что, какъ ни потрясло ихъ описанное выше зрѣлище, они не увлеклись ни модными, въ то время революціонными, идеями, ни соблазнами, представляемыми анархіей, но остались вѣрными начальстволюбію, и только слегка позволили себѣ пособолѣзновать и попенять на своего болѣе чѣмъ страннаго градоначальника.

— И откуда къ намъ экой прохвостъ выискался! говорили обыватели, изумленно вопрошая другъ друга, и не придавая слову «прохвостъ» никакого особеннаго значенія.

— Смотри, братцы! какъ бы намъ тово... отвѣчать бы за него, за прохвоста, не пришлось! присовокупляли другіе.

И за всѣмъ тѣмъ, спокойно разошлись по домамъ и предались обычнымъ своимъ занятіямъ.

И остался бы нашъ Брудастый на многіе годы пастыремъ вертограда сего, и радовалъ бы сердца начальниковъ своею распорядительностью, и не ощутили бы обыватели въ своемъ существованіи ничего необычнаго, еслибы обстоятельство совершенно случайное (простая оплошность) не прекратило его дѣятельности въ самомъ ея разгарѣ.

Немного спустя послѣ описаннаго выше пріема, письмоводитель градоначальника, вошедши утромъ съ докладомъ въ его кабинетъ, увидѣлъ такое зрѣлище: градоначальниково тѣло, облечен-

ное въ вицъ-мундиръ, сидѣло за письменнымъ столомъ, а передъ нимъ, на кипѣ недопмочныхъ реэстровъ, лежала, въ видѣ щегольскаго прессъ-папье, совершенно пустая градоначальникова голова. Никого въ кабинетѣ не было. Писмоводитель выбѣжалъ въ такомъ смятеніи, что зубы его стучали. Онъ вралъ всякую чушь; увѣрялъ, что градоначальникъ, съѣвшій на своемъ вѣку болѣе десятка квартальныхъ, съѣлъ, наконецъ, безъ масла свою собственную голову. Очевидно, онъ забывалъ, что для того, чтобъ это сдѣлать, градоначальнику нужно было, по малой мѣрѣ, имѣть эту самую голову на плечахъ.

Побѣжали за помощникомъ градоначальника и за старшимъ квартальнымъ. Первый прежде всего напустился на послѣдняго, обвинилъ его въ нерадивости, въ потворствѣ наглому мошенничеству, и, указывая въ окно на кучу навоза, красовавшагося передъ самымъ домомъ градоначальника, спросилъ: это что? Но квартальный оправдался. Онъ не безъ основанія указалъ на опорожненную градоначальникову голову, какъ на достовѣрное доказательство, что голова эта только опорожнена, а не похищена (для чего же она *только* опорожнена?). Сверхъ того, онъ утверждалъ, что голова могла быть опорожнена не иначе, какъ съ согласія самого же градоначальника, и что въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе человѣкъ, несомнѣнно принадлежащій къ ремесленному цеху, такъ-какъ на столѣ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, оказались: долото, буравчикъ и англійская палка. Призвали на совѣтъ главнаго городоваго врача и предложили ему три вопроса: 1) могла ли градоначальникова голова отдѣлиться отъ градоначальникова туловища безъ кровопзліянія? 2) возможно ли допустить предположеніе, что градоначальникъ снялъ съ плечъ и опорожнилъ самъ свою собственную голову? и 3) возможно ли предположить, чтобы градоначальническая голова, однажды упраздненная, могла впослѣдствіи нарости вновь съ помощью какого-либо неизвѣстнаго процеса? Эскулапъ задумался, пробормоталъ что-то о какомъ-то «градоначальническомъ клейкомъ веществѣ», якобы источающемся изъ градоначальническаго тѣла, но потомъ, видя самъ, что зарапортовался, отъ прямаго разрѣшенія вопросовъ уклонился, отзываясь тѣмъ, что тайна построенія градоначальническаго организма наукой достаточно еще не обслѣдована *.

Выслушавъ такой уклончивый отвѣтъ, помощникъ градоначальника сталъ въ тупикъ. Ему предстояло одно изъ двухъ: или

* Нынѣ доказано, что тѣла всѣхъ вообще начальниковъ подчиняются тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какъ и всякое другое человѣческое тѣло, но не слѣдуетъ забывать, что въ 1762 году наука была въ младенчествѣ. *Изд.*

немедленно рапортовать о случившемся по начальству и между тѣмъ начать подъ рукой слѣдствіе, или же нѣкоторое время молчать и выжидать, что̀ будетъ. Въ виду такихъ затрудненій, онъ избралъ средній путь, то-есть приступилъ къ дознанію, и въ то же время всѣмъ и каждому наказалъ хранить по этому предмету глубочайшую тайну, дабы не волновать народъ и не поселить въ немъ несбыточныхъ мечтаній.

Но какъ ни строго хранили будочники ввѣренную имъ тайну, неслыханная вѣсть объ упраздненіи градоначальниковой головы въ нѣсколько минутъ облетѣла весь городъ. Изъ обывателей многіе плакали, потому что почувствовали себя сиротами, и сверхъ того, боялись подпасть подъ отвѣтственность за то, что повиновались такому градоначальнику, у котораго на плечахъ, вмѣсто головы, была пустая посудина. Напротивъ, другіе, хотя тоже плакали, но утверждали, что за повиновеніе ихъ ожидаетъ не кара, а похвала. Какъ и водится, произошли весьма интересные разговоры.

— Посудина, братъ, не посудина, говорилъ одинъ достойный гражданинъ другому:—а ежели посудинѣ велятъ кланяться, такъ и ей, матушкѣ, поклонись—вотъ что!

— Поклониться—для-че не поклониться! голова не отвалится! отвѣчалъ другой достойный гражданинъ:—одначе, съ посудиной-ту на плечахъ, какъ бы оно тово... казнѣ бы, пожалуй, ущерба какого не сдѣлалъ—вотъ что!

Въ клубѣ, вечеромъ, всѣ наличные члены были въ сборѣ. Волновались, толковали, припоминали разныя обстоятельства и находили факты свойства довольно подозрительнаго. Такъ, напримѣръ, засѣдатель Толковниковъ разсказалъ, что однажды онъ вошелъ, врасплохъ, въ градоначальническій кабинетъ по весьма нужному дѣлу, и засталъ градоначальника играющимъ своею собственною головою, которую онъ, впрочемъ, тотчасъ же поспѣшилъ пристроить къ надлежащему мѣсту. Тогда онъ не обратилъ на этотъ фактъ надлежащаго вниманія, и даже счелъ его игрою воображенія, но теперь ясно, что градоначальникъ, въ видахъ собственнаго облегченія, повременамъ, снималъ съ себя голову, и вмѣсто нея надѣвалъ ермолку, точно такъ, какъ соборный протоіерей, находясь въ домашнемъ кругу, снимаетъ съ себя камилавку и надѣваетъ колпакъ. Другой засѣдатель, Младенцевъ, вспомнилъ, что однажды, идя мимо мастерской часовщика Байбакова, онъ увидалъ въ одномъ изъ ея оконъ градоначальникову голову, окруженную слесарнымъ и столярнымъ инструментомъ. Онъ и тогда уже обратилъ на этотъ фактъ свое вниманіе, потому что думалъ, что Байбаковъ самовольно, неиспро-

сивъ розрѣшенія начальства, затѣялъ соорудить градоначальнику монументъ, но забылъ, потому что жена у него была на сносахъ; теперь же... Но Младенцеву не дали докончить, потому что, при первомъ упоминовеніи о Байбаковѣ, всѣмъ пришло на память его странное поведеніе и таинственные ночные походы его въ квартиру градоначальника...

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ этихъ разсказовъ никакого яснаго результата не выходило. Публика начала даже склоняться въ пользу того мнѣнія, что вся эта исторія есть ничто иное, какъ выдумка праздныхъ людей, но потомъ, припомнивъ лондонскихъ агитаторовъ *, и переходя отъ одного силлогизма къ другому, заключила, что измѣна свила себѣ гнѣздо въ самомъ Глуповѣ. Тогда всѣ члены заволновались и зашумѣли, и, пригласивъ смотрителя народнаго училища, предложили ему вопросъ: бывали ли въ исторіи примѣры, чтобы люди распоряжались, вели войны и заключали трактаты, имѣя на плечахъ порожній сосудъ? Смотритель подумалъ съ минуту, и отвѣчалъ, что въ исторіи многое покрыто мракомъ; но, что былъ, однакоже, нѣкто Карлъ Простодушный, который имѣлъ на плечахъ хотя и не порожній сосудъ, но все равно какъ бы порожній сосудъ.

Покуда шли эти толки, помощникъ градоначальника не дремалъ. Онъ тоже вспомнилъ о Байбаковѣ, и немедленно потянулъ его къ отвѣту. Нѣкоторое время, Байбаковъ запирался, и ничего, кромѣ «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», не отвѣчалъ, но когда ему предъявили найденныя на столѣ вещественныя доказательства и, сверхъ того, пообѣщали полтинникъ на водку, то вразумился и, будучи грамотнымъ, далъ слѣдующее показаніе:

«Васпліемъ зовутъ меня, Ивановымъ сыномъ, по прозванію Байбаковымъ. Глуповскій цеховой; у исповѣди и святого причастія не бываю, ибо принадлежу къ сектѣ фармазоновъ, и есмь оной секты лже-іерей. Судился за сожитіе внѣ брака съ слободской дѣвкой Матренкой, и признанъ по суду явнымъ прелюбодѣемъ, каковымъ и понынѣ считаюсь. Въ прошломъ году, зимой, не помню какого числа и мѣсяца, бывъ разбуженъ въ ночи, отправился я, въ сопровожденіи полицейскаго десятскаго, къ градоначальнику нашему Дементію Варламовичу, и пришедъ, засталъ его сидящимъ, и головою то въ ту, то въ другую сторону мѣрно помавающимъ. Обезпамятѣвъ отъ страха, и притомъ, будучи сильно отягощенъ спиртными напитками, стоялъ я безмолвенъ у порога, какъ вдругъ господинъ градоначальникъ поманили меня рукою къ себѣ, и подали мнѣ бумажку. На бумажкѣ я

* Даже и это предвидѣлъ «Лѣтописецъ»! *Изд.*

прочиталъ: «не удивляйся, но попорченное исправь». Послѣ того, господинъ градоначальникъ сняли съ себя собственную голову, столь же легко, какъ бы это было нечаянно насѣвшая пылинка, которую надлежало стряхнуть, и подали ее мнѣ. Ужаснувшись такому невиданному мной случаю, я вознамѣрился бѣжать, но господинъ градоначальникъ такъ сильно ударили по столу кулакомъ, что я долженъ былъ намѣреніе свое оставить и въ буквальной точности исполнить начальническое приказаніе. Разсмотрѣвъ ближе лежащій предо мной ящикъ, я нашелъ, что хотя онъ устроенъ на манеръ человѣческой головы, но заключаетъ въ одномъ углу небольшой органчикъ, могущій исполнять нѣкоторыя нетрудныя музыкальныя пьесы. Пьесъ этихъ было двѣ: «раззорю!» и «не потерплю!» Но такъ-какъ въ дорогѣ голова нѣсколько отсырѣла, то на валикѣ нѣкоторые колки расшатались, а другіе и совсѣмъ повыпали. Отъ этого самаго, господинъ градоначальникъ не могли говорить внятно, или же говорили съ пропускомъ буквъ и слоговъ. Замѣтивъ въ себѣ желаніе исправить эту погрѣшность, и получивъ на то согласіе господина градоначальника, я съ должнымъ раченіемъ завернулъ голову въ предложенную салфетку и отправился домой. Но здѣсь я увидѣлъ, что напрасно понадѣялся на свое усердіе, ибо какъ ни старался я выпавшіе колки утвердить, но столь мало успѣлъ въ своемъ предпріятіи, что при малѣйшей неосторожности или простудѣ, колки вновь вываливались, и въ послѣднее время господинъ градоначальникъ могли произнести только: п-плю! Въ сей крайности, вознамѣрились они сгоряча меня на всю жизнь несчастнымъ сдѣлать, но я тотъ ударъ отклонилъ, предложивши господину градоначальнику обратиться за помощью въ Санкт-Петербургъ къ часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастеру Винтергальтеру, что̀ и было ими выполнено въ точности. Съ тѣхъ поръ, прошло уже времени довольно, въ продолженіе коего я ежедневно разсматривалъ градоначальникову голову, и вычищалъ изъ нея соръ, въ каковомъ занятіи пребывалъ и въ то утро, когда ваше высокоблагородіе, по оплошности моей, законфисковали принадлежащій мнѣ инструментъ. Но почему заказанная у господина Винтергальтера новая голова до сихъ поръ не прибываетъ, о томъ неизвѣстенъ. Полагаю, впрочемъ, что за разлитіемъ рѣкъ, по весеннему нынѣшнему времени, голова сія и нынѣ находится гдѣ-либо въ бездѣйствіи. На спрашиваніе же вашего высокоблагородія о томъ, вопервыхъ, могу ли я, въ случаѣ присылки новой головы, оную утвердить, и вовторыхъ, будетъ ли та утвержденная голова исправно дѣйствовать? отвѣтствовать симъ честь имѣю: утвердить могу и дѣйствовать оная будетъ, но настоящихъ

мыслей имѣть не можетъ. Къ сему показанію, явный прелюбодѣй Василій Ивановъ Байбаковъ руку приложилъ».

Такимъ образомъ, дѣло разъяснилось очень просто; никакого похищенія не было, а было только упраздненіе — и болѣе ничего.

Выслушавъ показаніе Байбакова, помощникъ градоначальника сообразилъ, что ежели однажды допущено, чтобы въ Глуповѣ былъ городничій, имѣющій, вмѣсто головы, простую укладку, то, стало быть, это такъ слѣдуетъ, и поднимать такое дѣло было бы неосторожно. Поэтому, онъ рѣшился выжидать, но въ то же время послалъ къ Винтергальтеру понудительную телеграмму * и, заперевъ градоначальниково тѣло на ключъ, устремилъ всю свою дѣятельность на успокоеніе общественнаго мнѣнія.

Но всѣ ухищренія оказались уже тщетными. Прошло послѣ того и еще два дня; пришла, наконецъ, и давно ожидаемая петербургская почта; но никакой головы не привезла.

Началась анархія, то-есть безначаліе. Присутственныя мѣста внезапно запустѣли; недоимокъ накопилось такое множество, что мѣстный казначей, заглянувъ въ казенный ящикъ, разинулъ ротъ, да такъ на всю жизнь съ разинутымъ ртомъ и остался; квартальные отбились отъ рукъ и нагло бездѣйствовали; офиціальные дни исчезли. Мало того, начались убійства, и на самомъ городскомъ выгонѣ поднято было туловище неизвѣстнаго человѣка, въ которомъ, по фалдочкамъ, хотя и признали лейбъ-кампанца, но ни капитанъ-исправникъ, ни прочіе члены временнаго отдѣленія, какъ ни бились, не могли отыскать отдѣленной отъ туловища головы.

Въ восемь часовъ вечера помощникъ градоначальника получилъ по телеграфу извѣстіе, что голова давнымъ-давно послана. Винтергальтеръ ссылался на свою всегдашнюю аккуратность и даже высказывалъ нелестный намекъ, будто заказчикъ хочетъ выманить у него задаромъ другую голову. Помощникъ градоначальника оторопѣлъ окончательно.

Проходитъ и еще день, а градоначальниково тѣло все сидитъ въ кабинетѣ и даже начинаетъ портиться. Начальстволюбіе, временно потрясенное страннымъ поведеніемъ Брудастаго, робкими но твердыми шагами выступаетъ впередъ. Лучшіе люди ѣдутъ процессіей къ помощнику градоначальника и настоятельно требуютъ, чтобы онъ распорядился. Помощникъ градоначальника, видя, что недоимки накопляются, пьянство развивается, правда въ судахъ упраздняется, а резолюціи не утверждаются, обра-

* Изумительно!! *Изд.*

тился къ содѣйствію стряпчаго. Сей послѣдній, какъ человѣкъ обязательный, телеграфировалъ о происшедшемъ случаѣ по начальству, и по телеграфу же получилъ извѣстіе, что онъ, за нелѣпое донесеніе, уволенъ отъ службы *.

Услыхавъ объ этомъ, помощникъ градоначальника пришелъ въ правленіеи заплакалъ. Пришли засѣдатели — тоже заплакали; явился стряпчій, но и тотъ отъ слезъ не могъ говорить.

— Господи! пьянство развивается, правда въ судахъ упраздняется, дороги не исправляются, недоимки не собираются! восклицали эти невинные люди, и испускали такіе густые вздохи, что едва не закоптили тверди небесной.

Между тѣмъ, Винтергальтеръ говорилъ правду и голова дѣйствительно была изготовлена и выслана своевременно. Но онъ поступилъ весьма опрометчиво, поручивъ доставку ея на почтовыхъ мальчику, совершенно несвѣдущему въ органномъ дѣлѣ. Вмѣсто того, чтобъ держать посылку бережно на вѣсу, неопытный посланецъ кинулъ ее на дно телеги, а самъ задремалъ. Въ этомъ положеніи онъ проскакалъ нѣсколько станцій, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то укусилъ его за икру. Застигнутый болью врасплохъ, онъ съ поспѣшностью развязалъ рогожный кулекъ, въ которомъ завернута была загадочная кладь, и странное зрѣлище вдругъ представилось глазамъ его. Голова разѣвала ротъ и поводила глазами; мало того: она громко и совершенно отчетливо произнесла: «разорю!»

Мальчишка просто обезумѣлъ отъ ужаса. Первымъ его движеніемъ было выбросить говорящую кладь на дорогу; вторымъ — незамѣтнымъ образомъ спуститься самому изъ телеги и скрыться въ кусты.

Можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось это странное происшествіе, что голова, пролежавъ нѣкоторое время на дорогѣ, была бы современемъ раздавлена экипажами проѣзжающихъ и наконецъ вывезена на поле въ видѣ удобренія, еслибы дѣло не усложнилось вмѣшательствомъ элемента до такой степени фантастическаго, что сами фантастическіе глуповцы — и тѣ стали въ тупикъ. Но не будемъ упреждать событій, и посмотримъ, что̀ дѣлается въ Глуповѣ.

Глуповъ заснулъ. Не видя нѣсколько дней сряду градоначальника, граждане волновались, и ни мало не стѣсняясь, обвиняли помощника градоначальника и старшаго квартальнаго въ растратѣ казеннаго имущества. По городу безнаказанно бродили юродивые и блаженные и предсказывали народу всякія

* Этотъ достойный чиновникъ оправдался, и, какъ увидимъ ниже, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ послѣдующихъ глуповскихъ событіяхъ. *Изд.*

бѣдствія. Какой то Мишка Возгрявый увѣрялъ, что онъ имѣлъ ночью сонное видѣніе, въ которомъ явился къ нему мужъ грозенъ и облакомъ пресвѣтлымъ одѣянъ. Наконецъ глуповцы не вытерпѣли; предводительствуемые излюбленнымъ гражданиномъ Пузановымъ, они выстроились въ каре передъ присутственными мѣстами, и требовали къ народному суду помощника градоначальника, грозя въ противномъ случаѣ разнести и его самаго и его домъ.

Противообщественные элементы всплывали наверхъ съ ужасающею быстротой. Поговаривали о самозванцахъ, о какомъ-то Степкѣ рваныя-ноздри, который, предводительствуя вольницей, не далѣе какъ вчера, въ виду всѣхъ, свелъ двухъ купеческихъ женъ, и поигравъ съ ними, прислалъ на другой день обратно въ Глуповъ.

— Куда ты дѣвалъ нашего батюшку? завопило разозленное до неистовства сонмище, когда помощникъ градоначальника предсталъ передъ нимъ.

— Атаманы-молодцы! гдѣ же я вамъ его возьму, коли онъ на ключъ запертъ! уговаривалъ толпу объятый трепетомъ чиновникъ, вызванный событіями изъ административнаго оцепенѣнія. Въ то же время онъ секретно мигнулъ Байбакову, который, увидѣвъ этотъ знакъ, немедленно скрылся.

Но волненіе не унималось.

— Врешь, переметная сума! отвѣчала толпа:—вы нарочно съ квартальнымъ стакнулись, чтобъ батюшку нашего отъ себя избыть!

Богъ знаетъ, чѣмъ разрѣшилось бы всеобщее смятеніе, если-бы въ эту минуту не послышался звонъ колокольчика, и вслѣдъ затѣмъ не подъѣхала къ бунтующимъ телега, въ которой сидѣлъ капитанъ-исправникъ, а съ нимъ рядомъ... исчезнувшій градоначальникъ!

На немъ былъ надѣтъ лейбъ-кампанскій мундиръ; голова была сильно перепачкана грязью и въ нѣсколькихъ мѣстахъ побита. Несмотря на это, онъ ловко выскочилъ съ телеги и сверкнулъ на толпу глазами.

— Разорю! загремѣлъ онъ такимъ оглушительнымъ голосомъ, что всѣ мгновенно притихли.

Волненіе было подавлено сразу; въ этой, недавно столь грозно гудѣвшей толпѣ водворилась такая глубокая тишина, что можно было разслышать, какъ жужжалъ комаръ, прилетѣвшій изъ сосѣдняго болота подивиться на «сіе нелѣпое и смѣха достойное глуповское смятеніе».

— Зачинщики впередъ! скомандовалъ градоначальникъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.

Начали выбирать зачинщиковъ изъ числа неплательщиковъ податей, и уже набрали человѣкъ съ десятокъ, какъ новое и совершенно диковинное обстоятельство дало дѣлу совсѣмъ другой оборотъ.

Въ то время, какъ глуповцы съ тоскою перешептывались, припоминая, на комъ изъ нихъ болѣе накопилось недоимки, къ сборищу незамѣтно подъѣхали столь извѣстныя обывателямъ градоначальническія дрожки. Не успѣли обыватели оглянуться, какъ изъ экипажа выскочилъ Байбаковъ, а слѣдомъ за нимъ въ виду всей толпы очутился точь въ точь такой же градоначальникъ, какъ и тотъ, который, за минуту передъ тѣмъ, былъ привезенъ въ телегѣ исправникомъ! Глуповцы такъ и остолбенѣли.

Голова у этого другого градоначальника была совершенно новая и притомъ покрытая лакомъ. Нѣкоторымъ болѣе прозорливымъ гражданамъ показалось страннымъ, что большое родимое пятно, бывшее нѣсколько дней тому назадъ на правой щекѣ градоначальника, теперь очутилось на лѣвой.

Самозванцы встрѣтились и смѣрили другъ друга глазами. Толпа медленно и въ молчаніи разошлась *.

СКАЗАНІЕ О ШЕСТИ ГРАДОНАЧАЛЬНИЦАХЪ **.

КАРТИНА ГЛУПОВСКАГО МЕЖДОУСОБІЯ.

Какъ и должно было ожидать, странныя происшествія, совершившіяся въ Глуповѣ, не остались безъ послѣдствій.

Не успѣло еще пагубное двоевластіе пустить зловредные свои корни, какъ изъ губерніи прибылъ разсыльный, который, забравъ

* Издатель почелъ за лучшее закончить на этомъ мѣстѣ настоящій разсказъ, хотя «Лѣтописецъ» и дополняетъ его различными разъясненіями. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что на первомъ градоначальникѣ была надѣта та самая голова, которую выбросилъ изъ телеги посланный Винтергальтера и которую капитанъ-исправникъ приставилъ къ туловищу неизвѣстнаго лейбъ-кампанца; на второмъ же градоначальникѣ была надѣта прежняя голова, которую на скоро поправилъ Байбаковъ, по приказанію помощника городничаго, набивши ее, по ошибкѣ, вмѣсто музыки, вышедшими изъ употребленія предписаніями. Всѣ эти разсужденія положительно младенческія, и несомнѣннымъ остается только то, что оба градоначальника были самозванцы.

** Событія, разсказанныя здѣсь, совершенно невѣроятны. Издатель даже не рѣшился бы печатать эту исторію, еслибы современные фельетонисты-историки наши: гг. Мельниковъ, Семевскій, Шишкинъ и другіе не показали, до чего можетъ доходить развязность въ обращеніи съ историческими фактами. Читая предлагаемое «Сказаніе», можно даже подумать, что «Лѣтописецъ», предвосхитивъ разсказы гг. Мельникова и Семевскаго, писалъ на нихъ пародію. *Изд.*

обоихъ самозванцевъ и посадивъ ихъ въ особые сосуды, наполненные спиртомъ, немедленно увезъ для освидѣтельствованія.

Но этотъ, повидимому, естественный и законный актъ административной твердости едва не сдѣлался источникомъ еще горшихъ затрудненій, нежели тѣ, которыя произведены были неумѣстнымъ вмѣшательствомъ предводителя.

Едва простылъ слѣдъ разсыльнаго, увезшаго самозванцевъ, едва узнали глуповцы, что они остались совсѣмъ безъ градоначальника, какъ, движимые силою начальстволюбія, немедленно впали въ анархію.

«И лежалъ бы градъ сей и до днѣсь въ оной погибельной безднѣ», говоритъ «Лѣтописецъ», «ежели бы не былъ извлеченъ оттоль твердостью и самоотверженіемъ нѣкотораго неустрашимаго штабъ-офицера изъ мѣстныхъ обывателей».

Анархія началась съ того, что глуповцы собрались вокругъ колокольни и сбросили съ раската двухъ гражданъ: Степку да Ивашку. Потомъ пошли къ модному заведенію француженки, дѣвицы де-Санъ-Кюлотъ (въ Глуповѣ она была извѣстна подъ именемъ Устиньи Протасьевны Трубочистихи; впослѣдствіи же оказалась сестрою Марата * и умерла отъ угрызеній совѣсти), и перебивъ тамъ стекла, послѣдовали къ рѣкѣ. Тутъ утопили еще двухъ гражданъ: Порфишку, да другаго Ивашку, и, ничего не доспѣвъ, разошлись по домамъ.

Между тѣмъ, измѣна не дремала. Явились честолюбивыя личности, которыя задумали воспользоваться дезорганизаціей власти для удовлетворенія своимъ эгоистическимъ цѣлямъ. И, что̀ всего страннѣе, представительницами анархическаго элемента явились на сей разъ исключительно женщины.

Первая, которая замыслила похитить бразды глуповскаго правленія, была Иродіада Лукинишна Палеологова, бездѣтная вдова, непреклоннаго характера, мужественнаго сложенія, съ лицомъ темно-коричневаго цвѣта, напоминавшимъ старопечатныя изображенія. Никто не помнилъ, когда она поселилась въ Глуповѣ, такъ что нѣкоторые изъ старожиловъ полагали, что событіе это совпадало съ мракомъ временъ. Жила она уединенно, питаясь скудною пищею, отдавая въ ростъ деньги и жестоко истязуя четырехъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ. Дерзкое свое предпріятіе она, повидимому, зрѣло обдумала. Вопервыхъ, она сообразила, что городу безъ начальства ни на минуту оставаться невозмож-

---

* Маратъ въ то время не былъ извѣстенъ; ошибку эту можно объяснить тѣмъ, что событія описывались Лѣтописцемъ, повидимому, не по горячимъ слѣдамъ, а нѣсколько лѣтъ спустя. *Изд.*

но; вовторыхъ, нося фамилію Палеологовыхъ, она видѣла въ этомъ нѣкоторое тайное указаніе; втретьихъ, не мало предвѣщало хорошаго и то обстоятельство, что покойный мужъ ея, бывшій винный приставъ, однажды, за оскуденіемъ, исправлялъ гдѣ-то должность градоначальника, и никто ничего не замѣтилъ. «Сообразивъ все сіе», говоритъ Лѣтописецъ, «злоехидная оная Ироидка начала дѣйствовать».

Не успѣли глуповцы опомниться отъ вчерашнихъ событій, какъ Палеологова, воспользовавшись тѣмъ, что помощникъ градоначальника съ своими приспѣшниками засѣлъ въ клубѣ въ бостонъ, извлекла изъ ножонъ шпагу покойнаго виннаго пристава, и напоивъ, для храбрости, троихъ солдатъ изъ мѣстной инвалидной команды, вторглась въ казначейство. Оттоль, взявъ въ плѣнъ казначея и бухгалтера, а казну безсовѣстно обобравъ, возвратилась въ домъ свой. Причемъ бросала въ народъ мѣдными деньгами, а пьяные ея подручники восклицали: «вотъ наша матушка! теперь намъ, братцы, вина будетъ въ волю!»

Когда, на другой день, помощникъ градоначальника проснулся, все уже было кончено. Онъ изъ окна видѣлъ, какъ обыватели поздравляли другъ друга, лобызались и проливали слезы. Затѣмъ, хотя онъ и попытался вновь захватить бразды правленія, но такъ-какъ руки у него тряслись, то сейчасъ же ихъ выпустилъ. Въ унынiи и тоскѣ, онъ поспѣшилъ въ городовое управленіе, чтобъ узнать, сколько осталось вѣрныхъ ему полицейскихъ солдатъ, но на дорогѣ былъ схваченъ засѣдателемъ Толковниковымъ и приведенъ предъ Ироидку. Тамъ засталъ онъ связаннаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, который тоже ожидалъ своей участи.

— Признаете ли вы меня за градоначальницу? кричала на нихъ Ироидка.

— Если ты имѣешь мужа и можешь доказать, что онъ здѣшній градоначальникъ, то признаю! твердо отвѣчалъ мужественный помощникъ градоначальника. Казенныхъ дѣлъ стряпчій трясся всѣмъ тѣломъ и трясеніемъ этимъ какъ бы подтверждалъ мужество своего сослуживца.

— Не о томъ васъ спрашиваютъ, мужняя ли я жена, или вдова, а о томъ, признаете ли вы меня градоначальницею? пуще ярилась Ироидка.

— Если болѣе ясныхъ доказательствъ не имѣешь, то не признаю! столь твердо отвѣчалъ помощникъ градоначальника, что стряпчій защелкалъ зубами и заметался во всѣ стороны.

— Что съ ними толковать! на раскатъ ихъ! вопилъ Толковниковъ и его единомышленники.

Нѣтъ сомнѣнія, что участь этихъ оставшихся вѣрными долгу чиновниковъ была бы весьма плачевна, еслибъ не выручило ихъ непредвидѣнное обстоятельство. Въ то время, когда Иронда безпечно т ор жествовала побѣду, неустрашимый штабъ-офицеръ не дремалъ, и руководясь пословицей: «выбивай клинъ клиномъ», научилъ нѣкоторую авантюристку, Клементину де-Бурбонъ, предъявить права свои. Права эти заключались въ томъ, что отецъ ея, Клементины, кавалеръ де-Бурбонъ, былъ нѣкогда гдѣ-то градоначальникомъ и за фальшивую игру въ карты отъ должности той уволенъ. Сверхъ сего, новая претендентша имѣла высокій ростъ, любила пить водку и ѣздила верхомъ помужски. Безъ труда склонивъ на свою сторону четырехъ солдатъ мѣстной инвалидной команды и будучи тайно поддерживаема польскою интригою, эта бездѣльная проходимица овладѣла умами почти мгновенно. Опять шарахнулись глуповцы къ колокольнѣ, сбросили съ раската Тимошку, да третьяго Ивашку, потомъ пошли къ Трубочистихѣ и до тла разорили ея заведеніе, потомъ шарахнулись къ рѣкѣ и тамъ утопили Прошку и четвертаго Ивашку.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда мужественныхъ страдальцевъ повели къ раскату. На улицѣ ихъ встрѣтила предводимая Клементиною толпа, посреди которой недреманнымъ окомъ бодрствовалъ неустрашимый штабъ-офицеръ. Плѣнниковъ немедленно освободили.

— Что, старички! признаете ли вы меня за градоначальницу? спросила безпутная Клементинка.

— Ежели ты имѣешь мужа, и можешь доказать, что онъ здѣшній градоначальникъ, то признаёмъ! мужественно отвѣчалъ помощникъ градоначальника.

— Ну, Христосъ съ вами! отведите имъ по клочку земли подъ огороды! пускай сажаютъ капусту и пасутъ гусей! кротко сказала Клементинка, и съ этимъ словомъ двинулась къ дому, въ которомъ укрѣпилась Иронда.

Произошло сраженіе; Иронда защищалась цѣлый день и цѣлую ночь, искусно выставляя впередъ плѣнныхъ казначея и бухгалтера.

— Сдайся! говорила Клементинка.

— Покорись, безстыжая! да уйми своихъ кобелей! храбро отвѣчала Иронда.

Однако къ утру слѣдующаго дня Иронда начала ослабѣвать, но и то благодаря лишь тому обстоятельству, что казначей и бухгалтеръ, проникнувшись гражданскою храбростью, рѣшительно отказались защищать укрѣпленіе. Положеніе осаждающихъ сдѣлалось весьма сомнительнымъ. Сверхъ обязанности отбивать осаж-

денныхъ, Иропдкѣ необходимо было усмирять измѣну въ собственномъ лагерѣ. Предвидя конечную гибель, она рѣшилась умереть геройскою смертью, и собравъ награбленныя въ казнѣ деньги, въ виду всѣхъ взлетѣла на воздухъ вмѣстѣ съ казначеемъ и бухгалтеромъ.

Утромъ помощникъ градоначальника, сажая капусту, видѣлъ какъ обыватели вновь поздравляли другъ друга, лобызались и проливали слезы. Нѣкоторые изъ нихъ до того осмѣлились, что даже подходили къ нему, хлопали по плечу, и въ шутку называли прохвостомъ. Всѣхъ этихъ смѣльчаковъ помощникъ градоначальника, конечно, тогда же записалъ на бумажку.

Вѣсти о «глуповскомъ нелѣпомъ и смѣха достойномъ смятеніи» достигли, наконецъ, и до начальства. Велѣно было «безпутную оную Клементинку, сыскавъ, представить, а которые есть у нея сообщники, то и тѣхъ, сыскавъ, представить же, а глуповцамъ крѣпко-на-крѣпко наказать, дабы неповинныхъ гражданъ въ рѣкѣ занапрасно не утапливали и съ раската тоже звѣринымъ обычаемъ не сбрасывали». Но извѣстія о назначеніи новаго градоначальника все еще не получалось.

Между тѣмъ, дѣла въ Глуповѣ запутывались все больше и больше. Явилась третья претендентша, ревельская уроженка Амалія Карловна Штокфишъ, которая основывала свои претензіи единственно на томъ, что она два мѣсяца жила у какого-то градоначальника въ помпадуршахъ. Опять шарахнулись глуповцы къ колокольнѣ, сбросили съ раската Сёмку и только что хотѣли спустить туда же пятаго Иьашку, какъ были остановлены именитымъ гражданиномъ Силой Терентьевымъ Пузановымъ.

— Атаманы-молодцы! говорилъ Пузановъ: — однако, вѣдь мы такимъ манеромъ всѣхъ людишекъ перебьемъ, а толку не измыслимъ!

— Правда! согласились опомнившіеся атаманы-молодцы.

— Стой! кричали другіе: — а зачѣмъ онъ галдитъ? галдѣть развѣ велѣно?

Пятый Ивашко стоялъ ни живъ, ни мертвъ передъ раскатомъ, машинально кланяясь на всѣ стороны.

— Стойте, атаманы-молодцы! вновь возвысилъ голосъ Пузановъ: — пойдемъ челомъ бить къ начальству!

— А къ какому-тя чорту къ начальству понесетъ! завопила толпа: — Рандку-то развѣ не видѣлъ, какъ улетѣла?

Въ это время, къ толпѣ подъѣхала на бѣломъ конѣ дѣвица Штокфишъ, сопровождаемая шестью пьяными солдатами, которые вели взятую въ плѣнъ безпутную Клементинку. Штокфишъ была полная, бѣлокурая нѣмка, съ высокою грудью, съ

румяными щеками, и съ пухлыми, словно вишни, губами. Толпа заволновалась.

— Ишь, толстомясая! купкй-то нагуляла! раздалось въ разныхъ мѣстахъ.

Но Штокфишъ, очевидно, заранѣе взвѣсила опасности своего положенія, и поторопилась отразить ихъ хладнокровіемъ.

— Атаманы-молодцы! гаркнула она, молодецки указывая на обезумѣвшую отъ водки Клементинку:—вотъ безпутная оная Клементинка, которую велѣно, сыскавъ, представить! видѣли?

— Видѣли! шумѣла толпа.

— Точно видѣли? и признаёте ее за ту самую безпутную оную Клементинку, которую велѣно, сыскавъ, немедленно представить?

— Видѣли! признаемъ!

— Такъ выкатить имъ три бочки пѣннаго! воскликнула неустрашимая нѣмка, обращаясь къ солдатамъ, и не торопясь выѣхала изъ толпы.

— Вотъ она! вотъ она, матушка-то наша Амалія Карловна! теперь, братцы, вина у насъ будетъ вдоволь! гаркнули атаманы-молодцы вслѣдъ уѣзжающей.

Въ этотъ день весь Глуповъ былъ пьянъ, а больше всѣхъ пятый Ивашка. Безпутную оную Клементинку посадили въ клѣтку и вывезли на площадь; атаманы-молодцы подходили и дразнили ее. Нѣкоторые, болѣе добродушные, подчивали водкой, но требовали, чтобы она за это откинула какое-нибудь колѣнце.

Легкость, съ которою толстомясая нѣмка Штокфишъ одержала побѣду надъ безпутною Клементинкой, объясняется очень просто. Клементинка, какъ только уничтожила Рандку, такъ сейчасъ же заперлась съ своими солдатами и предалась изнѣженности нравовъ. Напрасно панъ Кшепшицюльскій и панъ Пшекшицюльскій, которыхъ она была тайнымъ орудіемъ, усовѣщевали, протестовали и угрожали — Клементинка черезъ пять минутъ была до того пьяна, что ничего ужъ не понимала. Паны нѣкоторое время еще подержались, но потомъ, увидѣвъ безполезность дальнѣйшей стойкости, отступились. И дѣйствительно, въ ту же ночь, Клементинка была поднята въ безчувственномъ видѣ съ постели и выволочена въ одной рубашкѣ на улицу.

Неустрашимый штабъ-офицеръ (изъ обывателей) былъ въ отчаяніи. Изъ всѣхъ его ухищреній, подвоховъ и переодѣваній ровно ничего путнаго не выходило. Анархія царствовала въ городѣ полная; начальствующихъ не было, предводитель удралъ въ деревню, старшій квартальный зарылся съ смотрителемъ училищъ на пожарномъ дворѣ въ солому и трепеталъ. Самого его, штабъ-

офицера, сыскивали по городу и за поимку назначено было награды алтынъ. Обыватели заволновались, потому что всякому было лестно тотъ алтынъ прикарманить. Онъ ужь подумывалъ, не лучше ли ему самому воспользоваться деньгами, явившись къ толстомясой нѣмкѣ съ повинною, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство дало дѣлу совершенно новый оборотъ.

Легко было нѣмкѣ справиться съ безпутною Клементинкою, но несравненно труднѣе было обезоружить польскую интригу, тѣмъ болѣе, что она дѣйствовала невидимыми подземными путями. Послѣ разгрома Клементинкинова, паны Кшепшицюльскій и Пшекшицюльскій грустно возвращались по домамъ и громко сѣтовали на неспособность русскаго народа, который даже для подобнаго случая ни одной талантливой личности не съумѣлъ изъ себя выработать, какъ вниманіе ихъ было развлечено однимъ, повидимому, ничтожнымъ происшествіемъ.

Было свѣжее майское утро, и съ неба падала изобильная роса. Послѣ безсонной и бурно-проведенной ночи, глуповцы улеглись спать, и въ городѣ царствовала тишина непробудная. Около деревяннаго домика невзрачной наружности суетились какіе-то два парня и мазали дегтемъ ворота. Увидѣвъ пановъ, они, повидимому, смѣшались и спѣшили на утекъ, но были остановлены.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросили паны.

— Да вотъ, Нелькины ворота дегтемъ мажемъ! сознался одинъ изъ парней:—оченно она понѣ ужь на всѣ стороны махаться стала!

Паны переглянулись и какъ-то многозначительно цыркнули. Хотя они пошли далѣе, но въ головѣ ихъ созрѣлъ уже планъ. Они вспомнили, что въ ветхомъ деревянномъ домикѣ дѣйствительно жила и содержала заѣзжій домъ ихъ компатріотка, Анеля Алоизіевна Лядоховская, и что хотя она не имѣла никакихъ правъ на названіе градоначальнической помпадурши, но тоже была какъ-то однажды призываема къ градоначальнику. Этого послѣдняго обстоятельства совершенно достаточно было, чтобы выставить новую претендентшу и сплести новую польскую интригу.

Они тѣмъ легче могли успѣть въ своемъ намѣреніи, что въ это время своеволіе глуповцевъ дошло до размѣровъ неслыханныхъ. Мало того, что они въ одинъ день сбросили съ раската и утопили въ рѣкѣ цѣлые десятки пзлюбленныхъ гражданъ, но на заставѣ самовольно остановили ѣхавшаго изъ губерніи, по казенной подорожной, чиновника.

— Кто ты? и съ чѣмъ къ намъ пріѣхалъ? спрашивали глуповцы у чиновника.

*

— Чиновникъ изъ губерніи (имя рекъ), отвѣчалъ пріѣзжій:— и пріѣхалъ сюда для розыску бездѣльныхъ Клементинкиныхъ дѣлъ!

— Вретъ онъ! Онъ отъ Клементинки, отъ подлой, подосланъ! волоките-ко его на съѣзжую! кричали атаманы-молодцы.

Напрасно протестовалъ и сопротивлялся пріѣзжій, напрасно показывалъ какія-то бумаги, народъ ничему не вѣрилъ и не выпускалъ его.

— Намъ, братъ, этой бумаги-то цѣлыя вороха показывали — да пустое дѣло вышло! а съ тобой намъ ссылаться не пригоже, потому, ты, и по обличью видно, безпутной оной Клементинки лазутчикъ! кричали одни.

— Что съ нимъ по пустякамъ лясы точить! въ воду его — и шабашъ! кричали другіе.

Несчастнаго чиновника увели въ съѣзжую избу, и отдали за приставовъ.

Между тѣмъ, Амалія Штокфишъ распоряжалась; назначила съ мѣщанъ по алтыну съ каждаго двора, съ купцовъ же по фунту чаю да по головѣ сахару большой. Потомъ поѣхала въ казармы и изъ собственныхъ рукъ поднесла солдатамъ по чаркѣ воцки и по куску пирога. Возвращаясь домой, она встрѣтила на дорогѣ помощника градоначальника и стряпчаго, которые гнали хворостиной гусей съ луга.

— Ну, что, старички? одумались ли? спросила она ихъ благосклонно.

— Ежели имѣешь мужа, и можешь доказать, что онъ нашъ градоначальникъ, то признаемъ! твердо отвѣтствовалъ помощникъ градоначальника.

— Ну, Христосъ съ вами! пасите гусей! сказала толстомясая нѣмка, и прослѣдовала далѣе.

Къ вечеру полилъ такой сильный дождь, что улицы Глупова сдѣлались на нѣсколько часовъ непроходимыми. Благодаря этому обстоятельству, ночь минула благополучно для всѣхъ, кромѣ злосчастнаго пріѣзжаго чиновника, котораго, для вѣрнѣйшаго испытанія, посадили въ темную и тѣсную каморку, изстари носившую названіе «большаго блошинаго завода», въ отличіе отъ малаго завода, въ которомъ испытывались преступники менѣе опасные. Въ эту ночь глуповцы, утомленные предыдущею безсонницей, храпѣли такъ громко, что заглушали даже раскаты грома. Наставшее затѣмъ утро также неблагопріятствовало проискамъ польской интриги, такъ-какъ интрига эта, всегда дѣйствуя въ темнотѣ, не можетъ выносить солнечнаго свѣта. «Толстомясая нѣмка», обманутая наружною тишиной, сочла себя

вполнѣ утвердившеюся, и до того осмѣлилась, что вышла на улицу безъ провожатаго и начала заигрывать съ проходящими. Впрочемъ, къ вечеру она, для формы, созвала опытнѣйшихъ городскихъ будочниковъ и открыла совѣщаніе. Будочники единогласно совѣтовали: первое, безпутную оную Клементинку немедля утопить, дабы не смущала народъ и не дразнила; второе, помощника градоначальника и стряпчаго пытать, и втретьихъ, неустрашимаго штабъ-офицера, сыскавъ, представить. Но таково было ослѣпленіе этой несчастной женщины, что она и слышать не хотѣла о мѣрахъ строгости, и даже пріѣзжаго чиновника велѣла перевести изъ большаго блошинаго завода въ малый.

Между тѣмъ, глуповцы мало по малу начинали приходить въ себя, и охранительныя силы, скрывавшіяся дотолѣ на заднихъ дворахъ, робко, но твердымъ шагомъ выступали впередъ. Помощникъ градоначальника, сославшись съ стряпчимъ и неустрашимымъ штабъ-офицеромъ, сталъ убѣждать глуповцевъ удаляться нѣмкиной и Клементинкиной злокачественной прелести и обратиться къ своимъ занятіямъ. Онъ строго порицалъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго пріѣзжій чиновникъ былъ засаженъ въ блошиный заводъ, и предрекалъ Глупову великія отъ того бѣдствія. Сила Терентьевъ Пузановъ, при этихъ словахъ, тоскливо замоталъ головой, такъ что еслибъ атаманы-молодцы были крошечку побойчѣе, то они, конечно, разнесли бы, при этихъ словахъ, съѣзжую избу по бревнышку. Съ другой стороны, и «безпутная оная Клементинка» оказала немаловажную услугу партіи порядка...

Дѣло въ томъ, что она продолжала сидѣть въ клѣткѣ на площади, и глуповцамъ въ сладость было, въ часы досуга, приходить дразнить ее, такъ-какъ она остервенялась при этомъ неслыханно, въ особенности же когда къ ея тѣлу прикасались концами раскаленныхъ желѣзныхъ прутьевъ.

— Что, Клементинка, сладко? хохотали одни, видя, какъ «безпутная» вертѣлась на мѣстѣ отъ боли.

— И сколько, братцы, эта паскуда винища у насъ слопала — страсть! прибавляли другіе.

— Ваше я, что ли, пила? огрызалась безпутная Клементинка: — кабы не моя несчастная слабость, да не покинули меня паны мои милые, узнали бы вы у меня ужѐ, какова я есть!

— Толстомясая-то тебѣ небось прежде, какова она есть показала!

— То-то «толстомясая»! Я, какова ни на есть, а все-таки градоначальническая дочь, а то взяли себѣ расхожую нѣмку, которая на базарѣ собой торговала!

Призадумались глуповцы надъ этими клементинкиными словами. Задала она имъ загадку.

— А что, братцы! вѣдь она, Клементинка, хоть и безпутная, а правду молвила! говорили одни.

— Пойдемъ, разнесемъ толстомясую! галдѣли другіе.

И еслибъ не подоспѣли тутъ будочники, то не сдобровать бы «толстомясой», полетѣть бы ей внизъ головой съ раската! Но такъ-какъ будочники были строгіе, то дѣло порядка оттянулось, и атаманы-молодцы, пошумѣвъ еще съ малость, разошлись по домамъ.

Но торжество «вольной нѣмки» приходило къ концу само собою. Ночью, едва успѣла она сомкнуть глаза, какъ услышала на улицѣ подозрительный шумъ, и сразу поняла, что все для нея кончено. Въ одной рубашкѣ, босая, бросплась она къ окну, чтобы, по крайней-мѣрѣ, избѣжать позора и не быть посаженной, подобно Клементинкѣ, въ клѣтку, но было уже поздно.

Сильная рука пана Кшешицюльскаго крѣпко держала ее за станъ, а Нелька Лядоховская, «разъярившись неслыханно», требовала къ отвѣту.

— Правда ли, дѣвка Амалька, что ты обманнымъ образомъ власть похитила и градоначальницей облыжно назвать себя изволила и тѣмъ многихъ людишекъ въ соблазнъ ввела? спрашивала ее Лядоховская.

— Правда, отвѣчала Амалька: — только не обманнымъ образомъ и не облыжно, а была и есть градоначальница по самой сущей истинѣ.

— И съ чего тебѣ, поскудѣ, такое смѣхотворное дѣло въ голову взбрело? и кто тебя, поскуду, тому дѣлу научилъ? продолжала допрашивать Лядоховская, не обращая вниманія на Амалькинъ отвѣтъ.

Амалька обидѣлась.

— Можетъ быть, и есть здѣсь какая ни на есть поскуда, сказала она: — только не я.

Сколько за тѣмъ ни предлагали дѣвкѣ Амалькѣ вопросовъ, она презрительно молчала; сколько ни принуждали ее повиниться— не повинилась. Рѣшено было запереть ее въ одну клѣтку съ безпутною Клементинкой.

«Ужасно было видѣть — говоритъ лѣтописецъ — какъ оныя двѣ безпутныя дѣвки, отъ третьей, еще безпутнѣйшей, другъ другу на съѣденіе отданы были! Довольно сказать, что къ утру на другой день, въ клѣткѣ ничего, кромѣ смрадныхъ ихъ костей, уже не было!»

Проснувшись, глуповцы съ удивленіемъ узнали о случившемся; но и тутъ не затруднились. Опять всѣ вышли на улицу, и стали

поздравлять другъ друга, лобызать и проливать слезы. Нѣкоторые просили опохмѣлиться.

— Ахъ, лядъ васъ поберп! говорилъ неустрашимый штабъ-офицеръ, взирая на эту картину. — Что жь мы, однако, теперь будемъ дѣлать? спрашивалъ онъ въ тоскѣ помощника градоначальника.

— Надо орудовать, отвѣчалъ помощникъ градоначальника: — вотъ что! не пустить ли, сударь, въ народѣ слухъ, что оная шельма-Анелька, замѣсто храмовъ Божіихъ, костелы вездѣ ставить велѣла?

— И чудесно!

Но къ полудню слухи сдѣлались еще тревожнѣе. Событія слѣдовали за событіями съ быстротою неимовѣрною. Въ пригородной солдатской слободѣ объявилась еще претендентша, Дунька, толстопятая, а въ стрѣлецкой слободѣ такую же претензію заявила Матренка-ноздря. Обѣ основывали свои права на томъ, что и онѣ не разъ бывали у градоначальника. Такимъ образомъ, приходилось отражать уже не одну, а разомъ трехъ претендентшъ.

И Дунька, и Матренка безчинствовали несказанно. Выходили на улицу, и кулаками сшибали проходящимъ головы, ходили въ одиночку на кабаки и разбивали ихъ, ловили молодыхъ парней и прятали ихъ въ подполья, ѣли младенцевъ, а у женщинъ вырѣзали груди и тоже ѣли. Распустивши волоса по вѣтру, въ одномъ утреннемъ неглиже онѣ бѣгали по городскимъ улицамъ, словно изступленныя, плевались, кусались и произносили неподобныя слова.

Глуповцы просто обезумѣли отъ ужаса. Опять всѣ побѣжали къ колокольнѣ, и сколько тутъ было перебито и перетоплено тѣлъ народныхъ — того даже приблизительно сообразить невозможно. Началось общее судьбище; всякій припоминалъ про своего ближняго всякое, даже такое, что тому и во снѣ не снилось, а такъ-какъ судоговореніе было краткословное, то въ городѣ только и слышалось: шлепъ-шлепъ-шлепъ! Къ четыремъ часамъ пополудни загорѣлась съѣзжая изба; глуповцы кинулись туда, и оцѣпенѣли, увидавъ; что пріѣзжій изъ губерніи чиновникъ сгорѣлъ весь безъ остатка. Опять началось судьбище; стали доискиваться, отъ чьего воровства произошелъ пожаръ, и порѣшили, что пожаръ произведенъ сущимъ воромъ и бездѣльникомъ пятымъ Ивашкой. Вздернули Ивашку на дыбу, требуя чистосердечнаго во всемъ признанія, но въ эту самую минуту, въ Пушкарской слободѣ загорѣлся тараканій малый заводецъ, и всѣ шарахнулись туда, оста ивъ пятаго Ивашку висящимъ на дыбѣ.

Зазвонили въ набатъ, но пламя уже разлилось рѣкою, и перепалило всѣхъ таракановъ безъ остачи. Тогда поймали Матренку-ноздрю и начали вѣжливенько топить ее въ рѣкѣ, требуя, чтобъ она сказала, кто ее, сущую бездѣльницу и воровку, на воровство научилъ, и кто въ томъ дѣлѣ ей пособлялъ? Но Матренка только пускала въ водѣ пузыри (должно быть, топили все-таки не совсѣмъ вѣжливенько), а сообщниковъ и пособниковъ не выдала никого.

Среди этой общей тревоги, объ шельмѣ Анелькѣ совсѣмъ позабыли. Видя, что дѣло ея не выгорѣло, она, подъ шумокъ, снова переѣхала въ свой заѣзжій домъ, какъ будто за ней никакихъ пакостей и не водилось, а паны Кшепшицюльскій и Пшекшицюльскій завели кандитерскую, и стали торговать въ ней печатными пряниками. Оставалась одна толстопятая Дунька, но съ нею совладать было рѣшительно невозможно.

— А надо, братцы, изымать ее безпремѣнно! увѣщевалъ атамановъ-молодцовъ Сила Терентьичъ Пузановъ.

— Да! поди, суньса! ловкой! отвѣчали молодцы.

Былъ, по возмущеніи, день шестый.

Тогда произошло зрѣлище умилительное и безпримѣрное. Глуповцы вдругъ воспрянули духомъ и сами совершили тотъ скромный подвигъ собственнаго спасенія, который, впослѣдствіи, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, повторился въ Италіи. Перебивши и перетопивши цѣлую уйму народа, они основательно заключили, что теперь въ Глуповѣ крамольнаго грѣха не осталось ни на эстолько. Уцѣлѣли только благонамѣренные. Поэтому, всякій смотрѣлъ всякому смѣло въ глаза, зная, что его невозможно попрекнуть ни Клементинкой, ни Рандкой, ни Матренкой. Рѣшили дѣйствовать единодушно и прежде всего снестись съ пригородами. Какъ и слѣдовало ожидать, первый выступилъ на сцену неустрашимый штабъ-офицеръ.

— Сограждане! началъ онъ взволнованнымъ голосомъ, но такъ-какъ рѣчь его была секретная, то весьма естественно, что никто ея не слыхалъ.

Тѣмъ не менѣе, глуповцы прослезились, и начали нудить помощника градоначальника, чтобы вновь принялъ бразды правленія; но онъ, до поимки Дуньки, съ твердостью отъ того отказался. Послышались въ толпѣ вздохи; раздались восклицанія: «ахъ! согрѣшенія наши великія!» но помощникъ градоначальника былъ непоколебимъ.

— Атаманы-молодцы! въ комъ еще крамола осталась — выходи! гаркнулъ голосъ изъ толпы.

Толпа молчала.

— Всѣ очистились? допрашивалъ тотъ же голосъ.

— Всѣ! всѣ! загудѣла толпа.

— Крестись, братцы!

Всѣ перекрестились, объявлено было противъ Дуньки-толстопятой общее ополченіе.

Пригороды, между тѣмъ, одинъ за другимъ слали въ Глуповъ самыя утѣшительныя отписки. Всѣ единодушно соглашались, что крамолу слѣдуетъ вырвать съ корнемъ и для начала прежде всего очистить самихъ себя. Особенно трогательна была отписка пригорода Полоумнова. «Точію же, братіе, сами себя прилежно испытуйте», писали тамошніе посадскіе люди, «да въ серцахъ вашихъ гнѣздо крамольное не свиваемо будетъ, а будете здравы, и предъ лицомъ начальственнымъ не злокозненны, но добротщательны, достохвальны и прелюбезны». Когда читалась эта отписка, въ толпѣ раздавались рыданія, а посадская жена Аксинья-гунявая, воспалившись ревностью великою, тутъ же высыпала изъ кошеля два двугривенныхъ и положила основаніе капиталу, для поимки Дуньки предназначенному.

Но Дунька не сдавалась. Она укрѣпилась на большомъ клоповномъ заводѣ, и, вооружившись пушкой, стрѣляла изъ нея какъ изъ ружья.

— Ишь, шельма, какіе артикулы пушкой выдѣлываетъ! говорили глуповцы, и не смѣли подступиться.

— Ахъ, съѣшь те клопы! восклицали другіе.

Но и клопы были съ нею какъ будто заодно. Она цѣлыми тучами выпускала ихъ противъ осаждающихъ, которые въ ужасѣ разбѣгались. Рѣшили обороняться отъ нихъ варомъ, и средство это, какъ будто, помогло. Дѣйствительно, вылазки клоповъ прекратились, но подступиться къ избѣ все-таки было невозможно, потому что клопы стояли тамъ стѣна-стѣною, да и пушка продолжала дѣйствовать смертоносно. Пытались-было зажечь клоповный заводъ, но въ дѣйствіяхъ осаждающихъ было мало единомыслія, такъ-какъ никто не хотѣлъ взять на себя обязанность руководить ими, — и попытка не удалась.

— Сдавайся, Дунька! не тронемъ! кричали осаждающіе, думая покорить ее льстивыми словами.

Но Дунька отвѣчала невѣжествомъ.

Такъ шло дѣло до вечера. Когда наступила ночь, осаждающіе, благоразумно отступивъ, оставили, для всякаго случая, у клоповнаго завода сторожевую цѣпь.

Оказалось, однако, что стратагема съ варомъ осталась не безъ послѣдствій. Не находя пищи за предѣлами укрѣпленія, и раздраженные запахомъ человѣческаго мяса, клопы устремились

внутрь искать удовлетворенія своей кровожадности. Въ самую глухую полночь, Глуповъ былъ потрясенъ неестественнымъ воплемъ: то испускала духъ толстопятая Дунька, изъѣденная клопами. Тѣло ея, буквально представлявшее сплошную язву, нашли на другой день лежащимъ посреди избы, и около него пушку и безчисленныя стада передавленныхъ клоповъ. Прочіе клопы, какъ бы устыдившись своего подвига, попрятались въ щели.

Былъ, послѣ начала возмущенія, день седьмый. Глуповцы торжествовали. Подъ звуки марша:

Устюшкина мать
Собиралась умирать...

они вышли на площадь, и тутъ сбросили съ раската еще двухъ излюбленныхъ гражданъ: Савку да Гришку.

Но, несмотря на то, что внутренніе враги были побѣждены и польская интрига посрамлена, атаманамъ-молодцамъ было какъ-то не по себѣ, такъ-какъ о новомъ градоначальникѣ все еще не было ни слуху, ни духу. Они слонялись по городу, словно отравленныя мухи, и не смѣли ни за какое дѣло приняться, потому что не знали, какъ-то понравятся ихнія недавнія затѣи новому начальнику.

Наконецъ, въ два часа пополудни седьмаго дня онъ прибылъ. Вновь назначенный, «сущій» градоначальникъ былъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Семенъ Константиновичъ Двоекуровъ.

Онъ немедленно вышелъ на площадь къ буянамъ, и потребовалъ зачинщиковъ. Выдали Стёпку Горластаго да Фильку Безчастнаго.

Супруга новаго начальника, Лукерья Терентьевна, которой званіе послужило поводомъ къ столь серьёзнымъ замѣшательствамъ, милостиво на всѣ стороны кланялась.

Такъ кончилось это бездѣльное и смѣха достойное неистовство; кончилось и съ тѣхъ поръ не повторялось.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КЪ ЛѢТОПИСЦУ.

Мысли о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ.

Сочинилъ глуповскій градоначальникъ, Василискъ Бородавкинъ *.

Необходимо, дабы между градоначальниками царствовало единомысліе. Чтобы они, такъ сказать, по всему лицу земли едиными

* По краткой «описи градоначальниковъ» (см. выше) Бородавкинъ значится подъ № 12. Подробная его біографія будетъ помѣщена въ одной изъ ближай-

устами. О вредѣ градоначальническаго многомыслія распространюсь кратко. Какія суть градоначальниковы права и обязанности? — Права сіи суть: чтобы злодѣи трепетали, а прочіе чтобы повиновались. Обязанности суть: чтобы употреблять мѣры кротости, но не упускать изъ вида и мѣръ строгости. Сверхъ того, поощрять науки. Въ сихъ краткихъ чертахъ заключается недолгая, но и нелегкая градоначальническая наука. Размыслимъ кратко: что̀ изъ сего произойдти можетъ?

«Чтобы злодѣи трепетали» — прекрасно! Но кто же сіи злодѣи? Очевидно, что при многомысліи по сему предмету можетъ произойдти великая въ понятіяхъ неурядица. Злодѣемъ можетъ быть воръ, но это злодѣй, такъ сказать, третьестепенный; злодѣемъ называется убійца, но и это злодѣй лишь второй степени; наконецъ, злодѣемъ можетъ быть вольнодумецъ — это уже злодѣй настоящій, и притомъ закоренѣлый и нераскаянный. Изъ сихъ трехъ сортовъ злодѣевъ, конечно, каждый долженъ трепетать, но въ равной ли мѣрѣ? Нѣтъ, не въ равной. Вору слѣдуетъ предоставить трепетать менѣе, нежели убійцѣ; убійцѣ же менѣе, нежели безбожному вольнодумцу. Сей послѣдній долженъ всегда видѣть предъ собой пронзительный градоначальническій взоръ, и оттого трепетать безпрерывно. Теперь, ежели мы допустимъ относительно сей матеріи въ градоначальникахъ многомысліе, то, очевидно, многое выйдетъ наоборотъ, а именно: безбожники будутъ трепетать умѣренно, воры же и убійцы всеминутно и прежестоко. И такимъ образомъ упразднится здравая административная экономія и нарушится величественная административная стройность!

Но послѣдуемъ далѣе. Выше сказано: «прочіе чтобы повиновались» — но кто же сіи «прочіе»? Очевидно, здѣсь разумѣются

шихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ». Къ ней слѣдовало бы приложить и настоящій оправдательный документъ; но издатель нашелъ возможнымъ напечатать его теперь же, для того, чтобы сразу показать читателю, въ чемъ будетъ заключаться содержаніе «Лѣтописца». Затѣмъ считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткое біографическое замѣчаніе о самомъ сочиненіи. Сочиненіе это составляетъ дѣтскую тетрадку въ четвертую долю листа, и заключающіяся въ ней размышленія кажутся столь основательными, что мы находимъ себя въ правѣ скрыть ихъ отъ публики. Читать рукопись очень трудно, потому что правописаніе ея чисто варварское. Напримѣръ, слово «чтобъ» вездѣ пишется «штобъ» и даже «штонъ»; слово «когда» пишется «кахда» и проч. Но это-то и дѣлаетъ рукопись драгоцѣнною, ибо доказываетъ, что она вышла несомнѣнно и непосредственно изъ-подъ пера глубокомысленнаго администратора, и даже не была на просмотрѣ у секретаря. Это доказываетъ также, что въ прежнія времена отъ градоначальниковъ требовали не столько блестящаго правописанія, сколько глубокомыслія и природной склонности къ философическимъ упражненіямъ. *Издатель.*

обыватели вообще; однакоже, и въ семъ общемъ наименованіи необходимо различать: вопервыхъ, благородное дворянство, вовторыхъ, почтенное купечество и, втретьихъ, земледѣльцевъ и прочій подлый народъ. Хотя безспорно, что каждый изъ сихъ трехъ сортовъ обывателей обязанъ повиноваться, но нельзя отрицать и того, что каждый изъ нихъ можетъ употребить при этомъ свой особенный, ему свойственный манеръ. Напримѣръ: дворянинъ повинуется благородно и вскользь предъявляетъ резоны; купецъ повинуется съ готовностью и проситъ принять хлѣбъ-соль; наконецъ, подлый народъ повинуется просто, и, чувствуя себя виноватымъ, раскаявается и проситъ прощенія. Что̀ будетъ, ежели градоначальникъ въ сіи оттѣнки не вникнетъ, а особливо ежели онъ подлому народу предоставитъ предъявлять резоны? Страшусь сказать, но опасаюсь, что въ семъ случаѣ градоначальническое многомысліе можетъ имѣть послѣдствія не только вредныя, но и съ трудомъ исправимыя!

Разсказываютъ слѣдующее. Одинъ озабоченный градоначальникъ, вошедъ въ кофейную, спросилъ себѣ рюмку водки, и, получивъ желаемое вмѣстѣ съ мѣдною монетою въ сдачу, монету проглотилъ, а водку вылилъ себѣ въ карманъ. Вполнѣ сему вѣрю, ибо при градоначальнической озабоченности подобныя пагубныя смѣшенія весьма возможны. Но при этомъ не могу не сказать: вотъ какъ градоначальники должны быть осторожны въ разсмотрѣніи своихъ собственныхъ дѣйствій!

Послѣдуемъ еще далѣе. Выше я упомянулъ, что у градоначальниковъ, кромѣ правъ, имѣются еще и обязанности. «Обязанности!» — о, сколь горькое это для многихъ градоначальниковъ слово! Но не будемъ, однакожь, поспѣшны, господа мои любезные сотоварищи! размыслимъ зрѣло и, можетъ быть, мы увидимъ, что, при благоразумномъ употребленіи, даже горькія вещества могутъ легко превращаться въ сладкія! Обязанности градоначальническія, какъ уже сказано, заключаются въ употребленіи мѣръ кротости, безъ пренебреженія, однако, мѣрами строгости. Въ чемъ выражаются мѣры кротости? Мѣры сіи преимущественно выражаются въ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ; что же касается до мѣръ строгости, то онѣ всякому довольно извѣстны. Стало быть, распространяться объ нихъ не стану, а прямо приступлю къ описанію способовъ примѣненія тѣхъ и другихъ мѣропріятій.

Прежде всего замѣчу, что градоначальникъ никогда не долженъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе не есть дѣйствіе, а есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры вну-

тренней политики, какъ и экзекуція. Первою мѣрою воздѣйствія и должна быть мѣра кротости. Ибо, ежели градоначальникъ, выйдя изъ своей квартиры, прямо начнетъ палить, то онъ достигнетъ лишь того, что перепалитъ всѣхъ обывателей, и затѣмъ, какъ древній Марій, останется на развалинахъ одинъ съ письмоводителемъ. Такимъ образомъ, употребивъ первоначально мѣру кротости, градоначальникъ долженъ прилежно смотрѣть, оказала ли она надлежащій плодъ, и когда убѣдится, что оказала, то можетъ уйдти домой; когда же увидитъ, что плода нѣтъ, то обязанъ, нимало не медля, приступить къ мѣрамъ послѣдующимъ. По бо́льшей части, сихъ мѣропріятій (особенно, если они употреблены благовременно и быстро) бываетъ достаточно; однако, можетъ случиться и такъ, что толпа какъ бы окоченѣвъ въ своей грубости и закоренѣлости, коснѣетъ въ ожесточеніи. Тогда надлежитъ палить.

Итакъ, вотъ какое существуетъ разнообразіе въ мѣропріятіяхъ, и какая потребна мудрость въ уловленіи всѣхъ оттѣнковъ ихъ. Теперь, представимъ себѣ, что̀ можетъ произойдти, если относительно сей матеріи будетъ существовать пагубное градоначальническое многомысліе?

И еще я сказалъ: градоначальникъ обязанъ насаждать науки. Это такъ. Но и въ семъ разѣ необходимо дать себѣ отчетъ: какія науки? Науки бываютъ разныя; однѣ трактуютъ объ удобреніи полей, о построеніи жилищъ человѣческихъ и скотскихъ, о воинской доблести и непреоборимой твердости — сіи суть полезныя; другія, напротивъ, трактуютъ о вредномъ франмасонскомъ и якобинскомъ вольномысліи, о нѣкоторыхъ, якобы природныхъ человѣку, понятіяхъ и правахъ, при чемъ касаются даже строенія міра — сіи суть вредныя. Что̀ будетъ, ежели одинъ градоначальникъ примется насаждать первыя науки, а другой — вторыя? Вопервыхъ, послѣдній будетъ за сіе преданъ суду и чрезъ то лишится права на пенсію; вовторыхъ, и для самихъ обывателей будетъ отъ того не польза, а вредъ. Ибо, встрѣтившись гдѣ-либо на границѣ, обыватель одного города будетъ вопрошать объ удобреніи полей, а обыватель другаго города, не внявъ вопрошающаго, будетъ отвѣчать ему о естественномъ строеніи міровъ. И такимъ образомъ, поговоривъ между собой, разойдутся.

Слѣдственно, необходимость и польза градоначальническаго единомыслія очевидны.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ. Сіе также необходимо, ибо безъ градоначальническаго единовластія, невозможно и градоначальническое единомысліе. Но на сей счетъ мнѣнія существуютъ

различныя. Одни, напримѣръ, говорятъ, что градоначальническое единовластіе состоитъ въ покореніи стихій. Одинъ градоначальникъ мнѣ лично сказывалъ: какіе, братъ, мы съ тобой градоначальники! у меня солнце каждый день на востокѣ встаетъ, и я не могу распорядиться, чтобы оно вставало на западѣ! Хотя слова сіи принадлежатъ градоначальнику подлинно образцовому, но я все-таки похвалить ихъ не могу. Ибо желать слѣдуетъ только того, что́ къ достиженію возможно; если же будешь желать недостижимаго, какъ, напримѣръ, укрощенія стихій, прекращенія теченія времени и подобнаго, то симъ градоначальническую власть не токмо не возвысишь, а напаче сконфузишь. Посему, о градоначальническомъ единовластіи слѣдуетъ трактовать совсѣмъ не съ точки зрѣнія солнечнаго восхода, или иныхъ враждебныхъ стихій, а съ точки зрѣнія засѣдателей совѣтниковъ и секретарей различныхъ вѣдомствъ, правленій и судовъ. По моему мнѣнію, всѣ сіи лица суть вредныя, ибо они градоначальнику, въ его, такъ-сказать, непрерывномъ административномъ бѣгѣ, лишь поставляютъ препоны...

Здѣсь прерывается это замѣчательное сочиненіе. Далѣе слѣдуютъ лишь краткія замѣтки въ родѣ: «проба пера», «попка дуракъ», «рапортъ», «рапортъ», «рапортъ» и т. п.

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КОГДА БЛАГОДЕНСТВОВАЛЪ РУССКІЙ МУЖИКЪ

и

КОГДА НАЧАЛИСЬ ЕГО БѢДСТВІЯ?

Промышленность древней Руси. Соч. Н. Аристова. Спб. 1866.
Вѣча и князь. Соч. В. И. Сергѣевича. Москва. 1867.

Если вамъ случалось, читатель, проѣзжать нынѣшнюю Новгородскую губернію, и проѣзжать не по желѣзной дорогѣ, гдѣ есть извѣстная степень достатка въ населеніи, проживающемъ промыслами отъ дороги, и не по шоссе, гдѣ остаются все еще кой-какіе слѣды недавняго благосостоянія, а сворачивать въ сторону не болѣе впрочемъ какъ верстъ на 20, на 30 отъ желѣзной дороги и шоссе, то вамъ не разъ, вѣроятно, случалось задумываться надъ судьбою бѣднаго ея крестьянства. Жалкіе и полураззоренные современные новгородскіе крестьяне — вѣдь это все прямые потомки великаго новгородскаго племени, тѣхъ славныхъ исторіографовъ, которые дѣлали нашу исторію! Новгородцы заложили первый камень нашей исторіи; они были развитѣйшимъ и сильнѣйшимъ племенемъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, населявшихъ Россію, и оставались весьма важными историческими дѣятелями почти вплоть до окончательнаго уничтоженія Новгородской республики. Мы уже не говоримъ о значеніи ихъ въ нашей первоначальной исторіи, до монгольскаго нашествія, когда Новгородъ рѣшалъ судьбу русскихъ князей и княжествъ, стягивалъ въ себѣ всѣ богатства тогдашней Россіи, и не хотѣлъ знать надъ собою ни чьей воли, кромѣ воли своей собственной — воли великаго господина Новгорода. Кудажь дѣвались эти величіе, сила, богатство великаго Новгорода? Никакого слѣда отъ нихъ, никакого даже слабаго намека на что нибудь подобное, вы не находите ни въ личностяхъ, ни во всемъ бытѣ и жизни современныхъ представителей новгородскаго крестьянства. Передъ вами стоитъ обнищавшій, полуголодный, отупѣвшій мужикъ, въ обстановкѣ котораго, образѣ жизни, при-

вычкахъ, понятіяхъ, даже преданіяхъ, невозможно отыскать никакого напоминанія о его славномъ прошломъ. Тысячелѣтняя исторія обобрала его кругомъ, не пощадивъ даже его смысла.

Но Новгородъ не составляетъ въ этомъ случаѣ единственнаго исключенія. Если мы заговорили о Новгородѣ, то это только потому, что его древняя слава, древняя сила и богатство несомнѣнно всѣмъ извѣстны, и слѣдовательно потери, которыя онъ понесъ въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія, для всѣхъ очевидны. Но то же самое, что́ совершилось съ новгородскимъ крестьянствомъ, совершилось въ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣрахъ съ крестьянствомъ всѣхъ нашихъ губерній и областей. Куда бы вы ни обратились въ глушь нашего сельскаго народонаселенія, вы вездѣ найдете ту же бѣдность, то же полуголодное существованіе, то же отупѣніе. Если здѣсь исторія не скажетъ вамъ такъ ясно и несомнѣнно, какъ относительно Новгорода, что въ прошедшемъ всѣ эти люди жили гораздо лучше и счастливѣе, чѣмъ теперь, то то же самое скажетъ вамъ народное преданіе, наконецъ, вамъ самимъ не трудно будетъ это понять, сообразивъ тѣ причины, которыя впродолженіе извѣстнаго вамъ историческаго времени дѣйствовали и дѣйствуютъ къ разрушенію ихъ благосостоянія.

Все это приводитъ къ вопросу объ отношеніи современной цивилизаціи къ крестьянству. Трудно убѣдиться въ томъ, чтобы она принесла ему какую нибудь пользу въ прошедшемъ, и можно сильно сомнѣваться, чтобы она и напредки могла быть ему полезною, если только будетъ продолжаться все въ томъ же направленіи.

Вопросъ этотъ возбуждается въ настоящее время не у насъ только, но и въ стоящей наверху современной цивилизаціи Англіи. Сельское населеніе въ особенности глухихъ мѣстъ осталось тамъ нетронутымъ или, точнѣе сказать, обобраннымъ цивилизаціей, точно также какъ и у насъ. Современная цивилизація обобрала и мануфактурнаго или вообще городскаго рабочаго, и обобрала его можетъ еще болѣе, чѣмъ крестьянина, но она не убила въ немъ смысла, напротивъ, развила въ немъ широкое пониманіе ненормальнаго современнаго общественнаго порядка, вызвала его на борьбу съ нимъ, изощряетъ его способности для этой борьбы, даетъ средства продолжать ее и, наконецъ, подкрѣпляетъ надеждою ранѣе или позже одержать побѣду. Сельскій рабочій остается въ томъ же тупомъ пониманіи къ окружающему, въ какомъ онъ находился назадъ тому нѣсколько вѣковъ. Нельзя сказать, чтобы результаты громадныхъ перемѣнъ, совершающихся въ обществѣ, совершенно не проникали въ глубь и глушь его изолированной жизни, но они доходятъ до него процессомъ слишкомъ медленнымъ и постепеннымъ и слишкомъ мало видоизмѣняютъ обыкновенную обстановку его жизни. Среди всеобщаго непрестаннаго движенія онъ одинъ остается какимъ-то несокрушимымъ обломкомъ прошедшаго, ходячей исторіей

давно вымершихъ поколѣній. Въ его жизни какъ будто окаменѣли нравы и обычаи древняго времени; въ своей морали онъ точно механически воспроизводитъ все тѣ же стадныя добродѣтели и пороки своихъ предковъ; наконецъ, онъ также смиренно, какъ и они, покоренъ своему жребію и съ тѣмъ же воловьимъ терпѣніемъ несетъ наложенное на него ярмо. При этомъ нельзя опустить изъ виду, что и въ будущемъ для сельскихъ работниковъ не представляется ничего лучшаго. Ихъ умственное образованіе и ихъ знаніе всего, что̀ выходитъ изъ узкой колеи ихъ обыденныхъ нуждъ и жизни, крайне ограниченно. Не говоря уже объ отсутствіи средствъ для воспитанія, нужда и холодъ замораживаютъ геніальные порывы души въ самыхъ избраннѣйшихъ натурахъ среди нихъ, а жизнь непрестаннаго, безконечнаго труда пришибаетъ вмѣстѣ, и возможность, и жажду знанія. Вопросъ о пропитаніи своей семьи на какихъ нибудь 12 или 10 шиллинговъ въ недѣлю составляетъ главную, поглощающую все, науку ихъ жизни. Наконецъ, самый родъ сельскихъ занятій, изолирующій людей въ особыя отдѣльныя отъ остальнаго движущагося міра замкнутыя сами въ себѣ общества, отнимаетъ у нихъ и послѣднія средства обыкновеннаго саморазвитія. Здѣсь нѣтъ того столкновенія мысли съ мыслію, и того обмѣна идей, которые такъ сильно возбуждаютъ способности людей, проживающихъ въ многолюдныхъ городахъ и находящихся въ постоянномъ обращеніи съ массами своихъ товарищей-работниковъ.

Замѣчательно, что въ Англіи сельское народонаселеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается. Это въ особенности стало замѣтно съ начала нынѣшняго столѣтія. Каждая новая десятигодичная перепись народа приноситъ новыя свѣдѣнія о спльной убыли сельскихъ рабочихъ и о соразмѣрномъ съ тѣмъ увеличеніи числа мануфактурныхъ рабочихъ. Это подаетъ нѣкоторымъ поводъ надѣяться на скорое улучшеніе участи сельскихъ работниковъ. Время покажетъ, въ какой мѣрѣ основательна эта надежда.

Вопросъ о значеніи современной цивилизаціи для массъ—вопросъ давній и онъ всегда имѣлъ и имѣетъ много и защитниковъ и противниковъ. Что современная цивилизація есть цивилизація избранныхъ людей и классовъ общества, что она, собирая послѣдніе достатки съ пасынковъ, распредѣляетъ ихъ своимъ любимымъ сыновьямъ—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Но защитники ея говорятъ, что другаго пути для прогресса человѣческаго рода невозможно и придумать, и что въ дѣлежѣ благъ, доставляемыхъ цивилизаціею, все-таки болѣе или менѣе участвуютъ и массы.

«Если мы сравнимъ, говорятъ защитники, житье англійскаго сельскаго работника нашихъ дней,—его мѣбель и разную утварь для домашняго употребленія, одежду, которую онъ носитъ, разнообразіе продуктовъ, иностранныхъ и колоніальныхъ, которые онъ употребляетъ въ пищу, какъ бы все это скудно ни было,—

съ условіями жизни его предшественниковъ изъ того же самаго класса подъ управленіемъ графовъ Эдуардовъ или Генриховъ, то мы несомнѣнно будемъ поражены великимъ превосходствомъ того комфорта и тѣхъ удобствъ жизни, которыми наслаждаются подданные королевы Викторіи. Адамъ Смитъ, въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ своего великаго творенія (о Богатствѣ народовъ), перечисляетъ, какіе разнообразные ингредіенты, и какія различныя искусства и изобрѣтенія употребляются для того, чтобы доставить удобства нынѣшнему работнику, — хотя удобства эти на нашъ взглядъ все мелкія и простыя. Таковы, напримѣръ, кожаная обувь работника, его льняная рубашка, постель, на которой онъ спитъ со всѣми ея принадлежностями, его стеклянныя окна, его ножи и вилки, его посуда оловянная или глиняная, его кухонная плита, каменноугольное топливо, его часы на стѣнѣ, двѣ или три книги на полкѣ и другія подобныя мелочи его скромнаго жилища. Перечисливъ все это, онъ выводитъ поразительное, но нисколько не парадоксальное заключеніе, что удобства, которыми пользуется какой-нибудь европейскій монархъ, не на столько превосходятъ удобства трудолюбиваго и бережливаго крестьянина, на сколько удобства послѣдняго превосходятъ удобства какого-нибудь африканскаго князька, неограниченнаго властителя жизни и свободы 10,000 голыхъ дикарей». Профессоръ Рожеръ (Rogers), безъ всякаго нерасположенія къ тому времени, о которомъ онъ пишетъ, слѣдующими красками описываетъ жилище и образъ жизни крестьянства въ четырнадцатомъ столѣтіи:

«Крестьянскіе дома были строимы изъ самаго плохаго матеріала, большею частью изъ прутьевъ, которые обмазывались глиною или землею. Кирпичъ, какъ кажется, не употреблялся. Помѣщичьи дома строились вообще изъ камня, но жилища для работниковъ, окружавшія ихъ, были ниже всякаго описанія. Мы, которыхъ прогрессъ механическихъ искусствъ и агрономіи пріучилъ къ безчисленному множеству удобствъ, находящихся теперь въ общемъ употребленіи, но совершенно неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ, не можемъ представить себѣ ни тѣхъ лишеній, которыя переносилъ средневѣковый человѣкъ зимою, ни того наслажденія, съ которымъ онъ встрѣчалъ весну, ни той радости, которую доставляла ему обильная жатва. Знакомые съ дешевымъ искусственнымъ свѣтомъ, мы съ трудомъ можемъ понимать то положеніе вещей, когда покупка фунта свѣчъ поглощала весь дневной заработокъ работника. Принесеніе свѣчей на алтарь святаго было весьма естественнымъ долгомъ, ибо лучшаго ничего человѣкъ не могъ себѣ представить. Немногіе имѣли возможность пользоваться освѣщеніемъ. Свѣтъ средневѣковыхъ церквей, ихъ тепло, куреніе ладаномъ представляли особенно пріятный контрастъ для тѣхъ, которые жили въ холодныхъ темныхъ хижинахъ, ибо употребленіе стекла было неизвѣстно, топливо сравнительно дорого, а опрятность вовсе не-

возможна. Скорбутъ въ его самыхъ злокачественныхъ формахъ и проказа, видоизмѣнявшаяся по климату, были обыкновенными болѣзнями, потому что народъ жилъ полгода однимъ соленымъ мясомъ; нетолько картофель былъ ему неизвѣстенъ, но онъ не имѣлъ и другихъ овощей, находящихся теперь въ общемъ употребленіи, какъ-то пастернака и моркови. Пряности, изъ которыхъ самою дешевою былъ перецъ, были совершенно для него недоступны. Сахаръ былъ самою дорогою роскошью, и предки наши, какъ можно судить по рѣдкости свѣдѣній, были не очень искусны въ уходѣ за пчелами.

«Платье было очень дорого. Было уже замѣчено, что оно дѣлалось изъ очень грубой матеріи, но его цѣна была очень высока. То же должно сказать и о полотнѣ, которое повидимому было очень рѣдко. Рубашки составляли такую цѣнную статью, что онѣ были предметомъ щедрой или хвастливой милостыни, и мы нерѣдко находимъ, какъ въ то время, такъ и спустя столѣтія послѣ, что онѣ отказывались по духовному завѣщанію» (History of Prices).

«Все это такъ, отвѣчаютъ люди, сомнѣвающіеся въ достоинствѣ современной цивилизаціи, — современная наука и промышленныя искусства дѣйствительно доставили человѣчеству много комфорта и удобствъ, въ прежнее время совершенно неизвѣстныхъ. Но не говоря уже о томъ, что на долю бѣднаго человѣка изъ всего этого комфорта и удобствъ достается очень немного, лучше ли нынѣ рабочій человѣкъ обезпеченъ въ своемъ пропитаніи, чѣмъ былъ обезпеченъ прежде? А пропитаніе для него важнѣе всего. Полотняная рубашка, которую носитъ современный рабочій, и стеклянныя окна въ его жилищѣ не замѣнятъ для него того хлѣба, который необходимъ ему, чтобы накормить плачущихъ своихъ дѣтей; да и самъ онъ скорѣе согласился бы работать лучше въ лаптяхъ и даже босикомъ, но только бы не съ голоднымъ желудкомъ. Именно оттого и скрываются отъ насъ существенные недостатки современной цивилизаціи, что, говоря о ней, мы не беремъ во вниманіе жизненнаго вопроса массъ... насущнаго хлѣба, для обезпеченія въ которомъ массы въ теченіе тысячелѣтій несли терпѣливо свой кровавый трудъ, свое здоровье, жизнь на пользу цивилизаціи. Что жь получили они отъ нея въ вознагражденіе за все это? Профессоръ (Fowcett), издавшій недавно (1868) книгу: «The Economie Position of the British Labourer», справедливо смѣется надъ тѣмъ глупымъ самодовольствомъ современныхъ поколѣній, которое не можетъ довольно налюбоваться своимъ статистическимъ благополучіемъ. «Наши первостепенные политики — говоритъ онъ — слишкомъ склонны измѣрять благоденствіе страны обманчивою статистическою мѣркою. Кругомъ насъ, въ какую бы сторону мы ни обратились, вездѣ бьютъ въ глаза богатства, которыя накопляются съ безпримѣрною быстротою. Въ небольшое число лѣтъ нашъ ввозъ и вывозъ утроился. Почва воздѣлана наилучшимъ образомъ, всѣ

матеріальные источники страны разработаны съ величайшимъ искусствомъ и предпріимчивостію,—однимъ словомъ, всѣ внѣшніе признаки огромныхъ богатствъ на лицо. И когда мы разсматриваемъ подобныя вещи, мы всегда готовы воскликнуть: вижь несомнѣнныя свидѣтельства національнаго благоденствія! Но позвольте напомнить, что эти же самые факты видятъ и рабочіе, и позвольте спросить: не имѣется ли въ ихъ мысляхъ кой-какихъ совершенно различныхъ мнѣній относительно этого предмета?» Вотъ если стать на точку зрѣнія рабочаго и съ нея разсматривать современную цивилизацію, то окажется, что подданный королевы Викторіи изъ сельскаго рабочаго класса далеко не можетъ имѣть не только такого обильнаго, но даже въ качественномъ отношеніи такого хорошаго пропитанія, какимъ пользовался послѣдній пахарь и свинопасъ во время Эдуарда III или Ричарда II. Галламъ (Hallam) въ своей «History of the Middle Ages» вычислилъ цѣну обыкновенной наемной платы работнику въ четырнадцатомъ столѣтіи и, сравнивъ ее съ существовавшими тогда цѣнами на хлѣбъ и мясо и сдѣлавъ то же самое сравненіе между нынѣшними цѣнами того и другаго, думаетъ, что нынѣшній работникъ сравнительно съ его собратомъ XIV столѣтія можетъ имѣть только половинное противъ послѣдняго количество хлѣба и мяса. Вообще же Галламъ, отличающійся спокойствіемъ и умѣренностію въ своихъ сужденіяхъ, говоритъ, что хотя «онъ очень желалъ бы убѣдиться, что съ того времени не произошло никакого ухудшенія въ состояніи рабочихъ классовъ», но что «послѣ всѣхъ возможныхъ уступокъ онъ находитъ труднымъ противостоять тому заключенію, что какъ бы много современный работникъ ни получалъ выгодъ отъ дешевизны мануфактурныхъ издѣлій и отъ многихъ общеполезныхъ изобрѣтеній, но онъ все-таки имѣетъ гораздо меньше возможности содержать свое семейство, чѣмъ собратъ его три или четыре вѣка назадъ тому». Къ такому же заключенію приходятъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, даже изъ безусловныхъ поклонниковъ современной цивилизаціи. Есть свидѣтельство, что англичане въ то время имѣли гораздо въ бо́льшемъ обилiи мясную пищу, нежели ихъ сосѣди французы; отъ этого были сильнѣе и бодрѣе послѣднихъ. То же самое подтверждается и офиціальными актами того времени. Такъ въ одномъ актѣ читаемъ: «До настоящаго времени всѣ роды жизненныхъ припасовъ продавались по цѣнамъ умѣреннымъ, такъ что всѣ наши подданные, въ особенности бѣдные люди, могли своимъ искусствомъ или тѣлеснымъ трудомъ покупать сколько имъ нужно для своихъ потребностей и для содержанія себя, своихъ женъ и дѣтей; но теперь всѣ жизненныя потребности, въ особенности *говядина, баранина, свинина и телятина, которыя составляютъ обыкновенную пищу малодостаточныхъ и бѣдныхъ людей*, продаются по такимъ чрезмѣрнымъ цѣнамъ» и проч. Въ болѣе позднее время объ этомъ обилiи пищи сельскаго рабочаго люда въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о гряз-

ной обстановкѣ ихъ ежедневной жизни испанскіе послы Филиппа II говорили, что «мужики эти живутъ, какъ свиньи, но ѣдятъ такъ же хорошо, какъ и король».

Этотъ споръ *за* и *противъ* цивилизаціи имѣетъ свою полезную сторону въ исторической наукѣ. Онъ даетъ жизненное направленіе историческимъ изслѣдованіямъ. Отправляясь искать въ прошедшемъ *золотаго* вѣка народныхъ массъ, историкъ-оптимистъ, въ концѣ концовъ, конечно, болѣе или менѣе разочаровывается въ своей мечтѣ. Но за это разочарованіе онъ вполнѣ вознаграждается тѣмъ, что подъ огражденіемъ дорогой, всегда присущей ему мечты, онъ не ослѣпляется ни мишурнымъ блескомъ мнимовеликихъ событій, ни сіяніемъ эфемерныхъ и пустыхъ величій, фигурирующихъ на исторической сценѣ, ни даже сомнительнымъ свѣтомъ поддѣльной цивилизаціи, освѣщающей верхи общества на счетъ тѣмъ большей темноты народныхъ массъ; онъ видитъ во всей наготѣ истинныя причины народныхъ бѣдствій и причины накопленія вѣковаго зла въ общественномъ организмѣ; измѣряетъ до дна всю глубину разныхъ безсмысленныхъ мѣропріятій правительствъ, развращавшихъ, раззорявшихъ и губившихъ народъ, и тѣмъ предупреждаетъ повтореніе подобныхъ золъ и бѣдствій въ будущемъ.

Подобныя историческія изслѣдованія для нашего отечества были бы болѣе интересны и поучительны, чѣмъ для какой-нибудь другой страны въ Европѣ. Если Англія пожертвовала извѣстною и даже очень значительною долею благоденствія народныхъ массъ въ пользу успѣховъ цивилизаціи, то нельзя сказать, чтобы она ничего не пріобрѣла въ замѣнъ этого тяжелаго пожертвованія. Уже одни свободныя учрежденія Англіи, поставленныя незыблемо и прочно, одинаково твердо ограждающія личность и права массъ, какъ и привиллегированныхъ классовъ общества, служатъ значительнымъ вознагражденіемъ за жертвы и лишенія.

Какъ бы ни велика была тяжесть, наложенная на народъ прошедшими вѣками, нести эту тяжесть все-таки легче, когда есть твердое убѣжденіе, что эта тяжесть не можетъ увеличиться ни на волосъ болѣе, что, напротивъ, она будетъ убывать съ каждымъ днемъ, нежели нести эту тяжесть безъ всякаго просвѣту въ будущемъ, подъ страхомъ постояннаго опасенія, что каждый новый день можетъ увеличивать ея бремя и довести его наконецъ до полнаго изнеможенія идти далѣе. Такой именно оплотъ въ настоящемъ и надежду въ будущемъ, представляютъ собой для англійскаго народа выработанныя имъ свободныя учрежденія. Мы находимся въ другомъ положеніи. Наша цивилизація доселѣ остается какимъ-то случайнымъ, блудящимъ огонькомъ, который освѣщаетъ очень незначительное число людей, стоящихъ на верху семидесятимилліонной массы народа, грѣетъ еще меньшее число. Оттого самые элементарные вопросы общественные: быть или не быть, учить или не учить, брать

или не брать платки изъ чужаго кармана, остаются доселѣ открытыми, и «Петербургскія Вѣдомости», конечно, не напрасно находятъ нужнымъ хронически каждый мѣсяцъ разъ или два успокоивать волнуемую разными опасеніями россійскую публику, что мировые судья не могутъ быть замѣнены полицейскими, и что подобные нелѣпые слухи не имѣютъ никакого основанія. Вообще безчисленное множество явленій, совершающихся предъ нашими глазами ежедневно, и ускользающихъ отъ нашего вниманія только потому, что мы не выучились разбирать ихъ внутренняго смысла, показываютъ намъ, что мы каждый день находимся въ опасности впасть въ то натуральное состояніе, изъ котораго выскребались цѣлыя сотни лѣтъ. Такъ на дняхъ въ вѣдомостяхъ писали, что въ нашей первопрестольной столицѣ у одной изъ заставъ ея волки въ числѣ восьми напали на будочника и провели съ нимъ въ сообществѣ цѣлую ночь; — происшествіе это смѣло могло бы быть отнесено ко времени Мономаха, еслибы только оказанная волками скромность и сдержанность не доказывали ясно, что многовѣковая русская культура имѣла вліяніе и на смягченіе ихъ нравовъ. Недавно также писали въ газетахъ, что гласный петербургскаго земскаго собранія кн. Н. Трубецкой энергически доказывалъ, что грамотность для народа вещь вредная, ибо она даетъ ему возможность читать дурныя книги и поддѣлывать фальшивые векселя. Нервъ доказательствъ въ этомъ заявленіи остается тотъ же самый, который повторялся чуть ли не съ самаго появленія московскаго княжества. Тогда говорили, что народъ не нужно учить грамотѣ, потому что отъ грамотности можетъ *разномысліе* въ вѣрѣ вслѣдствіе, само собою разумѣется, вредныхъ книгъ. О поддѣлкѣ векселей не говорилось ничего только потому, что тогда ихъ не было. Наконецъ, не можемъ умолчать и еще объ одномъ фактѣ, обнародованномъ также на дняхъ, именно, что нижегородскіе купцы, привлеченные къ дѣлу Вердеревскаго, принесли въ министерство юстиціи всеподданнѣйшее прошеніе объ освобожденіи какъ ихъ, такъ и всѣхъ лицъ торговаго званія отъ слѣдствія и суда по дѣлу о растратѣ въ Нижнемъ Новгородѣ казенной соли, обязываясь въ возмѣщеніе происшедшихъ въ казенныхъ магазинахъ вслѣдствіе растраты соли убытковъ, уплатить казнѣ въ теченіе трехъ лѣтъ 380,000 р. Этотъ взносъ нижегородскаго купечества на преступленія переноситъ насъ прямо въ тѣ вѣка нашей древней исторіи, когда преступленія разсматривались какъ источникъ дохода князей, и преслѣдовались ихъ фискомъ. Мы могли бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ изъ явленій нашей ежедневной жизни, но надѣемся и приведенныхъ нами достаточно для утвержденія той мысли, что было бы еще очень поспѣшно въ наше время дѣлать заключеніе о дѣйствительномъ прочномъ существованіи у насъ цивилизаціи даже въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ классѣ. Что касается до нашихъ народныхъ массъ, то онѣ чувствуютъ тѣ быстрыя перемѣны

новаго времени, которыя принято называть прогрессомъ цивилизаціи только по быстро увеличивающимся денежнымъ сборамъ, требуемымъ въ пользу разныхъ выборныхъ и невыборныхъ учрежденій, и по ежедневно увеличивающемуся вслѣдствіе этого обѣдненію и раззоренію.

Хотя у насъ до настоящаго времени и не имѣется еще историковъ, которые бы приняли на себя трудъ выяснить намъ бѣдственное положеніе современныхъ намъ народныхъ массъ въ сравненіи съ положеніемъ тѣхъ, которыя жили назадъ тому пять, шесть и болѣе вѣковъ, тѣмъ не менѣе мы, подобно многимъ добродушнымъ англійскимъ историкамъ, твердо убѣждены, что и для нашего народа былъ когда нибудь свой *золотой вѣкъ*, когда у него всего было вволю, когда онъ жилъ здорово и весело, не пропивался ни въ откупныхъ, ни въ акцизныхъ кабакахъ, легко платилъ свои небольшія подати и былъ честенъ болѣе всякаго нѣмца.

Въ этой вѣрѣ значительно укрѣпляетъ насъ молодой магистръ г. Н. Аристовъ, который въ своей магистерской диссертаціи: *Промышленность древней Руси* (1866 г.) храбро выставилъ между прочими слѣдующіе тезисы:

«Такъ-какъ природа, служа естественнымъ источникомъ довольства народнаго, была богаче въ древнее время, то и общее благосостояніе народа было болѣе удовлетворительно до XV в., чѣмъ, напримѣръ, въ XVI и XVII в., когда природа сдѣлалась скуднѣе, лѣсовъ, звѣрей и другихъ источниковъ богатства меньше, и большая часть земель и угодій находилась въ распоряженіи духовенства и бояръ» (стр. 260). А потому

1) «Пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующее время, и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ» (стр. 82).

2) «Въ раннее время народъ питался преимущественно мясною пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣдующее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную». (Ibid).

По долгу безпристрастныхъ историковъ, мы не можемъ здѣсь не присовокупить, что на диспутѣ, бывшемъ по поводу названной диссертаціи, г. Аристовъ впалъ въ такое малодушіе, что чуть не отказался отъ приведенныхъ нами тезисовъ. По крайней-мѣрѣ, онъ замялся, сконфузился и видимо сталъ путаться, когда кто-то изъ профессоровъ или посѣтителей предложилъ ему слѣдующій вопросъ: «такъ вы не допускаете постепеннаго историческаго движенія впередъ? Отвергаете непрерывное прогрессивное развитіе народа? Думаете, что народъ, пройдя нѣсколько столѣтій своей исторической жизни, можетъ очутиться въ какомъ-нибудь отношеніи въ худшемъ положеніи, чѣмъ былъ въ началѣ или въ срединѣ своего историческаго поприща?»

Еслибы подобный вопросъ былъ предложенъ намъ, мы никакъ не впали бы ни въ какое малодушіе и замѣшательство.

«О, да, г. профессоръ, отвѣтили бы мы отъ всего сердца, мы думаемъ такъ; мы думаемъ даже болѣе, что народъ можетъ очутиться въ худшемъ положеніи, не въ одномъ какомъ нибудь отношеніи, а въ очень многихъ и притомъ наисущественнѣйшихъ въ дѣлѣ его истиннаго развитія. Наконецъ мы думаемъ, что онъ можетъ прогрессивно дѣлаться худшимъ даже во всѣхъ отношеніяхъ, и наконецъ, совсѣмъ сойдти съ исторической сцены, какъ это и случилось со многими народами древности».

Съ этою твердою вѣрою мы раскрываемъ страницы нашей исторіи, чтобы представить читателю нѣкоторыя соображенія, въ силу которыхъ можетъ рождаться иногда невольно недовѣріе къ тому распространяемому разными историками розовому воззрѣнію, что мы постоянно идемъ впередъ въ нашемъ историческомъ движеніи.

До-монгольскій, или такъ-называемый, удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи такъ рѣзко выдѣляется изъ всей послѣдующей нашей исторіи, что онъ представляется въ ней скорѣе какою-то совершенно отдѣльною главою, эпизодическимъ приложеніемъ къ ней, чѣмъ существенною, органически, неразрывносвязанною съ нею частію. Съ перваго взгляда вся жизнь этого періода носитъ на себѣ характеръ какого-то безобразнаго, неопредѣленнаго броженія, или точнѣе, безцѣльной сумятицы, которая, повидимому, неспособна дать изъ себя ничего зиждительнаго, неспособна основать ничего прочнаго. Посмотрите на эти безцѣльныя рысканія нашихъ первыхъ норманскихъ князей по свѣту, единственно ради искапія приключеній; посмотрите далѣе, на эти постоянныя отыскиванія князьями стола кіевскаго, на непрестанныя вообще ихъ передвижки изъ княжества въ княжество, на безконечныя и безсмысленныя, какъ выражались прежде, драки князей, на народъ, который, повидимому, въ томъ только и проводилъ время, что стоялъ у воротъ, выпускалъ или выгонялъ одного князя, да впускалъ другаго, оплачивая нерѣдко и впускъ и выпускъ своею кровію, который кромѣ того долженъ былъ отстапвать себя отъ печенѣговъ или половцевъ; посмотрите, наконецъ, на эти поголовныя вѣча, неимѣвшія никакихъ формъ и юридическихъ опредѣленій, по произвольному зову какой нибудь ничтожной горсти людей, иногда нѣсколькихъ человѣкъ, переворачивавшія мгновенно порядокъ цѣлыхъ городовъ и княжествъ. На первый взглядъ все это представляется безъисходнымъ хаосомъ, хронической неурядицей и анархіей, общей деморализаціей.

Но вотъ вы начинаете ближе и пристальнѣе всматриваться въ этотъ хаосъ, — и передъ вами начинаютъ выдѣляться такія чистыя, симпатичныя личности, какихъ напрасно вы бы стали искать въ послѣдующей нашей исторіи. Вы чувствуете, что эти личности не могли быть порожденіемъ хаотическаго, деморали-

зированнаго состоянія общества, что въ томъ обществѣ, гдѣ онѣ родились и воспитались, при всей его наружной мутности и неприглядности, внутри были свѣжіе, чистые родники, не дававшіе ему гнить, постоянно его обновлявшіе. Какое можетъ быть въ самомъ дѣлѣ сравненіе чистыхъ и свѣтлыхъ образовъ Владиміровъ, Ярославовъ, Мономаховъ, Мстиславовъ, Изяславовъ и т. д. съ послѣдующими почтенными собирателями московскаго княжества, руки которыхъ были всегда по локоть обагрены кровію, и которые не знали другой политики, кромѣ политики коварства и кровожадности? Мы, конечно, нисколько не думаемъ выставить удѣльно-вѣчевое общество идеаломъ нравственной чистоты. Но посмотрите, какъ въ самыхъ междоусобіяхъ удѣльнаго періода отражается человѣчный и нравственный характеръ общества. Насильственныя дѣйствія князей, каковы были, напримѣръ, убіеніе Святополкомъ своихъ братьевъ, ослѣпленіе Василька и т. п., производятъ потрясающее дѣйствіе на народъ и самихъ князей, и признаются всѣми, какъ ужасныя злодѣйства. Имя окаяннаго Святополка сдѣлалось для всѣхъ символомъ проклятія. Между тѣмъ, въ Московскомъ государствѣ подобныя злодѣйства сдѣлались нормальными явленіями дня, необращавшими на себя почти ничьего вниманія. Владиміръ Мономахъ, въ поученіи къ своимъ дѣтямъ, увѣщевая ихъ быть всегда вѣрными данному слову, говоритъ о себѣ, что разъ его встрѣтили послы братьевъ на Волгѣ и, отъ имени послѣднихъ, сказали ему: «присоединись къ намъ, выгонимъ Ростиславичей (Владиміра и Василька) и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ». «Гнѣвайтесь, пожалуй, отвѣчалъ я, не могу идти съ вами, я цаловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ». Мономахъ разъ только позволилъ уговорить себя нарушить клятву въ отношеніи къ ханамъ половецкимъ, по тому уваженію, что поганые сами безпрестанно нарушаютъ клятвы. Сынъ его Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь каялся въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу Черниговскому. Какими невинными голубями представятся намъ и Владиміръ Мономахъ, толкующій о святости крестнаго цалованія, и сынъ его Мстиславъ, сокрушающійся, несмотря на разрѣшеніе духовенства, за нарушенную клятву, если вспомнимъ, что въ московскомъ государствѣ крестное цалованіе сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ политической игрушки и ловушки для простаковъ.

Тою же честностію и прямотою, которою отличаются князья въ нашей древней Руси, отличается и народъ. Мы имѣемъ примѣры, что народъ цѣлыхъ княженій прямо отказывался служить тому дѣлу, которое онъ считалъ противнымъ своей совѣсти и убѣжденію, или по крайней мѣрѣ открыто высказывалъ ему свое порицаніе. Такъ, кіевляне одинъ разъ рѣшительно отказали любимому своему князю Изяславу, когда онъ приглашалъ ихъ идти на войну противъ дяди его Георгія, потому что, по по-

нятіямъ того времени, вооружаться племяннику противъ дяди было дѣломъ преступнымъ. Въ другой разъ, хотя и не отказались вполнѣ, но высказали князю свое неодобреніе. Не только подобныхъ примѣровъ общенародной или обще-общественной правды мы напрасно бы стали искать въ народѣ московскаго государства, но даже въ частной жизни онъ здѣсь такъ изолгался, что сталъ притчею для иностранцевъ, въ глазахъ которыхъ московитъ или обманщикъ сдѣлались почти синонимами. Не приводя безчисленнаго множества свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, имѣющихся въ сочиненіяхъ почти всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, мы упомянемъ только объ одномъ ясно говорящемъ за себя фактѣ, что въ XVI столѣтіи въ Крыму, на аукціонахъ при продажѣ въ рабство плѣнныхъ русскихъ, которыхъ татары безъ числа добывали и изъ восточной, и изъ западной Руси, аукціонистъ обыкновенно кричалъ громко: «а вотъ рабы самые новые, простые, нехитрые, только что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго». Очевидецъ, сообщающій это извѣстіе, прибавляетъ, что «московское племя почиталось самымъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое». Что такое мнѣніе о лживости и безчестности московскаго народа было нисколько не преувеличенное, это доказывается безчисленнымъ множествомъ нашихъ домашнихъ источниковъ, и въ томъ числѣ даже оффиціальныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть узаконенія Судебника Ивана IV о повальныхъ обыскахъ. Судебникъ говоритъ: «шлются съ суда на обыскъ, и посылаютъ въ обыскъ, и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими, иные говорятъ по istцѣ, а иные по отвѣтчикѣ, и по тѣмъ по лживымъ обыскамъ посылаютъ въ другіе обыскивати, и на тѣхъ люди говорятъ иные рѣчи». При подобномъ всеобщемъ лганьѣ отправленіе правосудія дѣлалось очень затруднительнымъ и, пожалуй, иногда вовсе невозможнымъ. Чтобы поощрить московскихъ людей къ правдѣ, Судебникъ прибѣгаетъ къ кнуту. Но бить кнутомъ при каждомъ слѣдствіи по нѣскольку сотенъ обыскныхъ людей было бы для правосудія очень хлопотливо и утомительно. Поэтому Судебникъ узаконяетъ: въ случаѣ очевидно лживаго обыска, когда, напримѣръ, показанія обыскныхъ людей раздѣлятся поровну—одна половина будетъ за истца, другая за отвѣтчика, назначать новый обыскъ изъ другихъ людей, чтобы узнать, которая половина солгала, и затѣмъ брать по пяти и шести человѣкъ лучшихъ крестьянъ и приказщиковъ изъ каждой солгавшей сотни и бить кнутомъ, а солгавшихъ игуменовъ, поповъ и діаконовъ отсылать для наказанія къ архіерею; такому же наказанію подвергать и людей, которые «въ обыскахъ въ одномъ дѣлѣ двои рѣчи говорятъ».

Мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ о моральномъ состояніи общества, потому что какъ общественная честность можетъ быть только продуктомъ совокупнаго дѣйствія извѣстнаго матеріальнаго довольства народа и болѣе или менѣе сво-

бодныхъ политическихъ учрежденій, въ немъ дѣйствующихъ, такъ точно нищета и рабство ведутъ народъ неизбѣжно къ всеобщей лживости и безчестности.

Исторія застаетъ нашихъ славянъ въ переходномъ состояніи отъ быта кочеваго къ земледѣльческому. Несторъ прямо противополагаетъ полянамъ — племени земледѣльческому — древлянъ, родимичей, вятичей, сѣверянъ, которые жили въ лѣсахъ, питались охотою на дикихъ звѣрей и птицъ и ѣли все, что̀ ни попадалось имъ подъ руку. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы у древлянъ, родимичей, вятичей, сѣверянъ не было вовсе земледѣлія, но оно не было такъ распространено, какъ у полянъ, было только въ начаткахъ и главное пропитаніе народа состояло въ звѣроловномъ промыслѣ.

Распространеніе земледѣлія сильно затруднялось сравнительною недостаточностію земледѣльческихъ орудій и, вѣроятно, ихъ дороговизною и недостаточностію скота. Даже въ Кіевѣ, тогдашнемъ центрѣ русской жизни, преподобный Несторъ самъ долженъ былъ пристроивать свой заступъ, чтобы копать могилу Ѳеодосія. Ясно, что и такое орудіе, какъ заступъ, было цѣнно. Относительно скота у Константина Багрянороднаго есть такое извѣстіе, что въ Россіи не водилось коровъ, лошадей, овецъ, и что русскіе доставали скотъ отъ печенѣговъ. Это извѣстіе, конечно, преувеличено, но что у русскихъ скотъ былъ рѣдокъ, это подтверждается нѣкоторыми соображеніями изъ нашихъ собственныхъ памятниковъ. Въ ополченіяхъ древнихъ князей конницу всегда почти составляли степные народы. По Русской Правдѣ, конокрадъ отдавался на потокъ князя — наказаніе самое тяжкое, назначавшееся за немногія тяжкія преступленія. Ясно, что кони цѣнились очень дорого. Въ Псковской Судной Граматѣ за кражу лошадей опредѣлялась смертная казнь. Князья старались собирать стада разнаго скота, въ особенности лошадей, и какъ самую цѣнную вещь, передавали ихъ по письменнымъ завѣщаніямъ своимъ дѣтямъ.

Но весьма сомнительно, чтобы даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе было распространено и было въ обычаѣ, было всюду извѣстно приготовленіе печенаго хлѣба. Хлѣбныя зерна варили и такимъ образомъ въ видѣ каши или кутьи употребляли въ пищу. Приготовлять хлѣбъ печеный былъ довольно затруднительно. Упоминаній о мельницахъ мы не встрѣчаемъ до самаго XIII столѣтія. Тамъ, гдѣ употреблялся печеный хлѣбъ, зерно мололось ручными жерновами. Это была работа весьма-трудная и требовавшая много времени. Кіево-печерскіе иноки исполняли ее въ видѣ монашескаго послушанія. Для потребы братій «жито купяху, и се раздѣляхуть (между монахами), да къ ждо въ нощи свою часть измеляшетъ на строеніе хлѣбомъ». Ѳеодосій, по своему трудолюбію, мололъ за всѣхъ во время ночи. Количество хлѣба, которое смалывалось на ручныхъ жерновахъ, доходило иногда до значительной степени: инокъ Ѳедоръ былъ очень трудолюбивъ,

разсказываетъ Патерикъ печерскій, «поставн же въ пещерѣ жерновы и отъ сусѣка пшеницу взимая и своими руками измеляще: по вся нощи безъ сна пребывая, тружаяся въ дѣлѣ и молитвѣ, заутра же въ сусѣки муку даяше... Нѣкогда привезену бывшу житу отъ селъ; инокъ Ѳеодоръ 5 возовъ ссыпа жита въ сосуды, нача молоти въ жерновы... Вѣсъ за него все смололъ» (63). Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ приготовленія муки молоть зерно могли только люди богатые, у которыхъ было много рабовъ или прислуги и которые могли имѣть свои жернова. До какой степени приготовленіе муки и искусство печенія хлѣба было мало распространено, можно было видѣть изъ того факта, что во время молодости преподобнаго Ѳеодосія въ Курскѣ часто не бывало богослуженія по недостатку просфоръ.

Изъ овощей были извѣстны: капуста, чеснокъ, лукъ, бобы, тыква, горохъ.

Растительная пища употреблялась немногими: 1) въ видѣ печенаго хлѣба, вообще же 2) въ видѣ кутьи, варенаго пшена, или каши, которая была праздничнымъ кушаньемъ; лѣтописецъ говоритъ подъ 1224 г.: «оженися князь Олександръ, сынъ Ярослава, въ Новгородѣ, поя въ Полотскѣ у Брячеслава дчерь и вѣнчася въ Торопчи, ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую»; 3) въ видѣ гороху варенаго, 4) зелья варенаго; о монахахъ кіевопечерскаго монастыря XI ст. говорится: «они ядуще хлѣбъ съ водою, они зелье варено, другіе сыро». О монахахъ того же монастыря въ Патерикѣ подъ 1462 г. замѣчено, что «они не обрѣтоша сочива, зелье сварившe и то ядаху». Можно думать, что подъ зельемъ (растеніемъ) здѣсь разумѣются огородныя овощи; въ XV столѣтіи русскія щи, вѣроятно, были уже въ употребленіи.

Но общею пищею всѣхъ, при неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія, была мясная. Эта пища преобладала и на столѣ богатыхъ и на столѣ бѣдныхъ людей, потому что она легко, безъ особаго труда, доставлялась тѣмъ и другимъ богатою въ то время всякимъ звѣремъ и птицей природою. О пирахъ Владиміра лѣтописецъ говоритъ, что «на нихъ бываше множество отъ мясъ и отъ скота, и отъ звѣрины, бяше бо по изобилью отъ всего». Одно слово о богатомъ и убогомъ, писанное до 1200 г., такъ описываетъ обѣдъ богача: «тъ богато на земли живяше... на обѣдѣ же служба бѣ многа, сосуди златомъ скована и сребромъ, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеровіе, рябци, голуби, курп, зайца, елени, вепреве, дичина, чамъри» (?) и проч. Само собою разумѣется, что питаясь столомъ, приготовленнымъ природою, предки наши, въ особенности бѣдные изъ нихъ, не могли быть разборчивы въ употребленіи пищи; они ѣли всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя водились и которыхъ можно было наловить въ извѣстной мѣстности. Несторъ говоритъ о родимичахъ, вятичахъ, сѣверянахъ, что они «живяху въ лѣсу, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто». Изъ чего состояла эта нечистая пища, видно изъ подобной замѣтки его о половцахъ:

«ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сосулы». Г. Арцстовъ не безъ основанія догадывается, что подъ мертвечиною здѣсь надобно разумѣть удавленныхъ животныхъ, употребленіе которыхъ преслѣдовалось церковью. Изъ оставшихся церковныхъ памятниковъ видно также, что употреблялись въ пищу медвѣди, бѣлки, зайцы. Духовенство сильно вооружалось противъ употребленія въ пищу всѣхъ вообще животныхъ, употребленіе которыхъ было запрещено въ ветхомъ завѣтѣ; оно сильно вооружалось также противъ употребленія вообще мяса въ постные дни. И это, конечно, имѣло свою дозу вліянія на распространеніе и усиленіе земледѣлія.

Что мясной пищи могло ставать на все тогдашнее народонаселеніе, это мы можемъ видѣть изъ историческихъ свидѣтельствъ о чрезвычайномъ обиліи звѣря и птицы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ нѣтъ и слѣда ничего подобнаго. Такъ, въ путевыхъ запискахъ Михалона Литвина о югозападной Руси уже въ XIV вѣкѣ говорится въ этомъ отношеніи слѣдующее: «звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (anagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей и лебедей, и потомъ ихъ выводками наполняются и птичьи дворы». Изъ поученія Мономаха видно, что въ лѣсахъ Черниговской области водились въ XII вѣкѣ дикіе быки, олени, лоси, кабаны, медвѣди, волки и дикіе кони. Мономахъ говоритъ о себѣ, что онъ «конь дикихъ своима рукама связалъ въ пуштахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того ище по Роси ѣздя ималъ своима рукама тѣ же конѣ дивіе». Даже на югѣ Россіи, гдѣ начинается степная полоса и гдѣ въ настоящее время никакихъ звѣрей не имѣется, кромѣ овражковъ, обиліе дичи было удивительное еще въ XIV столѣтіи. Митрополитъ Пименъ въ своемъ хожденіи въ Царьградъ въ 1392 году, о плаваніи своемъ по Дону пишетъ слѣдующее: «бысть же сіе путное шествіе печально и уныньливо: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видно тамъ ничтоже, ни града, ни села; пусто все и не населенно; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая». Объ обиліи звѣрей и птицъ въ областяхъ сѣверныхъ, сѣверовосточныхъ и нынѣшнихъ внутреннихъ губерній нечего и говорить.

Итакъ, хотя русскіе и не обладали въ древнее время искусствомъ приготовлять пищу (искусство это было въ зачаткѣ только въ монастыряхъ, гдѣ были хлѣбники и повара) и *разносоловъ*,

какъ выражается г. Аристовъ, не любили, но поѣсть было что̀ вдоволь.

Точно также было что̀ и выпить. Хотя въ то время, въ общемъ употребленіи не было ни водки, которая изобрѣтена, какъ извѣстно, въ XIII столѣтіи, ни виноградныхъ винъ, которыя привозились въ незначительномъ количествѣ изъ Греціи и были доступны, можетъ быть, только князьямъ и немногимъ богатымъ людямъ, за то были въ обиліи *меды сладкіе, пръсные, чистые, пъпряные и пиво.*

Бортничество или пчельный промыселъ былъ извѣстенъ нашимъ предкамъ съ доисторическихъ временъ. Это не былъ промыселъ искусственный, нынѣшнее пчеловодство, которое явилось не ранѣе XIV вѣка, это былъ промыселъ вольный надъ дикими пчелами. *Бортью* называлась выдолбленная пустота въ деревѣ для помѣщенія пчелъ. Такими бортями служили старыя деревья съ дуплами, или искусственно приготовленныя пустоты въ новыхъ деревьяхъ. Бортные лѣса, гдѣ водились дикія пчелы, отличались въ древнее время отъ простыхъ, или такъ называемыхъ черныхъ лѣсовъ и представляли собою родъ нынѣшнихъ пчельниковъ и пасекъ. Бортничество было издавна промысломъ очень распространеннымъ по Руси. Еще въ 946 году древляне говорили Ольгѣ о своей дани: «рядн даемъ медомъ и скорою». Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаемъ уже полное законодательство относительно *раззнаменающихъ* борти, то-есть перемѣняющихъ на бортныхъ деревьяхъ бывшіе знаки для присвоенія ихъ себѣ, относительно срубающихъ эти деревья, съ пчелами или безъ пчелъ, относительно княжихъ и крестьянскихъ бортей и судныхъ пошлинъ по бортнымъ дѣламъ. Бортный промыселъ, какъ доказываютъ историческія извѣстія, былъ сильно распространенъ во всей древней Руси, которая изобиловала всюду лѣсами. Поддерживался онъ, конечно, очень много тѣмъ, что медъ былъ единственнымъ хмѣльнымъ напиткомъ въ то время, который можно было приготовлять безъ хлѣба. Пиво должно было войти въ общее употребленіе уже позднѣе. У князей были особые медовые погреба, называвшіеся *медушами*, въ которыхъ хранилось огромное количество варенаго хмѣльнаго меду, полученнаго въ дань и собственнаго. Такъ 1146 года, въ погребахъ кіевскаго князя Святослава нашли 500 берковецъ меду, то-есть 5,000 пудовъ. Медъ былъ въ такомъ же общемъ употребленіи въ древней Руси, какъ нынѣ водка, или даже хлѣбъ. Непмѣніе его считалось уже признакомъ великой бѣдности и великимъ лишеніемъ, и христіанская благотворительность старалась облегчить это лишеніе. О Владимірѣ Великомъ лѣтописецъ говоритъ, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ, мясомъ и другими съѣстными припасами, онъ велѣлъ возить по городу и медъ, для дряхлыхъ и больныхъ нищихъ. Иноки кіевопечерскаго монастыря употребляли также иногда медъ на подаяніе нищимъ, вмѣстѣ съ другими припасами. Церковь непитіе меда признавала однимъ изъ дѣйствительныхъ

наказаній для всѣхъ грѣшниковъ на Руси. У Кирика читаемъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: «мужу грѣшну связану эпитиміей, отнюдь ему не ясти мясъ, ни меду пити и на великъ день».

Современному читателю, который не видитъ ничего кругомъ себя, кромѣ бѣдности и голодованія въ народѣ, можетъ показаться весьма сомнительнымъ то обиліе, въ какомъ мы изображаемъ жизнь народа въ древней Руси. Но, чтобы имѣть вѣру этому, онъ долженъ помнить, что на томъ самомъ пространствѣ земли, на которомъ живутъ теперь десятки милліоновъ народа, жило въ древнее время, даже передъ самымъ нашествіемъ монголовъ, вѣроятно, не болѣе, или немного болѣе одного милліона народа. Ибо, если взять цифру нынѣшняго народонаселенія Россіи (70 мил.) и предположить, что въ древнее время народонаселеніе удвоивалось не въ 25 или въ 30 лѣтъ, какъ нынѣ, а только одинъ разъ въ столѣтіе, то и въ такомъ случаѣ болѣе милліона народонаселенія, даже для XII вѣка, принять нельзя. При такой рѣдкости народонаселенія, человѣкъ могъ выбирать себѣ для поселенія такія мѣста, гдѣ природа всего доставляла ему въ волю, что́ было нужно для жизни. Не забудемъ при этомъ, что древняя Русь, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ благодатной природѣ нынѣшняго южнаго края, тогда еще нетронутой и богатой лѣсомъ, и звѣремъ, и птицей.

Вслѣдствіе этого, т.-е. вслѣдствіе рѣдкости населенія и сравнительнаго довольства каждаго члена его, каждый трудъ человѣка для другихъ,—трудъ наемный,—былъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія. Основаніе государствъ положило вмѣстѣ первый камень и культурѣ страны. Для князя и дружины его, для войска потребовались разныя мастерства и ремесла, въ которыхъ дотолѣ не чувствовалось нужды. Въ особенности кругъ этихъ ремеслъ и разныхъ городскихъ промысловъ долженъ былъ сильно расшириться, когда съ принятіемъ христіанства нашла широкій входъ въ Россію греческая цивилизація и когда одновременно съ этимъ во всѣхъ главныхъ городахъ тогдашней Россіи явились княжескіе дворы съ дружиною, епископскія каѳедры, монастыри, церкви. Повсюду потребовалось огромное количество рукъ для производства промышленности собственно городской, которая должна была удовлетворять неизвѣстнымъ прежде потребностямъ новаго строя жизни. Такъ потребовались въ *плотничномъ* дѣлѣ *древодѣли* для церквей, *городники*, т.-е. мастера укрѣпляющіе города, мастера *порочные*, т.-е. приготовлявшіе стѣнобитныя орудія, мостники, и т. д., въ *каменномъ* дѣлѣ,—искусники въ обдѣлываніи камня, такъ-какъ нѣкоторыя церкви и принадлежности въ нихъ дѣлались изъ камня, искусные въ приготовленіи кирпича, въ кладкѣ кирпичныхъ зданій, печные зиждители, т.-е. печники и т. д. (доселѣ печи дѣлались изъ глины), гончары и т. д., въ *металлическомъ* дѣлѣ—плавильщики желѣза, ковачи, кузнецы, литейщики мѣди для колоколовъ и

разныхъ церковныхъ вещей, литейщики свинца и олова и т. д. Но тотъ же самый новый строй жизни, увеличивъ расходы каждаго княженія, потребовалъ успленія и развитія сельскихъ промысловъ, составлявшихъ главныя статьи дохода, каковы были скотоводство, бортный промыселъ, звѣриный промыселъ, рыболовство и т. д. Вотъ почему каждый человѣкъ, знавшій какое-нибудь ремесло, былъ дорогъ въ древней Руси. По Русской Правдѣ, за убійство раба или рабы, знавшихъ ремесло, взыскивалось 12 гривенъ — двойная цѣна противъ простаго раба — смерда. Тѣмъ болѣе дорожили вольными мастеровыми всякаго рода. Достать ихъ было не легко. Князья отказывали ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ, само собою, разумѣется, въ томъ случаѣ, если сами отказываемые соглашались жить на прежнемъ мѣстѣ, — а также въ договорныхъ грамотахъ даже послѣдующаго времени (XIV) оговаривали между собою, кому по скольку брать мастеровъ, если такіе будутъ добыты. Въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ дядей 1389 г. читаемъ: «а кого собѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ, — и мнѣ князю великому зъ братьею два жеребья, — а тобе брате треть». Рѣдкость населенія и свобода, которою пользовались всѣ, кромѣ рабовъ, число которыхъ было очень незначительно, сильно возвышали цѣну всѣхъ вообще работъ. Князья и вообще богатые люди старались привлечь на свои земли рабочихъ людей, давая разныя льготы переселявшимся, снабжая скотомъ, орудіями, вообще хозяйствомъ переселявшихся бѣдняковъ и т. п. Какъ быстро дѣйствовали эти средства на привлеченіе народонаселенія, можемъ судить по слѣдующему примѣру. Въ 1289 году одинъ татарскій баскакъ основалъ въ курскомъ княженіи двѣ слободы и сталъ звать туда народъ, и «бысть отъ него вся еже, что хотяще, и заборонь отвсюду велика. И такъ умножишася людіе въ слободахъ тѣхъ, и быша тамо торги, и мастера всякіе, и быша тѣ двѣ слободы, яко грады великіе».

Думаютъ, что эти средства привлеченія народа могли служить и ловушкою для бѣдняковъ. Именно сѣвшій на чужую землю для обработки ея на готовыхъ орудіяхъ и готовомъ скотѣ, дѣлался такъ-называемымъ *закупомъ* — человѣкомъ полусвободнымъ, который не могъ оставить хозяина не выплативши ему ссуды. Отсюда, какъ и отъ кабалы, былъ только одинъ шагъ до полнаго холопства. Но мы думаемъ, что обратить закупа въ холопа въ древней Руси, гдѣ было столько отдѣльныхъ другъ отъ друга княженій и гдѣ въ каждомъ княженіи рабочаго человѣка принимали съ распростертыми объятіями и со всякими льготами, было не такъ-то легко и, вѣроятно, на практикѣ законъ объ обращеніи въ извѣстныхъ случаяхъ закуповъ въ холоповъ, до самаго начала московскаго княженія, оставался большею частью мертвой буквой.

Вообще положеніе дѣлъ было такое, что собственныя выгоды каждаго князя или богатаго землевладѣльца заставляли его заботиться о

благосостояніи своихъ рабочихъ. Нужда народа и его матеріальное благосостояніе не выпускались изъ виду даже при самыхъ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Для характеристики тогдашняго времени въ этомъ отношеніи у Нестора есть превосходный разсказъ о совѣтѣ, который держали въ 1111 году Владиміръ Мономахъ и кіевскій князь Святополкъ: начинать войну съ половцами или нѣтъ? — Въ 1111 году Владиміръ Мономахъ сталъ уговаривать кіевскаго князя Святополка идти на половцевъ. Святополкъ передалъ рѣчь Владиміра дружинѣ, которая сказала: «теперь весною не время отнимать работника отъ поля». Князья положили сойтись и посовѣтоваться объ этомъ.

Сошлись и сѣли въ одномъ шатрѣ: князь Святополкъ съ своею дружиною, Владиміръ — съ своею. Оба молчали. «Братъ, началъ наконецъ Владиміръ, — ты старшій; скажи первый, какъ ты промыслишь о землѣ русской?» Братъ, начни ты, — отвѣчалъ Святополкъ. «Какъ же мнѣ говорить, началъ Владиміръ,— а противъ меня и твоя и моя дружина, будто я хочу погубить работниковъ и ихъ пашню. Дивно мнѣ, дружина, что жалѣете лошадей, а того не подумаете, что по веснѣ начнетъ поселянинъ тою лошадью орать, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его стрѣлою, и отниметъ лошадь, а потомъ разграбитъ село, захватитъ жену и дѣтей и сожжетъ гумно... Такъ вамъ жаль лошади, а самаго его не жалко?» «Правда, правда», сказала дружина, и такимъ образомъ съ Владиміромъ согласились всѣ.

Мы показали общія условія экономическаго благосостоянія народа въ древней Руси; теперь мы должны выяснить, на сколько это благосостояніе было обезпечено политическимъ устройствомъ страны, ибо одно безъ другаго немыслимо. И для этого мы должны войти въ нѣкоторыя подробности относительно первоначальнаго быта нашихъ славянъ.

Мы уже замѣтили, что исторія застаетъ нашихъ славянъ въ переходномъ состояніи отъ кочеваго быта къ земледѣльческому. Характеристическое отличіе кочеваго быта отъ земледѣльческаго, какъ показываетъ и самое названіе, состоитъ въ томъ, что племена не имѣютъ въ немъ осѣдлаго мѣстопребыванія, переходятъ съ одного мѣста на другое, дѣлаютъ же это потому, что не научившись добывать сами себѣ пропитаніе отъ земли, они могутъ питаться только готовыми произведеніями природы. Коль скоро на мѣстѣ, гдѣ они живутъ, истощается звѣрь, птица, рыба, которыми они питаются, или истощается трава для пастбищъ, самая необходимость заставляетъ ихъ искать другаго мѣста для поселенія, которое давало бы имъ готовое пропитаніе. Поселяясь на извѣстномъ мѣстѣ, кочевое племя сообща владѣетъ всѣмъ, что̀ даетъ природа—и рыбой, и птицей, и звѣремъ, а если есть стада, то и пастбищемъ. Если роды племени многочисленны, то общія угодья разбиваются на большіе или меньшіе участки — каждый для нѣсколькихъ родовъ; внутри большихъ участковъ малые участки распредѣляются родоначальниками ро-

довъ; по мѣрѣ размноженія родовъ участки, естественно, мельчаютъ и передѣляются.

Но все это владѣніе временное, въ которомъ не можетъ родиться и воспитаться никакого понятія о частной недвижимой собственности. Всякій изъ членовъ племени знаетъ, что когда истощатся произведенія природы, которыми племя пропитывается, то оно уйдетъ въ другое мѣсто, гдѣ есть пропитаніе, и ему одному оставаться тутъ будетъ и незачѣмъ, и невозможно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ знаетъ, что гдѣ бы ни сѣло племя, и онъ и потомки его будутъ пользоваться одинаковыми со всѣми другими членами племени правами на общее пропитаніе.

Отсюда происходятъ слѣдующія особенности, которыми кочевой бытъ рѣзко отличается отъ земледѣльческаго.

Въ земледѣльческомъ быту человѣкъ всѣми силами своей души привязывается къ землѣ, которая его кормитъ; ради ея онъ разрываетъ, если нужно, всякія связи съ родными, съ друзьями, и поселяется нерѣдко совершенно одиноко на своемъ участкѣ. Въ кочевомъ быту, напротивъ, воспитывается въ человѣкѣ любовь къ своему племени, къ своему роду, которые его кормятъ и охраняютъ и безъ которыхъ онъ ничто. Отъ племени и роду онъ ни на шагъ; гдѣ онъ нашелъ ихъ, тамъ его отечество; земля для него ничто. Отсюда если происходитъ колонизація, кочевое племя колонизируется или во всемъ своемъ составѣ, или извѣстными серіями родовъ, напротивъ земледѣлецъ идетъ искать новой земли или одинъ или съ нѣсколькими ради разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ товарищами, съ которыми предварительно условливается насчетъ всѣхъ подробностей владѣнія, еслибы имъ привелось сѣсть вмѣстѣ или точнѣе сказать сидѣть другъ подлѣ друга. Кочевой человѣкъ немыслимъ безъ союза родоваго, невольнаго, въ который онъ вступаетъ при самомъ своемъ рожденіи; земледѣлецъ вступаетъ въ союзъ только самъ, по собственной волѣ, ради извѣстныхъ цѣлей или выгодъ ограждая и опредѣляя ихъ твердыми договорами. Первый по рожденію невольный членъ общины, которая сложилась безъ его вѣдома и воли и отъ которой онъ зависитъ вполнѣ; второй есть членъ свободной ассоціаціи, которую онъ самъ добровольно составилъ или избралъ и въ которой онъ есть лицо, само себя опредѣляющее.

Изъ сказаннаго нами видно, что какъ въ земледѣльческомъ быту личность выдѣляется изъ ряда другихъ личностей, обособляется, дѣлается самостоятельною, сама себя опредѣляющею, такъ, напротивъ, въ кочевомъ быту она поглощается родомъ. Въ случаѣ столкновеній и сношеній съ другими личностями, личность въ земледѣльческомъ быту охраняетъ и защищаетъ самое себя извѣстными опредѣленіями и договорами, которые вызваны условіями ея жизни; въ кочевомъ быту личность состоитъ подъ волею и охраненіемъ своего родоначальника, какъ внутри рода, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ послѣдняго

съ другими. Внутри рода онъ неограниченный властелинъ надъ имуществомъ, трудомъ, даже жизнію всѣхъ родичей; при сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ другими родами, онъ также единственный представитель и охранитель его интересовъ. Если нѣсколько родовъ сидятъ вмѣстѣ и самыми условіями своего мѣстожительства становятся въ общее пользованіе его угодьями, то начальники всѣхъ родовъ, сидящихъ вмѣстѣ, естественно, должны рѣшать всѣ междуродовыя дѣла не иначе, какъ сообща по взаимному соглашенію. Здѣсь первое начало общиннаго управленія, мірской сходки.

Порядки и обычаи своего кочеваго быта славяне перенесли съ собою и въ бытъ земледѣльческій, какъ переносятъ ихъ и всѣ кочевыя племена при первоначальномъ своемъ вступленіи въ этотъ бытъ. Но у другихъ племенъ прежній бытъ ихъ быстро разлагается отъ сосѣдства съ другими народами, изстари земледѣльческими, отъ тѣсноты занимаемой ими территоріи, которая быстро выработываетъ начало поземельной собственности и отъ другихъ причинъ. У славянъ ничего подобнаго не было. Сосѣдями ихъ были племена, невышедшія изъ кочеваго быта; территорія ихъ была безконечная. Каждое племя, когда оно переполнялось людьми и начинало чувствовать затруднительность въ пропитаніи отъ многолюдства, могло выдѣлять изъ себя какія угодно колоніи и выселять ихъ на сосѣдственныя, — или совершенно пустопорожнія, никѣмъ незанятыя земли, или на земли, занятыя слабымъ финскимъ племенемъ, которое не оказывало никакого отпора славянской колонизаціи. Такимъ образомъ тѣхъ важныхъ причинъ, которыя могли бы способствовать быстрому разложенію обычаевъ и порядковъ кочеваго быта, у славянъ не было. Оттого у славянъ многіе изъ этихъ обычаевъ и порядковъ остаются нетронутыми черезъ всю ихъ исторію. Мы видимъ, что русскій народъ до послѣдняго времени показываетъ бо́льшую любовь къ племени, чѣмъ къ землѣ, что земледѣльческія колоніи черезъ всю исторію идутъ также цѣлыми родами и общинами, какъ кочевыя; видимъ также, что при началѣ государства частная поземельная собственность существуетъ только въ слабыхъ начаткахъ, что до послѣдняго времени во всѣхъ областяхъ Россіи, гдѣ не было долговременнаго чуждаго владычества, поземельная собственность остается на прежнемъ общинномъ началѣ; видимъ, что даже въ настоящее время, когда родовой бытъ давно уже исчезъ въ дѣйствительности, онъ сохраняется однакожь живымъ въ родственныхъ счетахъ простаго народа между собою, и въ извѣстныхъ обязательныхъ по обычаямъ народнымъ отношеніяхъ къ дядямъ, теткамъ, тестямъ, тещамъ, свекрамъ и т. д.

Все это доказываетъ, что родовая форма быта передъ началомъ русскаго государства была у нашихъ славянъ, если не преобладающею, то на столько сильною, что лѣтописецъ имѣлъ возможность сказать, что «каждый жилъ съ родомъ своимъ

отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Это можетъ значить какъ то, что были еще роды, жившіе отдѣльно отъ всѣхъ другихъ родовъ, такъ и то, что были родовыя общины, составленныя изъ многихъ родовъ, управлявшихся совѣтомъ родоначальниковъ всѣхъ сидѣвшихъ вмѣстѣ родовъ, во всѣхъ междуродовыхъ интересахъ и дѣлахъ, въ дѣлахъ же и интересахъ внутреннихъ каждаго рода своими родоначальниками. Этотъ совѣтъ родоначальниковъ и составлялъ то, что̀ называлось первоначально славянскимъ вѣчемъ. Понятно, что условія гарантіи безопасности для каждой отдѣльной личности въ подобныхъ чисто-родовыхъ общинахъ могли оставаться и оставались тѣ же самыя, какія были и въ родахъ, жившихъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

Но рядомъ съ этою первоначальною формою быта, вѣроятно, передъ началомъ еще русскаго государства было довольно сильно развито и начало общинно-семейное. Въ мѣстахъ торговыхъ, промышленныхъ, вообще многолюдныхъ, гдѣ тѣ или другіе интересы скопляли и удерживали значительное множество людей, роды естественно должны были быстро разлагаться на семьи. Здѣсь личныя достоинства, нужныя для дѣла, брали верхъ надъ старѣйшинствомъ физическимъ, и разрушая родовую іерархію, необходимо производили внутреннюю борьбу и распаденіе родовъ. Кромѣ того, чужеродные элементы, входившіе въ составъ населенія, не могли подчиняться родовой юрисдикціи совершенно чуждыхъ имъ родоначальниковъ. Оттого здѣсь должно было образоваться начало старѣйшинства не родоваго, а выборнаго. Избранные старѣйшины естественно не могли имѣть такой власти, которую имѣли родоначальники. Послѣдніе были неограничены никѣмъ и ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Рядомъ съ первыми стояла власть общины, ихъ избиравшая, которая нетолько контролировала ихъ дѣйствія, но могла свергнуть ихъ во всякое время и избрать новыхъ. Мало-по-малу власть избиравшая и контролировавшая, то-есть власть общины, присвоила себѣ право лично и непосредственно рѣшать всѣ дѣла общаго интереса и особенной важности. Отсюда образовались тѣ многолюдныя, почти поголовныя собранія для рѣшенія дѣлъ, которыя подъ именемъ вѣча играли такую важную роль въ удѣльномъ періодѣ нашей исторіи.

Повидимому, при такомъ общественномъ устройствѣ личность должна бы была вполнѣ освобождаться отъ опеки рода и являться подъ прикрытіемъ собственнаго личнаго достоинства. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Ибо въ отношеніяхъ новой семейно-общинной формы продолжали жить прежнія родовыя воззрѣнія. Даже въ дѣлахъ общественныхъ родовая союзность, если и потеряла свое прежнее исключительное значеніе, то удержала многія изъ основныхъ и существенныхъ правъ, напримѣръ, право кровной мести. А уже одно это право, оставленное за

родомъ, дѣлало невозможными какія бы то ни было существенныя перемѣны въ прежнемъ строѣ жизни.

При низкой степени развитія, при сильномъ господствѣ родоваго партикуляризма, дѣлавшаго невозможнымъ прочный порядокъ и согласіе въ обществѣ, не было и другихъ нравственныхъ силъ, которыя были бы способны объединить умы и положить крѣпкую общественную связь. Религія славянъ была непосредственно натуральная, состоявшая въ поклоненіи явленіямъ и силамъ природы, и фактамъ быта. Каждый начальникъ рода, семьи, былъ вмѣстѣ и жрецомъ, и каждый родъ и семья могли имѣть свое религіозное міросозерцаніе. Если въ основѣ этого міросозерцанія и лежала общая религіозная традиція, то въ подробностяхъ она варьировалась до безконечности по племенамъ, родамъ и семьямъ, и не условливая собою внутренняго единства религіозной мысли, она не давала и единства внѣшняго, ибо была чужда всякаго единообразнаго общественнаго обряда.

То самое, что̀ дѣлало невозможнымъ внутренній порядокъ и единеніе въ семьяхъ, родахъ, общинахъ, заставляло жить въ отчужденіи и отдаленіи другъ отъ друга и цѣлыя славянскія племена. Племенная замкнутость была еще сильнѣе, чѣмъ родовая. Къ тому же, по огромности территоріи нынѣшней Россіи, на которой славянскія племена населены были весьма слабо и рѣдко, они не имѣли частыхъ поводовъ ни къ сношеніямъ, ни къ столкновеніямъ, а слѣдовательно, и вообще къ сближенію. Все это дѣлало ихъ безсильными нетолько въ настоящемъ передъ всякимъ самымъ незначительнымъ внѣшнимъ врагомъ, но и не обѣщало ничего лучшаго въ будущемъ. Ибо чрезъ подобную разъединенность усиливался и абсолютизмъ родовой власти, изъподъ гнета которой не предвидѣлось никакой возможности выбиться личности и образовать то крѣпкое дружинное начало, которымъ такъ сильны были германскія племена во время переселенія народовъ, хотя они по своему развитію стояли ни чуть не выше нашихъ славянъ VIII и IX столѣтія. Вотъ почему славяне если не съ охотою, то, повидимому, безъ всякаго противодѣйствія отдавались всякому побѣдителю, который свои отношенія къ нимъ ограничивалъ одною данью, не мѣшаясь въ ихъ внутреннее управленіе, вообще во внутреннія дѣла. Такъ въ VII вѣкѣ славянами-дулебами, жившими на Бугѣ, владѣли авары и обращались съ ними варварски. Лѣтописецъ говоритъ, что «авары (обры) дѣлали насилія дулебскимъ женамъ; когда случалось ѣхать куда-нибудь обрину, то онъ не давалъ впрагать ни коня, ни вола, а приказывалъ впрагать трехъ или четырехъ, или пять славянскихъ женщинъ въ телегу и ѣхалъ на нихъ». Несмотря на такое варварство, дулебы терпѣливо сносили владычество обровъ и спаслись только тѣмъ, что сами обры исчезли. Козары издавна владѣли полянами, сѣверянами, вятичами; эти племена находились во власти козаръ и по основаніи русскаго государства; сѣверные славяне, новгородцы, кривичи

съ нѣкоторыми финскими племенами подпали предъ началомъ государства власти варяговъ. Во власти варяговъ были, кажется, и нѣкоторыя другія славянскія племена. Такъ Полоцкомъ владѣлъ Рогволодъ, Туровомъ — Туръ; объ обоихъ ихъ лѣтописецъ говоритъ, повидимому, какъ о самостоятельныхъ владѣтеляхъ до самаго похода Владиміра на Ярополка. Не видно, чтобы гдѣ-нибудь славяне, за исключеніемъ сѣверныхъ племенъ новгородцевъ и кривичей съ весью, старались отбиться отъ власти иноплеменниковъ и сдѣлаться самостоятельными. Напротивъ того, они легко, повидимому, какъ бы съ охотою переходили изъ-подъ одной власти къ другой. Такъ Аскольдъ и Диръ, два мужа Рюрика, выпросившись у него идти въ Царьградъ, конечно, съ небольшою дружиною заходятъ по спопутности къ Кіеву и спрашиваютъ кіевлянъ: «Чей этотъ городокъ?» Кіевляне отвѣчаютъ: «Этотъ городокъ построили три брата Кій, Щекъ и Хоривъ, теперь они умерли, а мы сидимъ въ немъ и платимъ дань козарамъ». Аскольдъ и Диръ садятся въ городѣ и поляне начинаютъ преспокойно платить имъ дань. Черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ этого приходитъ въ Кіевъ Олегъ, убиваетъ коварнымъ образомъ Аскольда и Дира, садится въ Кіевѣ, и поляне также безъ всякаго противодѣйствія начинаютъ платить дань ему.

При родовой и племенной замкнутости, при абсолютизмѣ родовой власти, полагавшихъ преграду всякому развитію, первые начатки развитія естественно должны появиться у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ иностранцами и подчинены были самому сильному постороннему вліянію. Въ такихъ именно благопріятныхъ отношеніяхъ по своему географическому положенію находились славяне новгородскіе. Область Новгородская, находясь при началѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Грецію, была наводнена варягами, находилась даже подъ властію ихъ. Естественно, что здѣсь при сильно разлагающемъ иностранномъ вліяніи, ранѣе почувствовалось неудобство порядковъ родоваго быта, ранѣе сложился семейно-общинный бытъ и болѣе правильная форма общиннаго управленія, а затѣмъ возникла мысль объ организованіи особой судебной власти въ лицѣ князя.

Мы привыкли верховенство нашихъ первоначальныхъ князей представлять себѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ оно является только въ нашей послѣдующей исторіи. Власть какого-нибудь Рюрика или Игоря многими нисколько не отличается отъ власти, напримѣръ, Ивана III или Ивана IV. На дѣлѣ это было однакожъ не такъ. Первоначальные русскіе князья были не болѣе какъ чиновники, приглашенные племенами для отправленія военнаго и суднаго дѣла въ видахъ внѣшней безопасности и внутренняго спокойствія страны. Для этого они первоначально поселились въ пограничныхъ пунктахъ земель, принадлежавшихъ призвавшимъ ихъ племенамъ. Такъ Рюрикъ сѣлъ не въ Нов-

городѣ, но Ладогѣ, Синеусъ — на Бѣлѣ озерѣ, Труворъ — въ Изборскѣ. За отправленіе своихъ должностей, князья получали извѣстную подать съ племенъ, военную добычу и, вѣроятно, судебныя пошлины. Но славяне вовсе не думали уступать имъ ни верховныхъ правъ на землю, ни верховныхъ правъ управленія. Земля находилась попрежнему въ полномъ распоряженіи занимавшихъ ее родовъ, общинъ, племенъ, и на нее кромѣ этихъ послѣднихъ никто не имѣлъ права. Другое дѣло земли пустопорожнія, которыхъ было мало, и которыя могъ всякій своимъ трудомъ обращать въ свою собственность. Точно также въ полномъ вѣденіи и распоряженіи самыхъ славянъ находилось и ихъ внутреннее управленіе. Древляне, сватающіе по смерти Игоря Ольгу за своего князя Мала, говорятъ ей въ похвалу своихъ князей, что они «распасли» Древлянскую землю. Первое начало верховенству княжеской власти положено было христіанствомъ, и съ того времени началось развитіе ея на основаніи христіанскихъ началъ въ соотвѣтствіи, впрочемъ, съ началами народными. Только уже съ развитіемъ московскаго княжества подъ вліяніемъ византійскихъ воззрѣній и гнетомъ татарскаго ига создался другой идеалъ ея, равно несовмѣстимый какъ съ началами христіанскими, такъ и съ началами народными.

Ничтожествомъ власти, предоставленной князьямъ, объясняется то непонятное для насъ явленіе, что славяне, безъ всякаго опасенія за свою самостоятельность, приглашаютъ на княженіе къ себѣ людей чужеродныхъ изъ другой страны, конечно, или вовсе имъ неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ очень мало. Масса населенія, имѣвшая въ рукахъ своихъ управленіе и всю силу, была убѣждена, что она всегда будетъ въ состояніи выгнать отъ себя горсть пришельцевъ, въ случаѣ злоупотребленія ими предоставленной имъ власти. Но это заставляло и призванныхъ князей быть осторожнѣе и принимать свои мѣры для упроченія своей власти и огражденія своей безопасности. Есть извѣстіе, что спустя два года послѣ призванія князей, Рюрикъ, сдѣлавшись, по смерти своихъ братьевъ, единовластителемъ государства, велѣлъ разосланнымъ имъ по разнымъ мѣстамъ мужамъ своимъ строить крѣпости, и построилъ имъ крѣпость въ Новѣгородѣ на противоположномъ берегу Волхова. Это не понравилось новгородцамъ. Недовольные, подъ предводительствомъ своего выборнаго воеводы Вадима Храбраго, вступили въ 864 году въ бой съ Рюрикомъ, но были разбиты. Вадимъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками палъ на мѣстѣ битвы, остальные были или казнены Рюрикомъ, или бѣжали. Черезъ три года подобное возстаніе опять повторилось въ Новгородѣ, но было тоже неудачно. Нѣкоторые предполагаютъ, что оба эти возстанія неудались потому, что въ нихъ участвовало самое незначительное меньшинство, что большинство было довольно Рюрикомъ и не имѣло никакихъ опасеній относительно предпринятой имъ постройки крѣпостей, дозволивъ даже ему самому вмѣсто Ладоги утвердиться въ Новго-

родѣ, что вообще Рюрикъ честно и справедливо выполнялъ принятыя имъ на себя обязанности согласно договору.

Но если такое предположеніе справедливо относительно Рюрика, то должно сказать, что преемники его нисколько не походили на него въ этомъ отношеніи. Воины по рожденію, для которыхъ война была самымъ пріятнымъ занятіемъ и прибыльнымъ ремесломъ, они скучали мирными земскими дѣлами, которыя къ тому же могли давать очень скудный доходъ. Со смертію Рюрика прекращается мирная дѣятельность князей, и все ихъ вниманіе сосредоточивается на дѣлѣ военномъ. Прежде всего обращается вниманіе на покореніе племенъ, населявшихъ нынѣшнюю Россію. Но покореніе мирныхъ славянскихъ племенъ мало давало поживы варягамъ, тѣмъ менѣе могло оно удовлетворить ихъ воинственной отвагѣ, привыкшей къ приключеніямъ смѣлымъ и опаснымъ. Варяговъ манила отдаленная и богатая Византія. Удачный походъ противъ Константинополя, совершенный въ 906 году Олегомъ, направилъ окончательно сюда силы и вниманіе варяговъ вплоть до самаго Владиміра.

Вслѣдствіе этого, хотя князья надъ остальными славянскими племенами уже господствовали не по договору, какъ въ Новгородѣ, а съ оружіемъ въ рукахъ въ качествѣ побѣдителей, тѣмъ не менѣе, они остались и къ нимъ въ тѣхъ же внѣшнихъ отношеніяхъ, какъ къ Новгороду. Они ходили въ свободное отъ войны время или сами, или посылали своихъ воеводъ собирать съ славянъ дань, иногда, при этомъ немножко грабили ихъ, и затѣмъ, оставляли ихъ въ покоѣ. Славяне, которые издавна, какъ мы, уже привыкли платить кому нибудь дань, если и не были довольны, то и не возмущались такимъ положеніемъ, и только въ случаѣ особенно сильныхъ грабежей брались за оружіе, какъ это было съ Игоремъ.

Такой образъ дѣйствій со стороны славянъ имѣлъ свою выгоду. Онъ спасалъ ихъ самихъ и ихъ внутреннюю жизнь, ихъ обычаи, ихъ нравы, управленіе, вообще ихъ внутреннюю самостоятельность и *національность*, отъ чужеземнаго насилія. Упорное сопротивленіе съ ихъ стороны, при ихъ крайнемъ безсиліи, могло бы вызвать со стороны побѣдителей крутыя мѣры и средства для ихъ усмиренія. Такъ извѣстно, что сопротивленіе бриттовъ англо-саксамъ привлекло огромную колонизацію послѣднихъ въ Великобританію, и кончилось совершеннымъ порабощеніемъ или истребленіемъ бриттовъ и основаніемъ на ихъ земляхъ новыхъ англо-саксонскихъ государствъ. При пассивномъ же отношеніи славянъ къ своимъ побѣдителямъ, послѣдніе не имѣли ни нужды, ни разсчета дѣйствовать подобнымъ образомъ. Въ своихъ личныхъ интересахъ они должны были съ одной стороны останавливать напливъ своихъ единоплеменниковъ, чтобъ не дѣлиться ни съ кѣмъ выгодами владѣнія, а съ другой — относительно самихъ славянъ, чтобы не доводить ихъ до крайняго возбужденія, должны были довольствоваться властію болѣе или менѣе внѣшнею, ограничиваться взиманіемъ дани, не мѣшаясь въ ихъ внутрен-

нюю жизнь и управленіе. Это не мѣшало князьямъ повременамъ немножко пограбить своихъ подданныхъ, ибо въ то время за данью ходили съ войскомъ и взиманіе дани походило нѣкоторымъ образомъ на вторженіе непріятеля; къ такому порядку собиранія дани народъ былъ пріученъ, вѣроятно, еще съ давнихъ временъ чужеземнымъ владычествомъ—и онъ нисколько не нарушалъ обыкновенныхъ мирныхъ отношеній между князьями и народомъ.

Дѣйствительно, разсматривая внимательно нашу первоначальную исторію, нельзя не сознаться, что едва-ли гдѣ-нибудь отношенія между побѣдителями и побѣжденными были болѣе благопріятны для самостоятельнаго и вполнѣ національнаго развитія послѣднихъ, чѣмъ у насъ.

1) Покоренныя призванными князьями славянскія и другія племена остаются такими же вольными, какъ и племена, добровольно призвавшія князей. Они имѣютъ свое внутреннее управленіе, сохраняютъ свои прежнія вѣча и даже своихъ природныхъ князей, какъ послѣднее видно изъ исторіи древлянъ. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы ни слѣдовъ порабощенія, ни слѣдовъ истребленія туземныхъ племенъ. Исключеніе составляютъ только жители Искоростена, которыхъ Ольга, мстя за смерть своего мужа, усмирила военною силою, и бо̀льшею частію истребила, остальныхъ отдала въ рабство.

2) Мы нигдѣ не видимъ у насъ варяжскихъ колонизацій. Варяги приходили къ намъ въ качествѣ наемниковъ для военныхъ походовъ, когда оказывалась въ этомъ нужда, и по окончаніи ихъ удалялись. Само владѣвшее племя пришло къ намъ, какъ надобно полагать, въ числѣ очень незначительномъ; ибо уже по смерти Святослава, между приближеннѣйшими лицами князей мы встрѣчаемъ не варяговъ, а чистыхъ славянъ, напримѣръ: Блуда, Добрыню. Вообще, варяги на Руси быстро ославяниваются, и какъ ничтожная капля, исчезаютъ въ славянскомъ морѣ совершенно безслѣдно, не оставляя по себѣ никакихъ признаковъ существованія ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ обычаяхъ.

3) Въ учрежденіяхъ также трудно отыскать какіе-нибудь несомнѣнные слѣды непосредственно варяжскаго вліянія. Правда Ярослава явилась слишкомъ поздно для того, чтобы можно отыскивать въ ней безопасно слѣды варяжскаго вліянія; то, что̀ приписывается здѣсь этому вліянію, было, по всей вѣроятности, заимствовано и внесено въ законодательство тогдашними новаторами и передовыми изъ самыхъ русскихъ людей.

Одно, что̀ мы можемъ съ несомнѣнностью приписать собственно варягамъ — это введеніе новаго элемента въ составъ русскаго общества *чиновно-военнаго* или такъ-называемой княжеской дружины. Мы называемъ эту дружину чиновно-военнымъ учрежденіемъ въ отличіе отъ древней дружины германской, которая по своему происхожденію и составу была чисто народная и сражалась только по волѣ народной и исключительно за дѣло народа. Наша дружина не имѣла ни основы народной, ибо она

находилась въ чисто личныхъ отношеніяхъ къ князю, воевала по его волѣ иногда противъ народа, и съ самаго ранняго времени сдѣлалась ненавистною народу; ни основы нравственной, ибо отношенія ея къ князю основывались не на личной къ нему довѣренности и уваженіи, а на выгодахъ, ни того наконецъ самостоятельнаго положенія по отношенію къ князю, котораго добились сеньоры изъ вассаловъ на Западѣ, имѣя огромныя владѣнія, своихъ мелкихъ вассаловъ, и составляя необходимую силу для своего короля.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ все вѣроятіе думать, что порядокъ внутренняго управленія у нашихъ славянъ вплоть до Владиміра, оставался тотъ же самый, какой былъ до призванія князей.

Со времени Владиміра, отношенія между князьями и народомъ наступаютъ другія. Владиміръ дѣлается княземъ вполнѣ народнымъ. Онъ самъ возвышаетъ и ставитъ подлѣ себя ту народную силу, которую прежніе князья игнорировали или насиловали. Въ важныхъ случаяхъ онъ вступаетъ въ совѣтъ съ боярами и старцами, какъ представителями народа. Этимъ въ первый разъ съ призванія князей дается законная санкція народной власти, съ которой только рядомъ стоитъ власть княжеская и притомъ въ зависимости отъ верховенства первой.

Напрасно бы мы, однакожь, стали искать въ нашей исторіи какого-нибудь строго-опредѣленнаго порядка или принципа, на основаніи котораго верховенство власти народной отправляло бы свою функцію точно, послѣдовательно, неопустительно. Напротивъ, оно дѣйствовало большею частью случайно, въ силу особыхъ обстоятельствъ, безъ всякихъ опредѣленій мѣста, времени, и какихъ бы то ни было формальностей. Это зависѣло оттого, что власть народная и княжеская не были другъ отъ друга юридически разграничены и отдѣлены. Власть княжеская, при добрыхъ отношеніяхъ князя къ народу, облекалась почти тою же самою полнотою правъ, какую имѣла и власть народная. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что право давать новые законы, право объявленія войны или мира принадлежали, если не исключительно власти народной, то согласному рѣшенію народа и князя, ибо и князь могъ участвовать въ народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ. Но иногда князь давалъ законъ, объявлялъ войну и самолично своею волею, безъ народнаго рѣшенія, и народъ безпрекословно выполнялъ рѣшенія князя.

Все зависѣло отъ того: находился ли князь въ *одиначествѣ* съ народомъ или нѣтъ? Быть въ *одиначествѣ* съ народомъ значило вообще дѣйствовать въ согласіи съ нимъ, согласно съ его желаніями, зависѣло ли такое *одиначество* отъ постояннаго формальнаго соглашенія князя съ народомъ посредствомъ вѣчей, или отъ личнаго умѣнья князя, и безъ такихъ формальностей, угождать своими дѣйствіями желаніямъ народнымъ, говоря проще, быть въ *одиначествѣ* съ народомъ значило пользоваться довѣ-

ріемъ и расположеніемъ народа за добросовѣстное и честное исполненіе своихъ обязанностей. Князь, бывшій въ такомъ одиначествѣ съ народомъ, могъ позволять себѣ многое и быть вполнѣ увѣреннымъ въ непзмѣнномъ содѣйствіи себѣ народа. Даже случайные его промахи, и не только промахи, но и крупныя вины народъ опускалъ такому князю снисходительно. Извѣстенъ, напримѣръ, возмутительный поступокъ Ярослава I съ новгородцами. За убійство въ дракѣ призванныхъ Ярославомъ наемныхъ варяговъ, позволившихъ себѣ обижать новгородцевъ и ихъ женъ, Ярославъ заманилъ къ себѣ хитростію лучшихъ новгородцевъ и избилъ ихъ до 1,000 человѣкъ, остальные спаслись только бѣгствомъ. Но въ эту самую ночь Ярославъ получилъ вѣсть о смерти своего отца, о захватѣ престола Святополкомъ, о совершенныхъ уже и предпринятыхъ послѣднимъ убійствахъ. Война была неизбѣжна, помощь новгородцевъ необходима. Ярославъ не задумался на другой же день обратиться за нею къ новгородскому вѣчу, и оно отвѣчало Ярославу: «аще, княже, братья наша изсѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти», и тотчасъ же рѣшено было выставить 40 тысячъ войска для войны съ Святополкомъ. Такъ поступалъ народъ съ своими любимыми князьями, въ *одиначествѣ* которыхъ съ собою онъ былъ увѣренъ.

За то, если такого одиначества у князя съ народомъ не имѣлось и народъ убѣждался, что князь неспособенъ по своимъ свойствамъ быть и напредки съ нимъ въ одиначествѣ, то князь привлекался къ суду и подвергался изгнанію за проступки далеко не такого важнаго свойства, какъ приведенный нами проступокъ Ярослава. Такъ, въ 1270 году новгородцы *созвониливѣче* на Ярославлѣ дворѣ, и на этомъ вѣчѣ выставили слѣдующія обвиненія противъ великаго князя Ярослава Ярославича,ославъ ему обвинительную грамату: «Зачѣмъ ты запялъ Волховъ гоголиными (гагачьими) ловцами, а поле заячьими ловцами? Зачѣмъ ты завладѣлъ дворомъ Александра Марткинича, зачѣмъ взялъ деньги у Никифора Монускинича, у Романа Болдыжевича и у Варѳоломея? Зачѣмъ выводишь иноземцевъ, которые живутъ у насъ?—А много такихъ винъ; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ». Ярославъ послалъ-было на вѣче сына своего Святослава съ *поклономъ*, обѣщаясь «отступиться отъ всего того, въ чемъ его обвиняютъ, и цаловать крестъ, что впредь будетъ управлять на всей волѣ новгородской». Но новгородцы отвѣчали: «княже, изыди прочь; не хотимъ тебе, или идемъ весь Новгородъ прогонить тебе».

Увѣренность народа въ *одиначествѣ* съ собою тѣхъ или другихъ князей была причиною того, что нѣкоторые князья могли княжить цѣлую жизнь свою въ качествѣ единовластныхъ и самодержавныхъ, не справляясь формально съ волею народною, не собирая вѣчей, исключая развѣ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаевъ. Въ такомъ положеніи въ глазахъ народа стояли Вла-

диміръ Великій и сынъ его Ярославъ. Но по смерти Ярослава, съ раздѣленіемъ Россіи на многія княжества, эта увѣренность народа въ одиначествѣ князей съ нимъ стала подвергаться частымъ и сильнымъ испытаніямъ. Послѣдствіемъ этого было то, что народная власть чаще стала заявлять свои верховныя права какъ въ управленіи вообще, такъ и въ контролированіи власти княжеской. Отсюда частыя вѣча, дающія особый характеръ такъ-называемому удѣльному періоду. Другимъ послѣдствіемъ было то, что народъ и вообще сталъ сознавать, что одна надежда на *одиначество* князей для прочнаго порядка въ управленіи дѣло непрочное, что тутъ необходимы другія гарантіи. Отсюда начало рядовъ или договоровъ народа съ князьями, устныхъ или письменныхъ, при самомъ вступленіи ихъ въ управленіе.

Начало родоваго старшинства, служившее главною основою права для занятія столовъ въ разныхъ княжествахъ, не могло дать уже и само по себѣ прочной осѣдлости князьямъ. Когда умиралъ кіевскій князь, старшій по немъ занималъ престолъ кіевскій, слѣдующій за нимъ перемѣщался въ Туровъ или Переяславль, которые были чѣмъ-то въ родѣ кандидатуръ на занятіе кіевскаго стола; точно такая же передвижка происходила и въ остальныхъ княжествахъ. Но, кромѣ того, неопредѣленность и запутанность родовыхъ счетовъ подавали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и злоупотребленіямъ. Многіе искали кіевскаго и другихъ лучшихъ столовъ безъ всякаго права и, благодаря силѣ, удачѣ и разнымъ случайностямъ, доставали ихъ.

Это частое передвиженіе князей неизбѣжно влекло за собою уменьшеніе ихъ значенія и власти во всѣхъ вообще княжествахъ. Временные гости въ каждомъ княжествѣ, они нигдѣ не могли хорошо знать существующихъ здѣсь мѣстныхъ отношеній. Вслѣдствіе чего ихъ распоряженія нерѣдко могли сталкиваться съ интересами земства, вообще никогда не могли имѣть прочности. То, что̀ постановлено было однимъ княземъ, въ очень скоромъ времени могло быть уничтожено другимъ, потомъ постановлено вновь третьимъ, и т. д. Все это, конечно, должно было очень неблагопріятно отзываться на благосостояніи туземнаго населенія и потому послужило поводомъ къ устраненію вліянія князя отъ всякаго распоряженія землями княжествъ. Вообще принято было за правило, что поземельною собственностію въ каждомъ княжествѣ могутъ владѣть только туземные его жители, они же только и распоряжаются землями своего княжества. Въ Новгородѣ князю и его мужамъ отводилось опредѣленное пространство пахатной и сѣнокосной земли на правѣ государственномъ, и болѣе этой отведенной земли князь не имѣлъ права занимать въ свою пользу или въ пользу своихъ мужей. Затѣмъ князь обязывался договоромъ, что ни онъ, ни княгиня его, ни бояре, ни слуги не будутъ покупать селъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, не ставить слободъ и мытовъ на свое имя; мѣста для охоты князя и для рыбной ловли были точно такъ же строго опредѣ-

лены. По всей вѣроятности, эти же самыя ограниченія или подобныя имъ существовали и въ другихъ княжествахъ. Съ того времени, какъ дѣлаются намъ извѣстными договорныя граматы князей между собою, мы видимъ, что князья взаимно обязывались въ договорахъ за себя и вообще за жителей своего княжества не пріобрѣтать земель во владѣніяхъ другъ друга, развѣ это будетъ сдѣлано съ согласія того князя, во владѣніяхъ котораго земля пріобрѣтается.

Но если князья были отстранены отъ распоряженія землями, то и въ другихъ отрасляхъ управленія власть ихъ требовала если не ограниченій, то постояннаго наблюденія со стороны туземнаго населенія, на которомъ должны были отзываться всѣ промахи и злоупотребленія князей. Князья назначали чиновниковъ для судебныхъ дѣлъ, для сбора дани и доходовъ и проч. И это назначеніе получали преимущественно лица приближеннѣйшія къ нимъ изъ ихъ дружины. Но послѣдняя, какъ неимѣвшая осѣдлости въ княжествѣ, слѣдовательно, неимѣвшая здѣсь никакихъ прочныхъ интересовъ и связей, и притомъ подверженная всѣмъ невзгодамъ перемѣнчивой судьбы самихъ князей, иногда угнетала и грабила народъ. Въ Новгородѣ князья обязывались договоромъ не дѣлать назначеній ни въ какія должности безъ согласія посадника «и безъ посадника, княже, тебѣ суда ни судити, ни волостей раздавати, ни граматъ не даяти»; точно также обязывались не лишать должностей лицъ уже служившихъ, въ случаѣ ихъ злоупотребленій, иначе, какъ по суду и «безъ вины мужа волости не лишати». Въ другихъ княжествахъ не было, повидимому, заключаемо такихъ опредѣленныхъ договоровъ съ князьями относительно назначенія и увольненія чиновниковъ. Но мы знаемъ, что и въ другихъ княжествахъ народъ не безмолвствовалъ въ случаѣ злоупотребленій князей и ихъ чиновниковъ. Когда умеръ Всеволодъ Ольговичъ, то кіевляне согласились неиначе принять брата его Игоря, какъ съ условіемъ, чтобы онъ и братъ его Святославъ дали имъ присягу, что они будутъ смотрѣть за своими чиновниками и не будутъ давать народъ въ обиду, и когда Игорь и Святославъ дали присягу, то народъ бросился на домъ одного изъ ненавистныхъ тіуновъ Ратши и разграбилъ его. Въ 1175 г. народъ выгналъ Ростиславичей изъ Владиміра за то, что посадники ихъ «многу тяготу людямъ створиша продажами и вирами, а сама князя, млада суща, слушаста бояръ, а бояре учахутъ на многое имание».

Наконецъ, частая перемѣна князей, происходившая отъ всевозможныхъ случайностей, и сама по себѣ не могла не быть тягостною для народа. Не говоря уже о томъ, что не всѣ искатели княжескихъ столовъ были люди способные въ управленію, народъ отъ одной непрестанной погони князей за лучшими столами дѣлался игрушкою честолюбія, тщеславія, прихоти князей. Естественно, что онъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы

оградить себя отъ случайностей самыхъ худшихъ, которыя могли выпасть на его долю. Новгородъ сталъ принимать князей не иначе, какъ по предварительному избранію съ 1126 года. Избранный князь обязывался соблюдать извѣстный предъявляемый рядъ, то-есть договоръ, и не покидать Новгорода до смерти. Въ случаѣ неисполненія договора, принятаго имъ при вступленіи на новгородское княженіе, вѣче предавало его суду или изгоняло, приглашая вмѣсто съ тѣмъ вмѣсто его другаго. Точно также и въ другихъ княженіяхъ съ вступавшими на престолъ князьями заключались ряды или договоры, въ которыхъ излагались обязанности князей, и эти ряды князья должны были скрѣплять крестнымъ цалованіемъ. Изъ многихъ извѣстій лѣтописей, доказывающихъ это, особенно любопытно одно, которое показываетъ, какъ важно было значеніе подобныхъ рядовъ для силы князя. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго кіевскій престолъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, кіевляне призвали Ростислава съ тѣмъ, чтобы онъ княжилъ вмѣстѣ съ дядею и чествлъ его такъ же, какъ и его братъ. Но вотъ Вячеславъ умеръ; Ростиславъ, бывшій тогда въ походѣ противъ князя Глѣба Юрьевича, пріѣхалъ похоронить дядю и снова отправился къ своему войску. «Но его, мужи — говоритъ лѣтописецъ — бороняхутъ ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты еще съ людьми въ Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, таже съ людьми утвердися; да аче стрый придетъ на тя Дюрги (Юрій), но не ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умирившися, — паки ли — а рать зачнеши съ нимъ». Но, чтобы во всѣхъ княженіяхъ точно также, какъ въ Новгородѣ, народъ самъ искалъ себѣ и призывалъ князей, этого не видно. Народъ относился довольно пассивно къ способу занятія престоловъ и къ личностямъ, ихъ занимавшимъ, если только окончательно не былъ убѣжденъ въ совершенной неблагонадежности послѣднихъ къ одинначеству съ нимъ. Онъ принималъ князей, искавшихъ престолъ и по праву родоваго старшинства, и по назначенію отъ великаго князя, и по праву личныхъ талантовъ, и по праву наслѣдственному семейному. Не отказывался часто и отъ тѣхъ, которые завоевали его силою. Но только считалъ необходимымъ со всѣми дѣлать рядъ. Съ нашей современной точки зрѣнія можетъ показаться страннымъ, что побѣжденный народъ могъ предлагать князю побѣдителю рядъ управлять княженіемъ на волѣ народной, а не на его, побѣдителя, волѣ. Но это станетъ для насъ весьма понятно, если вспомнимъ, «что при отсутствіи постояннаго войска, большія войны могли быть ведены только съ помощію народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Если бы князю, съ помощью населенія своей волости или чужеземной, и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеван-

ной волости могла остаться и обыкновенно оставалась только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или, по крайней-мѣрѣ, составить себѣ среди нихъ сколько нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи, въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукова: онъ не умѣлъ ладить съ кіевлянами, и потому, несмотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на кіевскомъ столѣ. Подобно этому и его внуки Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміро-Переяславль, но были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной областью не можетъ быть «единенія» (см. «Князь и Вѣче» стр. 120). Но случалось, что народъ иногда и выходилъ изъ обычнаго своего пассивнаго положенія по отношенію къ кандидату, искавшему княженія. Это бывало тогда, когда кромѣ рядового кандидата на престолъ, по родовому старшинству ли, по другимъ ли правамъ, въ виду народа имѣлся какой нибудь князь, котораго народъ любилъ за его личныя достоинства, или за происхожденіе изъ любимаго княжескаго племени, каковымъ было въ глазахъ, напримѣръ, племя Мономаха. Такъ, въ 1119 году, по смерти Святополка Изяславича, кіевляне послали звать на княженіе Владиміра Мономаха, помимо трехъ старшихъ его двоюродныхъ братьевъ, Давида, Олега и Ярослава Святославичей. Когда Мономахъ отказался, то кіевляне разграбили дворъ тысяцкаго Путяты, дворы сотскихъ и жидовъ, и послали сказать Мономаху: «приходи князь въ Кіевъ; если не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ, или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыры разграбятъ». И Мономахъ долженъ былъ согласиться, и ни одинъ изъ старшихъ претендентовъ на престолъ не осмѣлился идти противъ воли народной. Другой примѣръ: Всеволодъ Ольговичъ, назначивъ своимъ преемникомъ брата своего, Игоря, счелъ нужнымъ взять съ кіевлянъ присягу въ вѣрности его брату. Кіевляне хотя и дали присягу, но у нихъ имѣлся въ виду для кіевскаго престола свой достойнѣйшій Игоря князь Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха. Въ виду такого преемника, кіевляне были недовольны на себя за то, что Всеволоду удалось выманить у нихъ преждевременное согласіе и крестное цалованіе въ пользу своего брата. Въ раздраженіи имъ представлялось, что Всеволодъ передалъ ихъ своему брату въ качествѣ какихъ-то вещей, хотя подобнаго ничего не было, ибо Всеволодъ назначилъ имъ преемника по ихъ же согласію, и подобный переходъ княженія отъ брата къ брату вовсе не былъ необычайнымъ явленіемъ въ то время. Но раздраженію трудно было успокоиться, когда внукъ Мономаха былъ на лицо и когда въ пользу его была, вѣроятно, въ Кіевѣ самая сильная

партія. Поэтому, когда умеръ Всеволодъ и Игорь вступилъ на престолъ, народъ, чтобы сорвать свой гнѣвъ, потребовалъ, какъ мы уже видѣли, отъ Игоря и его брата Святослава присяги въ соблюденіи правосудія; но и присяга его не успокоила. Тотчасъ послѣ присяги онъ разграбилъ домъ ненавистнаго ему тіуна. Но и этимъ не удовлетворился и кончилъ тѣмъ, что послалъ звать на княженіе своего любимаго князя Изяслава Мстиславича, которому велѣлъ сказать: «ты нашъ князь; Ольговичъ не хочемъ быть аки въ задничи» (то-есть мы не хотимъ быть у Ольговичей чѣмъ-то въ родѣ ихъ наслѣдственной собственности). Кромѣ указанныхъ нами случаевъ иногда самыя обстоятельства слагались такимъ образомъ, что заставляли народъ энергически дѣйствовать въ призваніи князя и, нѣкоторымъ образомъ, предрѣшали выборъ самого князя. Такъ, въ 1067 году, кіевляне выгнали Изяслава Ярославича за то, что онъ не хотѣлъ имъ дать оружія и коней, для борьбы съ половцами, которые передъ тѣмъ разбили русскихъ, — и провозгласили своимъ княземъ Всеслава Полоцкаго, освободивъ его, при этомъ, изъ тюрьмы, куда онъ былъ заточенъ Изяславомъ.

Изъ сказаннаго нами видно, какъ широка и сильна была народная власть въ древней Руси и какимъ она была твердымъ оплотомъ общественнаго благосостоянія, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ защиту для личности, имущества и чести каждаго лица въ случаяхъ важныхъ. При несложности и простотѣ отношеній, она была несложна и проста и въ своихъ формахъ и доступна каждому во всякое время. Все и предлагалось, и рѣшалось, и исполнялось въ тотъ самый моментъ, когда являлась нужда.

Это дѣлалось вѣчами, которыя служили выраженіемъ воли народной. Вѣчами назывались поголовныя (по принципу) собранія народа изъ всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, который въ случаѣ какихъ-нибудь важныхъ происшествій, вопросовъ, дѣлъ общихъ или частныхъ, собирался въ извѣстномъ городѣ въ одно мѣсто, чтобы потолковать по данному казусу, порѣшить его, и если дѣло удобно для немедленнаго исполненія, немедленно привести и въ исполненіе. Вѣча созывались или княземъ, или народомъ, и притомъ и значительною, и самою незначительною частію послѣдняго, такъ что есть примѣры собранія вѣча двумя человѣками, а вѣроятно, имѣлъ право собрать вѣче и одинъ. На вѣчѣ не было ни предсѣдателя собранія, ни опредѣленнаго порядка для разсужденій; говорилъ тотъ, кто хотѣлъ. Рѣшеніе постановлялось обыкновенно единогласно, или самимъ большимъ большинствомъ, такъ что меньшинство по своей незначительности не могло отстаивать своихъ мнѣній сплою. Въ противномъ случаѣ послѣднее начинало борьбу противъ большинства и дѣло оканчивалось дракой. Какъ скоро рѣшеніе на вѣчѣ состоялось, оно дѣлалось для всѣхъ обязательнымъ. Такъ въ 1151 году кіевляне, рѣшившись преслѣдовать Юрія, говорятъ князьямъ Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «всѣ пой-

дутъ на войну, кто только можетъ взять въ руки хлудъ; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами его побьемъ». Новгородцы въ 1148 году, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты противъ Юрія и порѣшивъ начать съ послѣднимъ войну, передаютъ свое рѣшеніе князю слѣдующими словами: «княже! всяка душа пойдетъ, еслибы и дьякъ былъ и гуменце пострижено, да не поставленъ, — и тотъ пойдетъ» (т.-е. пойдетъ и дьячекъ, который черезъ обрядъ постриженія части волосъ на темени сопричисленъ уже къ духовному званію, и слѣдовательно долженъ быть освобожденъ отъ похода, — но пойдетъ и онъ, если не получилъ еще мѣста). Въ такъ-называемый удѣльно-вѣчевой періодъ вѣча происходили по всѣмъ городамъ русскимъ. Суздальскій лѣтописецъ подъ 1176 г. говоритъ: «новгородцы бо изначала, и смолняне, и кіяне, и полочане, и вся власти (т.-е. волости) яко же на думу на вѣча сходятся — и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ». Новгородская лѣтопись говоритъ, что въ 1261 году происходили вѣча на бесарменъ по всѣмъ городамъ русскимъ. То же самое доказываетъ совокупность лѣтописныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ вѣчахъ, бывшихъ въ томъ или другомъ городѣ въ указанное нами время.

При той безграничности правъ, которою облечена была воля народная въ древней Руси, при отсутствіи юридической опредѣленности и явной разграниченности правъ между властію народной и княжеской, при случайности и, такъ-сказать, капризности народнаго контроля надъ послѣднею, то долго бездѣйствовавшаго, то принимавшагося за все круто и жестко, князьямъ не легко было сохранять свое одиначество съ народомъ. Только умныя и безукоризненно честныя натуры, какъ Мономахъ, какъ сынъ его Мстиславъ и другія подобныя имъ умѣютъ, при такомъ порядкѣ дѣлъ, не нарушая свободы народа и не дѣлая насилій другимъ князьямъ, создавать себѣ такую нравственную силу, которой все подчиняется, и владѣя ею способствовать развитію страны внутри и внушать внѣшнимъ врагамъ почтеніе или страхъ къ себѣ. Но Мономаховъ, Мстиславовъ и т. д. никогда не бываетъ много. Другіе любятъ болѣе легкій способъ управленія посредствомъ: цыцъ и затѣмъ палки. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе князья очень неблагопріятно смотрѣли на вѣча, которыя сдерживали въ предѣлахъ власть княжескую, не допуская ее до безконечныхъ злоупотребленій. Лѣтописцы позднѣйшей Руси, Руси монгольскаго наслоенія съ своей новой точки зрѣнія на общественное устройство называли вѣчниковъ крамольниками. Замѣчательно, что почти такой же взглядъ на вѣча сохраняютъ и нѣкоторые современные историки.

Но кто внимательно вникнетъ въ дѣло, тотъ увидитъ, что въ свое время вѣча оказали громадную услугу юной, только что нарождавшейся Россіи.

Предоставляя каждому члену общества принимать дѣятельное

участіе въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ и вопросовъ, они пробуждали и воспитывали во всѣхъ общественный и политическій смыслъ и дѣлали каждаго болѣе или менѣе способнымъ къ общественнымъ дѣламъ. Связывая главные города съ пригородями, послѣдніе съ остальнымъ народонаселеніемъ единствомъ общественныхъ интересовъ, вѣча проносили и созидали всюду живую свободную связь населеній, давая каждому сознаніе и чувство общей гражданственности и принадлежности къ одному великому цѣлому. Какъ важно было въ то время это дѣло созиданія вольнонародной и единогражданственной связи, мы поймемъ, когда вспомнимъ, что еще при вступленіи на престолъ Владиміра, государства русскаго въ собственномъ смыслѣ этого слова не существовало, а существовалъ подъ именемъ государства только механическій составъ разнообразныхъ племенъ, не связанныхъ между собою никакою внутреннею связью и удерживаемыхъ отъ распаденія единственно военною силою. Владиміръ и Ярославъ первые положили начало государству введеніемъ и прочнымъ утвержденіемъ христіанской цивилизаціи и единствомъ законодательства. Послѣдующіе князья, конечно, продолжали ихъ дѣло въ этомъ направленіи, но съ другой стороны своими которами, междоусобіями, мелкимъ эгоизмомъ и тщеславіемъ старались и разнести русскую землю. Между тѣмъ вѣча, подъ вліяніемъ началъ, положенныхъ Владиміромъ и Ярославомъ, дѣйствовали неуклонно въ одномъ направленіи — сплачивая разъединенныя племена въ одинъ живой организмъ, объединяя ихъ однимъ и тѣмъ же народнымъ духомъ, одними и тѣми же политическими интересами, и такимъ образомъ полагая прочную основу политическому единству, потребность въ которомъ народомъ созналась гораздо ранѣе, чѣмъ въ князьяхъ возникла мысль о соединеніи Руси. Въ то время, когда явились прославленные историками собиратели русской земли, передъ ними стоялъ уже единый русскій народъ, крѣпко внутренно сплоченный въ одно неразрывное цѣлое единствомъ христіанской цивилизаціи, единствомъ національности и единствомъ политической организаціи и жаждавшій завершенія своего внутренняго единства соотвѣтствующею своему развитію единою государственною формою. Это была *первая*, важнѣйшая работа удѣльно-вѣчеваго періода нашей исторіи.

Но была и *вторая*, немногимъ, можетъ быть, только уступающая этой первой. Наши историки, измѣряющіе благосостояніе народа прогрессомъ государства, опускаютъ изъ виду то обстоятельство, что прогрессъ государства вообще невозможенъ безъ богатства и содѣйствія народныхъ силъ и что тѣмъ болѣе умѣренный, ненормальный ростъ государства, совершающійся всегда на счетъ истощенія народныхъ силъ, предполагаетъ всегда данныя изъ прошедшаго, болѣе или менѣе значительныя силы, которыя онъ можетъ истощать до поры до времени. Вотъ если бы съ этой задней стороны московскаго государственнаго

прогресса историки взглянули на древнюю Русь, то имъ не разъ пришлось бы поклониться древнимъ вѣчамъ не только за приготовленіе и развитіе силъ для московскаго прогресса, но еслибъ этого не было, даже за одно сбереженіе ихъ хотя бы то и въ дикомъ видѣ, но безъ истощенія. Мы говоримъ нисколько не шутя. Историки Англіи самымъ очевиднымъ образомъ доказали, что никакія бѣдствія физическія, ни голодъ, ни болѣзни, ни даже, наконецъ, опустошительныя эпидеміи не причиняли столько бѣдствій народу и не уничтожали народонаселенія страны въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, въ какихъ это производилось различными правительственными мѣропріятіями. Хотя правительства издавали эти мѣропріятія вовсе не съ тою цѣлью, чтобы угнетать и разорять народъ, они дѣйствовали, напротивъ, въ видахъ общаго благосостоянія, но они показывали всегда такое глубокое и поразительное невѣжество относительно общественныхъ интересовъ, которые они, между тѣмъ, всегда стремились регулировать своею властію, что производили ужасающее зло. Законы о рабочихъ, изданные въ Англіи въ царствованіе Эдуарда III, имѣвшіе цѣлію регулировать трудъ рабочихъ, и несмотря на всю свою нелѣпость, упорно поддерживавшіеся правительствомъ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній и казней, почитаются главнымъ источникомъ бѣдствій Англіи, причиною того страшнаго пауперизма и пролетаріата, который существуетъ въ ея массахъ. Представимъ же себѣ, что у насъ въ то дикое время, о которомъ мы говоримъ, земля народа и трудъ его, его имущество и личность были отданы въ полную волю его безчисленныхъ князьковъ, часто столько же глубоко невѣжественныхъ, сколько хищныхъ и развратныхъ? Чего можно было бы ожидать отъ этого, кромѣ двойнаго разграбленія народа, съ одной стороны прямого—въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ нему князей и ихъ чиновниковъ, съ другой — косвеннаго въ различныхъ мѣропріятіяхъ, даже и тѣхъ, которыя предпринимались бы въ видахъ благоденствія народа? Мы еще будемъ случай видѣть, какъ такія мѣропріятія въ позднѣйшее время, въ эпоху московскаго государства, опустошили матеріальное и моральное достояніе народа. Вѣча служили твердымъ оплотомъ противъ эксплуатаціи. При существованіи вѣчей не могъ пройдти никакой законъ, никакая мѣра, если они противорѣчили интересамъ народа. Съ другой стороны, мы видѣли уже выше и имѣемъ кромѣ того другія лѣтописныя свидѣтельства, что вѣча принимали жалобы на притѣсненія чиновныхъ лицъ и немедленно расправлялись съ послѣдними. Въ числѣ первыхъ обвиненій, за которыя въ 1137 году былъ изгнанъ изъ Новгорода князь Всеволодъ, было поставлено то, что «не блюдетъ смердъ», то-есть не бережетъ крестьянъ и вообще простой народъ. Но эта, повидимому, отрицательная только заслуга вѣчей, то-есть охраненіе имп народа отъ княжескихъ и чинов-

ничьихъ притѣсненій, разграбленій, равно какъ и отъ благодѣтельныхъ измышленій ихъ мудрости, составляла по самому свойству своему и положительную силу для народнаго благосостоянія и процвѣтанія. Народъ могъ свободно распоряжаться своими землями, могъ свободно прилагать свой трудъ гдѣ хотѣлъ и гдѣ находилъ это для себя выгоднымъ, не могъ быть обремененъ несоразмѣрнымъ налогомъ или незаконнымъ побором, слѣдовательно, при обилiи богатствъ натуральныхъ, которыми онъ владѣлъ, были всѣ необходимыя условія для быстраго развитія его матеріальнаго благосостоянія. И въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно всмотримся въ жизнь древней Руси, то найдемъ, что едва-ли когда-нибудь въ послѣдующей исторіи такъ быстро развивалось матеріальное благосостояніе народа, какъ оно развивалось тогда. Мы находимъ въ началѣ нашей исторіи нашъ народъ въ полудикомъ состояніи, такъ что нѣкоторыя племена въ немъ едва только начинаютъ земледѣльческую культуру, мало знакомымъ съ скотоводствомъ, питавшимся, подобно народамъ звѣроловамъ, главнымъ образомъ отъ звѣринаго промысла, неимѣвшимъ въ большей части своей понятія объ удобствахъ осѣдлой жизни и самыхъ обиходныхъ ея ремеслахъ. Черезъ какихъ-нибудь 200 лѣтъ послѣ этого мы не находимъ и слѣдовъ прежней дикости. Земледѣльческая культура привилась и распространялась всюду и сильно размножившимся населеніемъ пронесена далеко на сѣверъ; знаніе различнаго рода ремеслъ и промысловъ, необходимыхъ въ осѣдлой жизни, сдѣлалось обычнымъ повсюду, такъ что монголы, какъ видно изъ ханскихъ ярлыковъ, пользовались различнаго рода мастерами и дѣлюями изъ русскихъ, наконецъ, какъ вообще высоко поднялся уровень моральнаго развитія народа, можемъ судить по тому, что народъ гордо сознавалъ свое превосходство надъ окружавшими его племенами и самими монголами, противополагая себя имъ какъ народъ христіанскій *поганымъ*. Сколько нужно было ему пройдти ступеней въ своемъ развитіи, чтобы достигнуть до такого сознанія, пусть читатель припомнитъ описаніе быта нашихъ славянъ при началѣ государства у Нестора, когда у нихъ не было даже понятія о бракѣ, а было общеніе женъ — connubia communia — и когда кругомъ ихъ не было племени, которое бы не стояло выше ихъ по развитію. Не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ о письменной литературѣ древней. Эта была литература не народная, а церковная и проникнута религіозными воззрѣніями даже въ своихъ свѣтскихъ по предметамъ памятникахъ, напримѣръ, лѣтописяхъ, исключая Слова о Полку Игоревѣ. Но замѣчательно, какъ свободная жизнь, и при незначительномъ уровнѣ образованія, быстро развиваетъ интересы общественной жизни и заставляетъ биться за эти интересы сердца даже тѣхъ людей, которые были, повидимому, чужды ихъ, каковы были писатели лѣтописей, люди духовные. Мы видимъ, что въ молодой Россіи едва только она начинаетъ зна-

коміться съ грамотою, являются вдругъ нѣсколько лѣтописцевъ въ различныхъ областяхъ ея. И у каждаго лѣтописца лежатъ ближе всего къ сердцу мѣстные интересы его собственной области. Иначе смотрятъ на событія лѣтописецъ кіевскій, лѣтописецъ волынскій, суздальскій, новгородскій. Несмотря на сухость лѣтописей, сейчасъ видно, что ихъ пишутъ люди не мертвые, а живые, живо заинтересованные въ судьбахъ своего отечества и въ движеніи своего ближайшаго общества. Нѣтъ въ лѣтописяхъ характера того казеннаго однообразія и прислужничества, который лежитъ на лѣтописяхъ московской эпохи.

Смыслъ всего доселѣ нами сказаннаго можно резюмировать въ слѣдующихъ краткихъ словахъ:

Отъ Владиміра Великаго до нашествія татаръ прошло всего 250 лѣтъ. Эти 250 лѣтъ были, повидимому, временемъ самыхъ тяжкихъ бѣдствій для Руси. Она находилась въ разъединеніи, съ каждымъ днемъ раздробляемая все болѣе и болѣе на мелкія княжества, и страдала отъ вражды князей между собою, отъ вражды князей съ народомъ, отъ нападеній сосѣдственныхъ хищническихъ народовъ. Кому, казалось, было тогда думать о великомъ будущемъ Россіи? — Но народъ былъ матеріально доволенъ, былъ политически свободенъ, морально честенъ,—и великое дѣло творилось само собою ни для кого незримо. Прошло 250 лѣтъ, — и древняя Русь блистательно рѣшила свою задачу: она слила враждебныя, разъединенныя, разнородныя племена, входившія въ механическій составъ варяжскаго государства, въ одинъ цѣльный, проникнутый одною національностію народъ; она утвердила въ немъ одинаковую христіанскую цивилизацію, которая быстро стала развиваться на началахъ народной жизни и дала уже значительные плоды, даже въ письменныхъ памятникахъ; она положила въ немъ начатки политическаго и общественнаго устройства, знаменовавъ ихъ печатію свободы. Идея политическаго единства, съ твердо-опредѣленными началами единенія была присуща сознанію всего народа и искала только соотвѣтствующей формы для своего воплощенія.

Но вотъ, вопреки всему предшествовавшему развитію древней Руси, вопреки изстари-народнымъ русскимъ началамъ, политика первыхъ московскихъ князей начертала для Россіи новый идеалъ государства,—и къ этому идеалу повела народъ своею твердою рукою, лишивъ его свободы, матеріальнаго довольства, сознанія своего гражданскаго достоинства. Черезъ 300 лѣтъ, въ царствованіе Ивана IV униженный, разоренный народъ русскій уже представилъ собою зрѣлище оборвышей, служившихъ посмѣшищемъ и предметомъ отвращенія нетолько для иностранцевъ, но и собственнаго царя, который, нисколько не конфузясь, называлъ всѣхъ своихъ подданныхъ ворами. Иванъ IV былъ нетолько самымъ зрѣлымъ продуктомъ предшествовавшей политики

московскихъ князей, но нѣкоторымъ образомъ и вѣнцомъ ея. Онъ воплотилъ въ себѣ всѣ принципы своихъ предшественниковъ и провелъ ихъ въ своей дѣятельности съ ничѣмъ невозмущающеюся послѣдовательностью до самыхъ невозможныхъ предѣловъ. Русскіе историки не могутъ довольно надивиться государственному уму Ивана IV. Онъ говорятъ, завоевалъ царство Казанское, хотя самъ Иванъ IV всячески, и весьма справедливо, старается смыть съ своей памяти это пятно. Онъ — говорятъ, они далѣе, — хотѣлъ завоевать Ливонію, но нетольк не завоевалъ, а на нѣсколько столѣтій отдалилъ самую возможность ея заводванія, хотя въ то время, при другой политикѣ, можно было дѣйствительно, завоевать нетолько Ливонію, но и весь западный край нынѣшней Россіи, не вынимая, можетъ быть, меча изъ ноженъ. Наконецъ, онъ, говорятъ, истребилъ бояръ—и дѣйствительно, истребилъ; но и этотъ подвигъ, нетребовавшій отъ него ни особеннаго ума, ни особенной храбрости, онъ совершилъ съ такою неумѣренною ревностію, въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что подобное злодѣйство ничѣмъ не вызывалось нетолько при немъ, но даже при отцѣ его и дѣдѣ. Притомъ, онъ совершилъ это злодѣйство такъ безсмысленно, такъ вѣроломно и несправедливо, такъ звѣрски-жестоко, что разогналъ отъ себя всѣхъ умныхъ и честнѣхъ людей, и окружилъ свой тронъ рабами, палачами и шпіонами. Вообще съ ограниченною и звѣрскою политикою своихъ предшественниковъ, Иванъ IV наслѣдовалъ и ихъ ограниченный умъ. Для него, какъ и для нихъ, не существовало ничего выше азіатскаго идеала государства. Въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными европейскими дворами, Иванъ IV съ гордостію говорилъ, что на свѣтѣ только и есть два истинныхъ государя: онъ, да султанъ турецкій. Для Ивана IV государство было немыслимо, какъ союзъ живыхъ свободныхъ силъ, свободно себя самоопредѣляющихъ и въ кругу своей дѣятельности подъ охраною права и закона, не прикосновенныхъ ни для кого, ни даже для самой верховной власти. Всякая живая сила была для него ненавистна; ибо даже въ тѣни всякой самоопредѣляемости и свободы, онъ видѣлъ посягательство на свои державныя права, поводъ и даже наклонность къ измѣнѣ и бунту. Онъ представлялъ себѣ государство въ формѣ огромнаго казеннаго двора или крѣпостнаго завода, гдѣ жители государствъ, раздѣленные по разрядамъ по роду занятій, подъ крѣпкимъ карауломъ, занимаются предписаннымъ имъ дѣломъ, на сколько это нужно государству для его финансовыхъ отправленій. Только такимъ образомъ поставленное и устроенное государство могло успокоить подозрительное воображеніе Ивана IV и удовлетворить его азіатскому идеалу верховной власти. Въ осуществленіи этой цѣли, которая была поставлена еще первыми основателями московскаго государства сосредоточивалась и вся дѣятельность Ивана IV. «Тщуся—пишетъ онъ въ письмѣ къ Курбскому,— съ усердіемъ людей на истину и свѣтъ поставить, да познаютъ

единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ государя».

Какимъ образомъ русскій народъ приводимъ былъ къ такому познанію, и какіе изъ того произошли результаты, — мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующій разъ.

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ.

(Его критическая дѣятельность въ связи съ характеромъ его умственнаго развитія).

Статья первая.

I.

Ни объ одномъ изъ литературныхъ дѣятелей послѣдняго времени не сложилось столько противорѣчивыхъ и разнородныхъ мнѣній, какъ о покойномъ Писаревѣ. Можно положительно сказать, что трудно представить себѣ двухъ-трехъ человѣкъ, которые, сойдясь между собою и заговоря о значеніи и дѣятельности Писарева, выразили бы вполнѣ согласное мнѣніе, если только разговаривающіе захотятъ глубже проникнуть въ то, что̀ же такое именно сдѣлалъ Писаревъ, а не ограничатся общими фразами о томъ, что онъ былъ писатель въ высшей степени искренній и честный, владѣлъ мастерскимъ слогомъ и проповѣдывалъ новыя идеи. Въ этихъ общихъ фразахъ, конечно, сходятся люди всѣхъ партій и направленій. Но далѣе слѣдуютъ непроходимыя разнорѣчія. Съ одной стороны, у людей старой школы, какъ гвоздь засѣлъ въ голову, взглядъ на Писарева, какъ на архи-Базарова, доведшаго отрицаніе до послѣднихъ предѣловъ крайности; съ другой стороны, изъ людей, болѣе солидарныхъ съ нимъ, одни, горячіе поклонники его, ставятъ его выше Бѣлинскаго и Добролюбова, говорятъ, что онъ окончательно очистилъ критику отъ всѣхъ романтическихъ преданій, отъ которыхъ не могъ избавиться даже и Добролюбовъ, что онъ всѣ вопросы литературы и науки перерѣшилъ на новыхъ, чисто-реальныхъ основаніяхъ, и все это удалось ему сдѣлать главнымъ образомъ потому, что онъ принадлежалъ къ поколѣнію болѣе юнѣйшему, чѣмъ принадлежалъ Добролюбовъ. Другіе же, напротивъ того, ничего не видятъ въ Писаревѣ, кромѣ любителя хлесткихъ и забористыхъ фразъ, поверхностнаго диллетанта, усыпавшаго цвѣтами своего краснорѣчія чужія мысли и доводившаго эти мысли иногда де смѣшныхъ крайностей и нелѣпыхъ парадоксовъ. Всѣ эти качества они приписываютъ личному складу ума и характера Писарева, и появленіе такого писателя въ нашей лите-

ратурѣ считаютъ дѣломъ чистой случайности. Ни съ первымъ, ни со вторымъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Первое мнѣніе страдаетъ тѣмъ, что прежде чѣмъ сравнить идеи Добролюбова и идеи Писарева и разсмотрѣть, дѣйствительно ли послѣднія реальнѣе первыхъ, мнѣніе это опирается на такія относительныя основанія, какъ смѣна поколѣній. Противоположное же мнѣніе страдаетъ тѣмъ, что, видя различные противорѣчія и парадоксы, встрѣчающіеся въ статьяхъ Писарева, и приписывая ихъ случайному складу ума и характера этого писателя, оно не видитъ, что за этимъ писателемъ стоитъ толпа горячихъ поклонниковъ его, толпа, которая за что-то ставитъ его на первомъ мѣстѣ выше всѣхъ прежнихъ дѣятелей литературы, толпа, наконецъ, которая увлекается именно его парадоксами и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ расходился онъ съ Добролюбовымъ и прочими писателями его школы. Неужели же существованіе такой толпы такое же дѣло случая, какъ и существованіе писателя, стоявшаго во главѣ ея? Мнѣ кажется, чтобы выйти изъ всей этой путаницы разнорѣчій, единственный путь— разсмотрѣть дѣятельность Писарева въ связи съ его личнымъ развитіемъ и общимъ характеромъ эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Такое разсмотрѣніе покажетъ намъ съ одной стороны всю узкость и стереотипность взглядовъ тѣхъ людей, которые, принимая въ разсчетъ вліяніе на прогресъ смѣны поколѣній, вліяніе это принимаютъ въ самомъ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ, думая, что изъ двухъ современниковъ, тотъ, который моложе двумя-тремя или пятью годами, вслѣдствіе этого непремѣнно долженъ быть и прогресивнѣе въ такомъ же отношеніи. Люди одной эпохи, подчиняясь общему теченію жизни, кромѣ того развиваются скорѣе или медленнѣе, направляются въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ разныхъ частныхъ, индивидуальныхъ условій развитія, переростаютъ одни другихъ, какъ деревья въ лѣсу. Есть люди, которымъ удается очень рано и скоро пережить и перестрадать весь процесъ броженія своего вѣка. Такіе люди выходятъ на общественное поприще нетолько впереди своего вѣка, но иногда оставивъ его далеко за собою. Мы увлекаемся идеями подобныхъ людей; мы идемъ за ними, какъ за вождями, и случается, что эти люди до такой степени уходятъ далеко, что два, три поколѣнія не въ силахъ нетолько перегнать, но и догнать ихъ. Но есть люди, которые идутъ постоянно въ общемъ уровнѣ вѣка. Вмѣстѣ со своими современниками, они переживаютъ весь тотъ процесъ броженія, который характеризуетъ ихъ эпоху; участвуя въ этомъ процесѣ, они представляютъ обыкновенно то тотъ, то другой изъ элементовъ броженія. Вслѣдствіе этого, они впадаютъ въ односторонности, заблужденія; но заблужденія ихъ не суть слѣдствія случайнаго недостатка ихъ ума или воли; въ этихъ заблужденіяхъ они подчиняются общимъ законамъ развитія своего вѣка: заблужденія ихъ суть или заблужденія цѣлой эпохи, или даннаго момента въ эпохѣ, или же одного изъ элементовъ броженія. Такихъ людей мы, конечно, не можемъ считать

вождями общества; но изученіе жизни и произведеній умнѣйшихъ и талантливѣйшихъ изъ нихъ бываетъ иногда поучительнѣе, чѣмъ изученіе вождей общества. На такихъ людяхъ ярко отражается обыкновенно или цѣлая эпоха, или тотъ элементъ броженія, представителями котораго они служатъ. Въ ихъ жизни и твореніяхъ вы можете прослѣдить наглядно, чѣмъ страдали ихъ современники, чего имъ недоставало, къ чему они стремились и въ чемъ заблуждались; все это въ жизни вождей общества бываетъ иногда неуловимо именно вслѣдствіе быстроты ихъ развитія. Можете ли вы, напримѣръ, прослѣдить, какъ изъ Гоголя, — творца Ганца-Кюхельгартена, сдѣлался создатель натуральной школы? Вамъ постоянно будетъ казаться этотъ фактъ какимъ-то неожиданнымъ превращеніемъ въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ иногда въ балетахъ. Вслѣдствіе какого быстраго процеса развитія Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще 20-лѣтнимъ юношей съ цѣлымъ рядомъ такихъ глубокихъ идей, которыя, если и понимаются, то какъ-то быстро и незамѣтно проскальзываютъ у многихъ изъ современниковъ его и людей значительно моложе его, людей читающихъ, мыслящихъ и увлекающихся имъ.

Изученіе личности Писарева съ этой точки зрѣнія покажетъ намъ съ другой стороны, какъ ошибаются тѣ люди, которые ничего не хотятъ видѣть въ немъ кромѣ ловкаго фразера и компилятора, говорившаго постоянно съ чужаго голоса и противорѣчившаго самому себѣ на каждой страницѣ. Мы увидимъ, что заблужденія и парадоксы, встрѣчаемые въ статьяхъ Писарева, не суть его личные, случайные недостатки; они проистекаютъ изъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ стоялъ не онъ одинъ, а стоятъ многіе современные намъ люди. Правда, мы можемъ встрѣтить не мало людей, которыхъ не удовлетворяютъ статьи Писарева, и которые обращаются къ писателямъ болѣе солиднымъ и глубокимъ, но, во всякомъ случаѣ, такихъ людей, если и не мало, то и не особенно много. Большинство же читающей публики далеко еще не дорасло до этихъ солидныхъ писателей, и Писаревъ ему совершенно по плечу, тѣмъ болѣе, что это большинство переживаетъ еще тотъ періодъ развитія, который главнымъ образомъ отражается въ сочиненіяхъ Писарева.

II.

Есть эпохи, въ которыя главное вниманіе людей бываетъ обращено на вопросы исключительно общественнаго свойства, въ которыя люди болѣе всего заботятся объ усовершенствованіи своихъ общественныхъ отношеній. Въ такія эпохи вопросы, касающіеся индивидуальной, личной нравственности, остаются на второмъ планѣ. Въ такія эпохи люди болѣе думаютъ о томъ, къ какимъ слѣдуетъ имъ стремиться результатамъ общественнаго движенія, чѣмъ о томъ, какъ слѣдуетъ имъ жить въ частной жизни, какія страсти подавлять и какимъ давать просторъ для

того, чтобы воплощать въ своей личности высшіе идеалы нравственности. Но есть эпохи, въ которыя, при совершенномъ застоѣ общественной жизни, лучшіе люди общества перестаютъ совершенно глядѣть вокругъ себя, а обращаютъ исключительное вниманіе во внутрь своего я, начинаютъ созерцать всѣ свои достоинства и недостатки. Это увлеченіе личнымъ самосозерцаніемъ доходитъ иногда до того, что люди начинаютъ думать, что весь прогресъ общества только въ томъ и заключается, чтобъ каждый человѣкъ въ отдѣльности устремлялъ все свое вниманіе на свое личное самосовершенствованіе, что чѣмъ болѣе въ обществѣ будетъ единицъ, стремящихся къ осуществленію нравственныхъ и умственныхъ идеаловъ, тѣмъ общество будетъ ближе къ своему совершенству, а для распложенія этихъ единицъ достаточно всякаго рода рѣчей, статей и проповѣдей съ возбужденіями, порицаніями и представленіями нравственныхъ идеаловъ и образцовъ для подражанія.

Независимо отъ существеннаго характера той или другой эпохи, во всѣ времена встрѣчаются люди двухъ категорій, аналогическихъ съ только-что приведенною характеристикою двухъ эпохъ. Есть люди, которые въ увлеченіяхъ и заботахъ о разныхъ вопросахъ общественнаго свойства совершенно забываютъ о своемъ личномъ я; осуществленіе разныхъ личныхъ нравственныхъ идеаловъ нисколько не занимаетъ ихъ; и хотя очень часто такіе люди являются въ высшей степени нравственными и честными, но эта нравственность и честность зависятъ не столько отъ особенныхъ заботъ объ этомъ, сколько отъ склада привычекъ, вынесенныхъ изъ воспитанія и жизни, сколько отъ самого характера общественныхъ стремленій этихъ людей.—Но есть другаго рода люди, которые могутъ иногда сочувствовать и увлекаться разными общественными интересами, но у которыхъ на первомъ планѣ все-таки постоянно стоятъ различные нравственные идеалы чисто индивидуальнаго характера. Люди этого рода даже въ общественныхъ своихъ стремленіяхъ заботятся не столько о средствахъ къ достиженію различныхъ практическихъ цѣлей, сколько о томъ, какіе нравственные идеалы должны воплощать отдѣльные люди для того, чтобы они были достойны носить имя прогрессистовъ и новыхъ людей.

Что̀ склоняетъ людей на тотъ или другой путь, опредѣлить это очень трудно. Конечно, весьма соблазнительно сдѣлать такое предположеніе, что люди, наиболѣе пострадавшіе отъ различныхъ общественныхъ недостатковъ, тѣмъ самымъ уже получаютъ наклонность болѣе думать о средствахъ къ избавленію отъ этихъ недостатковъ; а съ другой стороны люди, которыхъ обстоятельства одарили болѣе другихъ, по мѣрѣ своего развитія естественно начинаютъ чувствовать разладъ между своими убѣжденіями и своею личною жизнію, и этотъ разладъ невольно влечетъ ихъ къ разрѣшенію разныхъ мучительныхъ вопросовъ, касающихся исключительно ихъ личности, имѣющихъ характеръ чисто

индивидуальный. Но не однѣ только эти причины имѣютъ здѣсь вліяніе. Кромѣ ихъ существуетъ цѣлый рядъ другихъ причинъ, и притомъ такихъ сильныхъ, которыя могутъ совершенно парализовать эти причины, т.-е. людей, кругомъ обиженныхъ жизнію, навести на дорогу вопросовъ индивидуальной нравственности, а людей щедро одаренныхъ на путь общественныхъ вопросовъ. Къ этимъ другимъ причинамъ принадлежатъ: *характеръ эпохи*, смотря по тому, на столько ли силенъ въ данное время импульсъ общественной жизни, что онъ способенъ увлечь общественными интересами людей самыхъ индиферентныхъ, или настолько слабъ онъ, что люди, наиболѣе склонные къ общественнымъ интересамъ, не находятъ никакого удовлетворенія своимъ склонностямъ и онѣ въ нихъ увядаютъ; *степень развитія*—очевидно, что люди менѣе развитые, не въ силахъ бываютъ обнять своими умственными очами всей сложности процеса общественнаго развитія и понять зависимость индивидуальной нравственности отъ общаго положенія дѣлъ, и потому такимъ людямъ свойственно ограничивать узкій кругозоръ свой интересами личной, индивидуальной нравственности; такіе люди не имѣютъ понятія о прогресѣ, какъ органическомъ процесѣ развитія; для нихъ прогресъ есть простое накопленіе посредствомъ размноженія нравственныхъ и прогрессивныхъ единицъ; *воспитаніе* тоже одна изъ важныхъ причинъ въ этомъ родѣ и въ особенности важно, что занимаетъ наиболѣе юношу въ то время, когда формируются страсти, наклонности и привычки его; *образъ жизни*—очевидно, что человѣкъ, ведущій уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ жизнь, болѣе склоняется къ вопросамъ индивидуальной нравственности, чѣмъ человѣкъ, живущій общественною жизнію; наконецъ *характеръ отношеній къ близкимъ людямъ*—смотря по тому, какого рода эти отношенія; они могутъ быть столь просты и естественны, что человѣкъ и не задумается объ нихъ ни разу въ жизни; или же, наоборотъ, они могутъ быть столь запутаны, ложны и ненормальны, что могутъ человѣка поминутно побуждать къ рѣшенію различныхъ нравственныхъ вопросовъ. Всѣ эти причины могутъ дѣйствовать сразу; но можетъ случиться, что и одной причины достаточно, если она на столько сильна, что можетъ всѣ мысли человѣка и всю жизнь направить въ одну опредѣленную сторону. Вооружившись всѣми этими данными, приступимъ теперь къ анализу университетской жизни Писарева, которая имѣла болѣе сильное вліяніе на складъ его убѣжденій, чѣмъ все послѣдующее его развитіе и вліяніе которой замѣтно на всѣхъ его статьяхъ.

Писаревъ поступилъ въ университетъ въ 1856 году совершеннымъ еще ребенкомъ: ему было не болѣе 16-ти лѣтъ; классическая гимназія, въ которой онъ воспитывался, даровавъ ему хорошее знаніе древнихъ языковъ, не особенно способствовала его умственному развитію. Онъ самъ о себѣ говоритъ въ статьѣ «Университетская наука»: «Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ

фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать, что изъ всего того, что я наговорилъ, проницательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрованныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать исторію Англіи Маколея, но чтеніе и подвигалось туго, и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ гіероглифическихъ надписей, прилагавшійся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сегодня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія. Впрочемъ, это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмаго класса, читать «Холодный домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шутитъ такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ, что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели — Пушкинъ, Лермантовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя—зачѣмъ я ихъ слушалъ... Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь писателемъ сальнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но, конечно, я понималъ его такъ же хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но останавливаться и задумываться надъ впечатлѣніемъ было для меня немыслимо. Словомъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши»... Въ другомъ мѣстѣ Писаревъ сравниваетъ себя съ дѣвственнымъ полемъ, которое каждый Христоферъ Колумбъ могъ открыть, водрузить свое знамя и обратить въ свою колонію, какъ землю незаселенную и никому не принадлежащую.

Все это совершенно справедливо. Сколько я помню Писарева въ первомъ курсѣ университета, онъ былъ совершеннымъ ребенкомъ и оставался тѣмъ же прилежнымъ гимназистомъ, какимъ былъ, по всей вѣроятности, въ гимназіи. Одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ П. Полевой напечаталъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ», вскорѣ послѣ смерти Писарева, нѣсколько воспоминаній о студенческихъ годахъ Писарева, въ которыхъ онъ представляетъ Писарева сосредоточеннымъ въ себѣ, вѣчно спокойнымъ и хо-

лоднымъ резонеромъ, жившимъ исключительно головою и напускавшимъ на себя нѣкоторую важность вслѣдствіе ребяческаго сознанія своего студенческаго достоинства. Что онъ нѣсколько импонировалъ своимъ студенческимъ мундиромъ, это, можетъ быть, и было и это было весьма естественно; Писаревъ самъ говоритъ въ статьѣ «Университетская наука»: «даже внѣшніе аттрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными; синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ—все это нравилось мнѣ, какъ «вещественные знаки невещественныхъ отношеній». Что же касается мнимой холодности и житья головою, то въ этомъ я совершенно несогласенъ съ Полевымъ; напротивъ того, Писаревъ всегда былъ человѣкъ весьма впечатлительный и способный увлекаться до безумія, что онъ доказалъ въ своей жизни неоднократно, и изъ университетскаго періода его жизни я помню два случая его увлекаемости: одинъ разъ онъ пришелъ въ такой энтузіазмъ на одной студенческой сходкѣ, что расплакался, а въ другой разъ, во время нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ между студентами и однимъ изъ профессоровъ, онъ увлекся до того, что легъ на столъ и началъ барабанить ногами въ стѣну, за которой сидѣлъ профессоръ въ аудиторіи, гдѣ въ это время происходилъ скандалъ.

Юноша крайне неразвитой и въ то же время нервный, впечатлительный и воспріимчивый, очевидно, онъ долженъ былъ подчиниться первому вліянію, которое ему было суждено встрѣтить въ жизни.

Въ своей статьѣ «Университетская наука» Писаревъ подробно и мѣтко характеризуетъ профессоровъ того факультета, на который онъ поступилъ; изъ этой статьи читатель можетъ составить ясное понятіе, могли ли оказать на Писарева какое бы то ни было вліяніе профессора, изъ которыхъ одинъ засадилъ Писарева за энциклопедію Эрша и Грубера, а другой запрегъ его въ Вильгельма Гумбольта. Между тѣмъ, какъ Писаревъ скучалъ надъ Эршемъ и Груберомъ и киснулъ на буквѣ *А* этой энциклопедіи, между тѣмъ какъ онъ механически извлекалъ и переводилъ брошюру Штейнталя и книгу Гайма, не въ силахъ будучи осмыслить того, надъ чѣмъ онъ такъ усердно трудился, разговоры и споры товарищей его о различныхъ животрепещущихъ для него въ то время вопросахъ, очевидно, должны были оказать болѣе вліянія на ходъ и направленіе его мыслей, чѣмъ вся факультетская ученость взятая вмѣстѣ; тѣмъ болѣе, что эти разговоры и споры велись на языкѣ болѣе понятномъ для неразвитаго юноши, чѣмъ языкъ Гайма и Штейнталя и больше касались его личности. Здѣсь нужно замѣтить, что Писаревъ, прежде нежели попасть въ филологическій кружокъ спеціалистовъ, о которомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ «Университетская наука», былъ увлеченъ въ иной кружокъ весьма оригинальнаго свойства.

Въ Ларинской гимназіи былъ нѣкогда преподаватель русскаго языка Николай Павловичъ Корелкинъ. Человѣкъ энергическій, живой, горячій, онъ былъ своего рода свѣтиломъ среди гимназическихъ преподавателей своего времени, и воспитанники его, на которыхъ онъ производилъ самое обаятельное вліяніе, никогда его не забудутъ. Поклонникъ Гегеля и Бѣлинскаго, почитатель Гоголя, онъ былъ въ то же время жертвою филологическаго факультета. По складу его ума и темперамента, по его живымъ и увлекательнымъ рѣчамъ въ классѣ, ему слѣдовало избрать себѣ дорогу или педагогическую, или литературную, а онъ просиживалъ ночи надъ санскритскими корнесловіями, готовясь къ магистерскому экзамену, и этими ночными бесѣдами съ корешками ухлопалъ себя въ нѣсколько лѣтъ въ чахотку. Впрочемъ, его филологическія занятія не имѣли какого либо вліянія на воспитанниковъ; онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы вносить въ преподаваніе и пропагандировать какую либо узкую схоластическую ученость. Воспитанники его въ шестомъ классѣ уже были знакомы близко со многими произведеніями русской литературы и зачитывались Гоголя. О Бѣлинскомъ Корелкинъ не говорилъ ни слова; въ то время имя это было одно изъ самыхъ запрещенныхъ въ стѣнахъ гимназіи, но это не мѣшало ему проводить идеи и взгляды Бѣлинскаго на русскую литературу. Въ 1855 году Н. П. Корелкинъ умеръ, и надо сказать, что внезапная смерть его произвела на двухъ изъ его воспитанниковъ 6-го класса гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ его горячія рѣчи и наставленія. Имъ показалось, что міръ опустѣлъ съ его смертію; онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ предметомъ поклоненія; каждое слово его, запечатлѣнное въ ихъ памяти, имѣло въ ихъ глазахъ неприкосновенность святыни; они собирали и сохраняли каждый его ничтожный автографъ. Въ то же время вся окружающая ихъ обстановка показалась имъ вдвое будничнѣе, пошлѣе и грязнѣе со смертію этого человѣка, и они исполнились ожесточеннаго протеста противъ этой обстановки. Они соединились въ тѣсную дружбу и рѣшились въ память незабвеннаго человѣка посвятить всю жизнь свою внутреннему, духовному саморазвитію. Въ мечтахъ объ этомъ духовномъ саморазвитіи прошелъ послѣдній годъ пребыванія ихъ въ 7-мъ классѣ. Все время они посвящали тому, что сходились бесѣдовать о взаимномъ внутреннемъ саморазвитіи, все болѣе и болѣе знакомились съ русскою литературою, кончая, впрочемъ, только Гоголемъ, и писали различныя повѣсти, драмы и комедіи. Въ то же время къ гимназическому начальству со всѣми его жиденькими учебниками, уроками, баллами, они относились съ явнымъ пренебреженіемъ, выказывая это пренебреженіе открытыми заявленіями презрѣнія къ ихъ преподаванію. Какъ сходили имъ эти открытые протесты и какъ они, при всемъ томъ, получили аттестаты, — это можно объяснить только суровостью того времени, въ которое директора заботились не о томъ, что-

бы обнаруживать скандалы, а напротивъ того, всячески замазывать; въ то время хорошимъ директоромъ считался такой, у котораго воспитанники оказывали постоянное безпрекословное и невозмутимое повиновеніе, тогда-какъ малѣйшая строптивость со стороны ученика могла повредить директору не менѣе, чѣмъ и ученику, который бы рѣшился оказать неповиновеніе.

По выходѣ изъ гимназіи, дружба двухъ юношей не разорвалась, а сплотилась еще крѣпче, несмотря на то, что они пошли по разнымъ дорогамъ: одинъ поступилъ въ университетъ на филологическій факультетъ, а другой пошелъ въ моряки. Мало по малу общія и неопредѣленныя мечты о духовномъ саморазвитіи получили болѣе опредѣленный характеръ. Корелкинъ, увлекая своихъ воспитанниковъ Гоголемъ, очевидно, выбиралъ для чтенія лучшія его произведенія и совершенно умалчивалъ о послѣднемъ періодѣ его дѣятельности. Друзья же наши, воспринявши отъ своего учителя поклоненіе Гоголю, сами начали изучать этого писателя во всѣхъ подробностяхъ его жизни и докопались, конечно, до «Переписки съ друзьями». При узкомъ кругѣ развитія и темныхъ мечтахъ о духовномъ самосовершенствованіи, «Переписка съ друзьями» подѣйствовала на юношей потрясающимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на одного изъ нихъ. Весь міръ представился имъ погрязшимъ въ грѣховной, языческой суетности. Ужь не говоря о всякаго рода страстяхъ и похотяхъ, не говоря о мелкихъ матеріальныхъ интересахъ, о «тинѣ мелочей и дрязгъ», выражаясь языкомъ Гоголя, даже самыя невинныя развлеченія, въ родѣ куренія табаку, танцевъ и обыденныхъ разговоровъ, стали казаться вещами предосудительными, недостойными мыслящаго человѣка и унижающими его. Мечтателямъ нашимъ казалось, что въ каждую минуту вся природа человѣка, всѣ его сокровенныя помышленія должны быть устремлены къ одному: къ нравственному самосовершенствованію, къ воплощенію въ своей особѣ идеала истиннаго христіанина; очевидно, что тутъ уже было не до пустыхъ разговоровъ о погодѣ, когда каждое произнесенное слово должно было имѣть высшую цѣль и значеніе, а за каждымъ безполезнымъ разговоромъ слѣдовали угрызенія совѣсти. Но такъ-какъ подобнаго рода постоянное напряженіе всѣхъ силъ немыслимо въ природѣ человѣка, то за излишними напряженіями должны были слѣдовать пстощенія и паденія; тогда всплывали наверхъ всѣ подавляемыя молодыя страсти и начиналась та отчаянная борьба съ демонами, которая такъ прекрасно характеризуетъ средневѣковой аскетизмъ. Обуреваемый такимъ образомъ страстями и не въ силахъ бороться съ ними, одинъ изъ нашихъ молодыхъ аскетовъ (другой былъ болѣе спокойнаго и флегматическаго темперамента и демоны не смущали его такъ, какъ перваго) придумалъ слѣдующій выходъ: ему представилось, что та же самая борьба, которая такъ тяжела и невыносима для человѣка, замкнутаго въ самомъ себѣ, съ его одиночными силами, будетъ не въ

примѣръ легче, когда подвижничество будутъ раздѣлять нѣсколько людей и помогать другъ другу въ борьбѣ со страстями и въ нравственномъ самосовершенствованіи; къ тому же, высшая цѣль мыслящаго человѣка заключается не въ одномъ личномъ самосовершенствованіи, а въ томъ, чтобы всѣхъ окружающихъ людей дѣлать мыслящими и подымать до своего идеала. Вслѣдствіе этихъ соображеній, молодой аскетъ задумалъ основать «общество мыслящихъ людей», съ колоссальною цѣлію возродить въ мірѣ христіанство въ его истинномъ, идеальномъ смыслѣ. Проектъ свой онъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, и они всѣ тотчасъ же увлеклись этимъ проектомъ. Общество возникло на слѣдующихъ основаніяхъ: каждую недѣлю должны происходить общія собранія для благочестивыхъ разговоровъ и взаимной нравственной поддержки, причемъ члены общества должны особенныя усилія употреблять для поддержки и спасенія того изъ ихъ братьевъ, которому невыносимо станетъ бороться со страстями и онъ воззоветъ къ нимъ о помощи; въ то же время каждый членъ долженъ заботиться о распространеніи общества посредствомъ увлеченія кого нибудь изъ своихъ близкихъ и знакомыхъ на дорогу высшаго, духовнаго саморазвитія. Такого рода неофиты назывались въ обществѣ оглашенными, и иногда эти оглашенные призывались въ общія собранія для того, чтобы они поучались и утверждались на новой дорогѣ. До какого фантастическаго сумасбродства и фанатизма доходили нѣкоторые члены общества, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. На одномъ изъ засѣданій былъ поднятъ вопросъ объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами. Женщинъ въ этомъ обществѣ не было, но предполагалось, что съ распространеніемъ общества будутъ въ немъ участвовать и женщины. Каковы же должны быть отношенія между мужчинами и женщинами въ духѣ высшаго духовнаго саморазвитія? Очевидное дѣло, что отношенія эти могутъ быть допущены не иначе, какъ въ духѣ самого общества, т.-е. между мужчиною и женщиною должна быть только высшая, всеобъемлющая духовная любовь христіанина къ христіанину, такой же нравственный союзъ для взаимной поддержки, какъ и между всѣми членами общества безъ различія пола; а такъ-какъ малѣйшее нечистое помышленіе унижаетъ уже мыслящаго человѣка-то половыя влеченія должны быть совершенно исключены изъ отношеній мужчинъ къ женщинамъ. «Прекрасно, возражали нѣкоторые скептики: но что же будетъ, когда общество наше возростетъ до того, что приметъ въ свои нѣдра все человѣчество, и человѣчество, слѣдуя принципамъ нашего общества, отвергнетъ всякую плотскую связь между мужчиною и женщиною; тогда человѣчество, а слѣдовательно и общество наше, просуществуетъ всего 100 лѣтъ, пока не умретъ послѣдній членъ его и вмѣстѣ съ нимъ не вымретъ все человѣчество!» Тогда скептикамъ возражали: «вопервыхъ, пусть лучше человѣчество, достигнувши

высшей своей цѣли и назначенія, вымретъ въ теченіе 100 лѣтъ, нежели оно тысячелѣтія будетъ погрязать въ грѣхѣ, суетности и униженіи; а вовторыхъ, какъ дерзаете вы извѣдать всѣ тайны всеблагаго и всесильнаго Провидѣнія: въ награду за такое подвижничество человѣчества, въ его власти сниспослать чудо и сдѣлать людей безсмертными, или же, можетъ быть, Провидѣніе устроитъ, что люди будутъ рождаться какимъ нибудь чудеснымъ образомъ, помимо плотскаго грѣха». Скептикамъ нечего было возражать на такіе доводы, и они смолкали.

Вся эта исторія продѣлывалась въ концѣ 1857 года, когда члены общества мыслящихъ людей были уже во второмъ курсѣ. Незадолго до этого времени Писаревъ сошелся съ однимъ студентомъ Тр. и вскорѣ между ними завязалась такая тѣсная дружба, которую мало было назвать даже дружбою, а скорѣе влюбчивостью, къ какой бываютъ способны юноши 17 и 18 лѣтъ. Влюбчивость эта повела къ тому, что Писаревъ переѣхалъ на квартиру къ Тр. и началъ жить съ нимъ въ одной комнаткѣ на чердачкѣ, а Тр. перешелъ изъ математическаго факультета на филологическій. — Тр. былъ однимъ изъ членовъ общества мыслящихъ людей и къ нему очень часто ходилъ основатель этого общества бесѣдовать о внутреннемъ саморазвитіи. Очевидное дѣло, что Писаревъ былъ одинъ изъ первыхъ, которыхъ общество избрало оглашеннымъ, и Тр. вмѣстѣ съ основателемъ общества начали приготовлять его ко вступленію въ общество. Нелегко доставалось Писареву это покушеніе на его личность: — начался цѣлый рядъ увѣщаній и порицаній. Писареву внушалось, что онъ, несмотря на то, что носитъ христіанскій крестъ, все еще пребываетъ въ мірѣ язычества, что воззрѣнія его на жизнь ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній грековъ и римлянъ, что онъ допускаетъ влюбчивость къ одной своей родственницѣ, влюбчивость безсодержательную, основанную на одной чувственности, допускаетъ пустыя удовольствія въ родѣ игры въ карты или на билліардѣ; удовольствія эти унижаютъ въ немъ мыслящаго человѣка, а онъ мало того, что допускаетъ ихъ, а еще увлекается ими. Писаревъ выслушивалъ всѣ эти увѣщанія и иногда проникался ими до слезъ: «что же мнѣ дѣлать, восклицалъ онъ въ сокрушеніи: я самъ вижу, что во мнѣ нѣтъ того энтузіазма, какой я вижу въ васъ; я чувствую, что это все правда, но что же мнѣ дѣлать, откуда взять силы?» Такими же восклицаніями ограничивался онъ и на собраніяхъ общества, куда его приглашали для увлеченія его на путь внутренняго саморазвитія. Если съ одной стороны донимали его такимъ образомъ товарищи, то съ другой стороны не менѣе донималъ его и отецъ Тр. Сильный и суровый старикъ, живое подобіе старика Болконскаго въ романѣ Толстаго, получившій въ жизни своей суровую спартанскую выправку, исходившій когда-то пѣшкомъ всю Россію отъ Петербурга и до Кавказа нарочно ради прогулки и любопытства, чуждавшійся свѣта

и людей и съ презрѣніемъ смотрѣвшій на людскія слабости, онъ не могъ выносить того легкаго свѣтскаго лоска, который Писаревъ вынесъ изъ своей прежней обстановки.—Каждый шагъ Писарева казался старику легкомысленнымъ, каждое слово поверхностнымъ и необдуманнымъ, и Писареву приходилось выдерживать цѣлый градъ всякаго рода замѣчаній и сарказмовъ старика, иногда очень мѣткихъ и злыхъ, потому что старикъ, несмотря на свою глубокую старость, обладалъ недюжиннымъ умомъ.

Такимъ образомъ, первыя вліянія на Писарева имѣли характеръ исключительно индивидуально-нравственный. Вокругъ него постоянно рѣшались вопросы чисто-нравственнаго свойства и окружавшіе его люди обращали все вниманіе его на его собственную личность.

Я не знаю, успѣли-ли бы Писарева склонить на дорогу аскетизма, еслибы существованіе общества продолжалось долго. Но вмѣсто того мистическаго саморазвитія, къ которому такъ тщетно стремились члены общества, къ нимъ явилось, помимо ихъ воли, то естественное развитіе, которое образовалось путемъ чтенія, слушанія нѣкоторыхъ лекцій и общаго движенія того времени, которое крайчикомъ захватило и ихъ. И такъ быстро шло это развитіе, что въ концѣ 1857 года основалось общество, а весною 1858 года оно должно было распасться, потому что основатель его изъ приверженца «Переписки съ друзьями» Гоголя сдѣлался отчаяннымъ скептикомъ, морякъ уѣхалъ въ море, а прочіе члены разбрелись, кто куда попало. Съ распаденіемъ прежняго кружка мало-по-малу возникъ новый вмѣстѣ съ естественнымъ сближеніемъ между собою однокурсниковъ факультета. Въ этомъ новомъ кружкѣ было два рѣзко отдѣляющихся одинъ отъ другаго элемента. Съ одной стороны были тѣ спеціалисты, о которыхъ Писаревъ говоритъ въ своей статьѣ «Ун. наука»: «Это были люди съ опредѣленными, прочно установившимися взглядами на жизнь и людей; никакихъ колебаній и сомнѣній для нихъ не существовало, никакіе вопросы ни общественные, ни нравственные не мучили ихъ; всѣ уже такіе вопросы были заранѣе рѣшены ими и для нихъ существовали одни вопросы ученые; каждый избралъ свою спеціальность съ перваго курса университета и плотно сидѣлъ на ней; олимпійское спокойствіе, самодовольство и скептическое, насмѣшливое отношеніе ко всему, что выходило изъ сферы ученыхъ вопросовъ или наслажденій эстетическаго и семейнаго свойства — вотъ каково было содержаніе этого элемента». Совершенно противоположнаго свойства была другая сторона кружка. Къ этой половинѣ принадлежали три человѣка: Писаревъ, Тр. и тотъ самый ларинецъ, который былъ прежде основателемъ общества мыслящихъ людей. Избавившись отъ аскетизма, друзья наши создали новую теорію нравственности, свою собственную, которую назвали гармоническою нравственностью; въ этомъ гармонизмѣ они старались помирить теорію долга со свободою страстей.

Человѣкъ, говорили они, можетъ наслаждаться, чѣмъ угодно, лишь бы сохранялъ равновѣсіе страстей и не злоупотреблялъ ими ни во вредъ себѣ, ни во вредъ другимъ. Это первый нравственный долгъ человѣка. Высшій же нравственный долгъ заключается въ умственномъ развитіи себя и другихъ, и безкорыстномъ посвященіи себя какой-нибудь наукѣ или искусству. Эта теорія гармонизма отозвалась въ одномъ мѣстѣ сочиненій Писарева. На 41-й стр. I тома своихъ сочиненій, онъ говоритъ: «Майкова я уважаю, какъ умнаго и современнаго развитаго человѣка, *какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью, какъ поэта, имѣющаго трезвое міросозерцаніе* и пр.» Это мѣсто такъ и отзываетъ тѣми разговорами, спорами и чтеніями, которыя велись на чердачкѣ у Тр. Майковъ былъ одно время дѣйствительно самымъ любимымъ поэтомъ Писарева и весь кружокъ зачитывался имъ во имя эстетическихъ наслажденій и того эпикуреизма, которымъ проникнуты произведенія этого лирика и который подъ именемъ гармонизма развивали наши юные мыслители. Этотъ эпикуреизмъ былъ, между прочимъ, главною причиною, вслѣдствіе которой друзья наши, чуждые общественныхъ вопросовъ, отрицали всякое значеніе за новыми дѣятелями литературы. Взглядъ этотъ происходилъ съ исключительно нравственной точки зрѣнія. Друзья и не подозрѣвали, какое общественное значеніе имѣютъ эти новые дѣятели; они слышали стороною, что дѣятели отрицаютъ, будто бы, науки и искусства, и имъ казалось, что подобное отрицаніе противно человѣческой природѣ, что оно сдавливаетъ ее и насилуетъ, лишая ее естественныхъ наслажденій жизни, что это своего рода, хотя и въ новой формѣ, аскетизмъ, отъ котораго они только-что избавились; и друзья наши, сидя на своемъ чердачкѣ, воображали, что они со своею теоріею гармонизма, дарующею человѣку полную свободу всесторонне наслаждаться жизнію, далеко ушли впередъ отъ новыхъ дѣятелей въ литературѣ.

Но немного дѣйствительныхъ наслажденій даровала имъ эта теорія гармонизма. Постоянный примѣръ передъ глазами товарищей, твердо и неуклонно идущихъ по ученому пути — сильно смущалъ ихъ, наполняя ихъ сердце завистью и угрызеніями. Въ наукѣ, въ глазахъ ихъ, какъ я уже выше сказалъ, заключалось высшее призваніе, высшій долгъ человѣка. Она была для нихъ святилищемъ. Но тщетно стучались они въ это святилище то съ одного конца, то съ другаго. За какую бы спеціальность они ни принимались,—сухое, мелочное изслѣдованіе скоро надоѣдало имъ, и вмѣсто наслажденія поселяло въ нихъ скуку, и тогда— стоило минутно увлечься какимъ-нибудь вопросомъ изъ другой области филологическихъ наукъ, — и они мигомъ перелетали въ другую спеціальность, окружали себя новыми книгами, и снова повторялась та же исторія. Такъ кочевали они, словно бедуины по разнымъ безплоднымъ степямъ филологическихъ наукъ, въ виду своихъ осѣдлыхъ товарищей, и вдоволь потѣшались

эти осѣдлые товарищи надъ ихъ скитаніями. Вообще роль ихъ въ кружкѣ была самая жалкая: солидные товарищи безпрестанно выставляли на видъ безхарактерность, безалаберность, непрактичность, увлекаемость теоріями и неумѣніе ни на чемъ остановиться нашихъ друзей; для нихъ придумали даже особенное названіе — художественныхъ натуръ, и на собраніяхъ и попойкахъ относились къ нимъ съ тѣмъ добродушно-ласковымъ презрѣніемъ, съ какимъ относятся къ неразумнымъ дѣтямъ. Друзья наши не могли даже протестовать противъ всего этого, потому что они сами съ своей стороны терзались своею неумѣлостью ни на чемъ остановиться, сами сознавали себя безхарактерными, безалаберными мечтателями, и смотрѣли на своихъ товарищей снизу вверхъ съ тайною завистью и уваженіемъ, какъ на воплощенные идеалы. Много было тяжелаго въ жизни этихъ трехъ студентовъ. Обвиняя новыхъ дѣятелей литературы въ мнимомъ аскетизмѣ, друзья наши и не замѣчали, какъ они, проповѣдуя свой гармонизмъ, въ то же время насиловали свою природу и создали для себя новый аскетизмъ, въ которомъ нравственное саморазвитіе смѣнилось пригвожденіемъ себя къ узкой спеціальности.

Такимъ образомъ, и въ этомъ второмъ періодѣ развитія Писарева вниманіе его было обращено на вопросы исключительно нравственные и личные. Начавши работать въ журналѣ Кремпина «Разсвѣтъ» и увлекшись этой работой, Писаревъ возбудилъ еще болѣе ожесточенныхъ нападокъ со стороны товарищей, которые начали смотрѣть на него, какъ на человѣка окончательно погибшаго: такая дѣятельность, по ихъ мнѣнію, была не только гибельна, но и безнравственна на томъ основаніи, что отвлекала Писарева отъ основательной ученой подготовки, безъ которой писатель не долженъ смѣть выступать передъ публикой и передавать читателямъ мысли непереваренныя, гадательныя, не основанныя на солидныхъ знаніяхъ, рискуя въ то же время очень скоро истощиться и окончательно исписаться. Въ этихъ нападкахъ со стороны товарищей была, пожалуй, своя доля основательности, потому что дѣйствительно знанія Писарева были слишкомъ въ то время еще ограничены для того, чтобы выступать на литературное поприще, и усиленная литературная работа дѣйствительно съ большею пользою могла быть замѣнена серьёзнымъ чтеніемъ по разнымъ предметамъ; книжки же всякаго рода, которыя разбиралъ Писаревъ, не могли внушить ему особенно солидныхъ знаній. Но нападки товарищей были ложны съ той стороны, что подъ ученою подготовкою разумѣлось не иное что, какъ пригвожденіе себя къ какой-нибудь узкой филологической спеціальности въ то время, какъ человѣкъ не имѣлъ ни о чемъ самыхъ элементарныхъ и общеобразовательныхъ знаній, необходимыхъ не только для писателя, но и вообще для образованнаго человѣка. Такимъ образомъ, еслибы Писаревъ послушался своихъ товарищей, то истощающая литературная

работа смѣнилась бы изсушающими умъ мелочными изслѣдованіями. Но Писаревъ не могъ побѣдить своего естественнаго стремленія къ литературной дѣятельности; работа эта, кромѣ денежной выгоды, доставляла ему наслажденіе, и весь 1859 годъ прошелъ для него въ тяжелой нравственной борьбѣ: находя наслажденіе въ своей работѣ, онъ въ то же время, подъ вліяніемъ товарищей, сознавалъ, что предаваясь этому наслажденію, онъ не исполняетъ своего нравственнаго долга, т.-е. не предается учености, и слѣдовательно ежедневно совершаетъ преступленіе. Эта страшная раздвоенность не могла долго продолжаться: умъ, вращаясь два года уже въ узкой сферѣ нравственныхъ вопросовъ и не видя выхода изъ этихъ вопросовъ, наконецъ до того истощился, что въ одинъ прекрасный день Писаревъ вообразилъ, что его обвиняютъ уже не въ нравственномъ преступленіи противъ науки и читательницъ «Разсвѣта», а чисто въ уголовномъ, въ чемъ-то въ родѣ воровства, а на товарищей своихъ онъ началъ смотрѣть, какъ на грозныхъ судей, которые за его воровство хотятъ предать его казни, можетъ быть, даже смертной тайнымъ образомъ помимо всякихъ законныхъ судовъ. Затѣмъ уже Писаревъ началъ отрицать существованіе дня и ночи. «Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи», говоритъ онъ въ своей статьѣ «Ун. наука». Вырвавшись изъ лечебницы доктора Штейна весною 1860 года, проведя лѣто въ деревнѣ, поселившись на зиму на особенную квартиру и проведя зиму за писаніемъ диссертаціи о Аполлоніи Тіанскомъ, Писаревъ окончательно выздоровѣлъ отъ своей душевной болѣзни, и въ то же время въ немъ стало замѣтно очевидное умственное и нравственное перерожденіе. Правда, что во все это время онъ много перечиталъ дѣльныхъ книгъ, которыя значительно расширили его умственный горизонтъ; правда и то, что онъ началъ ближе вникать и увлекаться общественными вопросами, но въ то же время на первомъ планѣ стояли у него все-таки вопросы нравственнаго свойства. Весь кризисъ, который перенесъ онъ съ такимъ трудомъ, главнымъ образомъ заключался въ томъ, что въ оппозицію прежней нравственной теоріи, которая, допуская наслажденіе, въ то же время подчиняла его долгу, онъ вычеркнулъ изъ своего нравственнаго кодекса слово «долгъ» и началъ носиться съ новою теоріею такъ-называемаго эгоизма. «Не человѣкъ существуетъ для общества, а общество для человѣка, началъ онъ проповѣдывать: поэтому главная цѣль жизни заключается не въ томъ, чтобы мечтать о принесеніи разныхъ пользъ обществу, а о томъ, чтобы доставлять себѣ возможное счастіе и блаженство въ жизни посредствомъ свободнаго удовлетворенія всѣмъ своимъ естественнымъ

влеченіямъ. Человѣкъ, удовлетворяющій всѣмъ своимъ влеченіямъ — непремѣнно будетъ полезенъ, хотя бы онъ объ этомъ не думалъ и не заботился». Такая теорія показалась товарищамъ Писарева верхомъ безнравственности: они поняли ее такъ, что проповѣдуя личный эгоизмъ и свободу всѣхъ влеченій, Писаревъ оправдываетъ выниманіе платковъ изъ кармана и ради личнаго наслажденія готовъ будетъ при случаѣ убить перваго своего пріятеля, если у Писарева явится влеченіе къ этому и онъ будетъ видѣть въ этомъ наслажденіе. Они отстранились отъ Писарева и прервали съ нимъ всякія сношенія.

Теорія эта, взятая сама по себѣ въ ея глубоко-философскомъ значеніи и очищенная отъ всякихъ узкихъ и условныхъ пониманій, не представляетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, высшее счастіе на землѣ возможно будетъ только тогда, когда каждый человѣкъ будетъ свободно удовлетворять всѣмъ своимъ нормальнымъ потребностямъ. Слово «нормальный» поставлено здѣсь не даромъ: оно отнимаетъ право у злотолкователей этой теоріи приписывать ей освѣщеніе такихъ влеченій, какъ выниманіе платковъ изъ кармана или убійства, которыя, очевидно, нельзя назвать явленіями нормальными. Но мало сказать, что теорія эта нисколько невинновата въ этихъ ненормальныхъ явленіяхъ, а напротивъ того, послѣднія, вслѣдствіе того, именно и происходятъ, что теорія эта не имѣетъ своего осуществленія, т.-е. люди не находятъ въ жизни свободнаго удовлетворенія всѣмъ своимъ нормальнымъ потребностямъ. Но признавая за этою теоріею всю ея истинность, тѣмъ не менѣе мы должны смотрѣть на нее не иначе, какъ на крайній исходъ современнаго прогреса, какъ на идеалъ, къ которому мы стремимся; при этомъ мы не должны забывать, что въ настоящее время эта теорія не можетъ быть вполнѣ осуществлена въ личной нравственности отдѣльнаго человѣка, потому что отдѣльный человѣкъ, завися отъ общества, въ которомъ живетъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни, поневолѣ принужденъ бываетъ подавлять въ себѣ ежедневно весьма нормальныя потребности и развивать самыя ненормальныя. Усматривая эту зависимость человѣка отъ среды, мы должны главное вниманіе устремлять не на эту теорію и не на то, чтобъ каждый человѣкъ непремѣнно осуществлялъ ее въ своей частной жизни, а прежде всего на устраненіе тѣхъ условій, которыя препятствуютъ людямъ осуществлять ее, какъ бы они ни стремились къ этому. Если же мы, поставивши на второй планъ эти препятствія, будемъ проповѣдывать людямъ, что для водворенія блаженства на землѣ имъ слѣдуетъ прежде всего позаботиться объ умственномъ развитіи, это умственное развитіе приведетъ ихъ къ теоріи нравственной свободы; а какъ только додумаются они до этой теоріи, то имъ останется только свободно удовлетворять своимъ влеченіямъ и наслаждаться жизнію, если мы будемъ такимъ путемъ проводить нашу теорію, то мы будемъ горько ошибаться.

До какихъ бы свѣтлыхъ теорій индивидуальной нравственности ни додумывались люди, они все-таки будутъ несчастны, и никогда не будутъ въ состояніи осуществлять своихъ теорій въ жизни, если они не оставятъ всѣ эти теоріи пока въ сторонѣ и не займутся прежде всего улучшеніемъ своего общаго быта.

То же самое мы можемъ сказать и о Писаревѣ: теорія нравственной и умственной свободы, съ которою, какъ мы увидимъ ниже, выступилъ онъ на свое литературное поприще, сама по себѣ теорія истинная и весьма почтенная. Ошибка его состояла только въ томъ, что онъ, вслѣдствіе всей своей прошлой жизни, слишкомъ увлекся этой теоріей, поставилъ ее на первый планъ и началъ ее проповѣдывать, не какъ цѣль, а какъ средство прогреса настоящаго времени. Очень можетъ быть, и даже навѣрное — умственная и нравственная свобода когда нибудь сдѣлается главнымъ средствомъ прогреса; но теперь ея нѣтъ, и она не можетъ быть средствомъ; въ настоящее время она составляетъ цѣль, къ которой стремится человѣчество, и поэтому, выставляя ее какъ цѣль, никогда не надо забывать, что цѣль не можетъ быть въ то же время средствомъ. Но все это мы увидимъ гораздо нагляднѣе на самихъ сочиненіяхъ Писарева.

III.

Изъ сообщенныхъ нами фактовъ умственной жизни филологическаго кружка, въ которомъ находился Писаревъ, читатель, конечно, выведетъ сейчасъ же то заключеніе, что кружокъ жилъ жизнію совершенно замкнутою, особенною, неимѣющею ничего общаго съ жизнію всего общества. Но такое заключеніе будетъ крайне относительно, и не выдержитъ критики, если мы сравнимъ съ жизнію кружка всю нашу современную жизнь. Если мы возьмемъ умственную жизнь нашего общества до 1856 года, то мы увидимъ, что вся она слагалась изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые мы видимъ въ кружкѣ. Эта была жизнь, лишенная всякихъ живыхъ общественныхъ стремленій, основанная преимущественно на отвлеченныхъ нравственныхъ стремленіяхъ и идеалахъ личнаго характера; это была жизнь разъѣдающаго анализа, которымъ считалъ себя обязаннымъ мучить каждый развитой человѣкъ, прилагая къ себѣ мѣрки своихъ идеаловъ и обвиняя самого себя въ невозможности осуществлять эти идеалы. При этихъ усиліяхъ воплощать личные идеалы одни кидались въ аскетизмъ, представителемъ котораго былъ Гоголь, другіе, напротивъ того, проповѣдывали эпикурейскія теоріи и старались помириться на свободной наукѣ, свободномъ творчествѣ и на пассивномъ протестѣ противъ окружающаго зла, протестѣ, заключавшемся въ нравственномъ охраненіи своей личности отъ участія въ этомъ злѣ. Представителемъ этого міровоззрѣнія былъ кружокъ Станкевича.

Съ 1856 года все, повидимому, измѣнилось. Наступила эпоха реформъ, и увлеченное этими реформами общество оставило въ сторонѣ всѣ свои моральные вопросы и на первомъ планѣ встали вопросы общественные. Всѣ классы общества были заинтересованы въ такихъ вопросахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, гласное судопроизводство, самоуправленіе, уничтоженіе откуповъ, преобразованіе воспитанія и народное образованіе. Въ литературѣ на первомъ планѣ стояли статьи политико-экономическія и публицистическія, каковы напримѣръ,—споры объ общинномъ и личномъ землевладѣніи, о грамотности народа, о женскомъ вопросѣ и пр. Самая критика, изъ всѣхъ отраслей литературы ближе всего стоящая къ вопросамъ жизни частной и индивидуальной, обращала главное вниманіе не столько на анализъ личныхъ недостатковъ, пороковъ и слабостей людскихъ по отношенію къ какимъ-либо высоконравственнымъ идеаламъ, сколько на опредѣленіе того, какъ вліяютъ на личность различныя общія условія жизни.

Но и въ это горячее, живое время въ обществѣ, стоявшемъ на очень низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, была цѣлая масса читающей и мыслящей публики, которая въ новой эпохѣ видѣла не столько эпоху появленія новаго міросозерцанія, ставящаго нравственность и счастіе человѣка въ зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ и условій жизни, сколько зарожденіе новыхъ нравственныхъ идеаловъ для непосредственнаго личнаго осуществленія ихъ.

Большая масса людей читала передовые журналы и книги не столько для обогащенія своихъ знаній или уясненія себѣ какихъ нибудь практическихъ разумныхъ путей осуществленія тѣхъ или другихъ общественныхъ стремленій, сколько для извлеченія поученій, примѣровъ и образцевъ, которые руководили бы въ осуществленіи различныхъ нравственныхъ идеаловъ личной жизни. Въ средѣ этой массы публики вы можете замѣтить всѣ тѣ нравственныя теоріи, которыя и прежде увлекали людей, — только теоріи эти получили здѣсь новыя формы, соотвѣтствующія времени. Появились новые аскеты во имя новыхъ идей и новые эпикурейцы, но сущность осталась та же.

Васъ, конечно, удивило съ перваго взгляда, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, въ 1857 году, въ знаменитое то время, когда и т. д., существовалъ среди молодежи, въ Петербургѣ, кружокъ аскетовъ, занимавшійся распинаніемъ плоти на основаніи «Переписки съ друзьями» Гоголя. Но погодите удивляться; развѣ вы не встрѣчали людей, которые, на основаніи новыхъ идей, продѣлывали совершенно тѣ же штуки, которыя продѣлывали наши друзья въ обществѣ мыслящихъ людей, на основаніи «Переписки съ друзьями» Гоголя. Развѣ не мало было людей, которые рѣшали точно такіе же глубокомысленные вопросы о томъ, какъ имъ держать себя каждую секунду такъ, чтобы каждую секунду быть новыми, реальными людьми и каждую тер-

цію приносить пользу человѣчеству, не проронить ни одного лишняго, пустаго слова, неклонящагося къ общей пользѣ, не прочитать ни одной лишней книжки и т. д.? Развѣ не было людей, которыхъ точно также терзала ежеминутно совѣсть, если они допускали себѣ разныя отклоненія отъ своихъ идеаловъ, не могли, напримѣръ, побѣдить въ себѣ привычки курить табакъ или пить вино? Доходило дѣло иногда даже до такихъ чисто-схоластическихъ вопросовъ: дозволительно ли современному реалисту ѣсть икру или сардинки, или недозволительно. Даже во взглядахъ на отношеніе женщинъ къ мужчинамъ, «члены общества мыслящихъ людей» не очень отличались отъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ прогресистовъ. Хотя, конечно, ни одинъ прогресистъ, на основаніи новыхъ идей, не сдѣлаетъ вамъ тѣхъ крайнихъ выводовъ о погибели человѣчества или о возможности сверхъестественнаго размноженія его помимо плотскаго грѣха, какіе дѣлались въ «обществѣ мыслящихъ людей», но тѣмъ не менѣе, вы можете встрѣтить нерѣдко такихъ современныхъ аскетовъ, которые весьма логически, на основаніи новыхъ идей, докажутъ вамъ или что любовь есть разслабляющее энергію человѣка проявленіе барства, или что эта же самая любовь есть камень преткновенія для разрѣшенія женскаго вопроса—и такіе люди изъ своихъ положеній логично выведутъ вамъ, что для полнаго равенства половъ между мужчинами и женщинами могутъ быть допущены отношенія только, какъ брата къ сестрѣ. Новыя идеи сами по себѣ нисколько невиноваты въ проявленіяхъ такого аскетизма, какъ нисколько не виноваты онѣ, съ другой стороны, если какой-нибудь эпикуреецъ и гуляка, на основаніи тѣхъ же идей, начнетъ оправдывать свою распущенность и даже будетъ видѣть въ ней осуществленіе современнаго нравственнаго идеала. Это показываетъ только, что какія свѣтлыя идеи ни предложите вы обществу, складъ ума и жизни котораго продолжаетъ еще быть средневѣковымъ, путающимся въ узкихъ, отвлеченныхъ, моральныхъ вопросахъ, общество сейчасъ же ваши идеи переработаетъ, сообразно складу своего ума, и вы ихъ совершенно не узнаете въ этой переработкѣ. Если мы коснемся другихъ элементовъ жизни писаревскаго кружка, то и здѣсь мы не найдемъ большой разницы между жизнію кружка и общею жизнію современнаго намъ общества. Возьмемъ, напримѣръ, увлеченіе филологическими спеціальностями, надъ которыми Писаревъ посмѣялся въ своей «Университетской наукѣ», и публика посмѣялась надъ филологами, зарывающимися отъ жизни въ пыль архивовъ. Чѣмъ отличается современный западный ученый отъ средневѣковаго какого-нибудь алхимика, астролога или то же самое — отъ нашего современнаго ученаго, все равно будь онъ естествоиспытатель, или филологъ? Западный ученый, любя свою науку, въ то же время сознаетъ, что прогресъ создается не одною его наукою, а цѣлою массою ихъ, да кромѣ того общественнымъ движеніемъ жизни. Поэтому, любя свою науку, онъ

не презираетъ другихъ наукъ, а старается воспользоваться результатами всѣхъ ихъ для обогащенія своего ума; если онъ санскритологъ или послѣдователь египетскихъ іероглифовъ, это не мѣшаетъ ему сознавать великое значеніе для человѣчества естествознанія; если онъ зоологъ или геологъ, онъ не смотритъ съ презрѣніемъ и ненавистью на нумизматика; въ то же время и геологъ, и нумизматикъ граждане своей страны, — они члены той или другой партіи, они выписываютъ газету своей партіи; изъ лабораторіи или музея они отправляются на митингъ подавать свой голосъ въ рѣшеніи какого нибудь общественнаго вопроса, который занимаетъ ихъ не менѣе, чѣмъ вопросъ о нептуническихъ и плутоническихъ формаціяхъ, или о томъ, кто былъ похороненъ подъ какой пирамидой. Средневѣковые же ученые поступали не такъ: вопервыхъ, они чуждались міра и жизни; съ одной стороны, они были, по большей части, монахи и аскеты, а съ другой стороны, какъ же было не чуждаться имъ свѣтскихъ суетъ, когда каждый изъ нихъ полагалъ, что только въ его наукѣ все спасеніе человѣчества: къ чему всѣ эти распри, споры и всевозможныя дрязги жизни, думалъ алхимикъ, когда только стоитъ найти способъ дѣлать золото,— и тогда все человѣчество будетъ богато, у всѣхъ будутъ карманы рваться отъ червонцевъ и людямъ не изъ чего будетъ драться. «Да и золота не нужно, думалъ какой-нибудь теологъ или мистикъ, а нужно только допскаться до причины причинъ бытія, нужно найти такую безусловную истину, которую стоитъ разъ повѣдать міру, и человѣчество устремится на путь истины, мира и блаженства». Вслѣдствіе того, что каждый ученый только въ своей наукѣ видѣлъ спасеніе человѣчества, адепты разныхъ наукъ каждую минуту готовы были съѣсть другъ друга, и съѣдали, обвиняя другъ друга въ ересяхъ, колдовствѣ и сообществѣ съ нечистыми духами.

Не то же ли самое происходитъ въ настоящее время у насъ предъ нашими глазами? Нашъ ученый увлекается своею наукою совершенно съ такимъ же самозабвеніемъ дикаря, какъ увлекался когда-то какой-нибудь средневѣковой алхимикъ: онъ совершенно закупоривается въ свою науку, отрѣшается отъ жизни, и не потому, чтобы онъ былъ мертвый, индиферентный человѣкъ, а потому, что онъ въ своемъ увлеченіи начинаетъ думать, что только въ его наукѣ спасеніе человѣчества, а прочее все суета, фельетонный вздоръ и побрякушки. Такъ думали наши филологи, друзья Писарева, скептически глядя на все окружавшее ихъ движеніе и находя единственное спасеніе человѣчества въ изученіи Несторовой лѣтописи или кельтическихъ нарѣчій. Но не лучше относятся къ наукѣ и жизни многіе изъ новѣйшихъ естествоиспытателей: если вы еще не встрѣчали, то можете встрѣтить не мало людей, которые поняли признаніе реалистами великаго значенія естественныхъ наукъ такимъ образомъ, что для спасенія человѣчества только и полезно, что за-

нятіе естественными науками, а прочее все — всѣ эти разныя общественные интересы, мечты о сближеніи съ народомъ, о просвѣщеніи его, политико-экономическія теоріи и т. д.—все это суета суетъ, тлѣнъ и фельетонный вздоръ. Люди, дошедшіе до такого увлеченія, начинаютъ обыкновенно также скептически относиться ко всему, что̀ не касается вопроса объ инфузоріяхъ на какой-нибудь рыбѣ, какъ и какіе-нибудь классики считаютъ излишнимъ всякій интересъ, кромѣ подлинности какихъ-нибудь стиховъ Горація. До какой крайности можетъ иногда доводить людей такое увлеченіе, этому я самъ былъ свидѣтелемъ: собрались однажды нѣсколько знакомыхъ, и зашла рѣчь объ оказаніи помощи одному бѣдняку, находившемуся тогда въ очень затруднительномъ положеніи. Рѣшились оказать ему денежную помощь по силамъ; каждый далъ, что̀ могъ, но когда дѣло дошло до одного рьянаго естествоиспытателя, онъ усмѣхнулся саркастически и отвѣчалъ: «я бы далъ денегъ, еслибы дѣло шло о покупкѣ какого-нибудь новаго микроскопа, а на все другое у меня денегъ нѣтъ». Конечно, это можетъ быть фактъ исключительный, единственный, но существованіе его прекрасно характеризуетъ особенный строй мыслей. Наконецъ, если этотъ фактъ исключительный, то уже не исключительными фактами представляются тѣ скитанія нѣкоторыхъ кружковъ молодежи по полямъ и лугамъ естественныхъ наукъ, которыя совершенно аналогичны со скитаніями Писарева по степямъ наукъ филологическихъ.

Послѣ скуднаго гимназическаго образованія, въ особенности послѣ классической гимназіи поступаетъ юноша на естественный факультетъ. Но область естественныхъ наукъ шире еще, чѣмъ филологическихъ, — вѣдь не займешься же всѣми естественными науками сразу, и вотъ начинается выборъ спеціальностей: накипѣется юноша, у котораго въ головѣ нѣтъ еще двухъ-трехъ связныхъ идей, прямо на какихъ-нибудь букашекъ и начнетъ разсматривать ихъ подъ микроскопомъ; юноша онъ усидчивый, прилежный (вѣдь и Писаревъ, при всѣхъ своихъ скитаніяхъ по филологическимъ наукамъ, удивлялъ многихъ своею усидчивостью), сидитъ онъ мѣсяцъ, два, три надъ букашками; сначала это занимаетъ его не столько въ научномъ интересѣ, сколько чисто въ нравственномъ: онъ воображаетъ себя въ это время естествоиспытателемъ, новымъ человѣкомъ, Базаровымъ, рисуется даже нѣсколько своимъ положеніемъ и дѣломъ, повсюду трубитъ о своихъ букашкахъ, смотритъ свысока и съ презрѣніемъ на все, что̀ къ этимъ букашкамъ не относится, и нѣтъ ничего мудренаго, что онъ въ этомъ увлеченіи отпуститъ вышеприведенную выходку естествоиспытателя, въ которой иной моралистъ осудитъ черствость души, но которая въ сущности заключаетъ въ себѣ вовсе не черствость, а только увлеченіе, хорошее, если хотите, только слишкомъ ужъ дикое, средневѣковое.

Наконецъ, букашки начинаютъ надоѣдать юношѣ, и не потому опять, чтобъ онъ былъ безхарактерный человѣкъ, неспособный

ни на чемъ остановиться, какъ объяснятъ сейчасъ же моралисты, а потому, что въ груди юноши кипятъ молодыя страсти, а въ умѣ бродятъ разные вопросы — мучительные, жгучіе вопросы жизни — и могутъ-ли одинъ букашки отвѣтить на эти вопросы? И вотъ переберетъ юноша въ два, въ три года всѣ естественныя науки: и въ химической лабораторіи онъ посидитъ, и труповъ нѣсколько разрѣжетъ, и по болотамъ петербургскимъ пошляется, собирая всякую травку-муравку нашей убогой флоры — и чѣмъ же кончается вся эта исторія? А тѣмъ же, чѣмъ кончили разные члены кружка Писарева: или онъ бросаетъ наконецъ науку, переходитъ на юридическій факультетъ, и отправляется по торной дорожкѣ устройства своей карьеры, или онъ начинаетъ читать книги по всѣмъ отраслямъ знанія—и тогда можетъ выйти изъ него образованный, полезный человѣкъ, живо откликающійся на всѣ вопросы жизни, или же онъ останавливается наконецъ на какой-нибудь спеціальности, весь уходитъ въ нее, какъ средневѣковой алхимикъ, и тогда уже ничто человѣческое не интересуетъ его, вопросъ о колебаніяхъ эопра дѣлается для него неизмѣримо важнѣе вопроса о колебаніяхъ общественнаго мнѣнія и весь либерализмъ его заключается въ томъ, что онъ слегка подсмѣивается надъ гуманными науками. Весь этотъ процесъ вы можете наблюдать ежедневно, и прежде, чѣмъ намъ смѣяться надъ филологами Писарева, не мѣшало бы намъ всѣмъ посмѣяться надъ самими собою.

Конечно, и среди людей науки можно встрѣтить нѣсколько личностей образованныхъ, живыхъ, равно интересующихся всѣмъ человѣческимъ, европейцевъ въ истинномъ значеніи этого слова, но такія личности, во всякомъ случаѣ, составляютъ меньшинство; я же говорю не о меньшинствѣ, а о массѣ публики, которая представляется массою вполнѣ средневѣковою. Эта масса увлеклась минутно общественнымъ движеніемъ 60-хъ годовъ, и столько было обаятельнаго въ этомъ движеніи, что даже многіе алхимики и звѣздочеты повылѣзли изъ своихъ норъ, и даже товарищи Писарева, при всей замкнутости жизни, заплатили дань этому времени: они ходили въ воскресныя школы, и двое изъ нихъ были редакторами и депутатами при изданіи студенческаго сборника.

Но когда въ 1862 году импульсъ общественной жизни, дойдя до своего максимума, началъ быстро падать, масса публики съ средневѣковымъ складомъ мыслей не замедлила заявить себя. Ужь мы не будемъ говорить о людяхъ, ударившихся въ крайнюю реакцію, увлекшихся квасным патріотизмомъ трагедій Кукольника, начавшихъ инсинуировать и алармировать. Въ самой прогресивной средѣ реакція создала особенный сортъ людей, которые, при всемъ своемъ поклоненіи реализму, остаются въ сущности чистыми идеалистами. Вся цѣль жизни этихъ людей заключается въ томъ, что они ставятъ передъ собою какой-нибудь нравственный идеальчикъ, два, три любимыхъ типа, созданныхъ

литературою, и начинаютъ заниматься созерцаніемъ этихъ типовъ и прикидываніемъ ихъ къ своимъ личностямъ.

Вся жизнь этихъ людей проходитъ въ томъ, что они повсюду ищутъ какихъ-то особенныхъ свѣтлыхъ личностей, избранныхъ натуръ, титановъ; натыкаясь на человѣка, у котораго въ головѣ находятъ двѣ-три свѣтлыя мысли, они сейчасъ же думаютъ, что вотъ нашли, наконецъ, искомаго Базарова или Рахметова; но потомъ, когда послѣ ближайшаго знакомства, идеалъ ихъ оказывается обыкновеннымъ человѣкомъ, и конечно, не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ, они впадаютъ въ разочарованіе и начинаются новые поиски и новыя разочарованія. Другіе же изъ этой среды, не занимаясь излишними поисками, въ самихъ себѣ спѣшатъ воплотить любимые типы — и эти-то вотъ именно люди или ударяются въ аскетизмъ, или увлекаются поверхностнымъ эпикурейзмомъ, или же, отрѣшаясь отъ жизни, закупориваются въ естествознаніе, и въ этомъ занятіи начинаютъ видѣть альфу и омегу прогреса.

Появленіе на литературномъ поприщѣ Писарева, воспитавшагося уже на университетской скамьѣ въ духѣ индивидуальной нравственности, какъ нельзя болѣе было кстати послѣ 1862 года, и при своей талантливости, онъ не замедлилъ встать во главѣ этого направленія.

Во время своей литературной дѣятельности Писаревъ заявилъ однажды, что онъ совершенно расходится съ Добролюбовымъ по вопросу о типѣ Катерины въ «Грозѣ» и написалъ статью «Мотивы русской драмы», въ которой, какъ ему казалось, онъ перерѣшилъ вопросъ о Катеринѣ на лучшихъ и болѣе новыхъ основаніяхъ. Это произвело въ литературѣ скандалъ; многіе почитатели Добролюбова шокировались такимъ поступкомъ Писарева, осыпали насмѣшками и порицаніями желаніе Писарева, во что бы то ни стало, встать выше Добролюбова, и приписали это желаніе единственно самолюбію молодаго писателя, слишкомъ очарованнаго своимъ быстрымъ успѣхомъ. Но если мы начнемъ сравнивать взгляды Добролюбова со взглядами Писарева, при анализѣ этими писателями нашей жизни, то мы увидимъ, что Писаревъ расходился съ Добролюбовымъ не по одному вопросу о Катеринѣ: мы увидимъ, что Писаревъ съ самой первой статьи своей въ «Русскомъ Словѣ» пошелъ совершенно по другой дорогѣ, чѣмъ шелъ Добролюбовъ; которая изъ двухъ дорогъ лучше, это другой вопросъ и это мы предоставимъ на вкусъ нашихъ читателей; мы только скажемъ въ оправданіе Писарева, что онъ, замѣчая различіе между своими взглядами и взглядами Добролюбова, естественно считалъ свои взгляды болѣе истинными, иначе зачѣмъ же бы онъ ихъ проводилъ въ своихъ критическихъ статьяхъ; онъ могъ людямъ, порицавшимъ его за то, что онъ не соглашался съ Добролюбовымъ, смѣло отвѣчать извѣстнымъ стихомъ Грибоѣдова:

«Помилуйте, мы съ вами не ребята,
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы».

Разногласіе его съ Добролюбовымъ не было только минутною вспышкою самолюбія. Оно исходило изъ болѣе глубокаго источника. Писаревъ вынесъ это несогласіе изъ всей своей прежней жизни и выступилъ на литературное поприще въ такое время, въ которое большинство читающаго общества во многомъ противорѣчило идеямъ Добролюбова.

IV.

Чтобы понять все различіе идей Добролюбова и идей Писарева, которое на первый взглядъ не кажется особенно рѣзкимъ, мы сдѣлаемъ сначала краткую характеристику нѣкоторыхъ взглядовъ Добролюбова, и даже въ такихъ взглядахъ послѣдняго, въ которыхъ замѣчаются самыя тѣсныя точки соприкосновенія со взглядами Писарева, мы увидимъ замѣтную въ то же время разницу. Всякому писателю, хотя бы онъ былъ публицистъ, исключительно занятой вопросами общественнаго характера, не разъ можетъ случиться заняться разрѣшеніемъ того или другаго вопроса моральнаго свойства. Въ нашемъ обществѣ, въ которомъ моральные вопросы играютъ еще большую роль, тѣмъ болѣе ни одинъ писатель не избѣгнетъ этихъ вопросовъ; а еще того болѣе, если этотъ писатель занимается критикою художественныхъ произведеній. Поэтому Добролюбову случалось нерѣдко обращаться къ вопросамъ моральнаго свойства, и при этомъ онъ не разъ выступалъ съ тою же самою теоріею эгоизма, съ которою выступилъ на сцену Писаревъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о сочиненіи Жеребцова (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie») на 281 стр. II т. соч. Добролюбова, мы читаемъ слѣдующія строки: «Всѣ люди, во всѣ времена, во всѣхъ народахъ искали и ищутъ собственнаго блага; оно есть неизбѣжный и единственный стимулъ каждаго свободнаго дѣйствія человѣческаго. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это благо, въ чемъ видитъ удовлетвореніе своего эгоизма. Есть эгоисты грубые, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое благо въ лѣни, въ чувственности, въ униженіи передъ собою другихъ и т. п. Но есть эгоисты другаго рода. Ихъ дѣйствія можно производить изъ безкорыстной любви къ общему благу, но въ сущности и у нихъ первое побужденіе—эгоизмъ. Отецъ, радующійся успѣху своихъ дѣтей, гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ — тоже эгоисты: вѣдь все-таки *они*, *они сами*, чувствуютъ удовольствіе при этомъ, вѣдь они не отрекаются отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже когда человѣкъ жертвуетъ чѣмъ нибудь своимъ для другихъ,—эгоизмъ и тутъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ

ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а по предписанію долга, повелѣвающаго любовь къ общему благу? Въ такомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже, потому что здѣсь уже дѣйствіе не свободное, а принужденное; но и тутъ есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему внутреннему влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, то есть страхъ: онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. Такимъ образомъ любовь къ общему благу (въ которой иные могутъ видѣть и самоотверженіе, и обезличеніе человѣка) есть, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ благороднѣйшее проявленіе личнаго эгоизма. Когда человѣкъ до того развился, что не можетъ понять своего личнаго блага внѣ блага общаго; когда онъ при этомъ ясно понимаетъ свое мѣсто въ обществѣ, свою связь съ нимъ и отношенія ко всему окружающему, тогда только можно признать въ немъ дѣйствительную, серьёзную, а не риторическую любовь къ общему благу. Ясно, слѣдовательно, что для значительнаго развитія въ обществѣ этого качества, нужно высокое умственное развитіе всѣхъ его членовъ, нужно много живыхъ и здравыхъ понятій, не головныхъ только, но проникшихъ въ самое сердце, перешедшихъ въ практическую дѣятельность, переработанныхъ въ плоть и кровь человѣка. Не случайные порывы, не призрачныя стремленія, развившіяся по чужимъ фантазіямъ, а именно масса такихъ выработанныхъ знаній, протекшихъ въ народъ, управляетъ ходомъ исторіи человѣчества. До сихъ поръ подобныхъ знаній еще весьма мало выработано людьми, да и тѣ, которыя выработаны, рѣдко проникали во всю массу народа. Оттого до сихъ поръ исторія народовъ представляетъ въ своемъ ходѣ нѣкотораго рода путаницу: одни постоянно спятъ, потому что хоть и имѣютъ нѣкоторыя знанія, но не выработали ихъ до степени сердечныхъ, практическихъ убѣжденій; другіе не возвысили еще своего эгоизма надъ инстинктами хищной природы и хотятъ удовлетворить себя притѣсненіемъ другихъ; третьи, не понимая настоящаго, переносятъ свой эгоизмъ на будущее; четвертые, не понимая самихъ себя, тѣшатъ свой эгоизмъ помѣщеніемъ себя подъ чужой кровъ и т. д. Непониманіе того, въ чемъ находится настоящее благо, и стараніе отыскать его тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть,— вотъ до сихъ поръ главный двигатель всемірной исторіи».

Что показываетъ намъ вся эта тирада? Вопервыхъ, мы видимъ, что Добролюбовъ выставляетъ свою теорію эгоизма, вовсе не для объясненія побужденій и поступковъ какихъ-нибудь особенныхъ новыхъ, только что народившихся людей, додумавшихся до этой теоріи и начавшихъ на основаніи ея устроивать свое личное счастіе: онъ выставляетъ эту теорію только какъ новый способъ объясненія нравственныхъ побужденій всѣхъ лю-

дей, начиная съ Адама и до новорожденнаго въ настоящую минуту. Теорія нравственнаго долга вовсе не стоитъ здѣсь въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ теоріею эгоизма, чтобъ они взаимно исключали другъ друга: съ одной стороны, теорія долга совершенно подчиняется теоріи эгоизма, и Добролюбовъ доказываетъ, что человѣкъ, поступающій не по свободному влеченію, а вслѣдствіе долга, тотъ же эгоистъ, разница только въ разсчетѣ. Съ другой стороны, изъ тирады вовсе не слѣдуетъ, чтобы теорія эгоизма отличалась отъ теоріи долга тѣмъ, что первая способна сама по себѣ даровать человѣку счастіе и блаженство на землѣ, чего не въ силахъ, конечно, даровать вторая! Ни чуть не бывало: съ теоріей эгоизма человѣкъ можетъ страдать, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ съ теоріей нравственнаго долга, если только онъ при этой теоріи не дошелъ до сознанія, въ чемъ заключается истинное благо, къ которому онъ долженъ стремиться, или же, дойдя до этого сознанія, онъ находитъ въ жизни такія препятствія въ своихъ стремленіяхъ къ счастію, преодолѣть которыя онъ не въ силахъ: очевидно, что люди, терпящіе несчастіе въ настоящемъ и воображающіе, что они должны его терпѣть, что чѣмъ болѣе они его терпятъ, тѣмъ большимъ блаженствомъ окупится ихъ терпѣніе въ будущее время, такіе люди, какъ бы они ни были несчастливы, счастливѣе тѣхъ, которые ясно сознаютъ, что они имѣютъ всѣ человѣческія права на ежеминутное счастіе, но минуты жизни ихъ безвозвратно проходятъ въ страданіяхъ и горестяхъ вслѣдствіе причинъ, покорить которыя они не въ силахъ.

Что Добролюбовъ, объясняя теоріею эгоизма различныя нравственныя побужденія людей, никогда, въ то же время, не упускалъ изъ вида тѣхъ причинъ, которыя могутъ мѣшать людямъ пользоваться личнымъ счастіемъ и въ то же время искажать ихъ нравственную природу независимо отъ нравственныхъ теорій, какъ бы эти теоріи ни были истинны и возвышенны, въ этомъ можетъ убѣдить насъ другая тирада, изъ статьи, посвященной исключительно нравственнымъ вопросамъ. Статья эта носитъ названіе «Новый кодексъ русской практической мудрости»; написана она по поводу книги Ефима Дымана — «Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ». Въ статьѣ Добролюбова выставлена вся гнусность этой книги, которая учитъ молодыхъ людей, какъ жить для того, чтобы наживаться, и при этомъ, конечно, совѣтуетъ держаться правилъ той практической мудрости, которая заключается въ низкопоклонствѣ, лести, вкрадчивости и угодливости, однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ качествахъ, живымъ олицетвореніемъ которыхъ представляется Молчалинъ. Обнаживши эту мораль во всемъ ея нравственномъ безобразіи, въ заключеніе Добролюбовъ говоритъ:

«Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его, во что бы то ни стало.

«Счастье, въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ каж-

дому человѣку порознь, возможно только при удовлетвореніи первыхъ матеріальныхъ потребностей человѣка, при обезпеченности его ближняго положенія.

«При современномъ устройствѣ и направленіи общества, не можетъ достигнуть обезпеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаитъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

«Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, что у нихъ уже не можетъ теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!...

«И такъ я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанныя выше. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія несогласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ къ счастію, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ, и не подражать его уродству, а напротивъ, громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьёзной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою...

«Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы возстать противъ цѣлаго общества?... Вѣдь вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много и они такъ сильны! Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ сдѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогресъ, торжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»... Если такъ, то нечего намъ и говорить съ вами: идите за «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана».

Во всей этой тирадѣ прямо выставляется зависимость счастья и нравственности отдѣльныхъ людей не отъ одной личной ихъ воли, а отъ общихъ условій ихъ жизни. Тирада эта выставляетъ ясно невозможность того пути, при которомъ отдѣльный чело-

вѣкъ, не взирая ни на какія обстоятельства, могъ бы въ одно и то же время воплотить въ своей личности высшій нравственный идеалъ и въ то же время устроить свое личное счастье. Нѣтъ, что-нибудь изъ двухъ: если человѣкъ захочетъ осуществить высшій нравственный идеалъ въ своей личности, то ему можетъ случиться встрѣтиться съ такими препятствіями, что ему нечего будетъ и думать о счастіи, прежде нежели эти препятствія не будутъ устранены; если же человѣкъ будетъ стремиться къ осуществленію личнаго счастія, то ему придется отбросить всякія мечты о нравственныхъ идеалахъ, а вооружиться моралью Дыммана.

Еще реальнѣе и глубже представлена эта зависимость личности отъ общественнаго склада въ различныхъ критическихъ статьяхъ Добролюбова, имѣющихъ дѣло съ художественными произведеніями нашей беллетристики. Изъ всѣхъ этихъ статей мы пока выберемъ одну, именно «Что такое обломовщина?» и въ этомъ случаѣ выборъ нашъ обусловливается опять-таки тѣмъ, что эта статья ближе всѣхъ другихъ соприкасается со взглядами Писарева о новыхъ людяхъ. Не дѣлая на этотъ разъ никакихъ выписокъ, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ сущность этой статьи и въ заключеніе сдѣлаемъ тотъ естественный выводъ, который логически истекаетъ изъ нея, хотя самъ Добролюбовъ этого вывода не высказываетъ. Разбирая типъ Обломова рядомъ съ типами, выводимыми въ прежнее время въ нашей литературѣ, рядомъ съ Онѣгинымъ, Печоринымъ, Бельтовымъ, Тентетниковымъ и Рудинымъ, Добролюбовъ приходитъ къ тому оригинальному и замѣчательному выводу, что всѣ эти типы совершенно аналогичны съ типомъ Обломова; всѣ эти личности суть тѣ же Обломовы, только съ различными темпераментами. Доказывая родственность всѣхъ этихъ личностей сходствомъ отношеній ихъ къ обществу, къ наукѣ, къ женщинѣ, наконецъ къ самимъ себѣ, Добролюбовъ основываетъ въ то же время эту родственность на томъ, что всѣ эти личности были созданы одними и тѣми же обстоятельствами жизни, и при этомъ онъ беретъ такія обстоятельства, которыя вліяютъ не на одно какое-нибудь сословіе или среду, а на всѣхъ людей безъ исключенія. Какой же прямой выводъ слѣдуетъ изъ всего этого? А тотъ выводъ, что подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ жизнь неминуемо должна продолжать вырабатывать все тѣ же типы, и такъ-называемые новые люди, какими бы они новыми идеями ни увлекались, въ сущности своей должны быть тѣми же Онѣгиными, Печоринными, Тентетниковыми, Рудиными, Обломовыми, только въ новыхъ формахъ и съ новыми кличками. Между массою людей, испорченныхъ обстоятельствами, могутъ быть люди умные и глупые, развитые и темные, люди еще сохранившіеся и потому хорошіе люди, имѣющіе всѣ задатки, чтобы при лучшихъ обстоятельствахъ сдѣлаться еще лучшими, и люди уже окончательно попортившіеся, которымъ судьба

остаться попорченными, въ какія вы ихъ обстоятельства ни поставьте.

Но откуда же явятся новыя обстоятельства для созданія новыхъ людей, если не явятся предварительно новые люди, способные создать новыя обстоятельства? спроситъ меня иной читатель, наивно воображающій, что вокругъ него народились уже какимъ-то чудеснымъ способомъ новые люди, готовые осчастливить его своею энергическою дѣятельностью. Въ отвѣтъ на это я могу только указать читателю на исторію; пусть углубится въ нее читатель, и тамъ онъ найдетъ, что новыя обстоятельства создаются различными путями: иногда являются они извнѣ въ видѣ какой-нибудь непредвидимой причины, а по бо̀льшей части создаются внутреннимъ процесомъ развитія общества очень медленнымъ или очень быстрымъ, смотря по тому, какъ вліяетъ на жизнь то или другое обстоятельство: если какое-либо обстоятельство очень дурно, жить при немъ становится невозможно, и все общество дойдетъ до сознанія, что жить несносно именно вслѣдствіе этого обстоятельства, тогда устраненіе его можетъ идти быстро, какъ бы ни были сами по себѣ дрянны люди, растленные этимъ обстоятельствомъ. А если обстоятельство сносно еще до того, что можно при немъ сводить концы съ концами или бо̀льшая масса людей не додумалась еще до несносности его, въ такомъ случаѣ, Обломовы лежатъ на диванчикѣ и любуются на потолокъ. Этимъ только и можно объяснить, почему, напримѣръ, гласное судопроизводство введено у насъ только нынѣ, хотя потребность въ немъ чувствовалась уже при Екатеринѣ II.

V.

Теперь мы обратимся къ первымъ статьямъ Писарева, помѣщеннымъ въ «Русскомъ Словѣ»: «Стоячая вода», «Тургеневъ и Гончаровъ», «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова». Въ статьяхъ этихъ замѣчается всего болѣе вліяніе Добролюбова, и при всемъ томъ, съ перваго же взгляда поражаетъ васъ коренное различіе въ міросозерцаніи Писарева и Добролюбова. Въ статьяхъ этихъ вы встрѣтите, повидимому, то же, что̀ находите и въ статьяхъ Добролюбова: точно также порицается въ нихъ пустота нашей жизни, мелкость интересовъ, гнётъ семейныхъ предразсудковъ, сдавливающихъ и уничтожающихъ личность, а съ другой стороны — гнётъ тѣхъ узкихъ, свѣтскихъ условій и приличій, которыя не даютъ простору уму и свободу чувству, — анализъ всего этого, которымъ занимается наша литература съ 40-хъ годовъ, проведенъ въ статьяхъ этихъ до послѣдней тонкости. Но какой же выходъ предлагается изъ всего этого отдѣльной личности? Выходъ очень легкій: будь эгоистомъ, устраивай жизнь по свободнымъ личнымъ влеченіямъ и живи въ собственное удовольствіе, не обращая вниманія на то, что̀ говоритъ о тебѣ общество. «Тѣ условія,

при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы — говоритъ Писаревъ на 18-й стр. — что человѣкъ, *желающій прожить свою жизнь дѣльно и пріятно*, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ, не давать имъ надъ собою никакого вліянія, не дѣлать имъ никакой уступки. (Почти то же самое, повидимому, говорилъ и Добролюбовъ, но онъ раздѣлялъ рѣзкою чертою дѣльность и пріятность; онъ говорилъ, что для дѣльности, конечно, слѣдуетъ не мириться и не дѣлать никакихъ сдѣлокъ съ общественными предразсудками; но онъ и не думалъ допускать, чтобы и пріятность достигалась этимъ же путемъ; напротивъ, онъ предувѣдомлялъ, что этотъ путь можетъ повести къ большимъ непріятностямъ; для достиженія же пріятности существуютъ два другіе пути — или примиреніе съ рутиною, то-есть путь совершенно противоположный тому, который предписываетъ Писаревъ, или же активное отношеніе къ рутинѣ, что Писаревъ совершенно упустилъ изъ вида). Какъ вы попробуете на чемъ-нибудь помириться, такъ вы уже теряете вашу свободу; общество не удовлетворится уступками; оно вмѣшается въ ваши дѣла, въ вашу семейную жизнь, будетъ предписывать вамъ законы, будетъ налагать на васъ стѣсненія, пересуживать ваши поступки, отгадывать ваши мысли и побужденія. Каждый шагъ вашъ будетъ опредѣляться не вашею доброю волею, а разными общественными условіями и отношеніями; нарушеніе этихъ условій будетъ постоянно возбуждать толки, которые, доходя до васъ, будутъ досаждать вамъ, какъ жужжаніе сотни мошекъ и комаровъ. Если же вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукою на пресловутое общественное мнѣніе, которое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ, право, скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы на это не обращаете вниманія, и что эксцентричности ваши идутъ-себѣ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься, сочтетъ васъ за погибшаго человѣка, и, такъ или иначе, оставитъ васъ въ покоѣ, перенеся на кого-нибудь другаго свое милостивое вниманіе...» Вы посмотрите, какая бездна наивности въ послѣднихъ словахъ: Писаревъ думаетъ, что общество сочтетъ за погибшаго и затѣмъ оставитъ въ покоѣ человѣка, вздумавшаго устраивать свое личное счастіе по своимъ собственнымъ влеченіямъ, а не по торнымъ дорожкамъ; при этомъ онъ совершенно опускаетъ изъ виду, что такое устроеніе счастія по личнымъ стремленіямъ, необходимо должно враждебно задѣть тысячу всякаго рода интересовъ въ массѣ людей, имѣющихъ совершенно противоположныя стремленія; вслѣдствіе чего, люди эти не могутъ ограничиться однимъ качаніемъ головы, а поспѣшатъ воротить мѣшающаго имъ человѣка на ихъ дорогу, или же избавиться отъ него. Эта наивность происходитъ прямо оттого, что Писаревъ глядѣлъ на жизнь слишкомъ съ исключительной точки зрѣнія, принимая въ разсчетъ преимущественно внутренній міръ человѣка, и со-

вершенно опуская вліяніе на человѣка условій жизни. Ему казалось, съ этой точки зрѣнія, что достаточно внутренно отрѣшиться отъ разныхъ предразсудковъ, въ родѣ, напримѣръ, теоріи долга, а затѣмъ, стоитъ энергически захотѣть для того, чтобы устроить свое личное счастіе. У Бешметева и Юліи, въ повѣсти Писемскаго «Тюфякъ» не было ни сознанія, ни воли — они не избавились отъ гнёта общественныхъ предразсудковъ и не сдѣлались счастливыми; а еслибы то и другое было, то счастіе было бы въ ихъ рукахъ. Я убѣжденъ, что когда Писаревъ писалъ свою статью, мѣриломъ своего анализа онъ принималъ въ это время себя: онъ только-что избавился отъ гнёта товарищескихъ предразсудковъ, онъ только-что додумался до теоріи нравственной свободы, онъ былъ приглашенъ участвовать въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ; онъ былъ восторженъ и счастливъ, онъ сіялъ въ это время, а товарищи, покачивая головою и считая его за погибшаго человѣка, оставили его въ покоѣ; и этотъ моментъ своей личной жизни онъ возвелъ въ принципъ, и вообразилъ, что и всякій человѣкъ, рѣшившійся свободно пойти по своей дорогѣ, тѣмъ самымъ уже пріобрѣтетъ возможное счастіе на землѣ, и что всѣ люди, подобно товарищамъ Писарева, оставятъ его въ покоѣ и будутъ только покачивать головою. Чтобы понять, до какой степени Писареву было чуждо вліяніе на личность условій жизни, мы выпишемъ еще одно мѣсто изъ той же самой статьи:

«Гнётъ общества надъ личностью такъ же вреденъ, какъ и гнётъ личности надъ обществомъ; еслибы всякій умѣлъ быть свободенъ, не стѣсняя свободы своихъ сосѣдей и членовъ своего семейства, тогда, конечно, были бы устранены причины многихъ несчастій и страданій. Другими словами, еслибы всякій былъ эгоистомъ по своему, не мѣшая другимъ быть эгоистами по своему, тогда не было бы въ среднемъ кругу ни ссоры, ни сплетенъ, ни скандаловъ. Въ *среднемъ кругу*, говорю я, потому что для низшихъ слоевъ общества есть такое зло, которое до сихъ поръ не могли устранить, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, лучшіе мыслители Европы. Это зло — пролетаріатъ, со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отысканіе средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени».

Начало этой тирады обѣщаетъ, повидимому, многое: гнётъ общества надъ личностью, конечно, вреденъ столько же, какъ и гнётъ личности надъ обществомъ. Но что разумѣетъ Писаревъ подъ гнётомъ общества! Читая далѣе, вы видите, что дѣло идетъ опять о тѣхъ же свѣтскихъ и семейныхъ предразсудкахъ, обычаяхъ и приличіяхъ, которые, стѣсняя личность, мѣшаютъ ей быть эгоистомъ посвоему. Писаревъ думаетъ, что то зло, устраненіе котораго онъ видитъ въ будущемъ, принадлежитъ только низшимъ классамъ общества, а въ среднемъ кругу существуетъ другое зло — обычаи и приличія, устраненіе котораго можетъ послѣдовать гораздо раньше путемъ, конечно, об-

разованія, гуманизаціи отдѣльныхъ лицъ и возвышенія личнаго самосознанія и самоуваженія, какъ онъ говоритъ на 66-й страницѣ. При этомъ онъ совершенно опускаетъ изъ виду, что зло, принадлежащее низшимъ классамъ, есть въ сущности общее всѣмъ классамъ зло, которое главнымъ образомъ развиваетъ и поддерживаетъ всевозможные приличія и обычаи. Да, наконецъ, еслибы и возможно было безъ устраненія этого зла осуществить только въ среднихъ классахъ теорію эгоизма, въ видѣ безпрепятственнаго житья въ волюшку, то въ концѣ концовъ получилась бы та же самая теорія мѣщанства, противъ которой Писаревъ неоднократно ратовалъ.

Но въ первыхъ статьяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, читатель найдетъ много мѣстъ, діаметрально противоположныхъ выписаннымъ и разобраннымъ нами тирадамъ, — и читатель можетъ привести эти мѣста намъ въ укоръ. Развѣ не говоритъ Писаревъ въ первой своей статьѣ о растлевающемъ вліяніи среды на людей во многихъ мѣстахъ этой статьи, чуть не на каждой страницѣ? Развѣ во второй его статьѣ (Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ) не встрѣчаемъ мы такихъ же взглядовъ? За что же онъ и обвиняетъ Гончарова, какъ не за то, что Гончаровъ смотритъ на болѣзнь Обломова, какъ на какой-то фатальный органическій порокъ русскаго человѣка, а не какъ на слѣдствіе обстоятельствъ? «Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—говоритъ онъ на 55 стр.—доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ — люди измятые и исковерканные жизнію, а Обломовъ человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ — организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др., наше общество нуждается въ реформахъ, по мнѣнію г. Гончарова—мы всѣ больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то же самое». Я нисколько не думаю игнорировать всѣхъ подобныхъ взглядовъ; но взгляды эти, разсыпанные повсюду въ первыхъ статьяхъ Писарева, еще болѣе оттѣняютъ ту тенденцію, которая проглядываетъ изъ-за нихъ и совершенно противорѣчитъ имъ. Въ первыхъ статьяхъ Писарева можно ясно различить двѣ рѣзкихъ и противорѣчащихъ одна другой струи: съ одной стороны вы видите ту моральную закваску, которую Писаревъ вынесъ изъ своей университетской жизни, и которая побуждала его возлагать преимущественно на энергію отдѣльной личности и развитіе ея и устроеніе личнаго счастія; съ другой стороны, вы видите идеи Добролюбова, которыя были въ то время въ большомъ еще ходу въ обществѣ, и подъ сильнымъ вліяніемъ которыхъ Писаревъ писалъ свои первыя статьи въ 1861 и 1862 гг. Но когда идеи Добролюбова начали отодвигаться въ нашемъ обществѣ на второй планъ, тогда и въ статьяхъ Писарева мы видимъ тотъ же поворотъ: мысли о вліяніи на личность общественнаго строя попадаются въ дальнѣй-

ихъ статьяхъ Писарева все рѣже и рѣже, отодвигаются на задній планъ, а на первомъ планѣ рисуются передъ вами различные нравственные идеалы, сливающіеся въ поклоненіи базаровскому типу; этотъ типъ выставляется постоянно какъ высшее, послѣднее и крайнее развитіе современнаго реализма, и предлагается читателямъ для подражанія ему.

VI.

Въ первый разъ поклоненіе базаровскому типу мы видимъ въ статьѣ Писарева «Базаровъ». Но мы были бы неправы, еслибы сказали, что Писаревъ, увлекшись романомъ Тургенева, возвелъ въ свой идеалъ того самаго Базарова, котораго мы находимъ въ романѣ Тургенева. Между тургеневскимъ Базаровымъ и писаревскимъ большая разница. Тургеневъ въ лицѣ Базарова представилъ молодаго человѣка, который, увлекшись новыми идеями, началъ отрицать нетолько тѣ или другіе принципы, но и разныя естественныя влеченія человѣческой природы; вслѣдствіе этого онъ всталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ-какъ естественныя влеченія не замедлили въ немъ заявить себя, и обратился въ аскета, борющагося съ своими чувствами.

Писаревъ же воплотилъ въ Базаровѣ свой собственный идеалъ совершенно противоположнаго свойства. Мы видѣли уже выше, что идеалъ Писарева заключался въ нравственной теоріи высшаго эгоизма, въ личномъ отрѣшеніи отъ всѣхъ предразсудковъ и свободномъ отъ всякихъ толковъ и пересудовъ общества наслажденіи жизнію. Этотъ идеалъ свой Писаревъ и воплотилъ въ Базаровѣ. Мы выпишемъ здѣсь нѣсколько тирадъ, въ которыхъ Писаревъ, оставляя въ сторонѣ романъ Тургенева, характеризуетъ своего собственнаго Базарова. Въ этихъ тирадахъ Писаревъ буквально повторяетъ тѣ мысли, которыя онъ высказывалъ въ послѣднихъ своихъ спорахъ съ товарищами и которыя повели его къ окончательному разрыву съ студенческимъ кружкомъ.

«На людей подобныхъ Базарову—говоритъ онъ на 129 стр.—можно негодовать, сколько душѣ угодно, но признавать ихъ искренность — рѣшительно необходимо. Эти люди могутъ быть честными и безчестными, гражданскими дѣятелями и отъявленными мошенниками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Базаровъ не украдетъ платка потому же самому, почему онъ не съѣстъ кусокъ тухлой говядины. Еслибы Базаровъ умиралъ съ голоду, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое. Мучительное чувство неудовлетворенной физической потребности побѣдило бы въ немъ отвращеніе къ дурному за-

паху разлагающагося мяса и къ тайному посягательству на чужую собственность (забавнѣе всего здѣсь то, что Писаревъ приписываетъ особенному, вновь будто бы создавшемуся типу современныхъ реалистовъ то, что во всѣ времена принадлежало всѣмъ людямъ безъ исключенія: какъ будто всѣ голодные люди повсюду и всегда не принуждены бываютъ побѣждать въ себѣ отвращеніе къ тухлому мясу и къ посягательству на чужую собственность?). Кромѣ непосредственнаго влеченія, у Базарова есть еще другой руководитель въ жизни — разсчетъ. Когда онъ бываетъ боленъ, онъ принимаетъ лекарство, хотя не чувствуетъ никакого непосредственнаго влеченія къ касторовому маслу или къ ассафетидѣ (какъ будто опять-таки одни только Базаровы принимаютъ касторовое масло въ болѣзняхъ, а не всѣ люди повсюду и всегда руководствовались тѣмъ же разсчетомъ?). Онъ поступаетъ такимъ образомъ по разсчету; цѣною маленькой непріятности онъ покупаетъ въ будущемъ большее удобство, или избавленіе отъ большой непріятности. Словомъ, изъ двухъ золъ, онъ выбираетъ меньшее, хотя и къ меньшему не чувствуетъ никакого влеченія...»

«И такъ Базаровъ (см. стр. 130) вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ. Имъ управляютъ только личная прихоть или личные разсчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди — никакой высокой цѣли; въ умѣ — никакого высокаго помысла, и при всемъ этомъ, силы огромныя. Да вѣдь это безнравственный человѣкъ! Злодѣй, уродъ! слышу я со всѣхъ сторонъ восклицанія негодующихъ читателей. Ну, хорошо, злодѣй, уродъ; браните больше, преслѣдуйте его сатирой и эпиграммой, негодующимъ лиризмомъ и возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, кострами инквизиціи и топорами палачей, — и вы не вытравите, не убьете этого урода, не посадите его въ спиртъ на удивленіе почтенной публикѣ. Если базаровщина — болѣзнь, то она болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какіе палліативы и ампутаціи. Относитесь къ базаровщинѣ какъ угодно — это ваше дѣло; а остановить — не остановите; это та же холера.»

«Онъ смотритъ на людей сверху внизъ (см. стр. 131) и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полупрезрительныя, полупокровительственныя отношенія къ тѣмъ людямъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые его слушаются. Онъ никого не любитъ; не разрывая существующихъ связей и отношеній, онъ въ то же время не сдѣлаетъ ни шагу для того, чтобы снова завязать или поддержать эти отношенія, не смягчитъ ни одной ноты въ своемъ суровомъ голосѣ, не пожертвуетъ ни одною рѣзкою шуткою, ни однимъ краснымъ словцомъ. Поступаетъ онъ такимъ образомъ не во имя принципа, не для того, чтобы

въ каждую данную минуту быть вполнѣ откровеннымъ, а потому что считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было, по тому же самому побужденію, по которому американцы задираютъ ноги на спинки креселъ и заплевываютъ табачнымъ сокомъ паркетные полы пышныхъ гостинницъ. Базаровъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ, а вслѣдствіе этого никого не щадитъ. Какъ Діогенъ, онъ готовъ жить чуть не въ бочкѣ, и за это предоставляетъ себѣ право говорить людямъ въ глаза рѣзкія истины по той причинѣ, что это ему нравится».

Развивая такой идеалъ современнаго реалиста въ первой части своей статьи, Писаревъ переходитъ, затѣмъ, къ сравненію этого современнаго типа съ типами прежнихъ поколѣній, съ Печоринымъ и Рудинымъ, и такъ-какъ этотъ современный типъ взятъ имъ не изъ живой дѣйствительности, а есть созданіе собственной теоріи, вслѣдствіе этого, Писаревъ совершенно теряетъ всякое историческое чутье и чутье дѣйствительности, рѣшительно какъ будто не знаетъ и не видитъ, что̀ такое вокругъ него дѣлается. Если взять во вниманіе то, что̀ дѣлалось въ 1861 и 1862 годахъ, и что̀ было въ какихъ нибудь 1841 и 1842 годахъ, то самому поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что люди 1841 и 1842 годовъ были заняты однимъ нравственнымъ саморазвитіемъ, или идеями, совершенно отвлеченными отъ жизни, безъ всякой возможности осуществлять свои идеи въ какихъ бы то ни было дѣлахъ. Въ статьѣ о Станкевичѣ, Добролюбовъ защищаетъ эту личность противъ нападокъ съ разныхъ сторонъ за то, что Станкевичъ не боролся со зломъ и не сдѣлалъ никакого положительнаго, ощутимаго дѣла, именно тѣмъ, что нельзя обвинять людей, если они, сознавая вполнѣ всю гнусность зла своего времени, не боролись съ нимъ, не чувствуя въ себѣ ни силы, ни возможности бороться; мы должны уважать этихъ людей за то уже, что они въ то время не хотѣли потворствовать злу, а удалялись отъ него и держали себя въ сторонѣ; ужь и это былъ съ ихъ стороны подвигъ. Въ эпоху же 1861 и 1862 годовъ, люди отличались отъ предыдущихъ поколѣній именно тѣмъ, что они слишкомъ жаждали борьбы со зломъ; они не сторонились, а энергически рвались въ жизнь, вмѣшивались во всѣ ея дрязги и требовали бо̀льшаго и бо̀льшаго вмѣшательства. Съ точки же зрѣнія Писарева выходитъ совершенно наоборотъ: прежнія поколѣнія—думаетъ онъ—метались и жаждали дѣятельности, а нынѣшнее, то-есть базаровское, убѣдилось, что никакая дѣятельность невозможна, и окончательно отъ всего отстранилось.

«Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе (то-есть нынѣшнее)—говоритъ Писаревъ на 139-й стр.—сходилось съ лучшими людьми предыдущаго; симпатіи и антипатіи у нихъ были общія; желали одного и того же; *но люди прошлаго метались и суетились, надѣясь гдѣ нибудь пристроиться и какъ нибудь,*

втихомолку, урывками, незамѣтно влить въ жизнь свои честныя убѣжденія. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, нигдѣ не пристраиваются, не подаются ни на какія компромиссы, и ни на что не надѣются. Въ практическомъ отношеніи они также безсильны, какъ Рудины, *но они сознали свое безсиліе и перестали махать руками. «Я не могу дѣйствовать теперь — думаетъ про себя каждый изъ этихъ новыхъ людей — не стану и пробовать; я презираю все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать своего презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду тогда, когда почувствую себя сильнымъ. До тѣхъ поръ буду жить самъ по себѣ, какъ живется, не мирясь съ господствующимъ зломъ и не давая ему надъ собой никакой власти. Я—чужой среди существующаго порядка вещей, и мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Занимаюсь я хлѣбнымъ ремесломъ, думаю, что хочу, и высказываю—что можно высказывать».*

Даже какъ-то не вѣрится, неужели эти строки были написаны и напечатаны въ первой четверти 1862 года? Какъ же это Писареву могло показаться, что современные ему лучшіе люди, презирая все окружающее, живутъ каждый самъ по себѣ, какъ живется, занимаются хлѣбными ремеслами и не вмѣшиваются ни въ какую борьбу съ существующимъ зломъ, считая эту борьбу невозможною? Строки могли быть написаны въ 1851 году, могли быть написаны теперь, но появленіе ихъ въ 1862 году ставитъ читателя рѣшительно въ тупикъ и объяснить появленіе этихъ строкъ можно только однимъ путемъ: тѣмъ именно, что Писаревъ подъ современными ему реалистами разумѣлъ не настоящихъ реалистовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ вокругъ него, исполненныхъ надеждъ и опасеній, восторга и отчаянія, шедшихъ по вѣрному пути и заблуждавшихся, падавшихъ и вставшихъ, жившихъ, однимъ словомъ, жизнью, свойственною всѣмъ живымъ людямъ во всѣ времена; нѣтъ, онъ разумѣлъ опять-таки не что иное, какъ свой собственный идеалъ, и такъ-какъ идеалъ его, съ одной стороны, поступая по собственнымъ влеченіямъ, съ другой стороны представлялся ему живымъ жизнью, вполнѣ отрѣшенною отъ жизни общества, то онъ и приписалъ современнымъ ему реалистамъ и эту другую сторону своего идеала. «Люди третьяго разряда идутъ дальше — говоритъ онъ на 141 стр.—они сознаютъ свое несходство съ массою и смѣло отдѣляются отъ нея поступками, привычками, всѣмъ образомъ жизни. *Пойдетъ ли за ними общество, до этого имъ нѣтъ дѣла. Они полны собою, своею внутреннею жизнью и не стѣсняютъ ея въ угоду принятымъ обычаямъ и церемоніаламъ.* Здѣсь личность достигаетъ полнаго *самоосвобожденія, полной особности и самостоятельности*».

Но, представляя Базарова человѣкомъ, дающимъ полную свободу всѣмъ своимъ естественнымъ влеченіямъ, не могъ же Писаревъ игнорировать тургеневскаго Базарова, который, напротивъ того, во имя теоріи, сдавливаетъ свои естественныя стрем-

ленія и искажаетъ свою природу. Писаревъ не упустилъ этого изъ виду: развивши свой собственный идеалъ, онъ обратился, вслѣдъ затѣмъ, къ роману и, увидя, что тургеневскій Базаровъ противорѣчитъ его идеалу, онъ не замедлилъ предать его за это надлежащему порицанію: «Базаровъ завирается — говоритъ Писаревъ на 145-й стр.—это, къ сожалѣнію, справедливо. Онъ съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ; поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина — потерянное время; заниматься музыкою—смѣшно, наслаждаться природою—нелѣпо. Очень можетъ быть, что онъ человѣкъ, затертый трудовою жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ. Выкраивать другихъ людей на одну мѣрку съ собой, значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ. Отрицать совершенно произвольно ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ удаляться отъ чистаго эмпиризма».

«Когда Николай Петровичъ (см. стр. 147) любуется вечернимъ пейзажемъ, тогда онъ всякому непредубѣжденному читателю покажется человѣчнѣе Базарова, голословно отрицающаго красоту природы».

«Вооружась противъ идеализма (см. стр. 148) и разбивая его воздушные замки, онъ (то-есть Базаровъ) порою самъ дѣлается идеалистомъ, то-есть начинаетъ предписывать человѣку законы, какъ и чѣмъ ему наслаждаться, и къ какой мѣркѣ пригонять свои личныя ощущенія. Сказать человѣку: не наслаждайся природою—все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть».

Наконецъ, говоря о послѣднемъ свиданіи умирающаго Базарова съ Одинцовой, Писаревъ заключаетъ на стр. 169 й: «Базаровъ не измѣняетъ себѣ; приближеніе смерти не перерождаетъ его; напротивъ, онъ становится естественнѣе, человѣчнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ онъ былъ въ полномъ здоровьи. Молодая, красивая женщина часто бываетъ привлекательнѣе въ простой, утренней блузѣ, чѣмъ въ богатомъ, бальномъ платьѣ. Такъ точно умирающій Базаровъ, распустившій свою натуру, давшій себѣ полную волю, возбуждаетъ больше сочувствія, чѣмъ тотъ же Базаровъ, когда онъ холоднымъ разсудкомъ контролируетъ каждое свое движеніе, и постоянно ловитъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ».

VII.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ можно ясно видѣть, что Писаревъ въ своей статьѣ «Базаровъ» остался совершенно вѣренъ своей теоріи эгоизма. Но если Писаревъ остался вѣренъ себѣ въ статьѣ, трактующей объ общихъ основаніяхъ своей

теоріи, то могъ ли онъ остаться столь же послѣдователенъ въ другихъ своихъ статьяхъ, гдѣ дѣло идетъ уже не объ основаніи теоріи, а о приложеніи ея къ разнымъ фактамъ живой дѣйствительности? Очевидно, не могъ по самымъ простымъ основаніямъ: въ дѣйствительности онъ долженъ былъ встрѣтиться съ рядомъ такихъ фактовъ, которые лучшіе современники его отрицали, а онъ долженъ былъ, выходя логически изъ своей теоріи, признать ихъ и оправдать; а съ другой стороны было множество и такихъ фактовъ, которые современники его признавали и оправдывали, а онъ опять-таки, вслѣдствіе односторонности своей теоріи, долженъ былъ ихъ отвергнуть.

Вѣдь еслибы Писаревъ захотѣлъ проводить свою теорію до конца и быть послѣдователенъ ей, то онъ долженъ былъ бы оправдать и чистое искусство, и научное неданство, противъ которыхъ въ то время такъ ратовали: если мы разъ допустимъ, что идеалъ современнаго реалиста есть человѣкъ, понявшій, что со зломъ бороться ему невозможно, отрѣшившійся вслѣдствіе этого отъ жизни и въ своемъ уголкѣ допустившій себѣ полную свободу всѣмъ своимъ естественнымъ влеченіямъ, то чѣмъ же будетъ отличаться отъ Базарова Фетъ или какая нибудь архивная крыса? — тѣмъ развѣ только, что Базаровъ рѣжетъ лягушекъ, Фетъ пописываетъ стишки, крыса роется въ архивной пыли. Это будетъ показывать только, что у одного одни естественныя влеченія, у другаго — другія, у третьяго — третьи; но такъ-какъ всѣ они трое въ равной степени отрѣшились отъ общества, заперлись въ свой уголокъ и каждый предался своему естественному влеченію, то, слѣдовательно, и всѣ они по своему современные реалисты и Базаровы. Если вы возразите, что писаревскій Базаровъ отличается тѣмъ, что онъ смѣло устраиваетъ по своему свою личную жизнь, не взирая на всѣ толки, насмѣшки, порицанія и негодованіе общественнаго мнѣнія, то вѣдь и Фетъ отличается тѣмъ же: развѣ и противъ него не обращено общественное мнѣніе цѣлой половины нашей интеллигенціи? Развѣ онъ мало выдерживаетъ порицаній и насмѣшекъ самыхъ злыхъ и ѣдкихъ, и несмотря на все это, онъ продолжаетъ жить по своему и подъ оглушительный громъ насмѣшекъ, шиканій и свистковъ, спокойно и беззаботно напѣваетъ свои пѣсенки: чѣмъ же онъ не Базаровъ съ писаревской точки зрѣнія? Особенно если взять при этомъ во вниманіе вышеприведенныя нами слова Писарева относительно красотъ природы, то слова эти мы можемъ прямо отнести къ Фету и сказать: когда писаревскій Базаровъ въ формѣ Фета любуется зарею, тогда онъ всякому непредубѣжденному читателю покажется человѣчнѣе тургеневскаго Базарова, голословно отрицающаго красоту зари.

И Писаревъ не избѣгалъ такихъ выводовъ, когда онъ жилъ еще въ кружкѣ своихъ университетскихъ друзей, или когда онъ хвалилъ поэзію Майкова за трезвое міросозерцаніе въ видѣ гармоническаго наслажденія жизнію. Но позже, подъ

вліяніемъ духа времени и своего положенія, какъ передоваго писателя въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ, онъ долженъ былъ воздержаться отъ такихъ выводовъ, но онъ не бросилъ своей теоріи, а только съузилъ ее: чтобъ не подвести подъ идеалъ современнаго реалиста Фета или любаго педанта, онъ ограничилъ кругъ свободы естественныхъ влеченій идеею общественной пользы, т.-е. допустилъ такое ограниченіе своей теоріи, противъ котораго онъ прежде ратовалъ болѣе всего, когда говорилъ, что современный реалистъ, свободно предаваясь всѣмъ своимъ влеченіямъ, имѣетъ въ виду только свою личность и не думаетъ о томъ, принесетъ ли его дѣло пользу обществу или не принесетъ, пойдутъ ли за нимъ люди или не пойдутъ. Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ подъ современными реалистами или Базаровыми онъ разумѣетъ такихъ людей, которые, при всей свободѣ влеченій, имѣютъ только влеченія, клонящіяся къ общей пользѣ. При этомъ къ занятіямъ, приносящимъ общую пользу, иногда онъ причислялъ различныя отрасли трудовъ, иногда же ограничивалъ кругъ такихъ занятій однимъ распространеніемъ естествознанія, и тогда впадалъ въ узкую тенденцію тургеневскаго Базарова. Такого рода тенденція проглядываетъ, напримѣръ, въ статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора».

Писатели добролюбовской школы, при всемъ ихъ уваженіи къ естественнымъ наукамъ, отрицали произведенія, подобныя фетовскимъ, вовсе не на основаніи того, чтобъ они признавали пользу только за однѣми естественными науками. Они вовсе не отрицали искусства, а напротивъ того, старались расширить его область и тѣмъ увеличить его значеніе. Вмѣсто того, чтобъ ограничиваться одною узкою сферою изящнаго, искусство, по ихъ мнѣнію, должно отзываться на всѣ вопросы жизни, интересующіе человѣчество. Подъ этимъ требованіемъ опять-таки надо разумѣть вовсе не то, чтобы поэтъ, принимаясь за свое произведеніе, придумывалъ какую-нибудь гражданскую тенденцію и эту тенденцію искусственно вкладывалъ въ поэтическіе образы или формы; — такъ по крайней-мѣрѣ перетолковывали это требованіе эстетики. Человѣкъ, придумывающій гражданскую тенденцію и втискивающій ее въ поэтическія формы, или вовсе не поэтъ, или же тенденція совершенно чужда ему и онъ не поэтъ въ отношеніи къ ней. Поэтъ есть человѣкъ, до того страстно возбужденный какимъ нибудь впечатлѣніемъ жизни или цѣлымъ рядомъ ихъ, что у него явилась естественная, необходимая потребность выразить свое впечатлѣніе, мало того — изобразить предметы, вызвавшіе въ немъ это впечатлѣніе, и изобразить ихъ такъ, чтобъ они въ другихъ людяхъ возбуждали то же впечатлѣніе. Если мы согласимся въ этомъ, тогда сдѣлаются немыслимы вопросы о томъ, будетъ ли искусство существовать всегда или когда-нибудь пробьетъ его часъ. Оно будетъ существовать всегда, пока только люди будутъ испытывать сильныя и страстныя впечатлѣнія; часъ его могъ бы пробить только въ

такомъ случаѣ, еслибы Дрэперъ былъ справедливъ, что человѣчество переживаетъ тѣже четыре возраста, что и человѣкъ: въ такомъ случаѣ, конечно, когда все человѣчество состарится, люди будутъ холодны, какъ ледъ и искусства существовать больше не будетъ. Но пока нервы массы людей воспріимчивы и въ этихъ массахъ горятъ сильныя страсти, до тѣхъ поръ искусство такое же необходимое и естественное явленіе, какъ необходимо и естественно явленіе грозы, пока существуетъ сила электричества.

На этомъ основаніи истинные реалисты никогда не отрицали искусства, не пророчили ему близкаго конца, а съ другой стороны, никогда не требовали, въ виду общественной пользы, чтобы поэты искусственно втискивали въ свои произведенія разныя гражданскія тенденціи. Они требовали только, чтобы поэты были живые люди, чтобъ ничто человѣческое не было чуждо имъ, чтобъ они не удалялись отъ жизни въ какую нибудь узкую сферу поклоненія красотѣ, анализа однихъ только любовныхъ ощущеній или узкой семейной морали. Но поэту живому, горячо и страстно увлекающемуся всѣми животрепещущими вопросами жизни, никогда не придется искусственно задаваться какими-нибудь гражданскими тенденціями; въ его произведеніяхъ естественно и невольно отразятся всѣ тѣ вопросы жизни, которые интересуютъ общество. Къ этому надо еще присовокупить, что реалисты не изъ своей собственной головы придумали такія требованія отъ искусства. Они имѣли передъ своими глазами такіе ясные и разительные примѣры, какъ существованіе великихъ западныхъ поэтовъ: Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте и многихъ другихъ, которые не ограничивались одною красотою, одною любовью, а всецѣло отражали жизнь своего вѣка со всѣми ея интересами. Понималъ ли вполнѣ ясно Писаревъ этотъ взглядъ реалистовъ на искусство? Что онъ понималъ его, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Прочтите только статью его «Разрушеніе эстетики» и «Нерѣшенный вопросъ», вы увидите, что онъ высказываетъ тѣ же взгляды на искусство. Въ статьѣ «Разрушеніе эстетики», онъ разбираетъ взгляды, выраженные въ извѣстной брошюрѣ: «Отношенія искусства къ дѣйствительности», и вполнѣ соглашается со всѣми этими взглядами. Въ статьѣ «Нерѣшенный вопросъ» вы встрѣчаете взгляды на искусство, ничѣмъ не отличающіеся отъ взглядовъ всѣхъ писателей реальной школы: «Послѣдовательный реализмъ — говоритъ онъ — безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы; но слово «польза» мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ его навязываютъ намъ наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говоримъ поэту: «шей сапоги», или историку: «пеки пироги», но мы требуемъ непремѣнно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ, приносили, каждый въ своей спеціальности, дѣйствительную пользу. Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны

человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать. Мы хотимъ, чтобы изслѣдованіе историка раскрывало намъ настоящія причины процвѣтанія и успѣха отжившихъ цивилизацій. Мы читаемъ книги единственно для того, чтобы посредствомъ чтенія расширять предѣлы нашего личнаго опыта. Если книга въ этомъ отношеніи не даетъ намъ ровно ничего, ни одного новаго факта, ни одного оригинальнаго взгляда, ни одной самостоятельной идеи, если она ничѣмъ не шевелитъ и не оживляетъ нашей мысли, то мы называемъ такую книгу пустою и дрянною книгою, не обращая вниманія на то, писана ли она прозою или стихами; и автору такой книги мы всегда, съ искреннимъ доброжелательствомъ, готовы посовѣтовать, чтобы онъ принялся шить сапоги или печь кулебяки». Далѣе, опредѣляя, какъ можетъ быть полезенъ поэтъ, Писаревъ высказываетъ нѣсколько мыслей, столь глубокихъ, сильныхъ и патетическихъ, какія никто еще не высказывалъ со времени Бѣлинскаго:

«Самородки, подобные Бернсу и Кольцову — говоритъ онъ — остаются навсегда блестящими, но безплодными явленіями. Истинный, «полезный» поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что̀ кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святою и великою ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ этою ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священнѣйшій символъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе, говоритъ Бёрне; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно, не можетъ составлять исключеніе изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровію сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между от-

дѣльными явленіями, когда понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собою яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами, съ трепетомъ томительной надежды, смотрятъ вдаль, на ту же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямаго пути. И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что̀ и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губки! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи, именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не съумѣетъ и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ волею и неволею, въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду. Итакъ, по моему мнѣнію, истинный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ произвести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ — великій боецъ мысли, безстрастный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Генрихъ Гейне, или же поэтъ ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фиглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ — титанъ, потрясающій горы вѣковаго зла, или поэтъ козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это строгая психологическая истина».

Когда послѣ этой прекрасной, глубокомысленной тирады переходишь къ «Цвѣтамъ невиннаго юмора», то представляется, какъ будто начинаешь читать совершенно иного писателя. Въ статьѣ этой Писаревъ силится доказать, что сатиры Щедрина не имѣютъ иной цѣли, какъ только посмѣшить читателя и потому ихъ можно причислить къ разряду чистаго искусства. Мы не будемъ входить здѣсь въ разбирательство того, на сколько

правъ или неправъ Писаревъ въ этомъ положеніи. Коснуться этого значитъ поднять вопросъ о значеніи дѣятельности Щедрина; вопросъ этотъ совершенно не входитъ въ предѣлы настоящей статьи, потому что я не берусь рѣшить его на двухъ-трехъ страницахъ; онъ требуетъ обстоятельнаго обсужденія, чему впослѣдствіи можетъ быть посвящена особенная статья. Въ настоящемъ же случаѣ для насъ важно не самое то положеніе, которое отстаиваетъ Писаревъ, а тѣ общія мнѣнія объ искусствѣ, которыми Писаревъ обставляетъ свои доказательства. Противъ чистаго искусства Писаревъ выставляетъ здѣсь не то реальное, полезное искусство, о которомъ говоритъ въ вышеприведенной тирадѣ, а подобно тургеневскому Базарову — прямо и радикально естественныя науки. По его мнѣнію, когда послѣдній поэтъ и послѣдній эстетикъ, сознаютъ свою тщету, тогда: «обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могиканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку *покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты*, какъ маскарадныя принадлежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, *занимающихся медицинскою практикою*, и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей, и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ граціи, т.-е. слабости, глупости и жеманства».

Въ силу этого предсказанія Писаревъ и Щедрину совѣтуетъ бросить писаніе сатиръ, а заняться популяризированіемъ естественно-научныхъ идей. Мало того, онъ утверждаетъ, что и Добролюбовъ, еслибы былъ живъ, то бросилъ бы писаніе критико-публицистическихъ статей, а занялся бы естественно-научными компиляціями и переводами.

Правда, онъ дѣлаетъ нѣкоторую оговорку для поэтовъ: «теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: недурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ, этотъ шагъ сдѣлается самъ собою, и можетъ быть онъ уже наполовину сдѣланъ; разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ ригоризмомъ: если въ самомъ дѣлѣ, есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не съумѣли бы развить съ надлежащею полнотою и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика съумѣетъ отыскать,

а общество съумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она ни была выражена»... и далѣе онъ говоритъ: «это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей и особенно читательницъ, *все еще сохраняетъ кой-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола*» (см. стр. 203 и 204 т. I).

Изъ этой тирады вы можете ясно видѣть, что дѣло идетъ здѣсь не о прочномъ утвержденіи полезнаго, реальнаго искусства на мѣсто прежняго, отрѣшеннаго отъ жизни, романтическаго,—а только о временной уступкѣ, пока еще не сдѣланъ послѣдній шагъ и пока для нѣкоторыхъ читателей искусство сохраняетъ блѣдные лучи своего ложнаго ореола. Ну, а что́ же будетъ тогда, когда этотъ шагъ будетъ сдѣланъ? Тогда не только всякое искусство будетъ излишне, но и вообще все, что̀ не касается естественно-научныхъ изслѣдованій, популяризированій и переводовъ: такъ напримѣръ, тогда мысль о сближеніи съ народомъ и народномъ образованіи будетъ совершенно праздная мысль.

«Можетъ быть — говоритъ онъ на 207 стр. — мое благоговѣніе передъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть, онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, создаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ, неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ.

«Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди, вмѣстѣ съ тѣмъ, выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты, вопервыхъ, будутъ правильно понимать свою выгоду, а овторыхъ, будутъ находить наслажденіе въ полезной работѣ.

Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ, утверждать, что капиталистъ не человѣкъ, и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ, точно такъ же, какъ сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ».

Здѣсь мало того, что весь прогресъ общества сводится исключительно на распространеніе естествознанія, но прогресъ этотъ представляется совершенно вѣрно съ основной теоріей Писарева въ видѣ индивидуальнаго развитія отдѣльныхъ личностей и простаго размноженія въ обществѣ прогрессивныхъ единицъ. Замѣчательно, что Писаревъ какъ будто чуетъ, что такой взглядъ можетъ показаться слишкомъ идиллическимъ, а между тѣмъ твердо стоитъ на немъ. Какъ и во всѣхъ почти своихъ статьяхъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что какъ ни полезно развитіе естествознанія и какъ ни желательно, чтобы Лопуховыхъ и Рахметовыхъ было какъ можно болѣе въ нашемъ обществѣ, но и то и другое возможно только тогда, когда условія жизни будутъ таковы, что они не будутъ мѣшать ни тому, ни другому. Смѣшно и думать, что одно естествознаніе можетъ создавать Рахметовыхъ повально, а не въ видѣ исключенія, когда условія жизни таковы, что они могутъ создавать повально только Чичиковыхъ и Обломовыхъ. Людей создаютъ не книги, а жизнь со всѣми ея условіями; и еслибы даже естествознаніе само по себѣ могло создавать Рахметовыхъ, то что вы подѣлаете съ вашимъ талисманомъ, если условія жизни будутъ препятствовать на каждомъ шагу распространенію вашего естествознанія?

VIII.

Послѣ анализа цѣлаго ряда статей Писарева, предшествовавшихъ «Мотивамъ русской драмы», намъ становится понятнымъ появленіе этой статьи. Мы видимъ въ ней ту же основную тенденцію, что и во всѣхъ прочихъ; она противорѣчитъ взглядамъ Добролюбова не болѣе, чѣмъ и всѣ другія статьи Писарева. Разница только въ томъ, что въ этой статьѣ противорѣчіе со взглядами Добролюбова сознано Писаревымъ и опредѣленно формулировано.

Если только изъ анализа всѣхъ предшествовавшихъ статей Писарева читатель составилъ ясное и опредѣленное сознаніе о его міровоззрѣніи, въ такомъ случаѣ, онъ пойметъ, что Писаревъ не могъ взглянуть на Катерину «Грозы» Островскаго такъ, какъ взглянулъ на нее Добролюбовъ, и еслибы даже читатель не читалъ «Мотивовъ русской драмы», не имѣлъ о ней никакого ровно понятія, по одному міровоззрѣнію Писарева, онъ можетъ вывести, какъ долженъ былъ Писаревъ взглянуть на Катерину.

Моралисты всякаго рода, которые анализируютъ жизнь не на основаніи живыхъ ея элементовъ, а на основаніи заранѣе составленныхъ отвлеченныхъ идеаловъ или нравственныхъ теорій, вмѣсто истиннаго анализа постоянно занимаются только сортировкою; все, что входитъ въ рамки ихъ теорій, они откладываютъ въ одну сторону, а что не входитъ,—въ другую; что согласуется съ ихъ доктриною, то они одобряютъ;—что не согласуется, то они считаютъ ни на что не годнымъ. При болѣе низкомъ и грубомъ уровнѣ развитія, подобнаго рода сортировка принимаетъ прямо характеръ вопроса: съ человѣческими или песьими головами люди; кто подходитъ подъ узкую доктрину моралиста, тотъ человѣкъ, а если не подходитъ, — тотъ вовсе не человѣкъ, а собака, проклятый язычникъ, бусурманъ. Пуритане XVII вѣка ненавидѣли не пуританъ не за одни политическія стремленія; они ненавидѣли рядомъ съ своими политическими противниками и людей, нисколько не противорѣчащихъ ихъ политическимъ стремленіямъ, если эти люди не подходили подъ условія той пуританской морали, которую проповѣдывали пуритане; для пуританъ, всѣ люди не слѣдующіе правиламъ ихъ моральной доктрины, ходящіе въ театръ, развѣшивающіе картины у себя по стѣнамъ, — были людьми равно безнравственными и никуда негодными.

Хотя Писаревъ, по своему развитію, неизмѣримо выше стоялъ тѣхъ узкихъ моралистовъ, которые во всѣхъ своихъ ближнихъ, не подходящихъ къ ихъ доктринѣ, видятъ непремѣнно безнравственныхъ чудовищъ, однакоже и у него видна та же тенденція считать обладающими песьими головами всѣхъ людей, не подходящихъ къ базаровскому типу. Только у него эта тенденція принимаетъ болѣе мягкія и утонченныя формы. Подобнаго рода сортировка доходитъ у Писарева иногда до того, что онъ къ одному и тому же типу относится двойственно, если замѣчаетъ, что одна сторона типа подходитъ къ Базаровскому идеалу, а другая не подходитъ. Такъ, напримѣръ, отнесся Писаревъ къ Молотову въ статьѣ «Романъ кисейной барышни». Анализируя отношенія Молотова къ Леночкѣ, онъ предполагаетъ, что Базаровъ отнесся бы къ Леночкѣ совершенно иначе, и вслѣдствіе этого до такой степени вооружается на Молотова, что совѣтуетъ читателю плевать ему въ рожу. Но потомъ, усматривая, что Молотовъ устроилъ свою личную жизнь совершенно по базаровскому идеалу отрѣшенія отъ общественной жизни и свободнаго удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей въ своемъ узенькомъ семейномъ уголкѣ, Писаревъ начинаетъ относиться къ Молотову сочувственно, выставляетъ его, какъ представителя мыслящаго пролетаріата, и не замѣчаетъ, какая бездна мѣщанства обнаруживается въ жизни Молотова и какъ скорбитъ Помяловскій въ концѣ романа надъ своимъ героемъ.

Добролюбовъ, какъ писатель чисто-реальной школы, безо всякой предвзятой доктрины, относился къ жизни съ тѣмъ безпри-

страстнымъ анализомъ, какой свойственъ истинному реализму и составляетъ его сущность. Съ этой точки зрѣнія онъ очень хорошо понималъ, что чувствовать на себѣ тяжелый гнётъ самодурства, протестовать противъ него и искать какого бы то ни было выхода могутъ не одни только высокоразвитые люди, Базаровы, а вообще всѣ люди, у которыхъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо обстоятельствъ, природа осталась цѣльною и неиспорченною. Правда, Катерина не могла такъ ясно сознавать своихъ страданій и формулировать ихъ, какъ бы это дѣлала высокоразвитая личность, но это не мѣшало ей чувствовать свои страданія столь же сильно, какъ и послѣдняя. Если человѣкъ неразвитой и темный не знаетъ, что̀ дѣлается у него въ желудкѣ въ то время, какъ онъ чувствуетъ себя голоднымъ, не знаетъ даже о существованіи своего желудка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ чувствовалъ голодъ свой менѣе живо и сильно, чѣмъ человѣкъ развитой и отлично-знающій физіологію. Точно также и всякій живой, неиспорченный человѣкъ, хотя бы онъ былъ и неразвитъ, можетъ гораздо сильнѣе чувствовать на себѣ гнётъ самодурства и менѣе можетъ быть способенъ переносить его, чѣмъ человѣкъ съ высокоразвитымъ умомъ, но помятый, искалеченный жизнію. Добролюбовъ въ этомъ отношеніи очень хорошо понималъ, что не однѣ идеи, не одно развитіе дѣлаютъ людей цѣльными, твердыми, а жизнь со всѣми ея условіями.

«Вотъ сила—говоритъ онъ (284-й стр. «Совр.» 1860 № 10)—до которой доходитъ народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма немногіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. *Онъ чувствовалъ, что жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое, не нося идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неровной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на самопожертвованіе.* Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой, они для нея естественны, необходимы, она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія. Въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ. Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе ея не останавливается; ровное дно—она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились — она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ — льется каскадомъ, запружаютъ ее — она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ, потому что это ей необходимо для выполненія ея естественнаго требованія, — для дальнѣйшаго теченія».

Какъ въ этой тирадѣ, такъ и во всей статьѣ своей Добролюбовъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ взглядамъ на жизнь. Во всѣхъ его статьяхъ одинъ и тотъ же анализъ: съ одной стороны представляется вамъ гнётъ самодурства, растлевающій живыя, свѣжія силы человѣчества, съ другой стороны эти живыя, свѣжія силы, борющіяся противъ гнёта и ищущія выхода. Это исканіе выхода представляется у Добролюбова вовсе не слѣдствіемъ однѣхъ новыхъ идей, одного высшаго развитія; нѣтъ, это такое же естественное явленіе, какъ потребность воздуха, пищи, тепла, свѣта. Человѣкъ, кошка, собака, птица, равно будутъ барахтаться и искать выхода, если вы ихъ запрете въ чуланъ безъ воздуха, растеніе будетъ вѣчно тянуться къ теплу и свѣту, хотя ни кошка, ни собака, ни птица, ни растеніе не будутъ сознавать, къ чему они это дѣлаютъ. Но выходы на свѣтъ и воздухъ изъ затхлой темницы могутъ быть различные: иной выходъ находитъ Кабановъ, иной Варвара, иной Дикой, иной Катерина. Конечно, если мы будемъ сравнивать выходъ Катерины съ прочими выходами со стороны полезности, плодотворности или отрадности, то мы должны будемъ согласиться, что въ выходѣ Катерины столь же мало утѣшительнаго, какъ и въ прочихъ выходахъ. Что же тутъ полезнаго и отраднаго, какъ для всего человѣчества, такъ и для отдѣльной личности, если эта личность, не въ силахъ будучи бороться съ окружающимъ ея зломъ, пуститъ себѣ пулю въ лобъ или бултыхнется въ воду? Но если мы будемъ смотрѣть на различныя явленія жизни не съ одной только точки зрѣнія полезности или безполезности ихъ, какъ смотрѣлъ Писаревъ, думая, что въ этой точкѣ зрѣнія и заключается сущность реализма, а съ истинно-реальной точки зрѣнія, то-есть будемъ разсматривать явленія въ ихъ причинной связи съ тѣми общими условіями жизни, которыя вызываютъ ихъ, тогда мы должны будемъ признать, что есть много такихъ явленій, которыя, при всей своей безполезности, являются незбѣжными, единственно возможными и даже при всей своей безотрадности и ненормальности лучшими явленіями въ ряду другихъ происходящихъ изъ тѣхъ же условій жизни. Съ такой точки зрѣнія выходъ, который избрала Катерина для избавленія отъ гнёта самодурства, при всей его безполезности, представляется намъ, при тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ живутъ дѣйствующія лица «Грозы», напболѣе логичнымъ, чѣмъ всѣ другіе выходы въ духѣ Кабанова, Варвары или Дикаго. Другое дѣло, еслибы Катеринѣ представлялись два выхода: одинъ — въ Волгу, а другой въ полезную и разумную жизнь, и еслибы Катерина предпочла первый послѣднему, она была бы кругомъ безразсудна и даже такого рода дикій выборъ свидѣтельствовалъ бы о явномъ умопомѣшательствѣ съ ея стороны. Но другаго никакого выхода не было для Катерины, и она предпочла быструю смерть медленному задушенію подъ гнётомъ самодурства. Она покончила съ собою такъ, какъ кончаютъ всѣ

чистыя, глубокія, ненадломанныя натуры, когда никакого выхода не представляется имъ въ жизни и когда онѣ не хотятъ въ то же время вертѣться въ неволѣ, какъ бѣлка въ колесѣ и утѣшать себя различными иллюзіями.

Но, можетъ быть, потому собственно и не нашла себѣ никакого иного, болѣе полезнаго и отраднаго выхода Катерина, что она была женщина темная и неразвитая, и Писаревъ, можетъ быть, въ своей статьѣ именно хотѣлъ поставить на видъ то, что подобнаго рода выходы, составляя печальный удѣлъ невѣжества и тьмы, не могутъ вовсе представляться лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ, что будь, напротивъ того, Катерина личностью развитою, тогда она нашла бы иной, болѣе лучшій выходъ: ужь одно то, что узкіе семейные предразсудки въ такомъ случаѣ не составляли бы для нея волшебнаго круга, изъ котораго темная Катерина не видала выхода; она могла бы тогда расторгнуть семейныя узы, которыя тяготѣли надъ нею, избрать себѣ новый путь жизни, согласный съ ея развитіемъ, путь знанія и труда; на этомъ пути она нашла бы цѣлый рядъ жгучихъ наслажденій для себя и принесла бы бездну пользы для окружающихъ ее людей, и только въ такомъ случаѣ она могла бы называться лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ. Да, это самое хотѣлъ доказать Писаревъ въ своей статьѣ:

«Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ—говоритъ онъ на 222-й стр. I т.—не ограничивается этимъ; онъ, кромѣ того, въ бо́льшей или меньшей степени, сознательно или невольно, переработываетъ эту жизнь, и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и развитая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что̀ къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость, — все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ, по крайней мѣрѣ, уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что̀ дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ быть, начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ, такимъ образомъ, обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что̀ они прежде осмѣивали и притѣсняли,—то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что̀ дѣлаютъ въ бо́льшихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ оди-

наковыхъ пріемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта»— не Катеринѣ чета».

Конечно, никто не станетъ спорить съ Писаревымъ, что развитая личность можетъ болѣе разлить вокругъ себя свѣта и принести неизмѣримо болѣе пользы, чѣмъ темная личность Катерины. Но при этомъ Писаревъ, смотря на вещи только съ точки зрѣнія пользы и видя пользу только въ развитости, совершенно опустилъ изъ виду, какъ это онъ и всегда дѣлалъ, иную, болѣе важную точку зрѣнія — это именно вліяніе условій жизни на всю массу людей развитыхъ и неразвитыхъ. Предполагая въ умственномъ развитіи безграничную и безусловную силу, онъ представляетъ намъ въ развитыхъ людяхъ, Базаровыхъ, такихъ гигантовъ, которые и въ водѣ не тонутъ, и въ огнѣ не горятъ. Дѣло другое, еслибы Писаревъ умственное развитіе разумѣлъ въ общемъ смыслѣ развитія цѣлыхъ массъ, всего общества,— тогда дѣйствительно такое развитіе должно явиться безграничною силою, рушащею всѣ преграды; но то же самое умственное развитіе, прилагаемое только къ отдѣльной личности, еще не обусловливаетъ ни силы, ни полезности ея. Тутъ являются на сцену условія жизни, которыя могутъ способствовать развитой личности разливать вокругъ себя свѣтъ и приносить пользу, или же, напротивъ, того, могутъ быть таковы, что въ одинъ прекрасный день она можетъ дойти до убѣжденія, что при всемъ своемъ развитіи она совершенно безполезная и безсильная личность. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только принять въ разсчетъ условія жизни, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ томъ, что при дурныхъ условіяхъ умственное развитіе нисколько не обезпечиваетъ человѣка отъ такого выхода, какой избрала Катерина, и что, слѣдовательно, не одно невѣжество ведетъ къ этому выходу; а съ другой стороны, что при хорошихъ условіяхъ даже Катерина, при всемъ ея невѣжествѣ, можетъ разливать вокругъ себя свѣтъ и приносить пользу вслѣдствіе уже того, что она цѣльная, свѣтлая, здоровая натура. Предположимъ, что Катерина личность развитая и что развитіе ея ни чѣмъ не менѣе развитія писаревскаго Базарова. При такихъ условіяхъ, конечно, ей легче избавиться отъ семейныхъ предразсудковъ, чѣмъ Катеринѣ «Грозы». Но погодите, ей легко это сдѣлать только внутри самое себя, т.-е. умственно отрѣшиться отъ семейныхъ предразсудковъ, не терзаться совѣстью при измѣнѣ дрянному мужу и презирать ворчанья Кабанихи или пересуды глупыхъ сосѣдей. Хорошо это сказать — презирать, а на дѣлѣ ворчанья, а иногда даже и побои свекрови и городскія сплетни — все-таки тяжелы, все-таки отравляютъ жизнь, какъ бы вы тамъ ни старались отрѣшиться отъ нихъ посредствомъ отвлеченныхъ теорій; и чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ, конечно, тяжеле для него выносить побои какой-нибудь выжившей изъ ума старухи и наглыя насмѣшки и подмаргиванья какихъ нибудь тупоумныхъ и полупьяныхъ салопницъ. Да еслибы наконецъ жизнь Катерины въ домѣ мужа

была тиха и безмятежна, какъ въ раю,—что̀ это за жизнь сама по себѣ? Можетъ ли она удовлетворить богатую, развитую натуру? Конечно, единственный выходъ Катерины—уѣхать совершенно изъ роднаго города. Но для того, чтобы уѣхать, необходимо получить отъ мужа увольнительный билетъ. Вотъ вамъ и отвлеченная самостоятельность мысли, о которой Писаревъ говоритъ, что при ней ничего не стоитъ махнуть рукой на всѣ старые предразсудки и начать жить свободною, блаженною жизнію умственнаго труда, разливая вокругъ себя свѣтъ, счастіе и радость. Весь этотъ обольстительный миражъ можетъ разрушиться въ дѣйствительности въ пухъ и прахъ о ничтожный клочекъ бумажки и отъ этого клочка можетъ зависѣть вся жизнь, все счастіе женщины! И сколько развитыхъ, свѣтлыхъ личностей гибнутъ, не имѣя возможности перейти черезъ эту первую преграду, перешагнуть черезъ которую бываетъ возможно въ такомъ только случаѣ, если близкіе люди, держащіе этотъ ключъ въ рукахъ, столь милостивы и благодушны, что отопрутъ эту преграду. Но и въ такомъ случаѣ каково развитой личности самымъ первымъ своимъ шагомъ на свободу чувствовать себя обязанною не самой себѣ, а милости и великодушію тѣхъ людей, съ которыми эта личность расходится и которые дѣлаются иногда ея врагами.

Но предположимъ, что Кабановъ и Кабаниха не стали бы удерживать Катерину и оказали бы ей великодушную милость,—затѣмъ представилось бы другое условіе, — на дорогу необходимо имѣть хоть малое количество денегъ, чтобы доѣхать до какого нибудь знакомаго города, гдѣ бы развитая личность могла бы найти дѣятельность, сообразную своему развитію. Въ романахъ и повѣстяхъ переѣзды такого рода дѣлаются обыкновенно очень легко, словно на коврѣ-самолетѣ. Въ третьей главѣ авторъ описываетъ семейную размолвку, а въ четвертой героиня оказывается уже въ Петербургѣ или Москвѣ и по щучьему велѣнію являются къ ней уроки и переводы, и начинается блаженство самостоятельной, умственной жизни. Въ дѣйствительности же очень часто вся жизнь развитой личности разбивается изъ-за нѣсколькихъ рублей, которые этой развитой личности негдѣ бываетъ достать на первыхъ порахъ, при всемъ умственномъ развитіи. И вотъ вамъ вторая преграда, ключъ отъ которой тоже находится въ рукахъ какихъ нибудь великодушныхъ благодѣтелей (охъ, какъ тяжелы бываютъ для развитой личности эти благодѣтели, хотя бы они являлись и въ видѣ самыхъ задушевныхъ друзей!).

Предположимъ, что и эта вторая преграда была бы пройдена. Пріѣхала бы Катерина не въ какой-нибудь губернскій городъ, даже не въ Москву, а въ Петербургъ, въ этотъ центръ умственной жизни всей Россіи, — въ Петербургъ, гдѣ столько развитыхъ, хорошихъ людей, столько полезныхъ книгъ, гдѣ и уроки, и переводы и мало ли какихъ только нѣтъ занятій, гдѣ, нако-

нецъ, существуетъ женскій вопросъ, лучи котораго расходятся по всѣмъ городамъ Россіи. Первымъ дѣломъ для осуществленія своего стремленія къ самостоятельной жизни Катеринѣ пришлось бы искать труда. Но гдѣ эти женскіе труды, не въ книгахъ и отвлеченныхъ теоріяхъ, а въ живой дѣйствительности? Развѣ общія условія жизни нашей создали такую массу этихъ трудовъ, чтобы хватило ее на всѣхъ работницъ? Развѣ, напротивъ того, эти общія условія жизни не таковы, что они и то скудное количество женскихъ трудовъ, какое имѣется, стараются всячески сократить и, если можно, совсѣмъ уничтожить? Скоро ли найдетъ трудъ Катерина? Не придется ли ей скорѣй помереть съ голоду, чѣмъ найти? Да и какой трудъ можетъ она найти: уроки, переводы, швейное мастерство, повивальное. Или пойдетъ она въ няньки, въ кухарки, въ телеграфистки, въ актрисы? Вотъ и все, что она можетъ имѣть въ виду. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, одинъ изъ этихъ трудовъ можетъ даровать ей такое счастіе, что она не умретъ съ голоду. Мы не будемъ уже говорить о тѣхъ притѣсненіяхъ, униженіяхъ, насмѣшкахъ и всякаго рода двухсмысленныхъ глупыхъ намекахъ, которые ей придется терпѣть ежедневно! Мы обратимъ вниманіе только на тотъ вопросъ: что можетъ доставить труженицѣ бо́льшая часть наличныхъ женскихъ трудовъ, не исключая даже и такихъ, какъ переводы и уроки? Только скудное матеріальное обезпеченіе и успокоеніе совѣсти, что труженица ѣстъ свой хлѣбъ, а не чужой. Ну, а далѣе затѣмъ—гдѣ же эта самостоятельная умственная жизнь, полная наслажденія, гдѣ это разливаніе свѣта вокругъ себя? Проработавъ 10 часовъ надъ какимъ-нибудь каторжнымъ трудомъ, въ которомъ, въ большей части случаевъ, труженица не видитъ никакой иной пользы, кромѣ своего собственнаго обезпеченія,—усталая, утомленная, она будетъ ложиться на свою жесткую постель и засыпать свинцовымъ сномъ, чтобы завтра снова приняться за свой каторжный трудъ, а послѣ-завтра опять то же, а черезъ недѣлю та же жизнь сухая, черствая, монотонная, безъ всякой цѣли впереди, безъ всякаго малѣйшаго теплаго и свѣтлаго луча, который освѣтилъ и согрѣлъ бы ея жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можетъ явиться такой лучъ? Или явится онъ въ видѣ общаго увлеченія какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ? Но развѣ возможно такое увлеченіе при тѣхъ предполагаемыхъ нами условіяхъ жизни, подъ гнётомъ которыхъ всѣ люди идутъ врозь и вмѣсто всякаго увлеченія въ лучшихъ людяхъ является невольный скептицизмъ? Или же найдетъ наша труженица утѣшеніе въ кружкѣ близкихъ друзей? Но и тутъ болѣе вѣрныхъ шансовъ оплакивать потерю однихъ, ежедневно заботиться объ оказаніи помощи другимъ, чѣмъ жить съ друзьями въ наслажденіи умственнаго и нравственнаго общенія. Или, можетъ быть, любовь освѣтитъ жизнь нашей труженицы? Но развѣ любовь можетъ доставить труженицѣ, едва содержащей самое себя, что нибудь, кромѣ новыхъ заботъ, новыхъ страданій, новаго горя? И

что мудренаго, если иная личность, при всемъ своемъ умственномъ развитіи, при всемъ своемъ характерѣ, вмѣсто ожидаемаго счастья въ жизни, вмѣсто предполагаемаго Писаревымъ *облегченія жизни себѣ и другимъ*, въ одинъ прекрасный день увидитъ, что ей не остается въ жизни ничего иного, кромѣ исхода Катерины?

Я вовсе не хочу сказать этимъ, что для развитыхъ личностей только и остается, что одна эта дорога. Напротивъ, наблюдаемые факты жизни показываютъ намъ, что нѣкоторымъ, хотя очень немногимъ труженицамъ, удается устроить свою жизнь на столько сносно, что онѣ и обезпечиваютъ себя и приносятъ пользу ближнимъ. Большинство же другихъ, не особенно заботящихся объ осуществленіи въ своихъ личностяхъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, спасаются тѣмъ, что дѣлаютъ кой-какія уступочки жизни, выходятъ очень выгодно замужъ и опираясь на благодѣтелей мужей, трудятся исподволь по силамъ и стараются приносить пользу, какую могутъ. Я вовсе не намѣренъ обвинять это большинство. Я постоянно ратую противъ того жестокаго взгляда на вещи, который, возлагая на энергію отдѣльнаго человѣка и устройство своего счастія, и осуществленіе высшихъ нравственныхъ идеаловъ, требуетъ, чтобы человѣкъ въ каждую минуту жизни своей стоялъ руки по швамъ и чтобы обстоятельства не могли на него дѣйствовать, хотя бы они представлялись въ видѣ всепоглощающаго океана. Напротивъ того, я говорю и буду продолжать говорить, чтобъ люди бросили напрасныя усилія осуществлять въ своихъ личностяхъ такіе идеалы, осуществленіе которыхъ невозможно при данныхъ условіяхъ жизни, а чтобы они все свое вниманіе устремили на переработку этихъ условій. Въ силу такого взгляда я не только не желаю обвинять, но готовъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя если и пошли по рутинной повидимому дорожкѣ, т.-е. вышли замужъ и живутъ насчетъ мужей, но которыя весь свой досугъ употребляютъ на то, чтобы создать лучшія условія жизни для того, чтобы труженицамъ будущихъ поколѣній ничего не стоило осуществлять высшіе нравственные идеалы, ни сколько объ этомъ не заботясь.

Я хотѣлъ только показать, что не одно невѣжество, не одни карлики и дѣти, какъ выразился Писаревъ, способны на такой выходъ, какой избрала себѣ Катерина. «Вѣчный ребенокъ все терпитъ и все печалится; а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужь такъ хватитъ, что или самого себя или своего собесѣдника уложитъ на мѣстѣ», говоритъ Писаревъ на 225-й страницѣ, предполагая, напротивъ того, что развитые люди неспособны на такіе концы, они не печалятся, не терпятъ: а сіяютъ постоянно восторгомъ своего умственнаго превосходства и разливаютъ вокругъ себя свѣтъ, неуклонно облегчая страданія ближнихъ. На дѣлѣ же выходитъ, что Катерина, еслибы она была личностью развитою, могла бы страдать еще болѣе и

еще энергичнѣе, пожалуй, устремилась бы къ тому же самому исходу. Если, съ другой стороны, мы предположимъ обстоятельства, равно благопріятныя какъ для развитой личности, такъ и для Катерины, то хотя развитая личность и принесла бы болѣе добра, чѣмъ Катерина, то и послѣдняя, при всей ея неразвитости, развивала бы вокругъ себя порядочную долю свѣта; она возбуждала бы въ окружающихъ людяхъ хорошіе инстинкты и помыслы—просто въ силу своей нравственно-чистой, цѣльной, глубокой натуры. Наконецъ такого рода натуры не могутъ оставаться на мѣстѣ и почивать въ сладкомъ снѣ: Катерина непремѣнно рвалась бы къ развитію, свѣту, и увлекала бы другихъ за собою. Среди темныхъ и неразвитыхъ людей мы видимъ иногда появленіе цѣльныхъ, сохранившихся натуръ, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, становятся впереди массы, вліяютъ на нее обаяніемъ своей личности и ведутъ ее за собою. Катерина представляется намъ одной изъ такихъ личностей, и если она не была развита, не занималась естественными науками, не устроивала счастія себѣ, и другимъ, то виною этому были обстоятельства, а сама она все-таки остается лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ.

А. Скабичевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Межъ двухъ огней. *Романъ въ трехъ частяхъ.* М. В. Авдѣева. *С.-Петербургъ. 1869.*

Время, которое предпринялъ г. Авдѣевъ изобразить въ своемъ романѣ, безспорно представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей общественности. Это—всѣмъ памятное время упраздненія крѣпостнаго права, время литературнаго и общественнаго движенія, время всяческихъ заявленій и надеждъ. Трудно выбрать моментъ болѣе драматическій и животрепещущій, и съ этой стороны намъ, конечно, приходится только отдать полную справедливость похвальной чуткости почтеннаго автора. Вспомнимъ, что крестьянская реформа есть исходный пунктъ всѣхъ послѣдующихъ явленій русской жизни, и что ею одной объясняется, напримѣръ, та розпь, та нравственная и умственная смута, которая вслѣдъ за тѣмъ возникла и утвердилась въ нашемъ обществѣ.

Намъ скажутъ, быть можетъ, что крестьянская реформа—явленіе слишкомъ къ намъ близкое, что оно черезчуръ живо затронуло лично каждаго изъ насъ, чтобъ можно было въ настоящую минуту отнестись къ нему совершенно свободно. Повѣствователь-очевидецъ, скажутъ намъ, едва-ли съумѣетъ воздержаться отъ употребленія неумѣренныхъ и густыхъ красокъ для

псовки того или другаго явленія, уже потому одному, что онъ самъ былъ участникомъ во всѣхъ перипетіяхъ драмы, самъ принадлежалъ къ той или другой изъ дѣйствовавшихъ партій, самъ страдалъ, ненавидѣлъ, любилъ. Но какъ ни справедливо это замѣчаніе теоретически, мы, русскіе, можемъ принять его лишь съ значительными ограниченіями. Соглашаясь безусловно, что настоящая наша современность есть не что иное, какъ логическій и необходимый продуктъ современности 1861 года, мы тѣмъ не менѣе были бы очень близоруки, еслибъ пропустили безъ вниманія, что между тою и другою уже легла очень рѣзкая черта, которая круто заканчиваетъ едва начатое и начинаетъ вновь едва законченное. Благодаря этой чертѣ, результаты 1861 года на столько выяснились, что мы можемъ оглянуться назадъ безъ волненія, и безпристрастная оцѣнка побужденій, руководившихъ участвовавшими сторонами, дѣлается доступною даже для тѣхъ изъ насъ, которые были въ самомъ центрѣ недавней лихорадочной дѣятельности.

Движеніе, которое вызвано было крестьянскою реформой, было однимъ изъ тѣхъ внезапныхъ и рѣшительныхъ движеній, которыя сразу обнаруживаютъ правоспособность или неправоспособность страны. Мы не можемъ сказать, чтобъ реформа была встрѣчена нами равнодушно; напротивъ того, она вызвала скорѣе всеобщее и повсюдное ликованіе; но глазъ опытнаго наблюдателя даже въ первыя минуты ликованія могъ замѣтить, что въ этой внезапной восторженности есть что-то непрочное и случайное. Прежде всего поражало, что область восторженности ограничивалась *исключительно* крестьянскою реформой, не захватывая никакихъ другихъ явленій жизни, не допуская никакихъ дальнѣйшихъ развитій и выводовъ. Вовторыхъ, казалось страннымъ, что общество, и непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ, да и въ послѣдующее время, всецѣло предалось гимнамъ и пѣснопѣніямъ, какъ бы забывъ совершенно, что реформа затрогивала очень много такихъ интересовъ, устройство которыхъ требовало совсѣмъ не пѣснопѣній, а спокойной работы мысли, а пожалуй и способности анализировать, возражать и вообще обстаивать свое мнѣніе. Втретьихъ, еще болѣе страннымъ казалось, что вчерашніе несомнѣнные противники реформы сегодня уже находятся въ рядахъ ея ревностныхъ защитниковъ. Вчетвертыхъ, сравнивался вчерашній застой съ сегодняшнимъ движеніемъ, и отсутствіе посредствующаго звѣна между тѣмъ и другимъ не могло не наводить на сомнѣнія. Въ общемъ же результатѣ, движеніе представлялось смутою, тою нравственною и умственною смутою, которая временно вводитъ людей въ заблужденіе на счетъ самихъ себя, на счетъ ихъ собственныхъ надеждъ и стремленій, которая соединяетъ въ одинъ лагерь личности, ни въ чемъ между собой несогласныя, которая поселяетъ рознь и вражду между единомышленниками, которая богата грядущими обличеніями, клеветами, измѣнами и отступничествами.

Чтобы дать понять, до какой степени подобныя минуты въ жизни обществъ бываютъ богаты всякаго рода противорѣчіями, мы считаемъ нелишнимъ указать здѣсь на недавній драму-романъ Жоржъ-Санда «Кадіо». Дѣйствіе этого замѣчательнаго произведенія происходитъ въ Вандеѣ во время извѣстнаго междоусобія (1792 — 1795 г.). На сценѣ съ одной стороны полные энтузіазма республиканцы, съ другой — не менѣе горячіе монархисты; посреди сцены — такъ-называемые эклектики, люди практики, умѣющіе ловить рыбу въ мутной водѣ. Но глубоко ошибется тотъ, который, имѣя дѣло, напримѣръ, съ республиканцемъ, скажетъ себѣ: я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло, знаю, чего этотъ человѣкъ хочетъ, и какъ онъ вслѣдъ за симъ будетъ поступать! — потому что этотъ человѣкъ самъ всего менѣе знаетъ, какой нравственный переломъ совершится съ нимъ въ слѣдующую минуту. Въ этой потрясенной средѣ, въ этомъ полуфантастическомъ мірѣ, нѣтъ ни одного общественнаго агента, который могъ бы считать себя свободнымъ отъ нравственной смуты, который бы каждую новую минуту не вспоминалъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ (а иногда даже съ невольною краскою на лицѣ) о минутѣ только что прошедшей.

Жоржъ-Сандъ, съ мастерствомъ по истинѣ поразительнымъ, съумѣла проникнуть въ самое святилище этой смуты, и воспользоваться тѣми потрясающими положеніями, которыя естественнымъ образомъ изъ нея вытекаютъ. Вы видите передъ собой людей, двигающихся въ какомъ-то чаду, подъ гнётомъ фаталистической силы, людей, идущихъ на угадъ и очень часто приходящихъ совершенно не къ той цѣли, къ которой они стремились. И совсѣмъ не потому, что это были люди неубѣжденные или малодушные, а просто потому, что убѣжденія ихъ на каждомъ шагу подвергаются самымъ непредвидимымъ испытаніямъ, что ихъ самихъ всецѣло заливаетъ жизнь съ ея противорѣчіями, сплетеніями и трудностями. Однимъ словомъ, вы видите даже почти не отдѣльныя личности, а саму живую смуту, которая въ очію проходитъ передъ вами, и въ которой, какъ въ громадномъ муравейникѣ, непроизвольно шевелятся и дышатъ тѣ или другія человѣческія клички. Все это, конечно, можетъ и не измѣнить вашего взгляда на самое событіе и его историческіе результаты, но навѣрно, и значительнымъ образомъ, измѣнитъ ваше отношеніе къ тѣмъ общественнымъ агентамъ, которые участвовали въ событіи, которые измѣняли и вновь возвращались, ненавидѣли и вновь любили.

Нѣчто подобное этой смутѣ, — конечно, въ неизмѣримо-меньшихъ размѣрахъ — происходило и у насъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Все въ эту минуту измѣнилось, какъ бы волшебствомъ: и пропорціи, и формы, и имена. Приниженное вчера — сегодня восходило наверхъ; стоявшее вчера на высотѣ — въ одно мгновенье скрывалось и утопало въ той области безвѣстности и безразличія, изъ которой если, по временамъ,

и выходило вновь наружу, то для того только, чтобы пропѣть въ унисонъ. Индивидуальная истина, которую до тѣхъ поръ каждый самоувѣренно выставлялъ впередъ, перестала быть истиною; она уступила мѣсто съ одной стороны — голословному энтузіазму, съ другой — выжидающему лицемѣрію. Какимъ перипетіямъ могло дать мѣсто подобное запутанное и натянутое положеніе, какую роль могла играть въ этой смутѣ отдѣльная человѣческая личность той или другой партіи, въ чемъ состояли стремленія партій, какъ онѣ уживались и сговаривались другъ съ другомъ; чѣмъ разрѣшались эти стремленія, какъ произошло изъ нихъ то, что произошло — вотъ, безъ сомнѣнія, задачи, достойныя талантливѣйшаго наблюдателя общественной жизни, и въ то же время могущія дать матеріалъ для изслѣдованія нетолько интереснаго, но и глубоко-поучительнаго.

Но покамѣсть, мы можемъ сказать, что эпоха 1861—1863 годовъ еще ждетъ своего бытописателя, и что до сихъ поръ для разъясненія ея русская литература не сдѣлала ровно ничего. Повторяемъ: мы отдаемъ полную справедливость намѣреніямъ г. Авдѣева и его чуткости въ выборѣ предметовъ для своихъ беллетристическихъ трудовъ, но этимъ и должна ограничиться наша похвала его новому произведенію. Скажемъ болѣе: на этотъ разъ даже обычная чуткость измѣнила почтенному автору, такъ-какъ онъ отнесся къ интересному времени до крайности безцвѣтно и вяло, и воспользовался имъ исключительно въ качествѣ рамки, которую и наполнилъ довольно блѣдною и пеновою фабулой.

Значеніе г. Авдѣева въ русской беллетристикѣ нельзя назвать особенно сильнымъ. Никто (а тѣмъ менѣе, мы), конечно, не рѣшался отказать ему въ талантѣ, да и нельзя этого сдѣлать безъ явной несправедливости, но въ то же время очень немногіе считали нужнымъ останавливаться на его произведеніяхъ и пристально вглядываться въ нихъ. Оказывалось, что все, что въ нихъ повѣствуется, уже было когда-то и гдѣ-то написано, и что это когда-то и гдѣ-то написанное было и полнѣе выражено, и образнѣе нарисовано, нежели у г. Авдѣева. Чисто подражательныя свойства таланта автора помогали ему увлечься общимъ мотивомъ и колоритомъ того или другаго образца, но въ то же время препятствовали усвоить этотъ мотивъ въ такой степени, чтобъ онъ могъ претвориться въ живой образъ, или, лучше сказать, въ то многоразличіе живыхъ образовъ, которое такъ или иначе сгруппировывается около основной идеи произведенія. Ничто такъ легко не поддается подражанію, какъ общіе мотивы, и ничто такъ легко не ускользаетъ отъ художественныхъ повтореній (за исключеніемъ, разумѣется, случаевъ явной литературной экспропріаціи, въ чемъ мы считаемъ даже невозможнымъ упрекнуть г. Авдѣева), какъ образцы. Въ произведеніяхъ автора «Межъ двухъ огней» читатель на первомъ планѣ находитъ именно колоритъ; что же касается до дѣйствующихъ лицъ, то они кажутся только случайнымъ придаткомъ, неимѣющимъ

даже на столько опредѣленныхъ красокъ, чтобы на немъ могло остановиться вниманіе читателя. Колоритъ, навѣянный г. Авдѣеву образцомъ, почти всегда неизъятъ извѣстнаго поэтическаго элемента, который и дѣлаетъ его привлекательнымъ; напротивъ того, лица блѣдны неясны, и до такой степени другъ на друга похожи, что со стороны читателя требуется не мало усилій, чтобъ запомнить, что такое-то слово сказано именно тѣмъ, а не другимъ изъ участвующихъ въ драмѣ лицъ.

Всякому, кому привелось читать «Вареньку», «Тамарина» и пр., непремѣнно приходилъ на память «Герой нашего времени» Лермонтова. Но ежели всякій и теперь помнитъ и Печорина, и Максима Максимыча, и Грушницкаго, и Бэлу, и княжну Мери, то, конечно, никто не помнитъ, кто были дѣйствующими лицами въ «Тамаринѣ» или «Варенькѣ». Читатель, нѣтъ спора, и теперь можетъ сказать, что впечатлѣніе, вынесенное имъ когда-то изъ чтенія, напримѣръ, «Вареньки», было впечатлѣніе пріятное, но и только. Это пріятное впечатлѣніе было впечатлѣніемъ общаго колорита повѣсти, въ которомъ не принялъ участія ни одинъ живой образъ, а потому оно и осталось впечатлѣніемъ смутнымъ. Давно ли печатался и производилъ очень хорошее впечатлѣніе «Подводный камень», а между тѣмъ, едвали найдется много изъ недавнихъ современниковъ этого произведенія, которые сохранили объ немъ ясное представленіе, тогда какъ произведенія Тургенева, отъ которыхъ «Подводный камень» позаимствовался колоритомъ, и до сихъ поръ у всѣхъ въ памяти.

Новый романъ г. Авдѣева, заглавіе котораго выписано нами выше, къ сожалѣнію, слабѣе прежнихъ произведеній того же писателя. Въ немъ, какъ и въ «Подводномъ камнѣ», онъ остается вѣренъ тургеневской манерѣ, но знакомая читателю воспріимчивость автора уже въ значительной степени подрывается вялостью, которая такимъ образомъ и становится характеристическою чертою романа. Отсутствіе меткихъ чертъ въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, безцвѣтность языка, слабость и случайность вымысла — вотъ качества, которыя дѣлаютъ чтеніе этого произведенія дѣломъ весьма нелегкимъ и удовольствія не доставляющимъ. Авторъ, какъ сказано выше, былъ у самого источника интереснѣйшихъ общественныхъ комплікацій и не воспользовался ничѣмъ изъ богатаго матеріала, который находился у него подъ руками.

Дѣйствіе романа происходитъ въ губернскомъ городѣ Велико-Ѳедорскѣ, сначала въ самый разгаръ толковъ объ ожидаемой крестьянской реформѣ, потомъ — во время осуществленія реформы. Герой, нѣкто Камышлинцевъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ праздношатающихся русскихъ людей, которые со временъ «Евгенія Онѣгина» не перестаютъ пользоваться сочувствіемъ нашихъ беллетристовъ. Камышлинцевъ ни къ чему не могъ себя пристроить: ни къ наукѣ, ни къ государственной службѣ, ни къ дѣятельности

по выборамъ почтеннѣйшаго дворянства. По справедливому выраженію г. Авдѣева, онъ могъ себя назвать «помѣщикомъ неудѣлъ, т.-е. помѣщикомъ, незанимающимся ни собаками, ни хозяйствомъ и незнающимъ, что изъ себя дѣлать». Сверхъ того,— и по мнѣнію автора это обстоятельство смягчающее — Камышлинцевъ постоянно находился въ ожиданіи «большаго дѣла» и «большой любви», для чего рѣшился даже остаться холостякомъ. И вотъ этотъ-то человѣкъ, слонявшійся всю жизнь праздно, учившійся чему нибудь и какъ нибудь, и вслѣдствіе того не находящій себѣ нигдѣ пріюта; этотъ непомнящій родства бродяга, изнывающій въ ожиданіи «большой любви», вдругъ догадывается, что, наконецъ, наступилъ и на его улицѣ праздникъ, и что вдали показался пріютъ, въ которомъ онъ можетъ отдохнуть отъ подвиговъ праздношатанія. Что же это за пріютъ? спросите вы, читатель. Увы! это крестьянская реформа, это то великое дѣло, которое дало жизнь столь малымъ людямъ, и пріютило въ нѣдрахъ своихъ столько калѣкъ и чающихъ движенія воды! Стало быть, сильна была наша праздношатательная самонадѣянность, коли мы, всю жизнь употребивъ на то, чтобы куда нибудь преклонить голову, и не найдя нигдѣ мѣста для этого пустаго и безполезнаго сосуда, вдругъ встрепенулись при мысли о возможности устроиться съ этимъ хламомъ... гдѣ?—въ вопросѣ объ освобожденіи десятковъ милліоновъ людей!

Типъ подобнаго гулящаго русскаго человѣка, безъ сомнѣнія, не новый; но и завсѣмъ тѣмъ, онъ такъ для всѣхъ памятенъ и полонъ такой недавней дѣйствительности, что основать на немъ повѣсть или романъ — предпріятіе далеко не безъинтересное. Люди подобнаго закала принадлежатъ къ тому безчисленному легіону, члены котораго, руководствуясь пословицей: «не боги горшки обжигаютъ», охотно принимаютъ всякое дѣло за глиняный горшокъ, и приступаютъ къ орудованію не столько съ размышленіемъ, сколько съ дерзновеніемъ. Что можетъ надѣлать такой господинъ, сколько онъ можетъ намѣсить пироговъ изъ грязи, благодаря своему дерзновенію — это предметъ не только любопытный, но и поучительный, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ безтолковыя вожделѣнія отражаются не исключительно на самомъ безтолковомъ дѣятелѣ (который нерѣдко за это даже хорошее жалованье получаетъ), но и на цѣлой средѣ. Однакожь, г. Авдѣевъ взглянулъ на своего героя совсѣмъ другими глазами. По какому-то необъяснимому недоразумѣнію, почтенный авторъ нашелъ, что у этого гулящаго, пошлаго человѣка есть хорошія дрожжи и хорошій живчикъ.

«У всякаго человѣка есть свои дрожжи и свой живчикъ», прибавляетъ авторъ, и хотя нигдѣ не даетъ удовлетворительнаго объясненія, что собственно означаетъ загадочный живчикъ, однако не затрудняется пустить своего героя на поиски какого-то «большаго дѣла» и какой-то «большой любви», вооруживъ его одною этою легкою и загадочною ношею. Этого «живчика»,

въ соединеніи съ двумя громкими, но, къ сожалѣнію, совершенно безсодержательными словами («большое дѣло», «большая любовь»), кажется автору совершенно достаточно, чтобы взглянуть на Камышлинцева не только снисходительно, какъ на ребенка, подающаго раннимъ лепетаніемъ нѣкоторыя надежды, но и серьёзно, какъ смотрятъ на личность недюжинную и стоящую цѣлой головой выше окружающей среды. Посмотримъ же, прежде всего, что̀ это за «большое дѣло», къ которому стремится Камышлинцевъ, а потомъ поразскажемъ кой-что и о его «большой любви».

Самъ Камышлинцевъ ни однимъ словомъ не проговаривается объ «дѣлѣ». Напротивъ того, изъ всего, что̀ объ немъ узнаетъ читатель, видно, что онъ никогда никакого дѣла не видалъ въ глаза и даже потребности въ немъ не сознавалъ; что онъ только «присматривался», но ни къ чему присмотрѣться не могъ, то-есть ни къ наукѣ, ни къ службѣ и ни къ какому другому труду. Онъ самъ, на вопросъ одного изъ братьевъ Мытищевыхъ (братья Кирсановы! откликнитесь! гдѣ вы?), адресованный уже въ то время, когда крестьянская реформа окончательно была рѣшена, что̀ онъ намѣревается дѣлать? — отвѣчаетъ: «да самъ не знаю; хочется работать, да не могу придумать». Стало быть, до самой послѣдней минуты, этотъ герой представляется намъ человѣкомъ, нетолько не имѣющимъ никакого міросозерцанія (безъ чего немыслимо никакое «дѣло»), но положительно самымъ простымъ искателемъ приключеній, который старается наткнуться на дѣло, вовсе не помышляя о томъ, въ чемъ будетъ оно заключаться: въ томъ ли, чтобы создавать, разъяснять и ограждать возникающія народныя права, или въ томъ, чтобы мѣсить изъ грязи пироги.

Тѣмъ не менѣе, дѣло возникаетъ, но оно приходитъ извнѣ, приходитъ сюрпризомъ. Ни Камышлинцевъ, ни другіе подобные ему искатели приключеній ничего не сдѣлали ни для того, чтобъ ускорить, ни для того, чтобъ отдалить появленіе его на сценѣ русской жизни. Но для скромныхъ нахаловъ подобнаго закала соображенія такого рода препятствіемъ служить не могутъ. Ни къ чему не приготовленные, ни о чемъ не думавшіе, они не задаютъ себѣ вопроса, какого же рода можетъ быть ихъ участіе въ предполагаемомъ дѣлѣ, но, безъ всякихъ разсужденій, вылѣзаютъ изъ всѣхъ норъ, чтобы положить и свою скудную лепту на алтарь отечества. И вотъ, вмѣстѣ съ толпою прочихъ цивилизованныхъ бродягъ, спѣшитъ изъ-заграницы и Камышлинцевъ, спѣшитъ затѣмъ, чтобы и для своего безполезнаго сосуда найти гдѣ-нибудь временной пріютъ. Но пріѣхавши въ Россію, онъ убѣждается, что все, что̀ ни проходитъ передъ его глазами, представляетъ собой тотъ же дремучій лѣсъ, какимъ были до сихъ поръ и прочія явленія жизни, къ которымъ онъ думалъ приурочиться. Онъ начинаетъ вновь «присматриваться», то-есть продолжаетъ ту же самую безконечную и безрезультатную игру,

которой предавался и доселѣ, и предметомъ своихъ «присматриваній» избираетъ русскаго, меньшаго брата. Исторія сближеній Камышлинцева съ меньшимъ братомъ (по поводу какой-то гулящей полянки, которая принадлежитъ герою романа, и которую крестьяне желаютъ взять въ кортому) описана авторомъ до того наивно, что одно это описаніе вполнѣ выдаетъ міросозерцаніе, разлитое въ новомъ произведеніи г. Авдѣева. Представьте себѣ, съ одной стороны, премудраго кадета, который съ дѣтскою разсудительностью рѣшилъ, что отношенія тогда только бываютъ прочны, когда они основаны на разсчетѣ, и который, вслѣдствіе того, по поводу выторговываемыхъ крестьянами за полянку тридцати рублей, являетъ непоколебимую стойкость души; съ другой же стороны, представьте стадо не то меньшихъ братій, не то человѣкообразныхъ, которые изъ-за тѣхъ же тридцати рублей нетолько рѣшаются на всевозможныя лукавства и колѣнопреклоненія, но и сами себя готовы проклять въ пресподнюю — и вы будете имѣть поверхностное понятіе о томъ, что̀ означаютъ, такъ-называемыя, «присматриванья» Камышлинцева. Борьба ужасная и для кадетской стойкости весьма рѣшительная, но, къ счастію, дѣйствіе, которое она производитъ на читателя, отнюдь не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ почтеннаго автора. Читатель припоминаетъ, сколько было на его памяти совершено геройствъ изъ-за полтинника, и, соображая малую цѣнность этой монеты, безъ труда приходитъ къ заключенію, что здѣсь именемъ геройства украшается едва-ли не очень обыденная кадетская пошлость...

Сказаннаго выше, кажется, очень достаточно, чтобы опредѣлить личность Камышлинцева и степень его участія въ дѣлѣ, къ которому, по собственному сознанію, онъ чувствуетъ себя совершенно неприготовленнымъ. И дѣйствительно, какъ ни усиливается г. Авдѣевъ сообщить дѣятельности своего героя характеръ борьбы за убѣжденія, факты, которые имъ представляются въ подтвержденіе этой мысли, свидѣтельствуютъ, что тутъ совсѣмъ нѣтъ борьбы, а есть неумѣстное и очень незлое поддразниваніе со стороны человѣка, стоящаго отнюдь не на высшемъ уровнѣ, нежели тѣ, которые обрѣтаются, въ такъ-называемомъ, враждебномъ лагерѣ, но находящаго для себя выгоднымъ временно побудировать. Самая горячность, съ которою Камышлинцевъ и ему подобные бросились на защиту подробностей и частностей, уже доказываетъ, что они не поняли ни общаго смысла дѣла, ни тѣхъ выводовъ, которыми оно такъ богато. Отъ вниманія ихъ ускользнуло, что реформа отнюдь не ограничивалась освобожденіемъ Петра и Ивана, но въ то же время освобождала всю русскую жизнь, полагая для нея новыя и болѣе широкія основанія. Растративъ на первыхъ же порахъ слабый запасъ своихъ силъ на мелочи, эти люди оказались и несостоятельными, и безсильными, и трусливыми, какъ только жизнь представила нѣчто болѣе, нежели угнетенныхъ Петровъ и Ивановъ. Что же мудре-

наго, что изъ всей совокупности поддразниваній ничего иного не вышло, кромѣ водевиля, въ концѣ котораго дразнители были съ позоромъ выгнаны со сцены?

Такимъ образомъ оказывается, что «большое дѣло», предчувствіемъ котораго томилась душа Камышлинцева, если и имѣетъ право на названіе «большаго», то потому только, что предметъ его составляетъ наполненіе той дѣйствительно безграничной бездны, которая называется праздностью. И напрасно почтенный авторъ будетъ доказывать, что дѣятельность его героя все-таки не была безслѣдною; напрасно онъ будетъ утверждать, что около Камышлинцева группировались партизаны, что противъ него составлялись комплоты, что онъ — о, чудо! — пріобрѣлъ популярность даже въ той низменной средѣ, которая, по всѣмъ соображеніямъ, можетъ всего менѣе сочувствовать безсознательной дѣятельности. Все это очень возможно, отвѣтимъ мы ему, но все это доказываетъ только то, что міръ странностей, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ люди, подобные Камышлинцеву, достаточно обширенъ, чтобы вмѣстить въ себѣ нетолько дѣятелей, не понимающихъ, что они дѣлаютъ, но даже цѣлую среду, которая спокойно терпитъ давленіе безсознательной дѣятельности и даже умѣетъ проникаться, по поводу ея, чувствомъ благодарности. Одна изъ характеристическихъ особенностей той фантастической сферы, которой касается разбираемый нами романъ, именно въ томъ и состоитъ, что тутъ никто не знаетъ, чего онъ хочетъ, объ чемъ думаетъ и къ чему стремится.

Таково пресловутое «большое дѣло». Посмотримъ теперь, какова та «большая любовь», на которую не безъ ударенія намекаетъ Камышлинцевъ въ началѣ романа.

Любовь является совершенно внезапно. Предметъ ея — Ольга Мытищева, жена декабриста, возвращеннаго изъ ссылки въ нынѣшнее царствованіе; это хорошенькая женщина, одна изъ тѣхъ провинціальныхъ шикарныхъ барынь, которыя особенно падки до интимно-скоромныхъ разговоровъ. Ища «большой любви», Камышлинцевъ такъ же случайно наталкивается на Ольгу Мытищеву, какъ случайно наталкивается онъ и на крестьянскую реформу, ища «большаго дѣла», т.-е. безъ малѣйшаго участія сознанія, а только потому, что у Ольги, какъ выражается г. Боборыкинъ, есть «перси». «Время шло (и очень короткое время, замѣтимъ мы отъ себя), говоритъ авторъ, люди жили, ихъ чувства жили и развивались, а извѣстно, какое направленіе принимаютъ они, когда молодые мужчина и женщина, ничѣмъ особенно незанятые, часто видятся, да еще иногда и наединѣ!» Просто до безобразія. «А извѣстно какое направленіе» — въ этихъ словахъ открывается вся исторія «большой любви» Камышлинцева и въ то же время рекомендуется довольно пошлая теорія отношеній мужчины къ женщинѣ. Но такъ-какъ теорія эта слишкомъ достаточно говоритъ сама за себя, то мы и не остановимся на ней, а будемъ продолжать нашъ разсказъ о любви Камышлинцева. Дѣй-

ствительно, чувства его развивались быстро, и вотъ въ одно прекрасное послѣ-обѣда, когда Мытищевъ ушелъ спать, они приняли уже совсѣмъ то направленіе, которое г. Авдѣевъ предполагаетъ неизбѣжнымъ. Мы вообще неохотно дѣлаемъ выписки изъ разбираемыхъ нами авторовъ, но для того, чтобы читатель могъ съ надлежащею ясностью представить себѣ, какіе бываютъ признаки «большой любви», считаемъ нелишнимъ выписать здѣсь одну сцену.

«Когда они очнулись и Мытищева, оправляя волосы, отодвинулась отъ Камышлинцева и рѣшилась взглянуть на него, ея разгорѣвшееся лицо дышало такой нѣжной, стыдливой и полной любовью, — ея каріе глаза глядѣли такъ ласково, что Камышлинцеву было видно до самаго дна все ея нѣжное, горячее чувство, и, исполненный глубокой любви и благодарности, онъ снова припалъ къ ея рукѣ.

«Вскорѣ пришли мужъ и деверь, пріѣхала Барсукова, за которой еще утромъ посылала Мытищева, подали самоваръ на террасу и хозяйка, попрежнему милая, но еще болѣе веселая и одушевленная, какъ ни въ чемъ не бывало разливала чай. Только нѣжный румянецъ ея лица былъ живѣе и глаза стали темнѣе и вмѣстѣ блестящее. Но Камышлинцевъ былъ разсѣянъ, точно передъ нимъ все рисовалась какая-то другая картина и онъ не могъ оторваться отъ нея. Никто, впрочемъ, не замѣтилъ какой либо перемѣны въ отношеніяхъ молодой пары. Только старикъ Василій Сергѣевичъ, всклоченный заспанный, принимая отъ золовки стаканъ, поглядѣлъ на нее и сказалъ: «что это, Ольга, ты сегодня нестерпимо хороша?»

«Вниманіе всѣхъ обратилось на Мытищеву.

«Мужъ съ улыбкой и любовью поглядѣлъ на жену, Барсукова взглянула какъ-бы спроста, но внимательно, а Камышлинцевъ уткнулся въ стаканъ. Ольга вспыхнула нѣсколько и сказала:

«— Смотрите, старый, я Агафьѣ пожалуюсь!

«Агафья была шестидесяти-лѣтняя ключница, которая завѣдывала его хозяйствомъ.

«— Агафьѣ! а на тебя кому жаловаться? спросилъ старикъ, насмѣшливо поглядывая на нее изъ-подъ густыхъ бровей своими еще быстрыми, но старческими съ красноватыми жилками глазами.

«Вмѣсто отвѣта, Мытищева жестомъ Рашели подняла указательный палецъ къ небу.

«— Ну, это слишкомъ высоко! проворчалъ старикъ».

Сцена эта очень характеристична, ибо показываетъ, какъ близко иногда граничитъ малая бездѣлица съ милымъ бездѣльничествомъ, именуемымъ, для красоты слога, «большою любовью». Люди совершаютъ такъ-называемый «рѣшительный шагъ», и вслѣдъ за тѣмъ столь же спокойно впадаютъ въ обычное вседневное теченіе жизни, какъ будто бы ничего и не случилось. Она — оправляетъ прическу и разливаетъ чай, онъ — немножко разсѣянъ, — и только! Ни тому, ни другой не приходитъ на мысль, что есть еще третье лицо, которое на счетъ «рѣшительнаго шага» можетъ имѣть понятія, допустимъ, и неправильныя, но все же достаточно окрѣпшія, чтобъ можно было свободно ихъ обойти. И этотъ третій—не шалопай какой-нибудь, а человѣкъ, котораго авторъ рекомендуетъ какъ образецъ честности, нѣжной

чувствительности, добродушія и довѣрчивости (Кирсановъ младшій). Какъ примѣнить это половое легкомысліе съ представленіемъ о «большой любви»? Не приличнѣе ли, напротивъ, употребить тутъ болѣе подходящее названіе péché mignon? Почему, спрашивается, эти два существа разнаго пола сошлись другъ съ другомъ? Участвовала ли тутъ страсть, положимъ неразумная и несправедливая, но тѣмъ не менѣе всецѣло порабощающая человѣка?—нѣтъ, не участвовала, потому что главнымъ мотивомъ сближенія было бездѣлье и взаимное самораздраженіе съ помощью интимныхъ разговоровъ. Участвовало ли разумное сознаніе о сходствѣ понятій, характеровъ, о томъ, что эта непрерывающаяся симпатія ничѣмъ инымъ и разрѣшиться не можетъ, кромѣ полнаго сближенія?—нѣтъ, и этого участія не было. Люди сближаются потому только, что «имъ часто приходилось видѣться наединѣ», и потому, что они принадлежатъ къ разнымъ поламъ. Къ этому опредѣленію невозможно прибавить ни одного слова—къ чему же тутъ «большая любовь»? Не проще ли было охарактеризовать это явленіе, сказавши, что въ такой-то день и въ такомъ-то городѣ, въ постели такого-то (имя рекъ) поселился лишній паразитъ? Но въ такомъ случаѣ, стоило ли такъ громко публиковать о столь негромкомъ происшествіи?

На сколько мизерно и безсознательно началась «большая любовь» Камышлинцева, на столько же мизерна и безсознательно она и кончилась. Кончилась она въ ту самую минуту, когда началось «большое дѣло», о которомъ мы объяснили выше. Ольга не понимала и не могла понять (да и кто же бы на ея мѣстѣ понялъ?), что на свѣтѣ есть какое-то «большое дѣло»; она видѣла, что въ глазахъ ея безпрерывно мелькаютъ какіе-то Петрушки и Ѳеньки, въ которыхъ Камышлинцевъ почему-то считаетъ своимъ долгомъ принимать участье и которые, очевидно, отвлекаютъ его отъ прямыхъ обязанностей, налагаемыхъ «большою любовью». Естественно, что она возроптала, и вотъ начинается рядъ такъ-называемыхъ недоразумѣній, въ которыхъ для одной стороны поправкой является флигель-адъютантъ Гогенфельдъ, для другой стороны—молодая, слегка эмансипированная дѣвица, Анюта Барсукова.

Эта послѣдняя плѣняетъ Камышлинцева своею разсудительностью, дѣльностью и основательными замѣчаніями о женскомъ трудѣ. Камышлинцевъ одумывается, и начинаетъ понимать, чего ему нужно. Онъ убѣждается, что всѣ человѣческія бѣдствія происходятъ оттого, что большая любовь мѣшаетъ большому дѣлу. Но нужно ли разсказывать еще исторію и этой второй большой любви?—полагаемъ, что это будетъ совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что и всего сказаннаго нами выше уже достаточно, чтобы убѣдить читателя, какого рода характеръ предъявляетъ г. Авдѣевъ читателю, въ лицѣ Камышлинцева, какъ характеръ серьёзный, отъ котораго, пожалуй, позволительно ожидать чуть-чуть не обновленія отечества, и который потому только прохо-

дить безслѣдно, что окружающая среда не въ силахъ понять и оцѣнить его.

Мы могли бы, кромѣ того, сообщить читателю нѣкоторыя небезинтересныя подробности и о прочихъ дѣйствующихъ лицахъ романа, но рецензія наша и безъ того вышла неумѣренно длинна. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь окончаніе сцены, изображающей моментъ, въ который Мытищевъ узнаетъ объ измѣнѣ жены и освобождаетъ ее отъ обязательныхъ отношеній къ себѣ.

«— Я знаю, продолжалъ Мытищевъ, что надо-мной будутъ подсмѣиваться. Но я презираю эти дразги и съумѣю стать выше ихъ. И вы должны мнѣ помочь, сказалъ онъ строго. — Вы должны поднять головы высоко и смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза. Слышишь, Ольга! Если я не виню тебя, то тебѣ нечего бояться свѣта: ему нѣтъ дѣла до нашихъ семейныхъ отношеній!...

«Онъ прошелся нѣсколько разъ молча.

«— Я перемѣню квартиру и вы должны жить съ нами, сказалъ онъ Камышлипцеву. — Сегодня у насъ будутъ обѣдать нѣсколько человѣкъ; вы должны тоже быть. Постарайся оправиться, Ольга, и чтобы все было какъ обыкновенно. На насъ будутъ смотрѣть, и я не хочу никому доставить удовольствія радоваться моему несчастію.

«При словѣ «несчастіе» ему припомнилось все, что онъ терялъ и что съ нимъ случилось: одушевленіе, въ которомъ онъ себя поддерживалъ, разступилось, и голая грозная правда пробилась наружу. Голосъ дрогнулъ у Мытищева и онъ готовъ былъ разрыдаться, но сдержалъ себя и вышелъ, по прежнему печальный, твердый и нѣсколько торжественный. Римскіе герои, какъ изображаютъ ихъ легенды и старые учебники, должны были такъ удаляться съ трибуны послѣ своихъ рѣчей».

Неправдали, что неожиданнѣе этого сравненія съ «римскимъ героемъ» трудно даже придумать.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго. *Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Москва. 1869 г.*

Между поэтами, такъ называемаго, «пушкинскаго періода» есть многіе (напримѣръ, Козловъ, Подолинскій и др.), которые читались охотно въ свое время, производили даже фуроръ въ публикѣ своими стихотвореніями, вызывали массу цѣнителей и почитателей, но которые теперь, спустя 3—4 десятка лѣтъ, сдѣлались достояніемъ однихъ только любителей россійской литературы. Ихъ мелодическіе стихи, нѣкогда съ восторгомъ произносимые и заучиваемые наизусть толпою молодежи обоего пола, не вылетаютъ изъ устъ современнаго читателя; ихъ жалобы и сѣтованія на судьбу въ байроническомъ стилѣ, прежде встрѣчаемыя всеобщимъ сочувствіемъ, нынѣ извѣстны даже немногимъ и, если придутъ случайно въ голову, то вызываютъ только лѣнивую усмѣшку и небрежное осужденіе. Кто помнитъ, напримѣръ, страданія чернеца? Кто заливается слезами при чтеніи «Вечерняго звона» и кто слыхалъ, наконецъ, о похожденіяхъ Борскаго — героя одной, очень извѣстной въ свое время, поэмы По-

долинскаго? Все это давнымъ давно кануло въ Лету. Но между писателями-сверстниками Пушкина есть личности, которыя не пользовались при жизни восторженной любовью и популярностью, но произведенія которыхъ донынѣ сохраняютъ долю интереса, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ въ развитіи ихъ авторовъ и оригинальной складкѣ ихъ талантовъ. Сюда можно отнести Веневитинова, представителя философскаго направленія, вырабатывавшагося въ извѣстной части русской молодежи, и Баратынскаго — одного изъ самыхъ развитыхъ и образованныхъ людей собственно пушкинскаго кружка. Стихотворенія Баратынскаго, появляясь въ модныхъ журналахъ и альманахахъ, рядомъ съ произведеніями любимѣйшихъ авторовъ, обращали на себя вниманіе публики и заставляли задумываться немногихъ мыслящихъ людей; свѣтскіе альбомы часто «украшались его перомъ» (употребляемъ выраженіе Пушкина); но вообще говоря, онъ никогда не принадлежалъ къ числу баловней общественнаго вкуса и мнѣнія. Этому мѣшала нѣкоторая холодность его мысли и отвлеченность его вдохновеній. Онъ самъ сказалъ о себѣ съ замѣчательной правдивостью:

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица *необщимъ* выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Почтитъ ее небрежной похвалой.

По нашему мнѣнію, Баратынскаго стоило издать, но ужь во всякомъ случаѣ не такъ, какъ сдѣлали эти неизвѣстные московскіе издатели. Вопервыхъ, при такихъ изданіяхъ, обязательна статья біографически-критическаго содержанія; къ этому уже пріучили публику всѣ изданія, выходившія въ послѣднее время. Но это существенное требованіе осталось невыполненнымъ. Правда, издатели помѣстили «Матеріалы для біографіи Баратынскаго» (всего пять страничекъ), но изъ этихъ жалкихъ матеріаловъ, сшитыхъ на живую нитку, мы не узнаемъ ничего интереснаго ни о жизни, ни о постепенномъ развитіи таланта Баратынскаго, — тогда какъ автору «матеріаловъ» стоило только обратиться къ тутъ же напечатаннымъ письмамъ Евгенія Абрамовича, чтобы изъ нихъ почерпнуть много существенныхъ чертъ для обрисовки его характера. Взамѣнъ біографіи и критической статьи, издатели не поскупились угостить публику десятками страницъ различныхъ варіантовъ къ стихотвореніямъ Баратынскаго. Этой роскоши (понятной при изданіи только первостепеннаго,

классическаго писателя) вовсе не требовалось въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что и измѣненія-то эти зачастую лишены всякаго интереса. Такъ, напримѣръ, въ текстѣ стиховъ напечатано:
Свои стихи То—въ пиитъ,
а въ варіантѣ читаемъ: Свои стихи Дранцовъ пиитъ...
Въ текстѣ напечатано: Вездѣ бранитъ Клеонъ,
а въ варіантѣ находимъ: Поэтъ Глупонъ.

Все это назидательно развѣ только для г. Лонгинова. Въ заключеніе нашихъ краткихъ замѣтокъ объ изданіи скажемъ, что оно до крайности небрежно въ корректурномъ отношеніи.

О самомъ Баратынскомъ, т.-е. о его жизни и литературной дѣятельности, въ связи съ временемъ, въ которое жилъ онъ, мы намѣрены поговорить въ особой статьѣ.

Женскій трудъ *въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Очерки 600 ремеслъ и занятій. Составилъ* А. Дауль. *Часть первая. Переведено подъ редакціею* П. Н. Ткачева. *Съ приложеніемъ статьи* П. Н. Ткачева: *Женскій вопросъ. Спб. Изданіе* Трубниковой и Стасовой. *1869.*

Одна изъ представительницъ американскихъ женщинъ-работницъ, г-жа Виргинія Пенни, издала въ 1863 г. въ Бостонѣ книгу подъ заглавіемъ «Кругъ женскихъ занятій» (The Employement of Women), книгу, вызвавшую всеобщее одобреніе. Г-жа Виргинія Пенни, въ этой книгѣ, вовсе не задается цѣлью разсматривать вопросъ о равноправности женщинъ съ теоретической точки зрѣнія и изыскивать тѣ соціальныя причины, которыя обусловливаютъ то или другое общественное положеніе женщинъ. Она ставитъ вопросъ о женскомъ трудѣ на чисто-практическую почву, и имѣетъ цѣлью облегчить практическую задачу американскихъ работницъ. Для этого она описываетъ состояніе всѣхъ тѣхъ родовъ промышленной дѣятельности въ Америкѣ, которые имѣютъ какое-либо отношеніе къ женскому труду. Она указываетъ, какое участіе могутъ принять женщины въ той или другой области труда, какъ велика конкуренція въ этой области, какое доставляетъ она вознагражденіе, сколько поглощаетъ времени и оставляетъ досуга, какое оказываетъ вліяніе на здоровье и образъ жизни, наконецъ, куда слѣдуетъ обратиться, чтобы получить работу, и какая предварительная подготовка требуется для нея. Все это она исполнила, по отзывамъ американскихъ журналовъ, съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, тщательностію и добросовѣстностью. «Я намѣрена представить въ ней — говоритъ сама г-жа Виргинія Пенни о своей книгѣ — ясное, хотя и краткое обозрѣніе состоянія всѣхъ вообще отраслей труда (въ Соединенныхъ Штатахъ) и указать дорогу къ нимъ; обратить вниманіе на тѣ изъ нихъ, гдѣ женскій трудъ можетъ найдти себѣ примѣненіе, и на тѣ, гдѣ, вслѣдствіе слишкомъ большаго числа конкурентовъ, онъ не можетъ быть выгоденъ; далѣе, я скажу здѣсь о тѣхъ качествахъ, которыя требуются

отъ женщины, при исполненіи той или другой работы, и на тѣ занятія, для которыхъ онѣ наиболѣе способны; я приведу цифры получаемой ими платы во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя болѣе или менѣе хорошо оплачиваются; словомъ, мое сочиненіе должно сдѣлаться настоящею *справочною книгою*, по всѣмъ практическимъ вопросамъ, касающимся женскаго труда». Цѣль нѣмецкаго перевода, какъ говоритъ г. Дауль, та же самая, потому-то онъ и дополнилъ книгу г-жи Пенни свѣдѣніями, касающимися Германіи. Кажется, дѣло ясно. Но издательницы русскаго перевода этой книги, г-жи Трубникова и Стасова, очевидно, не поняли цѣли американскаго и нѣмецкаго изданій. Онѣ говорятъ: «Однако, эта книга, богатая фактами и наблюденіями, страдаетъ отсутствіемъ раціональнаго пониманія женскаго вопроса, во всей его широтѣ и во всемъ его значеніи», и считаютъ это за важный недостатокъ книги, до такой степени важный, что рѣшились пополнить его статьею г. Ткачева. Это совершенно все равно, какъ еслибы кто-нибудь взялъ заграничный календарь желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, перевелъ его на русскій языкъ, и, принявъ во вниманіе, что этотъ календарь, и богатый фактами и наблюденіями, страдаетъ отсутствіемъ раціональнаго пониманія значенія путей сообщенія вообще и желѣзныхъ дорогъ въ особенности, присоединилъ къ нему статью г. Ткачева о соціальномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ. Ни г. Дауль, ни г-жа Виргинія Пенни вовсе не имѣли въ виду разсматривать женскій вопросъ во всей его широтѣ и во всемъ его значеніи. Они имѣли цѣлью дать отвѣты на вопросы, непосредственно возникающіе въ жизни рабочей женщины. Положимъ, женщина хочетъ заняться шитьемъ галстуховъ. Въ книгѣ г-жи Пенни, она найдетъ всѣ нужныя ей свѣдѣнія. «Они (то есть галстухи) шьются преимущественно на машинѣ, и потомъ окончательно отдѣлываются на рукахъ. При недѣльной платѣ, работницы заработываютъ, работая 10 часовъ въ день, 4—5 дол. Получающія поштучную плату или берущія работу на домъ, могутъ заработать до 8—9 дол. Работа бываетъ круглый годъ, всего больше весной и осенью» и т. д. Вся книга состоитъ изъ подобныхъ свѣдѣній. Какая же, спрашивается, въ справочной книгѣ можетъ быть рѣчь о «раціональномъ пониманіи женскаго вопроса во всей его широтѣ и во всемъ его значеніи»? Еслибы издательницы поняли цѣль выбранной ими книги, то одно изъ двухъ—или онѣ вовсе не стали бы переводить ее, или передѣлали бы такъ, чтобы ихъ трудъ могъ послужить справочной книгой для русскихъ женщинъ-работницъ. Изданная ими первая часть труда г. Дауля заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, касающіяся «домашней прислуги», «швейнаго ремесла» и «издѣлій моды». Что касается до статьи г. Ткачева, то, по словамъ издательницъ, въ ней «кромѣ историческихъ и статистическихъ данныхъ, могущихъ служить дополненіемъ къ даннымъ, собраннымъ авторомъ книги, указано теоретическое и практическое значеніе мѣръ,

предлагаемыхъ Даулемъ для разрѣшенія женскаго вопроса, и опредѣлены тѣ условія, при которыхъ осуществленіе женской равноправности станетъ возможнымъ нетолько въ теоріи, но и на практикѣ». Короче, г. Ткачевъ пополнилъ недостатокъ книги, внесъ въ нее «раціональное пониманіе женскаго вопроса во всей его широтѣ и во всемъ его значеніи». Какимъ же образомъ исполнилъ онъ эту, столь трудную задачу, справочной книгѣ — придать характеръ соціальнаго трактата о женскомъ трудѣ? Начинаетъ онъ свою статью съ того, что ставитъ «женскій вопросъ» между Сциллой и Харибдой. Съ одной стороны — говоритъ онъ — практическая и теоретическая пропаганда женской равноправности достигла такого развитія въ Западной Европѣ, что сомнѣваться въ томъ, что этотъ вопросъ выдвинутъ самою жизнію — невозможно. Съ другой стороны существуютъ люди, считающіеся по всѣмъ другимъ вопросамъ крайними радикалами, и въ то же время, выставляющіе аргументы противъ равноправности женщинъ, аргументы до того неопровержимые, «что отвергать ихъ, значитъ, возражать противъ очевидности, противъ самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ, математическихъ аксіомъ». Насколько намъ извѣстно, подобныхъ аргументовъ не существуетъ ни у радикаловъ, ни у консерваторовъ. Но, если г. Ткачевъ породилъ въ читателѣ такое крупное недоумѣніе, то надо полагать, что онъ объяснитъ, по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоятъ эти аргументы, а быть можетъ даже покажетъ, что ихъ неопровержимость только кажущаяся. Ничуть не бывало. «Вопросъ о справедливости женскихъ притязаній, равно какъ и вопросъ о женской правоспособности, въ настоящую минуту, насъ нисколько не интересуетъ», потому — говоритъ г. Ткачевъ — что «какъ бы ни были теоретически рѣшаемы эти вопросы, ихъ рѣшенія никогда не будутъ имѣть слишкомъ замѣтнаго вліянія на судьбу женщинъ и никогда не измѣнятъ ихъ настоящаго положенія, если въ самой жизни есть причины, дѣлающія это измѣненіе невозможнымъ. Потому мы прежде всего обратимся къ жизни, къ практической дѣйствительности, и посмотримъ, какъ она ставитъ женскій вопросъ, какъ она его рѣшаетъ, какое она даетъ ему направленіе». Какъ будто тѣ люди, которые пытались рѣшить такъ или иначе вопросъ о женскомъ трудѣ, о «справедливости женскихъ притязаній» и «женской правоспособности», точно также, какъ и г. Ткачевъ, не слѣдовали указаніямъ жизни и тѣхъ фактовъ, которые они имѣли передъ глазами или въ своей памяти. Конечно, они могли ошибаться въ своихъ выводахъ, но неужели г. Ткачевъ думаетъ, что если онъ самъ примется разсматривать «жизнь, практическую дѣйствительность», то его выводы разсѣятъ всякія недоумѣнія и избавятъ его отъ труда разсматривать неопровержимые аргументы? Но на первыхъ же шагахъ, г. Ткачевъ доказываетъ совершенно противное, то-есть, что онъ самъ не въ состояніи сдѣлать изъ «жизни», «практической дѣйствительности» никакихъ

ныхъ выводовъ, кромѣ самыхъ странныхъ, что́ доказываетъ онъ своимъ умѣньемъ понимать смыслъ и значеніе историческихъ явленій. «Есть люди — говоритъ онъ — имѣющіе обыкновеніе всѣ важные общественные перевороты объяснять самыми неважными явленіями, потому только, что эти явленія имъ непосредственно предшествовали или съ ними совпадали. Такъ нѣкоторые историки приписывали перевороту, произведенный въ общественной жизни Франціи французской революціей, разрушительной (какъ они выражаются) философіи XVIII вѣка» и т. д. Этотъ примѣръ выбранъ г. Ткачевымъ такъ удачно, какъ нельзя болѣе. Философское движеніе XVIII вѣка оказывается явленіемъ неважнымъ, и *нѣкоторые* историки, считавшіе это движеніе за одну изъ главныхъ причинъ революціи, приравниваются такимъ людямъ, «которые рады побожиться, что не напиши такая-то и такой-то того-то и того-то, не явись такая-то женщина или такой-то мужчина, такъ женскаго вопроса совсѣмъ бы и поднято не было». Не нѣкоторые, а всѣ историки указываютъ на умственное движеніе XVIII вѣка и на ту степень развитія промышленности, которая дала преобладающее значеніе третьему сословію, какъ на причины французской революціи. Но это главныя причины, а не единственныя. Ни одинъ историкъ не станетъ отрицать того, что тутъ были еще тысячи крупныхъ и мелкихъ причинъ: экономическое состояніе страны, гнетъ, въ которомъ находились рабочія массы, и т. д. Эти причины, если на нихъ не указываютъ, подразумѣваются сами собой. Понятно, что еслибы всѣ французы были довольны и счастливы, то никакой революціи не было бы, точно также, какъ ее не было бы, еслибы не существовало земнаго шара и человѣческаго рода, но вѣдь никто не думаетъ обращать на это вниманія. Неужели г. Ткачевъ этого не понимаетъ? А если понимаетъ, то зачѣмъ же онъ приводитъ такіе примѣры? Но, кажется, что онъ дѣйствительно считаетъ философское движеніе XVIII вѣка явленіемъ неважнымъ. Это видно изъ того, какъ онъ судитъ о женскомъ вопросѣ. «Не либеральныя теоріи — говоритъ онъ — не тѣ или другія выдающіяся личности, *даже не общее движеніе нашего интеллектуальнаго развитія* — породили и вызвали на свѣтъ Божій женскій вопросъ. Онъ явился, какъ неизбѣжное слѣдствіе, какъ роковая необходимость логическаго развитія экономическихъ принциповъ, легшихъ въ основу соціальнаго быта европейской цивилизаціи». Такимъ образомъ умственное развитіе, которое справедливо считается двигателемъ прогресса, по мнѣнію г. Ткачева, въ женскомъ вопросѣ, ровно ни причемъ, а если и играетъ какую-нибудь роль, то столь ничтожную, что о ней не стоитъ упоминать. Все дѣло вытекаетъ изъ развитія экономическихъ принциповъ, какъ будто умственное развитіе людей не вліяетъ на экономическій строй жизни, какъ будто философія XVIII вѣка не ниспровергала предразсудки феодальной монархіи, и не открыла дорогу господству буржуа-

зіи, какъ будто умственныя, нравственныя, политическія, однимъ словомъ всѣ явленія общественной жизни не находятся въ неразрывной связи между собой и не обусловливаютъ другъ друга? «Разсматривая исторію развитія этихъ (т.-е. экономическихъ) принциповъ, мы видимъ, говоритъ г. Ткачевъ, что они проходятъ три послѣдовательныя степени, три послѣдовательные періода». Первый періодъ, по словамъ г. Ткачева, есть «періодъ первобытной общественности, или господство физической силы». Женщина, какъ существо слабое, подчиняется грубой силѣ, играетъ роль домашняго животнаго, и, очевидно, не пользуется равноправностью. «Во второмъ періодѣ — періодѣ господства недвижимаго капитала», элементомъ, регулирующимъ человѣческія отношенія, «является не физическая сила, а матеріальное благосостояніе человѣка, — количество недвижимаго капитала, находящагося въ его обладаніи». Всѣ преимущества, вытекающія изъ такого обладанія, распространились и на женщинъ. «Отсюда объясняется та равноправность, которою пользовались женщины въ періодъ среднихъ вѣковъ, равноправность, которая оспаривается у нихъ въ нашъ цивилизованный вѣкъ и которая кажется и теперь еще многимъ изъ насъ какимъ-то страннымъ анахронизмомъ, противорѣчащимъ естественнымъ законамъ человѣческой природы. А между тѣмъ анахронизмъ этотъ существовалъ и существовалъ нѣсколько вѣковъ, и никто не находилъ его ни страннымъ, ни неудобнымъ, ни противоестественнымъ». И такъ, оказывается, что въ средніе вѣка женщина пользовалась равноправностью, и никто до сихъ поръ ничего объ этомъ не зналъ, въ средніе вѣка, т.-е. въ періодъ господства феодаловъ и католическаго духовенства, взгляды которыхъ на женщину всѣмъ хорошо извѣстны. Но такъ-какъ г. Ткачевъ не думаетъ, чтобы нравственное положеніе женщины зависѣло отъ степени умственнаго развитія общества, то, понятно, что для него совершенно все равно, тѣ или другія идеи господствовали въ средніе вѣка. Указавъ такимъ образомъ на владѣніе недвижимымъ капиталомъ, какъ на источникъ средневѣковой равноправности женщинъ, г. Ткачевъ далъ объясненіе факту. Но откуда же онъ заимствовалъ самый фактъ существованія такой равноправности? Разсматривалъ ли онъ «жизнь», «практическую дѣйствительность» среднихъ вѣковъ, сообразно своему намѣренію? Нѣтъ, онъ ограничился разсматриваніемъ книжки г-жи Добье «La femme pauvre du XIX Siècle», и на извлеченныхъ оттуда примѣрахъ вознамѣрился доказать читателю, что въ средніе вѣка женщина дѣйствительно пользовалась несравненно бо́льшимъ значеніемъ и правами, чѣмъ въ наше время. Онъ говоритъ, что въ средніе вѣка женщины пользовались правомъ суда, отправляли административныя обязанности, садились на коней и отражали враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, причемъ смѣшиваетъ феодальныя права женщинъ, тѣ права, которыя принадлежали имъ какъ владѣтельнымъ особамъ, съ тѣми правами, которыя принадлежали

имъ, какъ женщинамъ, и думаетъ первыми охарактеризовать соціальное положеніе женщины вообще. Какъ будто наши помѣщицы не творили суда и расправы надъ своими крестьянами? На коней онѣ, правда, не садились и враговъ не отражали, но за то вѣдь и не были онѣ владѣтельными особами. Онъ говоритъ, что въ средніе вѣка «женщина изучала высшую математику (не тѣ ли самыя отрасли ея, которыя возникли со временъ Декарта и Лейбница?) и астрономію, писала на греческомъ языкѣ оды...» и т. д. и выводитъ изъ этого, что тогда «женское образованіе ничѣмъ не отличалось отъ мужскаго», что «все доступное мужчинѣ считалось доступнымъ и женщинѣ», тогда какъ изъ этого можно вывести только то, что въ средніе вѣка были женщины на столько развитыя, чтобы интересоваться отвлеченными вопросами. Много распространяется онъ о средневѣковыхъ женщинахъ-медикахъ, и въ числѣ другихъ фактовъ, указываетъ, между прочимъ, на то, что жены друдовъ были весьма искусны въ этой наукѣ, что героиня одного романа XIII вѣка «знала цѣлебныя свойства всѣхъ травъ и вылечивала всевозможныя болѣзни». Странно, какимъ образомъ упустилъ онъ изъ виду тотъ фактъ, что въ древности женщины обладали даромъ пророцанія, а нынѣ утратили его? При всемъ этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что г. Ткачевъ и не покушается надлежащимъ образомъ освѣтить приводимые имъ факты, и понять ихъ историческое значеніе, а просто сваливаетъ все въ безпорядочную кучу и утверждаетъ, будто они «весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что въ этотъ періодъ женщина пользовалась несравненно бо́льшими правами, чѣмъ теперь» и т. д. И тутъ только замѣчаетъ онъ, что не всѣ женщины пользовались этими правами, а только тѣ, которыя принадлежали къ привиллегированному сословію. «Вся остальная масса женщинъ, говоритъ онъ, въ этотъ, какъ и въ предъидущій періоды, играла роль вьючныхъ животныхъ», и вообще о положеніи этихъ женщинъ онъ говоритъ очень мало. Затѣмъ наступаетъ третій періодъ — господство движимаго капитала. Здѣсь женщина потеряла тѣ права, какими пользовалась въ средніе вѣка. По какой причинѣ? По той, что трудъ изъ «тяжелой, неизбѣжной обязанности сталъ «правомъ», — его не стало хватать для женщины; женщина должна была удалиться отъ рынка и отъ нея отнята была возможность конкурировать съ мужчиною». И все это, несмотря на ея права: ѣздить на конѣ, творить судъ и расправу, писать греческія оды? Странно! Показавъ, такимъ образомъ, на примѣрахъ, извлеченныхъ изъ той же книги г-жи Добье, какъ женщины все болѣе и болѣе были лишаемы своихъ правъ, г. Ткачевъ разсуждаетъ: «въ послѣднее время, мы замѣчаемъ однако въ современномъ обществѣ противоположное движеніе, замѣчаемъ, что общественное мнѣніе снова (?) рѣшительно становится на сторону женщины и требуетъ возвращенія (?) ей ея гражданскихъ и политическихъ правъ». Такимъ образомъ въ средніе вѣка женщина пользова-

лась гражданскими и политическими правами, затѣмъ потеряла ихъ, и теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы возвратить ей потерянное. Но какимъ же образомъ, спрашиваетъ г. Ткачевъ, одна и та же причина (развитіе промышленности) отняла у женщины ея права, и снова ведетъ къ тому, чтобы возвратить ихъ ей? Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ? А вотъ какимъ, отвѣчаетъ г. Ткачевъ, и начинаетъ разсматривать вліяніе машиннаго производства на бытъ рабочей женщины, высказывая при этомъ самыя общеизвѣстныя экономическія истины, и тутъ-то нападаетъ на тѣ *неопровержимые аргументы* (онъ, впрочемъ, не говоритъ, что это тѣ самые) крайнихъ радикаловъ, о которыхъ онъ говорилъ въ началѣ статьи. Въ концѣ-концовъ всѣ его разсужденія сводятся къ тому, что «женскій вопросъ», какъ и вопросъ соціальный, сводится къ вопросу о томъ, какъ примирить право на трудъ съ возможностью для каждаго осуществить это право.

Мысль о томъ, что право и возможность трудиться не одно и то же, не принадлежитъ г. Ткачеву, и не имѣетъ ничего общаго съ его предшествовавшими разсужденіями. Къ чему же, спрашивается, чтобы высказать эту мысль, онъ разводилъ канитель на 65 страницахъ? Причина этого обстоятельства, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что г. Ткачевъ очень мало знакомъ, какъ съ соціальной наукой вообще, такъ и съ женскимъ вопросомъ въ особенности. Всѣ его знанія ограничиваются нѣкоторыми свѣдѣніями изъ политической экономіи. Это-то обстоятельство и дозволило ему создать столь замѣчательное обобщеніе о трехъ періодахъ развитія политическихъ и гражданскихъ правъ женщины, обусловленное только экономическими принципами, и исключить женскій вопросъ изъ-подъ вліянія умственнаго развитія человѣчества. А г-жи Трубникова и Стасова, въ простотѣ душевной, приняли всю эту путаницу понятій за раціональное пониманіе женскаго вопроса во всей его широтѣ и во всемъ его значеніи».

Что касается до нашего собственнаго взгляда на вопросъ, разбираемый г. Ткачевымъ, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что развитіе экономической жизни вызываетъ женскій вопросъ и требуетъ разрѣшенія его, но вовсе не потому, что это развитіе сначала удалило женщину съ рынка труда, а теперь снова привлекаетъ ее туда, и вслѣдствіе этого требуетъ расширенія ея права, какъ говоритъ г. Ткачевъ. Мы не думаемъ, чтобы экономическое развитіе жизни ограничивалось измѣненіемъ только внѣшнихъ условій, въ которыя поставленъ трудъ. Мы думаемъ, что въ связи съ умственнымъ развитіемъ, оно вліяетъ на весь строй человѣческихъ отношеній, измѣняетъ складъ мыслей, чувствъ и привычекъ человѣка. Изъ грубаго воина, полнаго суевѣрія и предразсудковъ, изъ буржуа, требующаго полной свободы человѣческихъ дѣйствій, при неравенствѣ внѣшнихъ условій, человѣкъ переработывается въ работника. Отсутствіе предразсудковъ, отсутствіе эксплуатаціи, наука,

трудъ, нетолько какъ средства къ жизни, но и какъ дѣятельное регулирующее начало общественной жизни, всеобщая солидарность интересовъ — вотъ принципы работника. Идея женской равноправности, отсутствіе подчиненія между полами вытекаетъ непосредственно изъ идеи труда. Какъ работница, женщина ничѣмъ не отличается отъ мужчины. Если она трудится, то ей должны быть предоставлены тѣ же права, какими пользуются мужчины. Многіе говорятъ, что женщина, по самой натурѣ своей, неспособна къ тѣмъ родамъ дѣятельности, къ какимъ способенъ мужчина и не можетъ занимать одинаковаго съ нимъ положенія въ обществѣ и семьѣ. При этомъ обыкновенно судятъ о способностяхъ женщины на основаніи того, какъ онѣ проявляются въ жизни, и забываютъ принять въ разсчетъ то обстоятельство, что все воспитаніе женщины направлено къ тому, чтобы заставить ее играть подчиненную и зависимую роль. Весьма вѣроятно, что разница въ организаціи половъ влечетъ за собою нѣкоторую разницу въ ихъ дѣятельности и образѣ жизни, но вовсе невѣроятно, чтобы эта разница ставила женщинъ въ подчиненное положеніе относительно мужчинъ. Послѣднее обстоятельство вызывается той нравственной эксплуатаціей, которая до сихъ поръ господствуетъ во всемъ строѣ общественной жизни. Чиновникъ, который всю жизнь безсознательно скребетъ по бумагѣ, безъ сомнѣнія, менѣе приноситъ пользы, и меньше выказываетъ проницательности, нежели женщина, съ утра до вечера занятая физическимъ и нравственнымъ уходомъ за дѣтьми, но тѣмъ не менѣе первый является господиномъ своей жены и требуетъ отъ нея такого повиновенія и уваженія, которыхъ самъ оказывать ей ненамѣренъ. Почему же это? Потому что такой мужъ, при всемъ своемъ ничтожествѣ, получаетъ жалованье и содержитъ жену, а жена не въ состояніи содержать ни себя, ни семейства. Женскій вопросъ въ окончательномъ результатѣ сводится не къ тому, чтобы заставить женщину идти по той или другой дорогѣ, избрать несвойственный родъ дѣятельности, а къ тому, чтобы дать ей свободное и независимое положеніе въ обществѣ, и избавить ее отъ гнетущей опеки мужчинъ.

Женскій календарь-альманахъ *на 1869 годъ. С.-Петербургъ. Изданіе* Э. К. Фосса.

«Всякое изданіе должно имѣть предпоставленную себѣ задачу»; великую эту истину случилось намъ недавно прочитать въ которомъ-то изъ множества объявленій о русскихъ журналахъ, издаваемыхъ на Руси самоновѣйшими санктпетербургскими издателями изъ нѣмцевъ, не помнимъ у господина ли Гоппе, или у господина Гольдшмидта, или у кого-нибудь другого изъ этихъ новѣйшихъ журнальныхъ предпринимателей. Различать одного отъ другаго, этихъ новыхъ благодѣтелей и учителей русскаго общества, мы еще не выучились и право не знаемъ — настоитъ ли въ этомъ даже какая-нибудь надобность. Положимъ, съ лег-

кой руки г. Кача, внесшаго въ отечественную прессу игривую и безцеремонную рекламу, таковыхъ издателей расплодилось въ послѣднее время великое обиліе, положимъ нѣкоторые изъ нихъ издаютъ одновременно и модные и дѣтскіе и медицинскіе (!) журналы и книги, положимъ другіе надсаживаются надъ починомъ «всемірныхъ» газетъ и изданій, положимъ всѣ они увѣряютъ, что у нихъ сотрудничаютъ «лучшіе и извѣстнѣйшіе русскіе писатели», но, человѣкъ сколько-нибудь знакомый съ положеніемъ у насъ журнальнаго дѣла, легко поймете, что не заполонитъ же это новонѣмецкое издательство русской прессы, что серьёзная журналистика останется сама по себѣ, а гоппе-корнефельдская по себѣ—и исчезнетъ вся эта серія гг. Гоппе, Корнефельдовъ, Гольдшмидтовъ, и т. д., какъ на глазахъ нашихъ исчезла безслѣдно другая, предшествовавшая имъ серія Мессарошей, Зарудныхъ, Юркевичей-Литвиновыхъ и Артоболевскихъ. Фраза, приведенная нами въ началѣ нашей замѣтки, обратила на себя наше вниманіе потому только, что въ ней, въ видѣ краткой апоѳегмы, заключается повидимому основное воззрѣніе новонѣмецкихъ издателей на свое дѣло, или лучше сказать на дѣло, которое они желаютъ себѣ присвоить. Врываясь въ чуждую имъ русскую печать, желая служить выразителями общественнаго мнѣнія того народа, котораго они, по всѣмъ вѣроятностямъ, не понимаютъ, обрекая себя служенію интересамъ русской жизни, мысли и развитія, сочувствовать которымъ они могутъ, вѣроятно, только на манеръ господина Мейера, ѣздившаго лобызать кобылу прусскаго короля — они, предпринимая свои журналы, газеты и книги, дѣтскія, модныя и медицинскія, все-таки «предоставляютъ себѣ задачи». Что же? это хорошо, что они «предоставляютъ себѣ задачи», если только сущности таковыхъ предоставляемыхъ задачъ не составляетъ голая спекуляція на русское невѣжество... Въ этомъ, пожалуй, можно даже видѣть шагъ впередъ, ибо припоминая дѣятельность господъ Мессарошей, Юркевичей-Литвиновыхъ и Зарудныхъ, нельзя не сознаться, что эти недавніе издатели, начиная свои, нынѣ погибшіе журналы и газеты, никакихъ задачъ себѣ не «предоставляли», а просто пользовались временными потемками русской жизни, эпидемическимъ недоумѣніемъ и недомысліемъ, играли съ нѣкоторою наглостью на нѣкоторыхъ слабыхъ струнахъ общества и просто, по пословицѣ, ловили рыбу въ мутной водѣ. Само собою разумѣется, что явившіеся на смѣну имъ нѣмцы ничего подобнаго не могутъ «предоставлять себѣ задачею», ибо, если они станутъ это дѣлать съ развязною и качевскою откровенностью—то общественное мнѣніе съ ними церемониться, конечно, не будетъ, какъ отчасти церемонилось съ господами Зарудными и Артоболевскими, въ которыхъ все-таки отчасти признавало «плоть отъ плоти своей и кость отъ кости своей»; господа же Гоппе и Корнфельды общественному мнѣнію чужды, они такъ сказать псевдо-литературные пришельцы, и

явнаго безобразія имъ долго не дозволится. Если же они мечтаютъ скрытно и тайно заботиться объ одной спекуляціи — то едва-ли при пособіи всѣхъ своихъ «лучшихъ и извѣстнѣйшихъ писателей», сотрудничающихъ у нихъ, съумѣютъ они съ подобающею ловкостью прикрывать это отъ зоркаго взгляда критики. Мы лично еще не видали ни дѣтскихъ, медицинскихъ и модныхъ изданій г. Гольдшмидта, о множествѣ которыхъ этотъ издатель объявилъ такъ внезапно, ни газеты г. Гоппе. Можетъ быть, все это отличнѣйшія и полезнѣйшія изданія; тогда мы къ нимъ такъ и отнесемся. Но буде это изданія только спекулятивныя, то тогда мы уже, конечно, побесѣдуемъ объ нихъ и преимущественно о тѣхъ задачахъ, какія эти господа себѣ предпоставляютъ—по возможности основательно. «А какую ты, любезный, предпоставилъ себѣ задачу?» спросимъ мы ихъ.

Г. Фоссъ, издавшій лежащую передъ нами книгу, тоже новонѣмецкій издатель, но издатель, въ отношеніи котораго церемониться рѣшительно нечего. Мы по крайней мѣрѣ никогда не встрѣчали въ печати его имени... да и самъ онъ едва-ли его когда въ русской печати встрѣчалъ, ибо еще не знаетъ, какъ собственная фамилія его пишется порусски. На оберткѣ она изображена такимъ образомъ: *Э. К. Фоосъ*, на заглавномъ листѣ такъ: *Э. К. Фоссъ*, и такимъ образомъ мы остаемся въ недоумѣніи, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ господиномъ ли Фоссомъ или съ господиномъ Фоосомъ, ибо во всей книгѣ его фамилія больше не повторяется. Итакъ, не зная даже настоящаго имени новонѣмецкаго издателя, мы находимся въ великомъ недоумѣніи, какая задача предпоставлена имъ при изданіи «Женскаго Календаря-альманаха»? Ни предисловіемъ, ни нѣсколькими даже строками, въ которыхъ объяснялись бы смыслъ и цѣль его книги— онъ русской публики не удостоилъ. Что̀ значитъ прилагательное «женскій», предпоставленное къ существительному «календарь» на его книгѣ? Почему всѣ календари, за исключеніемъ календаря г. Фооса, мужскіе, а его женскій? До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, издатели брали обыкновенно̀ за объемистые календари небольше рубля съ покупателей, *безъ различія пола*, какъ сіе происходитъ и при впускѣ на вечера нашихъ клубовъ. Почему же г. Фоссу желательно за свою маленькую и тощую книжонку, въ которой нѣтъ и десятой доли тѣхъ, для всѣхъ и каждаго необходимыхъ свѣдѣній, какія встрѣчаются во всѣхъ большихъ и безполыхъ календаряхъ нашихъ,—брать полтора рубля? Почему женщинамъ, по мнѣнію г. Фооса, необходимы особенные календари, какъ будто мужскіе недоступны ихъ пониманію? Такіе и подобные вопросы волновали насъ при первомъ взглядѣ на изданіе г. Фосса, пока мы не начали серіёзно вдумываться въ разрѣшеніе вопроса: какая задача могла быть предпоставлена г. Фоосомъ — при его изданіи. По здравомъ размышленіи, намъ все сдѣлалось яснымъ и понятнымъ, и мы не прочь подѣлиться съ публикою плодами нашихъ размышленій.

Г. Фоосъ, очевидно, иностранецъ, чуждый русской литературѣ, конечно, на столько же, на сколько ей чужды, напримѣръ, хотя тѣ недавно пріѣхавшіе въ Петербургъ иностранцы, которые занимаются хроническою распродажею плохихъ полотенъ подозрительнаго происхожденія. Объ этомъ мы вправѣ заключить по небрежности и безцеремонности его книги, о чемъ рѣчь впереди. Порусски онъ едва-ли знаетъ и говоритъ, иначе онъ не допустилъ бы и правописанія своей фамиліи въ двухъ редакціяхъ, и возмутился бы тѣмъ множествомъ граматическихъ ошибокъ, неправильностей противъ русскаго языка, обмолвокъ и недомолвокъ, какими сплошь пронизана и иллюстрирована его книжонка. Но, очевидно, прибывъ въ Петербургъ и попавъ въ который нибудь изъ кружковъ новонѣмецкихъ издателей, онъ, видя, какъ его компатріоты загребаютъ русскія денежки, взалкалъ корыстію, и рѣшился на свой страхъ попытать счастія въ легкой наживѣ. Но, очевидно, въ дѣлѣ спекуляціи г. Фоссъ не такой новичокъ, какимъ онъ въ литературѣ. Дѣйствовать зря онъ не рѣшился, а дождался пока его осѣнитъ какая нибудь денежная мысль. «А существуетъ ли въ Россіи женскій вопросъ?» вѣроятно, спросилъ онъ у кого нибудь изъ своихъ земляковъ, когда таковая счастливая мысль его не озарила. На полученное: о, да! онъ, конечно, вопросилъ снова: а эксплуатировалъ ли до сихъ поръ въ Россіи кто нибудь этотъ вопросъ въ свою пользу, въ денежномъ смыслѣ? и узналъ въ отвѣтъ на это, къ великому своему изумленію и удовольствію, что на Руси, при всякихъ нашихъ безобразіяхъ, до сего еще не доходило... «О! глупцы!» вѣроятно подумалъ г. Фоосъ, и выразился вслухъ, конечно, въ такомъ смыслѣ, что этого, молъ, слѣдовало и ожидать, ибо русскій человѣкъ ни къ какой иниціативѣ неспособенъ...»

Высказавъ это, г. Фоссъ тотчасъ же рѣшился предпоставить себѣ задачею: *поживиться насчетъ женскаго вопроса.*

Но какъ? какую книгу издать по этому вопросу, не зная ни русскаго языка, ни литературы, ни жизни съ ея свычаями и обычаями?... Кое-чего о страхахъ и ужасахъ нашего быта г. Фоссъ наслушался еще у себя въ Германіи, глубокаго пониманія и особеннаго сочувствія къ этому вопросу онъ, въ Россіи, по крайней-мѣрѣ, не заявлялъ... слѣдовательно рисковать переводомъ какой-нибудь книги, гдѣ этотъ вопросъ былъ бы поставленъ болѣе или менѣе рѣзко, отважиться онъ не имѣлъ основаній, и рѣшился отнестись къ нему только слегка и шаловливо, больше въ видахъ одного названія... Календарная дѣятельность, кипѣвшая кругомъ него, подсказала ему, что можно издать календарь, и назвать его женскимъ... Предпоставленная г. Фоссомъ задача для него уяснилась...

Но уяснилась только одна ея сторона... Онъ узналъ, что календарная сущность (святцы и разныя свѣдѣнія) никому не принадлежитъ и удобоперечатываема; онъ узналъ, что старыя кли-

ше — у насъ *дешевы* и у многихъ издателей сходятъ за новыя (книжка г. Фосса украшена 5-ю портретами со старыхъ клише); онъ узналъ, что изъ старыхъ иллюстрацій можно понадергать для перевода сколько хочешь женскихъ біографій (въ одной изъ нихъ — біографіи Требелли — даже не вычеркнута стереотипная фраза: «пѣвица, портретъ которой мы представляемъ нашимъ читателямъ», хотя никакого портрета госпожи Требелли къ «Календарю» не приложено), что о женскомъ трудѣ есть старая брошюрка г. Карновича, которую за дешевую плату можно поручить сократить и т. д. и т. д. — узналъ однимъ словомъ, что въ Россіи издавать дрянныя книжонки, при извѣстной спекулятивной сообразительности, можно не особенно дорого, а въ случаѣ ихъ успѣха, и основательно поживиться...

Не узналъ онъ только вотъ чего: что время нахальныхъ спекуляцій въ Россіи проходитъ, что хотя онѣ иногда и доставляютъ различнымъ издателямъ такъ-сказать розы, въ видѣ пачекъ кредитныхъ билетовъ, за то и шипы такихъ розъ — даютъ имъ порою чувствовать свое присутствіе, обнаруживающееся, между прочимъ, закрѣпленіемъ за спекулянтами-издателями не особенно лестной извѣстности. Не съумѣлъ онъ постигнуть и того, что хотя русскія женщины, точно также какъ и женщины всякихъ другихъ націй, ни въ какомъ особенномъ календарѣ не нуждаются, но уже если кто нибудь захотѣлъ бы такъ озаглавить свою справочную книгу для женщинъ, то, чтобы отличить ее отъ другихъ календарей, онъ обязывался бы для этого, во-первыхъ, помѣстить вполнѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія помѣщаются и въ обыкновенныхъ календаряхъ, и во-вторыхъ, и самое главное — дополнить его всѣми тѣми свѣдѣніями, какія необходимы спеціально для женщинъ, какъ работницъ, матерей семействъ и т. д. Тогда такой полный календарь могъ бы по праву именоваться календаремъ *для женщинъ*. Книга Дауля, напримѣръ, могла бы послужить образцомъ для краткой русской энциклопедіи женскихъ работъ, — такъ-какъ сокращеніе брошюрки г. Карновича, изданной въ 1865 году — ни для кого въ настоящее время неудовлетворительно. Книга Комба объ уходѣ за дѣтьми — могла бы послужить матеріаломъ для статьи объ этомъ предметѣ. Хорошій очеркъ исторіи женскаго вопроса — также прочелся бы русскими женщинами не безъ пользы. Краткій очеркъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ такой книгѣ былъ бы также необходимъ (г. Фоссъ не озаботился даже въ своемъ женскомъ календарѣ помѣстить календаря беременности). Для химіи кухни — могла бы послужить химія этого рода Отто Улэ, а не пустяки г. Реша (не того ли, что управляетъ садовымъ оркестромъ?), да и вообще, при нѣкоторомъ трудѣ со стороны издателя, можно было бы составить книгу для женщинъ полезную и хорошую, а прибавивъ къ ней и календарныя свѣдѣнія — пожалуй назвать ее и календаремъ. За такую книгу многія женщины, особенно живущія въ глуши провинціи и по дерев-

нямъ, были бы благодарны ея составителю, а имя господина Фосса не рисковало бы сдѣлаться «притчею во языцѣхъ».

Что̀ же собственно составляетъ женскій календарь г. Фосса, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя имъ помѣщены, а другія почему-то выкинуты? 254 странички, пять портретовъ и довольно красивая обертка, съ аллегорическимъ изображеніемъ не то четырехъ временъ года (ихъ, впрочемъ, пять—пятая женская фигура, вѣроятно, изображаетъ то переходное время нашей осени, которая не осень и не зима, а чортъ знаетъ что̀ такое), не то русскихъ пейзанокъ, отдающихъ отчетъ въ своихъ работахъ, должно быть, Минервѣ, являющейся съ русскимъ государственнымъ гербомъ на щитѣ и чуть-ли не въ шапкѣ Мономаха. Пять портретовъ изображаютъ Екатерину II, Воронцову-Дашкову, Ристори, Александрову-Дурову и Ростопчину. (Что̀ общаго, напримѣръ, между Воронцовой-Дашковой и Ристори, или, чѣмъ замѣчательна плохая поэтесса Е. П. Ростопчина, и почему она удостоена портрета было бы ничѣмъ не объяснимо, еслибы всѣ эти портреты не были уже извѣстны читателямъ по тѣмъ книгамъ, гдѣ они прежде появлялись. Ясно одно: старыя клишѐ *именно* этихъ портретовъ подвернулись подъ руку г. Фоссу). Въ текстѣ прежде всего помѣщена *жестокая* переводная повѣсть какого-то неизвѣстнаго автора: «Старая пѣвица». Затѣмъ, наивная химія кухни г. Реша, вся статья котораго, написана такимъ образомъ: «однако, при всемъ сходствѣ кухни съ химической лабораторіей, *все-таки* существуетъ коренное различіе между ними, заключающееся въ ихъ назначеніи: *такъ-какъ* лабораторія есть мастерская химика, доискивающагося законовъ природы, — кухня служитъ мѣстомъ приготовленія питательной и вкусной пищи (всегда ли?)» и т. д. За симъ слѣдуетъ цѣлый рядъ біографій императрицъ, поэтессъ, дѣвицъ-кавалеристовъ, пѣвицъ, артистокъ, спиритистокъ и писательницъ. Нѣкоторыя изъ этихъ біографій составлены съ толкомъ, горячо и не безъ юмора. Очевидно, что г. Фоссъ заказалъ эти статьи случайно кому-нибудь изъ молодыхъ русскихъ писателей, и не прочитавъ, помѣстилъ ихъ какъ *образецъ* для женщинъ; между тѣмъ, какъ нѣкоторыя изъ этихъ образцовыхъ, по мнѣнію г. Фосса, женщинъ, вплотную осмѣяны составителемъ біографій (напримѣръ, г-жа Сталь, Елизавета Дентонъ, Ростопчина и т. д.). За то другія біографіи понадерганы изъ старыхъ иллюстрацій и переведены безграмотно и небрежно. Еслибы мы стали приводить этому примѣры, то пришлось бы выписывать цѣлыя страницы. Удовольствуемся однимъ. Говоря о шведской писательницѣ Фредерикѣ Бремеръ, что она въ картинахъ природы и народной жизни неподражаема, составитель біографіи продолжаетъ такъ: «Лучшими ролями считаются «Сосѣди»; «Ссора и миръ» Герта картины путешествія 1848—1849 годовъ». Фраза эта выписана нами съ буквальною точностью (не самъ ли г. Фоссъ сочинялъ эту біографію?), и такихъ фразъ въ книгѣ множество. Вообще смысла

помѣщенія этихъ біографій, озаглавленныхъ «Біографіями извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ женщинъ», мы постигнуть не могли. Чѣмъ руководствовался собиратель этихъ біографій, считавшій необходимымъ помѣщать біографію Елизаветы Кульманъ, и не помѣщать Сары Толстой, помѣщать Зонтагъ и не помѣщать Малибранъ, помѣщать Требелли и Вольнисъ, и не помѣщать Гризи и Плесси и т. д.. Чѣмъ могъ онъ руководствоваться, помѣщая, чуть не рядомъ, Тэруанъ де-Мерикуръ и Евдокію Петровну Ростопчину, госпожу Патти и Анну Бунину? Видно, объ однѣхъ вспомнилось г. Фоссу, а о другихъ не вспомнилось, и при помѣщеніи біографій имъ была себѣ предоставлена спеціально особая задача, именно доказать, что «были на свѣтѣ различныя женщины и очень много пѣвицъ; нѣкоторыя же изъ нихъ жили и поютъ до сихъ поръ».

Затѣмъ — въ календарѣ находятся два, достаточно плохихъ стихотворенія. Въ одномъ изъ нихъ какая-то г-жа Софья Л... выражаетъ мужскія чувства, т.-е. ждетъ на свиданіе дѣвушку же, которая спитъ въ «тонкой сорочкѣ». Въ стихотвореніи этомъ одна строчка ни съ того ни съ сего напечатана курсивомъ

Жадно вникаю въ малѣйшій я звукъ...

Въ другомъ, подписанномъ А. Дьяковъ (вѣроятно псевдонимъ женщины), нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что поѣздъ желѣзной дороги стучитъ для рифмы съ лѣсами не колесами, а колесáми.

Затѣмъ сокращеніе статьи г. Карновича, переводная приторно-стариковская статья доктора Хезеліуса «Ученіе о красотѣ», нѣсколько совѣтовъ о выводѣ блохъ, истребленіи клоповъ, мариніи сельдей и переноскѣ фортепьяно зимой.

Такъ отличился г. Фоссъ. Рѣшился ли бы самъ онъ издать что-либо подобное въ Германіи? Неужели книжка его будетъ раскупаться русскими женщинами? Это было бы очень жаль. Единственный способъ наказать подобныхъ спекулянтовъ — не покупать ихъ нахальныхъ изданій.

Дѣти капитана Гранта. *Кругосвѣтное путешествіе.* Жюля Верна. *Съ 172 рисунками г. Риу. Переводъ* Марка-Вовчка. *С.-Петербургъ. 1868 года.*

Имя Жюля Верна сдѣлалось хорошо извѣстно русской читающей публикѣ за три, четыре послѣдніе года. Въ это время, кромѣ «Дѣтей капитана Гранта», у насъ переведено и издано нѣсколько его книгъ («Воздушное путешествіе черезъ Африку», «Отъ земли до луны 9 часовъ прямаго пути», «Англичане на сѣверномъ полюсѣ (Приключенія капитана Гаттераса)» и «Путешествіе къ центру земли»). Изъ среды новѣйшихъ европейскихъ писателей для молодаго возраста Вернъ выдается какъ занимательностью и интересомъ выбираемыхъ имъ предметовъ,

такъ и живою и блестящею формою изложенія своихъ разсказовъ. Но важнѣйшее его достоинство—это умѣнье въ каждомъ изъ его сочиненій пользоваться каждымъ предлогомъ, чтобы знакомить своихъ читателей съ цѣлою массой новѣйшихъ фактовъ, выводовъ и открытій въ наукѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ прибѣгаетъ къ фикціямъ (напр. въ книгѣ «Отъ земли до луны»), что̀ многими не одобряется въ дѣтскихъ книгахъ, онъ дѣлаетъ это только для того, чтобы имѣть случай говорить какъ можно разностороннѣе о различныхъ житейскихъ вопросахъ и предметахъ науки.

Книга Ж. Верна «Дѣти капитана Гранта», исполненная интереса и занимательности, является въ публику въ видѣ весьма краснваго и изящнаго изданія, въ хорошемъ переводѣ, за достоинство котораго ручается извѣстность имени переводчицы. Рисунковъ множество; исполненіе большой части удовлетворительно.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ.

II.

Августъ Мегью*.

IV.

Въ каждой странѣ есть центръ сравнительно бо̀льшаго свѣта, куда люди стремятся со всѣхъ сторонъ и о которомъ въ народѣ ходятъ слухи необыкновенные и плѣнительные. Въ былыя времена тамъ полагали фантастическіе кисельные берега, молочно-медовыя рѣки и мѣсто соединенія неба съ землей. Разумѣется, теперь уже не полагаютъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Россіи, что въ Петербургѣ сходится небо съ землей, но все, что̀ есть въ россійскихъ предѣлахъ живаго и свѣжаго, стремится въ Петербургъ. Не только стремятся чистокровные русскіе, начиная съ дворянскихъ и священническихъ дѣтей болѣе или менѣе сытыхъ, и хоть въ чемъ-нибудь маломальски свѣдующихъ, до голодныхъ и совершенно неразвитыхъ работниковъ и работницъ крестьянскаго сословія, но и латыши, эсты, нѣмцы, поляки, украинцы, бѣлорусси, имѣющіе, какъ извѣстно, сильныя мѣстныя предубѣжденія противъ «ледянаго» Петербурга. Напрасно разсудительная, ослабѣвшая старость стращаетъ пагубнымъ климатомъ и развращенными нравами жите-

* Первый очеркъ, познакомившій читателей съ *Джорджемъ Салемъ*, помѣщенъ въ 11-мъ № «От. Зап.» 1868 г.

лей, напрасно ушедшіе съ поля битвы инвалиды, истерзанные и озлобленные, показываютъ свои раны, напрасно любящіе родители, родственники и близкіе стонутъ: «Что съ тобою будетъ, и что́ меня постигнетъ!», — ничто не запугиваетъ, ничто не удерживаетъ; даже самая отчаянная, горькая нужда не заставляетъ здороваго человѣка покинуть непривѣтную, безучастную столицу и воротиться на прежній подножный кормъ въ душномъ родномъ уголку.

— А между тѣмъ, никто вѣдь не обрѣтаетъ здѣсь ни кисельныхъ береговъ, ни лѣсенки на небо! замѣтитъ съ грустной проніей прогрессивный, но умѣренный и обоюду мягкій читатель.

Конечно, нѣтъ. Но дѣло тутъ собственно не въ кисельныхъ берегахъ и не въ лѣсенкѣ на небо, а въ возможности (сравнительной) живой умственной дѣятельности. Нельзя ничѣмъ угасить мысли и нельзя замѣнить жизнь прозябаньемъ. Несмотря на общую вялость и уныніе, порожденныя силою ложныхъ отношеній, несмотря на безсиліе и неспособность всецѣло предаться какому-нибудь дѣлу жизни, темное сознаніе правъ человѣческой личности существуетъ, и подавленная жажда вырваться изъ-подъ гнета и дохнуть свѣжимъ воздухомъ, даетъ о себѣ знать: человѣкъ до тѣхъ только поръ усыпитъ въ темнотѣ, пока не блеснетъ гдѣ-нибудь какой-нибудь лучъ свѣта.

— Но, съ ужасомъ опять замѣтитъ прогрессивный добродѣтельный читатель:—вѣдь въ Петербургѣ—центръ тщеславія, любостяжанія и всякой скверны! Нигдѣ такъ люди не бѣдствуютъ и не развратничаютъ, какъ въ Петербургѣ!

Мы опять отвѣтимъ добродѣтельному читателю, что это онъ восклицаетъ не безъ основанія, но тѣмъ не менѣе помянутый порочный центръ свѣтлѣе всего остальнаго и потому притягиваетъ, что́ совершенно естественно и законно. Кромѣ того, подорвано поклоненіе сельской безыскусственности и простотѣ, и есть сильное основаніе предполагать, что тамъ существуютъ точно такіе же грязные омуты, но только они менѣе извѣстны, потому что совершенная забитость однихъ не можетъ выводить наружу, даже часто не сознаетъ произвола другихъ, если только этотъ произволъ не сопровождается явнымъ разбоемъ; значитъ, все-таки самое лучшее и честное дѣло спѣшить туда, гдѣ главная свалка, а не коптѣть и не прятаться по угламъ. Теперь, такъ сказать, время военное и всякій дезертиръ наказывается нравственною смертью за бѣгство съ поля брани.

То, что́ притягиваетъ юную Россію въ Петербургъ, притягиваетъ юную Францію въ Парижъ, «городъ фей и кудесниковъ», а юную Англію въ Лондонъ, «мощеный чистымъ золотомъ».

Въ этотъ «золотой» Лондонъ г. Мегью ведетъ читателя, и, оставляя въ сторонѣ зеленые луга, пасущіяся стада, незабудки и прозрачные потоки зеркальныхъ водъ, забирается въ самые неприглядные закоулки столицы и показываетъ смятыхъ и попранныхъ въ грязь при свалкѣ.

Мы постараемся вкратцѣ передать читателямъ самыя любопытныя и характерныя черты этого романа.

Герой г. Мегью родится въ тюрьмѣ, куда умышленно попала его мать, бѣжавшая отъ родителей съ любимымъ человѣкомъ, брошенная потомъ мужемъ и оставшаяся буквально безъ куска хлѣба и безъ пристанища. Мать умираетъ. Тюремное начальство пересылаетъ мальчика въ дѣтское отдѣленіе рабочаго дома и сдаетъ его на руки одной изъ кормилицъ. Кормилица эта оказывается добрѣйшей женщиной; она выкармливаетъ мальчика вмѣстѣ съ своей собственной дочерью и сильно къ нему привязывается.

Дѣтство Филиппа Мертона самое безмятежное и благополучное. Кормилица въ немъ души не чаетъ; онъ очень любитъ свою молочную сестру и любимъ ею взаимно. Даже посторонніе женщины гладятъ его по шелковистой головкѣ и надѣляютъ лакомствами за прекрасные голубые глаза и нѣжную розовую кожу. Первое огорченіе въ жизни онъ испытываетъ при разлукѣ съ кормилицей, когда начальство переселяетъ его изъ рабочаго дома на ферму, въ промысловую школу св. Лазаря.

Было время, говоритъ г. Мегью, когда нищенскія школы были немногимъ лучше нищенскихъ закутъ для нищенскаго скота, когда тамъ изготовлялись и хранились до извѣстнаго возраста нищіе, пробравшіеся потомъ, хотя не всегда быстро, но всегда вѣрно, въ тюрьму. Открылись повальныя болѣзни и зараза распространилась во всѣ стороны, такъ что пострадало здоровье многихъ вышепоставленныхъ лицъ; стали совершаться безпрестанныя преступленія и начали мало-по-малу входить въ такое же обыкновеніе, какъ, напримѣръ, потребленіе картофелю, такъ что для помянутыхъ вышепоставленныхъ лицъ вышли непріятности; наконецъ смрадъ такъ сильно ударилъ въ носъ, что подумали объ улучшеніяхъ и завели отличныя сельскія промысловыя школы.

Филиппъ Мертонъ родился въ счастливое время; школа, въ которую онъ поступаетъ, школа образцовая во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣтей тамъ содержатъ отлично и учатъ всевозможнымъ ремесламъ. Они сами плотники, прачки, башмачники, сапожники, швеи, слесаря, они сами пашутъ и засѣваютъ землю, разводятъ скотъ, стряпаютъ, строятъ, красятъ, чинятъ, ткутъ; 700 маленькихъ существъ мужескаго и женскаго пола пріучается тутъ жить такъ же экономно, правильно и трудолюбиво, какъ пчелы въ ульѣ. Кромѣ того, умственное образованіе не заброшено и ученье идетъ такъ успѣшно, что многіе впослѣдствіи занимаютъ въ школѣ св. Лазаря, или другой подобной, должности наставниковъ и наставницъ.

Огорченный Филиппъ, конечно, скоро освоивается и привыкаетъ къ новому помѣщенію и новымъ лицамъ. Мало по малу онъ забываетъ кормилицу, или лучше сказать помнитъ о ней на столько, на сколько ему пріятно, и обращаетъ всю свою

живую дружбу на молочную сестру Берти, переселенную вмѣстѣ съ нимъ въ школу св. Лазаря.

Незамѣтно проходитъ нѣсколько однообразныхъ лѣтъ, впродолженіе которыхъ Филиппъ пользуется хорошимъ здоровьемъ, съ аппетитомъ ѣстъ кашицу, учится грамотѣ, водитъ дружбу съ сестрицей Берти, уважаетъ доброе начальство. Наступаетъ время перехода изъ дѣтской въ старшее рабочее отдѣленіе. Сестрица Берти начинаетъ горько плакать при извѣстіи объ этой разлукѣ. Филиппу самому очень горько и очень страшно отправляться въ среду большихъ мальчиковъ, однако онъ старается ее утѣшить, какъ умѣетъ.

— Коли ужь нельзя вмѣстѣ играть, говоритъ онъ:—то все-таки мы будемъ видаться за обѣдомъ и въ капеллѣ; коли ужь нельзя разговаривать, то все-таки мы будемъ другъ на друга взглядывать и другу кланяться издали.

При появленіи Филиппа, разумѣется, все большое отдѣленіе накидывается на «новичка». Охваченный тѣмъ чувствомъ безпомощности, которое неизбѣжно является слѣдствіемъ чувства безсилія, Филиппъ особенно чутко и живо отзывается на каждую шутку и даже на каждое простое слово.

— Вы какого прихода? спрашиваютъ его.

Это первый вопросъ, который раздается въ нищенской школѣ и соотвѣтствуетъ вопросу: откуда вы? предлагаемому въ аристократическихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Конечно, Филиппъ не видитъ ничего обиднаго въ этомъ вопросѣ, однако, онъ не можетъ вымолвить слова въ отвѣтъ, боясь не сдержать слезъ, которыя, онъ знаетъ по прежнимъ опытамъ, ни къ чему не ведутъ, кромѣ пущихъ издѣваній и пущей строгости. Какъ объяснить такую болѣзненную чуткость въ ребенкѣ, привыкшемъ съ пеленокъ слѣпо исполнять начальническую волю, не вникая въ нея и не разсуждая о ней? Онъ знаетъ, что существеннаго зла ему сдѣлать не могутъ, что бдительное начальническое око слѣдитъ за порядкомъ; онъ не боится ни пинковъ, ни мучительныхъ притѣсненій, ни особенно наглаго помыканья. Съ чего вдругъ такая щекотливость?

Съ того, по нашему разумѣнію, что всякій рабъ, будь онъ даже безсознательный ребенокъ, такъ держится за ту частичку своей личности, которая еще остается въ его распоряженіи, что при первомъ на нее посягательствѣ, въ немъ родятся всякія горькія чувства и, привыкшій безропотно и даже безпечно подставлять лицо одной рукѣ, онъ съ негодованіемъ и ужасомъ старается оттолкнуть всякое постороннее *непривычное* прикосновеніе.

— Что вы, сирота, что ли? спрашиваетъ Филиппа одинъ мальчикъ, который *не* сирота и чванится этимъ, какъ большимъ отличіемъ.

Филиппъ можетъ только кивнуть головой въ отвѣтъ.

Но отъ него непремѣнно требуютъ прямаго и точнаго показанія, есть ли у него отецъ или мать.

— Кормилица Газльвудъ, бормочетъ Филиппъ.

Раздается общій хохотъ.

— Да вѣдь Газльвудъ рабочая кормилица! слышатся восклицанія.—Ахъ, вы, простофиля!

Хромой мальчикъ съ костылемъ, видимо желая ободрить Филиппа, говоритъ:

— Можетъ, она его выкормила и...

— Ну, что вы тутъ знаете! кричатъ на хромаго мальчика.— Вѣдь вы доставлены не оттуда, а изъ мученика Іова—прикусите языкъ!

Здѣсь, какъ и въ другихъ заведеніяхъ, дѣлятся на партіи. Мальчики, доставленные изъ одного прихода, живутъ дружнѣе и поддерживаютъ честь своего прихода очень запальчиво. И въ этомъ можно выслѣдить ту же ревнивую охрану своей личности, о которой мы уже упоминали, какъ впрочемъ ее можно выслѣдить и во всемъ, что ни проявляется въ жизни.

— Ну, что вы, найденышъ, что ли? Васъ подкинули? спрашиваютъ Филиппа.— Смѣлѣй, мальчуганъ! Нечего этимъ стѣсняться! Здѣсь у насъ довольно вашего сорта людей!

Филиппъ разъ слышалъ, кормилица Газльвудъ разсказывала попечителю, пріѣзжавшему осматривать заведеніе, что мать Филя была лэди и умерла въ тюрьмѣ; онъ особенно запомнилъ этотъ фактъ потому, что джентльменъ погладилъ его по головкѣ и далъ ему полпенни.

— Ну, не стыдитесь! кричитъ одинъ бойкій мальчикъ.—Вотъ этотъ молодецъ такъ былъ привѣшенъ въ рыбной корзинкѣ къ дверной ручкѣ!

— Неправда! отвѣчаетъ обвиненный.—Моя мать прачка и получаетъ два шиллинга и шесть пенсовъ въ недѣлю, и получаетъ еще за свой ревматизмъ два хлѣба...

— Не бойтесь! прерываетъ хромой мальчикъ.—Скажите товарищамъ все, чисто на чисто. Они добрые товарищи. Васъ подкинули и у васъ никого нѣтъ?

— У меня есть кормилица Газльвудъ, отвѣчаетъ Филиппъ, глотая слезы.

— Да это не то совсѣмъ! У васъ нѣтъ родныхъ, которые бы вамъ подарили красный шарфъ, вотъ какъ у насъ? говоритъ ему мальчикъ въ красномъ шарфѣ.

Цвѣтной шарфъ служилъ главнымъ показнымъ различіемъ между имѣющими какое-нибудь родство и совершенно заброшенными и безродными. Начальство снабжало всѣхъ одинаковыми черными ленточками на галстухъ, и при первомъ взглядѣ на толпу мальчиковъ сейчасъ можно было отличить «счастливыхъ», у которыхъ былъ родной или близкій человѣкъ: цвѣтные шейные платки и шарфы немедленно бросались въ глаза.

— Такъ вы сами не знаете, какъ попали въ св. Лазаря? продолжается допросъ.

Филиппъ отрицательно качаетъ головою.

— Ну, а это знаете, на «какомъ основаніи» васъ приняли, а? Какое у васъ было право? Кто вашъ отецъ? Можетъ, онъ былъ «разслабленный?»

— Я слышалъ, кормилица Газльвудъ говорила, что моя мать была леди, отвѣчаетъ Филиппъ.

Всѣ разражаются хохотомъ.

— Хо! Хо! Охъ-хо-хо! вотъ еще одинъ джентльменъ! кричатъ со всѣхъ сторонъ. — Биль Фортшенъ! Биль Фортшенъ! подите-ка, покумитесь съ этимъ джентльменомъ! Это землякъ! Вашъ отецъ, вы говорите, былъ ключникомъ у принцевъ, а вотъ у него мать, должно быть, служила тамъ же поварихою!

Филиппъ не можетъ дольше сдерживать слезъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, принимается горько плакать.

Вниманье жестокосердыхъ товарищей отвлечено бумажнымъ змѣемъ, и около Филиппа остается только одинъ хромой мальчикъ. Хромой мальчикъ садится около него и сидитъ тихонько, не мѣшая ему выплакаться. Когда, по его мнѣнію, настала пора перестать, онъ треплетъ Филиппа легонько по плечу и говоритъ:

— Вы не плачьте, а то всѣ товарищи сейчасъ прозовутъ васъ «нюнею», и «плаксою», и «слезокапкою»...

Филиппъ старается сдерживать слезы. Хромой мальчикъ, переждавъ съ минуту, продолжаетъ:

— Коли вы хотите быть моимъ пріятелемъ, такъ я буду вашимъ тоже; у меня нѣтъ пріятелей, потому что я хромой и не могу съ ними играть. Меня зовутъ Недъ Перчезъ. Моя мать померла въ госпиталѣ, и я приписанъ къ св. Витусу — въ — Поляхъ. Я не помню отца, но онъ содержалъ пивную лавочку въ Ньюкестлѣ на Туайнѣ, и много лѣтъ платилъ подати. Меня прозвали «гусенкомъ», потому что у меня только одна нога.

— Вы такъ и родились безъ ноги? спрашиваетъ Филиппъ.

— Нѣтъ. Ее отрѣзалъ въ госпиталѣ докторъ Шарпъ. Кто были ваши родители?

— Очень было больно какъ рѣзали?

— Я не помню. Мнѣ было тогда четыре года. Вы помните своего отца?

— Вы безъ ноги ничего не можете дѣлать?

— О! я очень могу! Я не то, что Томъ Лоттъ, у котораго нѣтъ правой руки! Я могу заняться всякими ремеслами! Вотъ тоже Минъ Соундерсъ бѣднягa — у него спинной хребетъ поврежденъ—никогда не можетъ ничего дѣлать; весь вѣкъ свой тутъ останется, пока умретъ.

Недъ Перчезъ ведетъ новаго товарища и показываетъ ему всѣ рабочія. Филиппъ ко всему приглядывается, и послѣ общаго осмотра выражаетъ мнѣніе, что лучше всего работать на фермѣ, или на полѣ.

Къ вечеру они окончательно дружатся, довѣряются другъ другу и вмѣстѣ начинаютъ строить планы будущей жизни.

— А я бы желалъ разбогатѣть, какъ попечитель! говоритъ Филиппъ. — О, еслибы я могъ разбогатѣть, какъ онъ!

— Богъ не даетъ всѣмъ богатства, отвѣчаетъ Недъ поучительнымъ тономъ: — хотя капеланъ говоритъ, что Богъ всѣхъ одинаково любитъ, и что богатые ли, бѣдные ли — ему все равно.

— За что же это Богъ любитъ богатыхъ больше насъ? Я не понимаю! Все онъ имъ даетъ... много всего, а бѣднымъ...

— Не знаю, право, Филь. Капеланъ говоритъ, что мы всѣ будемъ очень награждены, когда помремъ, и тоже онъ говоритъ, что богатому такъ же трудно попасть въ царство небесное, какъ все равно пролѣзть въ игольное ушко.

— Коли только всѣ туда бѣдные пойдутъ, вотъ будетъ тамъ народу-то! Ну что жъ, тамъ кто будетъ о насъ заботиться?

— Самъ Богъ, Филь; вы вѣдь знаете, онъ все можетъ. Онъ сотворилъ и міръ, и деньги, и все, все на свѣтѣ, тысячи и тысячи лѣтъ тому назадъ.

— Тысячи и тысячи лѣтъ назадъ! повторяетъ Филиппъ. — Меня тогда еще не было на свѣтѣ!

Въ дисциплинированномъ, попечительно и добропорядочно содержанномъ стадѣ дѣтей является неугасимая пытливость, тонкое и бойкое пониманье окружающихъ отношеній, и хотя смутное, неуясненное, но глубокое убѣжденіе въ неравноправности смертныхъ.

Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Сына обезпеченныхъ великихъ и среднихъ міра сего баюкаютъ поблажки и ласки, жизнь представляется ему, такъ сказать, въ очищенномъ, облагороженномъ видѣ и онъ (если только не одаренъ какими-нибудь необычайными, изъ ряду вонъ выходящими чуткими способностями) хорошенько продеретъ глаза лѣтъ въ двадцать и наконецъ смекнетъ, что многое было говорено папашей и мамашей превратно. (Мы оставляемъ въ сторонѣ прекрасныя исключенія, а беремъ общія положенія). Смекнувъ это, онъ, по свѣжести своей, огорчится, но дальше огорченія не двинется. Чтобъ двинуться, надо отказаться отъ нравственной нѣги и отъ физической, а онъ къ нѣгѣ привыкъ, сжился съ ней, она вошла, такъ сказать, въ его плоть и кровь. Заботливая опека убила въ немъ силу, но многосторонніе вершки образованія развили въ немъ искусство все примирять. И онъ начинаетъ съ примиреній, пока современемъ не выйдетъ на родительскую дорожку. (Мы опять оставляемъ въ сторонѣ прекрасныя исключенія).

Одинокаго убогаго рабочаго мальчика, правда, не пригрѣваетъ мягкое родное крыло, но за то оно и не мѣшаетъ ему дышать вольнымъ воздухомъ, не закрываетъ ему свѣта божьяго, не налегаетъ на него, какъ пуховикъ. У него съ десяти лѣтъ уже вырабатывается взглядъ, что въ мірѣ плохо и является вопросъ:

за что же? И такъ-какъ ему дается выработка вопросовъ не путемъ утѣхъ и удобствъ, а путемъ лишеній и горя, то онъ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, ища выхода. Если онъ этого выхода и не находитъ, то по крайней-мѣрѣ прокладываетъ другимъ, будущимъ искателямъ, тропинки и пути.

— Что же это? значитъ, надо бросать дѣтей?! застонутъ читатели, страстные родители: — значитъ, надо подкидывать дѣтей въ нищенскія школы???

Какъ можно бросать! Бросать — звѣрство. Никто не посовѣтуетъ тоже подкидывать ихъ въ нищенскую школу. Мы желаемъ только сказать, что нѣтъ худа безъ добра, и нѣтъ пока у насъ такого добра, въ которомъ не было бы худа.

Изъ-подъ крылышка родителей (опять оставляя въ сторонѣ прекрасныя исключенія) выходятъ тонко-развитые, но нравственно-разслабленные люди; изъ нищенскихъ школъ (или просто не школъ, а кануръ) выходятъ люди болѣе закаленные, прочные, но неотесанные и грубые. Первые слабонервны, на добро и на зло идутъ нерѣшительно, прямо сильныхъ ударовъ никому и ничему не наносятъ, а больше изъ-за угла, прикрывшись какой-нибудь благовидной добродѣтелью; вторые, гдѣ можно, лѣзутъ на проломъ, гдѣ могутъ, съ похвальбой вымещаютъ на другихъ свою напасть; изъ первыхъ образуются благородные офицеры и чиновники, благонамѣренные профессора и писатели, либеральные банкиры и искусные администраторы; изъ вторыхъ выходятъ карманные воры, придорожные грабители, горькіе пьяницы, ожесточенные звѣри, приживальщики, идіоты и необыкновенные люди.

— Я это предчувствовалъ! прерываетъ читатель. — Я предчувствовалъ, что вы подъ конецъ найдете между грабителями и ворами необыкновенныхъ людей! Помилуйте! Да я вамъ могу привести примѣры, что люди съ громаднымъ богатствомъ были двигателями... будто здѣсь нѣтъ живой струи!...

— Читатель! позвольте снова напомнить вамъ, что мы оставляемъ въ сторонѣ рѣдкости, а беремъ общіе выводы! Живая струя есть, но она едва сочится между тиной, иломъ и всякой грязью; въ семьѣ не безъ урода, и между поколѣніями изнѣженныхъ лежебоковъ и сидней выдаются люди или, если вамъ это больше нравится, герои, но у этихъ благородныхъ героевъ не изболѣли кости, не ноютъ старыя, незаживающія раны — на ихъ долю приходится показная сторона страданья, а не чернорабочая; воздавая имъ великую честь и славу, мы, однако, не можемъ поставить ихъ рядомъ съ тѣми работниками, которые, несмотря на заѣдавшую ихъ нужду, горе, сиротство и безвыходность, нетолько себѣ пробили дорогу, но и другимъ показали путь.

V.

Незамѣтно проходитъ еще четыре однообразныхъ года. Разсказать одинъ день этой жизни, значитъ, разсказать цѣлую не-

дѣлю. Самымъ яркимъ различіемъ были измѣненія въ столѣ и у мальчиковъ вторникъ и четвергъ назывались «мясными», воскресенье, среда и пятница «сальными», а суббота «похлебкой».

Каждое утро, ровно въ шесть часовъ, раздается во дворѣ колоколъ, и при первомъ его ударѣ въ дортуарахъ начинается движеніе и суета. Черезъ пять минутъ постели убраны и всѣ ждутъ приказанія: «на колѣни!» Еще черезъ пять минутъ справлена молитва, всѣ выстроиваются въ рядъ и отправляются въ умывальную; послѣ умыванья слышенъ свистокъ, мальчики опять выстраиваются и проходятъ передъ испытующимъ начальническимъ окомъ. Затѣмъ общая молитва и завтракъ. Истребляется 700 чашекъ молока съ водою и 700 ломтей хлѣба съ масломъ. По окончаніи завтрака раздается три удара по столу, всѣ вскакиваютъ и начинаютъ на распѣвъ благодарственную молитву. Затѣмъ маршировка и разныя военныя экзерциціи; затѣмъ ученье въ классахъ, рекреація, опять классы, обѣдъ, рекреація, классъ, ужинъ — все, кромѣ рекреаціи, съ приличными случаю молитвами; наконецъ, постель и сонъ.

Филиппъ осваивается съ новыми товарищами, и скоро начинаетъ считаться даже молодцомъ и воеводою между ними, но у наставниковъ онъ на плохомъ счету. Едва скомандуютъ: «въ классъ!» онъ приходитъ въ какое-то, не то оцѣпененіе, не то изнеможеніе; онъ не можетъ себя принудить быть внимательнымъ къ скучному уроку и начинаетъ, напримѣръ, слѣдить по картѣ за извивами дорогъ, по которымъ странствовалъ святой апостолъ Петръ, или мысленно бродитъ по «обѣтованной землѣ послѣ покоренія ея израильтянами».

— Можете вы отвѣчать на предложенный вопросъ, Филиппъ Мертонъ? раздается усиленно громкій голосъ преподавателя.

— Могу, отвѣчаетъ Филиппъ, очнувшись.

— Такъ отвѣчайте!

Но оказывается, что Филиппъ не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь: онъ былъ занятъ своими размышленіями, похожа ли Азія на то, чѣмъ она изображена на картѣ, и во сколько времени могъ бы онъ туда пробраться и какимъ образомъ можно туда пробраться?

Посѣщенія близкихъ родныхъ людей производили великое впечатлѣніе въ школѣ. Всѣ дѣти веселы, играютъ, смѣются — вдругъ раздается: «Годжа зовутъ!» или «къ Кемберу пришли!» и всѣ игры въ одно мгновеніе прекращены; счастливый Годжъ или Кемберъ стремится въ пріемную, а всѣ остальные прокрадываются къ двери и стараются хоть однимъ глазкомъ взглянуть на эту рѣдкость — на близкаго человѣка, и затѣмъ тихо удаляются и начинаютъ толковать о томъ, что̀ помнятъ о своихъ отцѣ, матери, или о томъ, что̀ знаютъ о нихъ по слухамъ, или по своимъ догадкамъ.

Но особенно ныли и терзались маленькія сердца, когда «счастливый» снова появлялся между ними съ раскраснѣвшимся

сіяющимъ лицомъ и съ волчкомъ или съ апельсиномъ въ рукахъ. Всѣ окружали его и всѣ спрашивали, «кто былъ и что̀ далъ?» Нѣкоторые долго ходили слѣдомъ за «счастливымъ» и выпрашивали «хоть чуточный кусочекъ корочки» попробовать, другіе мрачно расходились по угламъ; на всѣхъ цѣлый день послѣ того тяготѣло какое-то свинцовое уныніе.

Филиппа посѣщали двѣ особы: кормилица Газльвудъ и миссъ Перриненъ, начальница тюремнаго отдѣленія, гдѣ онъ родился.

Посѣщенія кормилицы Газльвудъ не считались большой важностью; всѣ знали, что она «рабочая кормилица» и что Филиппъ былъ только любимымъ питомцемъ изъ десятка прочихъ, которыхъ она вызывала въ пріемную и между которыми дѣлила горсточку орѣховъ.

Посѣщенія миссъ Перриненъ производили несравненно большій эффектъ. Она являлась разъ въ годъ, тщательно скрывая, откуда она, гладила по головкѣ Филиппа, вздыхала и давала ему 6 пенсовъ. Изощренная наблюдательность мальчиковъ скоро открыла, что это не «близкій», не «родной» человѣкъ, не другъ, а что-то въ родѣ тѣхъ же попечителей и благодѣтелей на жалованьѣ, какими они окружены въ школѣ. Тѣмъ не менѣе эта была важная посѣтительница, и появленіе ея всякій разъ возбуждало волненіе, зависть и ѣдкую печаль между совершенно одинокими и заброшенными.

Подъ вліяніемъ монотонной рутины и подъ гнетомъ благонамѣренно-равнодушной силы, положившей себѣ правиломъ всякаго пригонять на одинаковую нравственную колодку, Филиппа все неотступнѣе и неотступнѣе начинаетъ волновать мысль, кто его отецъ, кто мать? Точно ли мать умерла? А отецъ гдѣ?

При первомъ свиданіи съ кормилицей Газльвудъ, онъ старается выпытать у нея все, что̀ только ей извѣстно.

— Не спрашивайте объ этомъ, дитя мое, отвѣчаетъ кормилица. — Я что̀ могла, то уже давно сказала вамъ; ваша мама была хорошая, добрая, и теперь она на небѣ.

— Да Недъ мнѣ сказывалъ, что только виноватыхъ сажаютъ въ тюрьму. Значитъ, мать была тоже виноватая?

— Господи Боже мой! Филь! какъ можно говорить такія вещи о покойной матери!

— Недъ говоритъ, что она не лэди, коли умерла въ тюрьмѣ. Но вѣдь она лэди, да?

— Скажите вы Неду, чтобъ онъ лучше не разсуждалъ о чужихъ матеряхъ!

— Кормилица, милая, кто вамъ сказалъ, что она лэди? Не качайте головой — скажите мнѣ — вспомните все и скажите! если меня любите, скажите! Ну, ужь если теперь не скажете, скажете въ другой разъ, а?

Является миссъ Перриненъ въ свой годовой срокъ, Филиппъ выпытываетъ отъ нея, что̀ можетъ, и съ торжествомъ сообщаетъ

товарищамъ, что «эта лэди» знала его мать, — онѣ были пріятельницы, друзья...

— Пріятельницы? Ну, можетъ, и вправду ваша мать была лэди! говоритъ одинъ товарищъ.

— Да! она мнѣ сказывала, мать одно время у нея жила и...

— Къ чему вздумали вы насъ дурачить? прерываетъ другой, менѣе довѣрчивый товарищъ. — Коли она такой другъ вашей матери, такъ зачѣмъ же васъ записали на приходъ, ну?

Со всѣхъ сторонъ раздается насмѣшливый хохотъ.

Подобный хохотъ не раздался бы между мальчиками съ общественнымъ положеніемъ, и этому бы помѣшала не высшая благовоспитанность и не утонченное образованіе, а привычка къ всевозможнымъ общепринятымъ суррогатамъ дружбы, любви, уваженія, честности, гуманности и т. п. дорогихъ вещей. Въ благовоспитанномъ семействѣ ребёнокъ каждый день видитъ разладъ слова съ дѣломъ; онъ видитъ, какъ улыбаются, жмутъ руки и говорятъ веселыя слова тѣмъ, къ кому совершенно равнодушны, а иногда даже тѣмъ, къ кому чувствуютъ вражду или отвращеніе; его не удивитъ, если самыя восторженныя протестаціи оканчиваются ничѣмъ, и ему не покажется дико, если человѣкъ отступитъ предъ чѣмъ-нибудь, что̀ онъ въ силахъ сдѣлать для друга. Но здѣсь, среди безпріютныхъ и одинокихъ, слово «другъ» имѣетъ все свое значеніе; при первыхъ словахъ проницательнаго товарища, увлекшіеся разсказомъ Филиппа мальчики сейчасъ же соображаютъ, что лэди не годится въ друзья. И Филиппъ не споритъ: онъ самъ съ ними согласенъ.

— Однако, она все-таки знала мать, Недъ, говоритъ онъ своему другу Перчезу: — у нея есть письма матери; она видѣлась съ ней передъ ея смертью.

— И она точно умерла въ тюрьмѣ? за что̀ она попала туда? Вы бы разспросили объ этомъ хорошенько, Филь.

— Я разспрашивалъ, Недъ! Она только и сказала, что мать была очень обижена и несчастна, и что это ее довело до тюрьмы.

Смущенный Филиппъ не въ силахъ отрѣшиться отъ заманчивыхъ мечтаній объ отцѣ и матери. Онъ перестаетъ высказывать свои надежды и упованія, но также усердно занимается постройкою всевозможныхъ воздушныхъ замковъ, какъ и прежде.

Приходитъ пора избрать какой-нибудь родъ занятій, и начальство опредѣляетъ Филиппа, вслѣдствіе его малаго прилежанія къ наукамъ и крѣпкаго здоровья, на земледѣльческія работы.

Филиппъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, работаетъ на полѣ подъ присмотромъ начальства; его освѣжаетъ вольный воздухъ и, занятый новою работою, онъ меньше предается своимъ мечтамъ.

Но незамѣтно фантастическія мечты замѣняются болѣе опредѣленнымъ стремленіемъ къ волѣ и самодѣятельности. Невдалекѣ отъ мѣста ихъ работы пролегаетъ полотно желѣзной дороги и стукъ невидимаго поѣзда, летящаго между двумя холмами, каждый разъ

сильно дѣйствуетъ на Филиппа; слѣдя глазами за исчезающей струей дыма, онъ съ тоскою спрашиваетъ себя, когда же, наконецъ, онъ куда-нибудь помчится на этой удивительной машинѣ, — вотъ другіе люди летаютъ туда и сюда — завидная ихъ участь!

Это стремленіе къ свободѣ и самодѣятельности усиливается, ростетъ съ каждымъ днемъ, и наконецъ превращается во что-то въ родѣ болѣзни; онъ дрожитъ при одной мысли о возможности вырваться изъ заведенія и бѣжать. Куда бѣжать — это для него все равно, лишь бы только бѣжать. Зачѣмъ бѣжать? И на это онъ не можетъ толково отвѣтить.

Вмѣстѣ съ Филиппомъ работаетъ Билли Фертшенъ, одинъ изъ самыхъ старшихъ мальчиковъ въ школѣ. Его сверстники, занимавшіеся различными ремеслами, давно повыходили изъ «заведенія», а онъ все продолжаетъ воздѣлывать распланированныя нивки подъ присмотромъ начальства, и это ему начинаетъ постылѣть.

— Коли бы только мнѣ найдти товарища, убѣжалъ бы я сейчасъ отсюда, и пустился бы я по морю, говоритъ онъ Филиппу. — Что̀ это за жизнь такая? работаешь все на другихъ, да на другихъ, а на себя никогда! Я хочу себѣ что-нибудь заработать, и коли они мнѣ не пріищутъ гдѣ-нибудь мѣста, такъ я имъ самъ помогу: возьму да и сбѣгу!

Затѣмъ, у нихъ начинаются втихомолку, отрывками, разговоры о морскихъ плаваніяхъ и всѣхъ ихъ прелестяхъ. Филиппа начинаютъ манить далекія странствія, и онъ почти рѣшается сдѣлаться мореплавателемъ; ему только жалко Неда и сестрицу Берти.

Но сестрица Берти, за свое примѣрное благонравіе, дѣлается любимицей начальницъ и наставницъ, и капеланъ, которому она тоже угодила скромностью и кротостью, отыскиваетъ ей мѣсто у одной своей знакомой.

Берти уѣзжаетъ, и ея отъѣздъ сильно огорчаетъ Филиппа. Уѣзжая, она обѣщаетъ ему какъ можно скорѣе выхлопотать мѣсто для него, — если можно въ томъ самомъ домѣ, куда ее помѣщаютъ, а если тамъ нельзя, то въ другомъ, гдѣ-нибудь по близости. Филиппъ нетерпѣливо ждетъ исполненія обѣщанія, но дни идутъ за днями, недѣли за недѣлями, а желаннаго извѣстія отъ Берти нѣтъ. Филиппъ часто поджидаетъ прохода капелана, и освѣдомляется о Берти; капеланъ отвѣчаетъ ему, что Берти «добрая дѣвочка и ведетъ себя удовлетворительно; что ея поведеніе заслужило ей расположенность ея госпожи». Иногда онъ ведетъ Филиппа въ свою комнату, и показываетъ ему свои отмѣтки о Берти.

— Видите, Мертонъ, Берта Газльвудъ — примѣрная дѣвочка, говоритъ онъ, трепля Филиппа легонько по головѣ: — поведеніе ея отличное, видите: встаетъ рано, слушается охотно, работаетъ усердно, регулярна въ молитвѣ. Это чрезвычайно утѣшительно! чрезвычайно утѣшительно!

Огорченіе по поводу отъѣзда любимой Берти, и по поводу неисполненія обѣщанія выискать мѣсто, подливаетъ масла въ огонь. Жгучее нетерпѣнье вырваться изъ школы и «дѣлать что-нибудь самому для себя» охватываетъ Филиппа. Каждый разъ, какъ школьный портной или башмачникъ выпускается «въ свѣтъ», Филиппъ терзается, нарекаетъ на земледѣліе, привязывающее его къ школѣ, и говоритъ Билли, что онъ намѣренъ скоро покончить съ своей каторгой; Билли ему вполнѣ сочувствуетъ.

Разъ, возвратившись съ работы, Филиппъ и Билли видятъ, что всѣ товарищи собрались около Неда Перчеза и горячо разсуждаютъ. Они узнаютъ, что Недъ назначенъ для отправки въ другую школу.

Начальство св. Витуса-въ-Поляхъ открыло, что Недъ Перчезъ незаконно приписанъ къ ихъ приходу, и сдѣлало отношеніе препроводить помянутаго ученика въ другое заведеніе, гдѣ, по закону, онъ имѣетъ право числиться.

На другой день, во время отдыха, Филиппъ и Недъ сидятъ въ уголкѣ и таинственно шепчутся съ Билли.

— Я говорю вамъ, шепчетъ Билли: — я самъ читалъ! Вотъ въ той старой газетѣ, изъ которой клеили змѣя, такъ и напечатано: «поѣхалъ бѣднымъ мальчикомъ изъ Портсмута, и доплылъ до самой Индіи, а теперь оттуда воротился на своихъ корабляхъ и навезъ видимо-невидимо золота и попалъ въ члены парламента». Коли не вѣрите, подите сами прочитайте, — недалеко отъ змѣинаго хвоста этотъ листокъ; прочтите-ка, какъ его тамъ поздравляютъ разные джентльмены и пьютъ за его здоровье на обѣдѣ; и обѣдъ этотъ въ честь его сдѣлали!

— А въ какой сторонѣ Портсмутъ? спрашиваетъ Филиппъ.— Гдѣ это?

— О, недалеко! отвѣчаетъ Билли, который имѣетъ смутное представленіе, что Портсмутъ находится гдѣ-то по близости Лондонскаго моста. — Мы отлично доберемся туда и сейчасъ тамъ найдемъ корабль.

— Я хотѣлъ бы прямо плыть въ Индію, говоритъ Филиппъ.— И хотѣлъ бы тамъ ѣздить на слонахъ и охотиться за тиграми— знаете, какъ въ той книжкѣ описано?

— А какъ на кораблѣ меня не примутъ въ моряки? а? тоскливо спрашиваетъ хромой Недъ.

— Это жь почему, гусенокъ? возражаетъ Билли.—А! то-есть это вы насчетъ хромоты? Пфа! Мнѣ часто разсказывали, что старые моряки въ Гринвичѣ совсѣмъ безъ ногъ, и лордъ Нельсонъ написанъ на портретахъ объ одной рукѣ.

Остальное время дня три заговорщика все забивались по угламъ и совѣщались.

— Лучше всего бѣжать въ субботу, совѣтуетъ Филиппъ: — послѣ переклички, когда отпустятъ погулять. Въ воскресенье долго не хватятся — перекличка будетъ только послѣ церкви.

— Мы пойдемъ, говоритъ Недъ: — въ поле, какъ будто пу-

скать змѣя, и проберемся по за скотнымъ дворомъ къ мосту, а черезъ мостъ въ лѣсъ...

— А что̀ мы ѣсть будемъ въ лѣсу? спрашиваетъ Билли.

— Какъ что́ ѣсть? Ужь коли Робинсонъ могъ прокормиться на необитаемомъ островѣ, такъ мы не пропадемъ съ голоду въ лѣсу! Тамъ, въ лѣсу, пропасть ягодъ, самая отличная ежевика... О, ежевика! вскрикиваетъ весело возбужденный Филиппъ и треплетъ себя съ наслажденіемъ по животу.

На окончательномъ совѣщаніи было постановлено запастись, на сколько возможно, хлѣбомъ на дорогу, бѣжать послѣ обѣда въ субботу, пробраться на берегъ Темзы и идти берегомъ до Портсмута, который, увѣрялъ Билли, находится гдѣ-то въ окрестностяхъ.

Въ субботу, подъ вечеръ, бѣглецы, придерживая карманы, набитые корочками хлѣба, незамѣченные пробрались въ лѣсъ и забились, какъ испуганные зайцы, въ самую лѣсную чащу.

Очень скоро всѣ ихъ веселыя представленія о бродячей жизни разсѣялись, какъ дымъ. Опытъ показалъ имъ, что Робинъ Гудъ не былъ такимъ счастливцемъ, какимъ они его воображали, и они поняли, что онъ промѣнялъ бы охотно, еслибы могъ, «зеленую сѣнь вѣтвей» на болѣе прочную и уютную кровлю.

Съ часъ они бѣжали по лѣсу, пробираясь между терновникомъ, шиповникомъ и всякими лѣсными зарослями, исцарапали себѣ лица и руки, изморились и рѣшились остановиться и заночевать. Но трава была мокрая послѣ утренняго дождя, и едва они прилегли, какъ показалась вода изъ земли, словно изъ придавленной губки.

— Билли, говоритъ Филиппъ: — вы увѣряли, что тутъ вездѣ сухой, мягкій мохъ!

— Такъ что̀ жь, развѣ неправда? Дайте ему высохнуть, и будетъ сухой и мягкій! Эхъ вы, привередникъ!

— Зашли мы туда, гдѣ, можетъ, такія напасти, что еще хуже... началъ-было Недъ.

— Можете воротиться, коли желаете! перебиваетъ Билли. — Только вѣдь теперь ужь все дѣло вышло наружу и васъ не погладятъ по головкѣ, могу завѣрить! Зададутъ такого перцу безподобнаго, что чудо! И нашу долю скушаете на здоровье!

Недъ умолкаетъ.

Они стараются развести огонь, но понапрасну изводятъ запасъ спичекъ, зажигая сырые вѣтки и листья. Продрогшіе и очень обезкураженные, они умащиваются на повалившемся деревѣ и начинаютъ утѣшать себя постройкой великолѣпнѣйшей будущности. Но ожиданіе будущихъ благъ не насыщаетъ, и скоро голодная дѣйствительность прогоняетъ мечты. Корочки, взятыя про запасъ, только пуще раздразниваютъ аппетитъ.

— Охъ, какъ здѣсь болитъ и ноетъ! говоритъ Билли, схватывая себя за животъ.— Отроду мнѣ такъ ѣсть не хотѣлось!

— Вы жуйте вотъ листья, предлагаетъ Недъ: — они похожи на шпинатъ.

— Вы увѣряли, что найдемъ ежевику и птичьи яйца, говоритъ укорительно Филиппъ.

Наконецъ Билли объявляетъ, что онъ не въ силахъ дальше выноситъ голода; онъ увѣряетъ, что чувствуетъ уже приближеніе смерти; онъ читалъ гдѣ-то, что смерть съ голоду — смерть самая ужасная; онъ будетъ искать спасенія!

Давъ слово вернуться черезъ часъ, онъ, несмотря на всѣ упрашиванья, отправляется обратно въ «заведеніе» запастись провизіей.

— А вѣдь онъ насъ выдастъ, если попадется, а? говоритъ Филиппъ Неду.

— Выдастъ, отвѣчаетъ Недъ.

Долго они сидѣли въ темнотѣ, не говоря ни слова. Вдругъ Недъ вскрикиваетъ:

— Филь! Слышите? Видите?

Вдали, по лѣсу показались приближавшіеся огоньки и раздавался хорошо извѣстный свистокъ.

Филиппъ вскакиваетъ.

— Онъ предалъ насъ, Недъ. Бѣжимъ! Скорѣй!

— Я не могу подняться, Филь; у меня онѣмѣла нога. Бѣгите! Прощайте! Когда нибудь свидимся!

Филиппъ приподнимаетъ хромаго и старается поставить его на ноги.

— Какъ же я васъ брошу имъ, Недъ! Пойдемъ! Ну, перемогитесь! Ну, попробуйте! Ну!

— Нѣтъ, Филь, не могу! говоритъ Недъ, заливаясь слезами. — Бѣгите хоть одни! Чтожъ толку, если и васъ поймаютъ? Скорѣй бѣгите! Они съ собаками! Бѣгите!

— Прощайте, Недъ! говоритъ Филиппъ и бросается бѣжать.

VI.

Желая пробраться въ Портсмутъ, Филиппъ пробирается въ Лондонъ и съ перваго же шага попадаетъ въ компанію воровъ, упражняющихся въ этомъ ремеслѣ подъ командою Билля Ванъ-Дименa.

Г. Мегью не представляетъ этихъ воровъ шайкою неисправимыхъ негодяевъ, по собственному вкусу и влеченію избирающихъ кривые, грязные пути, а людьми, сбитыми съ дороги въ грязь. Онъ не выводитъ ни одного лица, упивающагося своимъ мошенничествомъ и окончательно порѣшившаго съ совѣстью. Молодежь, правда, еще выказываетъ нѣкоторую удаль, шутитъ и бодрится, но старый Ванъ-Дименъ, несмотря на свое прославленное молодечество, доставившее ему почетное мѣсто и чинъ предводителя и командира, тихъ, угрюмъ и печаленъ.

Судя по тому, что̀ уцѣлѣло въ старикѣ Биллѣ, онъ въ моло-

дости обладалъ значительною долею сметливости, предпріимчивости, энергіи и былъ не послѣднимъ бойцомъ въ борьбѣ за существованіе. Но напоръ противныхъ силъ сломилъ его и помянутыя добрыя качества вывернулись, такъ сказать, на изнанку, и препроводили его въ ссылку за моря (въ честь этого путешествія онъ и получилъ прозвище ванъ-дименовскаго Билля), воротили обратно на родину и поставили главою воровской компаніи. Можетъ, ему повременамъ приходила мысль и желаніе (хотя бы вслѣдствіе страданій и неудачъ воровской жизни) выдти на другую дорогу; можетъ, онъ и искалъ выхода, но безъ особенно счастливаго случая это невозможно, а счастливаго случая ему не выпало. Мало-по-малу, безпрестанно раздражаемый постояннымъ немилосердымъ (хотя законнымъ) преслѣдованіемъ, онъ втянулся въ ежечасную, мелкую лихорадочную войну изъ-за угла и въ ней состарѣлся. Пришла старость, наступило то время, когда у трусливыхъ грѣшниковъ, вмѣстѣ съ отяжелѣніемъ тѣла, является раскаяніе въ прежнихъ компрометирующихъ проступкахъ, и когда они начинаютъ искать примиренія съ совѣстью и теплаго уголка для отдыха.

Старый каторжникъ, потратившій свои лучшія, свѣжія молодыя силы на подрывъ установленныхъ общественныхъ порядковъ и добродѣтелей, не несетъ оскорбленному обществу немощнаго раскаянія, дающаго право на теплый уголъ и сытую пищу въ какой нибудь богадѣльнѣ.

Ванъ-Дименъ воръ и мошенникъ, когда дѣло идетъ о кошелькахъ, часахъ и карманныхъ платкахъ, но онъ человѣкъ простой въ другихъ отношеніяхъ и не умѣетъ изготовлять всепримиряющихъ доводовъ и ублажающихъ компромиссовъ; онъ съ удивительною ловкостью пуститъ въ ходъ фальшивую золотую монету, но пустить въ ходъ нравственную фальшивую монету онъ не въ состояніи, какъ бы круто ему ни приходилось. Онъ сидитъ въ смрадной воровской конурѣ, потому что «нѣтъ никакой другой работы, а еслибы даже и была, то теперь не подъ силу», и перебивается кое-какъ сборомъ стараго тряпья да костей по улицамъ и пожертвованіями своей молодежи, которая еще считаетъ его своею главою, въ силу его прежней удали.

Ванъ-Дименъ перевязываетъ свои загноенныя ноги сухими лохмотьями, когда молодой Бьюкъ вводитъ въ притонъ Филиппа.

— Товарищи! восклицаетъ Бьюкъ: — поглядите, какая рыбка попалась мнѣ на удочку, просто чудо! Что̀ за мягкость и нѣжность руки! Что̀ за гибкость пальчиковъ! Прелесть! Гляжу, стоитъ, словно ошеломленный, и глядитъ на лампы. Ничего, говоритъ, не знаю и не понимаю. Ну, говорю, пойдемъ со мной, я заведу въ хорошее мѣсто. Не перечилъ ни единымъ словомъ — пошелъ за мной, какъ теленокъ за матерью! Какова находка, а?

Билль Ванъ-Дименъ не даетъ ему дальше продолжать.

— Замолчите! говоритъ онъ мрачно: — замолчите вы! Я не

позволю закабалить этого ребенка въ наше ремесло! Зачѣмъ вамъ хочется его втянуть въ наше собачье житье? Оставьте его! Отойдите!

И, наклоняясь къ Филиппу, онъ говоритъ ему, смягчая, на сколько можетъ, свой голосъ:

— Пойдемъ, птенчикъ; здѣсь вамъ не мѣсто. Крѣпитесь, пока можете! крѣпитесь, пока силъ хватитъ!

Онъ схватываетъ Филиппа за руку и быстро уводитъ изъ притона, не обращая вниманія на удивленіе своей братьи и на испугъ мальчика.

— Прежде всего поѣшьте, птенчикъ, говоритъ старый каторжникъ: — вы небось отощали? У меня въ карманѣ имѣется кое-что про запасъ, и я куплю вамъ кружку пива. Вы меня не бойтесь; я хоть воръ, а я пальцемъ до васъ не дотронусь; я вамъ не сдѣлаю вреда, мальчикъ.

Онъ вводитъ Филиппа въ темную убогую харчевню, развертываетъ передъ нимъ тряпицу съ объѣдками и спрашиваетъ для него пива. Ободренный Филиппъ разсказываетъ ему всю свою исторію, заканчивая ее громкими рыданіями.

— Полно, мальчикъ, полно! говоритъ Ванъ-Дименъ. — Никогда не надо отчаяваться. Послушайте, что̀ я вамъ скажу. Я вотъ могу вамъ дать шесть пенсовъ. Хорошо. За два пенса вы переночуете, а за остальные четыре вы начнете торговать. Вы, можетъ, удивляетесь, какъ это за четыре пенса торговать? Э! иные торгуютъ на пенни и живутъ, не заглядывая ни въ рабочій домъ, ни въ тюрьму. На два пенса мальчикъ, какъ вы, можетъ продержаться цѣлый годъ, а то и два года. Другіе держались даже больше двухъ лѣтъ... Такъ вотъ что: я васъ снаряжу на базаръ,—знаете крессовый базаръ? Куплю вамъ деревянный лоточекъ или подносикъ и торгуйте себѣ! Только, сохрани Богъ, коли вы растратите хоть немножко денегъ,—вы тогда пропали. Послушайтесь моего совѣта, мальчикъ, я видалъ на вѣку горя, можетъ, больше, чѣмъ всякій другой — крѣпитесь, не давайте себѣ поблажки ни въ чемъ. Испробуйте все, что̀ можно! Крѣпитесь!

На базаръ, куда Ванъ-Дименъ снаряжаетъ Филиппа, стекаются бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ уличныхъ торговцевъ и разнощиковъ, торговокъ и разнощицъ; дѣти, брошенные родителями, или осиротѣвшіе, изувѣченные, изкалеченные, потерявшіе силы старики и старухи, всѣ тѣ, кто боится рабочаго дома и не попалъ (или еще не попалъ) въ какое-нибудь сомнительное братство.

На постояломъ дворѣ, гдѣ Ванъ-Дименъ помѣстилъ Филиппа на ночь, мальчикъ знакомится со старухой торговкой.

— Вы, кажется, по части кресса, юнецъ? спрашиваетъ она, увидя Филиппа съ оловяннымъ подносомъ подъ мышкой.—Хорошо торговали сегодня? Я вѣдь тоже по этой части.

— Я еще никогда не торговалъ, отвѣчаетъ Филиппъ и вслѣдъ затѣмъ разсказываетъ ей подробно всю свою исторію.

— Добрая душа, должно быть, этотъ Ванъ-Дименъ! говоритъ старуха, выслушавъ повѣствованіе.— Пусть его Богъ благословитъ! Такъ далъ онъ вамъ шесть пенсовъ, вы говорите, да? Ну, съ этими деньгами вы можете пойдти далеко! Вы за четыре-то пенса купите такой пучокъ, что чудо! Можете на немъ заработать больше шиллинга!

— Такъ я, значитъ, много денегъ сберу? спрашиваетъ Филиппъ, проясняясь.

— Ну, мой дружокъ, не такъ-то легко пропитать свою душу, какъ вы полагаете! Я частенько брожу по улицамъ да питаюсь корками, что́ выбрасываютъ для воробьевъ. Да, трудно подъ часъ приходится, дружокъ. Кромѣ того, что счастье, надо еще и умѣть выбрать товаръ. Мнѣ, напримѣръ, не подсунутъ лежалаго, ужь это вы будьте спокойны! Тоже если неполный пучокъ даютъ, такъ я говорю: «извините, а я ужъ лучше пойду къ вашему сосѣду», а сосѣда иду стращаю тѣмъ же, и такъ обхожу всѣхъ ихъ. Вы тоже учитесь съ ними хитрить такимъ манеромъ, а то ничего изъ вашихъ хлопотъ не выйдетъ.

— О, меня не проведутъ! замѣчаетъ увѣренно Филиппъ.

— А вы рано встаете? Я вотъ встаю, когда еще совсѣмъ темно на дворѣ и несу сейчасъ товаръ подъ помпу, освѣжить водою. Ухъ! какой холодище бываетъ на разсвѣтѣ! руки застываютъ и такъ тебя и ѣстъ! Вы мальчикъ здоровый, васъ это не такъ проберетъ, какъ насъ, стариковъ, или какъ маленькихъ хиленькихъ дѣтей. Вотъ тоже горемычные бѣдняжки! Выползутъ это босые, посинѣютъ всѣ и начнутъ плакать съ холоду. Просто сердце разрывается, глядя на нихъ.

— Я думалъ, мало кто торгуетъ крессомъ...

— Мало, кто торгуетъ! да на рынкѣ ихъ за разъ наберется пятьсотъ; а схлынутъ одни, набѣгутъ другіе пятьсотъ. Больше тысячи насъ, малыхъ и старыхъ, занимается крессомъ.

— Больше тысячи! такъ гдѣ же мнѣ торговать, коли такъ ихъ много!

— Трудно, а все-таки слѣдуетъ попытать счастья, мальчикъ. Я вамъ покажу такія мѣста, гдѣ хорошій сбытъ. Надо пробираться туда, гдѣ что нибудь строится — плотники и каменщики очень покупаютъ къ завтраку; тоже по переулкамъ недурной сбытъ, а лучше всего такъ это около извощичьей биржи—кучера очень любятъ кроссъ, очень.

— Кроссъ всѣ, должно быть, любятъ, говоритъ Филиппъ, который отроду его не пробовалъ и даже въ глаза не видалъ.

— Слава-Богу, онъ имѣетъ-таки свою привлекательность. Говорятъ, онъ очищаетъ кровь. Слава-Богу!

На слѣдующее утро Филиппъ и старая торговка вышли, когда еще на сизомъ небѣ мерцали звѣзды. Всѣ улицы были пусты и имъ встрѣчались только полисмены съ фонарями; на извощичьей

биржѣ стояло только два кеба; лошади дремали, поникнувъ головами, кучера спали внутри экипажа; затѣмъ попался навстрѣчу разнощикъ горячаго кофею съ своею походной утварью, прогремѣла телега мясника, полетѣвшая на мясной рынокъ, прошло нѣсколько человѣкъ, служащихъ при пивоварнѣ, тамъ и сямъ показались тряпичники съ своими корзинками за плечами и съ фонариками въ рукахъ. Филиппъ слышалъ издали крикъ трубочиста, предлагающаго свои услуги.

Базарныя ворота еще были заперты, но скоро со всѣхъ сторонъ начали сбираться люди, или лучше сказать охапки лохмотьевъ. Въ ожиданіи они ходили взадъ и впередъ передъ запертыми дверями, стараясь согрѣть ноги и хлопали руками, и потирали ихъ; кто явился съ старой корзиной, кто съ лоткомъ, кто съ подносомъ, и все это старое и все грязное, все кое-какъ скрѣплено веревочками или ржавой проволокой, или заплатой изъ грубаго тряпья. Одна маленькая дѣвочка, въ ветхой юбочкѣ, на которой лохмотья образовали причудливую бахрому, стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ, въ большихъ суконныхъ заплесневѣлыхъ туфляхъ и держала согнутый заржавленный чайный подносъ въ посинѣвшихъ рукахъ. Нѣкоторые горемыки подладились къ продавцу кофе и получили отъ него позволеніе погрѣть немножко пальцы надъ жаровней; чуть тепло касалось ихъ, они начинали чувствовать дремоту и зѣвать.

Едва пробило на церковныхъ часахъ пять, отворились ворота и базаръ начался. Покупатели ласкательнымъ тономъ заговариваютъ съ продавцами, дѣти вскрикиваютъ отъ толчковъ, получаемыхъ въ общей суматохѣ. «Какъ поживаете, какъ ваше здоровье, мистриссъ Долендъ?» слышится льстивый старушечій голосъ: «каковъ холодъ — жжетъ какъ кипятокъ!» — Купилъ я у васъ пучокъ, не поглядѣлъ, повѣрилъ на слово, а онъ совсѣмъ никуда не годился — какъ есть вялый! — доносится укорительная жалоба.

Толпа расходится, когда еще не совсѣмъ разсвѣло; остаются самые горемычные изъ горемычныхъ. Болѣзненный на видъ мальчикъ, лѣтъ пяти, у котораго свѣтится тѣло сквозь просѣтившіяся лохмотья, подходитъ къ продавщицѣ, переступая посинѣвшими ногами, какъ кошка по грязи.

— Дайте мнѣ негодящаго, Джинни! проситъ онъ: — который ужь вамъ ненуженъ!

Съ базару отправляются всѣ «освѣжать» купленную зелень, а затѣмъ выбираютъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ пустаго рынка мѣсто, усаживаются и принимаются связывать зелень въ пучки. Тогда завязываются разговоры. Старые толкуютъ о своихъ болѣзняхъ, несчастіяхъ, лишеніяхъ, дѣти толкуютъ о томъ, каковъ будетъ сегодня сбытъ и гдѣ даютъ большіе куски пуддинга за пенни.

Въ первые дни Филиппъ едва заработывалъ на сухой хлѣбъ и спалъ съ другими мальчиками въ неоконченномъ строеніи. Онъ

не разъ, лежа на твердой холодной землѣ, пожалѣлъ о постелѣ въ школѣ св. Лазаря.

Восьмилѣтняя дѣвочка научила его искусству сбывать товаръ. Это была удивительно смышленая продавщица, но такая хилая, что прочія, завидуя ея успѣху, выгнали ее изъ своихъ «участковъ».

Филиппъ за нее заступился и ее отстоялъ; съ этого у нихъ началось знакомство и дружба. У нея было худое, бѣлое, какъ мѣлъ, личико съ морщинами, вмѣсто ямочекъ, и она постоянно вздыхала, словно удрученная заботами и тревогами. Говоря о напастяхъ и горѣ въ жизни, она пугала Филиппа своею серьезностью и спокойствіемъ.

— Вы смотрите, какъ я буду продавать и учитесь, говоритъ она ему и отправляется подавать ему примѣръ.

И она начинаетъ просить, и кланяться, и приставать, такъ-что почти всякій у ней покупаетъ, лишь бы отвязаться.

— Ну, трудная эта работа! говорилъ Филиппъ.

— А! теперь ничего; а вотъ среди зимы, такъ гораздо-хуже. Всѣ говорятъ: «убирайтесь съ вашимъ крессомъ! и безъ него мерзнемъ!» Я разъ такъ долго голодала, что какъ подошла къ съѣстной лавочкѣ да услышала запахъ кушанья, такъ и упала.

— Господи, Эленъ! какъ это вы всегда покойно говорите! просто вы меня пугаете! И хоть бы разъ вы разсмѣялись!

— Съ какой радости смѣяться?

— И никогда вы не играете, и ничего такого...

— Я иногда играю, только мнѣ это невесело и незанимательно. Послѣ кресса этого, очень всегда изморишься—двигаться не хочется.

— Такъ вы бы спать легли, какъ изморитесь!

— Нельзя. Дома есть работа ввечеру.

— Вѣдь вы себя уморите!

— О, нѣтъ, не уморю. Прошлой зимой было хуже, а видите, я жива.

Филиппъ скоро изловчается и начинаетъ сбывать товаръ не хуже другихъ, но, несмотря на всю ловкость, онъ только можетъ сохранить оборотный капиталъ; онъ питается сухими корками и зазеленѣвшими объѣдками, ночуетъ въ недостроенныхъ домахъ; ему ни разу не удается поѣсть до сыта, ни отогрѣться.

Измученный, голодный, иззябшій онъ бродитъ по улицамъ.

— Не бросить ли все это сразу, думаетъ онъ, чѣмъ терзать себя по немножку? какъ ни терзайся и какъ ни крѣпись, вѣдь ничего изъ этого не выйдетъ! Ну, еще разъ попробую загадаю: коли упадетъ монета на право, такъ попытаю еще счастья.

Монета падаетъ на право и Филиппъ съ новой энергіей начинаетъ выкрикивать свой товаръ.

Но гаданье безсовѣстно его обмануло. Удачи нѣтъ.

— Лучше бы не родиться мнѣ на свѣтъ! говоритъ онъ, вы-

брасываетъ товаръ въ канаву и отправляется къ окну съѣстной лавочки.

— Посмотрю я на ѣду, думаетъ онъ, понюхаю. Еслибы услышать запахъ кушанья! Можетъ, отъ запаха я упаду, какъ Эленъ и можетъ умру; или хоть обо всемъ забуду.

Онъ долго смотритъ въ окно, слѣдитъ за покупателями, мучится голодомъ и завистью; наконецъ, бросается въ лавочку и проѣдаетъ оборотный капиталъ.

НѢЧТО О ЗАСѢДАНІЯХЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗЕМСТВА.

(Декабрь 1868).

Въ то самое время, когда я пишу предлагаемый отчетъ о засѣданіяхъ петербургскаго земскаго собранія, во многихъ городахъ Россійской Имперіи, въ залахъ мѣстныхъ дворянскихъ собраній, раздаются громкіе голоса господъ гласныхъ, старающихся доказать всему міру, что не даромъ они называются гласными. О, Господи, еслибы можно было сосчитать, сколько въ теченіе этихъ послѣднихъ дней выпущено изъ устъ гг. гласныхъ словъ въ ихъ рѣчахъ и спорахъ, безъ сомнѣнія, крайне полезныхъ для отечества, но, къ сожалѣнію, пропадающихъ безслѣдно, такъ-какъ въ губернскихъ городахъ еще не успѣли обзавестись порядочными стенографами! Какой бы богатый матеріалъ представился для будущаго историка; сколько работы доставили эти полезныя слова наборщикамъ губернскихъ типографій, пробивающимся теперь кое-какъ, иногда впроголодь, иногда вполсыта!

Рѣчи гг. губернаторовъ при открытіи собраній въ нынѣшнемъ году были особенно удачны, а, что̀ самое главное, — очень разнообразны; не то, что на собраніяхъ перваго созыва, когда ораторы, по непривычкѣ къ произнесенію словъ при публикѣ, въ волненіи роняли свои, переписанныя на бумажку, рѣчи подъ стулъ и окончательно сбивались съ толку послѣ словъ: «милостивые государи!» Вятскій губернаторъ, при открытіи собранія въ своемъ подначальномъ городѣ, публично заявилъ, что онъ «будетъ скорбѣть, какъ скоро собраніе сдѣлается ареною интригъ, быть можетъ, уже подготовленныхъ». Казанскій губернаторъ, не упоминая ни слова о заготовленныхъ заранѣе интригахъ, указываетъ земству на его дамбу, дорога по которой до такой степени испорчена, что казанцамъ скоро нельзя будетъ даже выбраться изъ своего роднаго города. Нижегородскій губернаторъ не упоминалъ въ своей рѣчи ни о дамбѣ, ни объ интригахъ, такъ-какъ этихъ вещей въ Нижнемъ Новгородѣ нѣтъ, но за то благодарилъ земскихъ дѣятелей за отмѣнное ихъ усердіе. Вообще, куда теперь ни посмотришь — всюду рѣчи произносятся, вездѣ

спорятъ и препираются о народномъ образованіи, о земскихъ лошадяхъ и путяхъ сообщенія, которые, какъ замѣтно, повсемѣстно пришли въ однообразную ветхость и негодность. Во многихъ мѣстахъ и земство успѣло уже заразиться новой повальной болѣзнью: страстью къ концессіямъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, и шлетъ въ Питеръ депутатовъ цѣлыми отрядами. Казанская депутація, на дняхъ ожидаемая въ Петербургъ, вѣроятно, пріѣхала бы раньше, еслибы дорога по дамбѣ, на которую указывалъ въ своей рѣчи губернаторъ, не до такой степени была испорчена. Теперь, впрочемъ, въ бо́льшей части мѣстностей дѣловыя рѣчи уже прекратились и начались, такъ-называемыя, благодарственныя, акаѳисто-образныя, произносимыя на жирныхъ обѣдахъ, задаваемыхъ въ честь закрытія засѣданій.

Въ ожиданіи подробныхъ отчетовъ изъ губерній, скажемъ нѣсколько словъ о своемъ, петербургскомъ собраніи, которое закрыто только лишь на дняхъ.

Самый уже внѣшній видъ залы петербургскаго собранія представлялъ множество такихъ особенностей, какихъ въ провинціи замѣтить не удастся. Въ провинціальныхъ городахъ, главнѣйшую особенность собраній представляетъ собою клубный буфетъ, изъ котораго до самой залы доносится запахъ пироговъ, очень привлекательный, такъ-какъ собранія назначаются тамъ, обыкновенно, по утрамъ, въ самый адмиральскій часъ, а не по ночамъ, какъ здѣсь. Въ петербургскомъ о пирогахъ и рѣчи нѣтъ и — много-много, если въ буфетѣ какой-нибудь стаканъ чая получишь. По случаю пріѣзда знаменитаго піаниста Антона Рубинштейна, который даетъ концерты въ дворянскомъ же собраніи, огромная зала засѣданій была вся сплошь уставлена, устроенными на время, возвышеніями въ родѣ амвоновъ и эшафотовъ съ плотными рядами нумерованныхъ стульевъ для публики. Посреди залы, къ правой ея сторонѣ, на особенномъ эшафотѣ, помѣщались два рояля для артиста, а дальше, за плотною массою стульевъ, подъ портретомъ государя, отгорожена небольшая площадка съ длиннымъ предсѣдательскимъ столомъ и скамьями для гласныхъ. Освѣщалась во всей огромной залѣ только лишь одна эта площадка, съ заключенными въ ней гласными, а все прочее пространство заключало въ себѣ на столько лишь свѣта, на сколько необходимо для того, чтобы привычкшіе къ темнотѣ сторонніе посѣтители не трескались другъ о друга лбами. Изъ полумилліоннаго населенія Петербурга охотниковъ до земскихъ преній отыскалось только лишь человѣкъ пятнадцать-двадцать, да и то бывали они не всѣ вразъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней всего было только семь человѣкъ: два нѣмца, которые, вѣроятно, разсчитывали попасть не на собраніе, а на концертъ, потому что оба очень быстро удалились; потомъ два офицера и три штатскихъ, въ числѣ которыхъ была одна барыня, доказывая какъ бы своимъ появленіемъ, что у насъ и женскій полъ интересуется общественными дѣлами почти въ такой же степени, какъ и мужской.

Пустынный, нѣсколько мрачный видъ огромной залы, безпорядочно заваленной мебёлью, по которой глухо раздавались баснстые голоса растерянныхъ въ пространствѣ гласныхъ, невольно наводилъ на мысль о сочельникѣ, или, вообще, о послѣднихъ дняхъ предъ большимъ какимъ-нибудь праздникомъ, когда въ домахъ благочестивыхъ горожанъ начисто вымываются полы и очищается паутина и, вообще, всякая, накопившаяся въ углахъ и на потолкахъ, дрянь. Такъ вотъ все и думалось, что сейчасъ появится толпа полотеровъ и сторожей съ длинными щетками и скажутъ гг. гласнымъ и посѣтителямъ: «теперь, господа, не угодно-ли вамъ вонъ убираться, а не то запачкаемъ мы васъ!» Совсѣмъ другой видъ представляетъ эта блестящая зала, когда подъ ея сводами раздаются — не звуки голоса князя Трубецкого о ненужности народнаго образованія, — а мелодическіе звуки, извлекаемые изъ струнныхъ инструментовъ искусными руками Антона Рубинштейна.

Сказавши нѣсколько словъ о внѣшности залы, обратимся теперь и къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ на собраніи шла рѣчь; но, изъ опасенія оставить и уважаемый мною журналъ такимъ же пустымъ, какими оказались засѣданія земства, постараюсь быть какъ можно поэкономнѣе въ расходованіи словъ.

Въ первыя два засѣданія, собраніе, не приступая еще къ обсужденію доклада и отчета управы, разрѣшило три отдѣльные вопроса, изъ которыхъ одинъ до такой степени оригиналенъ, что мы считаемъ нужнымъ объ немъ упомянуть. Казенная палата потребовала отъ земства за составленіе генеральнаго отчета по расходованію земскихъ суммъ, за время до пріема дѣлъ управою, 400 рублей. Земство немедленно согласилось на такую плату, но получило отъ палаты такой отчетъ, что онъ не стоилъ нетолько четырехъ сотъ, но даже и четырехъ рублей: въ отчетъ этотъ вкрались такія неточности, что невозможно было опредѣлить размѣра суммъ, перешедшихъ въ распоряженіе земства. На справедливый упрекъ управы, казенная палата отвѣчала, что за четыреста рублей она несогласна работать надъ составленіемъ такого отчета, который былъ бы годенъ къ употребленію; что если собраніе согласится прибавить еще рубликовъ двѣсти къ прежнимъ четыремъ стамъ, то, пожалуй, палата доставитъ уже заказанную вещь въ настоящемъ видѣ: будетъ уже въ самомъ дѣлѣ вещь, а не мечта, не пустяки. Дѣлать нечего: собраніе, по нуждѣ, согласилось прибавить двѣсти рублей, но, какъ видно, не вѣритъ уже въ обѣщанія мастеровъ, съ наклонностями чисто русскими, о которыхъ упоминалъ Гоголь. Высказано даже было, что это уже — послѣднія деньги, жертвуемыя собраніемъ на составленіе такого отчета, который, казалось, долженъ бы быть полученъ управой безъ всякихъ издержекъ. Казенная палата, повидимому, смотритъ на земство, какъ на частное лицо, или на частное товарищество на акціяхъ, съ котораго, чѣмъ больше взять, тѣмъ лучше, позабывая совершенно,

что и ея чиновники живутъ на земскія же деньги и что ея единственная обязанность — считать все, да считать. Казенная палата, какъ видно, признала себя просто за частную мастерскую, принимающую заказы со стороны, да, притомъ, и мастерскую-то не нѣмецкую, отличающуюся аккуратностью. За четыреста рублей я, молъ, дѣйствительно, сдѣлала вещь никуда негодную,— но вѣдь за то дешево! Не даромъ поговорка сложилась: «дорого и мило, дешево — да гнило!» При такомъ странномъ взглядѣ на дѣло, не мѣшало бы съ точностью опредѣлить, сколько именно рублей и копеекъ стоитъ, напримѣръ, *хорошій* окладной листъ для взноса поземельныхъ, сколько стоитъ листъ средняго достоинства? и т. п. Тогда, по крайней-мѣрѣ, зажиточные землевладѣльцы положительно бы могли отказаться отъ разсылаемыхъ теперь зачастую никуда не годныхъ окладныхъ листовъ, въ которыхъ количество десятинъ и, вообще, всѣ цифры вставляются совершенно по произволу, увлекающагося собственной своей фантазіей, чиновника.

Затѣмъ собраніе приступило къ обсужденію чрезвычайно важнаго вопроса: о путяхъ сообщенія, которые, т.-е. пути-то сообщенія, повсемѣстно, по всей Россіи, всѣми управами и собраніями единогласно признаны находящимися въ самомъ сквернѣйшемъ положеніи. Трактовали объ этомъ предметѣ почти три вечера; опять всѣ убѣдились, что пути сообщенія находятся и теперь въ такомъ же скверномъ положеніи, какъ и прежде, но къ окончательному разрѣшенію вопроса не пришли ни къ какому, на томъ основаніи, что покуда нѣтъ еще для того необходимыхъ данныхъ; что необходимыя данныя только еще собираются. Намъ неизвѣстно, когда именно управа соберетъ необходимыя данныя; неизвѣстно это, разумѣется, ни собранію, ни управѣ; но и тѣмъ и другимъ очень хорошо извѣстно, что по путямъ сообщенія скоро нельзя будетъ и ѣздить, да и теперь уже ѣзда по нимъ сопряжена съ немалыми опасностями, какъ это видно изъ сообщеній, полученныхъ изъ разныхъ уѣздовъ. Гласный Новоладожскаго Уѣзда, напримѣръ, объяснилъ, что всѣ мосты Ладожскаго Уѣзда пришли въ негодность, и переправа черезъ рѣки, все большія, судоходныя, перерѣзывающія уѣздъ по всѣмъ направленіямъ, сопряжена съ опасностью жизни для переправляющихся, чему бываютъ частые примѣры; мосты же пришли въ такое положеніе потому, что въ послѣднія шесть лѣтъ совсѣмъ не ремонтировались, такъ-какъ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, на обязанности котораго лежалъ отпускъ лѣса для исправленія мостовъ, этой обязанности не исполняло, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ лѣсные, ближайшіе къ мѣсту источники уже истощены. Между тѣмъ, мосты Новоладожскаго Уѣзда, при условіи ширины и крутизны береговъ, по бо́льшей части, судоходныхъ рѣкъ, имѣютъ длину и высоту значительную, требуютъ и техническихъ сооруженій; въ длину мосты доходятъ до двадцати-восьми и въ вышину до де-

сяти саженъ; исправлять такіе мосты уѣздное земство возможности не имѣетъ; замѣнить же ихъ плотами нѣтъ возможности. Земство за все время успѣло исправить только три моста, а весь уѣздъ остается при крайне затруднительномъ сообщеніи; исключенія въ этомъ отношеніи нѣтъ и для главной дороги уѣзда, сообщающей его съ желѣзною дорогою и съ Новгородомъ.

Гласные другихъ уѣздовъ присовокупили, что сообщенія другихъ уѣздовъ, напримѣръ, хоть Гдовскаго, находятся въ такомъ же положеніи, какъ и въ Новоладожскомъ: вездѣ такое же обиліе непроѣздныхъ дорогъ и разрушенныхъ мостовъ; самыя губернскія почтовыя дороги не могутъ похвалиться лучшимъ состояніемъ, и вотъ на нихъ-то, на ихъ устройство должны быть направлены средства губерніи.

Несмотря на такіе, повидимому, достаточно сильные, доводы, большинство собранія признало ихъ, однако же, неудовлетворительными. По мнѣнію большинства, мало еще указать, что перегнившіе мосты и вообще переправы чрезъ рѣки представляютъ серьёзныя опасности, *чему бываютъ частые примѣры;* чтобы оказать вспомоществованіе — порѣшило большинство, — нужно представить *положительныя доказательства* существованія въ уѣздахъ *чего нибудь, выходящаго изъ ряда обыкновеннаго по части сообщеній.* Читатель, непривыкшій къ преніямъ нашихъ земскихъ представителей, можетъ, пожалуй, прійдти въ нѣкоторое недоумѣніе по поводу такого, какъ будто, страннаго требованія большинства. Какъ — спросятъ онъ: очевидцы заявляютъ, что мосты совершенно разрушились, что люди тонутъ, «чему бываютъ частые примѣры» — и все-таки этого недостаточно? Неужели же даже смерть несчастныхъ путешественниковъ не признается собраніемъ *за нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновеннаго по части сообщеній?* Еслибы рѣчь шла о прямыхъ и самыхъ надежныхъ путяхъ сообщенія съ загробнымъ міромъ, тогда бы и ладожскіе и гдовскіе пути дѣйствительно могли назваться обыкновенными; но какъ же это понять, если рѣчь идетъ о людяхъ, сколько нибудь привязанныхъ къ жизни?

Понять это, почтеннѣйшій, но неопытный въ земскомъ дѣлѣ, читатель, очень нетрудно. Наши земскіе дѣятели не любятъ такихъ голословныхъ заявленій, которыя не доказаны формальнымъ порядкомъ. Мало еще сказать, что вотъ-де на мостахъ люди проваливаются, а на переправахъ тонутъ; необходимо указать, сколько именно провалилось и утонуло въ такой-то срокъ, и потомъ представить формальныя свидѣтельства. Кто жъ не велѣлъ новоладожскимъ гласнымъ заблаговременно запастись такими свидѣтельствами и представить ихъ къ сроку? Ихъ вина, что оплошали: вотъ теперь проваливайся и тони до слѣдующей сессіи земскаго собранія, а впередъ не плошай! Конечно, собраніе, въ виду погибели своихъ сочленовъ, могло бы, на всякій случай, разрѣшить имъ нѣкоторую сумму денегъ изъ губерн-

скаго сбора, поручивъ управѣ немедленно удостовѣриться, правду ли говорятъ гдовцы и новоладожцы, съ непремѣннымъ условіемъ не выдавать ни копейки, если говорятъ неправду; но вѣдь развѣ мало еще другихъ, болѣе важныхъ, потребностей у земства всей губерніи, а не двухъ только уѣздовъ? Гласные отъ столицы, напримѣръ, заявили, что вопросъ о школахъ по деревнямъ будетъ даже гораздо поважнѣе вопроса о развалившихся мостахъ. «Если земству нужны дороги — заявили городскіе гласные — то на столько же, если не болѣе, нужны и школы; можно не ошибиться, сказавъ, что дороги будутъ только тогда хороши, когда народъ будетъ образованъ, развитъ, потому что только тогда онъ сознаетъ необходимость хорошихъ путей сообщенія».

Какъ бы то ни было, но собраніе наотрѣзъ отказало въ ходатайствѣ гдовцевъ и новоладожцевъ, такъ что имъ приведется проваливаться и тонуть до той поры, покуда умственно не разовьются и не образуются посредствомъ школъ; а школъ они дождутся тоже, вѣроятно, не скоро, потому что собраніе отложило рѣшеніе вопроса о школахъ до болѣе благопріятнаго времени, по всей вѣроятности, до того времени, когда, у развившихся умственно крестьянъ, исправятся мосты. Впрочемъ, вопросъ о школахъ у насъ еще впереди.

Рѣшившись отказать гдовцамъ и новоладожцамъ, по крайней-мѣрѣ, до представленія ими «положительныхъ доказательствъ» негодности мостовъ и переправъ, собраніе приступило къ разрѣшенію вопроса о ремонтѣ грунтоваго полотна дорогъ, который по смѣтѣ, составленной еще особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ, былъ отнесенъ къ числу денежныхъ губернскихъ повинностей. Губернская управа полагала, что повинность эта и на будущее время должна остаться денежною, вопервыхъ, потому, что, разъ переложенная на деньги натуральная повинность, по закону, не можетъ уже опять обратиться въ натуральную, а вовторыхъ, присоединила и свои собственныя соображенія въ пользу денежной повинности. Губернская натуральная повинность, по мнѣнію управы и нѣкоторыхъ членовъ собранія, положительно немыслима; если полотно грунтовое почтовыхъ дорогъ отнесено на губернскую повинность, то, значитъ, оно должно исправляться денежною повинностью. Натуральная губернская повинность немыслима и потому еще, что она не поддается уравненію. Напримѣръ, въ Петербургской губерніи только четыре уѣзда имѣютъ почтовыя дороги: какимъ же образомъ остальные уѣзды примутъ участіе въ работѣ натурою? Неужели высылать для этого людей на работу изъ одного крайняго уѣзда въ другой? Имъ придется пройдти тогда 200 верстъ, чтобы проработать день, другой и потомъ снова вернуться домой; что̀ могутъ сдѣлать усталые люди, прошедшіе 200 верстъ? Вѣдь время, употребленное на проходъ этого пространства, тоже надо будетъ засчитать за работу. Очевидно, натуральная повин-

ность ляжетъ на тѣхъ уѣздахъ, по которымъ проходятъ дороги; но въ такомъ случаѣ они будутъ обременены сравнительно съ другими; уравнительность натуральной повинности не можетъ быть, такимъ образомъ, достигнута. Остается одно средство: облегченіе уѣздовъ, обремененныхъ натуральною повинностью, въ отношеніи денежной повинности: но тогда уѣзды, неимѣющіе дорогъ, будутъ платить больше; слѣдовательно, денежная повинность останется, съ тою только разницею, что, при существованіи для нѣкоторыхъ уѣздовъ натуральной, *обязательной* повинности, вознагражденіе за эту повинность будетъ сдѣлано не по добровольному соглашенію, а по таксѣ. Работы, исправляемыя натуральною повинностью, не могутъ быть своевременны, потому что въ рабочее время года народъ не можетъ быть отвлекаемъ отъ своихъ полевыхъ работъ; между тѣмъ, при денежной повинности работы могутъ производиться вольнымъ наймомъ работниковъ во всякое время, когда только въ работахъ окажется надобность; работы будутъ производиться людьми умѣлыми, пріученными къ работамъ, работающими по доброй волѣ, и потому самыя работы будутъ исполняться лучше, а слѣдовательно, и экономичнѣе.

Несмотря на убѣдительность доводовъ управы, большинство собранія, однако же, съ нею не согласилось, чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, потому что на всѣхъ земскихъ собраніяхъ переложеніе натуральной повинности въ денежную встрѣчало всегда самый сильнѣйшій отпоръ. Были примѣры, что даже тѣ собранія, которыя на первыхъ порахъ, сгоряча, переложили натуральныя повинности въ денежныя — что и они послѣ одумывались и измышляли всяческія средства, нельзя ли какъ на попятный? За разумными возраженіями противъ переложенія повинностей дѣло и нигдѣ не стояло, а въ Петербургской губерніи и тѣмъ болѣе, потому что главное препятствіе къ возврату къ старымъ порядкамъ разрушалось само собою, за несоблюденіемъ законныхъ формальностей, которыя, какъ извѣстно, у насъ на Руси, всегда стояли впереди дѣла. На основаніи устава — говорили противники денежной повинности — переложеніе считается только тогда совершившимся, когда оно разсмотрѣно и утверждено государственнымъ совѣтомъ; смета же, составленная особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ, разсмотрѣна въ государственномъ совѣтѣ не была, а подверглась разсмотрѣнію лишь въ комитетѣ министровъ, да сверхъ того, особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе и не имѣло возможности возбудить вопросъ о переложеніи натуральной повинности въ денежную, потому что для этого требуется ходатайство лицъ, обложенныхъ извѣстною натуральною повинностью. Затѣмъ, переложить натуральную повинность въ денежную могло губернское земское собраніе; но собраніе въ прошлую сессію именно постановило, что оно удерживается отъ постановленія о переложеніи натуральной повинности въ денежную, и удерживается потому,

что не имѣетъ въ своихъ рукахъ данныхъ, которыя бы могли оправдать его постановленіе. Это постановленіе собранія не было въ законный срокъ опротестовано администраціей и потому вошло въ законную силу, а для настоящаго собранія обязательны постановленія лишь собранія, но не особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и 24 стат. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ этой статьѣ говорится, что, если по предшествующимъ сметамъ что-либо исполнялось денежною повинностью, то, затѣмъ, переводъ обратно въ натуральную повинность невозможенъ; но ясно, что это относится до сметъ, составленныхъ земствомъ, для котораго только и существуетъ положеніе, а не до сметъ особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, которое дѣйствуетъ не на основаніи положенія, но на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ. Такимъ образомъ, собраніе можетъ, опираясь на свое постановленіе прошлаго года, не принимать во вниманіе сметы, составленной особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ, и остаться при натуральной повинности.

Далѣе приводились противниками и другія возраженія, не формальныя только, но, такъ сказать, раціональныя, но объ нихъ много распространяться не стоитъ, потому что онѣ всегда бываютъ однѣ и тѣ же, о чемъ бы ни шла рѣчь: о подводной, о дорожной повинностяхъ, о школахъ, о медицинской части, или о чемъ нибудь другомъ. Если, напримѣръ, рѣчь зайдетъ о врачебной помощи народу, то хитрые противники всякаго рода мѣръ, требующихъ общихъ издержекъ, обыкновенно говорятъ: насъ, разумѣется, никто не имѣетъ права причислить къ противникамъ медицины вообще. Мы не отвергаемъ ея пользы. Намъ очень хорошо извѣстно, что для государства несравненно выгоднѣе, если народъ не станетъ мереть отъ всякой пустяшной болѣзни, «какъ тараканы на морозѣ, или, какъ клопы подъ кипяткомъ, но»... и, послѣ этого ужаснаго «но» ораторы начинаютъ говорить уже совершенно другое, такъ что посторонній слушатель, пропустившій первую половину рѣчи до «но», можетъ подумать, будто ораторъ вооруженъ и противъ медицины, и противъ лекарей, и, вообще, противъ всякихъ мѣръ, препятствующихъ народу умирать, какъ тараканамъ на морозѣ, или клопамъ подъ кипяткомъ...

Почти то же самое случилось и на петербургскомъ земскомъ собраніи, когда на немъ оспоривалось предложеніе управы: оставить и на будущее время исправленіе грунтоваго полотна дорогъ на денежной повинности. Переложеніе натуральной повинности—говорили его противники—*хотя, можетъ быть, и желательно, но*... въ настоящее время еще невозможно, *потому что нѣтъ для того необходимыхъ данныхъ* (а между тѣмъ, не мѣшаетъ замѣтить, что управа представила кое-какія и данныя). Пущены были, разумѣется, въ ходъ и такія соображенія, въ которыхъ какъ будто проскальзывала и искренняя любовь къ злосчастной

меньшей братіи, то-есть къ мужичкамъ. Имъ, бѣднымъ, послѣ прошлогодней голодухи, не справиться съ денежною повинностью; гдѣ же имъ справиться? Бѣднымъ мужичкамъ никакого разсчета не составитъ, если ихъ выгонять лишній разъ изъ ихъ отвратительныхъ сельскихъ жилищъ на большую дорогу, верстъ эдакъ, положимъ, за пятьдесятъ, на чистый воздухъ; но откуда они, бѣдные, денегъ-то возьмутъ, если съ нихъ потребуютъ? Не благоразумнѣе ли будетъ, покуда, до поры до времени, выгонять бѣдныхъ мужичковъ на большую дорогу, а потомъ, когда они уже достигнутъ полнаго благоденствія и богатства, какъ матеріальнаго, такъ и умственнаго, тогда и отобрать отъ нихъ голоса: какъ кто хочетъ? и т. д. и т. д. (см. отчетъ о третьемъ засѣданіи). Однимъ словомъ, большинствомъ голосовъ рѣшено: не стѣсняться необязательной для земства сметой, составленной особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ, и оставить исправленіе грунтоваго полотна, по старому, на натуральной повинности, т.-е. на отвѣтственности однихъ только бѣдныхъ «мужичковъ», такъ-какъ, по закону, ни дворянъ, ни духовныхъ особъ, ни господъ торгующихъ — на большую дорогу выгонять нельзя.

Все это, конечно, очень умно и разсудительно со стороны гг. губернскихъ гласныхъ, которыхъ, по закону, на большую дорогу выгонять нельзя; но только зачѣмъ было высказывать какую-то, будто бы, жалость къ мужику, раззоренному голодухой? Развѣ никому неизвѣстно изъ постороннихъ слушателей и читателей, что мужикъ—такой же купецъ, какъ и всѣ, но только торгующій не красными и пушными товарами, не личной независимостью, а единственно трудомъ и временемъ? Развѣ отнять у рабочаго человѣка нѣсколько дней—не то же самое, что отнять у какого нибудь привиллегированнаго лица нѣсколько сотъ или тысячъ рублей? Или все это сводится къ тому, довольно распространенному у насъ, мнѣнію, что мужикъ нашъ постоянно ничего не дѣлаетъ, только лишь пьетъ и безчинствуетъ, такъ что выгонять его насильно на большую дорогу очень даже полезно?

Такой безцеремонный взглядъ на мужицкій трудъ, которымъ исключительно только и пробавляется и существуетъ наше отечество, положительно несправедливъ, а потому и не возбуждаетъ къ себѣ никакого сочувствія. Несравненно болѣе сочувствія возбуждаетъ, по крайней мѣрѣ во мнѣ, мнѣніе одного гласнаго, который прямо, безъ обиняковъ, отрѣзалъ, что «вообще нечего исправлять грунтоваго полотна, потому что это все равно, что брошенныя деньги: нужно заботиться о шоссированіи дорогъ, но все-таки натуральною повинностью. У насъ, въ Петербургской губерніи — заявилъ откровенный гласный — находится 100 тысячъ работниковъ, которыхъ можно насильно высылать на большую дорогу. Каждый работникъ можетъ засыпать щебенкой въ три дня 10 саженъ; слѣдовательно,

сто тысячъ рабочихъ, въ три рабочіе дня въ году засыпятъ 1 милліонъ саженъ и въ десять лѣтъ, такимъ образомъ, можетъ быть сдѣлано 4,000 верстъ шоссе, *безъ всякой затраты* (т.-е. безъ всякой затраты *съ нашей стороны*, долженъ бы прибавить представитель земскихъ интересовъ).

Проектъ, какъ видите, очень солидный, хотя и не совсѣмъ вѣрный. Необходимо, чтобы тѣ же сто тысячъ работниковъ, которые должны будутъ засыпать дорогу щебенкой, сначала отыскали камень, потомъ подвезли его къ мѣсту работы и раздробили; на все это, конечно, потребуется не три рабочихъ дня, а нѣсколько побольше. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что рекомендуемымъ способомъ, дѣйствительно, очень не въ продолжительное время можно вымостить нетолько одну Петербургскую губернію, но и всю Россію отъ Архангельска до южнаго берега Крыма. Способъ этотъ, впрочемъ, придуманъ не самимъ гласнымъ, его предложившимъ, а былъ уже примѣняемъ въ разныхъ странахъ со временъ незапамятныхъ. Этимъ именно способомъ выстроены знаменитыя египетскія пирамиды, о которыхъ и до сей поры ученые люди не могутъ догадаться, зачѣмъ именно онѣ выстроены? Этимъ же способомъ строилась знаменитая китайская стѣна, да и въ позднѣйшія времена тѣмъ же самымъ способомъ вырывались тысячеверстные каналы и воздвигались огромные города на болотахъ. Вѣроятно, петербургское собраніе потому именно и не входило въ подробное обсужденіе предложеннаго проекта, что онъ былъ каждому изъ гласныхъ слишкомъ уже извѣстнымъ. Собраніе оставило исправленіе грунтоваго полотна дороги, по старому, на неопредѣленное время, на натуральной повинности; но, чтобы хотя нѣсколько облегчить бѣдныхъ мужичковъ, придумало какіе-то *треугольники*, сколоченные изъ бревенъ, которые мужички обязаны будутъ возить по дорогамъ послѣ сильныхъ зимнихъ метелей. На треугольники земство ассигновало полторы тысячи рублей, такъ-какъ мужики сами эдакой штуки не съумѣютъ устроить, и не знаютъ, какимъ образомъ употреблять ее въ дѣло.

Такъ-какъ въ слѣдующихъ затѣмъ засѣданіяхъ до 18-го декабря гг. гласные занимались раскладкою земскихъ сборовъ по уѣздамъ и критикою протестовъ губернатора — предметами, могущими занимать или тѣхъ только, до кого лично они касались, или же людей, спеціально занимающихся земскимъ дѣломъ, которые могутъ сами прочитать полные отчеты засѣданій, то мы прямо перейдемъ къ общеинтересному вопросу о народномъ образованіи.

Народное образованіе въ Петербургской губерніи точно такъ же благоденствуетъ, какъ и во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Уѣздными собраніями, по обыкновенію, на этотъ предметъ, или ничего не ассигновано, или же очень мало. Царскосельскій и Шлиссельбургскій уѣзды, напримѣръ, не заблагоразсудили ас-

сигновать вовсе ничего, а Новоладожскій назначилъ 500 руб.; Ямбургскій же всего только 275. Средства, какъ видите, не блестящія; а тутъ, между тѣмъ, случилась и другая бѣда: обязательный девятикопеечный сборъ на училища съ государственныхъ крестьянъ прекратился, и содержаніе училищъ оставлено на произволъ самихъ сельскихъ обществъ, члены которыхъ, какъ читателю уже извѣстно, тонутъ на своихъ душегубныхъ переправахъ и проваливаются на перегнившихъ мостахъ.

Губернская управа, которая постоянно съ сочувствіемъ относилась къ вопросу о народномъ образованіи, хотя и не составила относительно этого предмета никакого опредѣленнаго плана, указала собранію, что существуетъ особенный капиталъ въ 46,492 рубля съ копейками, пожертвованный дворянствомъ губерніи на образованіе крѣпостныхъ крестьянъ, и просило собраніе указать теперь, какъ именно распорядиться этимъ капиталомъ?

Хотя вопросъ былъ до невѣроятности простъ; хотя воля жертвовавшаго дворянства должна бы быть исполненною, какъ и воля частнаго лица, завѣщавшаго на опредѣленную цѣль свое имущество; но въ собраніи, по обыкновенію, возбудился жестокій споръ и по этому, повидимому, безспорному дѣлу.

Не рѣшивши еще главнаго вопроса объ употребленіи капитала, начали обсуждать различные педагогическіе пріемы, какіе изъ нихъ лучше, которые хуже. По мнѣнію гласнаго г. Якобсона, необходимо прежде всего позаботиться о приготовленіи для школъ хорошихъ учителей и, съ этой цѣлію, не учреждая никакого новаго педагогическаго заведенія, отдавать подготовляющихся въ учителя въ петербургскую семинарію, въ которой преподаютъ лучшіе учителя гимназіи, и въ числѣ ихъ — указываетъ г. Якобсонъ — находится даже и извѣстный педагогъ Паульсонъ.

Гласный, князь Трубецкой, не разсуждая о томъ, полезно-ли или безполезно будущихъ народныхъ учителей отдавать въ петербургскую семинарію, прямо началъ съ того, что сколько онъ помнитъ, дворянское собраніе ассигновало тотъ капиталъ, о которомъ идетъ рѣчь, не на образованіе, а на пользы и нужды бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Когда г. предсѣдатель собранія спросилъ князя, считаетъ ли онъ приведенный управою фактъ о предоставленіи капитала именно *на образованіе* невѣрнымъ, то князь Трубецкой отвѣчалъ, что онъ не споритъ противъ этого, но, тѣмъ не менѣе, въ дальнѣйшей своей рѣчи продолжалъ говорить, что капиталъ ассигнованъ именно на пользы и нужды. Объ образованіи, продолжалъ онъ, можно имѣть различныя мнѣнія. «Было высказано здѣсь, что нужны учителя для народныхъ школъ — я не буду касаться вопроса томъ, какъ ихъ найти, т.-е. нужно ли заводить новую школу (чего я не думаю), или помѣщать учениковъ въ учительскія семинаріи; и изъ какихъ

именно источниковъ можетъ земство покрыть эти расходы; но я думаю, что капиталъ, пожертвованный дворянствомъ на нужды и пользы ихъ бывшихъ крестьянъ, долженъ быть употребленъ на дѣйствительную пользу и нужду, не касаясь грамотности. Грамота сама по себѣ еще не приноситъ пользы; учить грамотѣ, значитъ, развивать возможность читать дурныя книги и дѣлать фальшивые векселя».

Замѣтивши, что сельскія школы развиваютъ возможность поддѣлывать фальшивые векселя, князь, какъ и слѣдовало ожидать, сейчасъ же прибавилъ, что онъ не отрицаетъ пользы грамотности. Хотя сразу-то и не сообразишь, чего именно хочетъ князь, но однакоже можно догадаться, что онъ хлопочетъ о ремесленныхъ школахъ, но такихъ, изъ которыхъ было бы выбрашено все то, что развиваетъ въ мальчикахъ возможность поддѣлывать фальшивые векселя, то-есть именно грамотность. Вѣроятно, князю хотѣлось бы, чтобы нынѣшніе крестьяне, какъ прежніе дворовые люди, выходили изъ ученья хорошими столярами, поварами, сапожниками, портными и проч., но только безграмотными, какъ и въ старые годы бывало. Тогда, дѣйствительно, дворянскій капиталъ будетъ употребленъ «на пользы и нужды» — нестолько, разумѣется, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сколько самихъ же бывшихъ помѣщиковъ, потому что вновь устроенныя школы будутъ выпускать хорошихъ и дешевыхъ поваровъ, портныхъ, сапожниковъ и т. п.; дешевыхъ потому, что конкуренція неизбѣжно должна усилиться. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ дворянское пожертвованіе и можетъ быть употреблено сообразно съ своимъ первоначальнымъ назначеніемъ. Извѣстно вѣдь, что помѣщики постоянно жертвовали не иначе, какъ *съ души*, то-есть жертвовали-то будто бы сами, а въ сущности, денежки собирали съ крестьянскихъ же душъ; слѣдовательно и теперь правильнѣе будетъ, если деньги, пожертвованныя на просвѣщеніе крестьянскихъ душъ, пойдутъ на удовлетвореніе «пользъ и нуждъ» бывшихъ владѣльцевъ этихъ, погибшихъ уже душъ.

Гласный г. Шмитъ, не говоря ни слова о фальшивыхъ векселяхъ, замѣтилъ только, что, по его мнѣнію, какъ-то неловко заводить училища исключительно только для бывшихъ крѣпостныхъ, а между тѣмъ невозможно допустить и того, чтобы на дворянскій капиталъ воспитывались дѣти крестьянъ другихъ вѣдомствъ. По его мнѣнію, пусть дворянскій капиталъ покуда полежитъ въ покоѣ, а въ это время можно, не спѣша, снестись съ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ и съ удѣльнымъ: не угодно ли имъ пожертвовать пропорціонально столько же, сколько пожертвовали и дворяне? Еслибы глубоко-обдуманный проектъ г. Шмита былъ принятъ собраніемъ, то, безспорно, разрѣшеніе затруднительнаго вопроса затянулось бы на безконечное количество лѣтъ. Вопервыхъ, покуда-то получился бы отъ подлежащихъ вѣдомствъ какой бы то ни было отвѣтъ, а,

вовторыхъ, еслибы онъ и получился, то, разумѣется, отрицательный, потому что, развѣ есть какая нибудь возможность сказать, даже какому-нибудь частному лицу или обществу, а не вѣдомству: пожалуйста, пожертвуйте столько-то!? При несомнѣнно-отрицательномъ отвѣтѣ, дворянскій капиталъ такъ и остался бы до скончанія вѣка праздным, такъ-какъ, по мнѣнію г. Шмита, для однихъ бывшихъ крѣпостныхъ заводить училищъ нельзя.

Третій гласный, баронъ Фредриксъ, съ своей стороны нашелъ, что всего лучше будетъ составить, въ помощь управы, особую коммиссію, которая, еслибы успѣла, то выработала бы къ будущей сессіи обстоятельный проектъ, а г. Нетцеръ замѣтилъ, что у бѣдныхъ, обремененныхъ всяческими работами мужичковъ, едва-ли останется сколько-нибудь времени на ученье въ школѣ; впрочемъ, такъ-какъ онъ высказалъ только лишь предположеніе, еще не доказанное, то указалъ, что, вмѣсто всякихъ педагогическихъ семинарій, самое лучшее заведеніе для образованія учителей — воспитательный домъ. Ко всему сказанному, какъ бы въ поясненіе сомнительнаго вопроса, гласный г. Веригинъ прибавилъ отъ себя, что заграницей въ образованіи народа принимало дѣятельное участіе духовенство, а затѣмъ, ссылаясь на примѣръ Швейцаріи, указалъ также на пользу ремесленныхъ школъ.

Конечно, можно было бы, кстати, заявить еще, что въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, почти весь народъ, за исключеніемъ только лишь прибывшихъ изъ Ирландіи, грамотенъ; но, такъ-какъ подобныя, хотя и полезныя замѣтки не вели къ скорѣйшему разрѣшенію спорнаго вопроса, то гласные рѣшились поговорить еще объ учителяхъ будущихъ училищъ, могущихъ быть устроенными на дворянскій капиталъ. Баронъ Ю. Ѳ. Корфъ заявилъ, что учителей изъ среды народа брать не слѣдуетъ, потому что крестьяне *имѣютъ уваженіе только лишь къ лицамъ, стоящимъ выше ихъ уровня*. Хотя мы бы полагали, что и крестьянскіе мальчики, образовавшись въ порядочномъ учебномъ заведеніи, непремѣнно будутъ стоять выше вообще крестьянскаго умственнаго уровня, но, вѣроятно, баронъ подъ названіемъ *уровня* подразумѣваетъ не умственный уровень, а что нибудь другое, напримѣръ, чинъ, или что нибудь подобное. Притомъ и самое слово *уваженіе* можетъ пониматься разно. Гласный Нетцеръ замѣтилъ, что «крестьянскія бабы, занимаясь по вечерамъ пряжею, могли бы легко и удобно обучать грамотѣ». Мысль эта, по нашему мнѣнію, великолѣпна, но, къ сожалѣнію, мы очень хорошо знаемъ, что и бабы-то наши не знаютъ ни читать, ни писать, а умѣютъ только лишь прясть и чулки вязать.

Замѣтивъ, что пренія идутъ вразбродъ и что такимъ порядкомъ, несмотря на нѣкоторыя, весьма серьёзныя и дѣльныя замѣчанія гласнаго г. Платонова, не приведутъ ни къ чему, —

предсѣдатель сдѣлалъ общій выводъ изъ всего сказаннаго и поставилъ вопросы, числомъ пять. «Послѣ преній — сказано въ отчетѣ — продолжавшихся до 2-хъ часовъ ночи, всѣ эти пять предложеній были баллотированы и всѣ отклонены собраніемъ. Собраніе постановило оставить капиталъ и проценты на 1869 годъ неприкосновенными, поручивъ управѣ разработать этотъ вопросъ къ будущей сессіи».

Въ тѣсной связи съ народнымъ образованіемъ, обсуждался на слѣдующихъ затѣмъ засѣданіяхъ собранія вопросъ о почтовыхъ лошадяхъ и станціяхъ по почтовымъ дорогамъ. Гласный Якобсонъ предложилъ собранію, не найдетъ ли оно полезнымъ, въ интересахъ земства, ходатайствовать предъ правительствомъ о передачѣ въ распоряженіе земства почтовыхъ станцій, которыя нынче отдаются съ торговъ откупщикамъ? Подобный примѣръ, и примѣръ очень счастливый, существуетъ уже на лицо въ сосѣдней, Новгородской губерніи, земство которой, отъ принятія земскихъ станцій въ свое распоряженіе, получило чистаго барыша 45,000 руб., которыя оно всѣ сполна употребило на дѣло народнаго образованія.

Казалось бы, чего же лучше? Нечего бы тогда хлопотать и о заколдованномъ дворянскомъ капиталѣ; однакоже, петербургское земство взглянуло на этотъ предметъ нѣсколько иначе. Самые серьезные и вліятельные изъ его гласныхъ нашли, что, во-первыхъ, неблаговидно петербургскому земству получать барыши съ такого учрежденія, которое содержится на общій государственный сборъ; а, во-вторыхъ, и опасно, потому что неизвѣстно еще, что̀ именно въ будущемъ году предстоитъ земству, если оно возьметъ на себя содержаніе станцій: выгоды, или убытки? (Надобно замѣтить, что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій, содержаніе станцій не можетъ уже доставлять прежнихъ выгодъ). Если при отклоненіи вопроса о ходатайствѣ преобладало исключительно опасеніе убытковъ и плохая надежда на опытность въ такого рода дѣлахъ членовъ управы, то съ этимъ можно и согласиться; но, что будто бы пріемъ земствомъ въ свои руки станцій *неблаговиденъ* — этого, признаться, мы не видимъ. Неужели же благовиднѣе отдавать народныя деньги какому нибудь откупщику ни за что ни про что, чѣмъ самому земству употреблять ихъ на народныя же нужды? Неужели же кто нибудь осмѣлится обвинить новгородское земство, съ котораго всѣмъ бы не худо брать примѣръ, въ неблаговидномъ поступкѣ? Нѣтъ, это просто неглубоко-обдуманный отвѣтъ. Лучше было бы составить при управѣ еще коммиссію, или даже двѣ, три коммиссіи вразъ, но не отклонять отъ себя выгоднаго — не для себя лично, а для платящаго народа, дѣла.

Объ остальныхъ вопросахъ, задѣтыхъ на земскомъ собраніи, мы не станемъ и упоминать, чтобы понапрасну не растягивать статьи, предназначенной не для спеціалистовъ. Съ сожалѣніемъ

должны мы сказать, что большинство *задѣтыхъ* (иногда только лишь по боку) вопросовъ остались безъ разрѣшенія. Чуть рѣчь касалась чего нибудь поважнѣе, сейчасъ слышались голоса: коммиссію нужно, коммиссію и сдать туда, чтобы къ будущей сессіи резюмировала и рапортовала! Пренія вообще были до крайности многословны, но постороннему слушателю постоянно и совершенно невольно каждый разъ приходило въ голову извѣстное изреченіе: «во многоглаголаніи нѣсть спасенія!» Читатель уже прежде могъ убѣдиться, что мы высказываемъ это не бездоказательно; но, для бо́льшей еще убѣдительности, приведу, въ заключеніе, нѣсколько выписокъ изъ стенографическихъ отчетовъ засѣданій.

Вотъ, напримѣръ, какимъ способомъ обсуждались статьи доклада управы, который любознательный читатель можетъ прочитать уже самъ:

Каждая изъ статей доклада (за исключеніемъ только второй) вызывала энергическія возраженія со стороны гг. гласныхъ *Н. К. Шмита* и *Л. Н. Обольянинова*. Относительно первой статьи они указывали, что статья эта будетъ повтореніемъ постановленія собранія, какое состоится по этому вопросу, и потому она совершенно безполезна. Когда предсѣдатель управы возразилъ имъ, что статья эта включается только для того, чтобъ соединить въ одно цѣлое всѣ правила, касающіяся счетоводства, *Л. Н. Обольянинов*ъ замѣтилъ, что хотя эта статья *сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, и потому безполезна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она безвредна, и потому можетъ быть оставлена*, если губернская управа считаетъ ее полезною для своей будущей дѣятельности.

Не напоминаетъ ли вамъ, читатель, подобное разсужденіе повѣсть о нѣкоемъ знахарѣ, который, давая больному лекарство, постоянно говорилъ: «пей, мой голубчикъ. Снадобье сіе, хотя и пользы тебѣ не принесетъ, но за то и вреда не причинитъ!»

Или вотъ еще примѣръ чисто филологическаго спора на земскомъ собраніи:

«*Послѣ продолжительныхъ преній* собраніе приняло мнѣніе управы, замѣнивъ выраженіе *вѣдомость* денежнымъ суммамъ — словомъ *счетъ* денежнымъ суммамъ.»

Неужели же нашимъ земскимъ представителямъ и толковать больше не о чемъ, какъ о словахъ? А прислушайтесь, съ какою неумолимою жестокостью тѣ же господа гласные обвиняютъ нашу современную литературу въ безсодержательности!

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Доморощенный фонарь. — Бенгальскіе огни, швермеры и ракеты итальянской оперы. — Возобновившееся повѣтріе. — «Азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій» изъ старинной азбуки.—Вспышка стремленія къ національности въ дѣлѣ искусства. — Торжественная встрѣча г. Берліозу въ Москвѣ въ прошломъ 1867 году. — Рѣчь князя Одоевскаго. — Обидное недовѣріе къ собственнымъ силамъ. — Заря новой вспышки. — «Нижегородцы», новая опера г. Направника. — Псевдонимъ Минина. — Краткій очеркъ значенія, достоинствъ и недостатковъ новой оперы. — «Донъ-Карлосъ», опера Верди. — Описаніе блистательной постановки одной изъ картинъ этой оперы. — Дебютъ Патти.

Расхаживать съ фонаремъ по улицѣ ярко-освѣщенной—то же, что воду толочь. Пусть фонарь будетъ съ «взавженною» свѣчкою, какъ выражается въ разсказѣ Горбунова набожная старушка, пусть даже свѣча эта будетъ *вѣчная*, шандоровскаго изобрѣтенія, но ни на фонарь, ни на его владѣльца не обращено будетъ ни малѣйшаго вниманія, пока блистательная, газовая иллюминація не потухнетъ.

Такая же участь должна постигнуть всѣхъ петербургскихъ театральныхъ *лѣтописцевъ*, за исключеніемъ хроникеровъ итальянской оперы, и отчасти балетныхъ.

Въ настоящее время, большая часть петербургскаго общества, отъ высшихъ слоевъ до среднихъ включительно, постоянно привлекается зрѣлищемъ блистательной иллюминаціи, пріуготовленной и зажженной искусною рукою театральной дирекціи. Какой тутъ доморощенный русскій фонарь, когда въ воздухѣ съ трескомъ лопаются швермеры, разсыпчатые бураки съ блесками, и парятъ разноцвѣтные парашюты.

Погодите, вотъ ужо пріѣдетъ Патти, и такой задастъ вамъ стотысячный фейерверкъ, что *глазамъ* станетъ больно.

Впрочемъ, да не подумаютъ, что блескъ и сіяніе, окружающіе въ текущій сезонъ представленія итальянской оперы, происходятъ исключительно отъ состава труппы. Въ ней и теперь есть, это правда, фейерверочные пѣвцы и пѣвицы; но главная причина, заставляющая всѣхъ и вся стремиться въ итальянскую оперу—не что иное, какъ возобновившееся съ новою силою повѣтріе итальяноманіи. Искусство нынѣшней театральной администраціи именно въ томъ и состоитъ, что она съумѣла возбудить вновь въ публикѣ угасающее пристрастіе къ избитымъ итальянскимъ

формуламъ, и заставила ее, нетолько терпѣливо и съ покорностью, но съ восторгомъ проходить зады. Насъ вновь засадили за азбуку, и мы, повторяя, покачиваясь взадъ и впередъ: «Азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій» съ упоеніемъ напѣваемъ отъ юности извѣстныя намъ мелодіи.

Достойно замѣчанія, что на эти элементарно-педагогическія упражненія сбирается отборное, блестящее петербургское общество, и что счастливцы, подвергающіеся этому *зубренію*, свысока смотрятъ на тѣхъ, которые осмѣливаются сказать: «да вѣдь мы давно это знаемъ!»

Но что же происходитъ тѣмъ временемъ на русской оперной сценѣ Маріинскаго театра?

Тамъ, въ полу-мракѣ, подвизаются скромные, но достойные артисты. Тамъ нѣтъ внѣшняго блеска, озаряющаго представленія итальянской оперы, но тамъ не довольствуются уже зубреніемъ азбуки.

Ученики опередили учителей и перешли въ высшій классъ—логики, риторики или философіи.

На Маріинской сценѣ въ теченіе сезона появились уже: «Лоэнгринъ», «Робертъ», «Русланъ», «Жизнь за Царя», «Русалка», и приготовляются, какъ говорятъ, новыя произведенія отечественныхъ композиторовъ, а между тѣмъ въ залѣ Маріинскаго театра нѣтъ прежняго оживленія и холодновато. * Спрашивается: отчего же это происходитъ—тогда именно, когда русская труппа пополнилась новыми и безспорно свѣжими голосами? Отвѣтимъ не запинаясь: отъ возобновившагося повѣтрія, которое не хотимъ назвать *руссофобіею*, но которое, къ сожалѣнію, очень похоже на *индиферентизмъ* къ русскому музыкальному дѣлу. Зловредное это повѣтріе не впервые уже появляется въ возлюбленномъ нашемъ отечествѣ!

Со временъ Петра Великаго проявилось уже въ высшихъ слояхъ нашего общества недовѣріе къ русскому *мастерству* — объ искусствѣ тогда и помину еще не было. Съ тѣхъ поръ установилось у насъ наслѣдственное, можно сказать, господство нѣмецкихъ булочниковъ, сапожниковъ и аптекарей, господство и нынѣ почти неоспориваемое. При Елисаветѣ Петровнѣ сдѣланы были, какъ мы уже говорили, неудачныя попытки *обрусѣнія* неаполитанскаго композитора, окончившіяся тѣмъ, что маэстро Арайе остался при своемъ, а намъ привилъ вкусъ къ итальянской музыкѣ. Борьба Ломоносова въ академіи наукъ съ иноземнымъ элементомъ извѣстна всѣмъ и каждому; извѣстно также, что перевѣсъ остался не на сторонѣ ревнителя русскаго господства.

При Екатеринѣ Великой проблески національности стали появляться чаще. Изъ Италіи вернулись образовавшіеся въ тамошнихъ консерваторіяхъ молодые русскіе композиторы, и одинъ изъ

* Писано до появленія оперы «Нижегородцы».

нихъ (Ѳомина) выступилъ предъ русскою публикою съ оперою итальянскаго покроя, но съ кровно русскимъ названіемъ «Ямщики». Громко заговорилъ Фонъ-Визинъ, и Сумароковъ, взобравшись на псевдо-классическія ходули, началъ расточать сокровища русской піитики. Вспышки національнаго въ дѣлѣ искусствъ то довольно ярко свѣтились, то совершенно потухали; наконецъ, въ XIX столѣтіи появились крупные, самостоятельные представители русскаго искусства: Пушкинъ и Гоголь — въ литературѣ, Брюловъ и Ивановъ—въ живописи и Глинка—въ музыкѣ.

Не вдаваясь въ изслѣдованія литературнаго движенія и развитія національной школы въ дѣлѣ живописи, обратимся къ предмету нашей спеціальности.

Въ 1836 году на горизонтѣ русскаго искусства появилась яркая звѣзда, первая серьёзная опера, проникнутая насквозь русскимъ духомъ, а именно «Жизнь за Царя».

За исключеніемъ О. А. Петрова, создавшаго монументальный типъ Сусанина, и Воробьевой (вышедшей впослѣдствіи замужъ за г. Петрова), въ роли сироты Вани, составъ тогдашней труппы былъ, признаться сказать, незавидный. Тѣмъ не менѣе появленіе «Жизни за Царя» послужило поводомъ къ одной изъ тѣхъ вспышекъ восторженности къ русскому искусству, о которыхъ упомянуто выше. Заговорили о русской оперѣ, о русскихъ артистахъ—и высшіе слои нашего общества, почти никогда не показывавшіеся въ русской оперѣ, стали посѣщать Большой театръ, въ которомъ давали тогда новую оперу.

Вотъ въ какихъ словахъ отзывался объ этомъ событіи (т.-е. о появленіи «Жизни за Царя») г. Сѣровъ, авторъ «Юдифи» и «Рогнѣды» во 2-мъ № своей газеты «Музыка и Театръ», газеты, къ сожалѣнію, нынѣ прекратившейся.

Изобразивъ въ сжатомъ очеркѣ судьбы русской оперы и доказавъ подчиненность ея иностранному вліянію, г. Сѣровъ говоритъ между прочимъ: «труппы и придворная, и въ народномъ русскомъ театрѣ составлялись такимъ образомъ, что каждый артистъ и каждая артистка изъ русскихъ обязаны были играть драматическія роли, *а когда случится* и пѣть. Изъ этого видно, что на большую виртуозность вокальную въ русской труппѣ спросу тогда не было, и что, кромѣ того, тогда уже началось сильно привившееся къ русскимъ сценамъ вообще смѣшеніе всѣхъ возможныхъ стилей, всѣхъ возможныхъ репертуаровъ».

Изложивъ за симъ попытки, сдѣланныя Верстовскимъ въ «Аскольдовой могилѣ» въ оперѣ, которую г. Сѣровъ называетъ, по справедливости, большимъ водевилемъ, написаннымъ все-таки подъ вліяніемъ же чужеземной музыки, придать самостоятельный характеръ русскому оперному дѣлу, г. Сѣровъ восклицаетъ:

...«Но вотъ среди цвѣтковъ чужеземныхъ, между сладкозвучными операми Беллини и Россини, рядомъ съ грандіознымъ, хоть нѣсколько *шарлатанскимъ* (sic!) эклектизмомъ Мейербера, является на петербургской сценѣ, для открытія возобновленнаго

Большаго театра, въ 1836 году, громадно-честная опера, самостоятельно славянская отъ начала до конца, первая русская «опера» въ настоящемъ строгомъ смыслѣ, не Singspiel, а большая «лирическая», какъ тогда называли, опера, по фактурѣ своей равносильная нѣмецкимъ и французскимъ операмъ самаго серьёзнаго, выработаннаго стиля!».

Эти слова вылились, такъ сказать, изъ сердца автора «Рогнѣды»; какъ художникъ, г. Сѣровъ и не могъ иначе выразиться, но къ сожалѣнію, обязанности, принятыя имъ на себя въ качествѣ музыкальнаго критика, охлаждаютъ его энтузіазмъ, и увлекаютъ его на критическую стезю, по которой онъ блуждаетъ, можетъ и вполнѣ добросовѣстно—но не безъ промаховъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что самое поверхностное знакомство съ оперой «Жизнь за Царя» покажетъ крупные недостатки въ либретто, въ планѣ самой пьесы и въ *поворотѣ музыки, въ отношеніи драматизма*...

Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Критическія воззрѣнія насчетъ первой оперы Глинки мы оставимъ въ сторонѣ и приведемъ только отзывы г. Сѣрова о томъ, какое впечатлѣніе произвела эта опера на нашу публику при появленіи ея на русской сценѣ.

«Опера «Жизнь за Царя»—говоритъ г. Сѣровъ въ 4-мъ № своей газеты—имѣла блестящій громадный успѣхъ, вполнѣ заслуженный. Публика почти сразу почувствовала, кого она имѣетъ въ такомъ художникѣ, какъ Глинка, и онъ самъ, въ свою очередь, быстро созналъ свое положеніе, свои силы, свою высокую роль въ русскомъ искусствѣ».

Въ томъ-то и дѣло, что показаніе это, къ сожалѣнію, не совсѣмъ вѣрно. Большинство публики не только что *не почувствовало* сразу, какъ говоритъ г. Сѣровъ, *какого высокаго художника* оно пріобрѣло въ Глинкѣ, но даже относилось къ новой оперѣ съ большимъ недовѣріемъ.

Значительная часть общества, предпочтительно высшаго, отзывалась о ней весьма неодобрительно. Говорили, что она и скучна, и слишкомъ длинна, и непозволительно, будто бы, монотонна. Многіе помнятъ еще знаменитый «*Bonmot*» одного изъ высшихъ лицъ тогдашнаго военнаго управленія: «отличную услугу оказалъ намъ Глинка, говорилъ означенное лицо: вмѣсто того, чтобъ отправлять гг. офицеровъ за каждую провинность на гауптвахту—маршъ! въ новую оперу. Какъ высидятъ голубчики всѣ пять актовъ—такъ въ другой разъ дома не скажутся». Вотъ какъ судили нѣкоторые изъ современниковъ о первой оперѣ Глинки, слѣдовательно успѣхъ ея въ то время навряд ли можно назвать и блестящимъ и громаднымъ.

Конечно, люди, понимающіе дѣло, и тогда уже съумѣли оцѣнить красоты этого произведенія, но они составляли меньшинство, это не подлежитъ сомнѣнію.

Что появленіе «Жизни за Царя» послужило поводомъ къ одной изъ тѣхъ вспышекъ стремленія къ національности въ ис-

кусствѣ, о которыхъ упомянуто выше,—это фактъ несомнѣнный; но не подлежитъ также сомнѣнію, что вспышка эта была не особенно яркая и устойчивая.

Съ 6-го или 7-го представленія, зала Большаго театра стала значительно пустѣть; высшее общество рѣшительно *будировало*, и великій нашъ композиторъ, по свидѣтельству современниковъ, пріунылъ.

Весьма вѣроятно, что Глинка, какъ утверждаетъ г. Сѣровъ, сознавалъ уже въ то время и *свои силы* и *высокую роль*, предназначенную ему въ русскомъ искусствѣ, — подобное сознаніе присуще каждому истинно великому художнику; но намъ кажется, что онъ на время упалъ духомъ, иначе не почилъ бы на лаврахъ и не замолкъ бы на цѣлые шесть лѣтъ. Вотъ какъ г. Сѣровъ объясняетъ это обстоятельство:

«Итальянскій дѣлъ мастеръ или нѣмецкій потнаго цѣха ремесленникъ, еслибы ему удалось — *ипотеза* невозможная! — создать оперу въ такихъ размѣрахъ новаго стиля, какъ «Жизнь за Царя», этотъ стиль принялъ бы тотчасъ за выкройку, за трафаретку (Schablone) и по этой мѣркѣ смастерилъ бы тотчасъ дюжины двѣ оперъ, которыя всѣ явились бы на сценѣ и, конечно, не безъ успѣха, пока трафаретка окончательно не прискучитъ и кто нибудь не изобрѣтетъ новой.

«Русскій художникъ, Глинка, достигнувъ полной силы въ развитіи своего таланта, удостовѣрившись самъ себя въ фактической возможности имѣть русскія оперы въ особомъ, небываломъ и самомъ серьёзномъ стилѣ музыки русской, тотчасъ же сталъ стремиться—далѣе впередъ... Формъ, красокъ, употребленныхъ имъ въ первой оперѣ, было для него слишкомъ мало. *Въ немъ роился богатѣйшій запасъ оркестроваго колорита*, своеобразнаго, неслыханнаго,—цѣлая голконда алмазовъ и перловъ въ области гармоніи и мелодіи, въ самыхъ роскошныхъ, фантастическихъ сочетаніяхъ».

По этимъ словамъ г. Сѣрова слѣдуетъ заключить, вопервыхъ, что Глинка удостовѣрился въ фактической возможности писать русскія оперы въ особомъ, небываломъ и самомъ серьёзномъ стилѣ, и вовторыхъ, что онъ остался недоволенъ оркестровою частью первой своей оперы, потому что въ умѣ его роился богатѣйшій запасъ собственнаго оркестроваго колорита, не употребленнаго въ надлежащемъ блескѣ въ оперѣ «Жизнь за Царя».

Второй пунктъ предположенія г. Сѣрова оправдался на дѣлѣ, потому что оркестровка «Руслана» дѣйствительно несравненно ярче, живописнѣе и своеобразнѣе оркестровки первой оперы Глинки. И есть несомнѣнныя доказательства, что великій нашъ композиторъ не признавалъ «Жизни за Царя» за окончательный и вполнѣ удовлетворительный прототипъ русской національной оперы. Современники Михаила Ивановича, близко съ нимъ знакомые, весьма хорошо помнятъ, что онъ неодобрительно отзывался о нѣкоторыхъ рецензіяхъ, написанныхъ по поводу первой

его оперы. «Что это за манера, говаривалъ покойный Глинка, хвалить въ «Жизни за Царя» все сплошь да рядомъ! Неужели эти гг. недальновидные критики не видятъ, что въ первой моей операѣ есть множество формъ и пріемовъ чисто итальянскаго покроя (и онъ указывалъ на мѣста, погрѣшающія дѣйствительно итальянизмомъ) а этого, присовокуплялъ онъ запальчиво — въ кровной русской операѣ быть не должно!» Достовѣрность этого показанія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; слѣдовательно, очевидно, что создавая вторую оперу, Глинка искалъ новыхъ *формъ* и *красокъ*, какъ выражается г. Сѣровъ, нетолько для оркестроваго колорита, но и для всей оперы вообще. Достигнулъ-ли покойный Глинка желанной цѣли въ «Русланѣ и Людмилѣ»? Это вопросъ, изслѣдовать который мы теперь не станемъ, имѣя предметомъ въ настоящей статьѣ прослѣдить различные фазисы національныхъ у насъ вспышекъ по части музыкальнаго искусства.

Вторая опера Глинки была встрѣчена массою нашего общества еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ, чѣмъ первая. Публика раздѣлилась на два, почти враждебные лагеря, и бо́льшая часть потянула къ возстановленной тогда (увы! весьма не во время) итальянской операѣ.

Послѣдствія этого передвиженія извѣстны всѣмъ и каждому. Глинка, къ сожалѣнію, замолкъ, и до конца своей жизни не возобновлялъ болѣе попытки положить прочное, незыблемое основаніе національному оперному дѣлу!

Въ 1844 году, два года спустя послѣ постановки «Руслана», такъ мало оказалось посѣтителей русской оперы, что русскую труппу стали мало-по-малу распускать, и одно время почти единственнымъ представителемъ прежней русской оперной труппы оставался О. А. Петровъ, создавшій монументальный типъ Сусанина.

Въ оперномъ русскомъ дѣлѣ настало продолжительное затишье, но стремленіе къ національности въ дѣлѣ искусства таилось какъ искра подъ пепломъ, выжидая удобной минуты для новой вспышки.

Въ 1853 году одному изъ членовъ театральной дирекціи пришла счастливая мысль попробовать возстановить понемногу почти совершенно распавшійся составъ русской оперной труппы. Съ этою цѣлью ангажированъ былъ г. Сѣтовъ (нынѣ весьма дѣятельный и весьма дѣльный режиссеръ русской труппы Маріинскаго театра), и съ помощью его возобновлены были на русской сценѣ переводныя оперы: «Жидовка», «Робертъ» (въ которомъ, между прочимъ, О. А. Петровъ создалъ неподражаемо-хорошо типъ Бертрама), «Марта» (особенно полюбившаяся почему-то нашей публикѣ) и проч. и проч. Постановки переводныхъ оперъ слѣдовали одна за другою, и должно сказать, что въ то время по этой части замѣтна была значительная дѣятельность со стороны

тѣхъ лицъ, которыя стремились къ возстановленію русской оперной труппы.

Означенные дѣятели тѣмъ болѣе заслуживаютъ благодарности, что они дѣйствовали, такъ-сказать, изъ-подъ руки, и на собственный страхъ. Музыканты, хористы, костюмы, декораціи — даже инструменты для оркестра, все это добывалось не безъ труда и не безъ нѣкоторой хитрости, потому что въ высшихъ сферахъ театральной администраціи не признавали еще вполнѣ потребности возстановленія русской труппы. Такимъ образомъ, дѣло шло мало-по-малу; представленія русской оперной труппы стали вновь привлекать публику, и обратили наконецъ на себя вниманіе и высшихъ сферъ администраціи.

Въ 1855 году появилось новое, самостоятельное произведеніе, «Русалка» А. С. Даргомыжскаго. Русскій музыкальный міръ встрепенулся; тогдашній, почти единственный музыкальный критикъ, помѣщавшій рецензіи свои въ «Сѣверной Пчелѣ», разразился восторженными похвалами, и указалъ, между прочимъ, на О. А. Петрова, какъ на великаго артиста, по случаю замѣчательнаго, своеобразно-художественнаго типа, созданнаго имъ въ роли мельника. Должно, однакожь, сказать, что въ то время публика наша не совсѣмъ-то оцѣнила новое произведеніе А. С. Даргомыжскаго.

Драматическая правда, и крупная доля, отведенная въ этой оперѣ декламаціи, застала нашу публику въ расплохъ. «Русалка», при первомъ своемъ появленіи, не имѣла и сотой доли того успѣха, который заслужила она, по справедливости, десять лѣтъ спустя, при ея возобновленіи. Странная и горькая участь постигаетъ нашихъ отечественныхъ композиторовъ!! Исторія Глинки повторилась съ Даргомыжскимъ. Вѣдь не отъ недостатка же вдохновенія замолкъ даровитый нашъ композиторъ! Онъ былъ тогда въ полномъ развитіи силъ и таланта, и слѣдовательно, молчаніе его должно приписать тѣмъ же причинамъ, по которымъ замолкъ и Глинка. Говорятъ, что А. С. Даргомыжскій окончилъ нынѣ оперу, совершенно своеобразнаго, новаго стиля на поэму Пушкина «Каменный Гость». Дай-то Богъ! Это доказываетъ, что А. С. не совсѣмъ еще упалъ духомъ, чему онъ обязанъ, конечно, кружку молодыхъ, талантливыхъ людей, сплотившихся вокругъ него, и поддерживающихъ въ немъ горячимъ, молодымъ сочувствіемъ священный огонь творчества! Замѣчательный этотъ кружокъ, долженствующій, какъ намъ кажется, имѣть значительное вліяніе на будущія судьбы русскаго музыкальнаго искусства, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ слѣдующемъ обозрѣніи мы постараемся, насколько это возможно, не нарушая неприкосновенности частнаго быта, очертить стремленія и вообще воззрѣнія на искусство главнѣйшихъ представителей замѣчательнаго этого кружка. Скажемъ, однако, заранѣе, что этотъ кружокъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми кружками, которые И. С. Тургеневъ охарактеризовалъ въ «Гам-

летѣ» Щигровскаго уѣзда подъ названіемъ: «Ein *кружокъ* in der Stadt Moscou».

Итакъ, въ 1855 году «Русалка» промелькнула на нашей сценѣ, и русская труппа, продолжая подвизаться въ переводныхъ операхъ, изрядно исполняла «Жизнь за царя» и «Руслана», при незавидной, признаться сказать, обстановкѣ — то-есть съ обвѣтшалыми декораціями и костюмами, и съ недостаточными, какъ оркестровыми, такъ и хоральными миссами.

Въ промежутокъ отъ 1855 до 1863 были кой-какія попытки постановки самостоятельныхъ оперъ, написанныхъ здѣшними композиторами; но онѣ оттого именно и не удержались на сценѣ, что оказались *несамостоятельными*. Сначала появилась «Кроатка» соч. г. Дюча, написанная подъ вліяніемъ успѣха «Марты» Флотова; потомъ «Мазепа» г. Фитингофа, также не чуждая того же вліянія, и «Наташа» г. Вильбоа, имѣвшая нѣкоторый успѣхъ по случаю кой-какихъ національныхъ мелодій, введенныхъ композиторомъ въ эту оперу, почти сырьемъ, такъ-сказать.

1863 годъ ознаменовался появленіемъ «Юдифи», первой оперы г. Сѣрова. Какъ крупное музыкальное явленіе, «Юдифь» возбудила множество горячихъ толковъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, что̀ значительно способствовало успѣху этой оперы, которая, впрочемъ, сама по себѣ, отличается неоспоримыми музыкальными достоинствами. До появленія «Юдифи», г. Сѣровъ вовсе не былъ извѣстенъ, какъ композиторъ, но обратилъ уже на себя вниманіе читающей публики въ качествѣ музыкальнаго критика.

Статьи его, написанныя бойко и смѣло, извѣстны были всѣмъ интересующимся музыкальнымъ дѣломъ. Въ нихъ г. Сѣровъ разбивалъ въ пухъ и прахъ завѣтныя воззрѣнія на музыку большинства и превозносилъ нѣмецкаго реформатора Вагнера. Дабы не уклониться отъ провозглашаемыхъ имъ принциповъ, г. Сѣровъ, выступая на композиторское поприще, долженъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, пойдти по стопамъ Вагнера, а не по пути, указанному ему даровитыми его предшественниками (Глинкой и Даргомыжскимъ). Дѣйствительно, «Юдифь» г. Сѣрова появилась во всеоружіи *вагнеризма*, и можно сказать, со всѣми недостатками, или лучше сказать, ложными увлеченіями, и со всѣми *симфоническими* достоинствами, свойственными нѣмецкому реформатору. Тѣмъ не менѣе, публика наша, къ величайшему удивленію самаго г. Сѣрова, встрѣтила «Юдифь» съ большимъ сочувствіемъ, и долгое время толпами стремилась въ русскую оперу, каждый разъ, когда появлялась на афишѣ новая эта опера.

Два года спустя, появилась «Рогнѣда», вторая опера г. Сѣрова, написанная уже не на еврейскій, а на русскій сюжетъ. Въ ней, мѣстами, замѣтно еще вліяніе Вагнера, но чувствительно уже стремленіе къ самостоятельности. Въ подробности входить не станемъ; въ свое время о «Рогнѣдѣ» написано было множе-

*

ство статей, и скажемъ только, что вторая опера г. Сѣрова имѣла еще бо́льшій успѣхъ, чѣмъ первая.

Не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе «Рогнѣды», подало поводъ къ новой *вспышкѣ* того стремленія къ національности въ дѣлѣ искусства, о которомъ упомянуто выше. Театральная дирекція воспользовалась этимъ, и возобновила «Русалку», принятую нашею публикою на этотъ разъ съ необычайнымъ восторгомъ.

Казалось, чего бы лучше! Русское оперное дѣло плыветъ на полныхъ парусахъ, національная труппа укомплектована, оркестръ и хоры въ полномъ составѣ, публика оказываетъ горячее сочувствіе русскимъ операмъ, въ даровитыхъ композиторахъ нѣтъ недостатка, а между тѣмъ, все чего-то недостаетъ! Недостаетъ, возразятъ намъ, вѣроятно, геніальныхъ исполнителей, первоклассныхъ пѣвцовъ. Конечно, на русской оперной сценѣ нѣтъ еще, что-называется, геніальныхъ исполнителей; но гдѣ же они въ настоящее время и на другихъ-то сценахъ? Но есть у насъ пѣвцы и пѣвицы, одаренные свѣжими, прекрасными голосами, и поющіе весьма, весьма удовлетворительно.

Знаете-ли, чего у насъ недостаетъ для развитія и процвѣтанія національнаго искусства? Недостаетъ у насъ сознанія собственныхъ силъ, недостаетъ должнаго уваженія къ національнымъ дѣятелямъ — отчего происходитъ какое-то обидное недовѣріе къ русскимъ талантамъ, и по временамъ досадное самоуниженіе.

Прошлаго 1867 года посѣтилъ насъ великій симфонистъ и знаменитый капельмейстеръ, французскій композиторъ Гекторъ Берліозъ.

Берліоза встрѣтили въ Петербургѣ съ большимъ почетомъ. Но вотъ онъ отправляется въ Москву, и тамъ уже не довольствуются привѣтливою, сочувственною встрѣчею. Москва задаетъ иностранной знаменитости торжественный банкетъ въ залахъ дворянскаго собранія (а не въ ресторанахъ, какъ здѣсь), съ приличными спичами и восторженными оваціями, въ честь виновника торжества. Маститый нашъ литераторъ и знатокъ древней церковной музыки, князь В. Одоевскій, произноситъ краснорѣчивую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой восхваляя заслуги иностраннаго композитора, благодаритъ его, между прочимъ, отъ имени всѣхъ россіянъ, что онъ, то-есть Берліозъ, обратилъ *благосклонное свое вниманіе* (въ статьяхъ, писанныхъ Берліозомъ въ «Journal des Débats») на драгоцѣннаго и по истинѣ геніальнаго нашего соотечественника, Михаила Ивановича Глинку!! Мы глубоко уважаемъ почтеннаго и достойнаго князя Одоевскаго, но не можемъ не видѣть въ этихъ словахъ досаднаго самоуниженія. Безспорно, что Берліозъ принадлежитъ къ числу музыкальныхъ дѣятелей, выходящихъ изъ ряду вонъ, но какъ же сравнить заслуги его въ отношеніи къ русскому искусству съ заслугами, оказанными русскому оперному дѣлу незабвеннымъ Глинкою!

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Въ порывѣ энтузіазма,

одинъ изъ профессоровъ московской консерваторіи предложилъ выставить въ залѣ означенной консерваторіи портретъ г. Берліоза—и предложеніе это принято было единодушно при восторженныхъ кликахъ и рукоплесканіяхъ. Итакъ, въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, въ центрѣ музыкальнаго ея университета, т.-е. въ консерваторіи, будетъ красоваться изображеніе иностраннаго композитора, находящагося еще, благодаря Бога, въ живыхъ, а не будетъ портрета незабвеннаго покойника, великаго русскаго музыкальнаго дѣятеля, Михаила Ивановича Глинки!!

Что же это такое, какъ не самоуниженіе и недостатокъ сознанія собственныхъ силъ!!

Почти вслѣдъ за г. Берліозомъ въ Москву пріѣзжали наши національные композиторы: Даргомыжскій и Сѣровъ: первый для постановки «Русалки», имѣвшей въ Москвѣ большой успѣхъ, а второй для исполненія въ концертахъ нѣкоторыхъ нумеровъ «Рогнѣды» и «Юдифи». Сочиненія г. Сѣрова въ то время, повидимому, вовсе не были оцѣнены, потому что ни князь Одоевскій, ни графъ Сологубъ, который такъ краснорѣчиво и съ такимъ восторгомъ отзывается о французской пѣвицѣ Арто, ни другіе присяжные журнальные рецензенты — никто не почелъ нужнымъ упомянуть о впечатлѣніи, произведенномъ на московскую публику музыкою г. Сѣрова.

О торжественныхъ встрѣчахъ и, тѣмъ паче, о торжественныхъ банкетахъ что-то не слыхать было! и, вѣроятно, даровитые наши соотечественники удовольствовались скромнымъ угощеніемъ — чашкою чаю, да и то не въ накладку, а въ прикуску!

Въ декабрѣ была поставлена на русскую оперную сцену опера г. Направника «Нижегородцы» (либретто г. Калашникова). Авторъ либретто, очевидно, не пожелалъ дать драмѣ историческій поворотъ — на это онъ имѣлъ полное право, но въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что онъ выставилъ на сцену Минина. Есть имена, съ которыми тѣсно сопряжены воспоминанія о великой исторической эпохѣ. Упоминать вскользь о нихъ не слѣдуетъ, и когда, напримѣръ, личность Минина выводится на сцену, то всѣ прочія дѣйствующія лица отодвигаются на второй планъ. Не такъ поступилъ г. Калашниковъ, авторъ либретто «Нижегородцевъ», и тѣмъ, намъ кажется, значительно повредилъ успѣху новаго произведенія.

Въ драмѣ г. Калашникова, главныя дѣйствующія лица боярин Куратовъ (г. Никольскій), князь Боровской (г. Мельниковъ) и Ольга, дочь князя (г-жа Соловьева); на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, и фигура Минина выставлена только какъ лицо эпизодическое.

Дѣйствіе начинается встрѣчею боярина Куратова съ неизвѣстнымъ купцомъ Волковымъ, въ которомъ и оказывается впослѣдствіи знаменитый Кузьма Миничъ Сухорукій. Этотъ первый

пріемъ намъ кажется неудачнымъ. Конечно, Мининъ могъ быть мало извѣстенъ до великаго нижегородскаго событія, но на насъ, на потомство, *инкогнито* Минина, разгуливающаго по Руси подъ чужимъ именемъ, производитъ какое-то неловкое впечатлѣніе.

Встрѣча боярина Куратова съ купцомъ Волковымъ (онъ же Мининъ) совершенно случайная. Изъ рѣчей ихъ видно, что они другъ друга вовсе не знаютъ, что не мѣшаетъ, однако же, Куратову, послѣ нѣсколькихъ словъ политическаго свойства (а именно о присягѣ Москвы на вѣрность Владислава), повѣдать своему случайному собесѣднику, что онъ безъ памяти влюбленъ въ дочь Боровскаго, заклятаго врага Куратовыхъ.

Едва успѣлъ уйдти неизвѣстный купецъ, какъ на сцену прибѣгаютъ толпы народа, объявляя въ испугѣ, что на какого-то беззащитнаго бѣднякa напали злодѣи, и что несчастному не сдобровать.

Куратовъ весьма логично восклицаетъ:

«Бездѣльники!... что жь не бѣжите
Къ несчастному на помощь вы?»

«Не смѣемъ, отвѣчаетъ толпа: — князь Боровской осерчаетъ — злодѣи вѣдь его холопы». — «Ну, такъ на защиту его одинъ я поспѣшу!» восклицаетъ Куратовъ, обнажая мечъ.

Какъ и водится, беззащитный отдѣлался только легкою царапиною на рукѣ, и, конечно, остался весьма благодаренъ Куратову за оказанную помощь.

Во второмъ актѣ дѣйствіе перенесено въ богатыя хоромы князя Боровскаго, сторонника поляковъ. На сценѣ пиръ горой. Между гостями нѣсколько поляковъ, въ національныхъ костюмахъ, и много русскихъ бояръ, передавшихся Польшѣ, какъ объясняетъ либретто. Послѣ доброй попойки и многочисленныхъ «виватовъ» за здоровье Сигизмунда, входитъ стремянный Боровскаго, и тутъ мы узнаемъ, что злодѣйское нападеніе на незнакомца было сдѣлано съ цѣлью отнять находящееся при немъ воззваніе патріарха Ермогена. Стремянный объясняетъ, что неизвѣстный боринъ помѣшалъ предпріятію и отбилъ у клевретовъ Боровскаго посланца Ермогена. Поляки и сторонники ихъ, русскіе бояре, приходятъ въ ярость при этомъ извѣстіи и рѣшаются немедленно пуститься въ погоню за дерзновеннымъ, но въ эту минуту въ дверяхъ появляется бояринъ Куратовъ.

«Всѣ въ изумленіи», гласитъ либретто. — «Какъ! онъ самъ!» восклицаютъ присутствующіе. Объясненіе между Боровскимъ и Куратовымъ начинается довольно крупно. Князь обзываетъ боярина «дерзкимъ» и грозитъ не на шутку; но Куратовъ объявляетъ, что привезъ къ князю письмо отъ Гонсевскаго, и тотъ тотчасъ же смягчается и даже проситъ у Куратова извиненія.

Изъ послѣдующихъ рѣчей, мы узнаемъ, что Боровской и его единомышленники желаютъ поставить царемъ не Владислава, а Сигизмунда, на что Куратовъ, конечно, не изъявляетъ своего

согласія — и узнаемъ также, что Гонсевскій поручилъ Куратову попросить князя Боровскаго отправиться въ Нижній, дабы примѣромъ своимъ побудить нижегородцевъ присягнуть на вѣрность Владиславу. Князь остается недоволенъ этимъ рѣшеніемъ. «Нѣтъ! не такъ я бы поступилъ — говоритъ онъ — будь моя воля:

Я бъ мечемъ и огнемъ
Съ ними рѣчи повелъ,
Я бъ по бревнамъ разнесъ
Ихъ крамольничій станъ» и проч.

Несмотря на энергическія эти намѣренія, князь соглашается, однако же, сопутствовать Куратову въ Нижній, и прерванный пиръ возобновляется съ новою силою, то-есть съ присовокупленіемъ пѣсенъ и плясокъ скомороховъ.

Третье дѣйствіе (по либретто второе) исключительно посвящено описанію домашняго быта и чувствъ Ольги, дочери князя Боровскаго. Какъ Куратовъ въ первомъ дѣйствіи изливалъ душу свою незнакомому купцу, такъ Ольга изливаетъ душу подругѣ своей Ксеніи, которая съ изумленіемъ узнаетъ, что Ольга давно знакома съ Куратовымъ, что они *росли вмѣстѣ*, что она, конечно, любитъ его до безумія, но что изъ этого проку не выйдетъ, потому что отецъ Ольги заклятый врагъ Куратовыхъ.

Страннымъ можетъ показаться, что Ксенія, подруга Ольги, живущая въ домѣ Боровскаго, какъ сказано въ либретто, ни о чемъ не догадывалась, но ужь такова воля автора — и Ксенія, выслушавъ повѣствованіе подруги своей, восклицаетъ:

«*Не горюй напрасно*
Горькихъ слезъ не лей» и проч.

Декорація въ третьемъ дѣйствіи представляетъ садъ, раздѣленный надвое продольною изгородью. Послѣ душевныхъ изліяній Ольги, на сценѣ, по ту сторону изгороди появляется отецъ ея, въ сопровожденіи стремяннаго. Ольга и Ксенія слышатъ, къ неописанному ихъ ужасу, что князь поручаетъ вѣрному своему клеврету убить Куратова. Дѣло страшное, конечно! но Ольга лучше ничего не придумала, какъ послать Ксенію за Куратовымъ, желая сама объявить ему, что злодѣйски замышляютъ на жизнь его. Какъ бы то ни было, но Куратовъ является по приглашенію Ксеніи, и предается упоенію любви! Долго влюбленные воркуютъ, забывая цѣлый свѣтъ, однако же Ольга вспомнила, наконецъ, что она обязана предупредить своего возлюбленнаго объ угрожающей ему опасности.

«Берегись—говоритъ она—всегда, гдѣ только бы ты ни былъ, жди нападенья». — «Кто жь мой врагъ?» наивно спрашиваетъ Куратовъ, забывая, что самъ же объявилъ недавно, что Боровской заклятый врагъ Куратовыхъ. Ольга отвѣчаетъ уклончиво: «Объявить не смѣю, но помни мои слова!»

Какъ не помнить! даже и понять ихъ было бы не трудно для

догадливаго человѣка. Въ эту минуту вбѣгаетъ Ксенія, съ извѣстіемъ, что «отецъ идетъ». Влюбленные разстались, къ счастью, до прихода отца и князь объявляетъ своей дочери, что онъ просваталъ ее за Гонсевскаго. Разумѣется, отчаяніе, слезы, колѣнопреклоненіе со стороны несчастной Ольги, но отецъ неумолимъ.

На всхлипыванья Ольги сбѣгаются сѣнныя дѣвушки, допрашиваютъ ее, что̀ съ нею приключилося, о чемъ она груститъ и убивается. Сцену эту, неимѣющую существенной важности ни въ музыкальномъ, ни въ сценическомъ отношеніяхъ, можно было бы посовѣтовать исключить вовсе, потому что она поразительно напоминаетъ подобную же сцену въ «Жизни за Царя».

Изъ обозрѣнія первыхъ трехъ дѣйствій видно, что за исключеніемъ двухъ, трехъ намековъ о присягѣ Владислава, и о стремленіи нѣкоторыхъ полякующихъ бояръ не ставить на царство Сигизмунда, въ нихъ нѣтъ ничего ни политическаго, ни историческаго, потому что даже и Мининъ, промелькнувшій только въ первомъ дѣйствіи, появляется подъ псевдонимомъ купца Волкова.

Посмотримъ, на сколько внесено историческаго элемента въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Сцена при поднятіи занавѣса въ четвертомъ дѣйствіи представляетъ обширную площадь въ Нижнемъ. Толпы народа, волнуясь предъ хоромами Куратова, ожидаютъ, что-то скажутъ имъ бояре, и какую вѣсть привезъ изъ Москвы посолъ нарочный. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія, на крыльцѣ дома Куратова показываются бояре и впереди всѣхъ Мининъ-Сухорукій. Минута торжественная! Наконецъ-то, думаютъ зрители, развернется передъ ними одна изъ доблестнѣйшихъ страницъ отечественной исторіи.

Мининъ бьетъ челомъ православнымъ и проситъ дозволенія сказать свое слово. Народъ стихаетъ, и отдавъ поклонъ великому гражданину, объявляетъ, что радъ выслушать Кузьму Минина. Интересъ возрастаетъ, вниманіе всѣхъ приковано къ устамъ возстановителя русской независимости. Мининъ провозглашаетъ, что ляхъ Гонсевскій прислалъ пословъ въ Нижній, предлагая народу цаловать крестъ королевичу польскому...

«Вѣру принять православную
Клятву царевичъ даетъ —
Русью по прежнимъ обычаямъ
Править сулитъ Владиславъ —»

говоритъ Мининъ.

«Что же бояре придумали? спрашиваетъ народъ.

«Можно ли намъ вѣрить врагу? отвѣчаетъ Мининъ.

«Сына въ цари предлагаютъ
Съ войскомъ идетъ Сигизмундъ;
Отнялъ Смоленскъ у насъ силою
Русь онъ идетъ воевать.»

Народъ въ страхѣ и недоумѣніи. «Что же намъ дѣлать?» восклицаетъ толпа. «Можемъ ли мы совладѣть съ поляками? Поневолѣ приходится вѣрить имъ!»

Тутъ началось бы и слѣдовало дать просторъ исторической личности Минина; выказать вполнѣ его вліяніе на народъ и участіе въ рѣшеніи будущихъ судебъ Россіи.

Но, къ сожалѣнію, авторъ далъ дѣлу другой поворотъ. Мининъ указываетъ на Куратова, какъ на посла Гонсевскаго — и Куратовъ, личность исторически блѣдная и малоизвѣстная, обращается къ народу съ жалкими рѣчами: «Не вѣрьте, молъ, обѣщаньямъ Сигизмунда, если любите родную, русскую страну». Это до крайности расхолаживаетъ дѣйствіе, и хотя потомъ Мининъ въ свою очередь обращается также къ народу, но слова его, какъ повтореніе мыслей, высказанныхъ блѣдною личностью Куратова — не увлекаютъ уже слушателей.

Извѣстная историческая сцена, когда всѣ отъ мала до велика, увлеченные патріотическимъ чувствомъ, принесли кто свои пожитки, кто сокровища, жертвуя ими на преуспѣяніе святаго дѣла — совершенно пропадаетъ въ драмѣ г. Калашникова. Мининъ вынимаетъ изъ-за пазухи кошелекъ съ деньгами, кошелекъ на видъ довольно тощій, и показывая его народу, восклицаетъ: «Вотъ все, что только я имѣю, и съ радостью все отдаю на жертву родинѣ!»

Народъ показываетъ *съ восторгомъ* тоже довольно тощіе кошельки, и за симъ Мининъ приглашаетъ всѣхъ въ Кремль. «Идемте въ Кремль, друзья мои—восклицаетъ онъ—туда снесемъ богатства наши!»

Провозглашеніе Минина «выборнымъ русской земли», этотъ небывалый до того времени, единственный фактъ въ русской исторіи, проходитъ также совершенно незамѣтно.

Нѣсколько голосовъ провозглашаютъ, обращаясь къ Мнинину:

«И выборнымъ тебя быть просимъ
Отъ всея русскія земли!»

Мининъ на это даже ничего не отвѣчаетъ, и тѣмъ дѣло кончается. Какъ было не воспользоваться этимъ историческимъ моментомъ, представляющимъ такой богатый матеріалъ для лирическаго и музыкальнаго развитія!

За симъ драма вновь принимаетъ оборотъ романтической фабулы и вплоть до торжественнаго въѣзда въ Москву Минина и Пожарскаго, которымъ оканчивается опера, не заключаетъ въ себѣ ничего историческаго.

Мининъ, отправивъ народъ въ Кремль, остается съ Куратовымъ на сценѣ. Какая непростительная оплошность! Правдоподобно ли, чтобы Мининъ, душа котораго переполнена была въ настоящую минуту великими патріотическими помыслами, остался бы для переливанія съ Куратовымъ изъ пустого въ порожнее.

Изъ этого разговора слушатели узнаютъ, что Минина назвали

купцомъ Волковымъ для того, чтобы ему было безопаснѣе добраться до дому, имѣя съ собой воззваніе Ермогена (о чемъ, впрочемъ, уже и было повѣдано въ 1-мъ дѣйствіи), и что Куратовъ призналъ еще въ совѣтѣ бояръ Кузьму Минина, но не смѣлъ подойти, *боясь ошибиться*! Мининъ говоритъ, что онъ до смерти будетъ должникомъ Куратова, за оказанную ему боярномъ помощь, и заключаетъ свою рѣчь словами:

«Но въ Кремль пора, пойдемъ бояринъ!» Дѣйствительно — давно пора, прибавимъ мы отъ себя.

Тутъ князь Боровской выходитъ на авансцену и, сознавая, что для полякующаго русскаго боярина дѣло принимаетъ нехорошій оборотъ, замышляетъ покончить съ Куратовымъ убійствомъ, опасаясь, что тотъ его выдастъ головою.

Боровской призываетъ тронхъ изъ своихъ холопей и приказываетъ имъ убить Куратова, когда онъ будетъ возвращаться въ свои хоромы. Холопы размѣщаются въ засаду—сцена пустѣетъ. Вскорѣ появляется Куратовъ, одинъ, въ задумчивости. Стремянный, одинъ изъ холопей, бросается на него съ ножомъ и падаетъ, разумѣется, пораженный геройскимъ мечомъ Куратова; другіе два холопа, опасаясь подвергнуться той же участи, поспѣшно убѣгаютъ. На шумъ сбѣгается народъ, и раненый стремянный объявляетъ во всеуслышаніе, что покушеніе на убійство боярина совершено имъ по приказанію князя Боровскаго. Изъ этого народъ логически заключаетъ, что князь, вѣроятно, измѣнилъ странѣ родной и съ поляками дружбу свелъ.

Вслѣдствіе этого, часть народа устремляется отыскивать измѣнника, но вмѣсто его притаскиваетъ полумертвую отъ страха Ольгу. Въ эту минуту Куратова нѣтъ на сценѣ: онъ удалился въ свои хоромы вслѣдъ за раненымъ стремяннымъ, котораго внесли туда по приказанію хозяина, для оказанія ему надлежащей медицинской помощи. Но къ счастью или, вѣрнѣе сказать, къ несчастью Ольги, прибѣгаетъ Ксенія и, желая спасти подругу свою, кричитъ народу:

«Что̀ вы дѣлаете, изверги! княжна Гонсевскаго невѣста!» — Наивная Ксенія, что̀ это ты надѣлала!!

«Вотъ какъ! кричитъ разсвирѣпѣвшій народъ:—невѣста ляха! Повѣсимъ же ее!» Шумъ, крикъ; Ксенія умоляетъ; Ольгу таскаютъ по сценѣ съ распущенными волосами. Но появляется, наконецъ, Куратовъ и вырываетъ возлюбленную свою изъ рукъ толпы. Начинается борьба одного противъ огромной массы обезумѣвшаго отъ ярости народа. Болѣе смѣлые порываются вновь завладѣть несчастною дѣвушкою, но Куратовъ взмахнетъ мечомъ — и тѣ прочь отступаютъ. Не сдобровать бы ему, однакоже, но, къ счастью, появляется Мининъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, тихо спрашиваетъ у Куратова:

«Хочешь ты спасти ее?»—Еще бы нѣтъ! отвѣчаетъ шопотомъ Куратовъ: разумѣется, хочу!—«Такъ назови ее своей невѣстою».

Куратовъ соглашается — и Мининъ объявляетъ, что Ольга невѣста вовсе не Гонсевскаго, а боярина Куратова.

Однакоже, народъ себѣ на умѣ. «Такъ пусть вѣнчаются сейчасъ же!» — Нечего дѣлать! Мининъ беретъ за руки влюбленныхъ и прямо ведетъ ихъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, въ церковь. Небольшая толпа народа остается на сценѣ и съ умиленіемъ слушаетъ молитвы, раздающіяся за кулисами во время вѣнчанія.

По совершеніи вѣнчанія, молодые выходятъ изъ церкви въ сопровожденіи Минина, который вновь благословляетъ ихъ. Ольгу на время отправляютъ для безопасности въ какой-то отдаленный женскій монастырь; а Куратовъ остается съ Мининымъ, для окончанія великаго дѣла освобожденія Россіи отъ враговъ.

Пятый актъ раздѣленъ на двѣ картины; въ первой дѣйствіе происходитъ въ монастырѣ, въ который удалилась Ольга, а второй — въ московскомъ Кремлѣ.

Изъ словъ Ольги мы узнаемъ, что уже два мѣсяца, какъ она проживаетъ въ стѣнахъ монастыря, но что скоро свидится съ мужемъ, потому что получены добрыя вѣсти объ отступленіи врага отъ Москвы. Тутъ неожиданно появляется князь Боровской, провѣдавшій объ убѣжищѣ дочери, и сначала угрозами, а потомъ обманомъ (увѣривъ, что онъ присланъ отъ Куратова) склоняетъ ее оставить монастырь.

Вторая картина представляетъ внутренность Кремля. Небольшая горсть поляковъ, подъ предводительствомъ князя Боровскаго и пана Струся, ожидаетъ рѣшенія горькой своей участи. Имъ приходится жутко! Осажденные со всѣхъ сторонъ, они голодаютъ, ропщутъ и поговариваютъ о сдачѣ. Вожди ихъ хорохорятся, уговариваютъ сдѣлать вылазку, дабы пробиться силою сквозь ряды враговъ, и съ этою цѣлью Боровской съ паномъ Струсемъ отправляются на стѣны кремлевскія чтобы высмотрѣть удобный пунктъ.

Раздается выстрѣлъ, панъ Струсь возвращается одинъ и объявляетъ Ольгѣ, что отецъ ея убитъ наповалъ. Ольга съ воплемъ стремится за кулисы.

Чрезъ нѣсколько времени слышны трубные звуки, и дозорный объявляетъ, что присланъ къ нимъ переговорщикъ отъ рати русской. Панъ Струсь приказываетъ его впустить.

Переговорщикъ этотъ, конечно, боярин Куратовъ, принесшій полякамъ пріятное извѣстіе, что имъ даруется не только пощада, но и свобода. Поляки съ восторгомъ устремляются въ открытыя ворота и оставляютъ Куратова одного на сценѣ. Боярин снимаетъ шлемъ, кланяется въ землю святынямъ русскимъ и восклицаетъ:

«Здравствуй, Кремль! Всей Руси сердце,
Плѣнъ оконченъ тяжкій твой.»

Затѣмъ происходитъ нѣжное свиданіе между Ольгою и ея мужемъ и, наконецъ, сцена наполняется несмѣтными толпами ликующаго народа; на коняхъ въѣзжаютъ Мининъ и Пожарскій, въ сопровожденіи доблестныхъ своихъ сподвижниковъ, — раздается величественный гимнъ:

«Будь сильна ты, Русь родима,
Конченъ твой разгромъ,» и пр.

и занавѣсъ опускается при громкихъ рукоплесканіяхъ публики.

Г. Направникъ по происхожденію чехъ, а по образованію — нѣмецъ, такъ-какъ онъ родился и воспитывался въ онѣмеченномъ городѣ Прагѣ. Какъ то, такъ и другое послужило ему въ пользу для сочиненія первой его оперы. Славянское происхожденіе дало ему возможность сродниться съ русскимъ элементомъ въ отношеніи мелодіи, а нѣмецкое образованіе придало его партитурѣ музыкально-научную нѣмецкую отдѣлку. Лучшая часть его труда, безспорно, отличное веденіе голосовъ, какъ въ отдѣльныхъ партіяхъ, такъ и при контрапунктическомъ сочетаніи ихъ, и звучная, богатая, довольно живописная оркестровка. Стиль оперы г. Направника — смѣшанный. Нѣкоторыя изъ его мелодій проникнуты русскимъ духомъ, но построены на итальянскій манеръ; правда, что онъ избѣгаетъ по возможности избитыя итальянскія каденцы, но въ постройкѣ и развитіи мелодическихъ фразъ придерживается итальянскихъ формъ. Это изобличается по нѣкоторымъ гармоническимъ прогрессіямъ и по способамъ гармонизаціи вообще.

Первый и четвертый актъ богаче прочихъ по музыкальному содержанію. Какъ въ первомъ, такъ и въ четвертомъ актѣ находятся молитвы, производящія на публику сильное впечатлѣніе. Молитва въ четвертомъ дѣйствіи, исполняемая за кулисами, во время вѣнчанія Ольги съ Куратовымъ, въ особенности замѣчательна по небывалости подобной молитвы на нашей сценѣ. Въ ней воспроизведенъ почти безъ измѣненія пятый гласъ церковнаго нашего обихода. Исполненіе этой молитвы, по неожиданности впечатлѣнія, произвело на публику громовой, можно сказать, эффектъ.

Не успѣли замолкнуть послѣдніе ея звуки, по всей залѣ пронесся единодушный гулъ восклицаній, настойчиво требующихъ повторенія; но капельмейстеръ-композиторъ неумолимо перешелъ къ продолженію оперы.

Намъ кажется, что онъ былъ совершенно правъ, потому что есть художественныя впечатлѣнія, которыя два раза къ ряду не могутъ возобновиться съ одинаковою силою.

По нашему мнѣнію, на этой молитвѣ и слѣдовало бы окончить четвертое дѣйствіе, потому что слѣдующій за нею терцетъ — хотя весьма замѣчательный по веденію голосовъ, но совершенно уже другаго характера, охлаждаетъ впечатлѣніе Еслибы занавѣсъ опустился по окончаніи означенной молитвы.

а не послѣ длиннаго терцета, расхолодившаго публику, то голоса застонали бы отъ восторженныхъ кликовъ.

Вторая картина пятаго дѣйствія блистательно оканчивается величественнымъ гимномъ, исполненнымъ соединенными силами двухъ оркестровъ (военнаго и струннаго) и хоральными массами.

Гимнъ этотъ напоминаетъ по формѣ, но не по мысли, безсмертное «Славься» Жизни за Царя.

Опера г. Направника имѣла блистательный успѣхъ, и счастливый композиторъ былъ предметомъ такихъ восторженныхъ овацій, каковыхъ до сихъ поръ не удостоивался ни одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ композиторовъ. Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ вовсе не съ цѣлью укоризны, а для того, чтобы указать, что нынѣ настали вновь и съ значительною силою *всякія* національности въ музыкальномъ искусствѣ, такъ-какъ опера съ русскимъ сюжетомъ, и съ мелодіями, подходящими къ русскимъ мелодіямъ, способна возбудить столь восторженныя изъявленія. Этимъ настроеніемъ духа, если не всего нашего общества, то, по крайней-мѣрѣ, части нашего общества, слѣдуетъ воспользоваться. Два, три успѣха, равняющіеся успѣху «Нижегородцевъ» — и національная наша опера станетъ на такую твердую позицію, что не собьютъ ее никакія иностранныя труппы въ мірѣ. Парижская, такъ-называемая, большая опера («Grand opera») вѣдь стоитъ же твердо и незыблемо, несмотря на блистательный составъ тамошней итальянской оперы.

Декабрь мѣсяцъ ознаменовался, наконецъ, новинкою и на итальянской нашей сценѣ. 20-го декабря, въ бенефисъ г. Граціани, поставлена была опера Верди «Донъ-Карлосъ». Вообще опера слаба, но въ четвертомъ дѣйствіи, по нашему мнѣнію, есть и сила, и энергія, и вдохновеніе. Конечно, не то свѣжее, увлекательное мелодическое вдохновеніе, которымъ отличались юношескія произведенія Верди, но намъ кажется, болѣе серьёзное, такъ-какъ оно, по нашему мнѣнію, подходитъ болѣе къ драматической правдѣ. Въ этомъ отношеніи укажемъ, между прочимъ, на сцену великаго инквизитора, отличающуюся серьёзнымъ поворотомъ музыкальной рѣчи, то-есть декламаціею, и на арію принцессы Эболи, замѣчательную какъ по формѣ, такъ и по драматизму.

Внѣшніе эфекты при постановкѣ второй картины третьяго дѣйствія доходятъ до «nec plus ultra». Чего, чего тутъ нѣтъ!

Эта часть третьяго дѣйствія написана совершенно «a la Meerbeer». Въ ней преобладаетъ блистательный маршъ, исполняемый двумя оркестрами, попеременно и обоими вмѣстѣ. Сцена представляетъ обширную площадь. На задней декораціи видѣнъ большой городъ «a vol d'oiseau», какъ говорится, такъ что находящіяся на первомъ планѣ черепичныя крыши домовъ приходятся въ уровень съ площадью. По правую сторону (отъ зрителя)

возвышается дворецъ, съ ведущею въ верхній этажъ широкою лѣстницею, обитою краснымъ сукномъ.

На ступеняхъ этой лѣстницы помѣщаются латники въ блестящихъ золотыхъ латахъ, на которыхъ отражается ослѣпительный электрическій свѣтъ. Сцена переполнена народомъ, войскомъ и придворными въ богатыхъ испанскихъ костюмахъ. Подъ звуки марша тянется нескончаемая процессія: войска въ разнородныхъ пышныхъ одѣяніяхъ, различныя монашескія конгрегаціи въ присвоенныхъ каждой изъ нихъ рясахъ, члены инквизиціи съ развѣвающимися громадными хоругвями и пр. пр. Чрезъ сцену проводятъ несчастныхъ приговоренныхъ ко всесожженію (auto da fe), и въ заключеніе видны и красное зарево и густой дымъ, подымающійся отъ сожигаемыхъ на кострахъ.

Тутъ, конечно, искусство музыки отодвигается ужь на второй планъ и представляется полное торжество декоративнаго и бутафорнаго искусства, доведеннаго до степени археологической науки.

Дайте окрѣпнуть національной нашей оперѣ, и мы убѣждены, что и произведенія нашихъ соотечественниковъ будутъ обставлены и съ такою же роскошью и съ такимъ же искусствомъ.

Наконецъ, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, появилась предъ нашею публикою знаменитѣйшая изъ современныхъ пѣвицъ, парижская любимица г-жа Аделина Патти.

По части *цвѣтобѣсія* наша публика отличается, какъ извѣстно, предъ всѣми прочими, но поистинѣ мы не запомнимъ, чтобы когда-либо эта отличительная черта нашей публики проявилась бы съ такою силою, какъ втораго января, въ день перваго дебюта г-жи Патти. Въ данную минуту, а именно тотчасъ по окончаніи перваго дѣйствія «Сомнамбулы», оркестръ внезапно превратился въ цвѣтникъ. Громадные букеты разноцвѣтныхъ камелій буквально скрывали отъ глазъ черные фраки музыкантовъ.

Потокъ букетовъ продолжался нѣсколько минутъ.

По мѣрѣ того, какъ капельмейстеръ передавалъ ихъ г. Кальцолари, а тотъ передавалъ ихъ виновницѣ торжества, новые *букетоносцы* появлялись въ оркестрѣ и превращали его, какъ сказано выше, въ настоящій цвѣтникъ. Эта *цвѣтная* манифестація обошлась, говорятъ, не менѣе пяти тысячъ рублей на наши русскія деньги. Не дурно для начала! Посмотримъ, что будетъ впереди.

Цвѣтной потокъ сопровождался, конечно, восторженными кликами, неумолкаемыми рукоплесканіями и многочисленными вызовами. Противъ этого протестовать нельзя, г-жа Патти дѣйствительно *вокалистка* первоклассная, и если наша публика оцѣнила искусство ея съ перваго же раза, то отчего же и не рукоплескать! Только вотъ необычайная масса букетовъ, заранѣе приготовленныхъ, дѣло немного сомнительное. Намъ кажется, что осыпать пѣвицу цвѣтами, въ глазахъ многочисленной публики,

едва успѣвшей услыхать ее въ первый разъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Положимъ, что двадцать, тридцать, сто человѣкъ изъ числа присутствующихъ слышали ее до появленія ея на нашей сценѣ; но вѣдь тутъ тысячи слышавшихъ ее въ первый разъ въ жизни, и не мѣшало бы, кажется, до приготовленія букетной манифестаціи, подождать приговоръ большинства.

Впрочемъ, помимо этого небольшаго уклоненія отъ должнаго уваженія къ общественному мнѣнію большинства, чѣмъ выказалось явное потворство къ приговорамъ иностранной журналистики, овацій, происходившія втораго января, нельзя назвать незаслуженными.

Голосъ г-жи Патти — высокій, серебристаго звука, ровный и необычайно вѣрной интонаціи сопрано. Изумительно гибкій отъ природы, онъ притомъ же выработанъ съ неимовѣрнымъ искусствомъ. Гаммы новой пѣвицы переливаются, какъ жемчугъ — съ быстротою молніи взвиваются они въ поднебесье при восходящихъ гаммахъ, и съ стремительностью потока совершаются нисходящія ея гаммы. Трель г-жи Патти можно уподобить трели соловья; прочія же вокальныя украшенія (какъ-то групети и морденти) она выдѣлываетъ съ инструментальною, механическою, можно сказать, точностью.

Вообще говоря, голосъ г-жи Патти пріятнаго тэмбра, но не отличается *задушевностью* за недостаткомъ звучности въ нижнемъ и въ среднемъ регистрахъ.

Изъ числа первоклассныхъ пѣвицъ, слышанныхъ здѣсь въ Петербургѣ, съ ней могли бы сравниться въ отношеніи искусства вокализаціи только Зонтагъ, отчасти Персіани, еслибы она не фальшивила, и Анна-де-Лагранжъ. Незабвенная Віардо въ разсчетъ не принимается. То была воплощенный геній вокальной музыки, и если подчасъ она вокализировала и не совсѣмъ отчетливо, то увлекала всѣхъ и каждаго геніальностью исполненія вообще.

Къ сокровищамъ вокальнаго искусства г-жа Патти присоединяетъ чрезвычайно миловидную наружность и осмысленную, довольно оживленную игру.

По нашему мнѣнію, лучше всего исполнила она первую входную арію, дуэтъ съ теноромъ «Son geloso» и andante аріи въ послѣднемъ дѣйствіи. Что же касается до знаменитой кабалеты: «Ah! non qiunqe», то украшенія, вставленныя новой пѣвицей въ этомъ allegro, показались намъ не совсѣмъ удобными для человѣческаго голоса и болѣе приличны для какого-либо инструмента, и восклицаніе «Ah! m'abbraciu», посредствомъ котораго пылкая Віардо приводила въ трепетъ всѣхъ слушателей, совершенно стушевалось у г-жи Патти. Не знаемъ, поставятъ ли въ текущемъ сезонѣ «Elexir» или «Fra Diavolo»; въ этихъ партіяхъ и подобныхъ имъ — г-жа Патти должна быть очаровательна.

ОБОЗРѢНІЕ 1868 ГОДА.

Приступъ. — Неурожай. — Лѣсные пожары. — Сибирская язва. — Продолженіе реформъ: цараве, суды. — Окончательное сліяніе Польши съ Россіей. — Снятія военнаго положенія. — Тарифъ. — Николаевская желѣзная дорога. — Министерство почтъ.—Отчетъ государственнаго контролера.—Новыя деньги.— О пересылкѣ арестантовъ. — Завоеванія. — Монастыри. — Переселенія. — Земство. — Общества. — Желѣзныя дороги. — Состояніе просвѣщенія: университеты, классическій лицей, новыя правила о частныхъ училищахъ, гоненіе на книги. — «Предостереженія». — Вновь появившіеся исчезнувшіе журналы и газеты.—Литературныя и театральныя произведенія.—и Процессы — обыкновенные и литературные .— Смертныя казни. — Самоубійства. — Пожертвованія. — О народномъ театрѣ, «Запискахъ севастопольца», смоленскомъ обѣдѣ, Крыловѣ и Кольцовѣ. — Рѣдкіе гости. — Женщины, получившія ученыя степени, и состояніе женскаго вопроса. — Заключеніе.

1868 годъ прошелъ, исчезъ изъ употребленія! Съ старымъ другомъ, къ которому такъ привыкла рука, который легко и увѣренно писался на письмахъ, отношеніяхъ, предписаніяхъ, векселяхъ, договорахъ и сотняхъ разныхъ другихъ письменныхъ документовъ, который каждый день встрѣчался намъ въ заголовкахъ газетъ и журналовъ, — съ нимъ приходится проститься. Мѣсто его занялъ какой-то другой знакъ, — новый, незнакомый, какой-то странный — съ хвостикомъ! Глазъ еще не привыкъ къ этому знаку, рука тоже, и не знаешь, что̀ это за годъ будетъ — счастливый или несчастливый; останется ли онъ навсегда или, по крайней-мѣрѣ, надолго памятенъ людямъ, или пройдетъ совершенно безслѣдно и память объ немъ только и сохранится, что въ заголовкахъ разныхъ письменныхъ документовъ!

Вотъ нашъ старый другъ не таковъ, — выходя изъ письменнаго употребленія, онъ надолго останется еще въ употребленіи устномъ, въ памяти народа. Но къ сожалѣнію, это не дѣлаетъ ему чести, и лучше бы было, еслибы онъ смѣшался съ посредственностію и исчезъ изъ памяти народа съ послѣднимъ ударомъ своего послѣдняго часа. Съ наступленіемъ его, мы желали другъ другу счастія, желали счастія всему нашему отечеству; но счастіе вовсе не предполагаетъ еще чего-нибудь необыкновеннаго, сверхъестественнаго, чего-нибудь такого, что̀ бросалось бы въ глаза, поражало бы собою. Желая другъ другу счастія, мы желаемъ въ сущности только того, чтобы жизнь текла ровно, спокойно, правильно; желаемъ, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія, чтобы правильный ходъ жизни не былъ нарушенъ.

Это, пожалуй, мѣщанское, буржуазное счастіе, но таково и должно быть счастіе массы народа. Цѣль жизни человѣка, его назначеніе состоитъ въ правильномъ развитіи его силъ, въ правильной, спокойной дѣятельности этими силами и въ спокойномъ, непарушимомъ пользованіи плодами этой дѣятельности. Ничего необыкновеннаго, великаго здѣсь нѣтъ. Но человѣчество еще далеко отъ такой правильной, ровной жизни, а русскій народъ, въ частности, еще дальше отъ нея, чѣмъ многіе другіе народы. Мы покуда все еще только приготовляемся къ жизни, только еще съ препятствіями боремся; бьемся изъ-за куска хлѣба, изъ-за того, чтобы какъ-нибудь сохранить свою жизнь. До спокойнаго пользованія жизнью, до наслажденія ею намъ еще далеко. Такого рода жизнь не очень многимъ отличается отъ жизни неразумныхъ животныхъ, даже отъ жизни растеній.

Это очень оскорбительно для нашей гордости — вѣдь люди вѣнецъ созданія, высшія, разумныя существа, съ высокими духовными потребностями, — но какъ же намъ воспитывать въ себѣ высокія потребности и удовлетворять ихъ, если у насъ часто нѣтъ даже хлѣба — этого перваго условія существованія! День за днемъ, годъ за годомъ проходятъ только въ заботахъ о томъ, какъ бы собрать сѣмена для посѣва, вспахать землю, собрать съ нея что нибудь для своего пропитанія, отбыть разныя повинности за свое существованіе — и потомъ снова сберечь сѣмена для слѣдующаго посѣва. Высокимъ, чисто человѣческимъ чувствамъ, мыслямъ и идеаламъ здѣсь нѣтъ и мѣста. Въ послѣдніе годы у насъ совершилось много хорошаго, и 1868 годъ нелишенъ такихъ явленій; но почти все это хорошее, строго говоря, не созданіе, не нововведенія, а только разрушеніе разныхъ противуестественныхъ преградъ, устраненіе посторонніхъ наростовъ. Слѣдуетъ радоваться и этому, но гордиться много здѣсь еще нечѣмъ — это только исправленіе ошибокъ и недоразумѣній.

Чѣмъ ознаменовался для Россіи прошедшій годъ; что сдѣлалъ русскій *народъ* въ теченіе его такого, что бы могло свидѣтельствовать о степени его благосостоянія, его развитія и приближенія къ идеалу человѣческой народной жизни?

Отвѣтить на это довольно трудно, потому что русскій народъ, какъ масса, какъ политическое тѣло, не дѣлаетъ обыкновенно ничего или почти ничего,—такъ-какъ всѣ проявленія его народной жизни, его стремленій, силъ и настроенія въ данное время рѣдко носятъ на себѣ самостоятельный характеръ. Народъ, конечно, живетъ и дѣйствуетъ, имѣетъ разныя стремленія и старается осуществить ихъ; но такъ-какъ проявленіе этой жизни всегда бываетъ строго законно, то и трудно опредѣлить, что исходитъ здѣсь отъ самого народа, служитъ проявленіемъ его внутренней жизни, и что исходитъ отъ закона—какъ указаніе, наставленіе и ограниченіе или регулированіе. Въ народѣ существуютъ въ данное время разныя потребности и стремле-

нія; но обнаруживаются эти стремленія только въ томъ случаѣ, если они, какъ дозволимыя, могутъ обнаруживаться. Если же они противорѣчатъ буквѣ и духу законнаго statu quo, то они не могутъ высказаться, или выскажутся только какъ отдѣльныя частныя стремленія и потребности. По этому, по проявленію, по обнаруженію разныхъ потребностей и стремленій, судить о дѣйствительномъ состояніи ихъ, о качествѣ и степени ихъ силы еще нельзя. Можетъ быть, здѣсь высказываются и всѣ потребности и стремленія народа, но, можетъ быть, только самая ничтожная часть ихъ, или, можетъ быть, это даже и вовсе не народныя стремленія, стремленія, вышедшія изъ самой жизни народа, а навѣянныя со стороны,—судить объ этомъ трудно.

По примѣру обозрѣнія 1867 года, я раздѣлю явленія прошедшаго года на двѣ группы: исходящія отъ правительства и такія, гдѣ болѣе или менѣе проявляется самостоятельная народная инициатива.

Но прежде всего надобно указать на два такихъ явленія прошедшаго года, которыя, повидимому, не зависятъ отъ воли людей. Это, конечно, голодъ и лѣсные пожары.

О неурожаѣ прошедшаго года и разныхъ страданіяхъ, вслѣдствіе этого, народа, а потомъ, въ срединѣ года, о лѣсныхъ пожарахъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи помнятъ, конечно, еще всѣ, а тѣ, которыхъ эти бѣдствія, и особенно голодъ, коснулись особенно близко, не забудутъ этого въ теченіе многихъ лѣтъ.

Послѣдствія неурожая хлѣба 1867 г. сказались еще въ томъ же самомъ году, и тогда же были предприняты кое-какія мѣры для облегченія этого бѣдствія. Но во всей своей страшной величинѣ обнаружилось это бѣдствіе только зимой и весной 1868 года, и тогда же оффиціально признано и заявлено было, что въ Россіи — въ этой пресловутой житницѣ Европы — недостаетъ хлѣба для пропитанія народа. Сдѣлано было полуоффиціальное воззваніе къ общественной благотворительности; потомъ, 23-го января, учреждена, подъ предсѣдательствомъ В. К. Наслѣдника, особая «коммиссія доставленія пособій жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая хлѣба», собственно «для сосредоточенія всѣхъ пожертвованій и правильнаго распредѣленія ихъ», какъ сказано было въ рескриптѣ Наслѣднику Престола; и затѣмъ въ канцеляріи Наслѣдницы Цесаревны стали собираться со всей Россіи денежныя пособія. Кромѣ того, открытъ былъ отдѣлъ коммиссіи въ Москвѣ и дозволены разныя частныя благотворительныя предпріятія — съ тою же цѣлію пособія нуждающимся въ хлѣбѣ. Дѣятельность коммиссіи и сборъ пожертвованій продолжались цѣлые 7 мѣсяцевъ; оффиціально собрано было около двухъ милліоновъ рублей (къ концу года 1.933,972 р. 31¼ к.) и на счетъ этой суммы оказано пособіе жителямъ Финляндіи и 23-хъ внутреннихъ губерній. На сколько это пособіе было достаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся — судить труд-

но, потому что пока остается еще неизвѣстнымъ дѣйствительное число всѣхъ нуждавшихся и степень той нужды, которую они должны были терпѣть. Но, кажется, и a priori можно судить, что двухъ милліоновъ рублей едва-ли было вполнѣ достаточно для жителей 23-хъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ, особенно, если принять во вниманіе дороговизну хлѣба (отъ 8 до 10 и 12 руб. за куль ржаной муки) и несвоевременность, запоздалость раздачи пособій. Теперь уже, хотя и неоффиціально, но тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, изъ источниковъ полуоффиціальныхъ (напримѣръ, изъ благодарственнаго письма куопіосскаго епископа къ финляндскому генералъ-губернатору и изъ заявленія одного лица, дѣйствовавшаго при раздачѣ пособій вмѣстѣ съ предсѣдателемъ курмышской земской управы), что многіе съ голоду умирали. А извѣстія частныя говорятъ объ этомъ, какъ о явленіи довольно обыкновенномъ для многихъ мѣстностей Россіи.

Этотъ голодъ, этотъ, относительно говоря, ничтожный сборъ пособій и нѣкоторыя дѣйствія какъ лицъ оффиціальныхъ, такъ и нѣкоторыхъ частныхъ или полуоффиціальныхъ,—останутся на долго довольно темнымъ пятномъ для Россіи. Распространяться объ этомъ нѣтъ необходимости — это знаютъ почти всѣ. Когда люди томились голодомъ, ѣли древесную кору, солому съ крышъ, даже гнилыя бревна—въ это время одни старались увѣрять, что голода вовсе нѣтъ и интриговали противъ тѣхъ, которые говорили и дѣйствовали иначе (исторія съ настоятелемъ Пертоминскаго монастыря, собиравшимъ пожертвованія и печатавшимъ воззванія къ общественной благотворительности, и г-жей Вельяшевой, устроившей открытые даровые обѣды для нуждающихся, подвергшимися за это преслѣдованію и нареканіямъ,—слишкомъ еще всѣмъ памятны); другіе, зная всю степень нужды бѣдствующаго народа, скупали хлѣбъ и задерживали его продажу, чтобы возвысить его въ цѣнѣ, и кровью и жизнями, можетъ быть, сотенъ людей — нажиться! Мелкія личности, составлявшія списки нуждающихся, брали взятки съ тѣхъ, кого записывали. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ хлѣбъ, назначенный для продовольствія нуждающихся, лежалъ недѣли и мѣсяцы, и прѣлъ и гнилъ подъ открытымъ небомъ. На водяныхъ путяхъ сообщенія, гдѣ плыли суда съ хлѣбомъ, вода задерживалась въ шлюзахъ, если не давались подарки. А надъ всѣмъ этимъ раздавался крикъ, что голодаетъ народъ оттого, что спился и распустился послѣ своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

Менѣе страшно и менѣе гибельно было другое бѣдствіе, постигшее Россію въ прошедшемъ году — лѣсные пожары. Здѣсь пострадали преимущественно казна и люди болѣе достаточные, владѣющіе лѣсами. Какъ велики были потери — это пока тоже еще неизвѣстно. Только относительно одной Олонецкой губерніи заявлено, что тамъ сгорѣло лѣсу на 100,807 руб. Но лѣсъ горѣлъ еще въ Новгородской губерніи, въ Псковской, Виленской

ской, Ковенской, Тверской, Петербургской. Цѣлыхъ два мѣсяца половина Европейской Россіи покрыта была дымомъ отъ этихъ пожаровъ. Дымъ и гарь чувствовались даже въ губерніяхъ Московской, Воронежской, Нижегородской, Оренбургской, въ Новочеркаскѣ и Николаевѣ!

И здѣсь, какъ и относительно голода, сказалась наша народная безпомощность, наше неумѣніе, непривычка управлять своими дѣлами. Горѣвшихъ лѣсовъ никто не хотѣлъ тушить, — одни потому, что какое же имъ дѣло защищать чужое добро! другіе— потому, что рабочимъ спламъ, отрывавшимся для этого отъ другихъ занятій, надобно было платить, а у владѣльцевъ лѣсовъ денегъ нѣтъ, или они даже не хотѣли платить. И тѣ и другіе вмѣстѣ ждали всего, какъ и всегда ждутъ, свыше. Но лѣсу у насъ и безъ того становится мало, а если его будутъ истреблять еще и пожары, то рано или поздно послѣдствіе этого отразится тяжелымъ образомъ для всѣхъ — въ видѣ общихъ засухъ, обмелѣнія рѣкъ и озеръ и недостаткомъ топлива и строительныхъ матеріаловъ.

Къ этимъ двумъ бѣдствіямъ присоединилась въ прошедшемъ году еще сибирская язва, истребившая въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ почти всѣхъ лошадей и весь рогатый скотъ, такъ что къ осени во множествѣ деревень не осталось ни одной лошади и коровы.

На сколько всѣ эти бѣдствія, происшедшія, повидимому, исключительно отъ однихъ внѣшнихъ, неотвратимыхъ, такъ-называемыхъ, неразумныхъ, силъ природы, зависѣли и отъ людей, на сколько они были отвратимы, или на сколько можно было ихъ смягчить, даже совсѣмъ парализировать — объ этомъ, кажется, нѣтъ необходимости говорить, потому что въ неотвратимую враждебную силу внѣшнихъ вліяній природы теперь уже не многіе вѣруютъ.

Обращаюсь теперь къ правительственной дѣятельности за прошедшій годъ.

Самымъ замѣчательнымъ фактомъ надобно здѣсь считать: поземельное переустройство быта крестьянъ Бессарабской области — царанъ, надѣленіе ихъ землею — на тѣхъ же общихъ началахъ, на какихъ надѣлены землею и бывшіе русскіе крѣпостные крестьяне.

Указъ объ этомъ былъ изданъ 14-го іюля. Болѣе обстоятельно было говорено объ этомъ въ «Отеч. Запискахъ» еще недавно, въ № 11, и потому я не считаю нужнымъ входить здѣсь въ подробности.

Другія болѣе замѣчательныя правительственныя дѣйствія состояли также точно въ продолженіи прежнихъ благодѣтельныхъ реформъ. Это территоріальное распространеніе земскихъ и новыхъ судебныхъ учрежденій.

Въ ноябрѣ разрѣшено было приступить къ подготовительнымъ работамъ для введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій въ Бес-

сарабской области и градоначальствахъ Таганрогскомъ и Керчь-Еникольскомъ. Работы эти должны быть окончены въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, и земскія учрежденія будутъ тамъ открыты, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ настоящаго года.

Въ началѣ прошедшаго года, 19-го февраля, открыта новая судебная палата — тифлисская, съ пятью подвѣдомственными ей окружными судами, и введенъ мировой судъ въ Тифлисѣ, Тифлисскомъ уѣздѣ, и еще трехъ губернскихъ городахъ Закавказскаго края.

Сдѣланы всѣ приготовленія къ открытію: одесской судебной палаты, съ мѣстными окружными и мировыми судами, и окружныхъ судовъ въ Нижегородской и Полтавской губерніяхъ.

1-го декабря открытъ харьковскій военно-судный округъ; 10-го декабря — одесскій.

Изъ другихъ правительственныхъ дѣйствій особенно выдаются слѣдующія: окончательное уничтоженіе всякой административной разности между губерніями Царства Польскаго и всѣми другими русскими губерніями. Указомъ 29-го февраля, всѣ части мѣстнаго управленія Царства Польскаго, имѣвшія прежде свои особенные мѣстные центры, подчинены, по роду дѣлъ, подлежащимъ министерствамъ; такъ что въ настоящее время Царство Польское, въ административномъ отношеніи, ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ частей имперіи. Сохраняется еще названіе «Царства Польскаго», но оно имѣетъ такое же значеніе, какъ, напримѣръ, названія: Сибирь, Кавказъ, Новороссійскій или Прибалтійскій край; остается также намѣстничество, но и оно имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ всякое генералъ-губернаторство *.

Снято военное положеніе съ нѣкоторыхъ мѣстностей Могилевской, Минской, Витебской и Виленской губерній, продолжающееся тамъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Составленъ новый тарифъ для ввозной торговли. Въ 1867 г. и въ началѣ 1868 г. наше общество и печать имъ очень сильно занимались; но, какъ оказывается, напрасно, потому что новый тарифъ не представляетъ почти никакихъ существенныхъ измѣненій противъ прежняго. Не пропали труды только тѣхъ, которые защищали стѣснительный ввозъ товаровъ.

Порѣшенъ вопросъ и съ с.-петербургско-московской желѣзной дорогой, тоже очень сильно и долго занимавшій общество. Дорога эта уступлена казною главному обществу желѣзныхъ дорогъ, несмотря на то, что общество это лишено было права пріобрѣтать какіе бы то ни было желѣзные пути, пока не заплатитъ своего долга казнѣ по другимъ обязательствамъ.

---

* Въ «Обозрѣніи 1867 г.» сказано было относительно Польши почти то же самое, что и теперь говорится; но въ 1867 г. состоялось только повелѣніе о принятіи мѣръ къ тому, что̀ въ 1868 году окончательно приведено въ исполненіе.

Министерство почтъ и телеграфовъ причислено къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Государственный контроль представилъ и опубликовалъ первый отчтъ по исполненію государственной смѣты (на 1866 г.), то-есть, отчетъ о томъ, сколько въ дѣйствительности получено въ 1866 г. государственныхъ доходовъ и сколько произведено было расходовъ. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ читатели найдутъ въ № 5-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за прошедшій годъ).

Министерство финансовъ выпустило въ обращеніе новую мѣдную монету, пониженнаго внутренняго достоинства, и бумажки 1, 3, 5, 10, 25 и 50-рублеваго достоинства—новаго образца. Но несмотря на то, что на выдѣлку рисунковъ и тисненіе этихъ бумажекъ употреблено было много искусства и денегъ, нѣкоторые сорты новыхъ бумажекъ оказались на практикѣ не совсѣмъ прочными и, какъ говорятъ, многіе изъ нихъ подвергнуты уже сожженію, какъ совершенно никуда негодныя. Кромѣ того, и искусство, употребленное на изготовленіе рисунка ихъ, едва-ли не пошло даромъ, — потому что, говорятъ, нашлись артисты, которые и новыя бумажки очень искусно поддѣлываютъ, особенно 50-рублеваго достоинства.

Отмѣнена зимняя пересылка арестантовъ, отправляемыхъ въ Сибирь, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, гдѣ пункты отправленія до ближайшей станціи главныхъ трактовъ болѣе 30 дней ходьбы—здѣсь арестанты будутъ пересылаемы и зимою. Кромѣ того, отъ Томска до Ачинска, вмѣсто существовавшей доселѣ перевозки на подводахъ, арестантовъ велѣно пересылать пѣшкомъ. При этомъ нелишне замѣтить, что, по частнымъ газетнымъ извѣстіямъ, сибирскіе арестанты иногда замерзаютъ въ дорогѣ.

Военное вѣдомство прославило русское оружіе новыми побѣдами въ Азіи. На сколько, вслѣдствіе этого, наша юго-восточная граница подвинулась впередъ, я не могу сказать; но наша національная гордость была польщена здѣсь тѣмъ, что мы побѣдителями входили въ Самаркандъ — бывшую столицу и въ настоящее время мѣсто гробницы когда-то страшнаго намъ завоевателя, громившаго Россію—Тамерлана.

По духовному вѣдомству вновь учреждены: 1 мужской монастырь, 4 женскихъ и 4 викаріатства въ епархіяхъ: Вятской, Рязанской, Вологодской и Черниговской. О двухъ изъ вышеупомянутыхъ женскихъ монастыряхъ сказано, что при нихъ устраиваются школы; но такъ-какъ еще прежде обнародовано было повелѣніе, чтобы впредь монастыри открывались не иначе, какъ вмѣстѣ съ школами при нихъ, то, вѣроятно, и при трехъ остальныхъ новооткрытыхъ монастыряхъ будутъ тоже устроены хоть какія нибудь школы.

Этимъ я закончу на время перечень событій прошедшаго года, имѣвшихъ свое начало въ правительственной или оффиціаль-

ной иниціативѣ, и, не вдаваясь въ разсмотрѣніе общаго характера этихъ событій и сужденіе по нимъ объ общемъ направленіи правительственной и оффиціальной дѣятельности за прошедшій годъ, перехожу къ проявленіямъ дѣятельности общественной и частной.

Здѣсь представляется мнѣ такое множество фактовъ, одинъ другаго важнѣе, замѣчательнѣе и рельефнѣе, что я совершенно теряюсь въ выборѣ, которому изъ этихъ фактовъ отдать предпочтеніе, чтобы поставить его на самомъ видномъ мѣстѣ! Классическій ли лицей гг. Каткова и Леонтьева, или холмскихъ помѣщиковъ и земскихъ дѣятелей, иносказательно требовавшихъ возстановленія крѣпостнаго права и вовсе не иносказательно возстановленія права сѣчь мужиковъ? Бѣгство ли изъ отечества эстовъ, латышей, смоленскихъ и архангельскихъ крестьянъ, или шумное проявленіе застольнаго патріотизма смоленскихъ гастрономовъ? Московскихъ профессоровъ, петербургскихъ докторовъ, петербургскихъ же прекрасно-елено-мановъ или глупыхъ «немолякъ» и таинственныхъ, опасныхъ «штундистовъ» и т. д.? Особенно сильно проявившаяся въ прошедшемъ году потребность учреждать разныя общества и строить желѣзныя дороги также заслуживаетъ полнаго вниманія.

Начну съ того, съ чего началъ выше — съ голода; именно съ того, какъ отразился онъ на мѣстныхъ жителяхъ. Какъ отнеслась къ этому бѣдствію остальная часть русскаго народа, неиспытавшая нужды въ хлѣбѣ, объ этомъ уже было говорено,— частная и общественная иниціатива была здѣсь слишкомъ слаба; о голодающихъ, пожалуй, сожалѣли и вздыхали, но помогали имъ плохо. Да помочь всѣмъ нуждающимся такъ, какъ бы слѣдовало, конечно, и нельзя было, потому что нуждающихся было слишкомъ много, а такихъ людей, которые могли бы помочь имъ, относительно говоря, слишкомъ много.

Положеніе большинства эстовъ и латышей и крестьянъ Смоленской, Архангельской и Олонецкой губерній и прежде было не особенно хорошо, но вслѣдствіе послѣдняго неурожая хлѣба оно сдѣлалось совершенно невыносимо, такъ что крестьянамъ оставалось только или умирать съ голоду на мѣстѣ, или бѣжать туда, гдѣ народная молва обѣщала имъ прокормленіе. Умирать съ голоду, конечно, никому не хочется, и вотъ латыши, эсты и многіе крестьяне Олонецкой, Смоленской и Архангельской губерній двинулись съ своихъ родныхъ пепелищъ — куда глаза глядятъ. Эсты и латыши — въ Петербургъ, смоленскіе крестьяне на югъ Россіи, архангельскіе въ приволжскій край, царане — на Кавказъ. Но бдительныя руки становыхъ и исправниковъ и петербургской полиціи, при помощи ротъ солдатъ, остановили это небывалое въ Россіи движеніе свободнаго и осѣдлаго народа — въ однихъ мѣстахъ заблаговременно, въ другихъ хотя и неблаговременно, но все еще не совсѣмъ поздно, и всѣхъ или почти всѣхъ бѣглецовъ снова водворили на прежнихъ мѣстахъ

ихъ жительства. Еслибы всѣ эти бѣглецы были грамотны, то ихъ вѣроятно обязали бы даже подписками о безвыѣздномъ пребываніи на прежнихъ мѣстахъ. Но, на этотъ разъ, къ счастію, огромное большинство нашихъ крестьянъ безграмотно, и потому, при первомъ удобномъ случаѣ, они могутъ смѣло, не нарушая даннаго слова, начать свое движеніе въ невѣдомыя страны снова.

Но это стремленіе къ переселенію, выказавшееся въ прошедшемъ году во многихъ мѣстностяхъ Россіи, есть явленіе нетолько печальное, но и ненормальное. Инаго выраженія народной жизни и народныхъ потребностей и стремленій за прошедшій годъ надобно искать въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. Земскія учрежденія—это учрежденіе такое хорошее, такое хорошее..., что объ немъ нельзя и говорить иначе, какъ только съ радостнымъ благоговѣніемъ!

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните только, что вѣдь здѣсь все населеніе страны, въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей, сходится для обсужденія своихъ дѣлъ и для взаимной помощи другъ другу нетолько матеріальной, но и моральной. Это школа для воспитанія и возвышенія народнаго духа, народнаго самосознанія, уваженія взаимныхъ правъ и обязанностей. Здѣсь человѣкъ отучается не видѣть ничего дальше своихъ ближайшихъ, домашнихъ интересовъ, интересовъ только своего лица или своей семьи, своей деревни и вообще своего ближайшаго кружка. Здѣсь человѣкъ чувствуетъ себя членомъ огромнаго общества, цѣлыхъ десятковъ селъ и деревень, видитъ тѣсную, неразрывную связь своихъ интересовъ съ ихъ интересами; а въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ этотъ кругъ, съ которымъ каждый частный человѣкъ долженъ сознавать себя тѣсно связаннымъ, дѣлается еще огромнѣе. У насъ нѣтъ еще центральнаго собранія представителей земства, нѣтъ поэтому и внѣшняго, видимаго выраженія связи интересовъ каждой отдѣльной губерніи, отдѣльнаго уѣзда и селенія съ интересами всѣхъ остальныхъ русскихъ губерній, городовъ и деревень; но въ такомъ собраніи, можетъ быть, и нужды еще не представляется. Его замѣняетъ у насъ министерство внутреннихъ дѣлъ и отчасти другія министерства, и во всякомъ случаѣ, многимъ частнымъ потребностямъ отдѣльныхъ мѣстностей могутъ въ значительной степени удовлетворять и существующія земскія учрежденія.

Какъ же эти учрежденія вели свои дѣла въ прошедшемъ году?

Отвѣтить на это обстоятельно въ бѣгломъ очеркѣ, конечно, нельзя; но общій характеръ многихъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній былъ далеко неудовлетворителенъ, и ужь никакъ нельзя сказать, что въ нихъ вообще выражались потребности, духъ народа, и народная воля.

По случаю мѣстныхъ недостатковъ въ продовольствіи жителей, нѣкоторыя земскія управы закупали на земскій счетъ или

насчетъ пожертвованій, присылавшихся изъ Петербурга, хлѣбъ и раздавали его нуждающимся. Но какъ раздавался этотъ хлѣбъ, можно судить уже по тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нуждающіеся люди отказывались принимать его и ихъ должны были усмирять! А нѣкоторые земскіе дѣятели поступали и еще лучше — они присвоивали себѣ деньги, назначавшіяся на удовлетвореніе народныхъ нуждъ (Шамшевъ, предсѣдатель боровичской управы; Васильевъ — повѣнецкой; графъ Каменскій).

Одинъ предсѣдатель земскаго собранія, недовольный выборомъ нѣкоторыхъ гласныхъ, произвольно закрываетъ собраніе.

Другой — удаляетъ изъ собранія публику.

Третій — обвиняетъ одного изъ достойнѣйшихъ членовъ собранія чуть не въ государственномъ преступленіи и подвергаетъ его судебному преслѣдованію.

Далѣе, гласные изъ крестьянъ и купцовъ, на требованіе отъ управы отчета въ земскихъ деньгахъ, получаютъ такой отвѣтъ: «Ты, любезный, еле-еле попалъ въ гласные и хочешь, въ благодарность за это, управѣ непріятностію заплатить!»

Гласные изъ крестьянъ предлагаютъ увеличить земскіе расходы на народное просвѣщеніе; но «другіе гласные останавливаютъ ихъ практическими замѣчаніями».

Въ другомъ мѣстѣ, тоже «другіе» гласные, находятъ даже несправедливымъ содержать народныя школы насчетъ всего земства, такъ-какъ въ школахъ этихъ будутъ учиться почти исключительно только дѣти крестьянъ, а въ составѣ земства находятся не одни крестьяне (хотя всѣ высшія и среднія учебныя заведенія, гдѣ дѣтей крестьянъ почти совершенно не бываетъ, содержатся на обще-государственныя средства!).

Въ третьемъ мѣстѣ, тоже «другіе» гласные, предлагаютъ отпустить на народныя школы — 50 руб.!

Въ петербургскомъ земскомъ собраніи, состоящемъ, надобно полагать, изъ людей самыхъ просвѣщенныхъ, одинъ гласный (князь) увѣряетъ, что грамотность для народа вредна, потому что развиваетъ въ немъ чтеніе дурныхъ книгъ и дѣланіе фальшивыхъ векселей.

Холмское земское собраніе «полагаетъ необходимымъ ввести вновь тѣлесное наказаніе — съ цѣлію поднятія народной нравственности».

Нѣкоторыя земскія собранія не могутъ состояться, или нѣкоторыя изъ засѣданій оказываются недѣйствительными, потому что на нихъ не является законное число гласныхъ. И это при двухъ-то сессіяхъ въ годъ, продолжающихся всего по 10 и 20 дней!

И такъ далѣе. Можно сказать, что все это частные случаи, исключенія, и что недобросовѣстность, неумѣнье и нежеланье относиться должнымъ образомъ къ дѣлу возможны и бываютъ вездѣ; но желательно, чтобы въ земскомъ дѣлѣ и такихъ частныхъ случаевъ не было и при выборномъ началѣ, положенномъ

въ основаніе земскихъ учрежденій, ихъ, кажется, не должно бы быть. Это уже не то, что прежде бывшія недоразумѣнія съ правительственными органами; это уже болѣзнь внутренняя, и еслибы изъ теперешнихъ земскихъ собраній составилось, по той же системѣ, по которой теперь составляются уѣздныя и губернскія собранія, одно центральное земское собраніе, то, судя по настоящему положенію земскаго дѣла, едва-ли можно сказать съ увѣренностію, что собраніе это принесло бы непремѣнно только благіе результаты. А хуже, печальнѣе этого, кажется, не можетъ уже ничего быть.

Но, конечно, не всѣ земскія собранія носили на себѣ такой характеръ апатіи къ своему дѣлу и, такъ сказать, насмѣшки надъ нимъ. Занятія земскихъ собраній, по преимуществу, занятія кропотливыя. Громкихъ, блистательныхъ фактовъ здѣсь почти и быть не можетъ; поэтому и трудно сказать, что̀ лучшія земскія собранія и управы сдѣлали въ теченіе прошедшаго года особенно хорошаго и полезнаго. Употребляя иносказательную форму выраженія, можно сказать, что они не шили себѣ новаго платья, такъ-какъ у нихъ на это нѣтъ ни средствъ, ни даже правъ, а только чинили и старательно штопали разныя прорѣхи! Здѣсь можетъ быть цѣнимо только усердіе, но не результаты труда. Нѣкоторыя земскія собранія ассигновали значительныя суммы на народное продовольствіе, на больницы и школы; но судить о значеніи этихъ ассигнованій можно только по тому, какъ велики матеріальныя средства этихъ земствъ. Напримѣръ, херсонское земство ассигновало 5,935 руб. въ распоряженіе одесскаго университета; новгородское 45,000 р. на начальное народное образованіе. Цифры этихъ ассигнованій могутъ быть и велики и малы; но мы радуемся здѣсь не самымъ цифрамъ, а тому, что земство дѣлаетъ такія хорошія вещи.

Подъ словомъ «земство» мы разумѣемъ представителей земли, даже всю массу русскаго народа; но значительнѣйшую часть этой массы составляютъ крестьяне, поэтому, когда говорится о дѣятельности земскихъ учрежденій, то всякому представляется здѣсь прежде всего, что это говорится о дѣятельности массы,— крестьянъ. Но русскій крестьянинъ крайне бѣденъ, необразованъ и не пріученъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности. И оттого-то насъ удивляетъ и радуетъ, когда мы слышимъ, что такое-то и такое-то собраніе земства сдѣлало что нибудь особенно хорошее, повидимому, выходящее изъ круга пониманія и обыденныхъ интересовъ крестьянина. Но въ земскихъ учрежденіяхъ, какъ показываетъ это опытъ, представители крестьянства занимаютъ, вообще говоря, не особенно видное мѣсто; въ нихъ преобладаютъ, или численностію или вліяніемъ, другіе элементы—сословія привиллегированнаго, интересы котораго нерѣдко не сходятся съ интересами крестьянъ. И вотъ насъ опять удивляетъ и радуетъ, когда мы слышимъ, что такое-то земское собраніе сдѣлало что-нибудь особенно хорошее въ

интересахъ непривиллегированнаго только сословія. Потому же самому насъ возмущаетъ, когда земскія собранія дѣйствуютъ только въ интересахъ меньшинства, или дѣйствуютъ вяло и апатично, — мы видимъ здѣсь противорѣчіе между дѣйствительностію и тѣмъ понятіемъ, которое соединяется со словами «земство», «земскія учрежденія» и «земскія собранія». Двухъ-трехъ фактовъ въ этомъ родѣ уже достаточно, чтобы имѣть право сказать, что земское дѣло находится въ ненормальномъ положеніи; когда же все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ земскихъ собраній обнаруживаются факты такого же рода, то мы, кажется, вправѣ будемъ сказать, что въ дѣятельности земскихъ учрежденій, при настоящемъ ихъ видѣ, едва-ли выражаются потребности и духъ народа.

А фактовъ этого рода въ дѣятельности земскихъ учрежденій за прошедшій годъ было слишкомъ достаточно.

Послѣ земскихъ собраній, выраженія нашей общественной дѣятельности и общественнаго настроенія надобно искать въ устройствѣ разныхъ общественныхъ предпріятій, равнымъ образомъ и въ поддержаніи прежде существовавшихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія учрежденіе разныхъ обществъ—благотворительныхъ, экономическихъ, коммерческихъ, съ цѣлію просвѣщенія и религіозныхъ.

Въ прошедшемъ году устроились слѣдующія благотворительныя общества:

«Снабженія бѣдныхъ пищею», въ С.-Петербургѣ. Учрежденіе его вызвано возвышеніемъ въ С.-Петербургѣ цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе чего многіе изъ здѣшнихъ жителей съ трудомъ могли прокармливать себя; но, кромѣ нихъ, прошедшаго года въ Петербургъ прибыло не мало бѣдныхъ людей, которымъ нечего было ѣсть, изъ окрестныхъ мѣстностей. Общество это отпускало пищу за самую дешевую цѣну—по 3 коп. за порцію, состоящую изъ щей или супа и 2-хъ фунтовъ хлѣба; совершенно же неимущихъ кормило даромъ.

«Общество доброхотной копѣйки», въ Твери,—для улучшенія нравственнаго и матеріальнаго состоянія бѣдныхъ, и особенно такихъ, которые стыдятся просить милостыню.

«Учрежденіе св. Маріи Магдалины», въ Москвѣ,—для исправленія падшихъ женщинъ (собственно говоря, только переустроено на болѣе прочныхъ основаніяхъ и въ болѣе широкомъ размѣрѣ уже существовавшее тамъ учрежденіе этого рода).

Частными лицами устроены: гр. О. И. Орловой-Давыдовой, въ ея имѣніи Усольѣ, Симбирской губерніи, родо-вспомогательное заведеніе и дневной пріютъ для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей женщинъ, занятыхъ работою.

«Колыбельня» — такой же пріютъ для дѣтей — въ Архангельскѣ. Устроена по иниціативѣ супруги мѣстнаго губернатора. Въ свое время эта «Колыбельня» надѣлала много шума, такъ-какъ излишнее усердіе противопоставляло ее, устроеннымъ

г-жей Вельяшевой и закрытымъ въ томъ же году, даровымъ обѣдамъ для бѣдныхъ.

По иниціативѣ кн. Трубецкой (и, можетъ быть, на ея средства) открыто въ С.-Петербургѣ, подлѣ Сѣнной площади, гдѣ особенно сильно скопленіе простаго и бѣднаго народа, особенное заведеніе, въ родѣ кофейной, гдѣ за самую дешевую цѣну продается горячій кофе и чай съ хлѣбомъ.

Заявлены были предположенія объ устройствѣ: «Общества вспоможенія оправданнымъ по суду» (въ С.-Петербургѣ). Въ программу его входитъ, между прочимъ, устройство мастерскихъ, гдѣ бы лица, выходящія изъ-подъ суда и ареста и нуждающіяся въ пособіи, могли находить для себя работу.

Общество вспоможенія бѣднѣйшимъ студентамъ медико-хирургической академіи и нѣчто въ родѣ общества дешевыхъ квартиръ для недостаточныхъ студентовъ с.-петербургскаго университета. Первое изъ этихъ трехъ обществъ, кажется, близко къ своему осуществленію; о второмъ только былъ пущенъ слухъ; что же касается третьяго — устройства дешевыхъ квартиръ для студентовъ университета, то хотя для этого и собирались уже пожертвованія, въ теченіе одной или двухъ недѣль составившія сумму въ нѣсколько тысячъ руб., но предпріятіе это едва-ли состоится, потому что, какъ говорятъ, на просьбу о разрѣшеніи приступить къ дѣлу полученъ былъ отвѣтъ, что вспоможеніе студентамъ *именно въ этомъ* родѣ не можетъ быть допущено.

Къ обществамъ съ цѣлію распространенія просвѣщенія относятся: «русское химическое», въ С.-Петербургѣ,—какъ одно изъ послѣдствій перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей, и «общество распространенія грамотности въ Харьковской губерніи». Въ началѣ прошедшаго года было заявлено, что общество это близко къ своему осуществленію, но состоялось ли оно — неизвѣстно.

Сюда же можетъ быть отнесено, но въ такой же мѣрѣ и къ экономическимъ и коммерческимъ обществамъ, проектированное г. Мясоѣдовымъ кооперативное литературно-издательское общество. Это общество, кажется, не скоро еще состоится, можетъ быть, даже и никогда не состоится.

Особенно много возникло въ прошедшемъ году обществъ потребленія или экономическихъ.

«Товарищество потребителей» — въ Лебедяни, Кіевѣ и Харьковѣ.

«Экономія» и «Второе общество потребителей» — въ Москвѣ.

«Общества потребителей» — въ Полтавѣ, Самарѣ, Саратовѣ и Уральскѣ.

«Бережливость» — въ Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ и Екатеринославѣ.

«Якорь» — въ Астрахани.

«Подспорье» — въ Калугѣ.

Коммерческія общества: «С.-Петербургское общество страхо-

ванія отъ огня имущества и страхованія пожизненныхъ доходовъ и денежныхъ капиталовъ»; «ссудо-сберегательная касса с.-петербургскихъ ремесленниковъ»; «общество для покупки на паяхъ % лотерейныхъ билетовъ» и нѣсколько городскихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита. Сюда же можетъ быть отнесена и «Артель посыльныхъ», для исполненія разныхъ порученій, — въ С.-Петербургѣ.

Религіозныя общества: женскія общины въ Масальскомъ уѣздѣ, въ селѣ, и въ г. Новоузенскѣ, и тѣ 5 монастырей, о которыхъ было сказано выше.

Устроилось или предполагается устроить товарищество юристовъ для хожденія по дѣламъ (въ Москвѣ).

Прекратила свою дѣятельность «Россійско-Балтійская Компанія».

Такая же точно живая дѣятельность высказалась и въ предпріятіяхъ болѣе грандіозныхъ—въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Что на постройку желѣзныхъ дорогъ нужны громадныя денежныя средства, а наличныя денежныя средства Россіи не особенно блестящи — это всѣмъ извѣстно; поэтому тѣмъ бо̀льшаго заслуживаетъ удивленія та быстрота, съ которою начали строиться и открываться у насъ въ послѣднее время желѣзныя дороги. Въ теченіе 1868 года окончены и открыты слѣдующія желѣзныя дороги: отъ Козлова до Воронежа; отъ Тулы до Курска; курско-кіевская; елецко-грязская; шуйско-ивановская; витебско-орловская; рижско-митавская и отъ Ольвіополя до Елисаветграда.

Даны концессіи на сооруженіе дорогъ: отъ Москвы до Смоленска; отъ С.-Петербурга до Балтійскаго порта; отъ Тамбова до Саратова; отъ Грязской станціи до Орла; отъ Осѣченской станціи до Рыбинска; отъ Харькова въ Кременчугъ и отъ Харькова же въ Таганрогъ.

А какое еще количество проектовъ и просьбъ о постройкѣ разныхъ, большихъ и малыхъ, новыхъ желѣзныхъ дорогъ оставлено безъ исполненія! Надобно, въ самомъ дѣлѣ, удивляться, откуда это берутся у насъ средства или гдѣ они предвидятся для покрытія расходовъ по всѣмъ этимъ постройкамъ! Намъ помогаютъ, конечно, заграничными капиталами, но на столько ли производительность Россіи уже сильна, чтобы доходами отъ перевозки могли быть покрыты всѣ эти расходы? Европа пережила уже подобную желѣзно-дорожную горячку и тамъ многіе вслѣдствіе ея обанкрутились, а въ Европѣ желѣзныя дороги строились при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ-какъ и другіе пути сообщенія, кромѣ желѣзныхъ, находились и находятся тамъ въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ у насъ. Потому-то, вѣроятно, наши строители желѣзныхъ дорогъ и стараются заручиться обязательствами земства покрывать будущіе недоборы по желѣзнымъ дорогамъ; а съ другой стороны, нѣкоторыя земскія собранія, предвидя вѣроятную возможность такихъ недоборовъ, рѣшились отказываться отъ предлагаемыхъ имъ услугъ провести чрезъ ихъ мѣстности желѣзныя дороги.

Было сообщаемо даже о положительномъ запрещеніи земскимъ собраніямъ принимать на себя на будущее время такія гарантіи.

Если всѣ эти недавно построенныя и вновь строимыя желѣзныя дороги суть только предпріятія аферистовъ, а не выраженіе дѣйствительной потребности въ нихъ, то, конечно, жаль будетъ напрасно потраченныхъ на нихъ средствъ, потому что тогда многимъ изъ нихъ придется совершенно закрыться, или же онѣ будутъ содержимы крайне неисправно; но во всякомъ случаѣ, дороги эти не исчезнутъ съ лица земли такъ же безслѣдно, какъ, не такъ еще давно, исчезли разныя акціонерныя общества.

Перехожу теперь къ обозрѣнію правительственной и частной дѣятельности въ области просвѣщенія.

Въ прошедшемъ году не было ни открыто, ни закрыто ни одного университета или вообще высшаго учебнаго заведенія; о существующихъ же можно только сказать, что они существовали. Но какъ они существовали, особенно университеты — это одинъ Богъ вѣдаетъ! По сообщенію одной газеты, въ срединѣ года по однимъ юридическимъ факультетамъ всѣхъ нашихъ университетовъ,— а ихъ всего-то шесть съ половиной (финляндскій не считая) — было не занято 42 каѳедры профессорскія и 13 доцентскихъ!

Но, несмотря на такое бѣдственное положеніе количественнаго состава профессоровъ, московскіе профессора находили еще возможнымъ, помимо своей профессорской дѣятельности, вести продолжительную и ожесточенную борьбу между собою, — изъ-за предметовъ вовсе не ученаго свойства, и, наконецъ, выжили изъ своей среды двоихъ.

А со стороны министерства народнаго просвѣщенія объявлено было запрещеніе допускать къ преподаванію наукъ юридическихъ, политическихъ и историческихъ — евреевъ, хотя для этого, какъ сказано въ томъ же самомъ циркулярѣ, и «нѣтъ законнаго основанія!»

Среднія учебныя заведенія продолжали питаться млекомъ классицизма, — хотя опытныхъ пастырей и здѣсь было не особенно много и они, сами не особенно будучи сильны въ классицизмѣ, вѣроятно въ большинствѣ случаевъ, водили своихъ питомцевъ по римскимъ и греческимъ форумамъ ощупью, постоянно справляясь съ лексикономъ г. Леонтьева.

Мало этого; мало и того, что въ концѣ 1867 года устроенъ былъ спеціальный историко-филологическій, т.-е., по преимуществу классическій, институтъ, — въ прошедшемъ году оказалась потребность устроить еще частный, классическій лицей,— гг. Каткова и Леонтьева. Открытъ былъ онъ въ началѣ января и сопровождался бойкой, самоувѣренной передовой статьей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Но затѣмъ — затѣмъ нѣтъ объ немъ ни слуху, ни духу! Существуетъ онъ или нѣтъ, — гг. учредители, откликнитесь? — Конечно, существуетъ, иначе зло-

радственные языки давно уже разболтали бы это по всему міру; но что онъ существуетъ не особенно блистательно, объ этомъ можно судить уже по тому, что учредители не похваляются имъ, а это, кажется, не въ ихъ духѣ. Посмотримъ, не явится ли отчетъ объ немъ въ годовщину его открытія.

Что касается низшихъ и народныхъ школъ, то ихъ открыто въ прошедшемъ году не мало. Но открытіе школъ этого рода, и именно частныхъ, стѣснено въ прошедшемъ году измѣненіемъ общаго устава объ нихъ. Отъ учредителей и учителей этихъ школъ потребованы такія умственныя и моральныя качества, которымъ не могутъ удовлетворять многіе изъ лицъ, желавшихъ бы заняться, по мѣрѣ силъ своихъ, распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ. Сельскія грамотницы и отставные солдаты не могутъ уже приносить при этомъ ту, хотя и незначительную, но все же пользу, которую они приносили распространенію въ народѣ грамотности прежде.

Другимъ распоряженіемъ запрещено устраивать въ селеніяхъ публичныя библіотеки.

Въ одесскомъ учебномъ округѣ запрещено имѣть въ ученическихъ библіотекахъ сочиненія Добролюбова, Бѣлинскаго и Марко-Вовчка.

Въ рыбинской уѣздной училищной библіотекѣ запрещены журналы: «Дѣло», «Женскій Вѣстникъ», «Искра» и «Будильникъ».

Запрещено продавать на улицахъ газеты: «Развлеченіе» и «Петербургскій Листокъ», и совершенно запрещена газета «Москвичъ».

Здѣсь будетъ кстати сказать и о «предостереженіяхъ», которыя, какъ извѣстно, сопровождаются иногда тоже запрещеніями періодическихъ изданій, хотя и временными.

Въ теченіе 1868 г. было дано всего 10 предостереженій: «Москвѣ» и «Русско-славянскимъ Отголоскамъ» по 3 и «Петербургскому Листку», «Недѣлѣ», «St.-Petersburger Zeitung» и «Новому Времени» по одному. Надъ «Голосомъ», «С.-Петербургскими Вѣдомостями», «Петербургскимъ Листкомъ» и «Биржевыми Вѣдомостями» висѣли и доселѣ висятъ предостереженія 1867 г.; а «Москва» вступила въ 1868 г. подъ запрещеніемъ. Но эта несчастная газета едва, по истеченіи срока своего запрещенія, въ началѣ апрѣля, начала свою дѣятельность, какъ тотчасъ, за 1-й же свой №, получила опять предостереженіе и черезъ полгода снова была пріостановлена на 6 мѣсяцевъ; такъ что редакція ея, наконецъ, заявила о совершенномъ прекращеніи изданія. Въ теченіе 22 мѣсяцевъ газета эта получила 9 предостереженій и, въ числѣ тѣхъ же 22 мѣсяцевъ, 7 мѣсяцевъ находилась подъ запрещеніемъ и не выходила!

Въ 1868 г. «Москва» получила *первое* предостереженіе (11-го апрѣля) за то, что въ передовой статьѣ ея № 1-го допущены превратныя сужденія о позволительности и умѣстности обходить законъ чрезъ соблюденіе лишь его формальной стороны; за то,

что упомянутая статья открыто оправдываетъ стремленіе къ противодѣйствію правительственнымъ распоряженіямъ, усиливаясь доказать легальность изданія газеты «Москвичъ», признанное высшею властію незаконнымъ; за то, что въ упомянутой статьѣ заключается превратное истолкованіе и настойчивое порицаніе правительственныхъ распоряженій, относившихся до газетъ «Москвы» и «Москвича», и

вообще за рѣзкія сужденія, высказанныя въ означенной газетѣ, въ первомъ же нумерѣ по ея возобновленіи, свидѣтельствующія объ упорствѣ въ томъ направленіи, которое неоднократно уже вызывало карательныя мѣры.

Второе (28-го апрѣля)—за рѣзкое порицаніе (въ передовой статьѣ № 18) правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія (смертной казни), и допущеніе при этомъ выраженій и сужденій, выходящихъ изъ предѣловъ приличія, и за то, что вообще редакція означенной газеты, несмотря на цѣлый рядъ данныхъ уже ей предостереженій, продолжаетъ злоупотреблять свободою печатнаго слова.

Третье (21-го октября) и на 6-ть мѣсяцевъ пріостановлена—за то, что газета эта, несмотря на двукратную пріостановку ея изданія и вновь объявленныя ей два предостереженія, продолжаетъ обнаруживать прежнее рѣзкое и крайне неумѣренное направленіе, которое неизбѣжно ведетъ къ возбужденію вражды между населеніями и раздраженія противъ дѣйствій правительственныхъ властей (въ передовыхъ статьяхъ №№ 128, 136, 141, 154, 155 и въ статьяхъ областнаго отдѣла въ №№ 114 и 134), и потому, что такое постоянное злоупотребленіе печатнымъ словомъ, въ виду вредныхъ оттого послѣдствій, терпимо быть не можетъ.

Еженедѣльная газета «Русско-славянскіе Отголоски» получила: *первое* предостереженіе (18-го іюня),—за то, что (въ № 6) выставляетъ въ превратномъ видѣ и рѣзко порицаетъ образъ дѣйствія и направленіе русской политики (по польскому вопросу), причемъ проводятся начала, прямо враждебныя государственнымъ интересамъ.

Второе (28-го іюня),—за то, что вновь проводитъ (въ № 7) воззрѣнія, вызвавшія противъ означенной газеты первое предостереженіе.

Третье (12-го іюля) и на 6 мѣсяцевъ пріостановлена, — за проведеніе вновь тѣхъ же самыхъ воззрѣній (въ № 8) и за обнаруженіе такимъ образомъ крайняго упорства въ направленіи, которое не можетъ быть терпимо.

Газета «Петербургскій Листокъ» получила *второе*, со времени своего существованія, предостереженіе (24-го марта),—за порицаніе дѣйствій и состава московской полиціи, съ очевидною цѣлію: рѣзкими и насмѣшливыми отзывами возбудить противъ нея общественное мнѣніе;

за оскорбительные намеки и отзывы, направленные противъ должностныхъ лицъ и цѣлаго вѣдомства;

за то, что законныя дѣйствія полицейскаго начальства въ С.-Петербургѣ, имѣющія цѣлію охраненіе общественнаго благочинія, выставляются произвольными и стѣснительными для частныхъ лицъ и промышленности и

за сужденія, направленныя къ возбужденію общества или противъ правительственныхъ распоряженій, или противъ дѣйствій должностныхъ лицъ, чѣмъ, въ совокупности, вполнѣ обнаруживается вредное направленіе этой газеты.

Еженедѣльная газета «Недѣля» получила *первое* предостереженіе (27 го апрѣля),—за изображеніе въ превратномъ видѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній нашего отечества и враждебное сопоставленіе рабочаго класса съ владѣющими сословіями (въ № 16, корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода);

за систематическое развитіе ученія объ организаціи борьбы противу существующаго общественнаго строя (въ статьяхъ: «Историческія письма») и

вообще за стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе.

«St. Petersburger Zeitung»—*первое* предостереженіе (29-го сентября),—за допущеніе разсужденій и замѣтокъ, выходящихъ изъ всѣхъ предѣловъ политическаго приличія (по поводу испанской революціи) и,

сверхъ того, за постоянно замѣчаемое въ этой газетѣ стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ и обнаруженіе, въ этомъ отношеніи, направленія, несовмѣстнаго съ изданіемъ, выходящимъ въ Россіи.

Наконецъ, газета «Новое Время»—*первое* предостереженіе (27-го ноября)—за неоднократно появлявшіеся рѣзкіе и неприличные отзывы и сужденія о дѣйствіяхъ управленія въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ и

за постоянное перепечатываніе изъ иностранныхъ изданій превратныхъ и даже вредныхъ толковъ о высшихъ правительственныхъ лицахъ и положеніи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ.

Считаю нелишнимъ добавить, что всѣ эти предостереженія даны уже при настоящемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно, перемѣна лица, имѣющаго право давать періодическимъ изданіямъ предостереженія, не имѣла особеннаго вліянія на перемѣну воззрѣнія на эту административную мѣру; но съ другой стороны можно думать, что вліяніе все-таки было, потому что при настоящемъ министрѣ дано было, въ прошедшемъ году, всего 10 предостереженій, при прежнемъ же: въ 1867 г.—14, въ 1866 г.—15. Но можетъ быть, это зависитъ и отъ духа времени, или оттого, что редакторы безцензурныхъ изданій пріобрѣли навыкъ, сдѣлались осмотрительны и понятливы? Вѣдь заявляли же они, почти послѣ каждаго полученнаго ими пред-

остереженія, что ихъ преступленія не суть плоды злонамѣренности, вольнодумства, упорства и тому подобнаго, а только «недоразумѣнія». При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ тѣмъ, за что даются предостереженія, а также и съ силою этихъ предостереженій, «недоразумѣнія», конечно, должны были разъясниться. И вотъ мы пожинаемъ теперь добрые плоды этого—свобода печати, какъ всѣ увѣряютъ, увеличилась, а между тѣмъ, число административныхъ предостереженій уменьшилось! О, еслибы, повторяю, число это, ко времени отчета за 1869 годъ, еще болѣе уменьшилось!

Все это отрицательныя стороны нашей дѣятельности на поприщѣ просвѣщенія. Но были же, конечно, и стороны свѣтлыя положительныя, творческія.

Въ теченіе прошедшаго года явились слѣдующія періодическія изданія:

Ежемѣсячный журналъ «Современное Обозрѣніе», г. Тиблена, — съ либеральнымъ направленіемъ.

Газеты: «Новое Время», гг. Юматова и Киркора, — съ направленіемъ дворянско-буржуазно-консервативнымъ.

«Дѣятельность» — безъ всякаго направленія.

«Русско-славянскіе Отголоски», изд. д-ра Хана, — съ туманно-панславистическимъ направленіемъ.

«Надежда», въ Москвѣ, — неизвѣстно съ какимъ направленіемъ!

Возобновленъ «Антрактъ»; «Отечественныя Записки» стали выходить въ другомъ видѣ и, вмѣсто двухъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Но гораздо болѣе исчезло изданій, чѣмъ вновь появилось.

Журналы: «Женскій Вѣстникъ», — г. п. г-жи Мессарошъ, — вышедшій въ 1868 г. только одной книжкой, пропалъ совершенно безъ вѣсти.

«Современное Обозрѣніе» — вышедши нѣсколькими книжками, прекратилось вслѣдствіе выѣзда редактора-издателя изъ Россіи.

«Литературная Библіотека» — г. Богушевича, — прекратилась по неизвѣстнымъ причинамъ. Подписчики, кажется, были удовлетворены «Всемірнымъ Трудомъ».

Газеты: «Народный Голосъ»,—г. Юркевича Литвинова; «Гласный Судъ», — г. Артоболевскаго и «Книжныя Новости», — всѣ три умерли, кажется, отъ истощенія силъ.

«Москвичъ» — запрещенъ.

О прекращеніи изданія «Москвы» заявила редакція.

И наконецъ, съ послѣднимъ днемъ прошедшаго года прекратилось изданіе «Инвалида» — въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доселѣ издавался,— и совершенно прекратилось изданіе «Сѣверной Почты», преобразовавшейся въ «Правительственный Вѣстникъ».

De mortuis aut bene, aut nihil... Лучше: nihil!

Изъ книгъ обратили на себя всеобщее вниманіе: «Война и Миръ», огромный историческій романъ гр. Л. Толстаго; «Окраины

Россіи», публицистическое сочиненіе по вопросу объ обрусеніи западнаго края Россіи, — г. Ю. Самарина; впрочемъ, эта книга напечатана за границей и продается въ Россіи только лицамъ, такъ-сказать, благонадежнымъ.

Переводныхъ сочиненій, по обыкновенію, явилось много Лучшими между ними можно считать продолженіе «Исторіи XIX вѣка», Гервинуса, и находившійся подъ запрещеніемъ 2-й томъ книги Вундта «о Душѣ». Петербургская публика интересовалась также переводомъ нѣсколькихъ №№ французскаго журнала «Фонарь» Рошфора, надѣлавшаго такъ много шуму въ Европѣ и особенно во Франціи.

На сценѣ занимали и просвѣщали публику: «Говоруны», комедія г. Манна; «Петербургскіе коршуны», комедія г. Дьяченко; «Пробный камень», его же; «Перемелется — мука будетъ», комедія г. И Самарина; «Матери Соперницы», трагедія г. Лажечникова и др.; затѣмъ: «На всякаго мудреца довольно простоты», комедія г. Островскаго, и «Воробушки», полупереводная комедія. Особенно посчастливилось «Воробушкамъ» — ихъ давали безчисленное множество разъ.

Но еще болѣе посчастливилось русской «Прекрасной Еленѣ», комической опереткѣ, и балету «Царь Кандавлъ»; они давались по два раза въ недѣлю и театры были всегда полны.— Къ просвѣщенію это, впрочемъ, не относится!

Въ самомъ концѣ года поставлена была на русской оперной сценѣ опера г. Направника: «Нижегородцы».

На сколько всѣ эти факты и явленія въ области просвѣщенія содѣйствовали нашему развитію и удовлетворяли нашимъ умственнымъ и эстетическимъ потребностямъ, а равнымъ образомъ и то, насколько ихъ можно принимать за выраженіе дѣйствительнаго внутренняго настроенія и потребностей нашего общества — предоставляю обсудить самому читателю.

Перехожу къ обзору судебныхъ процессовъ.

Болѣе замѣчательные изъ нихъ, какъ по своему внутреннему значенію, такъ и потому, что они долго занимали собою общество, слѣдующіе:

Священника *Шишова*. Священникъ этотъ, за нанесеніе городовому оскорбленія дѣйствіемъ; приговоренъ былъ мировымъ судьей и мировымъ съѣздомъ къ $1^1/_2$ мѣсячному аресту; но товарищъ прокурора заявилъ протестъ о неподсудности дѣла свѣтскому суду. Надобно замѣтить, что въ 1867 году былъ подобный же случай, — прот. Борисоглѣбскій оскорбилъ словами женщину, и обвинительный приговоръ мироваго судьи былъ мировымъ съѣздомъ отмѣненъ, по неподсудности такихъ дѣлъ свѣтскому суду. Но въ дѣлѣ свящ. Шишова сенатъ призналъ, что по дѣламъ оскорбленія лицъ должностныхъ, духовные подсудны общимъ судомъ.

Крестьянина *Петрова*, убившаго свою жену на мѣстѣ прелюбодѣянія и оправданнаго судомъ присяжныхъ. Этотъ приговоръ

далъ-было врагамъ новыхъ судебныхъ учрежденій обильную пищу къ нападкамъ на нихъ и, будто бы, нагналъ панику на многихъ замужнихъ женщинъ. Но и тѣ, и другіе могутъ теперь утѣшиться, потому что все судопроизводство по этому дѣлу было кассировано и, при вторичномъ разсмотрѣніи его, Петровъ приговоренъ на 8 лѣтъ въ каторжную работу.

Кассированъ также приговоръ надъ *Умецкими*, жестоко обращавшимися съ своей дочерью и присужденными за это, прежде, къ слишкомъ легкому наказанію. Второй приговоръ суда по этому дѣлу еще не состялся.

Д. ст. совѣт. *Арнинга*, управлявшаго казеннымъ хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ и растратившаго казенныя вещи и деньги. Дѣло это обратило на себя общественное вниманіе собственно значеніемъ и общественнымъ положеніемъ обвиняемаго. Приговоромъ военно-окружнаго суда Арнингъ, лишонъ всѣхъ особенныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сосланъ въ Сибирь на жительство.

Каразина, бывшаго предсѣдателя Богодуховской земской управы,—по обвиненію его, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, въ возбужденіи сословной вражды въ земскомъ собраніи, во вліяніи на крестьянъ съ цѣлію возстановить ихъ противъ дворянъ. На самомъ же дѣлѣ г. Каразинъ только защищалъ общеземскіе интересы, а не одни помѣщичьи, хотя и самъ помѣщикъ. Это то самое дѣло, о которомъ было упомянуто выше, при обозрѣніи дѣятельности земства. Приговоромъ суда г. Каразинъ оправданъ.

Семидесяти шести крестьянъ (Юрьевскаго уѣзда, села Шипилова), то-есть, почти всего села, обвинявшихся за отказъ назначить, вмѣсто избраннаго ими, другаго рекрута. Приговоромъ присяжныхъ оправданы.

Полковника *Колзакова*, продавшаго больныхъ лошадей за здоровыхъ. Процессъ этотъ замѣчателенъ, конечно, тѣмъ, что здѣсь, по понятію многихъ, почти и преступленія не было. *Колзаковъ* присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и на три мѣсяца въ тюрьму. Но былъ слухъ, что приговоръ этотъ едва-ли не будетъ кассированъ.

Бирскаго исправника Васпльева, подвергшаго одного купца жестокому тѣлесному истязанію. Дѣло, въ апеляціонномъ порядкѣ, разсматривалось въ сенатѣ (въ Москвѣ), но рѣшеніе по нему еще неизвѣстно. Уфимская уголовная палата приговорила было Васильева и троихъ его соучастниковъ къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ (Васильева на два года).

Бильбасова, адвоката, обвинявшагося въ присвоеніи 30,000 р., будто бы, полученныхъ имъ въ уплату долга его довѣрительницѣ. Процессъ этотъ интересовалъ петербургское общество собственно потому, что здѣсь дѣйствующими лицами были, съ одной стороны, «адвокатъ», съ другой, многія лица изъ высшаго аристократическаго общества. Первымъ приговоромъ присяжныхъ

г. Бильбасовъ былъ обвиненъ, вторымъ, послѣ кассаціи перваго судопроизводства — оправданъ. Болѣе же всего этотъ процессъ замѣчателенъ по совершенно случайному и постороннему обстоятельству,—за рукоплесканія оправдательному приговору присяжныхъ, находившаяся въ залѣ суда публика была переписана, и такимъ образомъ мы, можемъ быть, дождемся судебнаго процесса, гдѣ будетъ обвиняться разомъ нѣсколько сотъ человѣкъ!

Студентовъ московскаго университета, подвергшихся судебному преслѣдованію со стороны полиціи за то, что «неумѣренными и неприличными (?) вызовами артистки нарушили порядокъ въ театрѣ». Мировой судья приговорилъ ихъ къ 15 руб. штрафа съ каждаго или, въ замѣнъ этого, къ 3-хъ дневному аресту; но мировой съѣздъ нашелъ обвиненіе недоказаннымъ и обвиняемыхъ оправдалъ.

Но самымъ любопытнымъ, не столько въ юридическомъ, сколько въ общественномъ отношеніи, былъ процессъ о знаменитой *покражѣ* казенной *нижегородской соли* и казеннаго желѣза. Дѣло это разсматривалось въ сенатѣ; но окончательное рѣшеніе по нему еще не состоялось, такъ-какъ дѣло это должно еще пройти черезъ государственный совѣтъ. На сколько оно любопытно и какую обнаруживаетъ обширную и сложную систему воровства, можно судить уже по тому, что одинъ докладъ по нему занимаетъ, говорятъ, до 90 печатныхъ листовъ!

Любопытны также процессы: капитана *Ивашинцева*, прапорщика *Рознатовскаго*, князя *Голицына* (изъ-за 25 копѣекъ) и г. *Стелловскаго* (изъ-за права владѣнія операми: «Русалка» и «Аскольдова Могила»).

Возникшія еще въ 1867 г. дѣла по «убійству въ Гусевомъ переулкѣ», по растратѣ общественныхъ денегъ предводителемъ владимірскаго дворянства Огаревымъ и почти всѣми забытое, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно интересное, такъ-называемое «Шлегелевское» дѣло — остались въ прошломъ году судомъ неразсмотрѣнными.

Литературныхъ процессовъ было въ прошедшемъ году, собственно говоря, три, — гг. *Скарятина*, съ *Юматовымъ* и *Кори*, *Гайдебурова* и *Павленкова*,—если считать литературными только такіе процессы по дѣламъ печати, которые возникаютъ по иниціативѣ цензурнаго управленія и прокурорскаго надзора.

Первые трое обвинялись въ напечатаніи въ газетѣ «Вѣсть» статей, «стремившихся поколебать общественное довѣріе къ приговорамъ окружнаго суда и содержавшихъ оскорбительные и недобросовѣстные отзывы и злословіе о членахъ суда и судебныхъ учрежденіяхъ». Приговоромъ суда всѣ трое обвиняемые были оправданы.—Процессъ этотъ надѣлалъ много шуму собственно защитительною, фразистою рѣчью г. Скарятина (извлеченіе изъ нея читатели могутъ найдти въ № 2 «От. Зап.» 1868 г.).

Процессъ г. Гайдебурова былъ продолженіемъ начатаго еще въ 1867 г. судебнаго преслѣдованія противъ него за изданіе

2-го тома сочиненія Вундта «о Душѣ». — Окончательный приговоръ былъ оправдательный, и книга Вундта, какъ уже было сказано, выпущена въ свѣтъ.

Г. Павленковъ обвинялся за напечатаніе въ сборникѣ сочиненій Писарева двухъ статей этого автора: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль». Обѣ статьи эти были уже напечатаны въ «Русскомъ Словѣ» и цензурою одобрены. Но при повторительномъ напечатаніи ихъ, въ сборникѣ сочиненій Писарева, въ нихъ найдены: въ первой — «осмѣяніе нравственно-религіозныхъ вѣрованій и отрицаніе необходимости религіозныхъ основъ въ просвѣщеніи и нравственности»; во второй — «выраженія, оправдывающія свободное отношеніе двухъ половъ; иносказательное порицаніе существующей у насъ формы правленія; враждебное сопоставленіе монархической власти съ народомъ; стараніе представить первую началомъ безполезнымъ и даже вреднымъ въ народной жизни; сужденія, путемъ коихъ умаляется значеніе гнуснаго политическаго преступленія и презрительный тонъ, какимъ говорится о дѣяніяхъ Петра Великаго». Приговоромъ суда г. Павленковъ былъ оправданъ.

Но кромѣ этихъ процессовъ, у литераторовъ и редакторовъ-издателей было нѣсколько процессовъ по жалобамъ частныхъ лицъ.

Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», г. *Трубниковъ*, имѣлъ процессъ за неплатежъ денегъ (6 р. 72 коп.) за напечатанныя имъ корреспонденціи.

Редакторъ-издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, г. *Коршъ* (въ уголовномъ окружномъ судѣ), по жалобѣ г. *Стелловскаго*, — за диффамацію, собственно же за неправильное названіе г. Стелловскаго членомъ «филантропическаго», вмѣсто «филармоническаго» общества. То же лицо (тамъ же), по жалобѣ г. *Артоболевскаго*—за напечатаніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» предостереженія публикѣ не подписываться на газету г. Артоболевскаго «Гласный Судъ», потому что она, несмотря на печатаемыя объ ней объявленія, въ свѣтъ болѣе не выходитъ. — По обоимъ этимъ процессамъ г. Коршъ признанъ невиновнымъ.

Редакторъ-издатель «Петербургской Газеты», г. *Илья Арсеньевъ* и редакторъ-издатель «Народнаго Голоса», г. *Юркевичъ-Литвиновъ* — оба по жалобамъ частныхъ лицъ, — за оскорбительные отзывы объ нихъ. Оба обвиняемые обѣщались впередъ не употреблять въ печати бранныхъ и неприличныхъ отзывовъ.

Г. *Зарудный* — за оскорбленіе въ «Петербургскомъ Листкѣ» доктора Горскаго.

Онъ же — по жалобѣ на него г. Ильи Арсеньева.

Г. *Кущевскій* — за оскорбленіе въ печати г-жи Спиллеръ.

Г. *Загуляевъ* — за оскорбленіе г-жи Зауеръ.

По первому обвиненію, г. Зарудный присужденъ къ трехмѣсячному заключенію; г. Загуляевъ—къ аресту на двѣ недѣли.

Редакторъ-издатель «Москвы», г. *Аксаковъ*—по жалобѣ секре-

таря московскаго окружнаго суда г. Кохнова,—за несправедливое, будто бы, порицаніе его служебной дѣятельности и обвиненіе въ незнаніи имъ (Кохновымъ) своихъ обязанностей. Г. Аксаковъ былъ оправданъ.

Отъ разныхъ судебныхъ процессовъ и обвиненій переходъ къ наказаніямъ, выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ, будетъ, кажется, самый естественный, хотя со всѣми вышеизложенными процессами они и не имѣютъ ничего общаго.

Я не знаю, чтобы въ прошедшемъ году былъ кто нибудь, по опредѣленію суда, наказанъ плетьми, какъ это было въ 1867 г., хотя наказаніе плетьми и кнутомъ и казалось тогда многимъ совершенно уже несуществующимъ въ Россіи; но *къ смертной казни* было присуждено *пятнадцать* человѣкъ, — сколько это, по крайней мѣрѣ, извѣстно изъ газетъ.

Въ Могилевѣ — 1, безсрочно-отпускной солдатъ Герчиковъ,— за то, что сидя въ острогѣ за просрочку паспорта, вырвалъ у караульнаго солдата тесакъ и ударилъ имъ унтеръ-офицера, — разстрѣлянъ. (Узнавши о приговорѣ, онъ впалъ въ бѣшенство, и до дня исполненія приговора, былъ прикованъ, на желѣзномъ прутѣ, цѣпями къ стѣнѣ).

Въ Симферополѣ — 3, татары, за убійство настоятеля кизильташской киновіи Парфенія, — разстрѣляны.

Въ Тамбовѣ — 1, воспитанникъ 7-го класса мѣстной гимназіи Горскій, за убійство 7 человѣкъ, — присужденъ къ повѣшенію.

Въ Рязани — 1, солдатъ, за ударъ въ лицо офицера, — разстрѣлянъ.

Въ Кіевѣ — 1, крестьянинъ Никифоровъ, за убійство кол. совѣт. Соханскаго, грабежъ и поджогъ, — повѣшенъ.

Въ Варшавѣ — 1, отставной офицеръ, за убійство Долинскаго, — разстрѣлянъ.

Въ Москвѣ — 1, барабанщикъ Пановъ, за сорваніе погонъ съ офицера,—разстрѣлянъ. — По отзыву товарищей и начальства, Пановъ былъ нрава тихаго. Два раза прежде наказанный розгами за самовольную отлучку и пьянство, онъ, будучи присужденъ полковымъ судомъ, за кражу и побѣгъ, въ третій разъ къ такому же наказанію, заявилъ желаніе, чтобы его судилъ военно-окружной судъ. Ему отказали. Тогда, чтобы достигнуть этого, Пановъ, ложась подъ розги, рѣшился, нанесеніемъ оскорбленія офицеру, увеличить свою вину и выйдти, такимъ образомъ, изъ-подъ подсудности полковаго суда. Но приговоръ этого суда надъ нимъ все-таки былъ исполненъ. Въ военно-окружномъ судѣ, на вопросъ предсѣдателя, что̀ подсудимый имѣетъ сказать въ свое оправданіе, Пановъ, «не переставшій плакать во все время засѣданія, кинулся на колѣни, и голосомъ, прерываемымъ глухими рыданіями, молилъ о пощадѣ». Защитникъ его заявилъ, что «подсудимый сознавался ему, что самъ ужасается своего преступленія; при этомъ рыдалъ, какъ ребёнокъ, кидался передъ нимъ (защитникомъ) на колѣни, прося умолять судей пощадить ему жизнь—

ради его первоначальной безукоризненной службы, ради бѣдной, несчастной жены, ради его малютки-сына». Но обвиненіе «указывало, что изъ подобныхъ случаевъ важныхъ нарушеній воинской дисциплины за послѣднее время въ округѣ московскаго военно-окружнаго суда настоящій — уже третій...»

На Кавказѣ, въ Шемахѣ — 6, за убійство и грабежъ, — присуждены были къ повѣшенію, но, въ минуту исполненія казни, помилованы.

И наконецъ, въ концѣ года, въ С.-Петербургѣ — 1, солдатъ Ляпуновъ, за нанесеніе смертельной раны своему фельдфебелю, приговоренъ былъ къ разстрѣлянію, но въ минуту исполненія приговора, это наказаніе замѣнено другимъ — пожизненной каторжной работой.

Считаю нелишнимъ привести ко всему этому слѣдующую выдержку изъ двухъ частныхъ корреспонденцій: «смертная казнь играетъ у насъ роль зрѣлища, спектакля съ сильными ощущеніями, привлекая къ себѣ массы публики, состоящей изъ всѣхъ классовъ общества. Смотрѣть ее возятъ даже дѣтей». Это въ Рязани. А въ Кіевѣ: при исполненіи казни «много было дамъ, въ экипажахъ»!

Но возвращаюсь къ явленіямъ болѣе пріятнаго свойства — къ пожертвованіямъ на добрыя общественныя дѣла.

Харьковскій губернаторъ, г. Дурново, пожертвовалъ: 10,000 р.— на устройство въ городѣ биржи, 12,000 р.—на улучшеніе пожарной части и 25,000 р. — на городскую больницу.

К. А. Поповъ—27,000 р. движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и 16,000 р. деньгами,—на училище въ Большесольскѣ, Костромской губерніи.

Дѣвица Мизко, по завѣщанію, — около 42,000 р. на разныя учебныя заведенія въ Екатеринославлѣ, Кіевѣ и Черниговѣ.

Митрополитъ Іосифъ—% со стоимости, до 9,000 руб., своихъ алмазныхъ знаковъ, возвращенныхъ имъ въ императорскій кабинетъ, — на выдачу премій за сочиненія воспитанниковъ духовныхъ академій, и до 20,000 р. въ пользу кіевскаго и виленскаго училищъ дѣвицъ духовнаго званія.

А. Марпнаки 23,650 р. — на учрежденіе стипендій при кіевскомъ университетѣ.

Тайный совѣтникъ Рейнгольдъ—6,000 р.—на стипендіи при медико-хирургической академіи.

Отъ всего же русскаго народа, со включеніемъ проживающихъ въ Россіи всякихъ иностранцевъ, пожертвовано, какъ объяснено уже въ другомъ мѣстѣ: 1.933,972 р. 32 $^1/_4$ коп. на покупку хлѣба голодающимъ!

Мнѣ остается еще указать на нѣкоторыя событія и явленія прошедшаго года, такъ сказать, безхарактернаго свойства, или, какъ говорится: разныя разности.

Много было говорено въ прошедшемъ году, какъ и въ послѣднихъ предшествовавшихъ годахъ, объ устройствѣ у насъ народ-

ныхъ театровъ. Они еще и доселѣ не открыты, но въ августѣ прошедшаго года, 26-го и 30-го чиселъ, по распоряженію полицейскаго начальства, было устроено на Царицыномъ лугу, въ С.-Петербургѣ, нѣчто въ родѣ театра-балагана для народа. На подмосткахъ, съ декораціями, подъ открытымъ небомъ, въ теченіе двухъ дней, съ полудня до ночи, игралась какими-то вольнонаемными актерами пьеса «Русскія святки». Народъ, и простой и не простой, стоялъ передъ сценою огромной массой и велъ себя какъ слѣдуетъ! Это была, очевидно, проба и проба, въ отношеніи къ благоповеденію зрителей, вполнѣ удачная. Но затѣмъ вопросъ о народномъ театрѣ остался попрежнему нерѣшеннымъ.

Наши моряки всѣ поголовно возмущены и взволнованы были статьею въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ: «Записки Севастопольца», гдѣ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ выставлялась ихъ гордость—герой Синопа и Севастополя Нахимовъ. Противъ этихъ «Записокъ» собиралась подписка на протестъ и было написано нѣсколько совершенно неприличныхъ и грубыхъ возраженій.

Въ Смоленскѣ, на обѣдѣ, по случаю открытія смоленско-витебской желѣзной дороги, публика самымъ грубымъ образомъ прервала рѣчь извѣстнаго редактора-издателя «Вѣсти», г. Скарятина, и чуть-чуть не пустила въ ходъ кулаки!

Въ Петерубргѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Россія отпраздноване столѣтній юбилей друга учащагося юношества, Вас. Анд.—«дѣдушки Крылова».

Нашему поэту — Алексѣю Васильевичу Кольцову открытъ въ Воронежѣ, мѣстѣ его постояннаго жительства и кончины, памятникъ. Впрочемъ, говорятъ, довольно мизерный.

Въ литературномъ мірѣ было нѣсколько скандаловъ или скандальцевъ; но объ нихъ не стоитъ упоминать.

Россію посѣтили въ прошедшемъ году, по примѣру двухъ послѣднихъ лѣтъ, рѣдкіе гости. Но никто изъ нихъ не былъ уже принятъ такъ шумно, какъ приняты были славяне и американцы. Надоѣли ли намъ эти рѣдкіе гости, приглядѣлись ли мы къ нимъ, или же у насъ денегъ мало на блестящія и дорого стоющія угощенья ихъ; или сами гости прошедшаго года были не особенно рѣдки и дороги, или же, наконецъ, мы поняли всю комичность этихъ восторженныхъ пріемовъ? Неизвѣстно! С.-Петербугъ видѣлъ въ прошедшемъ году: своихъ старыхъ друзей японцевъ, въ лицѣ акробатовъ общества «Драконъ»,— гдѣ были даже и женщины; посланника страны Коканъ; посланника африканской республики — Либеріи; одного индѣйскаго князя,—служившаго прежде въ Россіи и послѣ многихъ лѣтъ отсутствія захотѣвшаго взглянуть на свою вторую полуродину; владѣтельнаго князя Черногоріи,—находящагося въ С.-Петербургѣ и въ настоящее время и принимаемаго вездѣ довольно шумно, и, наконецъ, знаменитаго американскаго героя, генерала Шермана. Но Шерману у насъ положительно не посчастливилось.

Его приняли до того тихо, что не имѣвшіе случая видѣть его лично, могутъ даже усомниться—въ самомъ ли дѣлѣ онъ находился и, можетъ быть, доселѣ находится въ Петербургѣ. Объ немъ было только напечатано въ газетахъ; какъ будто о какомъ нибудь капитанѣ Копѣйкинѣ: «сегодня пріѣхалъ извѣстный американскій генералъ Шерманъ»! Что касается меня, то я серьёзно сомнѣваюсь, здѣсь ли онъ. Если же дѣйствительно здѣсь, то почему не слышно ни о какихъ общественныхъ обѣдахъ, вечерахъ или пикникахъ и том. под. въ честь его? Вѣдь это послѣ Гранта самый знаменитый и самый любимый американскій герой, даже можетъ быть болѣе любимый, чѣмъ самъ Грантъ. Или, будучи тронуты извѣстнымъ «консервативно-охранительнымъ» духомъ, не сердиты ли ужь мы на него за то, что это былъ онъ, который нанесъ рѣшительный ударъ рабовладѣльческимъ штатамъ?! Будьте же, господа, стойки и заявите еще разъ свои сѣверо-американскія симпатіи!

Вотъ и всѣ наши общественныя дѣла и событія за прошедшій годъ.—Нѣтъ, еще не всѣ! Самыя лучшія изъ нихъ, самыя симпатичныя я сохранилъ къ концу.

Прошедшій годъ начался блистательно, — при засѣданіяхъ съѣзда ученыхъ естествоиспытателей и любителей естественныхъ знаній,—знаній наиболѣе полезныхъ и необходимыхъ Россіи въ настоящее время,—а окончился торжественнымъ актомъ въ медико-хирургической академіи, на которомъ русская женщина, первая изъ окончившихъ въ Россіи курсъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, доселѣ считавшихся исключительно мужскими, получила дипломъ на докторскую степень!—Такъ-называемому, женскому вопросу въ прошедшемъ году особенно посчастливилось. На съѣздѣ естествоиспытателей, женщины подали записку или просьбу, чтобы съѣздъ устроилъ что нибудь для ихъ образованія по естественнымъ наукамъ. Эта записка принята была и членами съѣзда и присутствовавшей публикой при громкихъ знакахъ одобренія — сочувствіи публики къ женскому вопросу, участіе въ немъ было высказано публично и торжественно. Правда, послѣ съѣздъ отозвался, что въ настоящее время онъ ничего не можетъ сдѣлать для женщинъ, что это превышаетъ его программу и права; но за то въ теченіе года мысль объ устройствѣ какихъ-нибудь курсовъ для высшаго, солиднаго образованія женщинъ, особой школы или университета росла. На нее отозвались сочувственно съ разныхъ концовъ Россіи. Русскія женщины изъ Смоленска, Полтавы, Калуша, Тотьмы прислали свои адресы; московскія рѣшились обратиться съ просьбою объ устройствѣ такой школы или особыхъ курсовъ къ мѣстному попечителю учебнаго округа; петербургскія — обратились съ тѣмъ же къ ректору университета. Ни въ Москвѣ, ни здѣсь ничего изъ этого пока еще не вышло; да и трудно было ожидать, чтобы это съ разу все сдѣлалось, чтобы однимъ ударомъ была пробита брешь въ этой китайской стѣнѣ предраз-

судковъ, предубѣжденій и легкомысленнаго отношенія къ дѣлу. Но начало уже сдѣлано—заявленія сдѣланы публично, публично высказано было и сочувствіе имъ. Не получивши дозволенія на открытіе университета, многія женщины стали слушать у профессоровъ и неоффиціальныхъ ученыхъ частные курсы разныхъ наукъ. Это уже не пустая горячка, не мода, а дѣло.

Среди этого движенія русскихъ женщинъ, въ началѣ года возвратилась изъ-за границы г-жа Суслова, гдѣ она прослушала полный курсъ медицинскихъ наукъ и получила докторскій дипломъ. Русскія женщины были этимъ еще болѣе ободрены, а разные quasi-ученые и образованные мужчины озадачены. Неужели въ Россіи признаютъ этотъ дипломъ дѣйствительнымъ, неужели г-жѣ Сусловой дозволятъ практику и мы будемъ имѣть доктора-женщину, спрашивали они? Г-жу Суслову подвергли переэкзаменовкѣ и—хотя практиковать ей и не позволили, но докторское достоинство за ней сохранили, такъ-сказать, даже удвоивъ его, кромѣ цюрихскаго, еще петербургскимъ экзаменомъ. Потомъ изъ-за границы получается извѣстіе, что дѣвица Гончарова признана парижскимъ университетомъ баккалавромъ математическихъ наукъ. М. П. Погодинъ, человѣкъ, какъ извѣстно, старыхъ временъ, находитъ нужнымъ засвидѣтельствовать своимъ авторитетомъ, что русскія женщины способны учиться, потому что въ московскомъ университетѣ женщины и дѣвицы ежегодно, въ числѣ отъ 70 до 100, выдерживаютъ на званіе учительницъ такой же точно экзаменъ, какой сдаютъ воспитанники гимназій для полученія права на поступленіе въ университетъ.

Бодрѣе же и смѣлѣе боритесь русскія женщины съ препятствіями на открывающемся для васъ новомъ пути,—чтобы помогать потомъ мужчинамъ въ ихъ борьбѣ съ невѣжествомъ и предразсудками.

Обозрѣніе общественныхъ явленій 1868 года кончено.—Мнѣ хотѣлось бы теперь сдѣлать изъ всего вышеизложеннаго какой-нибудь общій выводъ, отыскать и указать во всѣхъ этихъ фактахъ какую-нибудь общую черту, которая характеризовала бы собою 1868 годъ. Но какъ отыскать ее? Выступаетъ ли она сама собой, или надобно ее придумать и подвести подъ факты? Послѣднее, разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія. Но сама эта черта изъ фактовъ, одинъ другому противоположныхъ, выступаетъ слабо. Хорошій это былъ годъ для Россіи или нѣтъ, счастливый или несчастливый? Лучше онъ 1867 г. или хуже? Шли мы впередъ или назадъ, или стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ? Народныя бѣдствія... Продолженіе благихъ реформъ, снятіе военнаго положенія... Увеличеніе числа монастырей... Не совсѣмъ свѣтлая дѣятельность земства... Живая дѣятельность по устройству разныхъ обществъ и улучшенія путей сообщенія... Печальное положеніе университетовъ и стѣсненія въ области просвѣщенія... «Предостереженій» меньше и ни одного собственно-литературнаго процесса, окончившагося обвиненіемъ... Смертныхъ

приговоровъ меньше и еще меньше смертныхъ казней (8, а въ 1867 г. 13)... Сочувствіе къ женскому вопросу и терпимость его...

Помимо того, что прямо касается массы народа, повидимому, все шло къ лучшему, и желательно, чтобы наступившій годъ былъ, по крайней-мѣрѣ, таковъ же. Но насколько все хорошее прошедшаго года зависѣло отъ внутренныхъ силы, характера, сознательнаго направленія, а не отъ случайности? Рѣшить это я не берусь.

Л. Р.

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ.

Періодическія размышленія.

Практическія послѣдствія крѣпостнаго права. — Ученіе о хищничествѣ. — Затрудненія въ будущемъ

III.

Пою похвалу силѣ и презрѣніе къ слабости.

Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его. Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, шли *сами*, шли *собственными ногами*, чтобъ получить это истязаніе или позоръ. Я видѣлъ глаза, которые ничего не могли выражать, кромѣ испуга; я слышалъ вопли, которые раздирали сердце, но за которыми не слышалось ничего, кромѣ физической боли; я былъ свидетелемъ звѣрскихъ вождѣленій, которыя разгарались исключительно по поводу куска хлѣба. Въ этомъ царствѣ испуга, физическаго страданія и желудочнаго деспотизма, нѣтъ ни одной подробности, которая бы минула меня, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли. Надѣюсь, что это своего рода отправный пунктъ, и притомъ достаточно твердый, чтобъ дать мнѣ право, съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла, говорить о томъ, какое несомнѣнное значеніе имѣетъ въ жизни сила, и какъ ничтожна и даже презрѣнна, въ сосѣдствѣ съ нею, слабость.

Да и не я одинъ; мы всѣ, сколько насъ ни есть, всѣ несвободны отъ этихъ привидѣній прошлаго; для всѣхъ они составляютъ неотразимый отправный пунктъ. Они до такой степени залегли въ основу всего нашего бытія, что мы не можемъ сдѣлать шагу, не справившись съ ними. Мы охотно называемъ ихъ призраками (отъ призраковъ все-таки, до извѣстной степени, освобождаетъ время); но нѣтъ, это даже не призраки. Это что-то такое, до того сопричастное намъ, такъ могущественно окра-

шивающее всякій поступокъ нашъ, что свѣтъ самый яркій, заклинанія самыя страшныя оказываются ничтожными, чтобъ отогнать чудовище, гонящееся за нами по пятамъ. Мы напрасно будемъ бороться съ нимъ, напрасно будемъ поднимать безсильныя руки, чтобъ поразить его: мы ничего не достигнемъ, не поразивши напередъ самихъ себя. Придутъ иные люди, которые познаютъ иную истину, произнесутъ иное слово; но мы, люди преданія, люди роковыхъ воспоминаній, мы не знаемъ другой истины, не произнесемъ другаго слова, кромѣ: да торжествуетъ сила, и да погибнетъ слабость! Одни изъ насъ произнесутъ это слово съ горечью, другіе съ самодовольствомъ, но даже тѣ, которые искренно почувствуютъ приливъ негодованія при этихъ словахъ, должны будутъ въ полной мѣрѣ смириться передъ горькимъ смысломъ, скрывающимся въ нихъ, и безъ оговорокъ признать обязательное ихъ значеніе. Что пользы въ негодованіи и злобѣ, когда надъ нами тяготѣетъ фатализмъ? когда мы сами не вѣримъ творческой силѣ этого негодованія, когда мы ничего не можемъ, ни передъ чѣмъ не дерзаемъ?

Я никогда не видалъ, чтобы баранъ охотно шелъ не только на бойню, но даже вообще куда бы то ни было, куда ему идти не хочется. Обыкновенно, когда желаютъ получить хорошія котлеты, то барана волокомъ волокутъ къ мѣсту избіенія, и никто не внушаетъ ему при этомъ, что существуетъ на свѣтѣ какое-то отвлеченное понятіе, въ силу котораго онъ, въ данный моментъ, долженъ не упираться, а устремляться. Баранъ совсѣмъ не настолько простъ, чтобъ повѣрить подобнымъ внушеніямъ. Тѣмъ не менѣе, не можетъ подлежать сомнѣнію, что такія понятія существуютъ, что они заставляютъ существа гораздо болѣе разумныя двигаться и производить такія дѣйствія, которыя прямо противоположны не только ихъ выгодамъ, но даже простому чувству самосохраненія. Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, потому-то эти существа и двигаются, что они разумныя? Да; можетъ быть, и такъ; но въ такомъ случаѣ, невольно спрашиваешь себя: сквозь какое наслоеніе горечей, недоумѣній и нравственныхъ противорѣчій нужно было пройти, чтобъ получить въ результатѣ чудовищную безсмыслицу, дающую право гражданства косвенному самоубійству? сколько напрасныхъ подвиговъ требовалось, чтобы добровольно перепутать всѣ понятія и извратить всѣ инстинкты?

И тѣмъ не менѣе, сила всегда была силою, даже во времена самаго глухого крѣпостничества. Человѣкъ, державшій камень за пазухой, всегда сознавалъ себя бодрѣе и безопаснѣе, нежели тотъ, кто прямо живьемъ отдавался въ руки. Конечно, въ то время и съ самымъ сильнымъ человѣкомъ можно было поступить на всей своей волѣ; но все-таки требовалось застать его врасплохъ, подойти къ нему сзади, а у большинства рыцарей безнаказанной оплеухи даже на это не ставало ни терпѣнія, ни сноровки. Слабаго же человѣка можно было перевернуть вверхъ

дномъ во всякое время и безъ малѣйшихъ снаровокъ. Понятно, почему борьбѣ съ слабостью всегда отдавалось предпочтеніе.

Собственно говоря, тутъ даже и борьбы не было, потому что бороться съ слабостью, по малой мѣрѣ, столь же легко, какъ и ломать растворенную настежь дверь или брать приступомъ крѣпость, незащищаемую никакимъ гарнизономъ. Сколько легчайшихъ тріумфовъ можно одержать въ самое короткое время! сколько одержать блестящихъ побѣдъ! Будь дверь нѣсколько приперта, или, по крайней-мѣрѣ, заронись въ насъ убѣжденіе (положимъ, даже ложное), что она приперта — очень можетъ статься, что мы и не подошли бы къ ней. Кто знаетъ, что̀ тамъ, за этою дверью? сказали бы мы себѣ, и благоразумно прошли бы мимо. Много-много, что поскрипѣли бы зубами. Тогда какъ дверь, отворенная настежь, — вѣдь это явный, организованный разсчетъ на нашу храбрость, вѣдь это прямое приглашеніе войти и распорядиться! Какъ воздержаться тутъ? Какъ не размахнуться на существо, которое столь радушно пригибается для полученія ожидаемаго удара?

Мы каждоминутно, сами того не замѣчая, давимъ ногами и слѣдовательно лишаемъ жизни множество мельчайшихъ организмовъ, которые пресмыкаются на пути нашемъ, и ни мало не формализируемся этимъ. Это одно уже доказываетъ, какъ гнусна слабость, и какъ мало она имѣетъ правъ на существованіе. А такъ-какъ это фактъ глухой и неотразимый, такъ-какъ мы на слоновъ не наступаемъ, а наступаемъ именно и исключительно на однихъ букашекъ, червей и другихъ пресмыкающихся, то, очевидно, что въ этомъ фактѣ мы почерпаемъ для себя право выводить всякія дальнѣйшія заключенія и сравненія. Но главное заключеніе будетъ все-таки таково: слабость презрѣнна, и потому для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ. Всѣ остальные выводы и сравненія будутъ только болѣе или менѣе остроумными варіантами на эту главную тему.

Самъ наступай, самъ дави — кто же мѣшаетъ тебѣ? — вотъ резоннѣйшій изъ всѣхъ увѣтовъ, какіе мнѣ когда-либо случалось слышать по этому поводу. Ежели Петръ и Павелъ сильны, отчего же ты, Иванъ, слабъ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего ты слабъ, несчастный Иванъ? Клянусь, что ты самъ никогда не разрѣшишь этой задачи! Но ежели ты не умѣешь даже догадаться, въ чемъ тутъ сущность, то естественно, что долженъ и вкушать плоды своей недогадливости.

Все это очень логично. Это тотъ же дарвинизмъ. Но когда я помышляю объ этомъ неупустительномъ примѣненіи законовъ борьбы, не знаю почему, мнѣ вдругъ дѣлается совѣстно. За кого совѣстно? за тѣхъ ли слабыхъ и безоружныхъ, которыхъ мы безнаказанно топчемъ ногами? — Нѣтъ, не за нихъ! Эти мелкія козявки погибаютъ такъ скромно и неслышно, что даже малѣйшимъ пискомъ не даютъ повода для проявленія какихъ бы ни было чувствъ по случаю ихъ погибели.

И радъ бы пособолѣзновать, да не знаешь объ чемъ. Только и скажешь: погибли бѣдныя! — ну, и Христосъ съ вами, стало быть, больше не заслужили... Да, за нихъ стыдиться и краснѣть нечего. Ихъ назначеніе было погибнуть, и они исполнили его честно. И тѣмъ не менѣе, стыдъ все-таки остается стыдомъ. Онъ покрываетъ пурпуромъ щеки, онъ заставляетъ опускать глаза. По поводу чего же?

Мнѣ кажется, что тутъ играютъ роль не столько участвующія въ спорѣ стороны (даже сами тріумфаторы тутъ едва-ли при чемъ-нибудь состоятъ), сколько нравственная сущность вопроса... А кромѣ того, быть можетъ, немалое значеніе имѣютъ и нѣкоторыя этимологическія затрудненія, которыя возникаютъ при этомъ. Станешь придумывать, напримѣръ, какимъ именемъ назвать эти странныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ ломать отворенную дверь признается болѣе умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели ломать дверь, замкнутую на запоръ, — и не придумаешь... И застыдишься.

Тѣ, которые говорятъ: зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? зачѣмъ нападать на лежачаго? — говорятъ это единственно по легкомыслію. Хотя крѣпостное право, въ своихъ прежнихъ, осязательныхъ формахъ, не существуетъ, съ 19-го февраля 1861 года, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ. Все, на что́ бы мы ни обратили наши взоры, все изъ него выходитъ, и на него опирается. Изъ этого живоноснаго источника доселѣ непрерывно сочатся всякія нравственныя и умственныя оглушенія, заражающія нашъ воздухъ и растлѣвающія наши сердца трепетомъ и робостью.

Хищничество — вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ; вотъ стихія, которая движетъ нами, передъ которою мы пресмыкаемся и раболѣпствуемъ, которую мы во всякую минуту готовы обожествить. Прежнія пресловутыя поговорки, въ родѣ: «съ сильнымъ не борись», «куда Макаръ телятъ не гонялъ», «куда воронъ костей не заносилъ», несмотря на ихъ ясность и знаменательность, представляютъ лишь слабые образчики той чудовищной терминологіи, которую выработало современное хищничество. Эта терминологія — вся сплошь какое-то дикое, озлобленное цырканье, въ которомъ нельзя отличить ни одного членораздѣльнаго звука, но которое и во снѣ заставляетъ насъ цепенѣть... А еще говорятъ: нѣтъ крѣпостнаго права. Нѣтъ, оно есть; но имя ему хищничество. Это единственная сила, притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, это единственное понятіе, на счетъ котораго не существуетъ разногласія.

Вездѣ, гдѣ мы замѣчаемъ хищничество, мы встрѣчаемъ его уже организовавшимся, представляющимъ нѣчто солидное, способное и нападать, и защищаться. Правда, это организація не очень мудрая (взялъ въ руки жердь — и махай ею направо и налѣво!), но вѣдь тамъ и не требуется мудрости, гдѣ галушки сами собой въ ротъ лѣзутъ. Тутъ нужно только, какъ можно чаще, разѣвать пасть и проглатывать. Напротивъ того, слабость нетолько зарекомендовываетъ себя полною неспособностью къ организаціи, но, сверхъ того, почти всегда является деморализированною. Всѣ хитрости, на которыя она, повременамъ, поднимается, всѣ уступки, которыя считаетъ нужнымъ дѣлать— все это нетолько не спасаетъ ея отъ когтей хищничества, но даже укрѣпляетъ послѣднее, даетъ ему новое оружіе. «Эге! такъ ты еще извиваешься! такъ тебѣ въ петлю-то лѣзть не хочется! погоди же, я тебя оглушу!» — такъ хихикаетъ злорадное хищничество, и затягиваетъ да затягиваетъ понемножку мертвую петлю, отъ которой столь непскусно отбивалось обезумѣвшее отъ страха безсиліе. И вотъ, въ результатѣ, оказывается, что разумнѣе и даже разсчетливѣе поступаетъ та слабость, которая не хитритъ и не уступаетъ, а прямо просовываетъ въ голову петлю... Сознаніе страшное, но, по крайней-мѣрѣ, оно находитъ для себя смягчающее обстоятельство хоть въ томъ, что, при существованіи его, не представляется слишкомъ легкаго повода для дешевыхъ издѣвокъ.

Увы! въ этомъ случаѣ, какъ ни кинь, все будетъ клинъ. И слабость извивающаяся, и слабость, отдающаяся живьемъ — все на руку хищничеству, все укрѣпляетъ и украшаетъ его! Не знаешь даже, чему отдать преимущество. Вы можете имѣть безчисленное множество камней за пазухой, и все-таки ни однимъ изъ нихъ не воспользуетесь. И нетолько не воспользуетесь, но постараетесь какъ нибудь незамѣтнымъ образомъ ихъ обронить. Полезно было бы даже, еслибъ вы заранѣе убѣдились въ неизбѣжности этого результата запазушныхъ камней, потому что это убѣжденіе избавитъ васъ отъ потери времени и отъ лишнихъ безполезныхъ движеній. Что̀ пользы въ резонахъ, доводахъ, убѣжденіяхъ? Если вы обладаете ими, то постарайтесь забыть объ этомъ, постарайтесь обронить вашъ умственный капиталъ, такъ чтобы никто этого не заподозрилъ. Хищничество не внимаетъ, и не убѣждается, но раздражается и поступаетъ.

Въ этомъ весь секретъ хищничества, что оно не внимаетъ, а *поступаетъ;* въ этомъ вся выгода его позиціи. Если оно и встрѣчаетъ случайный отпоръ, то и тутъ не останавливается и не старается одолѣть его, но идетъ далѣе и ищетъ добычи въ другомъ мѣстѣ. Жертвъ такъ много, что формализироваться и умѣрять свой бѣгъ изъ-за одной, почему-то не сразу отдающейся жертвы, совершенно неблагоразумно. Хищничество знаетъ, что когда-нибудь оно все-таки воротится къ прежнему мѣсту, подойдетъ сзади, застигнетъ врасплохъ и ударитъ-таки жердью

неподающееся сразу безсиліе. Это своего рода охота, въ которой выраженіе: «не застрѣлилъ!» вовсе не означаетъ буквально: «не застрѣлилъ!» а только «на первый разъ промахнулся», или «не успѣлъ застрѣлить».

Объясню примѣромъ, какъ выгодно иногда бываетъ не внимать и не резонировать, но прямо поступать.

Когда-то была у меня знакомая барыня. Это была женщина избалованная и несомнѣнно легконравная. Тѣмъ не менѣе, въ ней еще сохранились, повидимому, нѣкоторыя смутныя представленія, которыя до извѣстной степени сдерживали ее, и препятствовали слишкомъ неразсчетливому примѣненію теоріи laissez faire, laissez passer къ такому щекотливому дѣлу, какъ вольное обращеніе. Очень можетъ статься, что это было съ ея стороны и неискренно, но, по мнѣнію моему, есть случаи, въ которыхъ ограниченіе проявленій искренности нетолько не оскорбляетъ человѣческой совѣсти, но даже настоятельно требуется ею. Взирая на эту женщину, я говорилъ себѣ: вотъ субъектъ достаточно развращенный, но я все-таки радъ, что она сознаетъ необходимость сдерживать себя, потому что это доказываетъ, что и для нея еще есть возможность возврата. Точно такъ, какъ взирая на человѣка, внутренно стремящагося произвести заушеніе, но воздерживающагося отъ того, я всегда говорю: конечно, этотъ человѣкъ изъ насилія сдѣлалъ руководящій законъ всего своего существованія, но я все-таки радъ, что онъ сдерживаетъ свои порывы, потому что это доказываетъ, что и относительно заушеній можетъ существовать нѣкоторая спасительная препона...

И вотъ эту-то самую женщину я встрѣтилъ на дняхъ ночью на улицѣ. Она шла не совсѣмъ твердо, но смѣло и бойко смотрѣла въ глаза проходящимъ.

— Ну, что̀? какъ живется? спросилъ я ее.

— Какъ видишь... бодрствую!

— Какъ же это однако? вновь началъ я, недоумѣвая: — ночью? на улицѣ?

— И ночью, и днемъ, и во всякое время... дуракъ!

Только тогда я понялъ; только тогда я сказалъ себѣ: вотъ женщина, вступившая на тотъ самый путь, на которомъ не внимаютъ, но поступаютъ!

Не знаю почему, но когда я сталкиваюсь съ современнымъ хищничествомъ, мнѣ невольно припоминается эта странная ночная встрѣча на улицѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сходство положеній поразительное. Вся внѣшняя форма осталась; какъ будто даже сохранился и прежній человѣческій обликъ; утратился только стыдъ — и что жь? Пропалъ стыдъ — пропала и потребность внимать; а если пропала потребность внимать, то, стало быть, ничего болѣе не осталось, какъ поступать, поступать и поступать.

Благо тому, кто съумѣетъ достигнуть этого яснаго воззрѣнія на міръ; благо тому, кто найдетъ въ себѣ достаточно силы,

чтобы въ упоръ сказать проходящимъ: презирайте меня! Я на столько усовершенствовался, что даже болѣе, нѣмъ готовъ! — Этотъ счастливый смертный можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ-то и есть тотъ самый бодрый духомъ субъектъ, котораго ни оплевать, ни презрѣть никто не посмѣетъ!

Повидимому, слабость такъ сама по себѣ неинтересна, что хищничеству положительно нѣтъ даже повода обращать на нее вниманія. Есть, однакожь, причины, которыя объясняютъ это вниманіе довольно удовлетворительно.

Первая причина — опасеніе совмѣстничества. Какъ ни чахлы куски, выпадающіе на долю безсилія, какъ ни мало опасности представляютъ сами безсильные, хищничество не забываетъ, что міръ, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть міръ фантастическій, богатый всякаго рода сюрпризами. Уроки, вынесенные изъ крѣпостнаго права, до того вошли въ общественную совѣсть, что представляютъ руководящій кодексъ не только для хищничества, но и для безсилія. Нѣтъ той невозможности, которая не казалась бы возможною въ этой темной области чудесъ. Отсюда— необходимость предупредить эту возможность и сдѣлать безсиліе на столько очевиднымъ для себя самого, чтобы самая мысль о сюрпризахъ представлялась ему не иначе, какъ въ видѣ діавольскаго искушенія.

Очень часто, разсматривая какой нибудь отдѣльный фактъ, въ которомъ безсиліе играетъ свою обычную роль оглушаемаго, и не умѣя себѣ объяснить, какую выгоду извлекаетъ хищничество изъ своего систематическаго преслѣдованія слабости, мы склоняемся къ мысли, что оно дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ просто съ жиру, изъ одного безкорыстнаго желанія поиграть локтями.

— Жигнули!

— Поджарили!

— Въ лоскъ раззорили!

Вотъ современнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ разговоровъ, который на каждомъ шагу поражаетъ нашъ слухъ. Прислушиваясь къ нему, мы приходимъ въ недоумѣніе. Мы спрашиваемъ себя, что сотворилъ сей человѣкъ, котораго «жигнули», «поджарили» и «раззорили», и, по собраніи справокъ, убѣждаемся, что человѣкъ этотъ — простой смертный, на ряду съ прочими унавоживавшій вселенную. «Просто, бѣсятся наши хищники отъ прилива праздности!» восклицаемъ мы, думая разрѣшить этимъ восклицаніемъ наше недоумѣніе.

Но это только обманъ чувствъ, или, лучше сказать, слѣдствіе нашей неспособности обобщать факты. Изъ того, что, въ данномъ случаѣ, хищничество дѣйствуетъ, не обнаруживая непосредственнаго разсчета, отнюдь нельзя выводить заключенія объ

его дѣйствительной неразсчетливости. Оно бьетъ тотъ или другой экземпляръ безсилія совсѣмъ не потому, чтобъ это составляло для него наивное и безцѣльное препровожденіе времени, а потому, что этотъ экземпляръ есть представитель цѣлой породы, которая руководствуется все тѣми же обычаями щучьяго велѣнья, которыми руководствуется и хищничество. Избивая данный экземпляръ, оно, въ то же время, косвенно избиваетъ породу и, такимъ образомъ, блюдетъ за неприкосновенностью и нечленораздѣльностью кусковъ.

Но есть и другая причина, побуждающая хищничество интересоваться слабостью. Это — брезгливость относительно всего, что̀ не носитъ на себѣ печати изящества. Чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ цивилизаціи, тѣмъ болѣе развивается въ насъ чувство изящнаго, чувство комфорта. Мы не только желаемъ сидѣть, ходить и ѣхать удобно, но требуемъ, чтобы при отправленіи всѣхъ этихъ удобствъ ничто не оскорбляло нашего зрѣнія, не рѣзало нашего слуха, не смущало спокойствія нашей души. Не даромъ въ благоустроенныхъ населенныхъ центрахъ не терпятъ присутствія нищихъ на улицѣ; не даромъ учреждаютъ комитеты для разбора и призрѣнія ихъ. Это дѣлается совсѣмъ не изъ непосредственнаго участія къ нищимъ, а для того, чтобъ они не оскорбляли взоровъ людей, удобно идущихъ и ѣдущихъ, чтобы несвоевременною своею назойливостью не отвлекали ихъ отъ цѣлей, которыя они преслѣдуютъ. Хищничество знаетъ это общее правило благоустройства городовъ и селеній, и примѣняетъ его къ своимъ потребностямъ. Хищничество — это, такъ сказать, высшая ступень цивилизованнаго комфортолюбія. Всякая фальшивая нота непріятно звучитъ въ его ушахъ, всякій болѣзненный вопль заставляетъ оглядываться. Но, спрашивается: найдется ли въ мірѣ предметъ, который былъ бы фальшивѣе и болѣзненнѣе безсилія? Есть ли въ природѣ зрѣлище, которое возбуждало бы болѣе презрѣнія и даже справедливаго негодованія, нежели зрѣлище безспльнаго человѣка, который сидитъ, ходитъ, ѣстъ и вообще производитъ всякія отправленія, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ не гадина, а человѣкъ, имѣющій право дышать воздухомъ и пользоваться лучами солнца!

— Представьте себѣ, вѣдь еще вздумалъ упираться, гадина! говорилъ мнѣ однажды нѣкоторый молодой хищникъ, разсказывая исторію своей расправы съ какою-то очень ничтожною и безотвѣтною козявкою:—мы его, знаете ли, и за волосы, и въ загорбокъ — такъ нѣтъ! корячиться вздумалъ... клопъ постельный!

Я взглянулъ хищнику въ лицо, оно пылало такимъ искреннимъ негодованіемъ, что мнѣ сдѣлалось жутко.

— И онъ васъ очень больно укусилъ... этотъ клопъ? спросилъ я не безъ волненія.

— Кто укусилъ? кого укусилъ? кто вамъ говоритъ, что уку-

силъ? напустился онъ на меня:—развѣ эта мерзость кусаетъ? ее нужно истреблять... потому... потому...

Онъ не могъ докончить, потому что негодованіе сковывало его мысль, сдавливало горло и задерживало тамъ приличныя случаю выраженія.

А говорятъ, что крѣпостничество умерло и погребено. Какимъ же именемъ слѣдуетъ назвать явленія, только что нами описанныя и несомнѣнно существующія?

Это именно самый любопытный моментъ въ исторіи развитія хищничества, тотъ моментъ, когда оно не только наступаетъ, но и сантиментальничаетъ, то-есть поставляетъ на видъ свои добродѣтели.

Еслибъ кто-нибудь написалъ книгу: «избранные анекдоты изъ жизни Картуша», и разсказалъ бы въ ней, какъ этотъ знаменитый мужъ, обокравъ нѣкотораго субъекта, нетолько не извинился передъ нимъ, но даже разсердился за то, что тотъ не поблагодарилъ его — всякій, конечно, назвалъ бы такой разсказъ небылицею. Картушъ не могъ заявлять подобныхъ претензій уже потому одному, что у него не было для того лишняго времени. Что нибудь одно: или платки воровать, или пускаться въ сердечныя изліянія.

Но если я разскажу нѣчто подобное о современномъ хищничествѣ, то нетолько не буду въ противорѣчіи съ истиной, но, напротивъ того, констатирую одну изъ самыхъ существенныхъ чертъ этого интереснаго явленія.

Хищничество идетъ дальше какого-нибудь презрѣннаго Картуша; оно грабитъ, разоряетъ и уязвляетъ, и въ то же время находитъ справедливымъ, чтобы въ уязвляемомъ субъектѣ играло сердце. Оно любитъ видѣть лица довольныя, и ежели факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности.

Оно смотритъ на свои подвиги, какъ на «науку». Этотъ взглядъ есть также несомнѣнное и прямое наслѣдіе крѣпостнаго права. Мы всѣ помнимъ, какъ сѣкли и истязали, и вслѣдъ затѣмъ заставляли цаловать истязующую руку. Это называлось «благодарить за науку». Благодарящій обязывался имѣть видъ бодрый и напредки готовый, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, онъ рисковалъ возбудить вопросъ: «эге, братъ! да ты, кажется, недоволенъ!» Опаснѣе этого вопроса ничего не могло предстоять, ибо съ той минуты, какъ онъ возникалъ, обвиняемый навсегда поступалъ въ разрядъ нераскаянныхъ и неисправимыхъ.

Что̀ такое нераскаянность?—нераскаянность есть то самое состояніе человѣческаго сердца, въ которомъ находится, напримѣръ, лакей, невычистившій барскихъ сапоговъ, и нечувствующій при этомъ угрызенія совѣсти.

Повтореніе или рядъ такого рода нераскаянностей составляетъ то, что́ мы называемъ неисправимостью.

Въ бывалыя времена, если нераскаянность и неисправимость свивали себѣ гнѣздо въ сердцѣ меньшаго брата, то это неизбѣжно доводило сего послѣдняго или до ссылки въ Сибирь, или до отдачи въ солдаты. Иногда, впрочемъ, нераскаянныхъ отдавали въ пудретное заведеніе.

— Не то, сударь, больно, что сапоги третій день стоятъ нечищенные! важно ожесточеніе, важна нераскаянность!

Такого рода прибаутками отшучивались мы, въ былыя времена, когда дѣлали распоряженіе объ исправленіи меньшаго брата на конюшнѣ, и желали придать этому распоряженію нѣкоторый лоскъ законности.

Бываютъ минуты въ жизни обществъ, когда особенно много является нераскаянныхъ. Однимъ изъ такихъ моментовъ были мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе упраздненію крѣпостнаго права. Въ это достопамятное время, нераскаянныхъ толпами приводили въ губернскія правленія и рекрутскія присутствія; пудретныя заведенія тоже были переполнены. И еслибъ правительство не приняло мѣръ, то легко можетъ статься, что вся Россія попала бы въ разрядъ нераскаянныхъ.

— За что ихъ ссылаютъ? спрашиваешь, бывало, какого-нибудь довѣреннаго холопа, пригнавшаго въ городъ цѣлую деревню нераскаянныхъ (въ то время, «нераскаянный» меньшій братъ пригонялся вмѣстѣ со всѣми нераскаянными домочадцами и даже съ нераскаянными грудными младенцами; на мѣстѣ оставлялось только нераскаянное имущество, то-есть дома и скотъ меньшихъ братьевъ).

— За ихнюю нераскаянность-съ... Потому, значитъ, помѣщикъ имъ добра желаютъ-съ, а они этого понять не хотятъ.

— Что́ же, однако, они сдѣлали?

— Сѣкли ихъ, значитъ... ну, а они, замѣсто того, чтобъ благодарить за науку, совершенно, значитъ, никакого чувствія...

Это было послѣднее слово крѣпостнаго хищничества. Получай въ зубы, и да величитъ душа твоя. Это же послѣднее слово и хищничества современнаго.

Я мало чему удивляюсь, мало отъ чего прихожу въ негодованіе. Когда, на моихъ глазахъ, изъ моего ближняго выпускается извѣстная порція сока, зрѣлище это не производитъ во мнѣ нервной дрожи, но только заставляетъ зажмурить глаза и поскорѣе пройти мимо. Я слишкомъ хорошо затвердилъ изрѣченія: «не ваше дѣло» и «васъ никто не спрашиваетъ», чтобъ не принять ихъ къ непремѣнному руководству и исполненію. Но, признаюсь, ученіе, въ силу котораго истязуемый субъектъ обязывается нетолько съ кротостью принимать побои, но и производить по этому поводу благодарныя тѣлодвиженія, всегда поражало меня своею смѣлостью. Мнѣ кажется даже, что ежели въ основаніи его и

лежитъ извѣстная доля истины, то все-таки пропагандировать его слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе, ибо не всякій подобную истину можетъ вмѣстить.

Мнѣ очень часто случалось вести объ этомъ предметѣ очень поучительные разговоры съ людьми свѣдущими и опытными.

— Послушайте! говорилъ я: — какъ хотите, а я рѣшительно понять не могу, зачѣмъ вы требуете, чтобъ у меня сердце играло, когда вы производите надо мной опыты истребленія насѣкомыхъ? Я согласенъ, что вы имѣете за себя право хищничества— ну, и пользуйтесь имъ, какъ заблагоразсудите! Хлопайте, отравляйте, упраздняйте — но къ чему же нужна вамъ моя благодарность? что̀ можетъ прибавить къ вашему благополучію веселіе моего сердца?

— Гм... а понять, однако, не трудно!

— Растолкуйте, пожалуйста!

— И растолковать не трудно. Вы, можетъ быть, слышали, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется строптивостью? Это та самая, которую необходимо истребить. И только.

Да, и только. Если у васъ вынимаютъ изъ кармана платокъ, спѣшите показать вашему вору видъ, что вы очень счастливы; тогда, быть можетъ, онъ дастъ вамъ другой, похуже. Но Боже васъ сохрани придти въ негодованіе и закричать «караулъ!» — воръ непремѣнно на васъ разсердится и сниметъ съ васъ, за грубость, сюртукъ.

Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ думать, что эта требовательность хищничества нетолько излишня, но даже свидѣтельствуетъ о какой-то изнѣженности. Оскорблять человѣка, и въ то же время хотѣть, чтобъ онъ не оскорблялся—помилуйте! да вѣдь въ этомъ даже нѣтъ смысла, потому что тутъ одна половина предложенія явно противорѣчитъ другой. Только слишкомъ избалованный человѣкъ можетъ съ столь безумной отвагой предаваться подобнымъ капризамъ мысли; только слишкомъ забубенная и крѣпко выкованная голова можетъ ихъ выносить, не ощущая при томъ ни малѣйшаго безпокойства. Ужели же вы не чувствуете, о, хищники! что тутъ есть провалъ, что въ этомъ предложеніи потерянъ цѣлый членъ, отсутствіе котораго даже препятствуетъ образованію правильнаго силлогизма?

Или, быть можетъ, вы и чувствуете это, да говорите себѣ: ну, что жь, и пускай будетъ провалъ! чѣмъ больше безсмыслицы и проваловъ, тѣмъ меньше строптивости, тѣмъ менѣе разговоровъ!

Правильно.

Ты несомнѣнно ошибешься, читатель, ежели примѣнишь написанное выше къ той или другой общественной сферѣ, къ тому или другому общественному классу. Я совсѣмъ не Петровъ и Ивановъ имѣю въ виду, и даже не статскихъ и коллежскихъ

совѣтниковъ (хотя многіе изъ нихъ небезъинтересны), а вообще *весь* общій строй современной жизни, въ которомъ дѣйствующими лицами могутъ найтись и Петры, и Иваны, и статскіе, и всякіе другіе совѣтники. *Всю* общественную ниву заполонило хищничество, *всю* ее, вдоль и поперегъ, избороздило оно своимъ проклятымъ плугомъ. Нѣтъ уголка въ цѣломъ мірѣ, гдѣ не раздавались бы жалобы на упадокъ жизненнаго уровня, гдѣ не слышалось бы вопля: нѣтъ убѣжища отъ хищничества! нѣкуда скрыться отъ него! Головы несомнѣнно мѣдныя — и тѣ тронулись имъ, и тѣ поняли, что слабость презрѣнна, и что только сила, грубая, неразумная сила имѣетъ право на существованіе. Повсемѣстно идетъ чавканье и заглатыванье, а челюсти такъ торопливо работаютъ, что поневолѣ становится холодно. Невольно спрашиваешь себя: что же будетъ, когда хищники переѣдятъ всѣхъ слабыхъ и ни одного изъ нихъ не останется на лицо, чтобы отвѣтить на мучительные и всеминутные запросы ихъ плотоядности? какъ поступятъ они? станутъ ли рвать другъ друга за горло, или же сочтутъ свою миссію оконченною, и положатъ зубы на полку?

Вопросъ этотъ такъ заинтересовалъ меня, что я счелъ нелишнимъ предложить его на заключеніе глубокомысленному моему другу, Ѳединькѣ Козелкову.

— Какъ ты думаешь, другъ мой, спросилъ я его:—когда вы переѣдите всѣхъ мирно удобряющихъ землю обывателей, какъ поступите вы?

Ѳединька временно затруднился, однакожь, не отказался отъ разрѣшенія вопроса.

— Думаю, отвѣчалъ онъ:—что тогда мы начнемъ ѣсть другъ друга... потому что... ты понимаешь... безъ пищи...

— Позволь, однако, мой другъ! Знаю я, что безъ пищи неловко, но вѣдь вы и другъ друга, въ концѣ концовъ, поѣдите—что же тогда?

— Но вѣдь кто же нибудь да останется! разсудилъ онъ: — и я полагаю, что судьба этого оставшагося будетъ не изъ плохихъ...

— Глупенькій! да ты предположи, что этотъ оставшійся—ты! Что жь ты дѣлать будешь? вѣдь ты всѣхъ переѣшь, ты даже Деверію съѣшь — куда же ты дѣнешься?

Эта мысль видимо изумила Ѳединьку; въ его глазахъ блеснулъ почти лучь мысли. Опасность, которую я такъ неожиданно раскрывалъ передъ его умственнымъ взоромъ, расположила его сердце къ благодарности, такъ что онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился даже пожать лишній разъ мою руку (одинъ Богъ только знаетъ, какъ онъ разсчетливъ на эти пожатія!).

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ мнѣ:—догадка твоя весьма остроумна, и стоитъ того, чтобъ надъ ней поработать! Было бы болѣе, нежели прискорбно, еслибъ я... или кто нибудь другой (прибавилъ онъ скромною скороговоркой)... былъ вынуж-

день на такую печальную и радикальную мѣру, какъ... Онъ остановился, видимо затрудняясь.

— Какъ съѣсть Деверію? выразилъ я его мысль.

— Ну да... ты понимаешь... есть такіе предметы, по поводу которыхъ безъ боли нельзя даже приподнимать завѣсу будущаго!

Однако, онъ ее приподнялъ, эту завѣсу. Спустя нѣсколько дней, встрѣтившись со мною, онъ сказалъ:

— Знаешь ли, я много думалъ о томъ, что мы въ послѣдній разъ говорили съ тобой, и пришелъ къ такому результату: да, мы *должны* будемъ временно положить зубы на полку! И сверхъ того, прибавилъ онъ: — озаботиться объ умноженіи народонаселенія!

Какъ ни проста (почти даже глупа) форма, въ которой выразилась мысль Ѳединьки, я нашелъ, однакожь, что она нетолько справедлива, но даже обнаруживаетъ замѣчательную желудочную предусмотрительность. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, я счелъ необходимымъ нѣсколько испытать моего юнаго друга.

— Какъ, душа моя, ты находишь необходимымъ принять мѣры къ увеличенію народонаселенія? Но ежели результатомъ этихъ мѣръ будетъ распложеніе нигилистовъ?

— Все равно! нигилистовъ, коммунистовъ... даже сепаратистовъ! лишь бы было съѣдомое! Конечно, это самая трудная, можно сказать даже, почти невыполнимая сторона задачи, но если это нужно... если обстоятельства потребуютъ... если, наконецъ, законъ политической необходимости... я готовъ!

Рѣшимость, съ которою Ѳединька произнесъ эти слова, была такъ велика, что и меня заставила призадуматься. Повидимому, онъ былъ до того убѣжденъ, что даже посѣтовалъ на Каткова и Скарятина, которые, по словамъ его, дѣйствовали неблагоразумно и неразсчетливо, пропагандируя въ литературѣ мысль, что нигилистовъ слѣдуетъ вываривать изъ общества, какъ клоповъ изъ кроватей.

— Ты пойми, мой другъ, что все-таки они... дворяне! сказалъ онъ, многозначительно прикладывая палецъ къ губамъ.

И затѣмъ онъ подробно изложилъ мнѣ свой планъ. Планъ этотъ былъ хорошъ несомнѣнно: сперва наплодить нигилистовъ, потомъ съѣсть ихъ, потомъ опять наплодить — это до такой степени просто и ясно, что даже можетъ привести въ умиленіе. Но для того, чтобы осуществить этотъ планъ, все-таки необходима разсчетливость, а слѣдовательно, и контроль. Нужно опредѣлить заранѣе порцію каждаго дня, чтобы оскудѣніе въ нигилистахъ оставалось незамѣтнымъ, и чтобы масса съѣдобнаго матеріала пребывала всегда неизмѣнною. Для этого понадобятся нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія и даже точныя статистическія изслѣдованія. Уяснить точную цифру хищниковъ въ данной мѣстности и обезпечить для нихъ вполнѣ вѣрные источники продовольствія — дѣло нелегкое. Не нужно ли для этого при-

думать новое вѣдомство, или хоть канцелярію, или, по малой мѣрѣ, какое-нибудь ученое общество? Эти затрудненія я счелъ невозможнымъ скрыть отъ Ѳединьки, но онъ и тутъ успокоилъ меня, сказавъ, что возбудитъ этотъ важный вопросъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій географическаго общества.

Но, увы! не всѣ хищники на столько предусмотрительны, какъ Ѳединька. Большинство ихъ рѣшительно глотаетъ зря, полагая, вѣроятно, что запасъ нигилистовъ неистощимъ.

Дай Богъ. А все-таки какъ-то боязно. Что̀ если и въ самомъ дѣлѣ опасенія Ѳединьки оправдаются? Что̀ если наступитъ такая минута, когда на всемъ земномъ шарѣ останется только *одинъ* хищникъ самъ-другъ съ г-жею Деверіа?

Эта мысль наполняетъ мое сердце ужасомъ. Но не хочу обольщать себя: вопросъ, который она заключаетъ, есть во истину насущнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ.

Къ удивленію, онъ слишкомъ мало распространенъ въ обществѣ. Хищники, увлеченные успѣхомъ, какъ будто совсѣмъ и не думаютъ о будущемъ, и, играючи, срываютъ цвѣты удовольствія. Вездѣ, куда ни придите, вездѣ только и слышите растлѣнные разговоры о томъ, какъ достойна уваженія сила, и какъ презрѣнна и достойна поруганія слабость. И разговариваютъ такъ просто, какъ будто это дѣло совсѣмъ-совсѣмъ безспорное, и не видать ему конца края.

— Вотъ, батюшка, сила-то что̀ значитъ! говорятъ одни: — даже въ глазахъ силы бо̀льшей, силы несомнѣнной, она все-таки не перестаетъ быть силой! даже несомнѣнная сила — и та считаетъ нелишнимъ ее менажировать и договариваться съ нею!

— Взгляните, напримѣръ, на такого-то Икса! прибавляютъ другіе: — не проходитъ дня, чтобы онъ чего-нибудь не надебоширничалъ, однако, его не знаетъ ни полиція, ни мировой судъ! Почему-съ, смѣю васъ спросить? а просто потому, что это мужчина сильный и изъ себя видный! Взгляните, напротивъ того, на такого-то Зета! вотъ онъ и не дебоширничаетъ, даже по серединѣ тротуара никогда не пройдетъ, а все къ сторонкѣ жмется, а изъ части, да изъ суда не выходитъ! А отчего, спрашиваю я васъ? а все оттого, милостивые государи, что Зетъ видомъ жидокъ, и что, за такую его провинность, всякаго порядочнаго человѣка такъ и подмываетъ ковырнуть ему масла, ушибить полѣномъ, или сдѣлать всяческую другую непріятность!

Понятно, какія поученія выводятъ для себя ревнители хищничества изъ этихъ разсужденій. Сила, думаютъ они, одна успѣваетъ, а слѣдовательно, къ ней одной и тяготѣть надлежитъ. Отсюда, та громадная масса, которая постепенно скопляется

около всякаго хищника, и которая служитъ ему отчасти съѣдобнымъ матеріаломъ, отчасти орудіемъ для уловленія простодушныхъ и слабыхъ. Мало-по-малу, въ этой компактной толпѣ упраздняются понятія о добромъ и зломъ, о правомъ и неправомъ, о полезномъ и вредномъ. Что̀ такое долгъ? Что̀ такое право и правда? Какія отношенія человѣка къ обществу? Все это вопросы лишніе, пустые, созданные плѣнною мыслью идеологовъ только для затрудненія и отравы жизни. Хищничество, хищничество и хищничество — вотъ единственный свѣтящій маякъ жизни, вотъ единственный кодексъ, обязательный для современнаго человѣка; все остальное — хаосъ и смятеніе.

Міръ представляется чѣмъ-то въ родѣ громаднаго пирога съ начинкой, къ которому чѣмъ чаще подходишь закусывать, тѣмъ сытѣе будешь. Что̀ нужды, что виднѣется уже край пирога, что скоро, быть можетъ, на блюдѣ останутся одни объѣдки? Хищничество не любитъ ни обобщать, ни распространять положеній далѣе видимыхъ ихъ предѣловъ; ему нѣтъ дѣла ни до завтрашняго дня, ни до тѣхъ, которые придутъ послѣдними и не найдутъ на столѣ ни крупицы. Лишь бы мы были тучны и сыты, лишь бы наши утробы лопались отъ пресыщенія, о прочемъ мы не хотимъ и вспоминать, хотя бы оно завтра же погибло и обрушилось. Мы не хотимъ подумать даже о томъ, что мы сами можетъ обрушиться вмѣстѣ съ этимъ прочимъ. А, можетъ быть, какъ-нибудь да выкарабкаемся, утѣшаемъ мы себя.

Всѣ хищники таковы; всѣ они столь же непредусмотрительны, какъ и самые низшіе организмы, всѣ убѣждены, что лишь бы удалось украсть сто рублей, то этому капиталу и конца никогда не будетъ.

Обличить несостоятельность этого скуднаго взгляда; показать хищникамъ несовсѣмъ свѣтлую перспективу, которая ожидаетъ ихъ въ будущемъ — это во всякомъ случаѣ подвигъ достойный вниманія, и заслуживающій всяческаго сочувствія. Я не питаю особенной симпатіи къ хищничеству, какъ къ признаку извѣстнаго общественнаго настроенія, но каждый изъ хищниковъ, взятый въ отдѣльности, скорѣе возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе, нежели ненависть.

Что̀ такое ненависть? — это, во всякомъ случаѣ, чувство ненормальное, которое можетъ быть оправдано только какъ продуктъ временнаго стеченія такихъ условій, которыя дѣлаютъ существованіе въ ихъ средѣ человѣка особенно тяжкимъ. Мы ненавидимъ извѣстныя историческія положенія, забывая, что выраженіе: «историческое» уже снимаетъ съ нихъ всякое обвиненіе. Но еще менѣе имѣемъ мы право ненавидѣть отдѣльныя лица, принимающія участіе въ историческихъ положеніяхъ. Стало быть, не то ненавистно, что сильное заявляетъ право на существованіе, а то, что слабое считается имѣющимъ право только на погибель. Наименѣе симпатичная въ этомъ смыслѣ порода людей — это безспорно поро-

да хищниковъ; но и ее имѣемъ ли мы основаніе ненавидѣть?— нѣтъ, не имѣемъ, ибо всякій хищникъ, въ сущности, до такой степени глупъ, что онъ легко можетъ съѣсть самого себя — и не замѣтить этого. Совмѣстно ли съ справедливостью ненавидѣть этихъ жалкихъ людей? можно ли даже прилагать къ нимъ принципъ вмѣняемости?

Вотъ почему, я и не ненавижу, а только сожалѣю. Меня ужасаетъ эпоха, ужасаетъ историческое положеніе, въ которомъ погибаетъ столько живыхъ существъ... а въ томъ числѣ и хищниковъ. Да, я убѣжденъ, что и они подлежатъ закону естественнаго возмездія, что и они возвратятъ все взятое, заграбленное и заглотанное.

Нѣтъ положенія болѣе горькаго и неловкаго, какъ положеніе вчерашняго тріумфатора, переставшаго быть тріумфаторомъ нынѣшнимъ. Независимо отъ обязанности отдать (какъ говорится, до послѣдней полушки) отчетъ въ недавнихъ тріумфахъ, человѣкъ этотъ не можетъ не чувствовать себя оскорбленнымъ и оплеваннымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тріумфъ его былъ вполнѣ правильный, и тогда его положеніе не можетъ назваться легкимъ въ виду тѣхъ подозрѣній, которыя надъ нимъ тяготѣютъ. Правда, онъ можетъ современемъ очиститься отъ нихъ, и послѣ того опять предпринять какой-нибудь тріумфъ; но легче произнести это слово (очиститься), нежели добиться его осуществленія. Сколько разныхъ перипетій и случайностей скрывается за этимъ словомъ! сколько систематическихъ fins de non recevoir! И все это даже въ такомъ случаѣ, когда тріумфъ былъ вполнѣ законный. Судите послѣ этого, каково должно быть положеніе такого тріумфатора, котораго всѣ тріумфы состояли въ томъ, что онъ тогда-то столько-то укралъ, а тогда-то столько-то оглушилъ? О, это не дай Богъ какое положеніе!

Въ этихъ-то собственно видахъ я и обличаю; обличаю жалѣючи. Я не разъ выражалъ мнѣніе, что жизнь правильная, нормальная не терпитъ тріумфовъ, и что тріумфаторство вообще есть продуктъ натянутости и нестественности общественныхъ отношеній. Этого мнѣнія я держусь и теперь. Какъ только откажемся мы отъ легкихъ и даже трудныхъ тріумфовъ, такъ, вмѣсто призраковъ, выступитъ у насъ наружу дѣйствительное дѣло. И хищники исчезнутъ...

РУССКІЙ НИБУРЪ.

«Се ввергохомъ злато въ огонь, — и изліяся телецъ».

Знаете ли вы, читатель, что̀ такое гимнъ братьевъ Арвальскихъ и пѣснопѣнія жрецовъ Саліевъ? — Не знаете? Очень постыдно для васъ такое невѣжество. Ибо, по увѣренію профессора В. Модестова, о гимнахъ братьевъ Арвальскихъ и жрецовъ Саліевъ, хотя и по нѣскольку словъ, но все-таки имѣется во всѣхъ учебникахъ по исторіи римской литературы.

Но если вы, читатель, ничего не знаете о гимнѣ братьевъ Арвальскихъ и пѣснопѣніяхъ жрецовъ Саліевъ, то вы не можете имѣть уже ровно никакого представленія о томъ: 1) когда образовался латинскій алфавитъ: *до* или *по* основаніи римскаго государства; 2) была ли римская письменность въ періодъ царей?

Впрочемъ, этого и никто не знаетъ. Ни одинъ ученый — ни изъ англичанъ, ни изъ французовъ, ни изъ нѣмцевъ, по словамъ г. Модестова, нетолько не изслѣдовалъ, а даже не задавалъ себѣ подобнаго вопроса. А ужь кажется, можно ли найдти какой-нибудь вопросъ, изъ самыхъ даже абструзныхъ и ни для кого не нужныхъ, которымъ не занялся какой-нибудь нѣмецъ и не написалъ объ немъ изслѣдованія?

Высшими судьбами было рѣшено: этотъ обойденный, брошенный всѣми вопросъ найдти, поднять и разработать нашему ученому соотечественнику, профессору казанскаго университета В. Модестову. Онъ думалъ надъ нимъ «много лѣтъ» и «около трехъ лѣтъ» посвятилъ на написаніе по этому вопросу книги. — Книга эта, подъ названіемъ: «Римская письменность въ періодъ царей» содержитъ въ себѣ, по словамъ автора, всего 152 страницы.

Книга въ 152 страницы, надъ которою молодой ученый думалъ много лѣтъ и которую писалъ только три года!!! Какое золото, какой перлъ мудрости должна быть эта книга?

И она, по словамъ г. В. Модестова, дѣйствительно такова. Ибо для того только, чтобы понять и оцѣнить ее, нужно сидѣть

уже не «много лѣтъ» и «три года», сколько сидѣлъ самъ авторъ, а пожалуй, тридцать лѣтъ, — да и то еще успѣхъ будетъ сомнителенъ. По словамъ г. В. Модестова, его книга касается «самыхъ спеціальныхъ, темныхъ и запутанныхъ вопросовъ науки. Бо̀льшая часть этихъ вопросовъ—такого свойства, что требуютъ особеннаго спеціальнаго приготовленія для занятія ими даже и со стороны тѣхъ ученыхъ, которые имѣютъ уже основательное знакомство съ разработанными вопросами науки. Здѣсь требуется знаніе эпиграфики, палеографіи, умѣнье обращаться съ текстами нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ авторовъ, требуется высшее филологическое знаніе языка и его исторіи, и, наконецъ, требуется способность тонкой исторической и филологической комбинаціи». Самыя пособія, какія даетъ наука для рѣшенія вопросовъ, затронутыхъ книгою г. Модестова, достать трудно, да и понять не легко. Они находятся, говоритъ г. Модестовъ, или въ академическихъ изданіяхъ, или въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, или, наконецъ, въ такихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, чтеніе которыхъ возможно только для человѣка, уже не мало работавшаго.

Сообразивъ всѣ эти данныя, читатель не удивится тому, что г. В. Модестовъ находится въ благоговѣйномъ изумленіи предъ совершеннымъ имъ подвигомъ. И можетъ ли быть иначе? Русскій ученый вдругъ врывается въ самыя глухія и непроходимыя дебри римской археологіи, куда доселѣ находили безполезнымъ углубляться самые отчаянные и заклятые нѣмецкіе буквоѣды; онъ не довольствуется гимномъ братьевъ Арвальскихъ и жрецовъ Саліевъ, онъ пережевываетъ весь гнилой и никуда негодный хламъ римской исторіи, проводитъ надъ этимъ десятокъ, если не болѣе, лѣтъ, и, наконецъ, съ торжествомъ выноситъ убѣжденіе, что 1) * «латинскій алфавитъ образовался въ Лаціумѣ въ эпоху, предшествовавшую образованію римскаго государства, и 2) что въ періодъ царей въ Римѣ съ самаго начала его существовала письменность для государственныхъ и религіозныхъ цѣлей».

Какое великое пріобрѣтеніе для римской науки древностей! И пріобрѣтеніе это сдѣлано *самостоятельно* русскимъ ученымъ! *Какая слава, честь какая!*

Г. Модестовъ находится въ эмпиреяхъ отъ своего труда. Онъ убѣжденъ, что этотъ трудъ будетъ занимать собой вниманіе отдаленнаго потомства, и только оно — потомство—будетъ въ состояніи опредѣлить его мѣсто въ наукѣ. «Не знаю, говоритъ онъ, что̀ скажетъ въ послѣдствіи (!?) наука о моемъ сочиненіи

* Всѣ приведенныя въ сей статьѣ выдержки заимствованы изъ брошюрки: *Скептицизмъ въ римской исторіи*, соч. г. Модестова, съ приложеніемъ двухъ отвѣтовъ профессору Благовѣщенскому. Казань, 1869 г.

и можетъ, съ моей стороны, было большой смѣлостью взяться за изслѣдованіе такого предмета».

Что жь намъ дѣлать съ г. Модестовымъ?

Еслибы мы вздумали разочаровывать г. Модестова въ его сладкихъ мечтахъ и иллюзіяхъ, доказывать ему, что его самовосхищеніе собою безпричинно и забавно, то это было бы въ настоящее время только напрасною тратою времени. Мы увѣрены, что г. Модестову нужно, по крайней-мѣрѣ, столько же лѣтъ, сколько онъ изучалъ римскія древности, пить мягчительную воду озера Кабана, чтобы отрезвиться отъ своихъ увлеченій и понять всю безполезность и ничтожество своего ученаго труда.

Притомъ же мы такъ гуманны и въ особенности снисходительны къ юности, что намъ не хотѣлось бы мѣшать молодому профессору наслаждаться самимъ собою. Напротивъ, мы желали бы увеличить его самонаслажденіе, пощекотать его самолюбіе тѣмъ пріятнымъ щекотаніемъ, которое такъ любятъ маленькіе ученые, дѣлающіе открытія никому ненужныя и ни для кого неизвѣстныя. Къ сожалѣнію, мы нисколько не приготовлены къ тому, чтобы произвесть подобную манипуляцію. Мы незнакомы ни съ эпиграфикой, ни съ палеологіей, ни съ искусствомъ обращаться съ текстами нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ авторовъ и т. д. А безъ этихъ увеличительныхъ стеколъ филологіи микроскопическое открытіе г. Модестова, по словамъ его самого, не можетъ быть никѣмъ усмотрѣно. Мы даже не знаемъ въ Россіи людей, которыхъ мы могли бы пригласить усмотрѣть открытіе г. Модестова и восхвалить его по достоинству. Были, правда, у насъ два ученыхъ знатока римскихъ древностей, которыхъ мы бережно хранили на разные непредвидѣнные случаи, въ томъ числѣ и для того, чтобы открывать для русской публики сдѣланныя незримыя открытія въ римскихъ древностяхъ. Это профессоръ Крыловъ въ Москвѣ и профессоръ Благовѣщенскій въ Петербургѣ. Но съ того времени, какъ профессоръ Крыловъ провалился на ordo equestris и развѣнчанъ Байбородой въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ученая репутація его окончательно пала и доселѣ не могла быть возстановлена, несмотря на всѣ усилія самихъ уронившихъ эту репутацію снова поднять ее. Тѣмъ незыблемѣе утверждалась съ того времени ученая репутація г. Благовѣщенскаго. Его, который 25 лѣтъ украшалъ собою каѳедры римскихъ древностей сначала въ казанскомъ университетѣ, потомъ въ петербургскомъ, участвовалъ въ «Пропилеяхъ» гг. Каткова и Леонтьева, русская публика привыкла считать сколько безполезнымъ для русскаго просвѣщенія, столько же и глубокимъ знатокомъ древняго міра. Но г. Модестовъ браку етъ и разбиваетъ и этотъ послѣдній и единственный оплотъ и надежду нашей римской учености. Онъ, нимало не смущаясь, называетъ г. Благовѣщенскаго невѣждою и шарлатаномъ и говоритъ, что его ученость никогда не шла дальше знакомства съ популяр-

ными нѣмецкими книгами и предисловіями къ изданіямъ древнихъ авторовъ. Невѣжество г. Благовѣщенскаго дѣйствительно ужасно. Отстаивая чтеніе Моммзена, раздѣлявшаго въ гимнѣ братьевъ Арвальскихъ слово: *luerve* на два слова: *lue* и *rue*, г. Благовѣщенскій утверждаетъ, «будто эти слова въ *лапидарномъ памятникѣ очень ясно раздѣлены точкой*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ лапидарномъ памятникѣ не только ясной, но и никакой точки въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Ужь не во снѣ ли, — вопрошаетъ г. Модестовъ, — видѣлъ эту точку г. Благовѣщенскій?» (Послѣдняя, конечно, практическая замѣтка г. Модестова очень интересна для психіатровъ, имѣющихъ дѣло съ филологами). Но этою измышленною точкою далеко не исчерпывается невѣжество г. Благовѣщенскаго. Онъ, ординарный профессоръ римской словесности, отрицаетъ, — о ужасъ! — существованіе глагола *fuo*, тогда-какъ формы: *fuam, fuas, fuat* сохранились у Плавта, Теренція, Лукреція и Виргилія!! Мы совершенно согласны съ г. Модестовымъ относительно глубокаго невѣжества г. Благовѣщенскаго въ римскихъ древностяхъ.

Но если даже г. Благовѣщенскій,—сіе единственное свѣтило въ Россіи по наукѣ римскихъ древностей неспособенъ понять и оцѣнить г. Модестова, то спрашивается: для кого жь онъ, г. Модестовъ, совершалъ свой великій подвигъ? Для кого онъ бродилъ *одиноко* по доисторическому Лаціуму и рылся въ хламѣ эпохи царей, не щадя ни лучшихъ годовъ своей жизни, ни времени? Кто пойметъ и оцѣнитъ *въ Россіи* его великую жертву?

Мужики, на кровныя деньги которыхъ воспитывали г. Модестова, въ той пріятной надеждѣ, что онъ внесетъ хоть одну искру свѣта въ нашу темную среду, не поймутъ великаго открытія, сдѣланнаго г. Модестовымъ въ римской археологіи. И еслибы имъ растолковать, въ чемъ дѣло, то они только подивились бы, какіе ненужные люди приготовляются у насъ на послѣднія мірскія копейки.

Наша легкомысленная литература, служащая органомъ еще болѣе легкомысленнаго общества, даже ни разу не запнулась о существованіи великаго, ученаго, въ 152 страницы, творенія г. Модестова. И еслибы спросить ея откровеннаго мнѣнія объ этомъ твореніи и объ авторѣ его, то она, вѣроятно, единогласно бы сказала, что самый выборъ темы и многолѣтняя усидчивость надъ нею автора не показываютъ въ немъ ни широты, ни ясности ума; и что людей съ подобнымъ ограниченнымъ кругозоромъ въ наукѣ, чѣмъ они ученѣе, тѣмъ надобно дальше держать отъ университетовъ, чтобы въ Россіи, имѣющей и безъ того очень скудныя пособія для образованія, они не начинили головы учащагося юношества ни къ чему негоднымъ хламомъ.

Остаются единственные страдальцы — обязательные слушатели г. Модестова, которымъ суждено выстрадать на себѣ гуртомъ всю ученость его включительно съ его твореніемъ. Г. Моде-

стовъ хвалится, что и теперь его слушатели знаютъ больше, чѣмъ знаетъ профессоръ Благовѣщенскій, именно, что было время, когда греки писали отъ правой руки къ лѣвой. Но это что? Это только цвѣточки. Придетъ время, когда они узнаютъ всѣ точки на лапидарныхъ памятникахъ и будутъ грезить этими точками, подобно своему профессору, даже въ сонныхъ видѣніяхъ.

Сочувствуемъ печальной судьбѣ твоей, бѣдное русское юношество, но не можемъ ничѣмъ помочь тебѣ. Долго будутъ еще разные господа Модестовы начинять всякимъ хламомъ твои головы, и будешь ты въ свою очередь разносить этотъ хламъ изъ стѣнъ университетскихъ по другимъ учебнымъ заведеніямъ и забивать имъ самыя юныя поколѣнія. И долго еще русская земля будетъ ввергать свое золото въ наши храмы просвѣщенія только для того, чтобы потомъ—съ удивленіемъ видѣть, какъ вмѣсто ожидаемаго бога «изліяся телецъ».

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Имѣя въ виду, что публика въ теченіе года получила достаточное понятіе о настоящей редакціи «Отечественныхъ Записокъ», мы не сочли нужнымъ ни распространяться въ нашихъ объявленіяхъ о томъ, какъ мы будемъ дѣйствовать въ 1869 году, ни публиковать матеріалы, заготовленные нами для журнала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи приходится сдѣлать исключеніе для романовъ и статей переводныхъ, о которыхъ мы будемъ публиковать заранѣе, во избѣжаніе встрѣчъ въ выборѣ съ другими журналами. Такимъ образомъ, въ настоящее время переведены для «Отечественныхъ Записокъ» и будутъ скоро напечатаны:

УРІЭЛЬ-АКОСТА, трагедія Гуцкова, въ стихахъ, переводъ **П. И. Вейнберга.**

ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ, романъ Альфреда Мейснера.

ЭВАНГЕЛИНА, поэма Лонгфелло, перев. **П. И. Вейнберга.**

ОБЗОРЪ

РУКОВОДСТВЪ И КНИГЪ ДЛЯ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

1. Сочиненія по естественной исторіи.

b) *Книги для чтенія.*

Въ прошлой статьѣ («Отеч. Записки» 1868, № 5) мы разсматривали руководства, болѣе или менѣе доступныя большинству учащихся; мы не упоминали о книгахъ научнаго содержанія, каковы курсы химіи Одлинга, Кагура, Наке, Жерара, Шанселя, гистологія (ученіе о тканяхъ) Келликера, сравнительная анатомія Гекели, зоологія Бронна, и проч.*. Всѣ эти сочиненія переводныя. Въ самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ по разнымъ частямъ естествознанія у насъ также нѣтъ недостатка: всѣмъ извѣстны труды по физіологіи Сѣченова, по химіи — Менделѣева, по ботаникѣ — Бекетова, и проч. Не то замѣчаемъ относительно общедоступныхъ руководствъ и книгъ для чтенія. Болѣе всего вышло у насъ самостоятельныхъ руководствъ по физикѣ, такъ-какъ этотъ предметъ обширнѣе другихъ преподается въ школахъ. Въ настоящее время на множество переводныхъ руководствъ (въ нашемъ обозрѣніи мы еще опустили «Курсъ физики Ферне, пер. Фишеръ, съ 277-ю рис. въ текстѣ, М. 1867 г., ц. 2 р.»), мы можемъ указать изъ порядочныхъ русскихъ учебниковъ, назначенныхъ для гимназическаго курса, сочиненія фонъ-Бооля, Любимова и Краевича. Но курсъ фонъ-Бооля слишкомъ сложенъ и мало доступенъ по цѣнѣ (1866 года, 3 части, 4 р. 10 к.), а курсы Любимова и Краевича (Начальныя основанія физики, соч. Н. Любимова, проф. моск. унив., 1861 г., ц. 1 р. 50 к. Учебникъ физики Краевича, 2 части, 1866 г., ц. 3 р. 25 к. Основанія физики Краевича, 1867 г., ц. 1 р. 75 к.), нелишенные достоинства въ педагогическомъ отношеніи, все-таки не могутъ замѣнить болѣе примѣненныхъ къ требованіямъ большинства учащихся иностранныхъ курсовъ. Недостатокъ самостоятельныхъ трудовъ еще замѣтнѣе, когда мы обратимся къ книгамъ

* Просимъ исправить въ прошлой нашей статьѣ одну опечатку. Въ разборѣ физіологіи Русслорфа (№ 28) напечатано: «Ученіе Швапна» — надо читать: «ученіе Шваппа».

для чтенія, и это понятно при ничтожныхъ стремленіяхъ нашего общества къ самообразованію. Учебники пишутся для школы, примѣняются къ казенной программѣ; авторы ихъ могутъ разсчитывать на офиціальную поддержку. Поэтому, и для самаго плохаго учебника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть надежда на сбытъ. А многіе ли купятъ хорошую книгу изъ одной любви къ знанію? Многіе ли, прочитавъ два-три научно-популярныхъ сочиненія, не опочіютъ въ увѣренности, что пріобрѣли на всю жизнь достаточный запасъ познаній? Большинство родителей, при воспитаніи дѣтей, не хотятъ ничего знать далѣе предѣловъ школьной программы, и дѣти должны зубрить указанное руководство, хотя бы другимъ путемъ и скорѣе, и легче можно было достигнуть той же вожделѣнной цѣли: сбыть несчастный экзаменъ. Любопытно видѣть, въ какомъ отчаяніи и учащіеся и воспитатели тамъ, гдѣ книга не указана: кому случалось присутствовать на экзаменахъ, тотъ просто недоумѣваетъ, гдѣ на свѣтѣ существуютъ источники, изъ которыхъ въ этомъ случаѣ добываютъ свѣдѣнія! Съ другой стороны и школа, въ настоящемъ ея положеніи, не можетъ много содѣйствовать распространенію естественно-историческихъ знаній. Стоитъ просмотрѣть новѣйшія объявленія нашихъ книгопродавцевъ, и вы увидите, что книги въ родѣ латинской грамматики Кюнера (осьмымъ изданіемъ), занимаютъ въ нихъ наиболѣе видное мѣсто. Въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ естествознаніе играетъ какую-нибудь роль, пріобрѣтаютъ нѣсколько популярныхъ книгъ для библіотекъ, но этимъ и ограничивается весь расходъ. Тамъ, гдѣ всего естественнѣе было бы ожидать наибольшаго распространенія общепонятныхъ разсказовъ о природѣ и объ отношеніяхъ ея къ человѣку: въ сельскихъ и городскихъ школахъ для начальнаго образованія, въ дешевыхъ библіотекахъ для простаго народа и для ремесленныхъ классовъ, — тамъ менѣе всего замѣтна въ нихъ потребность, такъ-какъ, собственно говоря, ни правильно устроенныхъ школъ, ни библіотекъ не существуетъ: мы еще слишкомъ мало понимаемъ всю громадность зла, происходящую отъ невѣжества народа, которое должно усилиться съ каждымъ затрудненіемъ въ его экономическомъ положеніи. Говорить ли еще о стремленіи къ знанію въ нашемъ, такъ-называемомъ, образованномъ обществѣ? Лучшіе его представители слишкомъ бѣдны, слишкомъ заняты заботою о насущномъ хлѣбѣ; прочіе умудрились устроить жизнь свою такъ, что насущный хлѣбъ достается имъ безъ излишнихъ заботъ о знаніи, которое украшаетъ ихъ головы лишь какъ необходимая, приличная прическа (а иногда, съ лишеніемъ волосъ, и вовсе не украшаетъ). Разсчитывать ли, наконецъ, на тѣхъ любителей, богатыхъ праздполюбцевъ, которые такъ усердно слѣдуютъ модѣ? Къ сожалѣнію, мода на какое-нибудь полезное дѣло слишкомъ скоро проходитъ. Все это мы говоримъ къ тому, чтобы объяснить, отчего у насъ такъ мало самостоятельныхъ книгъ, назначенныхъ для общаго употребленія: въ нихъ, какъ

видно, еще очень слаба потребность. Но насъ спросятъ: какъ же объяснить богатство переводныхъ сочиненій по естествознанію? что на нихъ былъ значительный запросъ, доказывается усердіемъ такихъ издателей, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ безкорыстномъ стремленіи къ общественной пользѣ. Тутъ, какъ и въ остальномъ, мы видимъ характеристическую черту нашего общества, которое, въ увлеченіи новинкою, способно даже къ такому усилію, чтобы собрать въ своемъ запасѣ нѣсколько плодовъ чужой мысли, то-есть, способно къ скачку, послѣ котораго слѣдуетъ долгій отдыхъ и сонъ, — такой долгій, что, обыкновенно, бываютъ потеряны маленькіе результаты сдѣланнаго усилія, и опять приходится грести противъ теченія. Однако, такъ-какъ живому человѣку нельзя же вновь хоть на короткій срокъ не проснуться, то мы надѣемся, что, съ нѣкоторымъ оживленіемъ, наше общество обратитъ вниманіе на попытки, сдѣланныя для его самообразованія въ области науки, которая, несомнѣнно, развиваетъ трезвую мысль и пріучаетъ къ трезвой дѣятельности. Въ этой надеждѣ мы и рѣшаемся продолжать свой обзоръ естественно-историческихъ сочиненій.

Однако, прежде чѣмъ начать обзоръ, мы считаемъ полезнымъ упомянуть еще объ одномъ недавно вышедшемъ руководствѣ (уже послѣ того, какъ была напечатана наша первая статья):

Руководство къ систематическому изученію ботаники для школъ и самообученія, Августа Любена, директора учительской семинаріи въ Бременѣ. По четвертому изданію составилъ А. Бекетовъ, профессоръ ботаники при с.-петербургскомъ университетѣ. Съ многими рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ, 1868. Часть I, ц. 1 р. 50 к. (203 стран. мелкой печати).

Нашимъ читателямъ уже извѣстно имя г-на Бекетова, безспорно, одного изъ самыхъ видныхъ у насъ популяризаторовъ науки. Пользуясь нѣмецкими книгами по ботаникѣ, онъ отчасти примѣняетъ ихъ къ условіямъ нашей жизни; впрочемъ, во всемъ строго держится требованій чистой науки. Настоящее руководство значительно восполняетъ тотъ недостатокъ, о которомъ мы уже говорили при разборѣ руководствъ по ботаникѣ. Это вполнѣ элементарный курсъ, ведущій со строгой постепенностью отъ легкаго и нагляднаго къ болѣе трудному и сложному. Онъ распадается на 4 курса: въ первомъ находимъ описаніе отдѣльныхъ растеній, во второмъ тѣ же виды растеній сравниваются съ новыми для образованія родовъ. Тутъ же дается понятіе о семействѣ, о естественной и искусственной системѣ и приложенъ краткій обзоръ морфологіи растеній (о сѣмени и спорѣ, о всѣхъ частяхъ и органахъ растеній), которая изучается постепенно по мѣрѣ ознакомленія съ видами. Эти первыхъ два курса и составляютъ содержаніе вышедшей теперь части. Во второй части

(третій и четвертый курсъ) будутъ заключаться: описаніе естественныхъ семействъ съ объясненіемъ географическаго распредѣленія растеній и объясненіе внутренняго строенія растеній. Противъ педагогической основательности этой системы сказать нечего. Она можетъ показаться нѣсколько сложною тѣмъ, кто желалъ бы ознакомиться съ ботаникой въ возможно скорое время; но г-нъ Бекетовъ предлагаетъ продолжать ея изученіе, примѣрно, до 6-го класса гимназій, начиная съ 8, 9 лѣтъ до 14, 15-лѣтняго возраста. Въ 1-мъ курсѣ описано 41 растеніе изъ полевыхъ и садовыхъ, каковы: подснѣжникъ (galanthus nivalis), пахучая фіалка, курослѣпъ, терновникъ, баранчики и проч. — все сѣмянныя, съ крупными цвѣтами и плодами; при этомъ, дѣти постепенно получаютъ понятіе о луковицѣ, о придаточныхъ корняхъ, о влагалищномъ листѣ, о цвѣточномъ ложѣ, о травянистыхъ и деревянистыхъ растеніяхъ, о сѣмянодоляхъ, и т. д. Вездѣ обращено также вниманіе на числовыя отношенія между тычинками, пестиками и другими частями растенія; сходныя растенія сравниваются между собою. Второй курсъ обнимаетъ 48 родовъ, для образованія которыхъ сравниваются лишь немногіе виды, напримѣръ, въ родѣ «фіалка»: душистая фіалка и анютины глазки, въ родѣ «сливняки»: деренъ (терновникъ), настоящая слива, простая вишня, черемуха. Изученіе такого числа видовъ и родовъ на живыхъ растеніяхъ, впродолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, конечно, не составитъ для дѣтей большаго затрудненія. Во введеніи, авторъ объясняетъ цѣль, объемъ изучаемаго предмета, говоритъ о выборѣ матеріала и о самомъ его распредѣленіи. Главною цѣлью служитъ: знакомя съ разнообразіемъ и единствомъ растительнаго міра, пріучить къ наблюденію, къ правильному мышленію, къ самодѣятельности. На видъ особенно выставлена формальная цѣль обученія, и г-нъ Бекетовъ возстаетъ противъ безплоднаго обремененія памяти учащихся, такъ-называемыми, полезными, прикладными свѣдѣніями. Онъ допускаетъ сообщеніе прикладныхъ свѣдѣній не какъ цѣль, а какъ одно изъ средствъ для наглядныхъ объясненій. Все это въ извѣстномъ отношеніи справедливо; но, намъ кажется, съ самаго начала можно бы больше обратить вниманія на эту сторону наглядnаго обученія, то-есть, на отношеніе растительнаго міра къ жизни животныхъ и человѣка. Примѣръ, приведенный г-номъ Бекетовымъ, — что у насъ доктора, живя на Кавказѣ, выписываютъ изъ-за границы травы, растущія около нихъ и обладающія несравненно бо̀льшими цѣлебными свойствами, — можно объяснить также, какъ послѣдствіе нашего чисто-теоретическаго изученія науки, при которомъ мы вовсе не пріучаемся думать о ея примѣненіи къ жизни. Кончивъ школьный курсъ, мы, по мѣрѣ нужды, усвоиваемъ безсвязныя практическія свѣдѣнія, и такимъ образомъ, теорія у насъ не имѣетъ ничего общаго съ практикой. Болѣе подробныя описанія пользы, приносимой растеніями, могли бы значительно оживить преподаваніе: безъ этого однообразное

изученіе формъ, хотя и ведущее къ познанію законовъ ихъ развитія, можетъ показаться утомительнымъ. О пользѣ же растеній въ разбираемомъ руководствѣ упоминается кратко и отрывочно. Приведемъ примѣръ: «Настой изъ цвѣтовъ терновника считается кровоочистительнымъ средствомъ, изъ плодовъ можно дѣлать уксусъ. Они даютъ также черную краску, а вѣтвистые стволы употребляются въ соловаренныхъ заводахъ, при сгущеніи и очищеніи соли». Какъ воспользуется преподаватель подобными свѣдѣніями? Не послужатъ ли они лишь матеріаломъ для долбленія? По нашему мнѣнію, лучше было бы нѣсколько сократить первоначальный курсъ, а вмѣсто этихъ замѣтокъ приложить небольшую христоматію, гдѣ заключались бы живыя статейки о связи растительнаго міра съ животнымъ, — о характерѣ, какой то или другое растеніе придаетъ мѣстности, — о сельскихъ занятіяхъ и промыслахъ, въ которыхъ главную роль играетъ извѣстное растеніе, объ употребленіи знакомыхъ учащимся растеній въ медицинѣ, и проч. Тутъ преподаватель имѣлъ бы, по крайней-мѣрѣ, образецъ того, что́ дѣлать съ наглядными объясненіями такого рода. Не столько важно знать о пользѣ каждаго растенія, сколько имѣть объ этой пользѣ отчетливое понятіе: въ приведенномъ нами примѣрѣ, иной преподаватель и не догадается, какъ могутъ стволы терновника служить къ сгущенію и очищенію соли?

Переходя къ разбору книгъ для чтенія, мы затрудняемся, какой дать порядокъ нашему изложенію. Дѣлить ихъ по отраслямъ науки невозможно, потому что многія книги заключаютъ разсказы изъ разныхъ отраслей естествознанія; мы думаемъ начать съ болѣе легкихъ и популярныхъ, болѣе примѣненныхъ къ чтенію въ среднемъ возрастѣ (для низшаго возраста у насъ хорошихъ книгъ не существуетъ) и постепенно переходить къ болѣе труднымъ и серьёзнымъ. Тутъ, конечно, также не можетъ быть строгой послѣдовательности: иныя изъ чисто научныхъ сочиненій могутъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ чрезвычайно популярны, популярнѣе даже многихъ дѣтскихъ книгъ. Вообще, мы постараемся указать, гдѣ родителямъ или наставникамъ находить тотъ или другой матеріалъ для объясненій, смотря по возрасту ихъ питомцевъ: чего-либо вполнѣ обработаннаго въ этомъ матералѣ, согласно съ требованіями нашей жизни, найти довольно трудно. Въ разсказахъ по естествознанію, мы сталкиваемся съ географическими описаніями изъ быта народовъ: намъ приходится разсматривать нѣкоторыя изъ этихъ описаній рядомъ съ книгами тѣхъ же авторовъ, заключающими разсказы о природѣ данной мѣстности. Сюда мы присоединяемъ и нѣкоторыя изъ путешествій, имѣющихъ болѣе естественно-историческій интересъ. Полъ

конецъ мы представимъ книги нѣсколько болѣе спеціальнаго характера или рѣшающія общіе вопросы по естествознанію.

1. Первые разсказы изъ естественной исторіи *Германа Вагнера*. Пер. *В. Висковатовъ*, 1867. Ц. 1 р. (154 стр. въ 16-ю д. л.).

2. Изъ природы. Разсказы для дѣтей по *Герману Вагнеру*. Изд. переводчицъ, 1864—1865. Ц. 1 р. 25. (3 части: въ 1-й— 163, во 2-й — 193, въ 3-й — 188 стр. въ 16-ю д. л.).

3. Путешествіе по комнатѣ *Г. Вагнера*. Изд. *М. О. Вольфа*, 1863. Ц. 1 р. 50 к. (176 стр.).

4. Путешествіе по дому и двору *Г. Вагнера*. Изд. *М. О. Вольфа*, 1863. Ц. 1 р. 50 к. (220 стр.).

Г. Вагнеръ извѣстенъ въ Германіи, какъ одинъ изъ лучшихъ разскащиковъ для дѣтей. Его искусство состоитъ въ умѣньи живо выставить какую-нибудь характерную сторону въ естественныхъ предметахъ, указывающую на дѣятельную силу природы; онъ, посредствомъ удачныхъ сближеній, вездѣ даетъ понять, какъ великое совершается въ маломъ, какъ простыми средствами природа достигаетъ важныхъ результатовъ, какъ глубокій законъ ея, производящій громадныя перемѣны на земномъ шарѣ, выражается и въ мелкихъ, обыденныхъ явленіяхъ, мимо которыхъ мы проходимъ безъ всякаго вниманія. Такъ Вагнеръ осмысливаетъ каждый окружающій насъ предметъ. Кромѣ того, его разсказы живо знакомятъ насъ съ вредомъ и пользою, которые доставляютъ естественные предметы, съ ихъ употребленіемъ, обработкою, съ нѣкоторыми промыслами и проч. Онъ заботливо также связываетъ отдѣльныя явленія въ цѣльныя картины, представляя взаимное отношеніе между ископаемымъ царствомъ и растительнымъ, между растительнымъ и животнымъ. Содержаніе статей такимъ образомъ очень разнообразно, и мѣстами черезчуръ сложно; авторъ, не затрудняясь, беретъ факты изъ всѣхъ областей естествознанія, изъ близкой и чуждой намъ природы, если въ нихъ встрѣчается что-нибудь характерное. Слѣдовательно, его характеристики могутъ служить съ пользою лишь нѣсколько развитымъ и подготовленнымъ дѣтямъ; у насъ взрослые могли бы найти въ нихъ еще больше поученія, чѣмъ дѣти. Впрочемъ, изъ нихъ легко сдѣлать выборъ и для дѣтей перваго возраста; только здѣсь первое условіе въ томъ, чтобы учащіеся напередъ сами наблюдали то, о чемъ прочтутъ: наставники должны предварительно объяснить имъ по живымъ предметамъ содержаніе разсказа. Этой возможностью найти близко предметъ для наблюденія опредѣляется и выборъ, и кромѣ того, здѣсь слѣдуетъ брать во вниманіе простоту содержанія. Главный недостатокъ многихъ статей, въ которомъ Вагнеръ не виноватъ, заключается въ томъ,

что въ нихъ выбраны предметы изъ германской природы и жизни, — растенія и животныя, которыя очень обыкновенны въ Германіи. Другимъ недостаткомъ служитъ искусственность нѣкоторыхъ характеристикъ, происходящая отъ сантиментальнаго отношенія къ явленіямъ природы, какое вообще встрѣчаемъ въ нѣмецкихъ дѣтскихъ книжкахъ. Разсказывая, напримѣръ, какъ паръ замѣнилъ ѣзду на лошадяхъ, Вагнеръ рисуетъ картину жалкаго положенія лошадей, когда онѣ однѣ должны были таскать тяжести, какъ будто желѣзныя дороги строились именно съ цѣлію облегчить лошадиную участь. (Изъ природы, часть II, стр. 110). Впрочемъ, при богатствѣ и занимательности содержанія, этотъ способъ оживлять предметъ мало вредитъ автору. Чтобы показать манеру его описаній, приведемъ небольшой отрывокъ. Ключъ, вырываясь изъ горы, шумитъ и болтаетъ безъ умолку; капельки воды, одна за другою, разсказываютъ свою исторію: «Мы носили корабли на морѣ, — мы напоили томящагося жаждой и спасли ему жизнь, мы приводили въ движеніе мельничныя колеса, мы двигали паровыя машины, — мы были сладкимъ сокомъ въ вишнякъ, — мы прекраснымъ виномъ, мы лекарствомъ, — мы ядомъ, — мы молокомъ!» Вотъ чистая капелька повисла у меня на концѣ пальца. «Я была когда-то слезой!» прошептала она, а другая говорила ей въ слѣдъ: «я была когда-то каплей пота!» третья дерзко утверждала: «я была уже разъ въ твоемъ сердцѣ — теплой каплей крови; я вышла вмѣстѣ съ выдыхаемымъ тобою воздухомъ: это было зимой, и ты могъ меня замѣтить въ видѣ бѣлаго пара; затѣмъ, попала я въ облако, и наконецъ, сюда». — «Скажите-ка мнѣ лучше», сталъ я опять спрашивать: «что́ вы видѣли въ горѣ, что̀ тамъ новенькаго?» — и капли начинаютъ свой разсказъ про горныя породы. Мы уже здѣсь видимъ, какъ необходимо, чтобы наставникъ помогалъ объясненіями при чтеніи Вагнера: онъ писалъ для болѣе подготовленныхъ дѣтей, чѣмъ наши.

Подробно разбирать въ отдѣльности каждую изъ названныхъ нами книгъ мы не имѣемъ возможности; но должны хотя кратко познакомить родителей съ ихъ содержаніемъ. «Первые разсказы» заключаютъ очень много описаній изъ міра насѣкомыхъ и вообще низшихъ животныхъ; сюда относятся статьи: «Два домика въ лѣсу» (личинка на горицвѣтѣ и буковая орѣхотворка), «Войско жуковъ», «Воздушный домикъ въ водѣ» (коконъ водянаго паука), «Божья коровка», «Сверчокъ», «Моль», «Майская букашка», «Муха», «Зимняя бабочка», «Каракатица», «Ракъ-краббъ» и проч. О другихъ животныхъ узнаемъ въ статьяхъ: «Птицы ремесленники», «Куда улетаютъ ласточки?», «О большой птицѣ страусѣ», «Какъ ѣдятъ различныя животныя», «О хитрой лисицѣ», «О дикомъ слонѣ», «Дикія собаки», «Храбрый ёжъ», «Гадюка», «Селедка» и проч. Есть также довольно статей, сообщающихъ полезныя свѣдѣнія: о томъ, откуда добываются кисти для красокъ, о стали и кремнѣ, о употребленіи

конскаго волоса, о томъ, что можно сдѣлать изъ глины, о добываніи краски сепіи изъ каракатицы. Наконецъ, нѣкоторыя физическія явленія объяснены въ статьяхъ: «Отчего мыльные пузыри летятъ вверхъ?» «Пылинка» (изъ чего состоятъ пылинки), «Сургучъ» (дѣйствіе электричества и добываніе сургуча). Всего статей до 60. Уже изъ нашего перечня видно, что сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія могутъ служить скорѣе дополненіемъ при элементарномъ объясненіи предметовъ изъ естественной исторіи. Мы не думаемъ, чтобы, напримѣръ, полезно было знать «о дикой собакѣ», прежде чѣмъ ребенокъ получитъ ясное понятіе о домашней; о бѣломъ медвѣдѣ только и разсказано, какъ эскимосы убиваютъ его съ помощью китоваго уса; въ разсказѣ «Раковина и орелъ» мы читаемъ, какъ большая раковина, захлопнувъ створки, поймала и утопила орла, когда онъ запустилъ внутрь ея свои когти. Разсказы «Войско жуковъ» (гдѣ жуки сравниваются съ пѣхотинцами, съ уланами, съ піонерами), «Птицы-ремесленники» черезчуръ многосложны: тутъ кратко упоминается о множествѣ животныхъ, которыхъ наблюдать врядъли удастся ребенку; наблюденія надъ многими изъ насѣкомыхъ вообще затруднительны въ первомъ возрастѣ. Однако, и въ тѣхъ разсказахъ, которые окажутся еще не по силамъ дѣтямъ, наставники найдутъ прекрасный примѣръ, какъ объяснять самый смыслъ явленій. Между прочимъ, очень просто и наглядно объяснено, какъ муха сидитъ на потолкѣ (примѣры: высосать воздухъ изъ наперстка, чтобы онъ присталъ къ рукѣ; приложить къ рукѣ мокрую кожицу и тянуть ее за ниточку); въ разсказѣ «Кошка и клеверъ» живо представлена связь между растительнымъ и животнымъ царствомъ: шмели, добывая сокъ изъ трубочекъ клевера, способствуютъ его оплодотворенію; но полевыя мыши разоряютъ шмелиныя гнѣзда, мышей же истребляютъ кошки; такимъ образомъ, кошки, истребляя мышей, содѣйствуютъ размноженію шмелей, а слѣдовательно и лучшему росту клевера. Образцомъ разсказа служитъ еще, какъ божья коровка спасаетъ у мальчика кустъ розана отъ травяныхъ вшей (Божья коровка-садовникъ), и проч.

Разсказы подъ названіемъ «Изъ природы» заключаютъ гораздо болѣе статей, доступныхъ первому возрасту. Тутъ описаны изъ растеній: фіалка, крапива, одуванчикъ, роза, лилія, ароидникъ, черника, мохъ, береза, ель, ива, дубъ, морковь, лепъ, макъ, ячмень; изъ животныхъ: улитка, тля, паукъ, могильщикъ, дождевой червь, орѣховый червь, ужъ, лягушка, лосось, летучая мышь, кукушка, дятелъ, крачка, тушканчикъ, кротъ; изъ другихъ предметовъ природы и изъ производствъ: известнякъ, песчинка, гранитъ, мѣлъ и раковистый известнякъ; уголь, селитра и сѣра; каменный уголь, фарфоровая глина, аспидная доска и грифель, желѣзо, мѣдь, соль, зола, шелкъ; солнце, вечерняя звѣзда, теплота, молнія и громъ, солнечный лучь, ключь, дождевая капля, зажигательная спичка. Мы находимъ здѣсь уже

больше предметовъ по царству растительному, ископаемому и по физикѣ; по выборъ ихъ случайный, мало приспособленный къ постепенному знакомству съ природою. Разсказы отличаются той же живостью: въ статьѣ о льнѣ обстоятельно описано приготовленіе нитокъ и холста; разсказъ о шелкѣ авторъ начинаетъ съ того, что шелковое платье состоитъ изъ земли, воздуха и воды и сначала дѣлается съ помощью двухъ маленькихъ зернышекъ (сѣмя тутоваго дерева и яичко шелковичной самки); по поводу песчинки, разсказано о каменоломнѣ, о мельничныхъ жерновахъ, о страшныхъ для кораблей песчаныхъ отмеляхъ, о знойныхъ степяхъ, о приготовленіи стекла; описаніе ели знакомитъ съ приготовленіемъ дегтя, смолы, канифоли, скипидара; въ разсказѣ «Солнечный лучь» дано общее понятіе о камеръ-обскурѣ и фотографіи и проч. Слишкомъ сложные, или трудные по содержанію разсказы (какъ, напримѣръ, «Зажигательная спичка, Каменный уголь, Молнія и громъ»), конечно, могутъ быть прочитаны лишь съ дѣтьми, болѣе развитыми.

Остальныя двѣ книги особенно замѣчательны по мысли и наиболѣе характеризуютъ направленіе Вагнера: предметы, ежедневно встрѣчаемые въ комнатѣ и на дворѣ, даютъ ему случай къ объясненію многихъ всеобщихъ явленій природы. Такъ осмыслить обыденные предметы — дѣло прекрасное; но спрашивается, что́ выбрать? Въ комнатѣ и на дворѣ, около насъ, могутъ быть предметы, простые только на видъ, но въ сущности менѣе доступные пониманію, чѣмъ тѣ, какіе встрѣчаемъ гдѣнибудь въ полѣ, въ лѣсу. Нужно ли подробно объяснять ихъ, потому только, что они чаще на глазахъ? Собственный тактъ наставниковъ пусть рѣшаетъ, на сколько предметъ можетъ быть объясненъ на той или другой степени дѣтскаго развитія, безъ праздnаго обремененія дѣтской памяти; что касается Вагнера, то многія изъ его статей въ указанныхъ книгахъ необходимо заключаютъ слишкомъ поверхностное толкованіе многихъ сложныхъ явленій. Въ книгѣ «Путешествіе по комнатѣ» особенно хороши статьи: о вѣтрѣ въ комнатѣ, о погодѣ въ комнатѣ, о комнатныхъ печахъ, о комнатныхъ краскахъ и обояхъ, о строительныхъ матеріалахъ и извести, о пыли и комнатномъ воздухѣ, о свѣтѣ и тѣни. Авторъ очень удачно по теченію воздуха, происходящаго зимою между затопленною печью и замерзшимъ окномъ, характеризуетъ теченіе вѣтровъ и измѣненія климата на всемъ земномъ шарѣ; онъ объясняетъ значеніе печи, говоритъ о способахъ добыванія огня, о горючихъ матеріалахъ, о томъ, что́ такое дымъ, зола, сажа, какія условія нагрѣванія; далѣе мы узнаемъ, какъ приготовляются и чѣмъ важны кирпичи и известь въ постройкѣ дома, какъ добываютъ бѣлую, черную, красную, синюю краски для стѣнъ и для обоевъ, приготовленіе обыкновенныхъ, атласныхъ, суконныхъ, клеенчатыхъ обоевъ; изъ чего состоитъ пыль и воздухъ, значеніе воздуха и свѣта для здоровья, образованіе призматическихъ цвѣ-

товъ, способы освѣщенія — обо всемъ этомъ разсказано, хотя и кратко, но довольно толково. Къ довольно легкимъ статьямъ принадлежатъ также: «Жизнь комнатныхъ мухъ, Канарейка, Мышь, Домашняя кошка». Статья «Дерево и его происхожденіе» требуетъ уже болѣе предварительныхъ свѣдѣній: тутъ говорится о клѣточкахъ и о сосудахъ дерева, о столярномъ искусствѣ и даже о верченіи столовъ. Полезны также свѣдѣнія объ уходѣ за комнатными растеніями, объ устройствѣ акваріума, — полезны для взрослыхъ, которые съумѣютъ объяснить это дѣтямъ (статьи: «Комнатныя растенія, Акваріумъ»). Но какъ воспользоваться статьями о растеніяхъ, растущихъ въ комнатѣ въ дикомъ состояніи, о комнатныхъ насѣкомыхъ, затруднятся и взрослые: тутъ кратко описано водорослей, грибовъ, плѣсеней до 40 видовъ — червей, жуковъ, жучковъ, гусеницъ, молей, тараканова и того больше. Сохрани Богъ, еслибы такое обиліе предметовъ этого рода представлялось наблюденію ребёнка въ его комнатѣ! Наставники, конечно, сохранятъ похвальную умѣренность въ толкованіи о нихъ дѣтямъ перваго возраста, хотя съ другой стороны міръ низшихъ растеній и животныхъ представляетъ въ настоящее время самый любопытный матеріалъ для наблюденій. Книга «Путешествіе по дому и двору» еще богаче содержаніемъ: въ ней 24 статьи; изъ болѣе простыхъ предметовъ здѣсь описаны: крысы, собака, обыкновенная лягушка, летучая мышь, домашніе голуби (ихъ виды, устройство голубятни, высиживаніе птенцовъ), говорящія птицы (скворецъ, черный воронъ, галка, сорока), домашнія куры (виды, мало встрѣчаемые въ Россіи), ласточка, воробей, паукъ въ углу, камни (кремень, кварцъ, песчаникъ, известнякъ, полевой шпатъ, добываніе фарфора, стекла, образованіе туфа, садовая земля). Труднѣе и сложнѣе описанія растеній, встрѣчаемыхъ на крышахъ, въ погребахъ, украшающихъ садовыя бесѣдки, садовыхъ травъ и насѣкомыхъ и проч. Вообще и здѣсь замѣтно у Вагнера желаніе описать какъ можно болѣе предметовъ, иногда въ ущербъ ясности и наглядности описанія; но его разсказы драгоцѣнны тѣмъ, что въ нихъ всегда находимъ множество существенно необходимыхъ, полезныхъ свѣдѣній. Здѣсь мы узнаемъ, какъ строятъ дома у разныхъ народовъ, какое значеніе имѣетъ громовой отводъ, какъ приготовляютъ черепицу для кровель, какъ собирать и сушить растенія, какъ добываютъ воду въ сухихъ мѣстностяхъ (Колодезь), узнаемъ о прививкѣ растеній (Фруктовый садъ), о температурѣ и газахъ въ погребѣ (Погребъ), о физическихъ явленіяхъ въ кухнѣ (Кухня и кладовая). Совѣтуемъ читателю обратить особенное вниманіе на статью «Соръ и нечистота въ домѣ». Тутъ Вагнеръ живо излагаетъ, какъ идутъ въ дѣло самые негодные предметы: кости служатъ для черенковъ, для нѣкоторыхъ инструментовъ, для добыванія голландской сажи, фосфора; обрѣзки кожи полезны для клееваровъ, изъ рыбьей шелухи приготовляютъ родъ жемчуга, клочки шерсти чистятъ и снова прядутъ на пальто и т. д.

И такъ, сочиненія Вагнера, изданныя у насъ довольно прилично, послужатъ родителямъ богатымъ матеріаломъ для объясненія на вопросы, съ какими ежедневно приступаютъ дѣти; въ большей части случаевъ ихъ надо упрощать и по возможности примѣнять къ нашей жизни. Разсказъ, изъ нихъ заимствованный, если и не дастъ полнаго понятія о предметѣ, то способенъ возбудить въ дѣтяхъ любознательность и охоту къ наблюденію окружающихъ явленій. Къ нимъ приложены и порядочные рисунки, особенно цвѣтисто разукрашены изданія Вольфа; но рисункамъ тутъ мы не придаемъ никакого значенія: дѣти должны видѣть всѣ предметы въ природѣ, въ теплицѣ или въ звѣринцахъ.

5) Чтеніе для юношества. 1865. Ц. 2 р. 50 к. (400 стр. въ два столбца большаго формата).

Названная книга составляетъ первую часть чтенія для юношества, которое печаталось въ видѣ прибавленія къ журналу «Учитель» 1864 года. Въ ней, кромѣ статей по естествознанію, находимъ и описаніе нѣкоторыхъ занятій для дѣтей, и поэтическіе разсказы. Большая часть книги все-таки естественно-историческаго содержанія. Сюда вошло много уже извѣстныхъ намъ разсказовъ Вагнера («О погодѣ въ жилыхъ комнатахъ», «Капля дождя», «Пойманный солнечный лучь» и пр.); но кромѣ того есть статьи другихъ нѣмецкихъ писателей: Шталя («Снѣгъ и ледъ»), Шейтлина («Быкъ и корова», «Овца», «Лошадь», «Коза», «Канарейка», «Собака»), Сигизмунда («Жизнь природы зимою», «Отчего птицы насъ боятся», «Сонъ»), Ташенберга («Комаръ», «Сверчокъ», «Блоха»), Бухнера («Способы передвиженія у животныхъ позвоночныхъ», «Случай прирученія», «Изъ жизни нашихъ ужей»), Вильсона («Глазъ», «Обоняніе», «Вкусъ», «Осязаніе»), Вирхова («Одежа», «Супъ и жаркое») и проч. Вообще выборъ статей очень удачный: по всѣмъ царствамъ природы избрано наиболѣе необходимое и близкое къ жизни дѣтей. По царству животныхъ особенно просты статьи Шейтлина, разсказы: «Машка и Васька», «Пѣтухъ», «Ласточки», «Черная семья» (о воронахъ, Брема) и другія, доступныя и для перваго возраста. По царству растеній преобладаютъ общія статьи, объясняющія законы ихъ размноженія и строенія, — разсказы о хлѣбныхъ, плодовыхъ и огородныхъ растеніяхъ. По предметамъ ископаемымъ дано понятіе о простѣйшихъ камняхъ (песокъ, булыжникъ, мѣлъ, каменный уголь, шиферъ); но болѣе обращено вниманія на самыя обыкновенныя производства, каковы: приготовленіе бумаги и книгопечатаніе, издѣлія изъ глины, изъ резины, изъ стекла, изъ металловъ, добываніе шерсти, выдѣлка кожъ, приготовленіе спичекъ, пороха и проч. Въ выборѣ и направленіи статей вообще видна практическая цѣль: осмыслить для дѣтей окружающія ихъ явленія, возбудить любовь къ изслѣдованію

природы, направить ея изученіе къ развитію гуманныхъ чувствъ. Мы желали бы лишь побольше совершенно простыхъ и наглядныхъ статей по физикѣ; другіе разсказы (напримѣръ, разсказы Вильсона) также могли бы быть значительно упрощены и болѣе примѣнены къ жизни. Какъ опытъ дѣльнаго популярнаго изложенія, между прочимъ, заслуживаютъ вниманія разсказы, подписанные буквою Р.: «Какъ горитъ свѣча?» «Происхожденіе книги», «Прорастаніе бобовъ», «Верба хлёстъ, бей до слёзъ», и проч. Авторъ, въ формѣ непринужденной бесѣды, довольно наглядно изъясняетъ законы горѣнія, даетъ понятіе о главнѣйшихъ газахъ: тутъ, по обыкновенію, одно изъ лицъ (дѣвочка Маша) является черезчуръ понятливымъ, и самый разсказъ, особенно при недостаткѣ рисунковъ, служитъ болѣе указаніемъ, какъ надо дѣлать объясненія; но все-таки сложный процессъ горѣнія изложенъ гораздо проще, чѣмъ, напримѣръ, въ популярной книгѣ Фарадея: «Исторія свѣчки». Въ статьѣ «Происхожденіе книги» описано нѣсколько прогулокъ, во время которыхъ мальчикъ знакомится со всѣмъ бумагопечатнымъ производствомъ, начиная съ труда тряпичника и до самаго изданія книги: кромѣ того, что здѣсь указанъ хорошій пріемъ для толкованія предмета, разсказъ проникнутъ гуманнымъ сочувствіемъ къ бѣдному рабочему классу. Въ отдѣлѣ «Занятія для дѣтей» находимъ свѣдѣнія о приготовленіи предметовъ изъ гипса, изъ глины, изъ папки, изъ соломы,—наставленія, какъ отпечатывать листья, сушить растенія, содержать въ домѣ птицъ и насѣкомыхъ, устроивать садокъ для водныхъ растеній и животныхъ (большая статья Р. съ рисунками) и проч. Все это дастъ богатый матеріалъ для занимательныхъ работъ и можетъ возбудить въ дѣтяхъ охоту къ наблюденію надъ *живою* природою (на что также обращено особенное вниманіе). Отдѣлъ поэтическихъ разсказовъ нѣсколько слабѣе: тутъ довольно просты разсказы Ауэрбаха, разсказъ Іегера «Курильщики» (представляющій вредъ отъ неосторожныхъ шалостей), «Рыжакъ» (противъ жестокаго обращенія съ животными), «Разсказъ» глухаго, изъ Диккенса (противъ грубаго невниманія къ природнымъ дѣтскимъ недостаткамъ). Также недурно составлены, хотя и нѣсколько искусственны, разсказы изъ русской народной жизни, заключающіе подборъ пословицъ, повѣрій и обрядовъ («Титъ», «Вавило», «Дѣвичникъ», Остр.). Вообще «Чтеніе для юношества», еще не представляя того примѣненія дѣтской науки къ потребностямъ нашей жизни, какого можно бы желать, служитъ одною изъ лучшихъ книгъ въ духѣ того здраваго, педагогическаго направленія, какое дѣйствительно способствуетъ дѣтскому развитію. Какъ чтеніе, эта книга, за исключеніемъ немногихъ разсказовъ, можетъ быть полезна лишь во второмъ возрастѣ; но наставники найдутъ здѣсь хорошій матеріалъ и для бесѣдъ съ дѣтьми перваго возраста.

6. Природа. Книга для чтенія дома и въ школѣ, по шведскому сочиненію профессора *Н. И. Берлина*, передѣлана для русскаго юношества *П. Евстафіевымъ*. Изд. второе (М. О. Вольфа), съ 202 пояснительными рисунками 1866 года. Ц. 2 р. (520 стр. довольно мелкой печати).

Эта книга Берлина, назначенная для народныхъ школъ, имѣла хорошій успѣхъ и въ Германіи. Въ своихъ семи отдѣлахъ, она, такъ сказать, заключаетъ энциклопедію знаній по естественнымъ предметамъ, изложенныхъ въ систематическомъ порядкѣ: 1) О человѣкѣ (анатомическія и физіологическія свѣдѣнія, раздѣленіе на племена). 2) Царство животное (млекопитающія, птицы, рыбы, низшія животныя). 3) Царство растительное. 4) Ученіе о землѣ вообще (свѣдѣнія изъ математической географіи, происхожденіе и строеніе земли). 5) О сушѣ (горы съ ихъ явленіями, низменности, горныя породы, металлы, минералы). 6) О водѣ (морскія воды, источники, водопады, водяной паръ и его дѣйствіе, и проч.). 7) О воздухѣ (составъ воздуха, воздушный насосъ, барометръ, воздушныя явленія и проч.). При такой обширности содержанія, главнымъ недостаткомъ книги, какъ надо ожидать, служитъ краткость описаній, особенно замѣтная въ отдѣлахъ о животномъ и растительномъ царствѣ: Берлинъ не только представляетъ общія характеристики, но и изображаетъ отдѣльные виды животныхъ и растеній, и притомъ не только ближайшіе къ намъ, европейскіе, но и изъ другихъ частей свѣта. Такимъ образомъ, онъ поневолѣ долженъ былъ порою ограничиться кое-какими свѣдѣніями объ ихъ жизни и о пользѣ, ими приносимой. Впрочемъ, описанія вообще довольно просты, и почти вездѣ выбрано наиболѣе существенное: обращено должное вниманіе на значеніе того или другаго животнаго въ жизни человѣка; при описаніи растеній, говорится объ удобреніи, о пользѣ паханія, о дренажѣ, о лѣсномъ хозяйствѣ, о приготовленіи угля, поташа, мыла, скипидара, дёгтя, — разсказано о разведеніи плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній, о прививкѣ и колеровкѣ, о приготовленіи солода, пива, вина, уксуса и т. д. Объясненіе физическихъ законовъ занимаетъ также видное мѣсто: тутъ мы находимъ свѣдѣнія о вулканахъ и землетрясеніяхъ, о воздухоплаваніи, о паровозахъ, объ электричествѣ и гальванизмѣ, и проч. Для дѣтскаго чтенія книга все-таки довольно суха, но для взрослыхъ, при ихъ толкованіяхъ, она можетъ принести несомнѣнную пользу. Переводчику мы совѣтывали бы выкинуть такія безцвѣтныя фразы: «Сколько весна утратила бы своей вѣчно-юной красы и прелести, еслибы природа въ это время не оглашалась привѣтливымъ гимномъ Творцу!» и также отнестись построже къ нѣкоторымъ изъ сообщаемыхъ свѣдѣній. Напримѣръ, по поводу спячки медвѣдя находимъ такую замѣтку: «говорятъ, что медвѣдь сосетъ свою лапу; лучшаго и дѣлать ему нечего во ожиданіи будущихъ

благъ!» Переводъ дополненъ скудными свѣдѣніями о Россіи, да и то устарѣлыми, напримѣръ, изъ географіи Павловскаго. Рисунки сносные—большею частію тѣ же, что̀ и въ другихъ изданіяхъ Вольфа этого рода.

7. Изъ области естественныхъ наукъ, *А. Бернштейна.*

Часть I. Что̀ всякому нужно знать изъ химіи. 1865. Ц. 35 к. (162 стр. мелкой печати, въ 16 долю).

Часть II. О питаніи и жизни. Кое-что изъ метеорологіи. О жизни земли. 1865. Ц. 35 к. (167 стр. мелкой печати въ 16 д.).

Часть III. Мелкія статьи различныхъ авторовъ. 1865. Ц. 20 к. (90 стр. мелк. печ. въ 16 д.).

Часть IV. Фантастическое путешествіе во вселенную. 1865. Ц. 35 к. (156 стр. въ 16 д.).

Эти книжечки, при ихъ умѣренной цѣнѣ (1 р. 25 к. за всѣ четыре части), необыкновенно богаты содержаніемъ, заключая, между прочимъ, довольно полный курсъ популярной химіи и астрономіи. Бернштейнъ отличается большою живостью и ясностью изложенія, умѣньемъ въ немногихъ словахъ сказать самое существенное о предметѣ и наглядно выяснить, какое значеніе имѣетъ то или другое знаніе для жизни. Слогъ его, конечно, нѣсколько научный; встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «горѣніе есть не что иное, какъ химическій процессъ», «жизнь обусловливается безпрерывною химическою дѣятельностью нашего тѣла»; кромѣ того, мѣстами замѣтна отрывочность изложенія. Но вообще у Бернштейна довольно поясни тельныхъ примѣровъ и описаній на каждую научную истину и пріемы его толкованій прямо ведутъ къ сущности дѣла. Говоря о полезныхъ для человѣка газахъ, онъ объясняетъ, что «въ стаканѣ воды есть запасъ кислорода, достаточный для того, чтобъ нагрѣть комнату на цѣлый день, запасъ водорода — чтобы освѣтить ее на цѣлыя сутки». По его опредѣленію, «вода есть сожженный водородъ»; «наше тѣло есть не что иное, какъ ожившая собственная пища». Приступая къ описанію разныхъ превращеній съ питательными веществами, онъ прямо говоритъ, какую чудную пищу ѣстъ человѣкъ: известь, фосфоръ, желѣзо, натрій, магній и т. д. Образцомъ живости и наглядности толкованій можетъ служить четвертая часть, излагающая главнѣйшіе факты изъ астрономіи. Но разсмотримъ кратко всѣ книжки. Въ первой части 58 статей. Объяснивъ, какъ важно знаніе химіи, авторъ въ простыхъ опытахъ знакомитъ насъ съ кислородомъ при его соединеніяхъ съ углемъ, съ сѣрою, съ фосфоромъ, съ желѣзомъ, говоритъ о добываніи

кислорода и о томъ, что̀ значитъ химическое соединеніе. Далѣе изложены процессы горѣнія и дыханія: авторъ толкуетъ, отчего подъ стекломъ лампы копоть исчезаетъ, отчего зимою ѣдятъ больше, отчего кали, брошенный въ воду, загорается; какъ мы всѣ ежедневно занимаемся химіей — черкая, напримѣръ, зажигательной спичкой, производимъ три кислоты: фосфорную, сѣрнистую и угольную, и проч. Давъ понятіе о химическомъ сродствѣ и о вновь открытомъ озонѣ, авторъ столь же просто излагаетъ разнообразные опыты надъ водородомъ, азотомъ, углеродомъ. Здѣсь мы получаемъ ясныя представленія о химическомъ разложеніи и возстановленіи тѣлъ, о различіи между простою смѣсью и химическимъ соединеніемъ, и встрѣчаемъ множество такихъ же любопытныхъ вопросовъ: какъ бы важно найдти дешевый способъ разлагать воду и какіе опыты въ этомъ отношеніи были дѣланы, какъ важно свойство азота, по которому, находясь въ воздухѣ вмѣстѣ съ кислородомъ, онъ все-таки не образуетъ селитряной кислоты, смертоносной для дыханія, какія примѣненія имѣетъ способность угля поглощать газы и какъ въ природѣ «безъ чернаго угля не было бы и бѣлаго мѣла» и проч. Съ 31-й статьи дѣло идетъ объ органической химіи. Здѣсь также взяты и, по возможности, совершенно просто изложены наиболѣе существенные предметы: различіе между химическимъ соединеніемъ въ природѣ неорганической и органической, питаніе растеній и удобреніе полей, превращеніе картофеля въ муку, въ крахмалъ, въ сахаръ, превращеніе сахара (медъ, ромъ, вино, пиво), измѣненіе алкоголя въ уксусъ, могущество и безсиліе химіи, великая задача животной химіи. Мы видимъ, что всѣ эти предметы способны возбудить живѣйшее любопытство. Во второй части сначала находимъ довольно полныя свѣдѣнія о питаніи и пищѣ — узнаемъ, какъ природа въ растеніяхъ, берущихъ неорганическія вещества изъ земли и воздуха, и въ животныхъ, питающихся растеніями, подготовляетъ пищу для человѣка, знакомимся съ процессомъ пищеваренія и со всѣми родами пищи. Авторъ очень живо рисуетъ это круговое обращеніе веществъ въ природѣ, объясняя, какъ кровь, будучи «жидкимъ мясомъ», въ то же время выдѣляетъ ненужныя частицы изъ тѣла: углеродъ, азотъ, жиры, фосфоръ — въ видѣ выдыхаемаго воздуха, пота, мочи, и проч. Въ жилахъ ирландца, который питается картофелемъ, не менѣе крови, чѣмъ въ жилахъ англичанина; но дѣло въ томъ, что картофель трудно переваривается, а первое условіе хорошей пищи, чтобы она возможно скорѣе превращалась въ кровь. Такъ авторъ обстоятельно разсматриваетъ, какова питательность кофе, котораго распространеніе Молешоттъ приписываетъ усилившейся умственной дѣятельности,—каковъ долженъ быть завтракъ, обѣдъ, ужинъ по самому устройству нашего организма и по времени принимаемой пищи. Говоря о водкѣ, онъ научно объясняетъ, что ея чрезмѣрное употребленіе въ низшемъ классѣ тѣсно связано съ недостаткомъ питанія, и единственное средство противъ

пьянства состоитъ въ улучшеніи пищи, употребляемой работникомъ. Чтобы восполнить $^1/_{12}$ вѣса, теряемаго человѣкомъ ежедневно чрезъ выдѣленія (при этомъ чрезъ одинъ потъ выходитъ до 2 фунтовъ), послѣ мяса лучшимъ питательнымъ веществомъ служитъ горохъ и другіе стручковые плоды; но пища человѣка должна быть по возможности разнообразна, и въ этомъ смыслѣ справедливо изреченіе Молешотта, что «пища обратила дикую нашу кошку въ домашнюю». Всего тутъ 20 статей; за ними слѣдуетъ 12 статей изъ метереологіи, объясняющихъ зависимость погоды отъ обращенія земли, отъ солнца, отъ направленія вѣтровъ и отъ другихъ физическихъ явленій. Авторъ останавливается на вопросѣ, можно ли предсказывать погоду? Помощью для этого въ настоящее время могутъ служить телеграфы, и стоитъ обнять однимъ взглядомъ 200 миль пространства, чтобы точно знать, куда направится буря. Мысль объ метереологическихъ обсерваторіяхъ отчасти уже осуществлена въ Америкѣ и въ Англіи. Вторая часть оканчивается 23 статьями «о жизни земли», гдѣ изложены главнѣйшіе вопросы изъ геологіи: объ измѣненіяхъ земной коры, о внутреннемъ жарѣ земли, о скалахъ вулканическаго и осадочнаго происхожденія, о переворотахъ, бывшихъ на землѣ и совершающихся въ настоящее время (образованіе дельтъ и дюнъ, измѣненіе морскихъ береговъ, и проч.); въ заключеніе, по поводу вопросовъ: какъ стара земля и возможно ли ея уничтоженіе, Бернштейнъ приводитъ факты, что, суда по охлажденію лавы, 75 верстъ земной коры потребовали бы много милліоновъ лѣтъ для остыванія, что изслѣдованія надъ Египтомъ показали, какъ въ 3600 лѣтъ почва поднялась только на 100 футовъ, а, наблюдая небо, астрономы до сихъ поръ не замѣтили какихъ либо разрушеній во вселенной, кромѣ кометы Беллы, раздѣлившейся на двое. Въ третьей части есть нѣсколько статей Бернштейна и Россмеслера. Она начинается общимъ обозрѣніемъ естественныхъ наукъ и взаимной ихъ связи между собою; затѣмъ слѣдуютъ статьи о плодахъ и цвѣтахъ, гдѣ, по цвѣтамъ вишни, объяснены главные органы растенія, представлены нѣкоторые примѣры чудеснаго оплодотворенія чрезъ вѣтеръ и насѣкомыхъ (цвѣтокъ кирказонъ) и въ ботанической прогулкѣ описано нѣсколько родовъ и видовъ растеній. Также занимательны послѣдующія статьи, гдѣ рѣшаются вопросы: о томъ, растутъ ли камни? (кристаллизація, образованіе чрезъ осадки, прилипаніе), отчего морская вода солона? какъ измѣрить скорость электричества? (чрезъ вращающееся зеркало), какъ узнать вѣсъ земли? о свѣтѣ и разстояніи, объ открытіи Леверрье.

«Фантастическое путешествіе во вселенную» Бернштейна заключаетъ 47 статей: тутъ описаны въ астрономическомъ отношеніи: земля, луна, Венера, солнце съ его системой (первыя 18 статей), Марсъ, малыя планеты, Юпитеръ, Сатурнъ, Ураиъ, Нептунъ и кометы (о кометахъ послѣднія 10 статей). Наиболѣе живымъ, нагляд-

нымъ изложеніемъ отличается первая половина книги. Авторъ воображаетъ, что отправляется съ земли на луну и далѣе на солнце, и, по строгимъ научнымъ даннымъ, описываетъ, что̀ могъ бы человѣкъ увидѣть въ такомъ путешествіи и что́ съ нимъ могло бы случиться. Напримѣръ, на пути между землею и луною есть такое мѣсто, гдѣ очень удобно отдохнуть, вынуть изъ чемодана всѣ свои вещи и разложить ихъ по воздуху, и онѣ будутъ висѣть въ воздухѣ, не двигаясь съ мѣста (точка, гдѣ притяженіе земли и лунное взаимно уничтожаютъ другъ друга); на лунѣ, хотя не нужно ни уха, ни легкихъ, ни сердца, потому что нѣтъ воздуха, можно отлично прыгать: кто на землѣ можетъ вскочить на столъ, здѣсь вспрыгнетъ на холмъ въ 20 футовъ вышиною, такъ-какъ сила тяжести въ пять разъ слабѣе. Вотъ игривая форма, въ которой Бернштейнъ излагаетъ важнѣйшіе законы вселенной. Книга читается легко и живо, и лишь подъ конецъ нѣсколько утомляетъ однообразіемъ описаній. Какъ на образецъ наглядности, пусть читатель обратитъ вниманіе на статьи «Кубическая миля» и «Солнечная система въ маломъ видѣ» (послѣдняя передѣлана въ примѣненіи къ Петербургу). У автора всюду встрѣчаются подобныя толкованія: «Изъ наблюденій Бесселя извѣстно, что самая близкая къ намъ изъ неподвижныхъ звѣздъ находится въ созвѣздіи Лебедя; но какъ близка эта звѣзда? а вотъ какъ: еслибы 6000 лѣтъ тому назадъ Адамъ пустилъ въ нее стрѣлу, которая пробѣгала бы милю въ секунду, то стрѣла эта донынѣ не пробѣжала бы и 60-й части своего пути». Однако, несмотря на эту ясность изложенія, читатель уже изъ предъидущаго пойметъ, что чтеніе Бернштейна, и то въ частяхъ, возможно начать лишь въ среднемъ возрастѣ; употребивъ въ дѣло наблюденіе и опытъ, искусные наставники, конечно, съумѣютъ объяснить кое-что изъ химіи, изъ метеорологіи, изъ ботаники, изъ астрономіи, и въ концѣ перваго возраста.

8. Почему и потому. Вопросы и отвѣты по наиболѣе важнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Для учащихъ и учащихся въ школѣ и дома, составлено докторомъ *Отто Уле*, съ 87-ю рисунками въ текстѣ. Подъ ред. *А. Н. Шульговской*. Петербургъ, изд. Трубниковой и Стасовой. 1869 (1868). Ц. 40 коп. (190 стр.).

Очень дешевая и очень полезная книга, какихъ у насъ надо желать побольше. Имя Отто Уле ручается за основательность свѣдѣній; русскій переводъ и вообще изданіе сдѣланы добросовѣстно. Книга заключаетъ популярное объясненіе физическихъ явленій по вопросамъ и отвѣтамъ. Вопросы придуманы не искусственно, какъ это обыкновенно дѣлается въ учебникахъ, а касаются большею частію обыденныхъ случаевъ жизни, на которые дѣти легко обращаютъ вниманіе, напримѣръ: почему сухая губка такая маленькая, а когда опустишь ее въ воду, такъ раз-

бухаетъ? почему нѣсколькими фунтами мѣла можно окрасить цѣлую стѣну? почему масло образуетъ болѣе крупныя капли, чѣмъ вода? почему стальныя вещи, зарытыя въ угольной порошокъ, не ржавятъ, а яйца и мясо — не портятся? почему опрокинутый стаканъ не наполняется, когда мы его опускаемъ въ воду? и т. д. Отвѣты на эти вопросы точны и просты; самые вопросы расположены не безсвязно, а систематически, по всѣмъ отдѣламъ физики, начиная съ непроницаемости, скважности, дѣлимости, сцѣпленія, прилипанія, инерціи, законовъ тяжести до явленій звука, теплоты, свѣта, магнетизма и электричества. При началѣ каждой статьи находимъ общія объясненія того, что̀ надо разумѣть подъ каждымъ изъ названныхъ физическихъ свойствъ тѣлъ. Въ расположеніи статей мы видимъ переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, такъ что начать бесѣды по этой книгѣ можно уже съ дѣтьми семилѣтняго возраста: родителямъ однако слѣдуетъ всячески упрощать толкованія, постоянно останавливая вниманіе дѣтей на опытахъ и примѣрахъ; гдѣ опыты могутъ быть нѣсколько сложны или подъ рукою нѣтъ необходимыхъ для нихъ приборовъ (напримѣръ, воздушнаго насоса, барометра, приборовъ для добыванія нѣкоторыхъ газовъ), тамъ лучше вовсе не приступать къ объясненіямъ, чѣмъ довольствоваться рисунками, да отвлеченными опредѣленіями.

9. Первыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ. *В. Санина.* Ц. 1 руб. Изданіе товарищества «Общественная польза». 1866 (221 стр.).

Вотъ одинъ изъ русскихъ опытовъ популярнаго изложенія вопросовъ по химіи, физикѣ и по нѣкоторымъ относящимся сюда промысламъ. Въ книгѣ 58 статей. Какъ образчикъ слога г-на Санина, приведемъ слѣдующее мѣсто: «Въ землѣ много поташа,—весь вопросъ, какъ его добывать. Одно только выгодное средство есть у насъ для этого: нужно выкачать его изъ земли растеніемъ, какъ насосомъ. Въ этомъ случаѣ у насъ растеніе, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ,—машина. Нужно намъ питаться, т.-е. доставлять тѣлу такія вещества, какія находятся въ немъ самомъ,—мы сѣемъ на полѣ рожь, т.-е. кинувъ зерно, заставляемъ его, какъ насосъ, выкачивать изъ земли, что̀ намъ нужно. Поташъ долженъ входить въ нашу пищу, потому что въ тѣлѣ взрослаго человѣка его до 4-хъ золотниковъ. Употреблять растенія безъ разбора нельзя для выкачиванія изъ земли чего намъ нужно, и т. д.». Мы видимъ, что при такомъ нѣсколько смѣломъ употребленіи метафоръ и нѣкоторой непослѣдовательности въ изложеніи, очень возможны неточности при объясненіи предмета, и вообще свѣдѣнія, сообщаемыя г-мъ Саниннымъ, мѣстами слѣдуетъ повѣрить по другимъ источникамъ. Но мы упоминаемъ о книгѣ потому, что читатель можетъ въ ней воспользоваться нѣкоторыми удачными пріемами въ примѣ-

ненiи знанiя къ жизни. Авторъ останавливается на вопросахъ: какъ открывать воду, гдѣ ея не видно; почему можно кипятить воду на свѣчкѣ въ бумажной коробочкѣ; чѣмъ топить печь, если нѣтъ дровъ; какая польза отъ пота; для чего дубятъ кожу; какъ взорвать гранитную глыбу замороженной водой; какъ добыть ледъ въ раскаленномъ сосудѣ; отчего на Шпицбергенѣ не переживаютъ зимы? и проч. У г. Санина есть и такiя свѣдѣнiя, что парижскiе мыловары очень выгодно воспользовались жиромъ отъ остатковъ труповъ, когда было перенесено кладбище близъ Парижа. Нѣкоторыя статьи имѣютъ цѣну по отношенiю къ Россiи; таковы: «Не сѣять травы, не будетъ скота»; «Какъ избавиться отъ сусликовъ и шелкопрядовъ», «Больше скотины, больше хлѣба»; «Какъ узнавать почву по лѣсу?» и проч.

10. Тропическiй мiръ въ очеркахъ животной и растительной жизни, *Гартвига*. Съ 6-ю хромолит. картинами. Пер. съ нѣм. *С. А. Усовъ*. Второе изд. А. Глазунова, 1865. Ц. 2 р. 50 к. (448 стр.).

11. Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ, *Гартвига*. Пер. *С. А. Усовъ*. Втор. изданiе, 1866 г. Ц. 2 р. (451 стр.).

12. Чудеса подземнаго мiра, *Гартвига*. Съ полит. и карт. Пер. съ нѣм. *А. Корсакъ*. Изд. Глазунова, 1863. Ц. 2 р. 50 к. (432 стр.).

13. Море и его жизнь, *Гартвига*. Пер. *В. Модестовъ*. Втор. изд. 1867. Ц. 3 руб. (Та же книга въ худшемъ изданiи Михельсона, 1864. Ц. 2 р., 386 стр.).

14. Человѣкъ и природа на островахъ Великаго Океана. Съ хромолит. картинами и гравир. картою. Изд. К. Шамова, 1866. Ц. 3 р. (388 стр.).

15. Единство мiрозданiя, *Гартвига*. Съ полит. Изд. А. Глазунова, 1865. Ц. 2 р. (440 стр.).

Рядъ сочиненiй Гартвига, нами выписанныхъ, представляетъ богатѣйшiй матерiалъ не только для изученiя самыхъ живыхъ вопросовъ естествознанiя, но и для знакомства съ географiею и исторiею названныхъ здѣсь мѣстностей. Уже мысль соединить въ одно цѣлое знанiя изъ естественныхъ наукъ, изъ физiологiи и изъ общественной жизни человѣка ставитъ автора рядомъ съ лучшими современными популяризаторами. Но Гартвигъ и въ другихъ отношенiяхъ можетъ служить образцомъ: мало у кого вы найдете такое умѣнье выбрать немногiе, самые характерные факты и искусно расположить ихъ въ живой, наглядной картинѣ: строгiй, научный выборъ занимательныхъ подробностей, увлекательность и простота изложенiя, полная и вмѣстѣ чуждая всякаго изли ше-

ства характеристика каждаго предмета — вотъ несомнѣнныя преимущества популярныхъ сочиненій этого писателя для юношей. Мы сами убѣдились по опыту, что нѣсколько развитые юноши 14—15 лѣтъ читаютъ его легко и съ наслажденіемъ; множество описательныхъ или повѣствовательныхъ отрывковъ можно изъ него выбрать и для болѣе ранняго чтенія. Одинъ изъ замѣтныхъ лишь мѣстами недостатковъ Гартвига состоитъ въ нѣкоторомъ, свойственномъ нѣмцамъ сантиментальномъ отношеніи къ предмету: онъ отчасти поклонникъ ученія о цѣлесообразности, и ужь слишкомъ усердно доказываетъ при всякомъ случаѣ, какъ въ природѣ все наилучшимъ образомъ приноровлено къ извѣстной цѣли. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы просто представить, какъ и у лѣнивца есть органы, помогающіе хоть и незавидному его существованію, онъ готовъ увѣрять, что лѣнивцу, при его образѣ жизни, и желать невозможно лучшаго устройства тѣла. То же находимъ при описаніи цѣлесообразнаго устройства верблюда; тутъ, однако, авторъ прибавляетъ: природа вездѣ старается помочь себѣ; что̀ произошло *случайно*, становится наслѣдственнымъ свойствомъ. По поводу того, что одна сѣверная экспедиція отыскала жестяныя коробки съ провизіей, оставленныя именно съ этой цѣлію предшествовавшими путешественниками, онъ говоритъ: «Нигдѣ провидѣніе такъ ясно и наглядно не управляло жизнью человѣка, какъ здѣсь». Мѣстами встрѣчаются и совсѣмъ нелѣпыя фразы, напримѣръ: «Кровожадное сердце горностая согрѣто божественнымъ лучемъ любви къ дѣтямъ». Переводъ ничего бы не потерялъ, еслибы подобныя сантиментальныя мѣста были нѣсколько измѣнены, или совсѣмъ выпущены.

Въ первой изъ названныхъ нами книгъ 44 главы. Авторъ даетъ намъ полный обзоръ разнообразныхъ богатствъ тропическаго міра. Онъ сначала разсматриваетъ климатическія условія этихъ странъ. По его мнѣнію, будущность въ нихъ принадлежитъ китайцамъ, какъ народу болѣе трудолюбивому и земледѣльческому. Слѣдующія 13 главъ посвящены четвероногимъ животнымъ; здѣсь описаны: обезьяны стараго и новаго свѣта, тропическія летучія мыши, лѣнивецъ, муравьеѣдъ, ящеры, кошки стараго и новаго свѣта, слонъ, гиппопотамъ, носорогъ, верблюдъ, жираффа и зебры. Въ яркихъ чертахъ рисуется намъ, какое вліяніе на жизнь человѣка имѣютъ эти животныя: особенно живы описанія охоты на львовъ, тигровъ, пользы, приносимой слономъ, верблюдомъ, и проч. Авторъ сообщаетъ лишь самыя достовѣрныя свѣдѣнія, избѣгая всякихъ эффектныхъ вымысловъ, и вездѣ возстановляетъ истину, затемненную досужими разсказчиками. Изъ птицъ отдѣльно описаны хищныя, страусъ и казуаръ, попугаи; о жизни другихъ (колибри, туканъ, лира) находимъ лишь наиболѣе любопытныя, общія свѣдѣнія (гл. XIV—XVII). Послѣ описанія главнѣйшихъ изъ пресмыкающихся (черепаха, кайманъ и крокодилъ, ящерицы, змѣи) и тропическихъ

морскихъ животныхъ (кашалотъ, летучія рыбы, бониты, акула, фрегатъ, краббы, гнѣзда саланганы, кораллы), авторъ говоритъ и о насѣкомыхъ (каковы: тропическіе муравьи, термиты, пауки и скорпіоны). Здѣсь любопытны извѣстія о приготовленіи ворвани изъ черепашьихъ яицъ, о ловлѣ черепахъ, объ охотѣ за кайманомъ, о страшныхъ опустошеніяхъ, причиняемыхъ насѣкомыми, и проч. Авторъ опровергаетъ мнѣнія о чарующей силѣ змѣй, о крайней отъ нихъ опасности, говоря, что однимъ ударомъ палкой можно убить удава, и проч. Съ XXVII-й главы начинается описаніе растеній. Здѣсь также выбраны преимущественно растенія, служащія въ пищу или наиболѣе извѣстныя въ торговлѣ: рисъ, маисъ, хлѣбное дерево, бананы, сахарный тростникъ, кофе, кока, какао и ваниль, хлопчатая бумага, и проч.; пряности, красильныя вещества и пальмы занимаютъ особыя главы. Въ заключеніе мы находимъ живую характеристику тропическаго лѣса, перуанскаго песчанаго берега, Сагары, льяносовъ, и проч.

Книга «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» составляетъ сводъ всего, что̀ находимъ наиболѣе любопытнаго въ извѣстіяхъ путешественниковъ о полярныхъ странахъ. Въ 33 главахъ, послѣ общей характеристики этихъ странъ, авторъ описываетъ сѣверное полярное море, Шпицбергенъ, Новую землю, лапландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ, вообще природу и обитателей Сибири, Камчатку, Берингово море, земли Гудзонбайской компаніи, открытіе сѣверо-западнаго прохода, Гренландію, Исландію, сѣверную Норвегію. Тутъ, вопервыхъ, живо описаны всѣ явленія сѣверной природы, и авторъ очень обстоятельно говоритъ о промыслахъ края, особенно о пушныхъ звѣряхъ, хотя свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о сибирскихъ промыслахъ, въ настоящее время нѣсколько устарѣли. То же можно сказать о нашихъ золотыхъ пріискахъ, гдѣ авторъ, между прочимъ, сообщаетъ и о неслыханныхъ кутежахъ стараго времени, когда выпивалось непомѣрное количество шампанскаго. Вовторыхъ, со всею старательностью описаны нравы, обычаи, общественное положеніе полудикихъ обитателей сѣвера: индѣйскихъ, сибирскихъ племенъ, эскимосовъ, и проч. Разсказы о путешественникахъ, каковы: Кенъ, Скорезби, Меккензи, Россъ, Парри, занимаютъ здѣсь видное мѣсто. Описывая въ отдѣльности ту или другую страну, авторъ всякій разъ изображаетъ жизнь и труды какого нибудь замѣчательнаго дѣятеля, которому мы обязаны изслѣдованіемъ этой мѣстности. Для насъ любопытны подробныя свѣдѣнія о Сибири и о нашихъ предпріимчивыхъ людяхъ: о Ермакѣ, Дежневѣ, Прончищевѣ, Лаптевыхъ, Шалауровѣ, Матюшкинѣ, и проч. Авторъ не пропустилъ случая разсказать и о ссыльныхъ: Меньшиковѣ, Долгорукомъ, Минихѣ; есть извѣстія и объ обыкновенныхъ ссыльныхъ. О Ермакѣ Гартвигъ говоритъ даже съ особеннымъ одушевленіемъ: «Бѣглый разбойникъ Ермакъ украсилъ свое чело побѣдными вѣнками и доказалъ, что онъ обла-

далъ всѣмъ, что̀ нужно для великаго полководца, и былъ вполнѣ достоинъ одержанной побѣды». Странно читать обо всемъ этомъ въ нѣмецкой книгѣ, тогда какъ на русскомъ мы напрасно стали бы искать такого же полнаго, дѣльнаго и популярнаго описанія Сибири. Тѣмъ одушевленнѣе разсказы Гартвига объ ученыхъ русскихъ нѣмцахъ, которыхъ извѣстіями онъ пользовался, каковы: Беръ, Кастренъ, Гоффманъ, Врангель, Миддендорфъ, и проч. О Стеллерѣ, который, во время экспедиціи Беринга, много терпѣлъ, по его словамъ, отъ «мошенниковъ» Якутской канцеляріи, онъ въ заключеніе говоритъ: «Невозможно пролить болѣе свѣта на характеръ человѣка, которымъ *Германія* можетъ гордиться».

Третья книга «Чудеса подземнаго міра» заключаетъ популярныя свѣдѣнія по геологіи и обо всемъ, что̀ сюда относится. Сначала мы узнаемъ исторію развитія земной коры и ископаемыхъ въ разныхъ слояхъ. Авторъ доказываетъ внутреннюю теплоту земли артезіанскими колодцами, источниками, вулканами, приводитъ примѣры пониженія и поднятія почвы и живо описываетъ главнѣйшіе вулканы съ ихъ дѣйствіями. Главы VI, VII, VIII содержатъ описаніе Помпеи и разныхъ видовъ землетрясеній (подробно описано лиссабонское землетрясеніе). Потомъ слѣдуютъ занимательные разсказы о предметахъ, какіе находимъ подъ землею; сюда относятся: газовые источники, нефтяные колодцы, подземныя воды, пещеры разнаго рода (сталактитовыя, вулканическія, подводныя), скалистые храмы (въ Элефантѣ, Эллорѣ, и проч.), катакомбы, тоннель подъ Темзою, мамонтова и другія костяныя пещеры, ископаемыя человѣческія кости (періодъ каменныхъ издѣлій, швейцарскихъ свайныхъ построекъ, и проч.), подземная растительная и животная жизнь, рудники, копи каменной соли, сѣрныя копи, каменный уголь, желѣзо, мѣдь, и проч. — всего 36 статей.

Въ книгѣ «Море и его жизнь» описаны всѣ свойства и явленія моря (глубина, соленый вкусъ океана, приливы и отливы, морскія теченія, и проч.), всѣ главнѣйшія морскія и приморскія животныя съ образомъ ихъ жизни и способами ловли (китообразныя, тюлени, моржи, выдры, морскія птицы, рыбы, черепахи, ракообразныя и мягкотѣлыя), морскія растенія, и въ заключеніе авторъ разсказываетъ о наиболѣе замѣчательныхъ путешествіяхъ древняго времени, въ средніе вѣка и въ новѣйшее время.

«Человѣкъ и природа на островахъ Великаго океана» — одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ между всѣми сочиненіями Гартвига. Тутъ собраны любопытнѣйшія свѣдѣнія о странахъ, которыя въ короткое время изъ дикаго состоянія поднялись на значительную степень цивилизаціи; вліяніе европейскихъ знаній и европейскихъ учрежденій врядъ ли когда производило такія чудеса, какъ въ этомъ случаѣ. Въ книгѣ всего 34 статьи. Авторъ, по своему обычаю, сначала представляетъ общіе очерки Восточнаго океана,

говоритъ о его вулканическихъ и низменныхъ островахъ, о морскихъ теченіяхъ, о рыбахъ, птицахъ, дающихъ гуано, и проч. Тутъ любопытны свѣдѣнія о ловлѣ кашалотовъ, на которую прежде отправлялось до 500 американскихъ судовъ и до 40 англійскихъ. Снаряженіе судна стоило въ Лондонѣ отъ 8 до 12,000 ф. ст.; полный грузъ возвышалъ его цѣну до 23,000 ф. ст. Авторъ представляетъ краткую исторію всей торговли на Великомъ океанѣ отъ Магеллана до нашего времени, потомъ описываетъ расы, и считаетъ вѣроятнымъ происхожденіе наиболѣе способной къ цивилизаціи желтой расы (микронезцы) отъ малайцевъ. Разсказъ о странствованіяхъ по океану начинается исторіей Селькирка, который остался на пустынномъ островѣ съ ружьемъ, порохомъ, топоромъ, ножемъ, котломъ и немногими книгами, и, такъ проживъ 4 года, возвратился въ Англію, чтобы дать Дефое матеріалъ для его знаменитаго романа (Робинзонъ Крузое). Гартвигъ описываетъ далѣе каждую группу острововъ, начиная съ восточныхъ, и говоритъ о характерѣ природы (коралловыя постройки, кратеры Гаваи, и проч.), объ естественныхъ произведеніяхъ и происходящихъ отсюда промыслахъ (тутъ вообще онъ много пользовался изслѣдованіями Дарвина), о жилищахъ, одеждѣ и грубыхъ обычаяхъ первоначальныхъ обитателей. Но главное мѣсто занимаютъ удивительныя похожденія европейцевъ, какими прославилась та или другая группа. Эта часть разсказа читается, какъ живой романъ. Тутъ мы узнаемъ занимательную исторію судна Bounty, которая кончилась образованіемъ уединенной общины на Питкернѣ. узнаемъ о сверхъестественномъ самоотверженіи нѣкоторыхъ англійскихъ миссіонеровъ, жившихъ между людоѣдами, чтобы обратить ихъ въ христіанство и познакомить съ выгодами европейскаго образованія — объ этомъ Помаре II, который изъ дикаря обратился въ джентльмена, хотя и нѣсколько наклоннаго къ пьянству, ввелъ судъ присяжныхъ и усердно работалъ съ миссіонеромъ Поттомъ надъ переводомъ евангелія отъ Луки, о бѣглыхъ англійскихъ матросахъ, Юнгѣ и Девисѣ, друзьяхъ и министрахъ Тамеамеа I, которые вели дѣло такъ умно, что и капитанъ покинутаго ими судна принужденъ былъ ихъ одобрить, и которые положили начало движенію, кончившемуся введеніемъ конституціи на островѣ, гдѣ за 60 лѣтъ передъ тѣмъ убитъ былъ Кукъ. При устройствѣ перваго парламента, тутъ одинъ врачъ попалъ въ министры финансовъ, и съумѣлъ, не прибѣгая къ налогамъ, увеличить доходъ съ 41,000 до 284,000 піастровъ. Или передъ нами является миссіонеръ Вилльямъ, который въ одинъ годъ обращаетъ въ христіанство и научаетъ земледѣлію жителей острова Раротонга и потомъ, не довольствуясь этимъ, идетъ на Новые Гебриды, чтобы быть съѣдену туземцами. Какъ противоположна этому дѣятельность французовъ, которые вводили новый порядокъ съ помощью жандармовъ, и поддерживали католичество пушками! Однако, и на островахъ Великаго океана печальная

судьба европейской цивилизаціи въ томъ, что съ нею, какъ замѣтили многіе путешественники, значительное число туземныхъ жителей вымираетъ.

Книга «Единство мірозданія» обнимаетъ 30 статей, заключающихъ общіе вопросы по естествознанію. Авторъ сначала разсматриваетъ важнѣйшіе законы неорганическаго міра: движеніе небесныхъ тѣлъ, значеніе теплоты и свѣта, вліяніе атмосферы на растительную и животную жизнь, вѣчное движеніе океана, дѣйствіе атмосферныхъ осадковъ, соотношеніе между состояніемъ земли и ея обитателей (вліяніе горъ, морей и временъ года на органическую жизнь). Послѣ этого, начиная съ клѣточки, онъ переходитъ ко всѣмъ главнѣйшимъ органамъ растенія, показываетъ ихъ строеніе, приводитъ примѣры наиболѣе замѣчательнаго ихъ устройства, и, восходя въ своемъ обзорѣ по ступенямъ творенія, подробно описываетъ сначала органы движеніе, питанія и размноженія у низшихъ животныхъ, потомъ нѣсколько кратче говоритъ о насѣкомыхъ, рыбахъ, пресмыкающихся, птицахъ, млекопитающихъ, и наконецъ о человѣкѣ. При искусствѣ Гартвига выбирать самыя характеристичныя подробности, эта книга въ цѣломъ представляетъ великолѣпную картину.

16. Царство облаковъ, популярное изложеніе атмосферныхъ явленій, соч. д-ра *Бирнбаума*. Перев. и издано подъ ред. *Наумова*. Изд. «Товар. Обществ. Польза». 1861. Ц. 2 р. (496 стр.).

Въ этомъ сочиненіи говорится о всѣхъ воздушныхъ явленіяхъ: о тяжести воздуха, о его упругости, о распространеніи въ немъ звука, о парахъ въ воздухѣ и происходящихъ отсюда явленіяхъ, о движеніи воздуха, объ электрическихъ и оптическихъ явленіяхъ атмосферы. Книга, собственно говоря, научно-популярнаго содержанія; въ ней есть излишнія, утомительныя подробности, напримѣръ, разсмотрѣніе всѣхъ барометрическихъ теорій, изслѣдованія о высотѣ атмосферы; но мы помѣщаемъ ее здѣсь потому, что въ ней можно найдти и очень много наглядно изложенныхъ свѣдѣній. Авторъ обращаетъ вниманіе на исторію открытій по своему предмету, рѣшаетъ вопросы: отчего потолокъ не мѣшаетъ давленію воздуха, какъ объяснить давленіе 30,000 фунтовъ на человѣка, чѣмъ держится берцовая кость? очень живо описаны имъ наблюденія, сдѣланныя при восхожденіи Гумбольдта и Буссенго на Чимборазо; онъ говоритъ и о воздушныхъ желѣзныхъ дорогахъ, представляетъ, рядомъ съ другими опытами надъ звукомъ, и любопытный опытъ Біо съ трубою въ 2,860 футовъ. Съ главы о воздушномъ электричествѣ находимъ даже разговорный способъ изложенія. Поэтому книга Бирнбаума, не будучи назначена для дѣтскаго чтенія, можетъ доставить хорошій матеріалъ для объясненій.

17. Отъ земли до луны 97 часовъ прямаго пути, *Ж. Верна*, переводъ съ француз. Изданіе *Л. Шелгуновой*. Спб. 1866. Ц. 1 р. (348 стр.).

18. Путешествіе къ центру земли, *Ю. Верна*. Передѣлано съ француз., съ приложеніемъ статьи «Очеркъ происхожденія и развитія земнаго шара». Съ рис. первобытныхъ растеній и животныхъ. Изд. *Лихачевой и Суворина*. 1865. Ц. 1 р. 25 к. (351 стр.).

19. Воздушное путешествіе черезъ Африку, сост. по запискамъ доктора *Ферпюссона Юліемъ Верномъ*. Пер. съ француз., изд. *Алек. Головачева*. 1864. Ц. 1 р. (306 стр.).

20. Англичане на сѣверномъ полюсѣ. Приключенія капитана Гаттераса, *Жюля Верна*. Изд. *Л. Шелгуновой*, съ картою и рисунками въ текстѣ. 1866. Ц. 1 р. 30 к. (2 части: въ 1-й 163, во 2-й 155 стр.).

Сочиненія Верна отличаются игрою фантазіи. Взявъ нѣкоторыя научныя истины въ тѣхъ послѣднихъ выводахъ, до которыхъ дошло или могло бы дойдти современное знаніе, онъ разъясняетъ ихъ въ вымышленномъ разсказѣ, представляющемъ, какъ видно изъ заглавій, лишь воображаемое или только желательное примѣненіе этого знанія къ дѣлу. Спрашивается: развѣ необходимо было придумывать такіе чрезвычайные случаи для разъясненія научныхъ истинъ? развѣ въ ихъ дѣйствительномъ, а не вымышленномъ примѣненіи къ жизни нѣтъ столько же чудеснаго и занимательнаго? И не вредитъ ли здѣсь вымыселъ основательному знанію, естественно допуская рядомъ съ тѣмъ, что̀ доказано опытомъ — предположенія, гипотезы, личныя догадки? да и умѣстна ли въ естественной исторіи особая форма естественно-историческаго романа? Всѣ такія возраженія могутъ сдѣлать ревнители строгаго знанія, и мы съ ними во многомъ согласились бы, еслибы главная цѣль Верна была точно ознакомить съ первыми основаніями той или другой науки. Но названныя книги служатъ только къ тому, чтобы живо возбудить любознательность, показавъ, какъ отъ этихъ основаній умъ можетъ подняться на высоту, до какой прежде не достигала и самая смѣлая фантазія. Читатель и здѣсь постоянно знакомится съ важнѣйшими результатами знанія, но интересъ къ небывалому, неслыханному дѣлу, каково, напримѣръ, путешествіе на луну, или къ центру земли, сильно возбуждаетъ его воображеніе: книга читается легко, какъ занимательный романъ, и вы незамѣтно введены въ область науки, привлечены къ вопросамъ, которыхъ основательнаго рѣшенія, конечно, нужно искать уже въ другихъ, чисто-научныхъ сочиненіяхъ. Въ нашемъ преподаваніи мы вообще мало обращаемъ вниманія на то, какимъ могучимъ двигателемъ можетъ быть искусно направленная фантазія: при чтеніи Верна живо врѣжутся въ память многіе важнѣйшіе научные факты, а и это уже много значитъ. Читать его все-таки мы совѣтуемъ съ

юношами, которые нѣсколько ознакомились съ географіей и съ основаніями физики, въ среднемъ возрастѣ, или даже при переходѣ изъ средняго возраста въ старшій; оживлять подобнымъ образомъ фантазію, полезно для возбужденія охоты къ дальнѣйшему изученію науки. Для взрослыхъ, у которыхъ нѣтъ ни охоты, ни времени систематически заниматься наукою, или читать болѣе серьёзныя книги, сочиненія Верна можно назвать драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ: они все-таки заставятъ ихъ кой о чемъ подумать, а, можетъ, и полюбить интересы науки.

Обозрѣвая содержаніе каждой изъ названныхъ книгъ, мы укажемъ въ нихъ лишь на самое существенное. «Отъ земли до луны въ 97 часовъ» переноситъ насъ въ американскій міръ. Авторъ со свойственнымъ ему остроуміемъ представляетъ, какъ послѣ войны между сѣверными и южными штатами, изобрѣтатели неслыханныхъ мортиръ, мониторовъ и проч. не могли успокоиться, и, искалѣченные въ битвахъ, «со своими желѣзными крюками вмѣсто пальцевъ и гуттаперчевыми лбами», все-таки замышляли удивить міръ какимъ-нибудь новымъ изобрѣтеніемъ. Президентъ ихъ общества предлагаетъ отлить пушку такой величины и силы, чтобы ядро изъ нея выстрѣлило прямо въ луну. Предложеніе казалось шуткой, но для американца вѣдь нѣтъ ничего невозможнаго, если онъ примется за дѣло. Прежде всего приступили къ научному обсужденію вопроса. Обсерваторія въ Массачузетѣ объяснила, что надо ждать совпаденія перигея и прохода луны черезъ зенитъ, избрать для выстрѣла мѣсто между 0 и 28-мъ град. сѣв. широты — стрѣлять, когда луна будетъ находиться въ 64° разстояніи отъ зенита, взявъ во вниманіе время полета ядра и обращеніе земли; ядро такимъ образомъ будетъ пущено за 97 часовъ, 13 минутъ и 20 секундъ до прохода луны черезъ зенитъ, должно летѣть съ скоростью 12,000 ярдовъ въ секунду и встрѣтитъ луну, пробѣжавъ въ эти 97 часовъ (въ 4 дня) разстояніе въ 214,976 миль. Послѣ того начались разсужденія о величинѣ и формѣ необходимой для этого пушки, о составѣ ядра, о количествѣ пороха и т. д. Все высчитано съ математической точностью; составилась международная подписка, и любезный авторъ замѣчаетъ, что Россія съ своей стороны пожертвовала для этого опыта 368,733 рубля; Германія дала 34,285 гульд., Швейцарія 257 фр., но Англія отказалась по принципу невмѣшательства. Лучше всего описано Верномъ то общественное участіе, какое находимъ въ Америкѣ къ каждому полезному дѣлу: весь народъ пришелъ въ неописанное волненіе, газеты только и толковали объ устройствѣ луны и ея отношеніяхъ къ землѣ, и каждый считалъ своею обязанностью собрать объ этомъ свѣдѣнія изъ какой-нибудь популярной статейки; два штата, Флорида и Техасъ, гдѣ, по объясненію обсерваторіи, только и возможно было выбрать мѣсто для устройства пушки, жестоко перессорились между собою. Но мы не будемъ разсказывать о ходѣ дѣла; читатель видитъ, что

Вернъ тутъ даетъ понятіе о законахъ тяготѣнія и дѣйствіи механической силы. Въ прибавленіи къ книгѣ помѣщено жизнеописаніе Ньютона, гдѣ, впрочемъ, мало говорится объ открытыхъ имъ законахъ, а болѣе представлены его споры съ Лейбницемъ: намъ казалось бы полезнѣе приложить нѣкоторыя популярныя объясненія на то, о чемъ говорится въ книгѣ.

«Путешествіе къ центру земли», въ такомъ же вымышленномъ разсказѣ, похожемъ на дѣйствительность, знакомитъ съ устройствомъ земной коры и вообще съ новѣйшими открытіями геологіи. Героемъ и здѣсь является человѣкъ, полный необычайнаго самоотверженія, ученый Лиденброкъ, который кромѣ интересовъ своей науки ничего въ мірѣ знать не хочетъ. Прочитавъ изъ стараго загадочнаго манускрипта о существованіи прохода подъ землю на кратерѣ горы Скартарисъ въ Исландіи, онъ отправляется туда со своимъ племянникомъ, находитъ себѣ вѣрнаго слугу въ исландскомъ охотникѣ за гагачьимъ пухомъ, Гансѣ, дѣлаетъ необходимые запасы, заботясь болѣе о приборѣ Румкорфа, дающемъ свѣтъ посредствомъ электрическаго тока, и другихъ ученыхъ инструментахъ, чѣмъ о пищѣ, и всѣ втроемъ безстрашно спускаются въ трубу угасшаго кратера. Пусть читатель самъ представитъ, каковы должны быть похожденія подобныхъ путешественниковъ: они проходятъ мимо известняковъ, песчаниковъ, силурійскихъ скалъ и другихъ всевозможныхъ породъ, встрѣчаютъ на пути подземные ключи, пещеры и наконецъ громадное пустое пространство, освѣщенное чѣмъ-то въ родѣ электрическаго свѣта, съ моремъ, подобнымъ Средиземному, плаваютъ по этому морю на плоту изъ полуокаменѣлаго, ископаемаго дерева, наблюдаютъ ископаемыя растенія и животныхъ, испытываютъ первобытную геологическую бурю, и даже видятъ во очію борьбу ихтіозавра съ плезіозавромъ. Какъ ни сказочны подобныя происшествія, они въ цѣломъ не противорѣчатъ извѣстнымъ научнымъ даннымъ. Представляя, что Лиденброкъ спустился на 35 миль въ глубину земли, подъ Атлантическій океанъ и Шотландію, Вернъ отступаетъ отъ ученія, по которому внутренній жаръ земли все возрастаетъ до той степени, когда наконецъ всѣ камни и металлы являются въ расплавленномъ состояніи; но эта знаменитая теорія въ настоящее время опровергается многими учеными. Лиденброкъ, не достигнувъ однако центра земли, попадаетъ со своимъ плотомъ въ подземный протокъ, унесенъ имъ съ быстротою молніи и выброшенъ вблизи Сициліи изъ волкана Стромболи: ради такого нагляднаго объясненія вулканическихъ изверженій, мы уже простимъ автору, что его путешественники, послѣ прогулки на лавѣ, отъ которой будто бы защитила ихъ крѣпость плота, остались живы и невредимы. Въ концѣ приложена обыкновенная научная исторія происхожденія и развитія земнаго шара, гдѣ говорится объ образованіи земной коры чрезъ постепенное остываніе расплавленной массы и о постепенномъ появленіи на землѣ органиче-

ской жизни: статья эта, написанная довольно ясно, полезна, какъ дополненіе къ разсказу Верна. Въ книгѣ находимъ и рисунки допотопныхъ животныхъ: мамонта, мегатеріума, мастодонта, динотеріума, и проч.

«Воздушное путешествіе черезъ Африку» представляетъ одинъ изъ наиболѣе занимательныхъ и остроумныхъ разсказовъ Верна. Тутъ уже играютъ роль англичане съ ихъ изобрѣтательностію и неутомимымъ, хладнокровнымъ мужествомъ: докторъ Фергюссонъ, его другъ Кеннеди и находчивый слуга Джое. Дѣло въ томъ, что Фергюссонъ строитъ особый воздушный шаръ, чтобы, воспользовавшись пассатными вѣтрами, перелетѣть черезъ Африку. Шаръ этотъ двойной; внутри большаго, въ 50 футовъ въ діаметрѣ, помѣщенъ меньшій, на случай, если большой изорвется, и наполненъ газомъ вполовину: Фергюссонъ придумалъ простой способъ свободно подыматься и опускаться, не теряя газа, а только расширяя его и сжимая посредствомъ различныхъ температуръ; газъ нагрѣвается чрезъ трубку, идущую отъ помѣщеннаго въ лодкѣ ящика, гдѣ разлагается вода съ помощью баттареи Бунзена. Устройство таково, что стоитъ повернуть немного кранъ въ одну сторону — и шаръ подымется, повернуть въ другую — и шаръ опустится. На сколько возможно такое устройство въ дѣйствительности, мы рѣшать не беремся, но достаточно, что этотъ научный вымыселъ даетъ Верну случай познакомить читателей самымъ точнымъ и наглядимъ образомъ со всѣми условіями путешествія на воздушномъ шарѣ и вмѣстѣ со множествомъ любопытныхъ явленій природы. Описаніе Африки тутъ также очень живо: мы узнаемъ ея природу, нравы жителей, характеръ главнѣйшихъ мѣстностей отъ Занзибара до озера Чада, Томбукту и Сенегала, получаемъ также свѣдѣнія почти о всѣхъ новѣйшихъ путешественникахъ. Фергюссонъ, предпринимая новыя изслѣдованія, конечно, видитъ только то, что уже изслѣдовано другими: такъ, перелетая свободно чрезъ высочайшія горы, онъ все-таки, при приближеніи къ источникамъ Нила, не видитъ съ высоты своего полета озера Альфреда, описаннаго лишь въ недавнее время Беккеромъ. При богатой фантазіи Верна и при вымыслѣ, выбранномъ имъ столь же удачно, похожденія путешественниковъ, конечно, чрезвычайно занимательны: хорошо, напримѣръ, обрисованъ характеръ Джое, когда, найдя въ степи кварцъ, богатый золотомъ, онъ такъ нагружаетъ имъ лодку, что шаръ не можетъ двинуться съ мѣста и потомъ съ сожалѣніемъ бросаетъ по камешку. Но мы не будемъ разсказывать содержанія, увѣренные, что читатели, взявъ однажды книгу, до конца отъ нея не оторвутся. Книга «Англичане на сѣверномъ полюсѣ» нѣсколько слабѣе, и именно потому, что здѣсь, собственно говоря, мало фантастическаго вымысла. Весь интересъ сосредоточивается въ томъ, что Гаттерасъ, типъ тѣхъ людей съ желѣзною волею, которые не останавливаются ни передъ какими трудностями, увлекаетъ нѣсколько смѣлыхъ моряковъ въ опасное

путешествіе къ полюсу, дѣйствуя на нихъ таинственностью своей личности: онъ долго скрывается между матросами, а распоряженія дѣлаетъ письмами чрезъ свою дрессированную собаку. Всѣ описанія заимствованы изъ лучшихъ новѣйшихъ путешествій въ Ледовитый океанъ, приведены и разсказы о самыхъ путешественникахъ; похожденія героя и здѣсь очень занимательны. Но неестественнымъ кажется, что Гаттерасу такъ легко вездѣ удавалось находить открытое море и подвигаться впередъ къ цѣли, тогда какъ другіе путешественники достигали того же послѣ неимовѣрныхъ усилій; притомъ рядомъ съ дѣйствительными описаніями изслѣдованныхъ мѣстностей приведены и вымышленныя описанія приполюсныхъ странъ, такъ-какъ Гаттерасъ достигаетъ самой точки полюса, которая для наглядности представлена въ видѣ огнедышущей горы: это въ географическомъ разсказѣ уже не совсѣмъ удобно. Мы не требовали бы такой точности, еслибы Гаттерасъ былъ представленъ совершенно небывалымъ, фантастическимъ путешественникомъ. Впрочемъ, путешествія къ сѣверному полюсу сами по себѣ такъ занимательны, что тутъ едвали нуженъ какой-нибудь вымыселъ. Книга Верна имѣетъ значеніе только какъ общій сводъ результатовъ, достигнутыхъ въ этихъ предпріятіяхъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что Вернъ, какъ разскащикъ, имѣетъ неоспоримыя достоинства: правда, характеры обрисованы имъ въ чертахъ, довольно общихъ, но онъ очень драматично умѣетъ сводить вмѣстѣ личности предпріимчивыя, энергическія съ характерами людей добродушныхъ, мягкихъ и съ лицами изъ простаго класса, нелишенными здраваго смысла. Таковы отношенія между Лиденброкомъ, его племянникомъ и флегматическимъ Гансомъ, отношенія между Фергюссономъ, Кенеди и находчивымъ Джое, и проч.

21. Сочиненія Майнъ-Рида, въ 6-ти томахъ. Охотничьи разсказы. Изд. *М. О. Вольфа.* 1868. Ц. 2 р. за томъ, въ перепл. 2 р. 50 к.

22. Новые разсказы Майнъ-Рида, въ 4-хъ томахъ. Изд. *М. О. Вольфа.* 1868. Ц. 2 р. за томъ, въ перепл. 2 р. 50 к,

23. Изгнанники въ лѣсу. Соч. *Майнъ-Рида.* Пер. *Н. А. Ушаковъ.* Съ карт. Изд. *Т. Общ. П.* 1863. Ц. 1 р. 25 к.

24. Охотникъ за растеніями. Соч. *Майнъ-Рида.* Пер. *Н. А. Ушаковъ.* Съ рис. Изд. *Тов. Общ. П.* 1863. Ц. 1 р. 25 к.

25. Прогулка молодыхъ боэровъ. Соч. *Майнъ-Рида.* Пер. *Н. А. Ушаковъ.* Съ рис. Изд. *Тов. Общ. П.* 1864. Ц. 1 р. 25 к.

26. Уединенное жилище. Соч. *Майнъ-Рида.* Пер. *Н. А. Ушаковъ.* Съ рис. Изд. *Тов. Общ. П.* 1864. Ц. 1 р. 25 к.

27. Всадникъ безъ головы. Романъ *Майнъ-Рида.* Изд. *Коппе и Корнфельда.* 2 части. 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Наиболѣе полное собраніе сочиненій Майнъ-Рида мы находимъ въ изданіи Вольфа, при чемъ для дѣтей рекомендуемъ

первые шесть томовъ охотничьихъ разсказовъ. «Новые разсказы» составляютъ особый рядъ повѣстей болѣе съ романическимъ содержаніемъ; сюда же надо отнести и романъ «Всадникъ безъ головы». Разсказы, изданные въ переводѣ Ушакова, заключаются и въ первыхъ 6-ти томахъ изданія Вольфа. Мы указали ихъ для тѣхъ, кто не въ состояніи пріобрѣсти всего Майнъ-Рида въ изданіи Вольфа, стоющемъ довольно дорого. Они на видъ изданы похуже; но переводъ одинаковаго достоинства, и притомъ тутъ выбраны лучшія изъ повѣстей Майнъ-Рида. У насъ вообще желательно имѣть болѣе дешевый и болѣе изящный по слогу переводъ избранныхъ сочиненій этого дѣтскаго писателя, но удовольствуемся покамѣсть тѣмъ, что̀ есть, и приступимъ къ разбору ихъ содержанія. Разсказы Майнъ-Рида хорошо извѣстны своимъ увлекательнымъ содержаніемъ; авторъ обладаетъ искусствомъ завязать интригу, свести вмѣстѣ наиболѣе характерные случаи изъ жизни, которую онъ описываетъ, поставить героя въ безвыходное положеніе и дать ему изъ него выпутаться или стеченіемъ новыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе возможныхъ въ данномъ случаѣ и служащихъ къ характеристикѣ извѣстнаго быта, или и съ помощью собственной догадки, пріобрѣтенной въ долгомъ навыкѣ практической жизни. Много свѣжести придаетъ этимъ разсказамъ то, что въ нихъ все выставлены дѣятельные, энергическіе характеры, образовавшіеся среди разнообразныхъ испытаній, въ постоянной борьбѣ съ природою. Въ этомъ и главное воспитательное значеніе Майнъ-Рида. Ему, правда, и легко было выбирать оригинальные типы въ средѣ, какую онъ изображаетъ: это степная жизнь дальнихъ странъ сѣверной Америки, смежныхъ съ Мексикой, южной Африки или сѣверной Индіи, по сосѣдству съ Гималайскими горами,—странъ малоизвѣстныхъ, полудикихъ, богато одаренныхъ природою, любопытныхъ по нравамъ мѣстныхъ жителей, по столкновенію европейской цивилизаціи съ туземнымъ варварствомъ. Однако, Майнъ-Ридъ вездѣ выказываетъ сочувствіе къ простому уму, опытности, находчивости и добродушію лучшихъ изъ представителей туземнаго населенія и очень выгодно освѣщаетъ характеры такихъ смышленныхъ людей изъ народа рядомъ съ лицами, которымъ европейская наука дала всѣ средства для борьбы съ природою. Во всякомъ разсказѣ у него является или краснокожій американецъ, или негръ, бушменъ, кафръ, или индѣецъ вѣрными проводниками, слугами, друзьями, часто выручающими изъ бѣды европейца. Вводя эти мѣстные типы, Майнъ-Ридъ имѣетъ случай рисовать мѣстные обычаи, но еще занимательнѣе читать у него, какъ складывается жизнь образованнаго европейца-фермера или путешественника, случайно заброшеннаго въ дикую пустыню, который, будучи лишенъ всѣхъ средствъ къ жизни, по примѣру Робинзона, устроиваетъ свои дѣла и подъ часъ богатѣетъ, обязанный единственно своимъ знаніямъ, настойчивости и неутомимому трудолюбію. Идея труда, основаннаго на точномъ знаніи законовъ природы и на

умѣньи пользоваться ими, столь извѣстная въ англійскомъ воспитаніи идея самопомощи (help yourself), выступаетъ у Майнъ-Рида на первый планъ во всѣхъ его разсказахъ. Кромѣ того, наиболѣе существенную часть ихъ составляетъ знакомство съ мѣстною природою, съ нравами разнообразныхъ животныхъ, со всѣми туземными пріемами охоты. Самымъ виднымъ недостаткомъ въ его охотничьихъ разсказахъ служитъ несоразмѣрность между научными описаніями животныхъ, годными болѣе для спеціалиста, и легкимъ, игривымъ содержаніемъ его обыкновеннаго разсказа: между дѣйствующими лицами у него всегда является какой нибудь ученый юноша, который, по поводу необыкновеннаго случая во время охоты, разсказываетъ подробно о всѣхъ свойствахъ того или другаго животнаго, перечисляетъ всѣ его виды, даже разбираетъ мнѣнія ученыхъ объ этомъ животномъ. Такія разсужденія порою черезчуръ утомительны и вовсе неумѣстны въ легкомъ разсказѣ. Съ другой стороны, желая представить наиболѣе характерные случаи, авторъ подъ часъ увлекается эффектомъ и допускаетъ много такого, что̀ могло случиться развѣ при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Его герои порой уже очень легко отдѣлываются отъ грозящей опасности. Такъ одного изъ нихъ, готтентота Свартбоя, огромный слонъ хватилъ сзаду между ногами клыкомъ и взбросилъ на дерево: Свартбой преспокойно уцѣпился за сучья и остался невредимъ. Впрочемъ, какъ мы замѣтили, то, что̀ находимъ необыкновеннаго у Майнъ-Рида, нерѣдко уже заключается въ нравахъ, обычаяхъ, въ характерѣ мѣстной жизни.

Для образца мы укажемъ на содержаніе нѣкоторыхъ изъ его охотничьихъ повѣстей. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, разсказана исторія Генриха фонъ-Блюма, который съ тремя своими сыновьями и дочерью поселился въ степной странѣ Африки, на границѣ Капскихъ владѣній. Онъ порядочно устроилъ свое хозяйство, засѣялъ поля кукурузой, обзавелся скотомъ, какъ вдругъ всѣ эти плоды многолѣтнихъ трудовъ пошли прахомъ. Налетѣла саранча и опустошила поля его. Описаніе саранчи въ высшей степени живо и занимательно. Фонъ-Блюмъ отправляется черезъ голую степь искать себѣ другаго пристанища. Онъ нашелъ удобное мѣсто для поселенія и посылаетъ сыновей за скотомъ, оставленнымъ на прежней фермѣ. Новое несчастіе! Скотъ истерзанъ львомъ, который забрался въ самое жилище. Сыновья Блюма жаждутъ мести, но какъ приступить ко льву? Африканецъ Свартбой, ихъ слуга, ухитрился пустить въ дверь стрѣлу, привязанную къ веревкѣ, и съ помощью такого снаряда запереть и защелкнуть дверь. Левъ напрасно бился въ своей тюрьмѣ, со страшнымъ ревомъ скребъ о стѣны и, наконецъ, не найдя другаго выхода, полѣзъ въ трубу, но въ ней совершенно завязъ, такъ что одна его голова торчала на воздухѣ. Месть совершилась; но, лишенный скота, фонъ-Блюмъ не имѣлъ болѣе средствъ къ жизни; скоро и лошади его пали, ужаленныя

ядовитою мухою—*цеце*. Что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Въ опасности отъ дикихъ звѣрей, онъ построилъ себѣ жилище на деревѣ и не унывая пустился на новыя предпріятія. Случай указалъ ему мѣсто, куда ходили на водопой слоны, и онъ рѣшился охотиться за слонами, чтобы вновь поправить свое состояніе черезъ добычу слоновой кости. Мы не будемъ разсказывать о занимательныхъ подробностяхъ этой охоты и самой жизни фонъ-Блюма, полной опасности. Онъ съумѣлъ приручить дикихъ собакъ для охоты и степныхъ квагг въ замѣнъ лошадей, безъ которыхъ ему невозможно было двинуться съ мѣста. Въ этой повѣсти мы находимъ самыя подробныя извѣстія о львахъ, слонахъ, носорогахъ, гіенахъ, антилопахъ и о многихъ другихъ животныхъ южной Африки. Въ разсказѣ «Прогулка молодыхъ боэровъ» идетъ дѣло объ охотничьихъ похожденіяхъ въ тѣхъ же пустыняхъ, на берегахъ Оранжевой рѣки. Тутъ живо описано, какъ туземцы узнаютъ бродъ въ рѣкѣ по звуку камешковъ, бросаемыхъ въ воду, какъ они отважно идутъ на борьбу со львомъ, ползя, какъ черепаха, подъ крѣпкимъ щитомъ и плотно прижимая его къ землѣ, когда разъяренный звѣрь дѣлаетъ нападеніе,—какъ убиваютъ страусовъ, вздѣвая на себя страусовую голову и шкуру, чтобы обмануть этихъ осторожныхъ животныхъ. Тутъ опять выступаютъ на сцену страшные черные носороги, львы, особой породы антилопы, и проч. Описанныя происшествія также разнообразны и оригинальны. Исторія поселенца Ральфа переноситъ насъ въ дикую пустыню сѣверной Америки, на границѣ Мексики. Ральфъ, потерявъ все свое состояніе, также принужденъ жить съ семействомъ въ совершенно дикой мѣстности между горами, которой не посѣщалъ еще ни одинъ путешественникъ. Онъ также устроиваетъ плантацію съ самыми скудными средствами, не имѣя даже желѣзныхъ гвоздей для постройки дома. Но знаніе природы прекрасно помогло этому семейству, совершенно отдѣленному отъ остальнаго міра. Самъ Ральфъ, жена его и дѣти неутомимо отыскивали и разводили растенія, замѣнившія имъ хлѣбъ, чай и кофе, приручили множество животныхъ не только изъ породы травоядныхъ, но и хищныхъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ устроили образцовую плантацію. Исторія Карла Линдена, охотника за растеніями въ Гималайскихъ горахъ, также полна самыхъ занимательныхъ эпизодовъ. Въ ней видную роль играетъ индѣецъ Оссаро, особенно искусный въ охотѣ на тигровъ. Однажды онъ спасаетъ цѣлую деревню отъ опустошенія тигра, засѣвши на полѣ въ крѣпкую клѣтку и надѣвъ на себя буйволовую шкуру: тигръ, бросаясь на клѣтку, силился сломать ее, но Оссаро каждый разъ поражалъ его копьемъ въ брюхо, пока звѣрь не издохъ. Въ другой разъ онъ обмазалъ особымъ клейкимъ веществомъ оставленную добычу и кругомъ разбросанные листья, такъ что звѣрь залѣпилъ себѣ глаза и всю морду, послѣ чего уже не трудно было убить его. Отыскивая рѣдкія растенія, Карлъ Линденъ черезъ

ледникъ проникаетъ въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ неприступными горами, но ледникъ разсѣлся и ему нѣтъ болѣе выхода. Все, что̀ можетъ придумать человѣческая изобрѣтательность, употреблено было въ дѣло, чтобы найти средство, какъ прожить въ этой страшной долинѣ и наконецъ изъ нея выбраться. Въ этомъ и состоитъ главное содержаніе разсказа.

«Новые разсказы» Майнъ-Рида, по своему романическому содержанію, завлекательнѣе всѣхъ оригинальныхъ, но далеко не имѣютъ того же педагогическаго значенія. Они могутъ служить развѣ только развлеченіемъ взрослымъ юношамъ послѣ изнурительнаго долбленія разнаго рода грамматикъ. Майнъ-Ридъ и въ нихъ отчасти знакомитъ съ мѣстными нравами: рисуетъ жизнь богатыхъ владѣльцевъ на Ямайкѣ, на Миссисипи, на границѣ Мексики, живо описываетъ нравы ямайскихъ горцевъ марроновъ, удалыхъ охотниковъ въ степяхъ Сіэрра-Бланке и Эстакадо, похожденія американскихъ волонтеровъ въ борьбѣ ихъ съ испанцами; и здѣсь мы находимъ то же гуманное направленіе, съ какимъ авторъ вездѣ выражаетъ свое сочувствіе къ простымъ людямъ изъ народа, или дружнымъ съ народомъ, свое негодованіе на темныя дѣла негро-торговцевъ и любовь къ англо-саксонской, американской расѣ въ лучшихъ ея представителяхъ. Но рядомъ съ этими достоинствами встрѣчается и множество недостатковъ. Страсть къ эфектнымъ сценамъ въ новыхъ разсказахъ достигаетъ послѣдней крайности; автору вообще не дается искусство рисовать сложныя общественныя отношенія между людьми, и всѣ его романы написаны по самому рутинному плану. Героиня непремѣнно первая красавица въ странѣ, будь она испанка, креолка, или квартеронка; презирая ухаживанія богатыхъ жениховъ, она любитъ бѣднаго, но отважнаго юношу, который совершаетъ для нея самые чудесные подвиги и которому, по его профессіи героя, все счастливо удается; тутъ же является какой нибудь злодѣй, на зло себѣ строющій ковы. Иногда бываетъ и такъ, что богатая красавица отвергнута, а герой любитъ ея бѣдную рабыню, и она съ самоотверженіемъ жертвуетъ всѣмъ, чтобы сочетать героя съ любимымъ предметомъ. Вотъ незатѣйливая завязка этихъ романовъ.

28. Иллюстрированная жизнь животныхъ, *А. Э. Брема*, директора гамбургскаго зоологическаго сада. Томъ I и II (млекопитающія). Ц. 8 р. Томъ III и IV (птицы). Ц. 8 р. Томъ V и VI (пресмыкающіяся и насѣкомыя). 1865—1868.

Съ Брэма мы начинаемъ обзоръ научно-популярныхъ книгъ, которыя могутъ представить богатый матеріалъ для разсказовъ, но лишь частями годны для чтенія въ среднемъ возрастѣ. Сочиненіе Брема, изданное В. Ковалевскимъ, у насъ хорошо извѣстно: вполнѣ вышли лишь первые два тома, которые съ 1865 года издавались сначала подъ редакціей В. А. Зайцева, потомъ Путяты, потомъ безъ означенія редакціи; томы III и IV уже окан-

чиваются печатаніемъ; изъ V и VI издано покамѣсть только четыре выпуска. Все изданіе, конечно, скоро будетъ приведено къ концу, и тогда мы будемъ имѣть полнѣйшую популярную книгу по зоологіи, какой не представляетъ у насъ ни одна отрасль естествознанія. Сочиненіе Брема, собственно говоря, ученое. Дѣля животныхъ на отдѣлы по самой широкой системѣ, которая дозволяла бы обозрѣвать всегда наибольшее число семействъ, въ семействахъ наибольшее число родовъ и видовъ, онъ заботится не столько о внѣшней логической стройности, сколько о полнотѣ классификаціи. Такъ въ млекопитающихъ онъ различаетъ 5 отдѣловъ: приматы (обезьяны, полуобезьяны и рукокрылыя), когтистыя, неполнозубыя, копытныя, водныя. Когтистыя, напримѣръ, обнимаютъ хищныхъ (отъ льва до землеройки), сумчатыхъ и грызуновъ. Какое тутъ разнообразіе животнаго царства! Одна порода собакъ, представляющая у Брема 42 вида, заключаетъ такъ много особенностей, что зоологи совсѣмъ теряются, сколько видовъ тутъ назначить. Остается раздѣлить животныхъ на болѣе или менѣе сходные ряды по самымъ общимъ признакамъ, и въ этихъ рядахъ размѣщать ихъ по степени ихъ развитія: Бремъ такъ и дѣлаетъ. Описаніе всѣхъ видовъ, встрѣчающихся въ разныхъ частяхъ свѣта, конечно, имѣетъ интересъ болѣе для спеціалиста, и, раскрывъ Брема, обыкновенный читатель будетъ недоумѣвать, что дѣлать съ безчисленнымъ множествомъ такихъ названій, какъ: рунный маки, вари, монга, стройный лори, малый галаго, и проч. Но пусть онъ просмотритъ общія описанія отрядовъ и семействъ, пусть изберетъ сначала разсказы о простыхъ, наиболѣе близкихъ дѣтямъ животныхъ, каковы: домашняя кошка, обыкновенныя породы собакъ, обыкновенный волкъ и медвѣдь, бѣлка и заяцъ, домашняя мышь и крыса, коза, баранъ, быкъ, обыкновенная свинья, а потомъ и о болѣе рѣдкихъ: нѣкоторыя породы обезьянъ, летучая мышь, левъ и тигръ, кротъ, боберъ, слонъ, настоящій тигръ и проч. Онъ увидитъ, что эти описанія и разсказы такъ просты, живы и занимательны, что могутъ быть прочитаны чуть не цѣликомъ осьмилѣтнимъ дѣтямъ; но читать ихъ, при занятіяхъ съ этимъ возрастомъ, дѣльный наставникъ все-таки не будетъ, а только воспользуется ими, какъ прекраснымъ пособіемъ для объясненій предметовъ окружающей природы. Да и кому же тутъ лучше довѣриться, какъ не Брему? Наши руководства по зоологіи большею частію мертвы и сухи, а дѣтскія книжонки о животныхъ сообщаютъ мало дѣла и много пустыхъ сказокъ. Къ сожалѣнію, изданіе Брема доступно по цѣнѣ лишь немногимъ: наши издатели оказали бы величайшую пользу учащемуся юношеству, еслибы сдѣлали изъ него выборъ отдѣльныхъ описаній въ указанномъ нами направленіи: тутъ для педагогическихъ цѣлей особенно важны первые два тома, такъ-какъ о жизни птицъ есть другое сочиненіе Брема, вполнѣ приноровленное къ потребностямъ учащихся. Скажемъ еще нѣсколько словъ о характерѣ

книги: «Иллюстрированная жизнь животныхъ». Мы уже не будемъ указывать на то, съ какою точностью описаны у Брема внѣшніе признаки и отличія каждаго животнаго; намъ любопытнѣе видѣть, какъ онъ изображаетъ умъ и нравственныя качества звѣрей, ихъ обычаи и привычки, ихъ половыя отношенія, выводъ дѣтей и способы добыванія пищи. Тутъ мы находимъ у автора искреннее, наивное сочувствіе къ природѣ, основанное на глубокомъ пониманіи творческихъ началъ, одинаково характеризующихъ ея дѣятельность какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ: на животныхъ Бремъ смотритъ, какъ на своихъ добрыхъ друзей, негодуетъ и радуется, видя ихъ недостатки или разумныя дѣйствія, — словомъ, совершенно вводитъ васъ въ ихъ жизнь, указывая настоящій смыслъ явленій, которыя люди привыкли объяснять какимъ-то непонятнымъ инстинктомъ. При такомъ взглядѣ возможно найти у автора и нѣкоторыя преувеличенія, но вообще читатель живѣе усвоиваетъ всѣ свойства столь близкаго къ человѣку животнаго міра: при нашей привычной гордынѣ и пренебрежительномъ отношеніи къ такъ-называемому матеріальному міру, самыя увлеченія Брема имѣютъ свою хорошую сторону. Остановимся нѣсколько на манерѣ автора описывать животныхъ. О попугаѣ, напримѣръ, онъ говоритъ такимъ образомъ: «Попугай понятливъ, остороженъ, предусмотрителенъ и хитеръ; различаетъ онъ чрезвычайно умно, обладаетъ превосходною памятью, и поэтому въ высокой степени способенъ къ обученію и образованію; онъ самостоятеленъ, гордъ и храбръ, привязывается сильно и любитъ нѣкоторыхъ пріятныхъ ему лицъ безъ памяти до гроба; онъ благодаренъ, сознательно благодаренъ, даетъ воспитать себя, становясь, подобно обезьянѣ, вѣжливымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ злобенъ, хитеръ, предательски золъ, никогда не забываетъ нанесенной ему обиды, точно также, какъ и услуги; жестокъ, немилосердеиъ къ слабѣйшимъ, за небольшими исключеніями, совершенно безчувственъ къ угнетеннымъ и несчастнымъ, точно обезьяна». Такъ нерѣдко Бремъ сравниваетъ животныхъ, сходныхъ по ихъ нравамъ. Разсказы отличаются необыкновенною полнотою: онъ проводитъ мнѣнія древнихъ и народныя преданія о томъ или другомъ животномъ, подробно говоритъ о его отношеніи къ человѣку и особенно къ жителямъ страны, гдѣ оно обитаетъ, не пропускаетъ ни одного изъ замѣчательныхъ разсказовъ о его нравахъ, какіе только могъ заимствовать у путешественниковъ, отъ натуралистовъ, подобныхъ Шейтлину, Ленцу, даже отъ случайныхъ любителей и наблюдателей; при этомъ обстоятельно описываетъ вредъ и пользу, приносимые животнымъ, его жизнь на свободѣ, въ дикомъ состояніи и въ неволѣ, въ звѣринцахъ, его способность къ прирученію и проч. Описанія наиболѣе извѣстныхъ звѣрей, каковы: левъ, тигръ, кошка, лошадь, собака, обезьяна и проч. полны самыхъ занимательныхъ, по вмѣстѣ и самыхъ достовѣрныхъ подробностей, и вы прочтете ихъ съ та-

кимъ же возрастающимъ интересомъ, какъ любую хорошую повѣсть.

29. Жизнь птицъ, для домашняго и семейнаго чтенія. Сочиненіе *А. Э. Брема*. Роскошное изданіе съ 24 карт. и 3-мя хромотипическими таблицами. Переводъ *Н. Страхова*. Изданіе книгопрод. *Д. Ѳ. Ѳедорова*. 1866. Ц. 5 руб. (695 стр.).

Мы замѣтили, что у насъ нѣтъ извлеченій изъ Брема въ дешевомъ изданіи. Существуетъ однако книга: «Разсказы о жизни животныхъ изъ Бренделя и Брема» (переводъ съ нѣмец. 1866. Ц. 1 р. 25 к.), гдѣ вы найдете много извѣстій и анекдотовъ объ обезьянахъ, крысахъ, медвѣдяхъ, кошкахъ, собакахъ и вообще о всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ животныхъ (66 статей). Къ сожалѣнію, выборъ подробностей въ этой книгѣ не совсѣмъ удачный, а главное переводъ, особенно въ началѣ, крайне безграмотный и все изданіе чрезвычайно плохо. При случаѣ, вы можете кое-что заимствовать и изъ этого сочиненія, въ которомъ есть много разсказовъ, взятыхъ у Брема, но давать его въ руки дѣтямъ никакъ не слѣдуетъ. Другая книга: «Очерки и картины изъ жизни животныхъ, Брема и Циммермана» (Москва. 1866. Ц. 2 р.) заключаетъ лишь описанія нѣкоторыхъ животныхъ, находящихся въ гамбургскомъ зоологическомъ саду. Въ описаніяхъ здѣсь много отрывочнаго и несущественнаго; полнѣе разсказы только объ оленѣ, о рыси, да о хищныхъ птицахъ. Настоящимъ сочиненіемъ извѣстнаго зоолога Брема служитъ указанная нами въ заголовкѣ книга: «Жизнь птицъ». Переводъ и изданіе ея прекрасны во всѣхъ отношеніяхъ, но существенный недостатокъ ея въ томъ, что по цѣнѣ она доступна лишь богатымъ людямъ. Между тѣмъ названная книга могла бы служить образцемъ того, на что слѣдуетъ обращать вниманіе при описаніи жизни животныхъ. Въ ней шесть отдѣловъ: I. Тѣлесная жизнь птицъ. II. Духовная жизнь. III. Родина и призваніе. IV. Домашняя и общественная жизнь. V. Человѣкъ и птицы. VI. Описанія жизни птицъ. Уже это оглавленіе даетъ нѣкоторое понятіе, какъ должны быть здѣсь живы и любопытны разсказы Брема. Съ величайшимъ искусствомъ, не утомляя читателя излишними подробностями, онъ описываетъ назначеніе каждаго органа въ птицахъ (какъ птица ходитъ, какъ плаваетъ, какъ летаетъ), ихъ голосъ, развитіе и всѣ занятія отъ колыбели до могилы (исканіе пищи, купанья въ пескѣ и въ водѣ, вечернія сборища, и проч.). Статьи объ умѣ птицъ полны самыхъ занимательныхъ подробностей: Бремъ подробно объясняетъ, какъ птицы умѣютъ пользоваться опытомъ; въ ихъ полетѣ и пѣньи онъ видитъ художественныя побужденія. Такъ же любопытны разсказы объ ихъ странствованіяхъ, о выводѣ дѣтенышей, объ ихъ семейной любви, объ общественныхъ между ними союзахъ. Въ описаніи отдѣльныхъ видовъ выбраны лишь 50 главнѣйшихъ представителей лѣсныхъ, степныхъ и водяныхъ птицъ, каковы:

орелъ, кречетъ, филинъ, воробей, овсянка, соловей, скворецъ, воронъ, рябчикъ, дрохва, аистъ, цапля, и проч. Въ статьяхъ объ отношеніи птицъ къ человѣку, гдѣ представлены: ихъ дѣйствіе на эстетическое чувство, свѣдѣнія объ ихъ ловлѣ, объ уходѣ за ними, о пользѣ, приносимой ими хозяйству, — замѣчаемъ и нѣкоторую сантиментальность, безъ которой уже не обойдется ни одна нѣмецкая книга, назначаемая *для семейнаго чтенія*. Но это единственный недостатокъ автора, мало имѣющій значенія при тѣхъ важныхъ фактахъ, какіе онъ вездѣ сообщаетъ. Книга эта почти вполнѣ можетъ служить для чтенія уже въ среднемъ возрастѣ.

30. Гнѣзда, норы и логовища. Постройки, возводимыя безъ помощи рукъ съ описаніемъ образа жизни, нравовъ, привычекъ и находчивости животныхъ. Сочиненіе *Джона Георга Вуда*, съ 130 рисунк. Переводъ подъ редак. *Страхова*. Издан. *М. О. Вольфа*. 1867. Ц. 6 руб. (626 стр.).

Пусть читатель на насъ не сѣтуетъ, что намъ приходится все указывать на очень дорогія изданія: таковы ужь вообще условія нашей общественной науки, что она еще долго останется недоступною всей массѣ средняго класса, не говоря уже о низшемъ. Книга Вуда, конечно, заключаетъ много спеціальныхъ подробностей; но по ея прекрасной идеѣ, по простотѣ описаній, она могла бы служить съ пользою и учащимся при переходѣ изъ средняго возраста въ старшій: по крайней-мѣрѣ по ней могли бы быть дополнены свѣдѣнія объ извѣстныхъ учащемуся животныхъ. Мысль охарактеризовать нравы животныхъ по возводимымъ ими постройкамъ заслуживаетъ полнаго сочувствія: на эту сторону ихъ быта дѣйствительно менѣе всего обращаютъ вниманія. Вудъ начинаетъ съ простѣйшей формы жилища, съ земляной норы и разсматриваетъ: 1) роющихъ животныхъ, 2) тѣхъ, которыя вѣшаютъ свои дома на воздухѣ, 3) настоящихъ строителей, дѣлающихъ свои дома изъ грязи, камней и палочекъ, и проч., 4) тѣхъ, которыя устроиваютъ свои жилища подъ водою, 5) живущихъ общинами, 6) живущихъ паразитами на животныхъ и растеніяхъ, 7) строющихъ свои жилища на вѣтвяхъ, 8) смѣшанныхъ животныхъ. Въ каждомъ отдѣлѣ, авторъ сначала описываетъ жилища млекопитающихъ, потомъ птицъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ, моллюсковъ, и проч. Всего въ книгѣ 31 глава. Вудъ такой же, какъ и Бремъ, страстный любитель и внимательный наблюдатель природы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть хоть въ началѣ книги, съ какимъ увлеченіемъ онъ описываетъ мускульную силу, энергію и искусство крота. Онъ также не пропуститъ случая высказать свое сочувствіе къ полезному животному; по случаю обхожденія съ лошадьми онъ говоритъ такъ: «Если лошадь нѣсколько умна, то она почувствуетъ несправедливость,

которой стала жертвой, и обратитъ на своего мучителя копыта или зубы; тогда она заслужитъ названіе и дикаго, и упрямаго звѣря. Такимъ образомъ бываетъ, что прекрасному животному, которое съ радостью работало бы всею своею силою на пользу человѣка, не даютъ занять его настоящаго мѣста, — мѣста покорнаго друга и слуги, и оно обращается въ трепещущаго раба, или въ опаснаго врага». Вообще его описанія довольно характерны и лишь мѣстами вдается онъ въ умозрѣнія въ духѣ пресловутой цѣлесообразности; говоря о фоладахъ, роющихъ скалы, онъ замѣчаетъ: «Буравящія фолады по крайней-мѣрѣ отчасти (?) призваны быть орудіями, помогающими тѣмъ великимъ измѣненіямъ, которыя постоянно совершаются на всей земной поверхности; для этого и вложенъ въ нихъ инстинктъ къ рытью (!), какъ и въ другихъ морскихъ животныхъ».

31. Лѣсныя животныя, звѣри, птицы и пресмыкающіяся, соч. *А. Брема* и *Е. Россмесслера*. Переводъ съ нѣм. *Н. Страхова*, съ 20-ю гравиров. на стали и 71 рис., рѣзанными на деревѣ. 1867. Ц. 6 р. (790 стр.).

Эта, чрезвычайно изящно изданная книга, также, вѣроятно, назначается для салоновъ, гдѣ всего меньше будутъ читать ее; между тѣмъ, исключивъ изъ нея кое-что несущественное и интересное болѣе для нѣмцевъ и сдѣлавъ изданіе попроще, можно бы уменьшить ея цѣну, по крайней-мѣрѣ, до 2 р. Въ ней есть статьи, болѣе доступныя старшему возрасту, но многіе простые разсказы могутъ быть удобно прочтены и въ среднемъ возрастѣ. Въ началѣ выражено мнѣніе, что изъяснять происхожденіе животныхъ дѣло *безплодное*, а достаточно указать только на ихъ зависимость отъ растеній и другихъ животныхъ въ данной мѣстности. Это замѣчаніе, какъ будто направленное противъ теоріи Дарвина, кажется здѣсь неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ же говорится о звѣряхъ, исчезнувшихъ въ германскихъ лѣсахъ, и слѣдовательно, «законъ, какъ сказано въ книгѣ, повелительно указывающій мѣстопребываніе слѣдующимъ поколѣніямъ», не такъ непреложенъ. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, упомянуто, какъ въ Англіи у собакъ, ходившихъ за выдрами, развились плавательныя перепонки. Если ужь принимать многое изъ теоріи Дарвина, то нельзя сказать, что «въ сущности все равно, какого бы мнѣнія ни держаться». Лучше бы, для избѣжанія недоразумѣній, и не затрогивать вопроса, рѣшать который не было намѣренія у авторовъ. Книга заключаетъ только описаніе жизни и нравовъ животныхъ, свойственныхъ Германіи, которое, однако, имѣетъ интересъ и для насъ, потому что описаны все самыя обыкновенныя, знакомыя и намъ, животныя. Она раздѣляется на 18 отдѣловъ: 1) о лѣсныхъ животныхъ вообще; 2) о животныхъ, населяющихъ нѣмецкіе лѣса; 3) о исчезнувшихъ животныхъ; 4) о пограничныхъ жителяхъ нѣмецкаго лѣса: зубръ, лось; 5) хищники: рысь, дикая кошка, волкъ,

лисица и проч.; 6) хищныя птицы: орелъ, ястребъ, сова и проч. до 15 видовъ; 7) благородная дичь: олень, ланъ, дикая свинья и проч.; 8) пернатая дичь: глухарь, тетеревъ, рябчикъ, фазанъ; 9) охранители лѣса: летучая мышь, землеройка, ёжъ; 10) птицы благодѣтели: дятелъ, вертишейка, синица, королекъ и проч.; 11) грызуны и роющія: бѣлка, мышь, боберъ и проч.; 12) лѣсные пѣвцы: соловей, славка, дроздъ, крапивникъ, лѣсной жаворонокъ и проч.; 13) вьюрки: дубоносъ, зябликъ, чижъ, снигирь и проч.; 14) хористы лѣса: сорокопуты, скворцы, иволга, сорока, ворона и проч.; 15) птицы, только вьющія въ лѣсу гнѣзда: зимородокъ, болотный улитъ; 16) колоніи гнѣздъ и ихъ обитатели: низшія позвоночныя; 17) гады: ящеръ, мѣдяница, ужъ, гадюка, лягушки, жабы; 18) лѣсная рыба: форель. Мы выписали всю эту систему, такъ-какъ она указываетъ на направленіе книги: тутъ живо описана охота за разными звѣрями, ихъ образъ жизни, польза, ими приносимая, при чемъ, напримѣръ, высчитано, что одинъ королекъ истребляетъ въ годъ до 365,000 вредныхъ насѣкомыхъ, а 12 птенцовъ, вмѣстѣ съ родителями, уничтожаютъ до 8 мил. Про сарычей сказано, что ихъ слѣдуетъ назвать «священными птицами лѣса» и всѣми силами защищать и сохранять; для дятловъ авторы совѣтуютъ оставлять старыя дупла въ лѣсу. Мѣсто не дозволяетъ намъ приводить краснорѣчивые, увлекательные разсказы о могучемъ полетѣ и хищности орловъ, объ обычаяхъ благороднаго сокола и проч.; сочувствіе къ силѣ, красотѣ и уму животныхъ тутъ простирается до того, что высказана мысль: «достойно сожалѣнія, что человѣкъ долженъ враждебно относиться къ этимъ *благороднымъ* существамъ». Разсказъ мѣстами оживляется и такими подробностями: «въ 1819 году въ Баваріи изданъ былъ приказъ убить рысь, мясо которой должно было служить для короля лекарствомъ отъ головокруженія», — или, что католическое духовенство принимаетъ выдру за рыбу, и потому не считаетъ грѣхомъ ѣсть ея мясо. Но если авторы черезчуръ сочувствуютъ доблестямъ сокола, то не такъ они относятся къ прежнимъ нѣмецкимъ князьямъ, говоря объ ихъ охотѣ за благородною дичью: «германскіе князья прошлыхъ столѣтій, которые считали свои народы просто за стада, а земли не болѣе, какъ за пастбища этихъ стадъ, были почти всѣ безъ исключенія ревностными охотниками, принимавшими въ дичи несравненно болѣе участія, чѣмъ въ благосостояніи порабощенныхъ ими людей». По этому поводу упомянуто объ одномъ виртембергскомъ пасторѣ, который, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, свою просьбу о потравахъ начинаетъ такъ: «Вашего королевскаго величества высочайшія свиньи пожрали мой всеподданнѣйшій картофель». Книга, какъ видитъ читатель, написана легко; на переводѣ мѣстами замѣтно вліяніе нѣмецкой рѣчи въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: «рысь мастерица во всѣхъ упражненіяхъ, но любитъ серьёзную созерцательность».

32. Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ, *Карла Фогта*, съ 73 рис. Изд. Л. Н. Шелгуновой. 1865. Ц. 60 к. (242 стр.).

Вотъ прекрасная книга, стоющая всего 60 к., и между тѣмъ не менѣе богатая содержаніемъ, чѣмъ тѣ, какія у насъ продаются по 6 р. Фогтъ не только описываетъ вредъ и пользу отъ животныхъ для земледѣлія и садоводства, но и въ живыхъ, рѣзкихъ чертахъ рисуетъ ихъ образъ жизни, зависящій отъ ихъ внѣшняго устройства, и различныя о нихъ мнѣнія какъ въ древнія, такъ и въ настоящее время: книга его вмѣстѣ представляетъ множество любопытныхъ фактовъ изъ исторіи людскаго невѣжества и суевѣрія, наглядно доказывая всю важность внимательнаго изученія природы. Примѣромъ можетъ служить описанный у него формальный процессъ, который въ 1545 году начатъ былъ противъ жуковъ, опустошившихъ виноградники на горѣ Сенъ-Жульенъ, въ Савойѣ. Мѣстный епископъ тотчасъ разослалъ циркуляръ, гдѣ объяснялъ народу, что это бѣдствіе ниспослано небомъ, какъ наказаніе за неправильное внесеніе десятины, и назначилъ жукамъ адвоката. Граждане въ общемъ собраніи рѣшили, что полезно указать жукамъ достаточные луга и мѣста для пропитанія, внѣ виноградниковъ, и дѣйствительно назначили 50 моргеновъ общественной земли; адвокатъ животныхъ возражалъ, что назначенное мѣсто совсѣмъ безплодно и т. д. Подобныя дѣла совершенно серьёзно производили встарину; но и въ наше время члены саксонской верхней палаты издавали публичное приглашеніе стрѣлять въ особое «священное время», сорокъ для дрезденскаго заведенія дьяконисъ, которыя, сжигая этихъ птицъ, приготовляли порошокъ отъ падучей болѣзни. Фогтъ вездѣ очень краснорѣчиво возстаетъ противъ невѣжества, съ какимъ истребляютъ кротовъ, летучихъ мышей, совъ, жабъ, столь полезныхъ для полей животныхъ, и покровительствуютъ, напримѣръ, аистамъ, приносящимъ больше вреда, чѣмъ пользы. По его словамъ, всѣ крысоловы Германіи вмѣстѣ не вылавливаютъ столько мышей въ цѣлый годъ, сколько тюрингенскія совы въ одинъ мѣсяцъ, а крысоловамъ еще платятъ, тогда-какъ ночныя птицы дѣлаютъ это даромъ. Но чтобы указать всѣ занимательныя подробности, намъ пришлось бы выписать болѣе половины книги Фогта. Какъ мы замѣтили, онъ не ограничивается описаніемъ вреда или пользы отъ животныхъ, но въ связи съ этимъ говоритъ и о всѣхъ, наиболѣе замѣчательныхъ ихъ свойствахъ. Такъ въ первыхъ трехъ лекціяхъ описаны: млекопитающія насѣкомоядныя (летучія мыши, кроты, землеройки, ёжи), полезныя птицы (сарычи, совы, дятлы, ласточки), полезные и вредные гады (ядовитыя змѣи, ужи, мѣдяницы, лягушки, жабы). Остальныя семь лекцій посвящены почти исключительно насѣкомымъ. Мы увѣрены, что наставники не будутъ подражать тѣмъ изъ русскихъ, которые, по увѣренію

Фогта, уже оскорбились, когда онъ на одной изъ названныхъ лекцій (читанныхъ въ Женевѣ) замѣтилъ, что въ Россіи очень много таракановъ, — и принудили его приводить на это доказательства изъ поэмы Гоголя «Мертвыя души»; наставники, конечно, не примутъ игриваго остроумія автора за недостатокъ серьёзнаго взгляда, и посовѣтуютъ уже 15-ти-лѣтнимъ юношамъ прочесть эту книгу, которая для насъ имѣетъ особенное практическое значеніе.

33. Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ, *П. Флуранса*. 1859. Ц. 60 к. (166 стр.).

34. Психическая жизнь животныхъ, *М. Перти*. Пер. *Н. К. Зенгера*. 2 вып. М. 1866 — 67. Ц. 1 р. 50 к. (болѣе 300 стр.).

Мы здѣсь указываемъ двѣ книги, которыя могутъ служить дополненіемъ къ предъидущимъ: въ обѣихъ мы находимъ подробное изложеніе мнѣній древнихъ и новыхъ философовъ и натуралистовъ объ умѣ и способностяхъ животныхъ. Но книга Флуранса ограничивается разборомъ этихъ мнѣній и нѣкоторыми зоологическими изслѣдованіями о видахъ. Авторъ различаетъ инстинктъ, какъ прирожденную способность къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ, и умъ животныхъ, какъ способность, которая развивается съ помощью обученія и опыта. Въ умѣ человѣка онъ, кромѣ того, видитъ «власть мысли надъ мыслію». Ближайшаго разъясненія этого темнаго вопроса о точныхъ границахъ между инстинктомъ и умомъ, между умомъ животныхъ и человѣка, мы все-таки не находимъ. Еще менѣе найдемъ его у Перти, который то какъ будто придерживается мнѣній натуралистовъ, то склоняется на сторону метафизиковъ. Такъ, напримѣръ, онъ признаетъ въ собакахъ способность предвидѣть будущее вслѣдствіе какой-то ихъ симпатической связи съ людьми. Но у Перти обильно собраны факты, свидѣтельствующіе о разныхъ способностяхъ животныхъ: изъ сочиненій Чуди, Лихтенштейна, Мюллера, Реймаруса, Одюбона, Леруа, Кювье, Науманна, Брема, Шейтлина, Мильна-Эдвардса и проч. Онъ разсматриваетъ и мнѣнія Вайца, Реклама, Вундта, Дарвина. Такимъ образомъ, у него можно извлечь достаточный матеріалъ для объясненій по сказанному вопросу. Обѣ книги, конечно, полезны болѣе наставнику, чѣмъ учащимся.

35. Очерки природы, *Гартинга*, съ предисл. проф. *Шлейдена*. Перев. съ нѣмец. Съ литогр. табл. и политип. въ текстѣ. Изд. книгопр. К. Шамова. 1865. Ц. 1 р. 50 к. (220 стр.).

Въ предисловіи къ этой книгѣ Шлейденъ защищаетъ естествознаніе болѣе съ эстетической точки зрѣнія и говоритъ о его

важности для поэтовъ, возмущаясь, напримѣръ, тѣмъ фактомъ, что одинъ художникъ представилъ сову въ дуплѣ ели, тогда какъ елей съ дуплом не существуетъ. Эти разсужденія, однако, мало относятся къ содержанію книги, которая заключаетъ не столько художественныя картины природы, сколько научно-популярное изъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ по естествознанію. Таковы статьи о градѣ (изслѣдованіе надъ строеніемъ и образованіемъ града), о свѣтеніи насѣкомыхъ, объ инфузоріяхъ, заключающихся въ каплѣ воды, о составѣ земной коры; объ искусственномъ разведеніи рыбъ, о пробковомъ слоѣ въ деревѣ (о строеніи дерева), о спячкѣ животныхъ и растеній (какъ долго сохраняютъ жизнь замерзшія животныя, какъ долго сохраняютъ сѣмена способность проростанія). Въ статьѣ «Тропическая растительность» довольно живо описаны разнообразіе и богатство тропическаго міра: громадные папоротники и травянистыя растенія, орхидеи, раффлезіи, кактусы, бананы, пальмы, и проч. Вообще разсказы Гартинга довольно просты и занимательны и могли бы служить для чтенія уже при переходѣ въ старшій возрастъ; но по живости они все-таки не сравнятся съ разсказами Гартвига, съ которымъ, по сходству именъ, его не слѣдуетъ смѣшивать.

36. Картины растительности для взрослыхъ дѣтей. Соч. *Германа Мазіуса.* Пер. *Ф. Резенеръ.* Изд. *М. О. Вольфа.* 1861. Ц. 1 р. 25 к. (121 стр).

Вотъ рядъ картинъ, довольно удачно рисующихъ общія впечатлѣнія, производимыя природою въ умѣренномъ климатѣ. Авторъ описываетъ лугъ, верещагъ, хвойный лѣсъ, лиственный лѣсъ, ниву, картины на берегу озера и при наступленіи осени. Недурно представлено имъ веселое, наивно-дѣтское чувство, какое мы испытываемъ при видѣ залитаго свѣтомъ луга съ его переливами травъ, созданныхъ по одному и тому же типу, съ игрою облачныхъ тѣней; тутъ передъ нами пестрѣютъ маргаритка, пастушья сумка, первоцвѣтъ, зонтичныя, одуванчикъ, полевица,— снуютъ пчелы, кузнечики, жаворонки, на терновой изгороди стаи воробьевъ: блеяніе стадъ и звонъ колокола, видъ восходящаго и заходящаго солнца, сѣнокоса, — довершаютъ картину. Другой характеръ имѣетъ верещагъ съ его вымершими, сѣро-коричневыми вѣтвями вереска; васъ подавляетъ общій суровый видъ песчанаго поля, но и дикая, первобытная природа имѣетъ свою прелесть. Вглядитесь, — и вы найдете разнообразіе въ игривыхъ формахъ мелкихъ цвѣтовъ; колокольчики, падубъ, баранья трава, анютины глазки, дрокъ, можжевельникъ, черника и брусника также займутъ ваше вниманіе; въ воздухѣ протянуты паутинныя нити, кружатся рои пчелъ, порой пронесется орелъ. Но страшно торфяное болото съ его черною топью, съ осокой, увѣшанной бѣлыми хлопьями. Свою особую красоту имѣютъ: хвойный лѣсъ

съ его однообразными формами, съ колоннадами высокихъ стволовъ, со мшистымъ ковромъ и смолистымъ благоуханіемъ, — лиственный лѣсъ, производящій обаяніе шелестомъ игривой зелени, таинственнымъ мракомъ и дикимъ хаосомъ густой чащи,— нива съ плодами земледѣльческаго труда, который оцѣненъ былъ и вождемъ одного охотничьяго, индѣйскаго племени, когда онъ говорилъ: «мясу нужно расти болѣе 30 мѣсяцевъ; оно бѣжитъ отъ насъ на четырехъ ногахъ, а мы за нимъ гонимся на двухъ, — а хлѣбъ не уйдетъ отъ насъ». Такъ Мазіусъ, раздѣливъ по Гумбольдту растительность умѣренной полосы, рисуетъ ее въ крупныхъ очеркахъ, доступныхъ для пониманія и въ среднемъ возрастѣ. Цѣна книги нѣсколько велика, судя по ея объему.

37. Лѣсъ, соч. *А. Росмеслера*. Перев. съ нѣм. съ значит. дополн. подъ ред. *Ѳ. К. Арнольда* и *Н. Е. Попова*. Съ 8-ю карт. на мѣди, 88-ю рис. и 2-мя картами. 1866. Ц. 4 р. (658 стр.).

Эту книгу можно назвать лучшимъ изъ популярныхъ сочиненій о деревьяхъ, годнымъ для чтенія при переходѣ изъ средняго возраста въ старшій: она притомъ снабжена множествомъ рисунковъ, значительно облегчающихъ ея пониманіе. Имѣть такую книгу подъ рукою въ деревнѣ, лѣтомъ, значитъ доставить себѣ матеріалъ для практическихъ упражненій на многіе мѣсяцы. Росмеслеръ описываетъ почти все такіе предметы, которые легко наблюдать и у насъ во всякой мѣстности. Въ первой части онъ говоритъ объ общихъ свойствахъ дерева и о лѣсной почвѣ. Онъ объясняетъ пользу, приносимую лѣсомъ, когда онъ еще не срубленъ, и различіе между деревомъ и животнымъ. Дерево нельзя назвать отдѣльною особью; его тѣло служитъ только почвою для двухъ разрядовъ особей: листьевъ и цвѣтковъ. Поэтому, отъ лѣса мы не требуемъ такой симметріи, какъ отъ животнаго. Разрывая почву подъ корнями, мы открываемъ любопытнѣйшіе законы роста въ различнаго рода деревьяхъ: такъ для ели довольно одного фута назема, чтобы распространять свои корни по поверхности; корни другихъ деревьевъ углубляются въ самыя скалы, находящіяся подъ почвой. Понятно, какъ важно знать всѣ свойства почвы (ея способность къ всасыванію воды, теплопроводимость, и проч.), чтобы рѣшить, какія деревья могутъ расти на ней. Росмеслеръ объясняетъ такъ же, какъ ошибаются тѣ, которые, думая очищать лѣса, или собирая подстилку скоту, лишаютъ почву ея покрова: мху, опалыхъ листьевъ и проч.; лѣсъ въ этомъ случаѣ растетъ хуже. Далѣе онъ обстоятельно излагаетъ все, что̀ касается строенія и жизни деревьевъ, говоря о почкахъ, стволѣ, сучьяхъ, древесинѣ, корѣ, клѣточкахъ, сосудахъ и проч. Любопытны подробности и о прорастаніи сѣмянъ: когда срубятъ еловый лѣсъ, иногда вдругъ выростаетъ букъ; значитъ, буковыя сѣмена долго сохранялись въ землѣ, заглушаемыя елью. Во второй части описаны уже отдѣльныя де-

ревья: изъ породы хвойныхъ: сосна, ель, пихта, тисъ, можжевельникъ, — изъ породы лиственныхъ: букъ, дубъ, грабъ, лещина, ольха, береза, осина, тополь, ива, вязъ, бузина, дернъ, калина, жимолость, ясень, яворъ, рябина, и проч. Третья часть имѣетъ предметомъ лѣсное хозяйство. Мы видимъ, что тутъ избраны главнѣйшіе виды встрѣчающихся и у насъ деревьевъ; при ихъ описаніи, авторъ вездѣ имѣетъ практическую цѣль: чтобы по самому строенію ствола, по почкамъ, по расположенію сучьевъ, и проч. читатель научился различать ихъ, и вмѣстѣ хорошо понималъ приносимую ими пользу.

Эту столь необходимую для насъ книгу, мы желали бы имѣть въ сокращенномъ, болѣе дешевомъ изданіи.

38. Картины растительности земнаго шара, *Людвига Рудольфа*. По нѣм. подлин. составилъ *А. Бекетовъ*, съ карт. и полит. Изд. *Глазунова*. 1861. Ц. 2 р. 50 к.

Это сочиненіе, необыкновенно богатое содержаніемъ, послужитъ въ пользу болѣе въ старшемъ возрастѣ. Въ немъ три отдѣла. Первый заключаетъ обзоръ растеній, имѣющихъ наиболѣе вліянія на видъ страны, каковы: лиственныя, миртовыя, хвойныя, верески, мимозообразныя, папоротники, пальмы и т. д. до 20 группъ. Во второмъ описаны воздѣлываемыя растенія, которыя, будучи разводимы въ большихъ размѣрахъ, значительно измѣняютъ видъ страны: 1) зерновыя хлѣба, 2) растенія съ подземными клубнями (картофель, аройники, маніокъ, бататъ), 3) плодовыя деревья (хлѣбное, банановъ, пальмы, арека, миндальныя, маслина, каштанъ, и проч.), 4) употребляемыя въ пряжу и на другія полезныя издѣлія, 5) дающія предметы роскоши (виноградъ, сахарный тростникъ, кофейное, чайное дерево, перецъ, индиго, табакъ, и проч.). Вездѣ авторъ представляетъ наружный видъ деревьевъ, ихъ распространеніе, видъ плодовъ, ихъ вызрѣваніе и употребленіе. Касательно распространенія этихъ растеній, онъ выводитъ слѣдующіе законы: 1) площадь обитанія растенія тѣмъ обширѣе, чѣмъ проще его строеніе; 2) растенія сѣверныхъ странъ способны распространяться несравненно дальше на югъ, чѣмъ наоборотъ; 3) имѣющія обширныя площади обитанія способнѣе распространяться далѣе. Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ картины растительныхъ поясовъ земнаго шара отъ экватора до полюсовъ. Здѣсь по Мейену опредѣлено 8 поясовъ, и въ каждомъ представлена сначала общая характеристика пояса, а потомъ слѣдуетъ частное его описаніе по всѣмъ странамъ свѣта. Тутъ живо обрисованы: характеръ тропической растительности, африканскихъ степей, льяносовъ, сѣверныхъ тундръ, и проч.; обращено должное вниманіе и на Россію. Книга представляетъ сравнительно довольно легкій, и вмѣстѣ полный курсъ по географіи растеній.

39. Міръ растеній. Опытъ космической ботаники. Соч. *Карла Мюллера*, перев. съ нѣм. подъ ред. *К. Резенера*. Съ 300 рис. въ текстѣ. Изд. *М. О. Вольфа*. 1863. Ц. 3 р. 50 к. (547 стр.).

Сочиненіе Мюллера подобно по содержанію предъидущему, но носитъ болѣе ученый характеръ. Въ немъ двѣ части: приготовленіе къ путешествію вокругъ свѣта, и самое путешествіе. Сначала въ 4-хъ книгахъ авторъ излагаетъ: общія свойства растеній по отношенію къ своему предмету (раздѣленіе на роды и виды, растительныя общины, отношеніе растеній къ почвѣ, ихъ климатическія условія, и проч.), исторію растительнаго царства по геологическимъ періодамъ, растительные типы (пальмы, бананы, орхидныя, линейныя, злаки, мхи, грибы, и проч.), и распространеніе растеній по растительнымъ областямъ и поясамъ. Вторая часть въ 6-ти книгахъ заключаетъ ботаническое описаніе всѣхъ частей свѣта: полярныхъ странъ, — Америки, Азіи и Африки въ ихъ разныхъ поясахъ и растительныхъ областяхъ, Океаніи и Европы.

40. Описаніе моря и совершающихся на немъ явленій, соч. *Ромберга*. Перев. съ нѣм. подъ ред. *П. Вышеславцева*. Изд. Тов. Общ. П. 1861. Ц. 1 р. 50 к. (стр. 176).

Книга Ромберга представляетъ точное, хотя и нѣсколько сухое описаніе главнѣйшихъ явленій моря. Авторъ сначала кратко говоритъ о геологическихъ переворотахъ, поведшихъ къ настоящему состоянію земли, о распредѣленіи воды и суши. Потомъ онъ рѣшаетъ вопросъ: одинакова ли плотность воды, отъ которой зависитъ уровень моря. Различія въ уровнѣ очень незначительны: такъ нашли, что Тихій океанъ выше Карибскаго моря лишь на $3^2/_5$ фута. Далѣе дѣло идетъ о свойствахъ морской воды: о ея солености, при которой, однако, образовавшійся изъ нея ледъ прѣсенъ, о ея прозрачности, столь значительной, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видно на глубинѣ 150 футовъ. Разница въ нагрѣваніи земли и воды производитъ другія важныя явленія: для сѣверныхъ морей, напримѣръ, сентябрь самый теплый мѣсяцъ, а мартъ — самый холодный. Отъ болѣе медленнаго нагрѣванія и охлажденія моря зависятъ и особенности морскихъ вѣтровъ. Авторъ описываетъ эти вѣтры съ ихъ измѣненіями, говоритъ объ ихъ влажности, о мѣстахъ обильныхъ и скудныхъ дождемъ, и потомъ обстоятельно излагаетъ морскія теченія, законы движенія волнъ, свойства прилива и отлива. Далѣе, говорится о глубинѣ моря (при чемъ описанъ лотъ Брука), объ измѣненіяхъ дна и береговъ (лиманы, отмели, дюны, подводные кратеры, образованіе карлловыхъ рифовъ по теоріи Дарвина) и о цвѣтѣ моря. Въ заключеніе, авторъ представляетъ исторію мореплаванія и постройки судовъ. Книга, какъ видимъ, представляетъ хорошій матеріалъ и для географическихъ объясненій.

Слогъ перевода мѣстами не совсѣмъ ясенъ, встрѣчаются выраженія въ родѣ «качанія водяной теплоты» (вм. колебанія).

41. Вода. Изложеніе для образованныхъ читателей и читательницъ. *Э. А. Росмслера.* Съ 8-ю хромолит. табл. и 47 полит. Перевели съ нѣм. *А. Андреяновъ* и *М. Яблонскій.* Изд. *М. О. Вольфа.* 1862. Ц. 4 р. (653 стр.).

Имя Росмеслера уже ручается за искусный выборъ фактовъ и научную занимательность книги. Излагая все, что̀ относится къ водѣ и къ производимымъ ею на землѣ явленіямъ, онъ даетъ очень полный курсъ физики по этому предмету, и также самые любопытные, принадлежащіе сюда, факты изъ физіологіи и физической географіи. Способъ его объясненій основанъ на наглядности, на примѣненіи знанія къ жизни. Онъ вездѣ рѣшаетъ подобные вопросы: отчего вода въ рѣкахъ не замерзаетъ до дна; отчего на высокихъ горахъ пища не доваривается (такъ-какъ вода испаряется ниже 80 град. Реом.); какъ отъ употребленія морскихъ картъ Мори для одной британской торговли оказалась выгода въ 10 милл. доллеровъ; какъ объяснить образованіе дельтъ по потокамъ и лужамъ послѣ сильнаго дождя, и проч. У него находимъ и описаніе всѣхъ замѣчательныхъ явленій, происходящихъ отъ сухости воздуха въ Соединенныхъ Штатахъ, которая зависитъ отъ господствующаго материковаго западнаго вѣтра: бѣлье сохнетъ скорѣе, хлѣбъ быстро черствѣетъ, работы мѣстныхъ столяровъ требуютъ совсѣмъ особыхъ пріемовъ, отъ сырости въ новыхъ домахъ никто не страдаетъ; люди крайне сухощавы и нервически-дѣятельны, можетъ быть, по той же причинѣ. Въ книгѣ 9-ть отдѣловъ, и самый краткій обзоръ ихъ уже познакомитъ читателя съ богатствомъ содержанія: 1) Химическія и физическія свойства воды: изслѣдованія Лавуазье, Друммондовъ свѣтъ, старинный флогистонъ; условія замерзанія и кипѣнія воды. 2) Вода, какъ составная часть воздушнаго моря: давленіе воздуха, дѣйствіе теплоты, изслѣдованія Мори надъ физическими явленіями моря, направленіе вѣтровъ; роса, туманъ, иней, облака, дождемѣръ, снѣгъ, градъ, и проч. 3) Вода, какъ регуляторъ климата: климатъ Соединенныхъ Штатовъ, сравненіе климата Германіи съ климатомъ Испаніи, пассаты и муссоны, вліяніе гольфстрема. 4) Вода, какъ землеобразовательная сила: вывѣтриваніе скалъ, ихъ расширеніе при замерзаніи (происхожденіе фарфоровой глины), сползаніе горъ, дѣйствіе рѣкъ и моря на берега, исполинскіе горшки въ скалахъ, отступленіе водопадовъ, разнообразныя дѣйствія ледниковъ, образованіе извѣстныхъ туфовъ, сталактитовыхъ пещеръ, и проч. 5) Море и воды материка: глубина, уровень, соленый вкусъ воды и другія свойства моря; источники, водопады, ручьи, рѣки, стоячія воды, и проч., исторія артезіанскихъ колодцевъ. 6) Вода, какъ питательница жизни: явленія всачиванія; вода, какъ посредница

питанія и какъ питательное вещество, ея значеніе въ жизни растеній и животныхъ. 7) Вода, какъ мѣстопребываніе растеній и животныхъ: различіе между прѣсноводными и морскими растеніями и животными, ихъ географическое распредѣленіе. 8) Вода, какъ посредница торговыхъ сношеній. 9) Вода, какъ элементъ художества и поэзіи.

Мы видимъ, что въ сочиненіи Росмеслера заключается то же, что̀ въ книгѣ Ромберга, но кромѣ того, множество другихъ предметовъ; оно можетъ быть назначено для чтенія въ старшемъ возрастѣ и доставитъ богатый матеріалъ для бесѣдъ съ дѣтьми другихъ возрастовъ.

42. Морской міръ. *Альфреда Фредоль.* Съ хромолитогр. карт., гравиров. картами и политип. рис. въ текстѣ. Переводъ съ франц. Изд. книгопрод. *К. Шамова.* Москва. 1866. Ц. 3 р. (450 стр.).

Это и слѣдующія далѣе сочиненія мы назначаемъ исключительно для старшаго возраста. Посмертное сочиненіе Фредоля «Морской міръ» заключаетъ, конечно, подробности, нѣсколько утомительныя для мало подготовленныхъ юношей; но, при совершенно популярномъ изложеніи, въ немъ много и такихъ сторонъ, которыя могутъ завлечь вниманіе. Описавъ общія свойства моря, авторъ разсказываетъ о водорослях, потомъ о низшихъ морскихъ животныхъ: наливочныхъ, корненожкахъ, моллюскахъ, и проч. Съ 309 стр. начинается описаніе главнѣйшихъ рыбъ, и далѣе говорится о морскихъ черепахахъ, о морскихъ птицахъ, о китообразныхъ, о тюленяхъ, моржахъ, морскихъ выдрахъ и наконецъ о бѣломъ медвѣдѣ. Бо̀льшую часть книги, конечно, занимаетъ описаніе низшихъ животныхъ, которыя, по мягкости своего тѣла, могутъ жить только въ морѣ, спасаясь на глубинѣ отъ волненій, простирающихся въ глубину лишь на 25 метровъ: это обстоятельство даетъ возможность и мягкимъ водорослямъ разростаться на 500 метровъ въ длину, не имѣя корня. Такъ образуются подводные луга, рощи, лѣса, и море вообще богаче населеніемъ, чѣмъ суша. Объ инфузоріяхъ, изъ остатковъ которыхъ образовались цѣлыя горы, о коралловыхъ полипахъ довольно извѣстно; но море не менѣе богато микроскопическими растеніями: Фредоль вычисляетъ, что пространство, ими занимаемое, обнимаетъ до 60 миль квадр. метровъ, и при этомъ въ каждомъ квадратномъ милиметрѣ ихъ находимъ до 40,000 особей. Такъ вездѣ сообщаетъ онъ любопытныя вычисленія и факты: говоря о количествѣ воды въ океанѣ, онъ объясняетъ, что рѣки могли бы наполнить его въ 40,000 лѣтъ, еслибы онъ высохъ; онъ обстоятельно описываетъ свѣченіе моря, размноженіе медузъ чрезъ генеагенезисъ, при которомъ дѣти похожи на бабку, сообщаетъ о спорѣ между С.-Илеромъ и Кювье по вопросу о единствѣ творенія, и проч. Тутъ же нахо-

димъ подробности объ устройствѣ лондонскаго и булонскаго акваріума, о добываніи соды, о ловлѣ коралловъ, губокъ, жемчуга, о разведеніи устрицъ, о добываніи пурпура, о сельдяномъ и китоловномъ промыслѣ, и проч. Въ животныхъ обращено все вниманіе не только на внѣшній видъ и внутреннее строеніе, но и на образъ жизни. Раскрашенныя картины, изображающія подводный міръ, даютъ, хотя и слабое, понятіе о морскихъ растеніяхъ и животныхъ въ ихъ естественномъ видѣ.

43. Земля, растеніе и человѣкъ. Картины природы. *І. Ф. Скау.* Переводъ съ нѣмец. Изд. *И. И. Глазунова.* 1859. Ц. 1 р. (450 стр.).

Сочиненіе датскаго ученаго Скау можетъ служить дополненіемъ къ книгамъ, указаннымъ нами подъ № 38,39. Оно заключаетъ, рядомъ съ общими вопросами о происхожденіи растеній и ихъ отношеніи къ человѣку, много сравнительныхъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей и носитъ болѣе характеръ сборника, чѣмъ связнаго курса. Изложеніе въ книгѣ довольно живо и цѣна ея сравнительно недорогая. Въ началѣ мы находимъ исторію растительнаго царства: описаніе растеній, находимыхъ въ слояхъ сланца и желѣзняка, въ песчаникѣ, въ каменноугольныхъ пластахъ. Авторъ замѣчаетъ, что папоротники, плауны и хвощи занимаютъ здѣсь $^3/_4$ всѣхъ видовъ, тогда какъ нынѣ ихъ $^1/_{30}$. Далѣе онъ объясняетъ, какъ появлялись постепенно другія высшія растенія; въ послѣднія 2,000 лѣтъ, сколько мы знаемъ, растительное царство не измѣнилось: примѣромъ служитъ Египетъ по описаніямъ Ѳеофраста и Геродота. Рѣшая вопросы о происхожденіи нынѣшнихъ растеній, онъ полагаетъ, что родоначальниками ихъ были многіе виды, которые, какъ мы это видимъ и нынѣ, могутъ исчезать или измѣняться, что они образовались не вдругъ, а постепенно, и проч. Касательно измѣненій въ мѣстной флорѣ, онъ приводитъ любопытный фактъ, основанный на изслѣдованіяхъ Помпеи, что въ средней Италіи во время римлянъ существовали южная сосна, кипарисъ, олеандръ, плющи, и не было алоэ, опунцій, тутовыхъ деревьевъ, маиса, риса, апельсиновъ, и проч. Вслѣдъ затѣмъ идетъ рѣчь о распредѣленіи дождя въ разныхъ поясахъ, и авторъ распространяется о причинахъ такъ-называемой итальянской маларіи. Въ слѣдующихъ статьяхъ онъ указываетъ параллели въ растительномъ царствѣ на разныхъ ступеняхъ развитія, сравниваетъ альпійскую флору съ полярною, Норвежскія горы съ Аппенинами, описываетъ растительныя полосы горы Этны, природу Карша, острововъ Капри и Искіи: всѣ эти описанія очень характеристичны. Болѣе связное цѣлое представляютъ статьи: природа острововъ Великаго океана, значеніе лѣсовъ въ природѣ и въ человѣческой жизни, географическое распредѣленіе хлѣбныхъ растеній — статьи о полезныхъ растеніяхъ, каковы: кофе, сахарный

тростникъ, виноградъ, чай, хлопчатая бумага, ленъ и проч. (ихъ исторія и обработка), о характерпстичныхъ растеніяхъ у разныхъ народовъ, о вліяніи человѣка на природу и природы на человѣка.

44. Естественно-историческая хрестоматія. Сборникъ лучшихъ отрывковъ по естествознанію изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ современныхъ авторовъ. Томъ I. Изд. *В. Ковалевскаго*. 1866. Ц. 1 р. 50 к. (404 стр.).

Прекрасная книга, которая даетъ, при умѣренной цѣнѣ, самый обильный запасъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ естествознанія, но заключаетъ и многіе недостатки въ педагогическомъ отношеніи. Здѣсь безъ разбора смѣшаны статьи легкія съ самыми трудными, и нѣтъ ихъ распредѣленія по предметамъ, такъ что наставники должны внимательно просмотрѣть всю книгу, чтобы сдѣлать какой-нибудь выборъ. Кромѣ того здѣсь встрѣчаемъ много описаній чисто-географическихъ, каковы картины изъ путешествій, статьи Гюйо изъ книги «Земля и человѣкъ», переведенной и на русскій языкъ, которую мы разсмотримъ впослѣдствіи при обзорѣ географическихъ сочиненій. Впрочемъ, географія такъ близко сходится съ естествознаніемъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ описаній одинаково можно причислить къ той и другой наукѣ. Наиболѣе легкими статьями, которыя отчасти могутъ быть прочитаны уже 13-лѣтнимъ дѣтямъ, мы считаемъ: «Собака» по Брему, «Альпійскій заяцъ, или бѣлякъ» Чуди, «Альпійскій сурокъ» Чуди, «Пауки» Шейтлина, «Кофейное дерево» Скау (этого Скау въ книгѣ называютъ то Шоувъ, то Шувъ, то Скау), «Растеніе кока въ Перу» Чуди, «Арабъ и верблюдъ» Риттера, «Путешествіе по пустынѣ» Шуберта, «Степи и пустыни» Гумбольдта (Сахара, азіятскія и американскія степи), «Бедуины» Берггауза, «Мараньонъ» по Пеппиху (живая, немногими меткими чертами обрисованная картина), «Ніагарскій водопадъ» по Фремонту, «Вулканы» Бурмейстера. Другія статьи уже труднѣе, но еще годятся для юношей отчасти въ среднемъ возрастѣ, отчасти при переходѣ въ старшій. Таковы: «Сонъ растительнаго семени» Зейберта, «Жизнь злаковъ» Вагнера, «Цвѣтокъ» Шахта, «Приливъ и отливъ» Гейера, «Океанъ и материкъ» Гюйо, «Вѣтры тропическаго міра» Гюйо, «Неподвижныя звѣзды» Шмецера, «Рычагъ и блокъ» Отто Уле (статья очень разнообразная по содержанію, гдѣ указано на примѣненіе рычага во многихъ обыденныхъ случаяхъ жизни), «Рука Мазіуса» (статья, дающая живое понятіе о значеніи человѣческой руки, хотя и написанная нѣсколько изысканнымъ слогомъ), «Дыханіе» Фогта, «Единство человѣческаго рода» Бурдаха, «Человѣческія племена» Бурдаха (всѣ три статьи, богатыя фактами) и проч. Но рядомъ съ этими статьями есть еще много другихъ, изложенныхъ довольно тяжелымъ, отвлеченнымъ слогомъ, или неясныхъ по краткости въ изложеніи какого-нибудь сложнаго вопроса, требующаго болѣе обстоятельнаго

объясненія. Таковы, напримѣръ, статьи: «Міръ тѣлесный, сознаніе и чувство» Шлейдена, гдѣ авторъ говоритъ, что «сознаніе переводитъ на *свой языкъ* все, что̀ передаютъ ему нервы, и потому представленія суть *свободныя созданія* нашего сознанія», «Образованіе земли» Бурдаха, гдѣ встрѣчаемъ фразы: «Мы опираемся на идею безконечности творенія, какъ абсолютнаго организма, и въ этомъ смыслѣ объясняемъ различныя явленія, доступныя нашимъ чувствамъ», «Клѣточка, какъ органъ жизни», Шахта, гдѣ чуть не каждое слово требуетъ страницы объясненій, «Изъ основаній химіи» Либиха, статья неясная по своей отрывочности и пр. Такимъ образомъ «Естественно-историческая хрестоматія» не во всѣхъ частяхъ удовлетворяетъ свой цѣли, но по общему направленію ее все-таки надо назвать одною изъ самыхъ полезныхъ книгъ для юношества, вышедшихъ въ послѣднее время.

45. Химія кухни Отто Уле. Пер. съ нѣм. Изд. *В. Ковалевскаго*. 1865. Ц. 75 к. (264 стр.).

Уле — большой энтузіастъ своего предмета. По его словамъ, кухня «создаетъ работающее тѣло и орудіе мысли, головной мозгъ, питаетъ и смягчаетъ страсти, наполняетъ душу гордостью и энергіей, или ослабляетъ ее до унынія. Кухня есть продуктъ цивилизаціи». Онъ удивляется, какъ могутъ быть люди, «не имѣющіе никакого понятія о томъ, что можно радоваться обѣду, обращающіе на него такъ мало вниманія, что часто не помнятъ вечеромъ, что̀ ѣли за обѣдомъ!» Но съ научной высоты, на какую онъ ставитъ свой предметъ, слова его во многихъ отношеніяхъ справедливы: нѣтъ сомнѣнія, что пища, чрезъ посредство тѣла, имѣетъ вліяніе на характеръ и развитіе человѣка, и болѣе кроткій нравъ жителей восточной Океаніи не даромъ ставятъ въ зависимость отъ ихъ растительной пищи. Книга Уле представляетъ довольно обстоятельное изложеніе всѣхъ условій питанія. Онъ сначала подробно излагаетъ процессы пищеваренія и питанія, объясняя, каково достоинство разныхъ питательныхъ веществъ и какъ они превращаются въ кровь, и опровергая разныя ложныя по этому предмету мнѣнія. Потомъ подробно объяснено, какое значеніе имѣетъ кухонный огонь, т.-е. вареніе, печеніе и жаренье пищи, какія поддѣлки или отразы могутъ быть въ пищѣ; въ заключеніе находимъ статьи: о кухнѣ и ѣдѣ у грековъ, римлянъ и въ средніе вѣка, о пищѣ у разныхъ національностей, о значеніи народной кухни. Книга Уле вообще очень полезная и любопытная: авторъ, напримѣръ, сообщаетъ подробности объ устройствѣ газовыхъ печей, съ помощью которыхъ можно изжарить бифштексъ въ 2 мин. съ $^2/_4$ куб. фут. газа, а ведро воды вскипятить въ $4^1/_2$ мин. съ 1 куб. фут. газа; разсказываетъ, что на пиру у Филиппа Краснваго изъ Бургундіи мы впервые слышимъ про вилки и ножи, а Марія Стюартъ еще ѣла пальцами,—что готтентоты ѣдятъ стрекозъ, пчелъ, му-

равьевъ, китайцы — собакъ, кошекъ, червей и гусеницъ, а жители Новой Зеландіи и Отаити даже животныхъ, водящихся въ ихъ собственномъ тѣлѣ.

46. Исторія свѣчки, *М. Фарадея*, пер. съ англ. подъ ред. Н. Бекетова. 1866. Ц. 75 к. (191 стр. въ 1/16 д. л.). Въ этой книгѣ довольно наглядно и подробно изложенъ весь процессъ горѣнія и дано понятіе о газахъ, которые при этомъ образуются. Изложеніе мѣстами неясно по причинѣ быстрыхъ переходовъ отъ одного предмета къ другому.

47. Геологическія картины, *Бернгарда Котты*, проф. фрейбергской горной академіи, пер. и изд. подъ ред. П. Пузыревскаго. Съ 167 рис. въ текстѣ. 1859. Ц. 1 р. 50 к. (267 стр.).

Мы рекомендуемъ эту книгу, какъ наиболѣе простое и доступное описаніе геологическихъ переворотовъ, происходившихъ на землѣ, по общепринятой гипотезѣ объ образованіи земной коры чрезъ постепенное остываніе огненножидкой массы. Но картины Бернгарда Котты имѣютъ еще то преимущество, что онъ очень обстоятельно описываетъ современное намъ состояніе земли и тѣ перемѣны, какія продолжаются на ней донынѣ. Такъ, очень наглядны и занимательны его разсказы о дѣйствіи кратеровъ и о землетрясеніяхъ (описаніе Этны съ ея 700 кратерами, горы Хорулло, поднявшейся въ нѣсколько дней на 1,550 фут.), объ образованіи источниковъ (при чемъ особенно живо описаніе Гейзера, который авторъ называетъ паровой пушкой, выбрасывающей вмѣсто ядеръ воду), о дѣйствіи ледниковъ, объ образованіи горныхъ породъ изъ наносовъ, чрезъ осадки источниковъ, изъ растительныхъ веществъ, изъ микроскопическихъ животныхъ. При этомъ рисунки выбраны очень удачно и много способствуютъ наглядности.

48. Геологическіе очерки, *Л. Агассиса*, пер. съ англ. В. Ковалевскаго. Съ портр. автора и 47 рис. 1867. Ц. 1 руб. 50 к. (335 стр.)

Здѣсь напечатаны публичныя лекціи Агассиса, представляющія въ болѣе научной формѣ обстоятельное описаніе всѣхъ геологическихъ періодовъ съ ихъ растеніями и животными. Агассисъ начинаетъ съ древняго американскаго материка, потомъ изображаетъ силлюрійскій берегъ. По общепринятой системѣ, онъ различаетъ періоды: азойскій, силлюрійскій, девонскій, каменно-угольный, пермскій, тріасовый, юрскій, мѣловой и проч. Онъ объясняетъ происхожденіе горъ, ростъ материковъ, явленія третичнаго періода, образованіе, строеніе и движеніе ледниковъ. Описаніе растеній и животныхъ въ каждомъ періодѣ точное и не слишкомъ многосложное; но Агассисъ вообще не отличается живостью слога. Изъ многихъ другихъ сочиненій по тому же предмету мы укажемъ «Очеркъ исторіи земнаго шара», Россмесслера (2 части.

Изд. Тов. Общ. Пол., подъ ред. Пузыревскаго. 1861 — 1865. Ц. 2 р. 50 к.). Кто желалъ бы познакомиться и съ противоположными взглядами на исторію земли, тому надо обратиться къ сочиненію Мора («Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ». Соч. Фридриха Мора, пер. съ нѣм. И. И. Шульгинъ. 1868. Ц. 3 р. 50 к.). Въ этой книгѣ разобраны самые важные и любопытные вопросы, но понимать ее можетъ лишь тотъ, кто нѣсколько ближе знакомъ съ физикой, химіей и минералогіей. Основываясь на этихъ наукахъ, Моръ отвергаетъ всѣ принятые учеными геологическіе періоды и системы; по его словамъ, всѣ образованія происходили на землѣ одновременно, какъ совершаются и теперь. Доказывая, что на землѣ нѣтъ, кромѣ лавы, силикатовъ, образованныхъ иначе, какъ водянымъ путемъ, онъ считаетъ нелѣпымъ мнѣніе о дѣйствіи подземныхъ газовъ, о поднятыхъ ими горахъ, подъ которыми въ такомъ случаѣ должны бы оставаться громадныя пустоты. Землетрясенія объясняетъ онъ осяданіемъ, паденіемъ и разрушеніемъ скалъ во внутреннихъ пластахъ земли, размытыхъ водою, при чемъ образуется и теплота, плавящая земли и производящая изверженія. Въ примѣръ приводитъ онъ удары громаднаго пароваго молота на фабрикѣ Круппа въ Эссенѣ, и съ точностью вычисляетъ, какая громадная теплота можетъ произойти отъ паденія и движенія массъ. Внутренней своей теплотой, по его словамъ, земля обязана дѣйствію солнца; горячіе источники образуются вслѣдствіе простаго тренія при проходѣ воды чрезъ разные пласты земли, и проч. Хотя доказательства Мора и подрываютъ значительно старую гипотезу объ огненножидкомъ ядрѣ земли, но она до сихъ поръ, по связности и полнотѣ, какую даетъ ученію о происхожденіи земли рядомъ съ другими небесными тѣлами, не потеряла своего значенія.

49. Небесныя свѣтила, или планетные и звѣздные міры, популярное изложеніе великихъ открытій и теорій новѣйшей астрономіи. Сочин. *О. М. Митчеля*, директора цинцинатской обсерваторіи. Перев. съ англ. *Андрей Минъ*. 1859. Ц. 1 руб. (428 стр.).

Мы считаемъ небезполезнымъ познакомиться съ этими лекціями, хотя и читанными назадъ тому около 30 лѣтъ въ Америкѣ. У автора мѣстами есть пустыя разглагольствія, какъ, напримѣръ, о томъ, что̀ могъ думать праотецъ Адамъ, когда въ первый разъ увидѣлъ заходящее солнце, но въ цѣломъ изложеніе книги очень дѣльное. Авторъ постепенно знакомитъ съ устройствомъ звѣзднаго міра, разсказывая всю исторію астрономическихъ открытій. Онъ сперва задаетъ вопросъ, что̀ могли замѣтить первые наблюдатели въ движеніи луны и звѣздъ, описываетъ открытіе первыхъ планетъ, первыя предсказанія касательно затмѣнія луны и солнца. Послѣ того онъ переходитъ къ

ученію Пиѳагора, Гиппарха, Птоломея, къ открытіямъ Коперника и Кеплера. Обстоятельно разсказавъ о заслугахъ Галилея и Ньютона, онъ излагаетъ и новѣйшія изслѣдованія, объясняетъ задачи новѣйшей астрономіи (теорія Лапласа; масштабъ, по которому построена вселенная; перемѣны въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ).

50. Желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, и проч. Разсказы для дѣтей. Переводъ съ англ. *Э. Европеусъ* и *Е. Ценниной*. Съ 13-ю рис. 1864. Ц. 65 к. (154 стр.).

51. Важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности. Соч. *Л. Фигье*. Изд. подъ ред. *П. Степанова*. Втор. изд. съ 109 полит. 1862. Ц. 1 р. 50 к. (364 стр.).

52. Библіотека техническихъ и промышленныхъ производствъ. Изд. «Тов. Общ. Пол.», 7 частей. 1860. Цѣна за каждую часть отдѣльно 1 р. (6-я и 7-я вмѣстѣ за 1 р.); за всѣ 7 частей — 5 р. (отъ 113 до 358 стр.).

Первая изъ названныхъ книгъ представляетъ рядъ легкихъ разсказовъ (годныхъ впрочемъ для чтенія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ), о паровыхъ машинахъ, о желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, о разнаго рода телеграфахъ, о тунелѣ подъ Темзою, о кораблестроеніи, о веревочныхъ мостахъ въ Индіи, о водолазномъ колоколѣ, о трубчатыхъ мостахъ въ Англіи, о Эддинстонскомъ маякѣ. Авторъ этой книги имѣлъ въ виду англійскую публику и помѣщаетъ порою мелкіе извѣстія или анекдоты, мало для насъ занимательные; мѣстами описанія сложны и не совсѣмъ ясны; но вообще тутъ очень живо разсказана вся исторія упомянутыхъ изобрѣтеній съ самыхъ древнихъ временъ до настоящаго времени. При описаніи замѣчательныхъ работъ, произведенныхъ въ Англіи, съ точностью вычисленъ ихъ объемъ, приведены ихъ цѣны, и проч. Сочиненіе Фигье у насъ довольно извѣстно уже по французскому подлиннику. Въ немъ до 30 статей, знакомящихъ насъ съ важнѣйшими изобрѣтеніями, каковы: книгопечатаніе, гравированіе, порохъ, компасъ, писчая бумага, часы, фарфоръ и фаянсъ, стекло, телескопъ, примѣненія пара и электричества, артезіанскіе колодцы, висячіе мосты, каучукъ. Въ описаніи нѣтъ излишнихъ подробностей; но физическіе законы объяснены довольно поверхностно и языкъ перевода не вездѣ безукоризненъ. Книга все-таки очень полезная, могущая дать самыя необходимыя свѣдѣнія о главныхъ открытіяхъ. «Библіотека техническихъ и промышленныхъ производствъ» представляетъ болѣе полные разсказы о тѣхъ же предметахъ; въ ней кромѣ того есть статьи по архитектурѣ, по земледѣлію и скотоводству, и проч. Такъ-какъ книги продаются и отдѣльно, то мы укажемъ, что заключается въ каждой части: 1. Исторія бумаги, книгопе-

чатаніе, самопечатаніе или химическое печатаніе, рѣзьба на деревѣ, гравированіе на мѣди, печатаніе на камнѣ. 2. Изобрѣтеніе стенографіи, фотографія, порохъ, электричество и магнетизмъ, громоотводы, телеграфы, микроскопъ и телескопъ. 3. Воздушные шары, различнаго рода освѣщеніе, паровыя машины. 4. Строительное искусство и ремесло, глина, фарфоръ, стекло. 5. Прядевье и тканье. 6. Земледѣліе и скотоводство. 7. Обработка сельско-хозяйственныхъ произведеній (сахаръ, вино, пиво, водка, и проч). Сочиненіе это составлено подъ редакціею разныхъ лицъ: Рыжова, Гремина, Наумова, и потому изложеніе въ немъ неодинаково: въ одномъ мѣстѣ (особенно вначалѣ) мы встрѣчаемъ черезчуръ много утомительныхъ подробностей, въ другомъ предметъ описанъ поверхностно и не совсѣмъ ясно. Примѣненія къ русской жизни, къ русскимъ промысламъ тутъ собственно нѣтъ никакого, и странно читать, когда составитель, въ статьѣ о земледѣліи, эмфатически восклицаетъ: «широко раскинулась русская земля и щедро награждаетъ прилежнаго селянина за его труды!.. Да сбудутся полезныя начинанія, направленныя къ благу и славѣ нашего отечества». Но о нѣмецкой изобрѣтательности мы узнаемъ чрезвычайно много: такъ находимъ подробнѣйшее описаніе знаменитой придворной печатни въ Вѣнѣ (гдѣ до 900 работниковъ, до 175 мил. литеръ, до 500 нѣмецкихъ азбукъ и до 122 азбукъ другихъ языковъ), узнаемъ подробно жизнь и опыты Зенефельдера въ Мюнхенѣ, споры нѣмецкихъ стенографовъ, и проч. Изданіе это, при нѣкоторыхъ его недостаткахъ, все-таки заслуживаетъ вниманія.

53. Физіологія обыденной жизни, соч. *Г. Г. Льюиса*. Перев. съ англ. проф. моск. унив. *Я. А. Борзенковъ* и *С. А. Рачинскій*. Изд. 3-е, съ полит. Изд. А. И. Глазунова. 1864. Ц. 3 руб.

Сочиненіе Льюиса у насъ хорошо извѣстно. Мы только напомнимъ читателю его занимательныя, совершенно популярныя статьи о голодѣ и жаждѣ, о питательныхъ веществахъ и пищеваренін, о дыханіи и обращеніи крови. Авторъ обращаетъ здѣсь должное вниманіе на разницу между химическими и физіологическими отправленіями. Въ статьяхъ о нервной системѣ, Льюисъ особенно занимаетъ дѣятельность спиннаго мозга, которую онъ разсматриваетъ, какъ совершенно независимую отъ дѣятельности головнаго, придавая ей даже особаго рода сознательность. Притомъ онъ признаетъ особую чувствительность въ двигательныхъ нервахъ, идущихъ къ мышцамъ, несходную съ чувствительностью въ нервахъ кожи. Такимъ образомъ различаетъ онъ три формы сознательности: 1, системную, 2, сознательность чувства и 3, сознательность мысли. Всѣ эти вопросы очень любопытны, не говоря уже объ ихъ живомъ изложеніи въ книгѣ Льюиса.

54. Физіологическія картины. Соч. *Люд. Бюхнера.* Пер. съ нѣм. *С. А. Усовъ.* Изд. 2-е А. И. Глазунова. 1866. Ц. 1 р. 25 к. (232 стр.).

Рядъ чрезвычайно живыхъ разсказовъ о кровообращеніи, дыханіи и развитіи человѣка подъ названіями: Сердце, Кровь, Теплота и жизнь, Клѣточка, Воздухъ и легкія, Хлороформъ. Искусство Бюхнера состоитъ въ умѣньи выбрать и ярко освѣтить самыя занимательныя подробности о всѣхъ этихъ предметахъ, слѣдуя изслѣдованіямъ Шванна, Моля, Келликера, Бронна, и проч.

55. Душевныя болѣзни. *В. Гризингера*, проф. берл. унив. Пер. съ 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. *Овсянникова.* Изд. *В. Ковалевскаго.* 1867. Ц. 3 р. (610 стр.).

56. Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ, д-ра *У. Сенкея.* Пер. съ анг. *И. Исагина,* подъ ред. *В. Н. Чехова.* Изд. *Бакста.* 1868. Ц. 1 р. 50 к. (317 стр.).

Книги эти мы назначаемъ болѣе для развитія взрослыхъ, такъ-какъ имѣемъ въ виду не однихъ дѣтей, или юношей, не сошедшихъ со школьной скамейки, но и все наше мало-мальски мыслящее общество. Мы признаемъ ихъ важное значеніе для общаго образованія, а не для однихъ лицъ, спеціально занятыхъ предметомъ, и увѣрены, что онѣ будутъ доступны тому, кто уже знакомъ съ первыми основаніями физіологіи. Книга Гризингера вовсе не такая спеціальная, какъ можно было бы думать, судя по заглавію. Особенно первыя три части, гдѣ описаны общія свойства умопомѣшательства, его причины и формы душевныхъ болѣзней, заключаютъ съ одной стороны довольно простое и ясное изложеніе психическихъ отправленій (ощущеніе, умъ, чувство, воля), которое можетъ послужить въ пользу мало знакомымъ съ психологіею; съ другой мы находимъ множество любопытныхъ разсказовъ на всѣ случаи умственнаго разстройства. Пусть читатель просмотритъ хоть статьи о галлюцинаціяхъ: тутъ разъясняется цѣлый міръ явленій, которыя въ малообразованномъ кругу служатъ источникомъ всевозможныхъ суевѣрій и ошибокъ. Понимать Гризингера вообще не трудно: немногія мѣста, гдѣ встрѣчаются спеціальныя патологическія изслѣдованія болѣзни, можно опустить безъ нарушенія связи. Такова особенно часть 4-я, излагающая патологическую анатомію мозга и прочихъ органовъ. Въ 5-й части опять находимъ общезанимательныя свѣдѣнія объ уходѣ за умалишенными. Сочиненіе Сенкея уже отъ начала до конца можетъ быть прочтено безъ особеннаго умственнаго напряженія. Въ немъ нѣтъ такъ много примѣровъ на всѣ виды болѣзни, но за то авторъ излагаетъ свой предметъ въ чрезвычайно простой и послѣдовательной системѣ. Вначалѣ

онъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ дѣятельность нервовъ, извѣстная подъ именемъ возбудительно-двигательной; тутъ ясно можно отличить три стороны: приводъ, центръ и отводъ (напримѣръ, уколъ руки производитъ раздраженіе въ нервѣ, который тотчасъ передаетъ это раздраженіе въ центръ, въ спинной мозгъ—приводъ къ центру; здѣсь раздраженіе переходитъ на мышечный нервъ, преобразуясь въ движеніе, и я, напримѣръ, отдергиваю руку—отводъ отъ центра). Сенкей очень искусно тѣ же дѣйствія привода, центра и отвода указываетъ во всѣхъ психическихъ явленіяхъ: въ ощущеніяхъ, въ сознаніи, въ волѣ, въ чувствѣ. Потомъ всѣ случаи душевныхъ болѣзней онъ дѣлитъ на случаи съ угнетеніемъ и возбужденіемъ мозга и на случаи слабоумія и идіотизма. Для тѣхъ, кого близко касается вопросъ о вмѣняемости преступленій, у Сенкея найдутся очень поучительные факты изъ случаевъ хроническаго помѣшательства, особенно съ эпилептиками, которыхъ никто не хотѣлъ считать больными, пока болѣзнь не выказывалась во всей своей силѣ, какъ было съ однимъ ученикомъ, убившимъ своего любимаго товарища. Не менѣе поучительны и такія данныя, что 1 помѣшанный бываетъ на 50 человѣкъ бѣдныхъ и на 3,982 богатыхъ и что время, когда является наиболѣе умалишенныхъ, соотвѣтствуетъ времени наибольшей скудости въ средствахъ къ жизни. Вообще на душевныя болѣзни нельзя смотрѣть, какъ на какія-нибудь рѣдкія исключительныя явленія: тутъ есть безконечныя степени, начиная съ обыкновенной раздражительности нервовъ до совершеннаго притупленія умственныхъ способностей въ слабоуміи. Слѣдовательно, книга, научающая различать и предупреждать ихъ, полезна для всякаго.

57. Питаніе и выборъ пищи по возрастамъ, временамъ года, занятіямъ и состоянію здоровья. Докт. *Реклама*. 1865. Ц. 35 к. (112 стр.).

58. Практическое примѣненіе естественныхъ наукъ къ требованіямъ личнаго существованія. Докт. мед. *Г. Кленке*. 1866. Ц. 1 р. 50 к. (344 стр.).

59. Человѣкъ и сохраненіе его здоровья. Докт. *Фр. Эстерлена*. Изд. подъ ред. *Н. Бакста*. 1863. Ц. 2 р. (160 стр.).

60. Ученіе о здоровьи. Докт. *Отто Шраубе*. Перев. подъ ред. *А. Герда*. Изд. *Н. А. Тиблена*. 1867. Ц. 1 р. 30 к. (375 стр.).

Мы указали здѣсь рядъ книгъ, также имѣющихъ общеобразовательное значеніе. Мы рекомендуемъ особенно книгу Реклама, какъ самую дешевую и все-таки дающую понятіе о главнѣйшихъ условіяхъ питанія, и книгу Отто Шраубе, какъ самое пол-

ное руководство къ сохраненію здоровья вообще, гдѣ этотъ предметъ разсмотрѣнъ въ всѣхъ отношеніяхъ: ея цѣна также очень умѣренна сравнительно съ другими указанными нами сочиненіями, съ которыми при случаѣ ознакомиться тоже небезполезно. Рекламъ, слѣдуя Либиху, раздѣляетъ пищу на пластическую и дыхательную, разсматриваетъ ту и другую и особенно рекомендуетъ мясной экстрактъ Либиха; потомъ онъ говоритъ и о веществахъ, способствующихъ питанію. О выборѣ пищи по времени, по занятіямъ, по состоянію организма находимъ лишь краткія свѣдѣнія. Кленке кромѣ этого изслѣдуетъ всѣ обстоятельства, при которыхъ человѣкъ можетъ вредить своему здоровью, говоритъ о снѣ и бдѣніи, о значеніи воздуха, свѣта и воды, о воспитаніи тѣла и духа, о климатѣ, платьѣ и жилищѣ, и проч. Онъ сильно осуждаетъ тѣхъ, которые думаютъ, что, разстроивъ свое здоровье неправильной жизнью, можно поправить его лекарствами, и особенно ратуетъ противъ неподвижности, лѣности и роскоши богатыхъ людей. По его словамъ, средняя продолжительность жизни все болѣе доходитъ до 28 лѣтъ, $^1/_4$ умираетъ ранѣе 7 лѣтъ, $^1/_2$ ранѣе 17 лѣтъ, изъ 100 только 9 доживаютъ до 65. Эстерленъ обращаетъ вниманіе также на экономическія условія, ведущія къ сохраненію общественнаго здоровья. Онъ объясняетъ, что поденщики, ремесленники живутъ отъ 25 до 30 лѣтъ, тогда какъ люди изъ высшихъ состоятельныхъ класовъ отъ 66 до 80, что въ хорошихъ частяхъ города умираетъ 1 на 60, въ дурныхъ 1 на 20, что въ Крыму у англичанъ 9,393 человѣка умерло отъ болѣзней и только 755 на полѣ битвы. Высчитано, что при естественномъ положеніи вещей должно бы умирать 10 или 15 человѣкъ на 1000, между тѣмъ, какъ умираетъ отъ 20 до 40 и даже до 50. Какъ же помочь дѣлу? Обыкновенныя полицейскія распоряженія въ родѣ запрещенія употреблять вредныя краски для конфектъ тутъ недостаточны: необходима хорошо выработанная система общественной гигіены. Однако, въ чемъ состоитъ эта гигіена,—Эстерленъ хорошенько не объясняетъ... Да и много ли тутъ помогутъ мудрѣйшія правила, пока не измѣнится все экономическое положеніе народа? Вообще стремиться къ тому, чтобы замѣнить медицину гигіеной—дѣло очень похвальное; но эта новая наука еще долго будетъ существовать для однихъ людей достаточныхъ, которые имѣютъ возможность во всей полнотѣ примѣнить къ жизни ея предписанія: жить въ свѣтлой, просторной, хорошо освѣжаемой комнатѣ, не работать по ночамъ, избирать наиболѣе питательную пищу, и проч. Шраубе, напримѣръ, совѣтуетъ ремесленникамъ и рабочимъ составлять гимнастическія общества и посѣщать ихъ взамѣнъ харчевень. Въ концѣ книги у него представленъ также длинный списокъ ремеслъ, указаны ихъ вредное дѣйствіе на здоровье, и способы, какъ устранить такое вліяніе; вообще мы находимъ у Шраубе подробнѣйшія свѣдѣнія о питаніи, о воздухѣ, о работѣ, о половыхъ отношеніяхъ, объ уходѣ за

больными. Но все это превосходно тамъ, гдѣ жизнь уже уложилась въ совершенно правильную норму. Въ дополненіе къ книгѣ Шраубе, читателю можетъ послужить въ пользу еще сочиненіе Бока: «Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ» (пер. съ нѣм. Г. Паульсонъ и К. Бемеръ. 1858. Ц. 2. р. 60 к.).

NB. Кончая здѣсь обзоръ естественно-историческихъ сочиненій, служащихъ для общаго образованія, мы еще предоставляемъ себѣ случай въ другой разъ кое-что сказать о книгахъ, касающихся болѣе трудныхъ вопросовъ естествознанія: о происхожденіи видовъ, о силахъ природы, разсматриваемыхъ, какъ различный родъ движенія, объ отношеніи человѣка къ природѣ, и проч.

В. Водовозовъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки